

1917 РЕВОЛЮЦІЯ. КРИЗИС. ПРОВІНЦІЯ **1922**

**РЕВОЛЮЦІЯ
КРИЗИС
ПРОВІНЦІЯ
1917-1922 гг.**

Институт истории и культуры региона
Центра стратегических исследований Ульяновской области
Союз краеведов Ульяновской области

1917-1922 гг.:
РЕВОЛЮЦИЯ. КРИЗИС. ПРОВИНЦИЯ

Ульяновск
2020

УДК 94 (470+571)
ББК 63.3(2)6
Р32

Рецензенты:

В. В. Романов — д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор Ульяновского государственного университета

Н. Е. Каунова — канд. ист. наук, доцент Ульяновского государственного университета

ISBN 978-5-6043995-9-0

Р-32 1917–1922 гг.: революция, кризис, провинция : моногр. / отв. ред. Н.В. Липатова, С.А. Прокопенко Ульяновск, 2020. – 528 с.

Коллективная монография посвящена наиболее острым теоретическим вопросам Великой российской революции, национальным аспектам развития революционного процесса. В основе издания – вторая часть материалов I-го Международного форума историков, философов и публицистов «1917–1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов». Среди авторов историки из России, Казахстана, Италии, Франции, Великобритании, Германии, Словакии, Беларуси, Монголии.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, краеведам, архивным и музейным работникам, аспирантам и студентам.

© Коллектив авторов, 2019, 2020.

© АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», 2019, 2020

© Союз краеведов Ульяновской области, 2019, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОВИНЦИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

(Надежда Липатова, Сергей Прокопенко)7

ГЛАВА 1. ОСМЫСЛИВАЯ РЕВОЛЮЦИЮ13

Кризисное состояние общества: онтологический и методологический аспекты
(Ирина Зубова)..... 13

Спорные вопросы концепта «Великая российская революция»
(Сергей Прокопенко)..... 22

Сто лет Российской революции: регионализм и интернационализм в смутные времена в вековой перспективе (Александр Маршалл)..... 30

100 Years of the Russian Revolution Centenary Perspectives on Regionalism and Internationalism in Troubled Times (Alex Marshall)..... 41

1917 г. в современной русскоязычной историографии
(Вячеслав Меньковский). 51

«Новые» документы – Россия и 1917 г. Находки из немецкого трофейного фонда Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации
(Маттиас Уль)..... 59

ТОЧКА ЗРЕНИЯ 68

Разинщина и пугачевщина XX в. Гражданская война в Поволжье: к осмыслению феномена (Валерий Кузнецов)..... 68

ГЛАВА 2. ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ72

Создание «красной губернии»: Иваново-Кинешемский промышленный район в 1917 – 1922 гг. (Михаил Тимофеев) 72

Дипломатическая столица России 1918 г. Феномен Вологды
(Кирилл Быков) 80

Земские органы самоуправления Среднего Поволжья в условиях демократизации политической системы после февраля 1917 г.
(Татьяна Кобзева) 87

Городское самоуправление Перми в условиях прихода к власти большевиков в 1917 г. (Вадим Тетерин)..... 95

Противодействие населения политике аккультурации в 1917 г. (на примере юго-восточной окраины)
(Сергей Любичанковский)..... 100

Красная гвардия: петроградские рабочие в Симбирске
(Антон Долматов) 102

<i>Вопросы войны и мира в условиях революционного времени. Позиция меньшевиков (Надежда Романова)</i>	108
<i>Формирование чешских военных подразделений на примере Симбирской губернии (Берик Дулатов)</i>	115
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	118
<i>Становление автономии чувашского народа в 1917 – 1921 годах: периодизация и новые подходы (Сергей Щербаков)</i>	118
ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРИЗИСЫ НА ОКРАИНАХ ИМПЕРИЙ	127
<i>Образование казахских политических партий (Светлана Ковальская)</i>	127
<i>Политические партии Казахстана и советская власть (Гаухар Абдрахманова)</i>	134
<i>Эхо революции 1917 г. на юге российской империи – в Бессарабии – в контексте современных геополитических устремлений в Молдове (Василий Сакович)</i>	138
<i>Об особенностях процессов в национальных провинциях России в условиях революционного кризиса 1917 – 1918 гг. (на примере болгарских и гагаузских сел юга Бессарабии) (Елизавета Квилликова)</i>	148
<i>Чехословакия в период национальной и социальной революции (1918 – 1919 гг.): провинциальный аспект Словакии и Подкарпатской Руси (Марек Сирный)</i>	161
ГЛАВА 4. ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ	170
<i>Трансформация образа монархии в общественном сознании российского обывателя в условиях революционного времени (Елена Горбунова)</i>	170
<i>Имена революции в названиях улиц Симбирска – Ульяновска (к изучению микротопонимики российской провинции) (Александр Рассадин, Вячеслав Ильин)</i>	180
<i>Российская революция и развитие Монгольского государства (1917 – 1922). Трансформация оценок (Галиймаа Нямаа)</i>	194
<i>Октябрьская революция в зеркале итальянской провинциальной печати в 1917–1918 гг.: на примере газеты “Бергамское эхо” (Уго Перси)</i>	206
<i>Послереволюционные годы в воспоминаниях потомственного почетного гражданина Мурома К. В. Жадина (Анна Горская)</i>	215
<i>Октябрьская революция в воспоминаниях ее участников (по материалам Национального музея Республики Татарстан) (Анастасия Мокрополова)</i>	222
<i>Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917 – 1918 гг.) (Екатерина Самушкина)</i> ...	226
<i>Второй мусульманский съезд Карсунского уезда в 1920 г. (Александр Кобзев)</i>	233

ТОЧКА ЗРЕНИЯ..... 242

Трансформации идей татарского национального движения в преддверии Великой российской революции на примере материалов газеты «Тормыш» («Жизнь»)
(Римма Вильданова)..... 242

ГЛАВА 5. ЛИЧНОЕ ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ.....249

Мотивы психологической и практической вовлечённости профессиональных революционеров в общественно-политическую деятельность в период 1917 – 1920 гг. (по материалам поволжских губерний) (Татьяна Кочепасова)..... 249

Жизненная траектория Э. П. Цытовича в 1917 – 1922 гг.: от учителя царских детей до профессора советских вузов (Александр Рожков)..... 264

Революционный кризис начала XX в. в судьбах общественных деятелей Вятского края: осмысление биографий Н. В. Алашеева и И. Н. Кибардина
(Денис Кондрашин)..... 272

Лица революции (по материалам Национального музея Республики Татарстан)
(Вера Иванова) 278

Грозненцы-белоэмигранты: возвращение из забвения
(Алексей Головлёв)..... 286

Генерал Болдырев – командующий войск Директории: политик, дипломат, патриот Симбирска (Олег Розов)..... 293

ТОЧКА ЗРЕНИЯ..... 303

Культурные стратегии власти в провинции: ярославский текст
(Наталья Дидковская) 303

ГЛАВА 6. КРЕСТЬЯНСКАЯ МЕРКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ..... 309

Великая российская революция как пролог крестьянской трагедии XX в.
(Олег Хасянов) 309

Особенности земельных отношений на Кубани в годы революции и Гражданской войны (1917 – 1920 гг.)
(Любовь Семененко)..... 318

«Свой» и «чужой» в крестьянской среде в годы революционных событий (1917 – 1922 гг.) (Денис Бузаев) 325

Наследство революции? Моральный облик председателей колхоза Ульяновского района Куйбышевского края (1936 – 1938 гг.)
(Дмитрий Точёный, Наталия Точёная)..... 331

ГЛАВА 7. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 360

В условиях кризиса и революции: миграционные вопросы провинциальной повседневности в Словакии в 1918 – 1922 гг. (Михал Шмигель) 360

<i>Повседневность Приамурской окраины начала 1917 – 1922 гг. (Леонид Бляхер)</i>	371
<i>Революционные будни в дворянских усадьбах Симбирской губернии (на материалах дневника Иосифа Сергеевича Ильина) (Вероника Жобер)</i>	383
<i>Стратегии выживания симбирян в условиях социокультурной катастрофы времён революции и Гражданской войны (Марина Бравина)</i>	390
<i>Уровень жизни. Симбирская губерния. Начало 1920-х гг. (Лев Лютов)</i>	396
<i>Источники сообщают... Обзор сборника документов «Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917 – марте 1918 гг. (Надежда Липатова)</i>	404
<i>Государственное регулирование труда несовершеннолетних работников в России в конце девятнадцатого века (Константин Ефимов)</i>	419
<i>Медико–санитарное состояние 1-й армии Восточного фронта летом-осенью 1918 г.: военно-антропологический аспект (Евгений Наумов)</i>	427
<i>Женщины Симбирской губернии в 1917 г. (Надежда Чугунова)</i>	435
<i>Провинция накануне Великой российской революции (на примере Самарской и Саратовской губерний) (Юрий Каргин)</i>	443
<i>Посад Мелекесс Ставропольского уезда Самарской губернии в революциях 1917г. (Ирина Шамигулова)</i>	448
<i>«Вот и тянет меня к Вам в Петроград». Повседневная жизнь городской провинциальной усадьбы (по мемуарным источникам 1918 – 1922 гг.) (Елена Ризаева)</i>	457
<i>Художественные промыслы в культуре повседневности (Елена Ежова)</i>	467
<i>Провинциальный город как хранитель памяти: семиотика скульптуры (Анна Старшова)</i>	473
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	480
<i>Провинциальная повседневность: перспективность научного направления (Анна Тихонова)</i>	480
ГЛАВА 8. НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕЛИ	486
<i>Ульяновский округ в буднях великих строек. Первый пятилетний план: международное и региональное измерение (Татьяна Качкина)</i>	486
<i>Невидимая революция в аграрной политике постсоветской России (Светлана Барсукова)</i>	511

ПРОВИНЦИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

Сила России – в её многообразии. Осознание обществом этого факта выводит в настоящее время на авансцену региональный аспект изучения отечественной истории. Разнообразие состава населения, вариативность природно-климатических, социально-экономических и историко-культурных условий серьёзно влияли и влияют на единые общенациональные процессы, на масштабы, глубину и степень трансформаций. Комплексное рассмотрение революционного процесса в провинции позволяет выявить основные институциональные коллизии и попытки, как успешные, так и неудавшиеся, их преодоления в ходе 1917 г. Локализация революции корректировала и даже меняла изначальный импульс, давая богатую палитру реакций и задавая параметры многообразия российского революционного процесса.

Двадцатый век скрылся за горизонтом. То был век разрушения империй и создания новых государств, ломки прежних представлений о мире и утверждения новых идеологий, появления невиданных технологий и больших строек, радикального преобразования земных ландшафтов и освоения космического пространства. Это был век, в котором спрессовались в одно целое войны и революции, победы и катастрофы, надежды и разочарования. Век всеобщей вовлечённости в происходившие исторические события и их вторжения в жизнь чуть ли не каждой семьи. Век, насыщенный невероятной энергией порыва, сочетавшего в себе противоборствующие процессы разрушения и созидания в масштабах, невиданных ранее в истории.

Великая российская революция – единый процесс, охвативший период с 1917 по 1922 гг. Свержение монархии и не стихающие споры весь 1917 год о том, какой быть новой свободной России, первые шаги по построению демократической России и радикализация политической борьбы, приход большевиков к власти в октябре 1917 г. и трагичный период Гражданской войны, сросшейся с интервенцией.

Сегодня мы можем взглянуть на эти события пока ещё, безусловно, не беспристрастно, но взвешенно и обдуманно, оценить не только приобретения, но и потери, понять трагизм глубинного кризиса вековой давности, увидеть в противоречиях революционного времени ту многогранность, которая составляет основу современной России, осознать цену, которую Россия заплатила за революционную форму модернизации.

Великая российская революция 1 сентября (14 сентября по н. ст.) 1917 г. учредила новую форму государственного устройства – республику, строй, основанный на принципе выборности народом руководителей своего

государства. Именно в республиканской форме правления заложен механизм взаимодействия государства и общества на паритетных началах. Однако путь обретения баланса между этими составляющими республиканского строя был осложнён избыточными силовыми решениями, стремлением быстро и с помощью репрессивных мер выстроить кажущуюся единственно верную модель счастливого будущего.

Революция положила начало грандиозному историческому проекту – созданию мощного государства Союза Советских Социалистических Республик, ставшего парадоксально и могильщиком, и преемником исторической России. Это была попытка модернизации, своими корнями уходившая в цивилизационную специфику России с её общинной основой, православием и самодержавием, но на новой светской основе. Стремление выковать в кратчайшие сроки нового человека заставило государство отбросить всё то, что казалось ему отжившим, устаревшим, консервативным, включая религиозное мировоззрение, с которым, как казалось на старте, страна прощается навсегда.

Важным итогом революции стало пробуждение творческой энергии народа. Об этом говорят энтузиазм первых послереволюционных десятилетий, культурная революция, развитие науки, формирование нового искусства, создание условий для развития национальных культур. Метанациональная основа формирования нового советского человека и провозглашённая вторичность его этнической идентичности, с одной стороны, создали условия для развития национальных автономных республик в составе страны, а с другой – давали в руки государства инструмент распоряжения судьбами целых народов, обращение с которым требовало мудрости и взвешенности решений, что не всегда оказывалось под силу руководителям молодой советской республики.

Вместе со страной преобразались не только люди, но и огромные территории. До неузнаваемости менялся прежний облик российских регионов: от образа российской глубинки, бережно сохраняемого литературной классикой XIX столетия, до экспериментальных площадок на старте XXI в., запечатлённых прежде всего публицистикой и сухим языком документов. Сила России – в её регионах, инвариантности одного и того же процесса. Локализация революции корректировала и даже изменяла изначальный импульс, давая богатую палитру реакций, задавая параметры многообразия российского революционного процесса и одновременно не позволяя в самых острых моментах уйти в однозначный сценарий развития ситуации.

1 Международный форум историков, философов и публицистов.

6 – 7 декабря 2017 г. в г. Ульяновске прошёл I международный форум историков, философов и публицистов «1917 – 1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов» при поддержке Российского исторического общества, фонда «История Отечества», Фонда президентских грантов, губернатора и

правительства Ульяновской области. Масштабное обсуждение стало завершающим аккордом мероприятий, прошедших в Ульяновской области к столетию Великой российской революции. Акцент в работе форума был сделан на извлечение уроков из прошлого, дабы не допустить повторения трагического раскола общества, привить политическую культуру согласования интересов и выбора оптимального проекта будущего. Во главу угла была поставлена задача преодоления разрыва между научным пониманием прошлого и обыденным знанием¹.

Формат форума позволил организовать многофункциональную площадку для обсуждения острых и спорных вопросов периода 1917 – 1922 гг., происходивших в российской провинции. В его работе приняли участие не только историки, но и философы, политологи, социологи, культурологи, писатели и публицисты из 25 городов России и 13 стран. В связи с большим количеством материалов было принято решение разделить материалы форума на две части. Первая часть – это материалы межрегионального краеведческого форума, который влился в международный форум. Они были изданы в 2018 г.² Этот сборник отразил структуру форума, основные обсуждаемые проблемы, в него вошли материалы круглых столов и дискуссионных площадок. Первая часть материалов форума является отражением многогранной палитры мнений и знаний о революции, начиная от обыденно-образных представлений до теоретического осмысления кризисных явлений и революционных процессов, давая тем самым материал для дальнейших размышлений и научных изысканий, посвящённых в том числе и исторической памяти разных поколений.

Проведение Форума историков, философов и публицистов в год столетия Великой российской революции в Ульяновске символично. Симбирско-Ульяновский край оказался прочно вплетён в общероссийскую историческую канву. «По иронии судьбы три человека, жизнь которых тесно сплелась в критические годы истории России – всеми ненавидимый

¹ В работе форума приняли участие: заслуженный проф. Сорбонны, главный редактор журнала «La Revue Russe» В. Жобер, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург) Б. И. Колоницкий, член президиума Российского исторического общества, академик, член президиума РАН, д. и. н., почётный президент истфака МГУ, глава экспертного совета Макарьевского фонда (РПЦ) С. П. Карпов, д. и. н., руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН В. В. Кондрашин, проф. Университета Глазго А. Маршалл, лауреат премии «Книга года – 2017», журналист, литературный критик, редактор отдела культуры «Российской газеты» Л. А. Данилкин и др.

² 1917 – 1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов. Материалы Международного форума историков, философов и публицистов и Межрегионального краеведческого форума к столетию Великой российской революции 6 – 7 декабря 2017 г. в г. Ульяновске / под ред. О. Р. Хасянова, Н. В. Липатовой. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2018, 304 с. Издание подготовлено в рамках гранта № 17-1-01015 Фонда президентских грантов.

последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, Владимир Ленин и я – были уроженцами Симбирска», – отмечал в своих воспоминаниях А. Ф. Керенский.

В связи с фундаментальностью материалов, поступивших на форум, оргкомитетом было принято решение вторую часть материалов издать в формате коллективной монографии. Революционный процесс многообразен, и в предлагаемом издании сделана попытка ответить на наиболее частые, актуальные и волнующие вопросы, затрагивающие жизнь провинции в условиях кризиса: одна или две революции, когда и как появился концепт «Великая российская революция», была ли в кризисе созидательная сила, что о нашей революции писали в других странах, какие механизмы запустили революционный процесс в провинциальном пространстве, есть ли общее между европейскими и российскими реалиями в провинциальной жизни, какие параллели можно провести между теми процессами и современными событиями, которые развивались на теперь уже постсоветском пространстве, и какова роль наследия революционной эпохи в кризисах современности. На эти и многие другие вопросы читатель найдёт ответы на страницах этой книги.

О структуре издания. Монография разбита на восемь глав, каждая из них отражает смысловой блок, вписанный в общую проблематику издания.

Глава 1. Осмысливая революцию. Посвящена сложным и дискуссионными вопросам о сути, значении и роли русской революции в истории страны и мира. Учёные из России, Беларуси, Великобритании и Германии рассматривают наиболее важные аспекты этих дискуссий: философское осмысление понятия «кризис» применительно к революционному процессу; история появления и трансформации концепта «Великая российская революция»; феномен исторической памяти и события революции; анализ наиболее значимых русскоязычных исследований, посвящённых истории революции в России и обзор новых источников.

Глава 2. Именем революции. В ней подобраны материалы, в которых историки сравнивают идеалы демократии и реалии революционного процесса, анализируют проявление кризиса в провинциальном пространстве Центральной России, Северо-Запада страны, Сибири и Поволжья. Рассматриваются вопросы взаимодействия новых и старых властных и общественных институций, проблемы функционирования номинального революционного права и легитимации власти, логика и набор силовых решений (явочный порядок, экспроприационные меры, реализация закона о хлебной монополии, деятельность Красной гвардии и т. д.), инварианты революционного процесса, развитие системного кризиса и поиск выхода из него.

Глава 3. Революционные кризисы на окраинах империй. Рассказывает о событиях на национальных окраинах Российской, Германской и Османской империй в период революционных событий и Первой мировой войны. Анализируются повседневность этих сложных времён, борьба за автономию и национальную независимость, в том числе конфессиональные аспекты раз-

вития национальных провинций, влияние пантюркизма на позиции региональных элит. В материалах детально представлена работа национальных съездов в уездах и губерниях России, роль провинциальных национальных элит, их состав. Авторы предлагают взглянуть на революцию как на возможность диалога и полилога культур.

Глава 4. Образы революции. Рассматривает поколенческое восприятие исторических событий, анализирует такие явления, как коллективная память, социальная биография, отвечает на вопросы: как отображаются личностные свойства «героя», какова роль контекста в биографическом исследовании и т.д. Социальная мифология революции, трансформация сакральных семейных рассказов о роли революции, парадный жанр рассказа об участии в революции, провинциальный фольклор – всё это темы, затрагиваемые в четвёртой главе.

Глава 5. Личное дело революции. Провинциалы у руля государственной власти, их коллективная биография как проблема соотношения микро- и макроуровней событий и процессов. Изучение индивидуальной биографии как особого измерения исторического процесса. Провинциальные элиты: проблемы утраты и обретения легитимности. Именно исследованию истории революционного процесса сквозь личностную призму посвящены статьи, собранные в этой главе.

Глава 6. Крестьянская мерка революционного времени. Подробно освещает вопросы земельных отношений, взаимоотношения в крестьянской среде и трансформацию крестьянства под воздействием революционных изменений первой трети XX в. Противоречивость аграрного вопроса в России кроется не только в социально-экономической и политической сферах, но и в области сознания и психологии крестьянства, его неоднородности. Крестьянство смело систему самодержавно-помещичью систему и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землёй, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам. Однако стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., когда в ситуации катастрофически нарастающего голода город потребовал хлеб от деревни. Впоследствии власть оплатила за поддержку вовсе не добром, а только ей очевидной политикой обобществления, приведшей к радикальному слому деревенского уклада и превращению крестьянина в колхозника.

Глава 7. Провинциальная повседневность. В этом блоке в фокусе внимания авторов оказался рядовой человек с его каждодневными проблемами бытования: поисками пропитания, одежды, жилья, занятости, проблемами труда, отдыха, морали и т. д. Здесь анализируются опыт и практики решения повседневных задач, работа транспорта, вопросы жилья, здравоохранения, правопорядка, девиантное поведение и миграционные стратегии, эмоциональные реакции людей в условиях кризиса. Не остались без внимания и по-

вседневные аспекты деятельности властных структур, тыловых гарнизонов, которые существенно меняли облик провинции.

Глава 8. Наследие революционной модели. Рассказывает об эффекте «революционного заряда» на развитие советской и даже постсоветской экономики. Революционное «наследство» – это не только кризис, это определённая модель поступков. Россия ориентировалась в революционных шагах на опыт Французской революции, а в экономическом развитии на опыт Великобритании. Революционное мышление сыграло с обществом злую шутку – появилось устойчивое убеждение, что если навалиться всем миром, если не откладывать в долгий ящик и учиться по ходу процесса, то всё получится. Сторонники революционного пути считали, что ради благой цели, светлого будущего, хороши все средства, включая насилие с многочисленными жертвами. Лозунг освобождения человечества, тотальное изменение всех сторон жизнедеятельности в сжатые сроки, коренной перелом в характере социальных отношений обернулись невиданным обесцениванием жизни человека. Эти провозглашённые и действительные постулаты политической практики стали составной частью экономической деятельности.

В каждой главе существует отдельная **рубрика «Точка зрения»**. Она содержит небольшие по объёму тексты, представляющие оригинальные авторские позиции по проблематике глав монографии.

Даже вековая перспектива не позволяет аналитически разделить позитивные и негативные последствия революции. Хотя общество уже близко к тому, чтобы отойти от традиционно господствующего монохромного (красного или белого) восприятия этого трагичного периода истории. Издержки взросления бывают не только у индивида, но и у страны, которая совершала ошибки, принимала поспешные решения, и совершала поступки, граничившие с преступлением, за которые позднее расплачивалась новым кризисом. Так же сложен путь осознания противоречивости и сложности революционных изменений, среди которых невозможно, да и не нужно, однозначно выделять только достижения или только провалы, делать акценты лишь на успехах или акцентировать внимание исключительно на цене этих достижений. Важнейшим условием устойчивости современного российского общества, его *взрослого* взгляда на мир и накопления нравственной силы является способность принять эту многогранную и противоречивую картину мира. Это наш общий опыт проживания, преодоления и выхода из системного кризиса на траекторию созидательного роста, это важнейший мотив и основание для того, чтобы не допустить в будущем негативного сценария развития истории.

*Сергей Прокопенко
Надежда Липатова*

ГЛАВА 1. ОСМЫСЛИВАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

Вопросы о сути, значении и роли российской революции в истории страны и мира являются наиболее сложными и спорными. В этой главе учёные из России, Беларуси, Великобритании и Германии рассматривают наиболее важные аспекты этих дискуссий: философское осмысление понятия «кризис» применительно к революционному процессу; история появления и трансформации концепта «Великая российская революция»; феномен исторической памяти и события революции; анализ наиболее значимых русскоязычных исследований, посвящённых истории революции в России и обзор новых источников по истории 1917 г.

Кризисное состояние общества: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ирина Зубова (Россия)¹

Тема форума «1917 – 1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов» отражает и выражает состояние современного общества и исторического познания. Спустя столетие после событий, являющихся предметом обсуждения внушительного учёного собрания, современное общество, включая российское, охвачено предчувствием нового кризиса, рождающегося на основе повседневного практического опыта.

Термин «кризис» пришёл из греческого языка. Значение и область применения слова объясняются различно. Одни исследователи говорят об употреблении слова в античности в значении «суд, разбор, судебное разбирательство», а также «приговор, решение» и поэтому предлагают кризисную ситуацию понимать как ситуацию, требующую разбирательства и вынесения решения по важному, неотложному вопросу². Другие считают, что «понятие *krisis* изначально относилось только к медицине» и «по смыслу означало оценку, выбор, отделение и решение». Этим словом называли переломный момент, определяющий дальнейшее течение процесса. В Средние века понятие не распространялось за пределы медицины. Позднее оно вошло в дискурс модерна в смысле «полного разрыва с традицией, радикального отрицания старого во имя некоей идеи прогресса». Значение понятия «кризис» в наши дни диверсифицировалось. Термин

¹ Зубова Ирина Львовна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета.

² Сидорина Т. Ю. Философия кризиса: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2003. с. 18.

уже применяют «к любому периоду трудностей и напряжений»¹. Более того, кризис кажется нормой жизни, частью окружающей среды, а кризисное сознание воспринимается как доминантное в оппозиции кризисное/стабилизационное сознание.

Рассмотрим содержание эпистемологического конструкта «кризис» в аспекте экспликации онтологии социальной реальности в состояниях её обновления. Строго говоря, концепты отличаются от понятий. Они пластичны, многозначны, заряжены полисемантической, потенциальностью, и в них отсутствует жёсткая логическая строгость. Названные свойства концептов (концепт «кризис» – не исключение) делают их презентантами всей совокупности актуально-потенциальных связей в тотальном массиве знания и позволяют им быть носителями динамики знания в нестабильных состояниях познания. Синонимические аналоги концепта «кризис» – «взрыв», «конфликт», «революция», «катастрофа», «деконструкция», «бифуркация», «хаос» и т. д. – фигурируют в различных отраслях научного знания, дополняя содержание теоретического конструкта, исходя из его уникальной конфигурации и проявленности в различных контекстах. Многоступенчатые разветвлённые классификации содержания концепта «кризис» также свидетельствуют о многообразии проявления данного феномена. Кризис как социальный феномен не исключим из динамики социальной реальности, мыслится повторяющимся, но каждый раз по-новому.

Н. П. Гончарова, исследовавшая содержание и структуру понятия «кризисное состояние общества», отмечает отсутствие общепризнанной дефиниции кризиса в научной литературе, что вполне объяснимо вышеизложенными соображениями. Она поддерживает трактовку кризиса О. А. Андреевой, Е. Н. Бикейкиной, А. Ю. Шевяковой и др., определяющих кризис как ситуацию, обусловленную изменением внешних и внутренних факторов среды, которой присущи: угроза тем или иным базовым ценностям, крайняя ограниченность времени для разрешения ситуации, высокий уровень неопределённости². Выделение перечисленных черт кризиса оправдано с точки зрения анализа социальной нестабильности с присущими ей опасностями, угрозами и рисками, сопровождающими кризисное состояние общества. Н. И. Лапин и Т. Ю. Сидорина рассматривают кризис как нарушение прежнего равновесия и переход к новому равновесию.

¹ Революция и кризис темпоральности. Интервью с Ивом Ситтоном и Мириам Рево д'Аллон. – URL: <http://gefter.ru/archive/9241> (дата обращения: 21.12.2017).

² Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия. // Известия Алтайского государственного университета, 2010, № 1-2, с. 177-181.

Онтология взрывной кризисной динамики культуры представлена в семиотических трудах Ю. М. Лотмана¹. Он различает постепенные предсказуемые процессы развития культуры, обладающие мощной силой прогресса, и непредсказуемые взрывные состояния. Процессы и состояния входят в динамику социума, но законы и языки их описания различны.

С. В. Кравец связывает кризис с развитием системы. Кризис – это процесс перехода системы на более высокий уровень функционирования. Автор делает акцент на разработке понятия «переходного пространства», в котором происходит активное взаимодействие между актуальной и потенциальной реальностями системы, предопределяющее исход кризиса².

Французские исследователи общества И. Ситтон и М. Р. д'Аллон, определяя значение понятия «кризис» в различные эпохи, делали упор на связанности его с формой исторического мышления, которое рождает данное понятие. Принимая данный подход, важно подчеркнуть включённость самого исторического мышления в динамику социальной реальности, оно – содержательный момент любых состояний социума. Онтология кризисных состояний в динамике социальной реальности устанавливается как комплекс теоретических представлений и положений, производных от реализуемых гносеологических подходов, принципов, методов, укоренённых в формах социальной жизнедеятельности³.

Обратимся к онтологии кризиса, сконструированной в линейной пространственно-временной метрике на основе диалектического метода, содержащей в себе классическое понимание историчности с идеей истории и принципом историзма. В выстраиваемой онтологии присутствует чередование процесса последовательного поступательного развития социальной системы и кризисного состояния. Последний обеспечивает закономерный переход социальной системы на новую, более высокую ступень развития и функционирования. Кризис как переломный момент травмирует, нарушает постепенность, но он же позволяет увидеть в истории прогрессивную последовательность смены состояний социума на линейной шкале времени.

Кризис описывается как процесс во времени на основе детерминированных причинно-следственных связей. Причина кризисных изменений заключена в самой системе, в её противоречивости. Развитие противоречий процессуально: от зарождения до конфликта. Конфликт противоречий – это предкризисный этап, а кризис начинается в точке чрезмерности, то есть выхода их за

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. // Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2004, 704 с.

² Кравец С. В. Кризис – понятие и феномен: диссертация кандидата философских наук: 09.00.01. – М., 2001, 170 с.

³ Революция и кризис темпоральности. Интервью с Ивом Ситтоном и Мириам Рево д'Аллон. – URL: <http://gefeter.ru/archive/9241> (дата обращения: 21.12.2017).

пределы меры. Кризисное состояние заключено в точке «здесь и сейчас» на линейной временной шкале. В нём нарушена темпоральная постепенность, динамика установления нового порядка хаотична, но в линейном измерении оно может быть представлено как процесс с последовательной раскладкой во времени от начала кризисного состояния до его конца.

Мера как единство количества и качества системы в конфликте противоречий нарушается не сразу. Она обладает эластичностью и растяжима во времени за счёт сохраняющихся и неиспользованных ресурсов системы. В них и пребывает пространство возможного, ограниченное содержанием и структурой прежней социальной системы. Всё же оно не есть осуществление полноты возможного в бытии человека и общества в данной ситуации, когда возможно возникновение новой социальной системы с иным смыслом, содержанием, структурой. Отмена общинного землевладения по реформе Столыпина, согласно В. И. Ленину, стала отсрочкой старому порядку в России, она «открыла ещё один и притом последний клапан, который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения». Возможно, в отношениях между помещиками и крестьянами действительно был открыт последний клапан, но он не был последним для системы социальных отношений в целом. Система даже оказалась способной на экономический подъём 1909 – 1913 гг. и удерживалась на плаву после вступления России в Первую мировую войну до февраля 1917 г. Американский социолог И. Валлерстайн рассматривает особенности кризиса современной капиталистической мир-системы (КМС). Одна из них – исчерпание возможности территориально расширять свои границы и получать доступ к использованию геоэкономического потенциала Земли. За счёт этого ресурса КМС ранее ослабляла внутренние противоречия и избегала системного кризиса на протяжении 500 лет.

Кризис в онтологическом аспекте есть перерыв в постепенности, скачок с появлением нового качества. Здесь налицо нелинейная динамика. Однако её часто описывают в терминах линейной. Сам скачок часто трактуется как «переход». Прослеживают зарождение и последовательное созревание нового качества в рамках существовавшей социальной системы. А преемственность динамики после кризиса по отношению к докризисной получает линейное выражение следования как «перехода».

Скачок будет поворотной точкой, исходом кризиса. Исход знаменует исчерпание возможного в системе общественных отношений, существовавших ранее. Исход – выход на новый уровень последовательной, стабильной динамики, идущей от скачка. Исход устанавливает новые основания для конституирования новой системы общественных отношений. Он открывает новое неосвоенное поле возможного. Последнее реализуется преимущественно в постепенной динамике общественной системы.

В трактовке скачка как поворотной точки соприисутствуют стадионально-линейная (переход общества от одной стадии к другим, более высокого уров-

ня) и циклическая (от единства до конфликта противоположностей с возвращением к исходной точке их возникновения и разрешения) модели динамики социума. Их часто противопоставляют, хотя обе модели строятся на основе линейных связей с выведением меняющегося состояния социальной системы из предшествующего. В циклической модели конец и начало нового витка совмещаются в одной точке, но они легко разводятся на линейной шкале времени, динамика между ними последовательно линейна. Всё же совмещённость и одно-временность конца старого этапа (цикла развития) с рождением новых оснований, дающих начало новому этапу потенциального, содержит другое временное измерение и иное понимание историчности, а значит – иное понимание динамики.

Симптоматичным для понимания ограниченности логоцентристских моделей динамики социальной реальности в экспликации состояний её обновления с классическим пониманием историчности стал факт, зафиксированный П. Загориным. Он пишет об утрате историографией ещё в 60-е –70-е гг. прошлого века интереса к построению идеальной модели революции и к поиску её причин в той или иной стране¹. Это объясняет отсутствие на данный момент в западной и отечественной историографии «какой-либо новейшей господствующей исследовательской парадигмы переломного революционно-го события в России начала XX в.»².

С позиций линейной эволюционной последовательной и постепенной динамики кризисы выглядят как аномалия (гр. *anomalía* – неровность, неравность, неодинаковость, несоразмерность, разнородность). Соединение в одной теоретической модели эволюционной и кризисной революционной динамики явилось заслугой диалектики. Всё же для экспликации кризисной динамики социальной реальности недостаточно организовать историческое мышление в системе заданных отношений и выделенных противоречий. Преодоление позитивистских установок вывело на со-бытийность сознания, признать его содержательной характеристикой социальной реальности и, помимо линейного времени, выявить событийное и презентативное времена в содержании историчности.

Событийное время – это время сознания и социальной реальности в кризисных состояниях, это настоящее время, и только в нём возможны качественные изменения. В онтологическом плане событийное время означает открытость социального бытия в его актуально-потенциальных состояниях. В

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015, с. 177.

² Большакова О. Новая политическая история России: современная зарубежная историография. Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. и научн.-информ. исслед. отд. отеч. и зарубеж. истории. – М., 2006, с. 66.

событийном времени проявляют себя нелокальные и многомерные связи. Они размыкают систему и любой её элемент, делают их открытыми. Открытость – необходимое условие для рождения новизны. Презентативное время выражает со-присутствие различных времён в состояниях сознания и социальной реальности в настоящем. Оно обеспечивает целостность истории на уровне вписанности в универсум. Презентативное время актуализирует связи, обеспечивающие связанность реальности как целостности, где одна часть презентует все остальные (а не как отношения части и целого), поэтому их можно назвать целостнообразующими, мирообразующими, континуальными, резонансными, образующими/рождающимися. С позиций онтологии презентативное время выражает состояния новообразований в социальной жизни.

Кризис – это не только этап развития системы, процесс перехода системы на более высокий уровень функционирования, но и открытое, актуально-потенциальное состояние обновляющейся социальной системы. Это состояние, когда возникает пространство возможного как необходимое условие события – возникновения новизны, а достаточное условие для превращения пространства возможного в креативное пространство связывается с человеческой активностью, определяющей ситуацию.

Причины кризиса при линейной трактовке историчности выводятся логически из главного противоречия социальной системы, развёртывающегося из её постулируемого основания.

Возможны различные логические следования устанавливаемой причинности в зависимости от заданных отношений. Кризис порождает вся ситуация. Целостность ситуации в предкризисных и кризисных состояниях обеспечивается одновременным и совместным действием всех активных элементов социума. Параметр этого универсума активностей – *energeia*¹.

Со-бытие происходит в кризисной точке. История событийна, и событийность связана с кризисами. Тогда в динамике социальной жизни, описываемой историками, акцент переносится на «разрыв непрерывности» в актах «конца истории» – гибели старого порядка и «начала истории» – возникновения нового порядка.

Для С. Ф. Платонова история Смуты стала главной темой, так как он увидел рождение новой России в кризисных событиях Смутного времени. Свой научный интерес историк объяснял желанием на фактах показать, когда и как «погибал в Смуте старый порядок» и в каких формах возникал порядок «новый», в условиях которого и создалось «современное государство».

¹ Миронов Г. Ф. *Energeia* как совместность активностей. // Труды Международной конференции КЛИН. – Ульяновск: УлГТУ, 2004, 432 с.

Состояние «локальной» единичности выражается через энергетический потенциал всей целостности. Их взаимодействие происходит через флуктуацию – перераспределение энергии в едином континуальном пространстве. Ситуация в её целостности переживается и описывается. Любая причина как локальная единичность, обозначенная в описании, является срезом всей ситуации в её целостности.

Отделить одну причину от другой невозможно, ибо каждая причина содержит в себе все остальные. Причины неприемлемо сводить к их определённому количеству. Несколько отрефлектированных причин не могут претендовать на выражение целостности и уникальности состояния. Выделение причин внутренних и внешних при локализации, вписанной в континуальную целостность, а также различение главных и второстепенных причин зачастую отсутствуют. А вот случайные причины, которые при линейной экспликации, как правило, считаются второстепенными, получают полноценный статус наряду со всеми остальными. В предкризисной ситуации всё со-вместно и одно-временно.

Такое понимание причинности присутствовало у историков. С. Ф. Платонов обращал внимание на одновременность обострения политических и социальных противоречий, лежащих в основании московского государственного и общественного порядка XVI столетия. Совпадение «государственного расстройтва» с «расстройством династии», которое историк считал по своей сути случайным, вызвало начало кризиса, названного Смутой. В свете нелинейного понимания историчности не вызывает удивления связь извержения вулкана Уайнапутина в Перу и событий начала XVII столетия в России. Понятен и вывод Л. А. Тихомирова: «В крупных исторических событиях не только бесполезно, но и несправедливо обвинять кого-либо в отдельности. Эти события создаются всеми людьми и целой массой условий»¹.

Нельзя не согласиться с Л. П. Карсавиным, видевшим в причинном объяснении в историографии «тавтологию и мнимое объяснение». Он доказывал «бесмысленность причин, невозможность и несущественность причинного объяснения в истории»². Современные исследователи зарубежной историографии О. Большакова и М. М. Кром указывают на общую тенденцию в отношении выявления причин революционных кризисных потрясений – «исследования избегают причинных объяснений событий»³. Кроме того, Кром пишет: «Американский социолог Джек Голдстоун в начале 1980-х гг., подводя итог исследованию причин революций, пришёл к выводу, что революции

¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006, с. 353.

² Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб.: АО «Комплект», 2003, с. 351.

³ Большакова О. Новая политическая история России: современная зарубежная историография. Аналитический обзор... – с. 66.

происходят не по какой-то отдельной причине, а в результате их совпадения во времени, создающих “революционную конъюнктуру”»¹.

Нелинейная онтология динамики социальной реальности выражает разрушение старого порядка и рождение нового. Энергетически заряженная система обладает особой чувствительностью. В состоянии напряжения малейшая флуктуация (колебание) способна вызвать ката-строфу (гр. kata – движение вниз) – демонтаж структуры и связей, удерживающих социальную систему в определённом порядке (качестве). Её содержание становится неопределённым. Кризисная ситуация, как ситуация открытая, есть пространство возможного и характеризуется неравновесностью, неустойчивостью, бифуркационной потенциалностью. Метаморфозы, трансформации, самоорганизация элементов и структур социальной реальности проявляют себя на микроуровне, в континуальном пространстве, где нет деления на центр и периферию.

В условиях кризиса прежние схемы и программы поведения и деятельности не работают, старые стандарты, нормы и схемы жизнедеятельности подвергаются пересмотру. Явочный порядок и чрезвычайные меры подчёркивают особые обстоятельства активности, не предусмотренные постепенным и стабильным осуществлением жизнедеятельности. Они исключительны и ненормальны для постепенной динамики, зато актуальны и нормальны в динамике кризисной.

Множественность и плюрализм призывов, лозунгов, программ отражают и выражают всевозможные потенциальные варианты организации социума. Оказание влияния на течение кризиса в пользу одной из желаемых потенциальных возможностей затруднено. В кризисном состоянии с высокой концентрацией активностей, плотностью действий и ситуационной динамичностью многое зависит от умения улавливать ситуацию и менять тактику.

От историка требуется максимально выразить и кодифицировать в знании синкретическое содержание актуального опыта и уникальности кризисной ситуации. В состоянии осмысления (кризисном состоянии познавательной ситуации) происходит взаимодействие сознания историка и сознания людей, переживших ситуацию кризиса через индивидуально-личностное и феноменолого-экзистенциальное измерение.

Интересна позиция британского историка С. Смита, изложенная М.М. Кромом. Вместо построения всеобъемлющей модели революции с каузальным объяснением или тестированием гипотез об истоках и условиях, роли классов и партий, типичных стадий и результатов обращается «к культуре,

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015, с. 176.

человеческой деятельности и контекстам на микроуровне, в которых индивиды действуют и которые их формируют. Отсюда метод – индуктивные локальные наблюдения на основе изучения первоисточников»¹.

Пространство возможного превращается в креативное в акте события – рождения нового. Акт рождения нового – результат совмещённости уникальных обстоятельств и активности людей, направленной на преодоление кризисного хаоса и поиска новых форм порядка. Скачок – это акт рождения нового качества, исток вновь появляющегося. В то же время скачок есть синтез (от гр. *synthesis* – соединение), который понимается как акт порождения смысла с новой организацией компонентов и элементов социальной реальности.

Динамика явлена рождением нового, образованием иного целого, конституирования одной из потенциальных возможностей. Преемственность нового порядка по отношению к старому получает нелинейное выражение следования. Новый порядок не может быть оценён как прогресс или регресс в динамике социальной реальности, он иной. Выводы о прогрессе/регрессе в традициях классического линейного понимания историчности делаются постфактум, исходя из определённых критериев, не учитывающих многомерность и сложность целостности социальной системы.

Событие – исход кризиса как факт истории в её обновлении – является её истоком. Поэтому история – не в прошлом, а всегда впереди. В историографии мы обнаруживаем выводы и установки, коррелятивные выше сформулированным положениям. Так, американский историк Фредерик Корни «исходит из того, что Октябрьская революция является не столько событием, сколько смыслообразующим процессом». Октябрьская революция является событием, сконструированным постфактум. Стивен Коткин видел русскую революцию как процесс, который оказал системообразующее воздействие на всю последующую историю страны².

Подведём итоги. Концепт «кризис» отражает и выражает инвариантный феномен в динамике социума. Аксиологические оценки кризисных состояний как негативных снимаются в связи с их неизбежностью в динамике обновления всех социальных систем, включая событийные состояния – рождения нового. Понимание кризиса как процесса перехода системы на более высокий уровень функционирования дополняется представлением его как открытого, актуально-потенциального состояния обновляющейся социальной системы и, таким образом, сочетает в себе линейный и нелинейный типы историчности. Выявление онтологических характеристик кризисных состояний социальных систем осуществляется совместно и одновременно с изменениями в историческом познании.

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику... – с. 177-178.

² Большакова О. Новая политическая история России... – с. 66.

Спорные вопросы концепта „Великая российская революция”

Сергей Прокопенко (Россия)¹

Вопросы терминологии являются отправными и жизненно необходимыми для теоретического осмысления явления или процесса.

Концепт «Великой российской² революции» (далее – ВРР) был введён в образовательное пространство в 1998 г. в вузовском учебнике «История России. XX в.», выпущенном под редакцией В. П. Дмитренко³. Он используется для характеристики революционных событий в России 1917 г. и Гражданской войны. В первую очередь, этот концепт призван заменить понятия «Февральская буржуазная революция» и «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Изменение отношения официальной историографии к самому понятию и к тем содержательным вещам, которые стоят за ним, можно проследить по статьям «Новой российской энциклопедии».

Начальной публичной точкой отсчёта энциклопедического проекта стал 2003 г. В 2007 г. в третьем томе фигурируют как равнозначные термины «Великая Октябрьская социалистическая революция в России» и «Октябрьская революция 1917 г.». В 2013 г. (двенадцатый том) смысловые размежевания были по-прежнему смещены в область противопоставления «революция – переворот», а сам тезис о двух революциях в то время сомнению не подвергался. И только в 2016 г. (семнадцатый том) мы находим искомое: «Ряд представителей новейшей отечественной историографии предлагает рассматривать события Ф. р. (Февральской революции – С. П.) 1917 г., большевистский переворот окт. 1917 г. и Гражданскую войну 1917-22 гг. как единое явление-процесс – Великую российскую революцию 1917 – 1921 гг. Эта точка зрения, в частности, уже нашла отражение в учебной и методической литературе по истории России нач. XX в.»⁴.

¹ Прокопенко Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, руководитель Центра истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области».

² Как это ни удивительно, до сих пор можно встретить формулировку «русская революция», ставящую под сомнение общенациональный характер перелома и значение национального фактора в революционном движении. Яркий тому пример – серия переводов исследований зарубежных русистов о революции – вещь, без сомнения, чрезвычайно полезная, подготовленная Издательством Института Гайдара в 2017 г. («Великая русская революция 1905 – 1921 гг.»). Авторы серии сочли возможным перевести амбивалентное russian revolution как «русская революция».

³ История России. XX в.; отв. ред. В. П. Дмитренко. – М., 1998, с. 146.

⁴ Новая российская энциклопедия; гл. ред. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов. – М.: Издательство «Энциклопедия», 2007, 2013, 2016; т. III, с. 262; т. XII, с. 340, т. XVII, с. 193.

Этот классический пример изменения нормативных – энциклопедических – знаний за десятилетие ставит перед нами несколько вопросов о природе, основаниях и следствиях этих изменений. Попытаемся ответить на них.

Влияние *политического заказа* на появление концепта ВРР несомненно. Одна из целей – прагматическая: не допустить монополизации темы столетнего юбилея революции только одной политической партией – КПРФ. Но было бы неверно игнорировать и наличие *социального запроса* на переформатирование коллективной исторической памяти. В этом смысле включение понятия ВРР в «Историко-культурный стандарт» 2013 г. и сама «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» легитимировали концепт в образовательном поле современной России.

Остановимся подробнее на анализе научной составляющей указанных новаций. Она *также* присутствует и вытекает из трёх обстоятельств:

- внутренней противоречивости концепции двух революций;
- противоречивости конкретно-исторической реальности 1917 г.;
- современной общественно-политической практики.

Сейчас уже понятно то, что советский эксперимент не является магистральным направлением мирового развития. С начала 90-х гг. XX в. Россия встала на капиталистические рельсы, с которых сошла в 1917 г. А это требует ретроспективного переосмысления всего *комплекса вопросов*, связанных с революцией.

Есть ещё одно обстоятельство, которое заставило нас обратиться к заявленной теме: продолжающееся воспроизведение в образовательном пространстве концепции двух революций. Напомню, она получила прописку в советской историографии не позже 1924 г. и была сформулирована в законченном виде в «важнейшем историческом и идеологическом произведении своего времени, если не всей советской историографии» – в «Кратком курсе истории ВКП(б)»¹. Это объясняет, почему и современные критики концепта ВРР, как справа (Октябрь – это переворот), так и слева (настаивающие на принципиально разном характере двух революций), во многом вращаются в рамках этой стройной, непротиворечивой, но устаревшей и, самое важное, далёкой от исторических реалий концепции. Обратимся к анализу слабых и сильных сторон как понятия ВРР, так и концепции двух революций.

Де-факто сегодняшние участники полемики используют аргументы и логику прежних лет (хотя зачастую те позиции, которые когда-то в Советском Союзе выглядели маргинальными, сейчас становятся доминирующими, и

¹ Рец. Сергея Войтикова на: Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч.; сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2014, 791 с. // Российская история, 2017, № 1, с. 215.

наоборот). В связи с этим теоретический анализ должен идти рука об руку с историографическим и конкретно-историческим. Нашу задачу облегчает обширный корпус опубликованных в постсоветский период документов, которые вскрыли богатейшие пласты новых фактов. Сошлюсь, в частности, на публикацию протоколов и материалов Петроградского комитета РКП(б)¹.

Столетие: ключевые и злободневные вопросы: «Одна или две революции произошли в 1917 г.?» и «Как считать? Проблемы хронологии революции».

Начну с семантического и этимологического анализа понятий «переворот», «политическая революция», «социальная революция». В последние десятилетия утвердилось представление о необходимости учёта конкретно-исторического содержания терминов в разные исторические эпохи. Иначе говоря, сегодняшняя интерпретация *переворота* как смены власти насильственным способом на уровне персоналий или кланов (и в этом смысле противостоящая концепту «революция») не годится для XIX в. и для начала XX столетия. Этот термин, так же как термины «путч», «пронунсиаменто», пришедшие к нам из испанского опыта первой четверти XIX в., тогда не нес современной негативной коннотации и применялся именно в значении «политическая революция». Большевики и российские политики начала XX столетия в этом смысле не были исключением. То есть широкое использование в документах эпохи термина «переворот» применительно к Октябрю нельзя рассматривать в качестве аргумента для отрицания определения захвата власти большевиками как революции.

Напомним, что сам **концепт «революция» применительно к социальным явлениям стали использовать в Европе только в XVIII в., а в значении «политическая революция» – лишь в XIX в.** Так, в английской историографии часто равнозначно использовались термины *revolt*, иногда *rebellion*². Любопытно, что европейская традиция в этом случае вернулась к аристотелевскому понятию циклических колебаний форм правления. При этом греческая теория рассматри-

¹ См. Липатова Н. В. Документ – эпоха – исследователь. Рецензия на публикацию протоколов Петербургского комитета партии большевиков за 1917 – 1918 гг. // Историческая экспертиза, 2017, № 1, с. 195-206.

² Если судить по Оксфордскому словарю английского языка (в какой-то мере его аналог – словарь Даля), до этого термин «революция» использовался применительно к характеристике астрономических явлений (самый ранний текст датирован 1390 г.). Французский аналог словаря даёт более поздние даты использования термина в смысле характеристики физических явлений. Первый факт использования термина в английском языке в понимании, близком современному, датируется 1600 г. См: The Oxford English Dictionary. Second edition; prep. by J. A. Simpson and E. S. C. Weiner. Vol. XIII. Quemadero-Roaver. – Oxford Clarendon Press, 1989, p. 840-841; Trésor de la Langue Française. Dictionnaire de la langue du 19e et du 20e siècle (1789 – 1960). Tome quatozième (ptère – salaud). – Paris: Gallimard, 1990, p. 1107-1108.

вала революцию как одномоментное установление порядка, радикально отличающегося от прежнего, деструктивное по своей природе¹.

Сложнее с термином *социальная революция*. По логике советских обществоведов, разный характер революций (буржуазно-демократическая и социалистическая) доказывал правоту концепции двух политических революций. Но дело запутывает толкование «социальной революции» в марксистской историографии в широком и узком смыслах. Подтверждение этому разделению мы можем найти в работах того же К. Маркса. Но советские историки в рамках ортодоксального марксизма чётко разделяли «социальную революцию» как историческую эпоху перехода от одной общественно-экономической формации к другой и «политическую революцию» как крат- или среднесрочный процесс смены власти. Более того, зачастую на практике использовалось понятие «социальная революция» как синоним «социалистической»². Сошлюсь на известную фотографию акта братания путиловских рабочих и солдат-павловцев 1 октября 1917 г. На знамени путиловцев, вручённом павловцам, характерная надпись: «Да здравствует российская революция как пролог к социальной революции в Европе!»³

В России 1917 г. наиболее точно позиции классического марксизма выражали меньшевики. С одной стороны, они определяли социальную революцию как «сложный и длительный исторический процесс постепенной социализации хозяйственной жизни и вытеснения капиталистических и мелкобуржуазных форм производства и обмена коллективистскими, обеспечивающими более высокое развитие производительных сил». С другой – как синоним социалистической революции. Но дополнительную путаницу вносит то, что и в последнем случае мы видим разноречивость даже у одного автора. Так, Ю. Мартов в письме за январь 1919 г. описывает Октябрьскую революцию как особую, отличавшуюся от Февральской демократической, но уже в октябре 1920 г. на чрезвычайном съезде Независимой социал-демократической партии Германии характеризует события в России как единую «крестьянскую или мужицкую» революцию, а большевизм – в качестве «путчистского», «спекулирующего революционизма», «пытающегося демагогически использовать чувства отчаяния и элементарного, сознанием не освещённого возмущения масс, чтобы ускоренным путём прийти к социальному перевороту»⁴.

¹ См.: The New Encyclopædia Britannica. Vol. 10. 15th ed; ed. in Chief Robert McHenry. – Chicago: Encyclopædia Britannica, Inc., 1993, p. 9.

² Капп Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917 – 1923 гг. Т. 1. – М.: Прогресс, 1990, с. 101-104.

³ См.: Russia 1917. The Unpublished Revolution, by J. Sanders. Foreword by V. Korotich. – N.-Y.: Abbeville Press, Inc., 1989, p. 210.

⁴ Меньшевики в большевистской России 1918 – 1924 гг. Меньшевики в 1919 – 1920 гг.; отв.

Если обратиться к документам конца 1917 – начала 1918 гг., то выясняется, что даже большевики термины «социалистическая революция» или же «социальная революция» в узком смысле этого слова использовали крайне редко. Для Ленина вопрос о социалистическом характере Октябрьской революции становится актуальным только после ликвидации Учредительного собрания¹. Несомненно, что характеристика этой революции как социалистической – плод последующего ретроспективного осмысления, где решающую роль сыграло её углубление. И не случайно, что почти одновременно (выступление Ф. Раскольникова на заседании Учредительного собрания) большевики озвучивают претензии на особость Октября через термин *Великая Октябрьская революция*. Уже первая годовщина Октября проходит под знаком её уникальности, и что примечательно, не только в большевистской среде, но и среди российских социалистов (меньшевики и эсеры)².

Однако с точки зрения гносеологии сам факт запоздалого осознания характера Октября вполне логичен и не может служить доводом в пользу отрицания социалистической природы этой революции.

Таким образом, можно констатировать, что семантический анализ завёл нас в тупик. Ограниченность такого анализа заставляет обратиться с помощью сравнительно-исторического метода к осмыслению европейского опыта.

Термин ВРР рождает у профессионального историка ассоциации с Великой французской революцией. И это верно. Как великолепно показал А. В. Гордон, для отечественной историографии **Великая французская революция являлась зеркалом русской революции на всём протяжении советского периода**³. Правда, термин *Великая* в зарубежной историографии даже к французской революции XVIII в. не применяют. Единственное исключение в ряду крупных энциклопедий – «Новая Британника». И то здесь этот эпитет присутствует не как часть сложносоставного имени конкретной революции, а как оценка масштабов и значимости избранных революций: «Особенно английской, французской и русской»⁴. В России первую характеристику революции 1917 г. как «великой» находим в издании Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза, которое можно датировать не позднее мая этого года. Хотя, кроме названия брошюры, нигде в тексте это больше не встречается⁵.

ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. – М.: РОССПЭН, 2000, с. 426, 334, 698.

¹ См.: Карр Э. Там же.

² См.: Петербургский комитет РКП(б) в 1918 г. Протоколы и материалы заседаний; сост. Т. А. Амбросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013, с. 35; Годунов К. Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г.

// Российская история, 2016, № 5, с. 189-190.

³ См., напр.: Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. – М.: Наука, 2009, с. 216-220, 302.

⁴ The New Encyclopædia Britannica. Vol. 10. 15th ed. P. 9.

⁵ См.: Великая российская революция. Акты и события революционного периода. Выпуск 1. –

Тем не менее явные параллели в интерпретации двух великих революций присутствуют. Но при этом сами концепции каждой революции с точки зрения хода революции, периодизации и оценки характера разительно различались. Возникает закономерный вопрос: почему мы при рассмотрении ВРР должны отступать от логики анализа революций раннего Нового времени и революций XIX столетия? По большому счёту единственным серьёзным аргументом в пользу такого алогизма является тезис о принципиально разном характере Февральской и Октябрьской революций. Однако на практике если и можно говорить о социалистическом характере Октября, то как быть с чрезвычайной локализацией этой революции? Не случайно советские историки, осознавая это противоречие, сформулировали две дополнительные концепции: о «Триумфальном шествии советской власти» по стране (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) и о «Социалистической революции в деревне» (начало которой датируют серединой 1918 г.).

Выдерживает ли критику концепция двух российских революций при обращении к принципу историзма? Буржуазно-демократический этап Великой французской революции имел не меньшую качественную определённость для своей эпохи, чем социалистический этап в 1917 г. Однако это не повод выделять захват якобинцами власти как особую революцию. Но ещё большее противоречие заметно при введении в круг нашего анализа т. н. народно-демократических революций середины XX столетия, в которых советские историки и историки стран т. н. народной демократии выделяли в рамках одной революции два этапа: буржуазно-демократический и собственно социалистический.

Таким образом, с точки зрения логики и конкретно-исторической практики, концепция единой революции 1917 г. выглядит менее противоречивой, чем концепция двух революций. Закономерно поэтому давнее применение в зарубежных энциклопедиях для характеристики 1917 г. концепта «перманентная революция» Парвуса-Троцкого. Заметим, что это понятие и сама концепция увидели свет во время Первой русской революции (работа Л. Троцкого «Итоги и перспективы», 1906 г.)¹.

Минск: Губернская типография, 1917, 61+III с. Любопытно, что термин «Великая российская революция», но применительно к Первой русской революции использовал в листовке к петербургским рабочим большевик, депутат Второй государственной думы Г. А. Алексинский (не ранее июня 1907 г.): «Уже не один год развивается Великая российская революция, уже не один год на всём громадном пространстве нашей страны идёт величайшая борьба многомиллионного народа против угнетающего его крепостнического рабства, полицейского насилия и самовластия». – Роспуск Второй государственной думы. ВГБИЛ. Музей книги, с. 1.

¹ См., напр.: The Oxford English Dictionary. Vol. XIV. Rob – Sequyle. – Oxford, 1989, p. 295; Grande Dizionario della Lingua Italiana. T. XVI RIB – ROBA; dir. scientif. di G. Bàrberi Squarotti. – Torino, 1992, p. 1088; Enciclopedia universal Sopena. Diccionario ilustrado de la lengua Española. Tomo siete. – Barcelona: Editorial Ramon Sopena, S. A., 1980, p. 7382.

Тесно связан с проблемой характера событий 1917 г. вопрос о хронологии ВРР.

Можно обозначить несколько позиций учёных при определении хронологии революционного процесса:

– Периодизация, в основе которой лежит концепция революционного цикла или революционного перехода, а по сути, некоторое смещение понятий «социальная революция» и «политическая революция». В результате, как это ни странно, под ударом оказывается даже начальная дата революции. К числу адептов такого подхода можно отнести М. Малиа (датировка: 1902 – 1922 гг.)¹ и Т. Шанина (1904 – 1934 гг.)².

– Ближко примыкают к ней периодизации, в которых смешиваются вопросы предпосылок, причин революции и собственно революции. В качестве примера укажу на «Историко-культурный стандарт» (2013 г.), раздел «Россия в годы великих потрясений, 1914 – 1921 гг.».

– Периодизации, в которых завершение ВРР выходит за рамки Гражданской войны. Помимо некоторых версий революционного цикла, назову периодизации, где некритически используются лекала французской революции XVIII в. Так, известный испанский историк Х. Висенс Вивес (1910 – 1960) определил хронологические рамки нашей революции в 20 лет, рассматривая репрессии 1937 г. как своеобразный «термидор». Справедливости ради отмечу, что за основу он взял труд Милюкова и Сеньобаса о российской революции³. Встречаются варианты иного определения «термидора» – например, Новой экономической политикой – и, соответственно, его датировки. Нетрудно заметить, что сущностно сторонники такого подхода противоречили советским франковедом, которые, некритично применяя известную классификацию Маркса западных революций XVIII и XIX столетий, отсекали от революции её нисходящую ветвь.

В настоящее время доминируют периодизации, которые завершают ВРР временем окончания Гражданской войны, то есть концом фазы «открытой, вооружённой и ожесточённой борьбы за власть». Такое определение братоубийственной войны резко ограничивают возможные варианты датировок её окончания. Также нужно учитывать важность формально-юридической стороны государственного строительства. Потому наиболее обосновано датировать завершение революции концом 1922 г. Присоединение к РСФСР Дальневосточной республики (крупной части русской территории) в ноябре и фактическое присоединение в декабре национальных окраин на европейской части бывшей

¹ Малиа М. К пониманию русской революции. – Лондон, 1985.

² Шанин Т. Революция как момент истины. – М., 1997.

³ См.: Vicens Vives J. Historia General Moderna del Renacimiento a la crisis del siglo XX. – 1a ed. 1942. – Barcelona: Montaner y Simon, 1967, t. II, p. 509-516.

Российской империи к новообразованному государству – Советскому Союзу знаменовали собой решение одной из главных задач революции.

С методологической точки зрения такая датировка небызупречна. Впрочем, так же, как и другие. Но на сегодня у неё есть несомненное достоинство: в наш переходный период строительства нового российского государства восстановление государственности тогда, после распада империи, в форме СССР – событие позитивное для представителей большинства современных политических сил. Потому, если думать о врачевании родовой травмы постсоветского общества, такое переформатирование коллективной исторической памяти выглядит наиболее целесообразным.

Сто лет Российской революции: регионализм и интернационализм в смутные времена в вековой перспективе

Александр Маршалл (Великобритания)¹

Столетние юбилеи любого исторического события – интереснейшее явление. Любопытно как то, что празднуется, так и то, что оказывается покрыто травой забвения. Я не буду подробно излагать или подвергать коренному пересмотру события октября 1917 г. Скорее, оглядываясь на события и курьёзы, связанные с революционными событиями 1917 г., я хочу поразмышлять о роли памяти, то есть проанализировать то, что осталось в памяти до настоящего времени и что было забыто. Критически важная роль памяти в написании истории выражается в росте за последние десятилетия той сферы историографии, которую Дмитрий Никулин назвал «исследованиями памяти» и которая сегодня более жива, чем когда-либо прежде². Для учёных России и бывшего Советского Союза включение в работу по исследованию памяти и юбилеев значимых событий стало новым и актуальным научным направлением не только из-за распада СССР, но и из-за необходимости исследования корней политических, экономических и социальных событий современности. Это способствовало, с одной стороны, возрождению оспариваемых воспоминаний, а с другой – исследованию средств конструирования памяти, используемых в советских средствах массовой информации³.

Я желал бы рассмотреть тему российской революции и роли памяти о ней в современном обществе сквозь **три призмы**: 1) **скрытая память о потерянных возможностях самого 1917 г.**; 2) **политически инструментализованные воспоминания, использованные в последнем официальном советском праздновании юбилейной годовщины Октября в 1987 г.**; 3) **официальное непразднование столетней годовщины, что мы наблюдаем сейчас в России.** Последнее имеет свои специфические причины, но, как я полагаю, характерно и для всего мирового пространства. При этом я хочу сосредоточиться на региональном наследии и на забытых возможностях революции.

В рамках событий 17-го года меньше всего повезло (как в то время, так и в народной памяти) социалистическим альтернативам, возникшим в те дни.

¹ Александр Маршалл (Alexander Marshall), лектор Университета Глазго.

² Nikulin D. Memory in Recollection of Itself. // Memory: A History. – Oxford: OUP, 2015, p. 3-34.

³ См.: Satter D. It Was a Long Time Ago, and It Never Happened Anyway: Russia and the Communist Past. – Yale: Yale University Press, 2012; Shane S. Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union. – Chicago: I. R. Dee, 1995.

Роль эсеров, крупнейшей социалистической партии в России того времени, явной победительницы на ноябрьских выборах в Учредительное собрание (скоро разогнанное), является, в частности, одним из наиболее крупных проявлений амнезии о событиях 1917 – 1918 гг. в России. Но то же самое произошло с Февральской революцией и Временным правительством, которые в сознании современных людей рассматриваются, в первую очередь, как пролог к захвату власти большевиками. Вполне примечателен сохраняющийся уровень исторической забывчивости, связанный с деятельностью Временного правительства. Это произошло и из-за недостаточности усилий со стороны выживших эмигрантов. К лучшему или к худшему, но Февральская революция и деятельность Временного правительства были и остаются вычеркнутыми из истории. В 1932 г. Александр Керенский – эсер и наиболее известный член Временного правительства – написал в изгнании о своих надеждах на то, каким останется Временное правительство в истории и народной памяти.

По словам Керенского, **«как в Англии Великая хартия вольностей (Magna Charta) после всех исторических событий стала основой государственной жизни; как во Франции базовые принципы 1789 г. дали толчок якобинству, бонапартизму и Реставрации, так и Россия тоже обязана вернуться к программе марта 1917 г., к созданию государства на принципах демократии.** Мне кажется, что чем дольше продолжаются всевозможные попытки найти какую-то более или менее работоспособную форму для большевистской диктатуры – военный коммунизм, нэп, пятилетний план – тем яснее для любого объективного наблюдателя становится абсолютная неизбежность падения самой системы диктатуры партийной олигархии в России. Вот почему развитие политических событий в России создаёт определённый исторический парадокс: чем дольше длится большевистская диктатура, тем более реальной, тем более привлекательной для русских умов становится идея свободы, то есть базовая идея, которая была движущей силой Мартовской революции. И именно поэтому, несмотря на последние пятнадцать лет, не только русские, но и иностранцы, заинтересованные в России и её будущем, должны учитывать как внутреннюю, так и внешнюю политику Временного правительства, которое в течение восьми месяцев революции выражало свободное мнение страны»¹.

Конечно, в значительной степени это не сбылось ни тогда, ни позднее. Если память об октябре 1917 г. в современной России выражается в неловком молчании – тема, к которой я вернусь – то память о том, что произошло в феврале-марте (с точки зрения и политиков, и сил, которые вышли на первый план сегодня), проявляется ещё менее отчётливо. Если факт свержения в октябре Временного правительства неудобен для сегодняшних российских властей, то факт свержения царского режима и Николая Кровавого в феврале

¹ Kerensky A. The Policy of the Provisional Government of 1917. // The Slavonic and East European Review, v. 11, № 31, Jul. 1932, p. 1.

1917 г. становится ещё более неудобным в период признания Николая II святым, когда эпоха Романовых подверглась переоценке в благожелательном ключе не только со стороны определённых сил в современных российских СМИ, но и шире – в гражданском обществе. Этот дискомфорт, несомненно, усилился из-за того, что Февральская революция не была результатом деятельности какой-либо политической партии, она являлась подлинным *народным* восстанием. Как вспоминал один из эсеровских лидеров, Февральская революция была «великим и радостным событием, неожиданным даже для тех из нас, кто работал над его приближением в течение многих лет и всегда ждал его»¹.

Историческая забывчивость о феврале 1917 г. распространяется также и на события, произошедшие непосредственно после захвата Зимнего дворца в октябре на окраинах империи. Как бы развивалась революция, если бы состоявшиеся после 29 октября переговоры, продвигаемые Викжелем (Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза), по созданию широкой и эффективной социалистической коалиции завершились успешно? Это одна из «известных неизвестностей» российской революции. В ночь на 25 октября, когда вести о захвате Зимнего дворца достигли Съезда Советов, меньшевики и правые эсеры в знак протеста покинули заседание. Но левые эсеры под руководством Марии Спиридоновой остались для обсуждения возможностей формирования коалиции с большевиками. Хотя это прочно забыто сегодня, но свержение большевиками Временного правительства не было сигналом к установлению немедленно диктатуры, оно лишь активизировало дискуссии о создании жизнеспособного коалиционного правительства социалистической ориентации – позиция, поддержанная умеренными внутри самой большевистской партии.

Сначала левые эсеры отвергли идею немедленного вступления в правительственную коалицию с большевиками, но сражение при Пулковских высотах 29 октября возродило инициативу Викжеля по этому вопросу. 31 октября член ЦК меньшевиков также поддержал участие в переговорах с целью формирования широкого коалиционного правительства, включая большевиков, хотя как меньшевики, так и эсеры продолжали выступать против возможного участия Ленина и Троцкого в новом правительстве. В ночь с 31 октября на 1 ноября межпартийная комиссия собралась для выработки соглашения. Якобы большевики в комиссии согласились отказаться от рассмотрения кандидатур Ленина и Троцкого в качестве министров правительства. Однако 1 ноября Ленин узнал об этих переговорах и впал в ярость. Он осудил действия членов ЦК своей партии, характеризуя их как предательские, и оскорбительно отозвался о при-

¹ Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism: The Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917. – Columbia: CUP, 1958.

миренческих призывах Анатолия Луначарского. Троцкий, который в то время, видимо, разделял убеждение Ленина в неизбежности мировой революции, был столь же непримирим, и переговоры снова зашли в тупик. Но левые эсеры под руководством Марии Спиридоновой вновь начали активно обсуждать возможность альянса с большевиками. 5 ноября 1917 г. четыре человека из числа членов ленинского ЦК ушли в отставку с постов народных комиссаров, чтобы иметь возможность донести до общественности свои собственные взгляды на коалиционное правительство¹. Ленин ответил на этот демарш утверждением о том, что лишение партией самой себя власти выглядело бы в глазах рабочего класса изменой. 17 ноября Мария Спиридонова тем не менее публично сообщила о желании левых эсеров принять участие в деятельности Совнаркома и о готовности левых эсеров занять официальные правительственные должности. При этом отметила, что Совнарком должен быть подотчётным Центральному исполнительному комитету Съезда Советов. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Викжель уменьшил свою активность по формированию широкой коалиции.

Несомненно, это была упущенная возможность, но интереснее то, что об этом едва ли вспоминают сегодня. Непосредственным следствием такого решения стала коалиция с левыми эсерами в первый год правления большевиков в России (на практике – в течение половины этого периода). Ирония в том, что причиной распада коалиции стали сами левые эсеры, оказавшиеся более непримиримыми, чем большевики: левые эсеры вышли из состава правительства в знак протеста против ратификации Брест-Литовского договора в 1918 г.

Международный контекст интерпретации российской революции – другой аспект, который должен был радикально измениться с течением временем. Сам Ленин признавал впоследствии на III съезде Коминтерна в 1921 г.: «До революции и даже после неё мы думали: либо революция разразится в других странах, в более развитых капиталистических странах, сразу или, по крайней мере, быстро, либо мы должны погибнуть»². Ожидание неминуемой международной революции было явным фактором в размышлениях Ленина и Троцкого при подготовке Октябрьского восстания. Вопрос о том, как можно увековечить и сохранить революцию, которая была начата по одной причине, а затем должна была продолжаться в других условиях, а также неудача в осуществлении международной революции, связанной со сложностью разработки и соблюдения «единой линии», стали принципиальной особенностью политического мышления руководства Советского Союза вплоть до конца его существования.

¹ Rabinowitch A. The Bolsheviks in Power. The First Year of Soviet Rule in Petrograd. – Bloomington & Indiana: Indiana University Press, 2007, p. 41.

² См.: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1921/jun/12.htm>. (дата обращения 12.12. 2017.)

Нереализованные сценарии и упущенные возможности революции касаются также периферии Российской империи, каждого региона и пограничных областей. Революция открыла общую дискуссию вокруг федерализации и децентрализации в Российской империи, последствия которых до сих пор обсуждаются.

Возьмём лишь один пример. В Закавказье в результате февральских событий впервые в истории¹ появились три независимых государства: Грузия, Армения и Азербайджан.

В Грузии в 1918 г. доминировали и правили меньшевики (социал-демократы, которые верили в построение социализма при союзе буржуазии и пролетариата; моделью массовой партии для них оставалась германская социал-демократическая партия, которая в Германии после 1890 г. охотнее участвовала в парламентской политической жизни, чем стремилась к насильственному захвату власти и установлению так называемой диктатуры пролетариата). Меньшевики в Грузии рассматривали захват Лениным власти в Петрограде как ошибочный и исторически преждевременный акт и ожидали падения большевистского правительства. Тем не менее они возглавили процесс создания независимого демократического грузинского государства, основанного на вполне социалистических принципах². После марта 1918 г. земля, экспроприированная у крупнейших землевладельцев, была поделена между крестьянами. Были созданы благоприятные условия для развития профсоюзного движения. В результате к концу 1920 г. в Грузии насчитывалось 113 профсоюзов, в которые входили 64 000 человек. Подобным образом множились также кооперативные общества. Допустивший в стране существование легальной оппозиции и свободной прессы грузинский социалистический эксперимент заслужил похвалу Карла Каутского – ведущего теоретика СДПГ. Тот посетил Грузию в 1920 г. и лестно охарактеризовал её в своих работах, назвав примером воплощения демократическими средствами идей социализма на практике (в отличие от насильственной диктатуры, установленной Лениным на севере)³. Ради справедливости нужно отметить, что демократиче-

¹ Автор явно не учитывает античные и средневековые традиции государственности на территории Закавказья. – *Прим. ред.*

² Из последних работ по этой теме см.: Lee E. *The Experiment. Georgia's Forgotten Revolution, 1918 – 1921.* – London: Zed Books Ltd., 2017; также см.: Jones St. F. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883 – 1917.* – Harvard: HUP, 2005; *The Making of Modern Georgia, 1918 – 2012: The First Georgian Republic and Its Successors*; ed. Jones St. F. – London: Routledge, 2014.

³ Kautsky K. *Georgia, a Social-Democratic Peasant Republic. Impressions and Observations.* – London: International Bookshops, 1921. О полемике Каутского с Лениным см. его текст 1919 г.: Kautsky K. *Terrorism and Communism. A Contribution to the Natural History of Revolution.* – URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1919/terrcomm/index.htm>. (дата обращения 12.12. 2017.)

ский социалистический эксперимент в Грузии 1918 – 1921 гг. до сих пор не увековечен в этой стране, исключая официальную дату независимости Грузии. Отчасти, я полагаю, это связано с тем, что данный период истории не представляется «полезным» нынешнему грузинскому правительству, для которого социализм дискредитирован. С одной стороны, это действительно объясняется тем, что правительство в то время было явно социалистическим. С другой стороны, несомненно, что пересмотр наследия этого правительства также предполагает признание ужасающих нарушений прав негрузинских меньшинств в стране (особенно осетин) – сфера, которая сегодня является очень чувствительной для обсуждения в регионе.

Историческая амнезия в современной Грузии о феврале 1917 г. равносильна ситуации в современных Армении и Азербайджане. Достижения, характерные для недолговечной Азербайджанской Демократической Республики, были даже весомее: это государство стало первой мусульманской республикой в истории человечества, которая ввела полное, свободное и неограниченное избирательное право для женщин при демократических выборах. Сегодня независимые государства Грузии, Армении и Азербайджана – явно наследники государств, возникших в 1918 – 1920 гг., если иметь в виду государственные символы и риторику. Но отсутствие приемлемой истории того периода, которая могла бы быть увековечена – а в реальности этот период в Закавказье отмечен кризисом государственности, экономической нестабильностью, гонениями по этническому признаку и, наконец, политическим коллапсом – создаёт крайне небезопасную и нестабильную «базу памяти» для консолидации этих государств в наши дни.

Возможности, которые появились благодаря февралю 1917 г., но были упущены, до сих пор в полной мере не признаны и не увековечены. Подобное нельзя, конечно же, сказать про октябрь 17-го года, ставший центральным памятным событием в Советском Союзе после 1923 г. Способ, применявшийся большевиками для увековечивания и празднования Октября, менялся со временем. Один из наиболее примечательных во многих отношениях эпизод в истории коммунистических торжеств связан с последним раундом официальных празднеств, прошедших в 1987 г. Официальное празднование Октябрьской революции коммунистическими властями было сопряжено с рядом вызовов (диаметрально противоположных нынешним) – результат специфического философского дискурса, свойственного сердцевине самого коммунизма.

Если для современных политиков «полезность» революционных событий 1917 – 1924 гг. в высшей степени проблематична, то коммунистические политики столкнулись с противоположной дилеммой – необходимостью подчеркнуть непреходящую актуальность и глобальную важность Октября. Хотя большевистские мыслители и писатели декларировали диалектическую тайну истории в гегельянском смысле и считали, что исторический процесс развивается в результате скачков и радикальных кризисов, они в то же время

были вынуждены характеризовать Октябрь как подлинный центр истории человечества, как, иными словами, триумф разума (в духе Просвещения), как важную и незабываемую вежу, как то, что позже получит более модное обозначение «конец истории». Диалектическое лавирование между категорией прогресса как результата разрешения противоречий и идеей *актуальности* и *непреходящего значения* Октября особенно заметно во время последнего большого «официального» празднования октябрьских событий в 1987 г.

Горбачёв к 1987 г. был у власти уже в течение двух лет, и его программа реформ становилась всё более радикальной, начавшись с антиалкогольной кампании и борьбы с коррупцией. В 1987 г. для оживления и перезапуска социалистической экономики он обратил свой взор к нэпу. К 70-й годовщине Октября был издан доклад Горбачёва «Октябрь и перестройка: революция продолжается»¹. Для нас сегодня, конечно, кажутся удивительными резонанс и интрига документов 1987 г., когда современники оказались не способны увидеть грядущее: четыре года спустя не только Советский Союз, но и весь Восточный блок и Варшавский пакт прекратили своё существование. **Для Горбачёва в то время «социалистический выбор», сделанный российским народом в 1917 г., оставался необратимым:** «В XX в. нельзя идти вперёд, не идя к более высокой форме социальной организации – к социализму. Этот фундаментальный вывод сегодня не менее актуален, чем тогда, когда он был впервые декларирован Лениным»². Горбачёв в 1987 г. стремился использовать память об Октябре для поддержки своей собственной программы реформ. В докладе говорилось: «Цель перестройки – полное теоретическое и практическое воссоздание ленинской концепции социализма»³; но перестройка должна была также «придать социализму новое качество, как говорят, второе дыхание, а для этого – осуществить глубокое обновление всех сторон жизни общества»⁴.

В обзоре советской истории с 1917 г., представленном в докладе Горбачёва, ещё содержалось много ортодоксальных положений. В частности, продолжалась демонизация Троцкого как антисоциалиста, который «проявил непомерные притязания на лидерство в партии»⁵, а поражение, нанесённое его фракции Сталиным, по-прежнему восхвалялось и поддерживалось как защита наследия ленинизма.

Однако те, кто обладал тонким слухом, могли обнаружить в официальном дискурсе отголоски переходного периода: Февральская революция была формально признана и одобрена как «первая победоносная народная револю-

¹ Gorbachev M. October and Perestroika: The Revolution Continues. – Moscow: Novosti Publishing House, 1987.

² Ibid, p. 8.

³ Gorbachev M. October and Perestroika: The Revolution Continues..., p. 42.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid, p. 20.

ция эпохи империализма» и «первый опыт реальной демократии»¹; демократическая реформа была одобрена в целом, с упоминанием местных советов, которые стали рассматриваться в качестве средства децентрализации управления; сама демократия была также абстрактно оценена и в контексте утверждения о том, что «социализм – это общество нарастающего многообразия в суждениях, взаимоотношениях, деятельности людей. Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни»². Возможно, наиболее значимым из всего там была косвенная критика политики коллективизации в 1920-е гг., когда «средний крестьянин» стал оцениваться как «убеждённый и надёжный союзник рабочего класса», а сталинская коллективизация критиковалась за «отход от политики Ленина в отношении крестьянства»³. Этот доклад, таким образом, предвосхитил и в скрытой форме одобрил ту последующую радикальную ревизию так называемых белых пятен в советской истории – проекта обновления памяти, достигшего кульминации в радикальном разочаровании и в последующем роспуске самого Советского Союза.

Не удивительно то, что в этом контексте поиска «полезной» истории Февраля в следующем году (1988) мы также увидим полную реабилитацию Николая Бухарина – самого известного после смерти Ленина сторонника нэпа в Советском Союзе. Позднее Горбачёв и его сторонники повторно обратились к этому опыту в их собственной экономической попытке создать форму рыночного социализма.

В определённом смысле документы 1987 г., конечно, представляют чисто исторический интерес – с тех пор как мы с высоты сегодняшних дней точно знаем, что этот реформаторский проект потерпел неудачу. Однако, с другой стороны, они прямо свидетельствуют о мобилизации наследия Октября даже в поздний советский период. Реформа могла быть представлена и одобрена только как возвращение и продолжение принципов революции. Программа горбачёвских реформ возникла не от чувства наивности к фундаментальным вызовам современности в отношении советского проекта. Эти вызовы фактически открыто обсуждались на XIX партийной конференции (первой с 1941 г.), прошедшей в тот же памятный 1987 г. На конференции состоялось полнокровное обсуждение делегатами вызовов национализма, коррупции и экономической стагнации. Но горбачёвская программа возникла из глубокой веры в то, что реформа может быть санкционирована и продвинута *только* по пути достижений и признания вечного значения Октября⁴. В этом смысле дебаты по вопросу, оказали ли на Горбачёва и группу вокруг него большее влияние социал-демократы,

¹ Gorbachev M. October and Perestroika..., p. 9.

² Ibid, p. 45.

³ Ibid, p. 24.

⁴ Gorbachev's Gamble. The 19th All-Union Party Conference; ed. Baruch A. Hazan. – Boulder, San Francisco & London: Westview Press, 1990.

например шведские, или же итальянская и испанская коммунистические партии, нежели ленинское наследие – не отражают действительность. Ленин и наследие Октября оставались единственной легитимной отправной точкой в общественных дебатах о реформах в Советском Союзе до 1987 г.¹

Последний крупный раздел изменений, рассматриваемых в статье, связан с современным увековечиванием памяти «Дня Великой Октябрьской социалистической революции». Он не мог, конечно, сильно выбиваться из того стиля, в котором отмечали российскую революцию в её столетнюю годовщину – в 2017 г. Частично это следствие тех дихотомий и дилемм, которые уникальны только для России, но частично это и продукт общего кризиса постмодернизма. Советский Союз в этом смысле был великим образцом эксперимента Просвещения: память и роль памяти были здесь подчинены духу разума, проведённого для воплощения объективной и естественной истины. Хотя западные либералы во время холодной войны, конечно, критиковали коммунизм как искажение ценностей Просвещения, сами коммунисты считали своё дело логическим и телеологическим завершением европейского Просвещения: как без Руссо и Адама Смита не было бы Маркса и Энгельса, так и без Маркса и Энгельса не было бы Ленина.

Никулин пишет, что, когда мышление в стиле Просвещения в конце XX столетия столкнулось с нараставшей всеобщей критикой, «память заменила низвергнутую концепцию разума и обрела доминирующее значение для человека, желавшего объяснить исторический, политический или социальный феномен... **Память, таким образом, становится средством коллективного самопознания, часто обусловленного коллективно разделяемой травмой, и делается основой производства новой истории**»². Однако конкурирующая природа памяти сама делает это предприятие радикально дестабилизирующей новой динамикой; рассвет эры постправды сам по себе является продуктом «политики памяти», заменившей разум³.

Ясно, что внутри российского контекста имеется локальная специфика. В 2004 г. президент Путин учредил новый национальный праздник 4 ноября (в тот год – 6 ноября) – День национального единства. Это отражение ревизионистского периода, в целом связанного с реабилитацией как лидеров Белого движения в Гражданской войне, так и самой династии Романовых. В даль-

¹ О Горбачёве как «социал-демократе» см.: Brown A. Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat? // *Europe-Asia Studies*, v. 16, № 2, March 2013, p. 198-220; и его ранняя версия: Brown A. Gorbachev, Lenin, and the Break with Leninism. // *Demokratizatsiya*, v. 15, № 2, Spring 2007, p. 230-244.

² Nikulin D. Op. cit, p. 5.

³ Keyes R. *The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life.* – St. Martin's Press, 2004; Gray J. *Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the Close of the Modern Age.* – London & New York: Routledge, 1995.

нейшем президент Путин комментировал Октябрьскую революцию в целом в критических терминах, особенно в последние годы, с отсылкой к наследию этого периода, всё ещё очевидному на окраинах бывшей царской империи и Советского Союза. В глазах Путина Ленин был вдвойне подозрителен, так как тот фактически способствовал этническому федерализму и насильственно разрушил в 1917 г. существовавший политический порядок. Так, Путин выразил это мнение на примере Украины: «После революции большевики по многим причинам – Бог им судья – добавили многие части исторического русского Юга к Республике Украина. Это было сделано без учёта этнического состава населения, а сегодня эти районы образуют юго-восток Украины. Затем, в 1954 г., было принято решение о передаче Крымской области Украине вместе с Севастополем, несмотря на то что это был город союзного подчинения. Это было личной инициативой главы Коммунистической партии Никиты Хрущёва... Только когда Крым оказался частью другой страны, Россия поняла, что её не просто обокрали, а ограбили»¹.

В 2016 г. президент Путин прямо обвинил Ленина в крахе Советского Союза, заметив: «Позволять руководствоваться своими мыслями – правильно, но только тогда, когда эти идеи приводят к правильным результатам, а не так, как это произошло с Владимиром Ильичом». И добавив следующее: Ленин сказал, что Советский Союз должен формироваться «на основе полного равноправия государств с правом выхода из Советского Союза. И вот это и есть мина замедленного действия под зданием нашей государственности. Они не только установили границы для этнических групп в многонациональном, в действительности унитарном, государстве, границы были установлены произвольно без учёта многих причин. Так, почему они сделали Донбасс частью Украины? Причина заключалась в том, чтобы увеличить долю пролетариата для увеличения своей социальной поддержки. Чистая чепуха, как видите. И это не единственный пример, таких примеров много. Скажем, культурная автономия – это одно, автономия с широкими государственными полномочиями – это другое, а право на отделение – это совсем иное. В конечном итоге это, наряду с неэффективной экономической и социальной политикой, привело к распаду государства. **Это была бомба замедленного действия.** Что это, если это не бомба замедленного действия? Это точно она. Мы просто должны тщательно проанализировать то, что произошло в прошлом, используя наши сегодняшние возможности. Однако мы не можем рисовать чёрными красками всё прошлое. Мы должны сделать тщательный объективный анализ, чтобы

¹ Послание президента Российской Федерации, 18 марта 2014 г. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603> Gorbachev M. October and Perestroika: The Revolution Continues. – Moscow: Novosti Publishing House, 1987

избежать сделанных ошибок и развивать нашу государственность, нашу экономику и социальную сферу таким образом, чтобы **сделать государство сильнее**. Мы имеем такую возможность, и Общероссийский народный фронт тоже может участвовать в этом»¹.

Размышляя о самой революции, Путин также осудил казни тысяч священников – только в 1918 г. 3 000 – то, что принесла революция. Это отражает его собственный союз с Русской православной церковью в настоящем. Он добавил, что в целом социально и политически революция нежелательна: «Когда мы глядим на уроки столетней давности, мы видим, какие двойственные результаты мы получили, там были и негативные, и позитивные последствия тех событий. Мы должны спросить: была ли в действительности возможность развиваться не через революцию, а эволюционно, без уничтожения государственности и беспощадного разрушения судеб миллионов, постепенно, шаг за шагом идя по пути прогресса?»

По словам моего друга и уважаемого российского историка Бориса Колоницкого, октябрь 1917 г., в отличие от июня 1941 г. или Победы 1945 г., не является полезным историческим ресурсом для Путина. Для широкого консенсуса, которого требует Путин, он нуждается как в людях, считающих революцию трагедией, так и в тех, кто симпатизирует коммунистическим идеям и ностальгирует по Советскому Союзу².

Результатом стали официальная амнезия и частые предупреждения Кремля о том, что празднование событий 1917 г. не должно становиться политизированным. Во многих отношениях мы сегодня – в год столетия революции – не смогли далеко уйти от подхода 1987 г. – юбилея по случаю её 70-летней годовщины. Дальнейший прогресс – не важно, в России или глобальный – тем не менее потребует пересмотра «политики разума» при том, что «политика памяти» оказалась её нежизнеспособной заменой. Однако следует также признать, что это проект, который оставил после себя коллективные травмы XX столетия на руинах всеобщего энтузиазма.

Перевод: С. А. Прокопенко, М. А. Судакова.

¹ Встреча с ОНФ. Межрегиональный форум. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/%20news/51206>

² Shaun Walker. Revolution, What Revolution? Russians Show Little Interest in 1917 Centenary. // *The Guardian*, 6 November 2017: <https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/revolution-what-revolution-russians-show-little-interest-in-1917-centenary>

100 YEARS OF THE RUSSIAN REVOLUTION: CENTENARY PERSPECTIVES ON REGIONALISM AND INTERNATIONALISM IN TROUBLED TIMES

Alex Marshall (University of Glasgow)

Centenaries of any historical event are of course fascinating occasions, as much for what is not remembered and celebrated as for what is. I am not about to recount or revisit in any very substantial way the events of October 1917 in this short presentation. Rather, I am going to reflect on the role of memory when looking back on these events and the curiosities of what is remembered and forgotten today. The critical role that memory plays in the writing of history is an expanding sphere of study in recent decades, and the field of ‘memory studies’, as Dmitri Nikulin has noted, is itself more vibrant than ever before¹. For scholars of Russia and the Soviet Union, incorporating work on memory and commemoration has also become a particularly important new enterprise, not least since the collapse of the Soviet Union, beyond its roots in immediate political, economic and social circumstances, was itself arguably hastened by the revival of contested memories and means of memorialization in the Soviet mass media². I am going to approach the topic of the Russian Revolution and the role of memory today through three prisms – the obscured memory of the lost opportunities of 1917 itself, the politically instrumentalized memories invoked in the last official Soviet commemoration of October 1917 in 1987, which was of course the 70th anniversary of the revolution, and the 100th anniversary non-celebrations which are effectively occurring in Russia today. The latter are proving particularly problematic for reasons both specific to Russia itself and, I will argue, generic to the modern condition in general. In doing so, I will focus on both regional legacies, and forgotten opportunities.

In many ways, the biggest losers from the events of 1917, both at the time and in popular memory even today, were the socialist alternatives that arose at the time. The role of the SR party, the largest socialist party in Russia at the time, and the clear winners in the November 1917 elections to the quickly disbanded Constituent Assembly, is in particular one of the still ongoing areas of greatest amnesia around the events of 1917 – 18 in Russia. But so too is commemoration of the February revolution earlier that year, and of the Provisional Government, which in retrospect

¹ Nikulin D. Memory in Recollection of Itself. // *Memory: A History*. – Oxford: OUP, 2015, p. 3-34.

² David Satter. *It Was A Long Time Ago, And It Never Happened Anyway: Russia and the Communist Past*. – Yale: Yale University Press, 2012; Scott Shane. *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union*. – Chicago: I.R. Dee, 1995.

is remembered today primarily for paving the way for the Bolshevik seizure of power. The still continuing level of historical forgetfulness around the Provisional Government is both remarkable, and telling. It did not come about through lack of effort on the part of the period's émigré survivors to have it otherwise, but for better or worse they were and remain largely 'written out' of history. In 1932 Alexander Kerensky, both an SR and the Provisional Government's most famous representative, wrote – by now in exile of course – about how he hoped the Provisional Government would eventually be remembered. As he put it then:

‘...as in England, the great charter of liberties (Magna Charta), after all the experiences of history, has become the foundation of State life, as in France the root principles of 1789 have conquered Jacobinism, Bonapartism and Restoration, so Russia, too, is bound to return to the programme of March 1917, to the building up of the State on the principles of democracy. It seems to me that the longer there last attempts of every kind to find some sort of more or less workable form for the Bolshevik dictatorship – ‘militant Communism,’ the ‘NEP’, the ‘Five Year Plan’ – the clearer for any objective observer becomes the absolute inevitability that the very system of dictatorship by a party oligarchy must fall in Russia. That is why the development of political events in Russia creates a certain historical paradox: the longer the Bolshevik dictatorship goes on, the more real, the more attractive to Russian minds becomes the idea of freedom, that is, the root idea which was the strength of the March Revolution. And that is why, in spite of the last fifteen years, not only Russians, but foreigners interested in Russia and her future, should take account of what was the policy, both internal and external, of the Provisional Government – a government which for eight months of revolution expressed the free opinion of the country and rested only on it’¹.

This of course has largely not come to pass, either at the time or since. If the memory of October 1917 is being passed over in something resembling an awkward silence in Russia today – a topic I will return to – then the memory of what occurred in February-March, and of the politicians and forces that came to the fore then, are if anything even more repressed. If the toppling of the PG in October is uncomfortable for the Russian government today, the toppling of Tsarism and of ‘Nicholas the Bloody’ in February is even more uncomfortable, in an era where the Russian Orthodox Church has since deified Nicholas II as a saint, and the Romanov era in general has been re-assessed more benignly by certain forces in the contemporary Russian media and wider civil society. This discomfort is no doubt increased by the fact that the February revolution belonged to no one party at the time it happened, but was a genuine people's uprising – as a leading SR later remembered, the February revolution had been ‘...a great and joyful event, unex-

¹ Kerensky Alexander. The Policy of the Provisional Government of 1917. // *The Slavonic and East European Review*, v. 11, № 31, Jul. 1932, p. 1.

pected even by those of us who had been working towards it for many years and waiting for it always'¹ .

The historical forgetfulness about what February 1917 ushered in extends however, to the events immediately following the seizure of the Winter Palace in October, and to events in the peripheries of what was then the Tsarist empire as well. How the revolution would have evolved, had the talks sponsored by Vikzhel after 29 October, (the All-Russian Union of railwaymen) to establish a broader based socialist coalition gained deeper traction, is one of the 'known unknowns' of the Russian revolution. On the night of 25th October (OS), when news of the fall of the Winter Palace reached the Congress of Soviets, both Mensheviks and Right SRs had initially walked out in protest at the insurrection, but the Left SRs under Maria Spiridonova stayed behind to discuss the possibility of entering into a coalition with the Bolsheviks. Although largely forgotten now, the Bolshevik's overthrowing of the Provisional Government did not signal an immediate dictatorship, but instead led to ongoing discussions around creating a viable socialist coalition government, a position supported by a number of moderates within the Bolshevik party itself. The Left SRs at first rejected immediately entering into government with the Bolsheviks, but the battle of Pulkovo Heights on 29th October revived Vikzhel's initiative on this question. On 31 October, by a one man margin, the Menshevik CC also endorsed participating in talks to form a broad coalition government including the Bolsheviks, although both the Mensheviks and SRs remained opposed to allowing Lenin or Trotsky to actually serve as members of this new government. On the night of 31 October/1 November, a cross party commission met to hammer out an agreement, with the Bolsheviks on the commission allegedly consenting to drop Lenin and Trotsky as ministerial candidates in the new government. On 1st November however, Lenin then learned of these talks, and flew into a rage with his own CC, damning their actions as treasonous and hurling abuse at Anatolii Lunacharskii's calls for a more conciliatory stance. Trotsky, who at this time appeared to share Lenin's belief that a global revolution was imminent, was equally intransigent, and talks again broke down. The Left SRs under Maria Spiridonova however now began to again actively contemplate an alliance with the Bolsheviks, whilst on 5 November 1917, four of Lenin's fellow central committee members resigned their posts as commissars in Sovnarkom, in order to publicize their own views that deeper concessions had to be made, and a proper coalition government formed². Lenin responded to such resistance by arguing that for the party to now effectively

¹ Radkey Oliver. *The Agrarian Foes of Bolshevism: The Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917*. – Columbia: CUP, 1958.

² Rabinowitch Alexander. *The Bolsheviks in Power. The First Year of Soviet Rule in Petrograd*. Bloomington & Indiana: Indiana University Press, 2007, p. 41.

divest itself of power would be treason in the eyes of the working class. On 17 November, Maria Spiridonova nonetheless publicly signalled the desire of Left SRs to participate in the Sovnarkom, and the entry of Left SRs into formal government posts, combined with the assumption that the Sovnarkom would remain accountable to the CEC of the Congress of Soviets, proved sufficient for Vikzhel to reduce its pressure for a still broader coalition to be formed.

This was undoubtedly an opportunity lost, and a path not only not taken, but more interestingly one that is still scarcely remembered even today. The immediate consequence was that the first year of Bolshevik rule in Russia was in practice marked for at least half that period by their ruling in coalition with the Left SRs, and that the immediate reason for the breakdown of this coalition was the Left SRs ironically proving even more intransigent than the Bolsheviks themselves, withdrawing from government in protest at ratification of the treaty of Brest-Litovsk in 1918. The international context of the Russian Revolution in general at the time was another aspect that would become again also become radically reconfigured as time went on; as Lenin himself admitted subsequently at the Third Congress of the Comintern in 1921, 'before the revolution, and even after it, we thought: either revolution breaks out in other countries, in the capitalistically more developed countries immediately, or at the very least quickly, or we must perish'¹. The expectation of imminent international revolution was an explicit factor in both Lenin and Trotsky's reasoning for mounting an insurrection in October 1917. The question of how to commemorate and preserve a revolution that had been started for one reason, and then had to carry on under other, different sets of circumstances – the failure, in short, of the international revolution itself to develop and follow a single 'straight line' as expected – would therefore become a radical ongoing disjuncture at the core of the Soviet Union's own political thinking up until its very demise.

Paths not taken, and lost opportunities, proliferated in the periphery of the Russian Empire as well, in every region and borderland. The revolution ushered in a general discussion around federalization and decentralization within the Russian Empire whose consequences are still argued and debated about even today. To take just one example, in the South Caucasus, as a result of the events of February, there emerged for the first time in history three independent states – Georgia, Armenia and Azerbaijan. Georgia in 1918 was dominated and governed by Mensheviks, social democrats who believed in socialism being carried out by an alliance of bourgeois and proletariat, and whose model for a mass party remained the German SPD, a party which in Germany after 1890 had participated in mass democratic parliamentary politics, rather than advocating a violent seizure of power and the imposition of the so-called dictatorship of the proletariat. The Mensheviks in Geor-

¹ <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1921/jun/12.htm>

gia regarded Lenin's seizure of power in Petrograd as misguided and historically premature; whilst they waited for the Bolshevik government to collapse, they nonetheless presided over what became in practice an independent and also democratic Georgian state run on explicitly socialist principles.¹ After March 1918, land was expropriated from the largest landholders and redistributed to the peasantry, trade unions were permitted to flourish – so that by the end of 1920 there were 113 unions in Georgia, with 64,000 members – and cooperative societies likewise multiplied. Given the existence of a legal opposition and a free press at the same time, the socialist experiment in Georgia won the praise of Karl Kautsky, the leading theorist of the German SPD, who visited Georgia in 1920, and who upheld it in his writings as the pre-eminent example of enacting socialism in practice by democratic means, as opposed to the violent dictatorship being practiced by Lenin further to the north². It is fair to say however that the democratic socialist experiment in Georgia between 1918 and 1921 is in the region today still distinctly unmemorialised, except as the official date for Georgian independence. In part this is because this period of history is, I suspect, not 'useful' to the current Georgian government, for whom socialism is discredited. At one level this is therefore because the government at the time was so explicitly socialist. At another level it is undoubtedly because revisiting the record of that government also involves revisiting and recognizing an appalling human rights record against non-Georgian nationalities within Georgia at the time, particularly against the Ossetians, an area that is perhaps still too sensitive to discuss in the region even today. Historical amnesia in Georgia about what February 1917 generated is equalled by apparent amnesia in contemporary Armenia and Azerbaijan, despite the achievements of the short lived Azeri Democratic Republic being in some ways even more striking; the ADR was the first Muslim majority republic in human history to enact full, free and unrestricted female suffrage in democratic elections. Though the independent states of Georgia, Armenia and Azerbaijan are therefore today explicitly the 'successor states' of the states that emerged in 1918 – 20 in terms of both state symbols and rhetoric, the lack of a 'usable history' from that period that could be virtuously memorialized – the reality of state dysfunction, economic insecurity, ethnic persecution, and eventual political collapse that marked this period of time in the South

¹ For a recent work on this topic, see: Lee Eric. *The Experiment. Georgia's Forgotten Revolution, 1918 – 1921.* – London: Zed Books Ltd., 2017; but see also: Jones Stephen F. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883 – 1917.* – Harvard: HUP, 2005; and: *The Making of Modern Georgia, 1918 – 2012: The First Georgian Republic and Its Successors;* Jones Stephen F. – London: Routledge, 2014.

² Kautsky Karl. *Georgia, a Social-Democratic Peasant Republic. Impressions and Observations.* – London: International Bookshops, 1921. On Kautsky's polemic with Lenin, see his 1919 text: Kautsky Karl. *Terrorism and Communism. A Contribution to the Natural History of Revolution,* available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1919/terrcomm/index.htm>

Caucasus – creates a highly insecure and unstable ‘memory base’ for the consolidation of these states today.

If the lost paths generated by February 1917 are even today still curiously under recognized and un-commemorated, the same cannot of course be said of October 1917, which became a central commemorative event in the Soviet Union after 1923. The manner in which the Bolshevik party memorialised and commemorated October however also changed over time, and in many ways perhaps one of the most fascinating episodes of popular communist commemoration is related to the last major round of official commemoration that occurred in 1987. Official commemoration of the October Revolution in Communist hands represented a series of challenges diametrically opposed to the challenges such memorialization presents today, as a result of the specific philosophical discourse at the core of Communism itself. Whilst for modern politicians the ‘usability’ of the revolutionary events of 1917 – 24 is extremely challenging, Communist politicians faced in some ways the opposite dilemma – the need to underline the eternal applicability and global importance of October itself. Though Bolshevik thinkers and writers embraced the dialectic mystery of history in the Hegelian sense, and with it the notion of history advancing by ‘leaps’ and radical conjunctures, they were at the same time necessarily impelled to embrace October itself as a ‘core truth’ in human history – as a triumph, in other words, of Reason, in the Enlightenment sense of the word, and as nonetheless an important and unforgettable milestone in what would later come to be more fashionably called ‘the End of History’. Managing this dialectic between progress, which came about via contradiction, and communicating the core and necessarily eternal meaning of October itself, was perhaps particularly apparent in the last great ‘official’ celebration of October that occurred in 1987.

Gorbachev had by 1987 already been in power for two years of course, and his reform program was becoming steadily more radical; having initially undertaken a public crackdown on alcoholism and corruption, the Gorbachev of 1987 was revisiting the NEP era as a way of exploring how to re-invigorate and kickstart the Soviet economy of the 1980s. The 70th anniversary of October produced an official pamphlet by Gorbachev entitled ‘October and Perestroika: the revolution continues’¹. For us today, of course, at least some of the resonance and intrigue of the documents produced in 1987 is the degree to which contemporaries were unable to see what was coming: that just four years later, not only the Soviet Union, but the entire eastern bloc and Warsaw Pact would effectively cease to exist. For Gorbachev at the time by contrast, the ‘socialist choice’ made by the Russian people in 1917 remained irreversible, and ‘there can be no progress without advance to so-

¹ Gorbachev Mikhail. *October and Perestroika: The Revolution Continues*. – Moscow: Novosti Publishing House, 1987.

cialism, a higher form of socialist organisation. This fundamental conclusion is no less relevant today than when it was first drawn by Lenin¹. Gorbachev's injunctions in 1987 sought to use the memory of October to support his own reform program; as he wrote in his pamphlet, 'the purpose of perestroika is the full theoretical and practical reestablishment of Lenin's conception of socialism'²; but perestroika was also to give 'a new quality or, as they say, a second wind, and this requires a profound renewal of all society's life'³.

There were still plenty of orthodoxies in Gorbachev's review of Soviet history since 1917 as espoused in this pamphlet; Trotsky remained demonised as an anti-socialist, who 'displayed excessive pretensions to top leadership of the party'⁴, and the defeat of his faction by Stalin was still praised and upheld as having safeguarded the legacy of Leninism. For those who chose to listen closely however, there were also hints of a transition period in official thinking; the February revolution was now formally recognized and endorsed as 'the first victorious people's revolution in the imperialist epoch' and the 'first experience of real democracy'⁵; democratic reform was endorsed in general, with local Soviets now reinvoked as a means of decentralizing government; and democracy itself was also abstractly praised, in the context that 'socialism is a society of growing diversity of people's opinions, relationships and activities... We are for a diversity of public opinion, a richness of spiritual life'⁶. Perhaps most notably of all, there was now also oblique criticism of the policy of collectivization in the 1920s, with the 'middle peasant' reappraised as 'a staunch and dependable ally of the working class' and the Stalinist collectivization campaign critiqued as 'a departure from Lenin's policy towards the peasantry'⁷. This pamphlet therefore both presaged and implicitly approved what was about to become a radical revisiting of the so-called 'blank spots' in Soviet history – a (re)memory project which was to culminate in more radical disillusion and the ultimate dissolution of the Soviet Union itself.

In this context, it is therefore unsurprising that, in the search for 'usable' history, February the following year (1988) would also see the full rehabilitation of Nikolai Bukharin, the pre-eminent supporter of the NEP in the Soviet Union after Lenin's own death, the latter a period in general now also re-invoked by Gorbachev and his followers for their own economic attempt to create a form of market socialism. In one sense the documents of the 1987 period are of course of purely histori-

¹ Gorbachev Mikhail. *October and Perestroika...*, p. 8.

² *Ibid.* p. 42.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*, p. 20.

⁵ *Ibid.*, p. 9.

⁶ *Ibid.*, p. 45.

⁷ *Ibid.*, p. 24.

cal interest, since ‘we now know’ just how precisely and enormously this whole reform project in fact failed. At another level however, they are a profound testament to the ongoing mobilizational quality of October 1917 even in the late Soviet period; reform could only be articulated and endorsed if one could also portray it as both a return to, and a continuation of, the principles of October. Gorbachev’s reform program arose not from any sense of naivety around the profound contemporary challenges facing the Soviet project – these challenges were in fact openly confronted and discussed at the 19th all-union party congress held in the same totemic year of 1987, the first all union communist congress that had been held since 1941. At that congress the challenges of nationalism, corruption, and economic stagnation had been fully discussed and exposed by all the attending delegates. However, Gorbachev’s program arose from a profound belief that reform could also *only* be endorsed and promoted via reference to the achievements and eternal significance of October 1917¹. In this sense, the debate around whether Gorbachev and the group around him ‘evolved’ into Social-Democrats – as to whether the examples of Sweden and the Italian and Spanish Communist Parties ended up influencing them more than the Leninist legacy – misses the point. Lenin and the legacy of October remained the only legitimate starting point to launch a public debate about reform in the Soviet Union until 1987².

This last great round of reform orientated commemoration linked to ‘The Day of the Great October Socialist Revolution’ could not of course be more different from the manner in which the revolution is being commemorated in Russia this year, on its 100th anniversary. In part this is a consequence of dichotomies and dilemmas unique to Russia itself, but in part this is the product of a generic crisis of post-modernity. The Soviet Union was in this sense the last great example of the Enlightenment experiment; memory and the role of memory was subordinate to the spirit of Reason, which was held to embody objective and natural truth. Although Western liberals during the Cold War of course critiqued Communism as a perversion of Enlightenment values, Communists themselves upheld their cause as the logical teleological endpoint of the European Enlightenment itself – without Rousseau or Adam Smith, no Marx or Engels, without Marx and Engels, no Lenin. As Nikulin notes, when Enlightenment thinking underwent increasing general critique during the course of the late twentieth century, ‘memory replaces this dethroned conception of reason by becoming the predominant capacity to which one refers

¹ Gorbachev’s Gamble. The 19th All-Union Party Conference; ed. Baruch A. Hazan. – Boulder, San Francisco & London: Westview Press, 1990.

² On Gorbachev as a ‘social democrat’, see: Brown Archie. Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat? // *Europe-Asia Studies*, v. 16, № 2, March 2013, p. 198-220; and his earlier piece: Brown Archie. Gorbachev, Lenin, and the Break with Leninism. // *Demokratizatsiya*, v. 15, № 2, Spring 2007, p. 230-244.

when one wants to explain a historical, political or social phenomena...Memory thus becomes the vehicle for collective self-understanding often prompted by a collectively shared trauma, which becomes the basis for producing a new history'¹. The contested nature of memory however then itself makes this a radically destabilizing new dynamic; the dawn of the 'post-truth' era is itself a product of the Politics of Memory as a substitute for 'Reason'². Within the Russian context this clearly has a local specific. In 2004 President Putin created a new national holiday of November 4th, (this year November 6th) 'National Unity Day', reflecting a revisionist period that has in general been associated with rehabilitating both the White leaders of the Russian Civil War, and the Romanov dynasty itself. So far as President Putin has commented on the October revolution at all, it has been in critical terms, in recent years most notably with reference to the legacies of this period still apparent in the borderlands of the former Tsarist Empire and Soviet Union. Lenin is doubly suspicious in Putin's eyes, both for the fact that he promoted ethnic federalism, and for the fact that in 1917 he overthrew the existing political order by violent means. As Putin has expressed it with regard to Ukraine for example:

After the revolution, the Bolsheviks, for a number of reasons – may God judge them – added large sections of the historical South of Russia to the Republic of Ukraine. This was done with no consideration for the ethnic makeup of the population, and today these areas form the southeast of Ukraine. Then, in 1954, a decision was made to transfer the Crimean region to Ukraine, along with Sevastopol, despite the fact that it was a city of union subordination. This was the personal initiative of the Communist Party head Nikita Khrushchev...

It was only when Crimea ended up as part of a different country that Russia realized that it was not simply robbed, it was plundered³.

In 2016 President Putin also bluntly blamed Lenin for the collapse of the Soviet Union as a whole, remarking that: 'Letting your rule be guided by thoughts is right, but only when that idea leads to the right results, not like it did with Vladimir Ilich,' He added that

'Lenin said the state, the Soviet Union should be formed on the basis of full equality with the possibility of seceding from the union. That was the time bomb that was planted under the structure of our statehood. Not only did they set the borders for ethnic groups of a multinational, essentially unitarian state; the borders were also established arbitrarily, without much reason. Thus, why did they make Donbass part of

¹ Nikulin Dmitri. Memory in Recollection of Itself. P. 5.

² Keyes Ralph. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. – St. Martin's Press, 2004; Gray John. Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the Close of the Modern Age. – London & New York: Routledge, 1995.

³ Adress by President of the Russian Federation, March 18th 2014. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603>

Ukraine? The reason was to raise the share of the proletariat there to ensure greater social support. Pure nonsense, as you may see. And this is not the only example, there are many others. Say, cultural autonomy is one thing, an autonomy with broad state authority is another, while the right to secede is something else altogether. Eventually, this, along with an inefficient economic and social policy, led to the collapse of the state. **This was the time bomb.** What was it if not a time bomb? That is exactly what it was. We simply need to carefully analyse what happened in the past using the opportunities we have today. However, we cannot paint everything in the past black, or present a rosy picture of everything that is happening now. We need to make a careful objective analysis to avoid the mistakes that were made and develop our statehood, our economy and social sphere in a way that **would only make the state stronger.** We have such an opportunity, and the Russian Popular Front has a part to play here as well.¹

Reflecting on the revolution itself, Putin has also condemned the execution of thousands of priests – 3,000 in 1918 alone – that the revolution brought in its wake, reflecting his own current alliance with the Russian orthodox church, and added that revolution in general is socially and politically undesirable:

‘When we look at the lessons from a century ago, we see how ambiguous the results were, and how there were both negative and positive consequences of those events. We have to ask the question: was it really not possible to develop not through revolution but through evolution, without destroying statehood and mercilessly ruining the fate of millions, but through gradual, step-by-step progress?’

In the words of my friend and respected Russian historian Boris Kolonitskii, October 1917, unlike June 1941 or the victory gained in 1945, is therefore ‘not a usable historical resource for Putin. For the broad consensus Putin requires, he needs to keep onside both the people who think the revolution was a tragedy, and those who are sympathetic to communist ideas and nostalgic for the Soviet Union’². The result has been a policy of official amnesia and frequent warnings from the Kremlin that commemoration of the 1917 events should not become ‘politicized’; in many ways we could not be farther from the approach taken in 1987, the revolution’s 70th anniversary, than we are today, on its 100th. To progress further, either in Russia or globally, will nonetheless require a revisiting of the Politics of Reason – the politics of memory is proving an unviable substitute for the politics of Reason. One must also acknowledge however that this is also a project for which the collective traumas of the twentieth century have left a devastating shortage of global enthusiasm.

¹ Meeting of the Russian Popular Front’s (ONF) Interregional Forum: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/51206>

² Shaun Walker. Revolution, What Revolution? Russians Show Little Interest in 1917 Centenary. // *The Guardian*, 6 November 2017: <https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/revolution-what-revolution-russians-show-little-interest-in-1917-centenary>

1917 г. в современной русскоязычной историографии

Вячеслав Меньковский (Беларусь)¹

Перманентная смена историками трактовки событий 1917 г. привела к общественному скепсису в отношении профессиональной исторической науки. Псевдоисторические, ненаучные, но понятные и поэтому популярные концепции и схемы фолк-истории сегодня оказывают на общество большее влияние, чем академическая наука. В этих условиях столетний юбилей 1917 г. является хорошим поводом для анализа российской государственной исторической политики и состояния современной русскоязычной историографии российской революции.

На сегодняшний день в корпорации историков нет согласия даже в отношении термина, определяющего события 1917 г. Русскоязычная версия «Википедии» даёт термины «Русская революция» или «Великая русская революция» как условное название революционных событий, произошедших в России в 1917 г., начиная со свержения монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству, которое, в свою очередь, было свергнуто в результате Октябрьской революции большевиков, провозгласивших советскую власть. Однако отмечено, что страницу предлагается переименовать в «Революции 1917 г. в России».

В. В. Сапов, ссылаясь на работу Х. Арндт «О революции», напоминает, что первоначально слово «революция» являлось астрономическим термином и указывало на возвратное циклическое движение. В XVII в. термин стал употребляться как политический, для обозначения повторяющихся процессов. Он пишет, что «политическое значение слова “революция”... может менять свой смысл на прямо противоположный. Революция = реставрация – это ещё не самый яркий пример. Революция = контрреволюция – вот что на первый взгляд кажется паразитическим. Если в России в феврале 1917 г. произошла революция (а это действительно была революция, никто её иначе и не воспринимал), то, как назвать то, что произошло в октябре 1917 г.?»²

А. Ю. Давыдов в рецензии на сборник научных статей «Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды»³ приходит к выводу, что в 1917 г. раз-

¹ Меньковский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета.

² Сапов В. В. Идол революции. // Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. – Сыктывкар, 2015, с. 38.

³ Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст.; отв. ред. А. Б. Никола-

рушение возобладало над созиданием. Подлинными дезорганизаторами общественной стабильности авторами названы «новые столичные элиты»: «Представители разных политических лагерей к концу 1917 г. вынуждены были разочароваться в своих убеждениях. За несколько месяцев они разуверились в русском народе, ибо начинали с надеждой уповать на жестокую диктатуру»¹.

Прямо противоположный взгляд представляет руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН А. В. Шубин, для которого революция – не трагедия разрушения, а шанс поступательного движения страны. «В феврале 1917 г. не “белая кость”, наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времён Смуты XVII в. миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала система, на холодный, ветренный простор истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в тёплый хлев, но третьи – и таких тоже были миллионы – стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копирку»².

В концептуальном отношении В. А. Никонов использует становящееся всё более популярным деление историографии революции на пессимистическое и оптимистическое направления. «Пессимисты полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, её социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и нерепформируемой, старая власть – недееспособной. Оптимисты же уверены, что строй позднеимперской России после великих реформ 1860-х – 1870-х гг. и преобразований 1905 – 1906 гг. обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась в первую очередь мировая война»³.

Подобную классификацию историографических подходов использует и Б. Н. Миронов в работе «Страсти по революции. Нравы в российской историо-

ев. – СПб., 2013, 197 с. Отметим, что сборники статей, включающие материалы международных научных конференций «Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды», проводимых кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена, издаются регулярно.

¹ Давыдов А. Ю. Рецензия на сборник научных статей «Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды». // Научный диалог. – 2015, № 1 (37), с. 193.

² Шубин А. В. Великая российская революция: от февраля к октябрю 1917 г. – М., 2014, с. 5.

³ Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011, с. 14-15.

графии в век информации». Он пишет, что «участников дискуссии можно, по аналогии с классификацией, используемой в зарубежной историографии, разделить на “оптимистов” и “пессимистов”»: первые считают, что в позднеимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на неискоренимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями. “Оптимисты” борются с “пессимистами” – вот в чём суть дискуссии и причина высокого накала страстей. И в центре высокоэмоциональной дискуссии оказалась, по существу, революция 1917 г.»¹.

Нам представляется, что в современной российской историографии следует отметить и всё более набирающую силу конспирологическую концепцию. Её можно отнести к пародийным вариациям оптимистического направления. «Могучая и великая Россия была уничтожена в 1917 году за считанные месяцы. С того времени прошёл уже без малого век, но до сих пор нет ответа на простой и ясный вопрос: кто убил Российскую империю? Высказывались десятки предположений, множество версий. Назывались и виновные в небывалой русской катастрофе: евреи, масоны, германский Генеральный штаб, царское правительство, большевики во главе с Лениным и Троцким», – пишет коммерческий директор ОАО «Первый канал – Санкт-Петербург», публицист Н. В. Стариков². В рамках т. н. альтернативной исторической теории ответ оказывается хоть и неожиданным, но простым: «Гибель Российской империи не была случайностью, как не случайно рассыпался и Советский Союз. В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России. В обоих случаях она прикрывалась фальшивыми одеждами “союзнчества” и “общечеловеческих ценностей”... Именно наши “союзники” по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка»¹.

К сожалению, подобные примитивные варианты ответов на сложные исторические вопросы остаются востребованными частью общества, а поскольку тиражирование псевдонаучной литературы приносит доход, издательства в столетнюю годовщину революции с готовностью наводняют рынок этой продукцией. В качестве примера назовём сборник «Революция 1917-го в России как серия заговоров».

Среди авторов непрофессиональные историки А. Колпакиди, Ю. Мухин, С. Кремлёв, набившие руку на подобных «сенсационных исторических от-

¹ Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. – М., 2013, с. 14.

² Стариков Н. В. Февраль 1917: революция или спецоперация? – М., 2007, с. 3.

крытиях». Московское издательство «Алгоритм» в аннотации пишет, что «авторы книги распутали клубок заговоров и рассказали о том, чего не написано в учебниках истории... Левые радикалы (большевики) на практике реализовали идеи Маркса. Белогвардейское подполье попыталось отобрать власть у Временного правительства. Лондон, Париж и Нью-Йорк, используя различные средства из арсенала тайной дипломатии, смогли принудить Петроград вести войну с Тройственным союзом на выгодных для них условиях. А ведь ещё были мусульманский, польский, крестьянский и другие заговоры... Обо всём этом российские власти прекрасно знали, но почему-то бездействовали. А ведь это тоже могло быть заговором... Из-за того что все заговоры наложились друг на друга, возник синергетический эффект, и Российская империя была обречена»².

Иностранную закулису находит в революции и профессиональный историк И. Я. Фроянов, для которого «в этих событиях... чётко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере... Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В. И. Лениным... Закулиса и Ленин только подтолкнули сползавшую медленно в пропасть старую Россию»³. Далее следует экскурс в историю, из которого автор делает вывод, что «возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX в., надо относить к эпохе реформ Петра I... Именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения»⁴.

В конспирологических концепциях один из самых обыгрываемых моментов – немецкое золото как фактор, оказавший влияние на ход и исход революционных событий 1917 г. В академической историографии эта проблема также не обойдена вниманием. Наибольший интерес представляют работы Г. Л. Соболева⁵. Автор считает, что имеющаяся источниковая база не позволяет поставить точку в исследовании. Он признаёт факт финансовой поддержки большевиков со стороны Германии, но не считает его решающим. А. В. Шубин ставит вопрос: «Если Российская империя рухнула потому, что всех запутали, обманули загадочные масоны, то почему умнейшие люди старой элиты оказа-

¹ Стариков Н. В. Февраль 1917: революция или спецоперация? – М., 2007, с. 3.

² Революция 1917-го в России как серия заговоров. – М., 2017. URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/138969478> (дата обращения: 19.02.2018).

³ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. – М., 2002, с. 9.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». – СПб.; М., 2002; Он же. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914 – 1918. – СПб., 2009.

лись в дураках? Если Ленин – полоумный авантюрист, да ещё и разоблачённый немецкий агент, почему за ним пошла четверть населения России, причём самая сплочённая и активная?»¹

Дилемма «Февраль – Октябрь» остаётся одним из спорных моментов русскоязычной историографии. Наличие различных трактовок отмечалось и в предшествующие годы. Н. Д. Ерофеев, анализируя российскую историографию рубежа XX – XXI вв., отмечал, что «в современной историографии неоднозначный ответ даётся и на вопрос о том, сколько революций было в России в 1917 г... Нет единства и в определении заключительной вехи революции. По мнению В. И. Миллера, всё зависит от того, какое явление имеется в виду под термином “революция”. Если рассматривать революцию как процесс преобразования общества, то она охватывает период с конца февраля 1917 г. и примерно до конца 1920 г... Революция как событие – это 27 февраля, 25 октября 1917 г. Историки, рассматривающие Февраль, Октябрь и Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции, относят её завершение к 1922 г.»².

Сохраняются два традиционных несовместимых взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале (буржуазно-демократическая) и в октябре (социалистическая). По второй версии, Февральский и Октябрьский перевороты являются двумя последовательными ступенями или этапами одной революции. Новое заключается в том, что революция связывается с предшествующей историей России, рассматривается как часть единого российского исторического процесса.

Анализ современной русскоязычной историографии позволяет сделать вывод о преобладании в академическом сообществе отношения к событиям 1917 г. как к единому революционному процессу. К такой точке зрения склоняются, например, редакторы сборника «1917 г. в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика». В предисловии они пишут, что «2017 г. в России и за рубежом будет ознаменован многочисленными научными форумами, приуроченными к столетнему юбилею русской революции 1917 г. В ряде исследований по отношению к этому эпохальному событию применяется термин “Великая русская революция”, другие авторы продолжают настаивать на двух революциях в России 1917 г. – демократической Февральской и пролетарски-плебейской (социалистической) Октябрьской, третьи говорят о срыве революционного процесса в результате Октябрьского большевистского переворота. Мы предпочитаем говорить о единой русской

¹ Шубин А. В. Великая российская революция. – С. 5.

² Ерофеев Н. Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 г. // Новая и новейшая история, 2009, № 2, с. 92-108.

революции 1917 г., имевшей два этапа, и едином революционном процессе 1917 – 1920 гг., завершившемся победой большевиков»¹.

По мнению Б. Н. Миронова, «февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г. – окончанию Гражданской войны... Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство было *Временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным: большевикам удалось его разогнать»². Автор приходит к выводу, что «ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее. Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порождённых войной и ожесточённой борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну»³.

Как единый революционный процесс 1917 г. трактовались февральский и октябрьский этапы и участниками Санкт-Петербургской конференции «Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии». Мы обращаем внимание на этот научный форум, поскольку именно в Санкт-Петербурге (в советские годы – Ленинграде) сложились серьёзные научные традиции академического изучения российского революционного процесса. Как отмечал Г. Л. Соболев, «русская революция 1917 г. предупредила весь мир о катастрофических последствиях, на которые обречены все преобразования и реформы, если они не несут в себе улучшения экономического положения для широких народных масс»⁴.

¹ 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр.; под ред. О. С. Поршневой, Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2016, с. 3.

² Миронов Б. Н. Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции. // *Общественные науки и современность*, 2013, № 2, с. 72-84.

³ Там же, с. 113-114.

⁴ Соболев Г. Л. Русская революция 1917 г.: взгляд историка из 2012 г. // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии»: сб. докл. – СПб., 2013, с. 37.

Кроме традиционных концепций, современная русскоязычная историография предлагает новые подходы, расширяющие рамки революционного процесса за границы 1917 г. По мнению А. В. Шубина, «в феврале (марте) 1917 г. началась Великая российская революция, в составе которой выделяются два социально-политических переворота – Февральская революция и Октябрьская революция. Тем не менее период революционных перемен имел место и в мае 1917 г., и в 1918 г. Революция не сводится к этим двум переворотам, это более длительный процесс, протекавший с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг. и прошедший в своём развитии несколько фаз»¹.

В. А. Космач представляет ещё более нетрадиционный взгляд, определяя период 1917 – 1922 гг. как «движение Великой российской буржуазно-демократической революции по нарастающей». Автор считает, что «Великая российская буржуазно-демократическая революция в 1917 – 1922 гг. прошла (и крайне неудачно!) буржуазно-(либерально)-конституционный этап (февраль/март – октябрь 1917 г.) и закрепила на буржуазно-демократическом, или большевистско-якобинском, этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 – декабре 1922 гг.». В более широком понимании, по мнению В. А. Космача, можно говорить о продолжении революции по нисходящей линии: «Большой террор второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции 1936 г. де-факто и де-юре завершили окончательно Великую российскую буржуазно-демократическую революцию 1917 – 1938 гг. в широком понимании её хронологических рамок и окончательных результатов»².

Взгляд на необходимость расширения хронологических границ революции и оценку Октября как этапа буржуазной революции разделяет и Д. Ю. Лысков, отмечающий, что «в рамках классического марксизма Октябрьская революция была буржуазной. Коллизия, при которой буржуазную революцию совершают социалисты, ведя за собой пролетариат и крестьянство, была разрешена развитием марксистских идей, теорией о перерастании буржуазной революции в социалистическую... **При этом сам Октябрьский переворот действительно признавался лишь завершающим этапом буржуазной революции**»³.

В современной русскоязычной историографии событий 1917 г. достаточно качественных теоретических и конкретно-исторических работ. «Даже одно перечисление авторов займёт слишком много места»⁴. При этом обратим внимание на одну постепенно набирающую силу тенденцию русскоязычной историографии. Субъективность автора перестаёт считаться недостатком ис-

¹ Шубин А. В. Великая российская революция. – С. 11.

² Космач В. А. Великая российская революция 1917 – 1922 гг. и её последствия: опыт сравнительно-исторического анализа. // *Метаморфозы истории*. – Псковский государственный университет, 2014, № 5, с. 402-403.

³ Лысков Д. Ю. Великая русская революция, 1905 – 1922. – М., 2013, с. 5.

⁴ Никонов В. А. Крушение России... – С. 30.

следования. По мнению Б. Н. Миронова, «образ науки, руководствующейся исключительно требованиями точности, истины, стерильной по отношению ко всему человеческому – к идеям, страстям, вкусам – кажется мне во многом ложным. Применительно к наукам о культуре – в особенности! Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны»¹. Его поддерживает В. А. Никонов: «Много написано об объективности революций. Однако следует заметить, что объективного в нашей жизни вообще мало. Например, до сих пор мне не довелось прочесть ни одной объективной книги. Все они субъективны по определению, потому что их писали люди»². Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от таких субъективных обстоятельств, как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя. Мы отстаивали подобную позицию в ряде своих публикаций³ и с удовлетворением отмечаем наличие сторонников подобного подхода.

На сегодняшний день в русскоязычной историографии нет единых подходов к оценке периодизации, причин, значения, сущности революции 1917 г. Вызвано это в первую очередь сложностью исследуемых событий, многомерностью комплекса причин, создавших революционную ситуацию и влиявших на её долговременную динамику.

¹ Миронов Б. Н. Страсти по революции. – С. 11.

² Никонов В. А. Крушение России... – С. 13.

³ См.: Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. – Сыктывкар, 2013, С. 19.

„Новые“ документы - Россия и 1917 г. Находки из немецкого трофейного фонда Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации

Маттиас Уль (Германия – Россия)¹

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации в городе Подольске под Москвой (ЦАМО РФ) хранит в составе фонда № 500 впечатляющий комплекс из примерно 28 тысяч трофейных архивных дел немецкого происхождения, которые насчитывают 2,5 миллиона листов документов и сгруппированы в более чем 50 архивных описей. Прежде всего, речь идёт о документах германского вермахта, которые до настоящего времени практически не были доступны исследователям. Сейчас Германский исторический институт в Москве, который представляют профессор Николаус Катцер, доктора Сергей Кудряшов и Маттиас Уль во взаимодействии с ЦАМО РФ и его директором Игорем Пермяковым, а также другими российскими партнёрами, реализует совместный проект по дигитализации (электронному оцифровыванию) всего немецкого трофейного комплекса. В настоящее время полностью оцифрованы и выставлены на сайте в интернете документы пяти архивных описей: это Верховное командование вермахта (ОКВ), Главное командование сухопутных сил (ОКХ), группа армий «Центр», группа армий «Висла», а также трофейные документы и их переводы, поступившие из Главного разведывательного управления Красной армии. Остальные дела описей фонда № 500 последовательно выставляются в интернете в режиме онлайн по мере их научного аннотирования. Этот амбициозный германо-российский проект предполагается в основном завершить в 2018 г.²

Он начался с подписанием в Москве в апреле 2012 г. меморандума о взаимопонимании между фондом Макса Вебера (Бонн) и Федеральной архивной службой Российской Федерации. В этом документе выражалось намерение сторон, несмотря на различную правовую оценку статуса немецкой трофейной документации в обеих странах, сделать эти материалы доступными научной общественности в оцифрованном виде. В ходе последующих контактов летом 2012 г. к ним в качестве партнёра по переговорам подключился и Центральный архив Министерства обороны РФ. С российской стороны переговоры сопровождались сложными и длительными процессами согласований, так

¹ Маттиас Уль, сотрудник Германского исторического института в Москве.

² См. <http://wwii.germandocsinrussia.org/de/nodes/1-bestand-500>. (дата обращения: 19.02.2018)

как многие министерства и межведомственные комиссии должны были дать разрешение на реализацию этого проекта. Сроки подписания уже подготовленных договоров часто срывались в самую последнюю минуту. И только личное участие тогдашнего руководителя Администрации президента Российской Федерации Сергея Нарышкина, а также произошедшие изменения в руководстве Министерства обороны РФ в конце 2012 г. обеспечили в конце концов появление необходимого приказа для Центрального архива Министерства обороны, который разрешал архиву совместно с Германским историческим институтом в Москве начать оцифровывание хранившихся в архиве немецких трофейных архивных фондов. Однако прежде в архиве были созданы необходимые технические предпосылки и разработан проверенный на практике алгоритм работы. Весной 2014 г. в рамках пилотного проекта была начата электронная обработка (оцифровка) 465 архивных дел, относящихся к периоду Первой мировой войны. Уже в августе 2014 г. эти дела были доступны в режиме онлайн в интернете.

Каким образом немецкие архивы оказались в Подольске? О происхождении фонда № 500 и о том, каким образом архивы германского вермахта и Германской империи попали в руки Красной армии, а затем появились в Центральном архиве Министерства обороны СССР, нет полной ясности и по сегодняшний день, так как в ЦАМО отсутствуют соответствующая внутренняя документация и исторические справки по немецким архивным фондам.

Можно предположить, что небольшая часть архивов вермахта была захвачена Красной армией ещё в ходе боевых действий, а затем была отправлена в Москву для дальнейшей обработки. Однако бóльшая часть немецких архивных материалов оказалась в руках Красной армии и подразделений НКВД уже в самом конце Великой Отечественной войны или сразу после её окончания. После этого сохранившиеся комплексы документов вермахта были отправлены для дальнейшей оценки и хранения в Генеральный штаб Красной армии в Москву либо в Главный штаб Военно-морского флота в Ленинград, где ими в первую очередь занялись различные инстанции разведывательных управлений армии и флота. В середине 1950-х гг. органы советской военной разведки передали часть немецких архивных дел в служебные архивы и научные библиотеки соответствующих военно-исторических подразделений Генерального штаба Советской армии либо главных штабов видов вооружённых сил. Уже оттуда немецкие архивы в конце 1950-х гг. попали в Архив Министерства Вооружённых сил СССР либо в Центральный военно-морской архив. Часть немецких документов технического характера в течение неопределённого срока использовалась научно-исследовательскими институтами Советской армии, после чего и эти материалы были отправлены в архивы соответствующих видов вооружённых сил.

Очевидно, что бóльшая часть архивных дел германского вермахта, войск СС и государственной тайной полиции – гестапо, а также материалы Импер-

ского архива в Потсдаме были захвачены оперативными группами НКВД СССР, а затем переданы в специально созданный для этого в Москве Центральный государственный особый архив СССР¹. В настоящее время это отдел перемещённых архивных фондов иностранного происхождения Российского государственного военного архива (РГВА).

Вплоть до 50-х гг. XX в. в Особом архиве происходило изучение немецких архивных документов. Эта работа осуществлялась в первую очередь в профессиональных интересах советских спецслужб. Затем большая часть архивных документов вермахта, а также немецкой армии кайзеровской эпохи была передана в Центральный архив Министерства обороны СССР, причём точное время этой передачи до сих пор остаётся неизвестным.

Таким образом, в 1960-е гг. немецкие трофейные архивные фонды уже находились в ведении советских вооружённых сил и централизованно хранились в Центральном архиве Министерства обороны СССР. В самом архиве порядок хранения немецкого архивного комплекса в советское и постсоветское время неоднократно изменялся, это касалось прежде всего распределения архивных дел по отдельным описям, которые воспроизводили организационную структуру германского вермахта. При этом либо группировались вместе комплектные архивные дела отдельных инстанций и учреждений вермахта, либо составлялись новые архивные дела из отдельных документов одной и той же командной инстанции, части или учреждения. Внутри фонда № 500 его архивные описи располагаются в порядке военной иерархии вермахта, начиная от высших командных инстанций (ОКВ – Верховное командование вермахта и т. д.) и заканчивая отдельными ротами. Кроме того, в фонде хранятся тысячи военных карт с нанесённой на них боевой обстановкой.

Архивная коллекция «Немецкие документы периода Первой мировой войны» (фонд 500, опись 12519) была передана Центральному архиву Министерства обороны СССР (ЦАМО) Военно-научным управлением Генерального штаба Вооружённых сил СССР в период между 1953 и 1961 гг. Можно предположить, что часть этих документов ранее также хранилась в Особом архиве, об этом свидетельствуют хотя бы аннотации на русском языке, имеющиеся в некоторых делах.

Коллекция немецких документов по истории Первой мировой войны насчитывает 36 тысяч листов документов, которые содержатся в делах Большого генерального штаба, Главного командования кайзеровской армии, штабов различного уровня – от войсковых соединений до отдельных частей, а

¹ Постановление СНК / Совета министров СССР о создании Особого архива было подписано в марте 1946 г. Его первым директором был назначен бывший начальник архивной группы Советской контрольной комиссии в Румынии капитан НКВД Б. И. Мусатов.

также Военного министерства Пруссии, Имперского министерства внутренних дел, Внешнеполитического ведомства и других органов государственной власти. В этот комплекс также входят различные приказы, распоряжения, служебная переписка и другие документы и публикации, относящиеся по большей части к периоду между 1910 и 1919 гг.

Большая часть документов коллекции представляет собой журналы боевых действий и боевые донесения (84 дела), карты и схемы (146 дел), личные дела военнослужащих (85 дел), а также другие материалы по личному составу, включая финансовые документы (29 дел). Кроме того, следует упомянуть о списках частей и подразделений, об обзорах и сводках о пополнении, комплектовании и боевом использовании войск, об обеспечении полевой артиллерии боеприпасами в ходе боёв под Верденом, о применении боевых отравляющих веществ, о материалах по ведению пропагандистской и психологической войны, а также о донесениях военной разведки и штаба 6-й турецкой армии, сражавшейся в Месопотамии.

Наконец, в коллекции документов Первой мировой войны имеются материалы, характеризующие внутренне- и внешнеполитическое положение Германской империи, а также сведения о затонувших и повреждённых в ходе боевых действий кораблях германского флота. Некоторые дела содержат материалы о подготовке и результатах 2-й Гаагской мирной конференции 1907 г., а также о мирном договоре, заключённом между Четверным союзом¹ и Румынией. В опись 12519 фонда 500 также входят 4 дела с копиями документов императорских и королевских министерств и ведомств Австро-Венгерской империи о Русско-японской войне за 1904 г.

К сожалению, лишь несколько дел описи содержат документы о театре военных действий на востоке Европы. Это обстоятельство во многом связано с оценками, которые давало военное руководство Германии армии царской России в 1913 – 1914 гг. Так, перед началом Первой мировой войны Большой генеральный штаб Германской императорской армии оценивал состояние Вооружённых сил Российской империи следующим образом: после поражения в Русско-японской войне военное руководство России стремилось провести в русской армии радикальные реформы. Реорганизация вооружённых сил включала как серьёзные изменения в составе войсковых соединений и в подготовке мобилизационных мероприятий, так и в боевой подготовке войск, а также в тактике ведения боевых действий. По мнению кайзеровского Генерального штаба в Берлине, эта нацеленность на реформирование армии «ограничивалась негативными качествами русского народа, которые нельзя было устранить ни с помощью денег, ни с помощью организационных уси-

¹ В него входили Германская империя, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария.

лий». Далее в этом документе приводился целый ряд стереотипных оценок и предубеждений, с которыми немецкие военные подходили к оценке русских и которые можно встретить даже в наши дни: «Неприятие любой методической работы, тяга к удобствам, отсутствие чувства долга, боязнь принимать ответственные решения, недостаток инициативы и полная неспособность правильно оценивать и использовать временной фактор»¹. При этом сам русский солдат оценивался как сильный, непритязательный и бесстрашный в бою, но одновременно считалось, что он тяжёл на подъём, не эмоционален духовно и не самостоятелен. Он может подвести именно тогда, когда он не знает, кто его командир, и часть, в которой он служит, ему малоизвестна. Тем не менее в случае поражения русские войска быстро восстанавливают свои силы и вновь готовы оказывать ожесточённое сопротивление противнику.

И если рядовой состав русской армии оценивался кайзеровским Генеральным штабом на языке того времени как хороший «солдатский материал», то вина за то, что «в боевой подготовке войск было достигнуто сравнительно немного»² возлагалась на офицерский корпус русской армии. Нельзя сказать, отмечала немецкая сторона, что русским офицерам не хватало личной храбрости и отваги, но вполне определённо – чувства долга и ответственности.

Без постоянного и строгого контроля вышестоящих инстанций армейскую службу подрывал «беспорядок любого рода». И хотя командиры в кризисных ситуациях могли проявить такие качества, как хладнокровие и стальную выдержку, они же, по мнению немецкой стороны, в обычной обстановке были склонны к комфорту, проявляли умственную и физическую инертность и лень, а также отсутствие самостоятельности и беспомощность при внезапном изменении обстановки. В опасных и сложных ситуациях русский офицер склонен проявлять усилия лишь тогда, когда ожидается соответствующее признание его заслуг. И если таковое отсутствует, то офицер, даже занимающий ответственный пост, скорее постарается найти удобный для себя выход. Что же касается офицеров службы Генерального штаба Русской императорской армии, то немецкие коллеги упрекали их в излишней склонности к научно-теоретической работе и в очевидном предпочтении штабной канцелярской службы практическому командованию войсками. Но самыми ненадёжными всё же считались военные чиновники русской армии. По немецким оценкам, «продажность и разгильдяйство военного интендантства и в будущем будет оставаться самым злейшим врагом русской армии»³.

¹ См.: ЦАМО, 500/12519/307, л. 2.

² См.: ЦАМО, 500/12519/307, л. 3.

³ См.: ЦАМО, 500/12519/307, л. 3.

Что же касается тактики ведения боевых действий русской армией, то германский Генеральный штаб предсказывал, что передвижения русских войск будут осуществляться с большой медлительностью. Также не следует ожидать быстрого использования русскими благоприятной оперативной обстановки, равно как и быстрого и точного выполнения отданных вышестоящим командованием приказов. Считалось, что если крупные соединения русской императорской армии были не в состоянии изменить уже начавшееся движение на марше в другом направлении, то это даст возможность немецкой армии при столкновении с русскими войсками «позволить себе такие манёвренные действия, которые были бы для неё невозможны при наличии равноценного противника»¹. Медлительность в принятии решений, ожидание приказаний и дополнительных сведений сверху, а также стремление действовать по установленной схеме – всё это, по мнению немцев, вело к тому, что манёвренные боевые действия всё ещё были чуждыми для русской армии. Это позволяло энергичному и свободному в манёвре противнику заставить русские войска перейти к обороне. А в этом виде боевых действий, по мнению кайзеровского Генерального штаба, «русские, опираясь на опыт своей последней войны², проявили неоспоримое умение»³.

Следует отметить, что в годы Первой мировой войны прогнозы германского Генерального штаба оправдались лишь частично на северном участке Восточного фронта, в то время как южнее австро-венгерская армия, вопреки довоенной немецкой режиссуре, подверглась активным и ожесточённым атакам русских войск.

После Февральской революции 1917 г. в русской армии стали проявляться незначительные проявления разложения, об этом также сообщали австро-венгерские военнослужащие, которым в то время удалось бежать из русского плена. Так, в хранящихся в ЦАМО делах офицера немецкой разведки при штабе 6-й турецкой армии в Ираке имеются донесения о троих австрийцах, которым удалось рискованное и полное приключений бегство из России.

18 мая 1917 г. в расположение немецкой войсковой группы в Ираке в городе Мосуле прибыли обер-лейтенант Георг Домба, офицер 3-го гусарского полка (эта кавалерийская часть до лета 1914 г. дислоцировалась в Хобиене под Винер-Нойштадтом), а также Франц Ондрий. Гусарский офицер попал в русский плен 31 августа 1916 г. Что же касается Ондрия, то до начала Первой мировой войны он работал лесным управляющим в России. И если обер-лейтенант только немного говорил по-русски, то Франц Ондрий бегло владел

¹ См.: ЦАМО, 500/12519/307, л. 4.

² Подразумевается Русско-японская война 1904 – 1905 гг.

³ См.: ЦАМО, 500/12519/307, л. 4.

русским языком и без проблем мог общаться в русскоязычной среде. Оба австрийца содержались в Рязани, под Москвой. И если Домба содержался в лагере для военнопленных, то интернированный Ондрий проживал как частное лицо в городе. Эта привилегия позволила ему купить Домбе за 20 рублей русский паспорт. С ним обер-лейтенант, переодетый в русскую военную форму, 1 апреля 1917 г. беспрепятственно покинул лагерь для военнопленных в Рязани, чтобы затем вместе с Ондрием выехать из России. Они бежали вместе с пятью другими военнопленными – турками и курдами. Среди них находился и курдский князь Сеид Тахр, чья семья проживала в Мосуле. Маршрут побега вёл из Рязани в Ростов-на-Дону, затем в Баку, в Тифлис через Кавказские горы и, наконец, в Персию. О положении в России после первой (Февральской) революции оба беглеца сообщили следующее:

«Система гражданской администрации находится в порядке. Место жандармерии, которая совершенно исчезла, заняла военная полиция. Налоги почти не платятся, население надеется, что новое правительство существенно снизит налоговое бремя. Губернаторы, вице-губернаторы и полицмейстеры старой власти брошены за решётку. [...] От занявших их место комиссаров нового правительства население ожидает мер по пресечению роста цен на продукты питания. Так как этого удалось добиться лишь на несколько дней, кругом царит недовольство. [...] Внутриполитическая ситуация в целом чрезвычайно запутана. Новое правительство бессильно. Страна терроризирована рабочими и солдатскими комитетами. Хорошее отношение к царю наблюдается только в крестьянских кругах, не охваченных военной мобилизацией. Но в целом они незначительны. [...] Сибирь, Южная Россия, Грузия и Кавказ не признают новое правительство, а требуют самостоятельности. Грузины уже ввели местное самоуправление».

Положение в русской армии беглецы изобразили в чёрном цвете: «Военная дисциплина подорвана. Офицеры больше не имеют власти и должны обращаться к рядовому составу по любому служебному вопросу. Огромный размах приобрело дезертирство. Например, 1-я кавалерийская дивизия (Петербург), после того как в ней расправились с большей частью офицеров, полностью разбежалась. Специально нанятые гражданские лица должны кормить оставшийся конский состав. Из Кавказской армии дезертировали 45 тысяч человек»¹.

В отношении положения на персидско-турецком фронте, по сообщениям обоих австрийцев, выходило, что русские войска поддерживаются только армянским населением. Все остальные проживающие там народности лишь ожидают нового наступления турецких войск, чтобы с русскими, которых там рассматривают как оккупантов, было покончено. Этим настроениям способствовала полная неудача карательной экспедиции одного из русских казачьих полков против курдских племён, в ходе которой было полностью уни-

чтожено одно из казачьих кавалерийских подразделений. Кроме того, военные силы России в Персии чрезвычайно слабы. Другие материалы о бегстве обер-лейтенанта Домбы из России в настоящее время хранятся в Военном архиве в Вене².

Немногим позднее сообщение Домбы нашло своё подтверждение в рассказах австрийского капрала Стефана Куновича, который до своего пленения русскими в марте 1915 г. в Карпатах служил в 83-м пехотном полку. Уже в апреле 1915 г. он совершил свой первый побег из Туркестана и месяцем позже прибыл в Персию, где поступил на службу к германскому консулу Карлу Вустрову в Ширазе. Там в апреле 1916 г. он попал в плен к англичанам, которые позднее передали его как австрийского военнослужащего русским. При перевозке в Россию в персидском городе Кум Кунович совершил второй побег и в конце концов добрался до североиракского города Сулеймания. Оттуда он прибыл в расположение немецкой войсковой группы в Мосуле. Кунович рассказал, что видел в персидском Хамадане группу русских солдат численностью примерно в три тысячи человек, их дисциплина была очень низкой, особенно это касалось казаков, которые занимались грабежом и мародёрством³.

Наконец, в середине июня 1917 г. в немецкую войсковую группу в Ираке прибыл немец по имени Сакс, который был интернирован в России и до своего побега в Ирак проживал в маленькой деревне севернее Москвы. Русских крестьян он считал недалёкими и ограниченными, которые в своей массе «застыли в состоянии неприятия, нужды и апатии», в то время как солдаты были гораздо более просвещёнными. Царская власть была свергнута организованными рабочими массами. Для русской армии, сообщил Сакс, определяющим настроением была усталость от войны. Так, в персидском городе Миандоаб русские войска приняли участие в демонстрации за мир⁴.

И хотя уже с начала июля 1917 г. имелись сведения о том, что русские войска собираются покинуть Персию, эти планы были реализованы только после Октябрьской революции. 16 декабря 1917 г. в городе Эрзинджане было скреплено печатями соглашение о перемирии, которое означало прекращение боевых действий между Османской империей и новообразованной Российской Советской Республикой.

Однако надежды Германии на изменение военного соотношения сил в результате выхода России из войны не оправдались. Напротив, пожар ре-

¹ См.: ЦАМО, 500/12519/438, л. 43.

² См.: Bihl W. Die Kaukasus – Politik der Mittelmächte / Teil 2_Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit: 1917 – 1918. – Wien: Böhlau-Verlag, 1992, s. 148.

³ См.: ЦАМО, 500/12519/43, л. 47.

⁴ См.: ЦАМО, 500/12519/438, л. 53.

волюции со всё возрастающей скоростью стал охватывать сами срединные державы. В середине октября 1918 г. начальник Генерального штаба кайзеровской армии генерал от инфантерии Эрих Людендорф констатировал, что советское правительство рассчитывает на скорое начало революции в срединных державах и будет активизировать свои усилия в этом направлении.

С 5 ноября 1918 г., всего за несколько дней до начала Ноябрьской революции в Германии, отдел иностранных армий германского Генерального штаба, характеризуя военно-политическое положение в России, докладывал о том, что Ленин собирается увеличить Красную армию более чем на три миллиона человек для того, чтобы этими силами помочь мировой революции. По немецким сведениям, он планировал использовать большую часть этих войск для поддержки будущего президента Германской республики Карла Либкнехта¹. Дух революции, который, образно говоря, вырвался из бутылки с отправкой Ленина из Германии в Россию, обрушился теперь в первую очередь с неистовой силой на саму германскую военную машину. Однако одновременно немецкая революция дала жизнь легенде об «ударе кинжалом в спину непобедимой немецкой армии» и заложила тем самым один из краеугольных камней для будущей политической дестабилизации Веймарской республики.

¹ См.: ЦАМО, 500/12519/169, л. 50.

Разинщина и пугачёвщина XX в. Гражданская война в Поволжье: к осмыслению феномена

Валерий Кузнецов (Россия)¹

Гражданская война в Поволжье, если посмотреть на неё в перспективе нескольких столетий, оказывается типологически похожа на «крестьянские войны» под руководством С. Т. Разина, К. А. Булавина и Е. И. Пугачёва. Устоявшиеся определения разинского, булавинского и пугачёвского движений вполне можно заменить на «гражданские войны». Перед нами цепь с однотипными звеньями: гражданские войны 1670 – 1671 гг., 1708 – 1709 гг., 1773 – 1775 гг. и 1918 г.

Сами традиционные термины «бунт», «восстание» происходят из лексики той эпохи, когда происходили сами события и когда их описывали авторы прежде всего XIX в. Слово сочетание «гражданская война» отсутствовало в их языке, оно стало актуальным только с 1914 г., когда В. И. Ленин призвал к перерастанию империалистической войны в гражданскую. Поэтому различные устоявшиеся наименования событий XVII и XVIII вв. с одной стороны и 1918 г. с другой стороны не должны дезориентировать.

К числу общих признаков относятся:

– **Периферийность.** Рассматривая социальные движения XVII – XVIII вв., немецкий историк Г.-Г. Нольте определил их как «восстания окраин»². Военно-политическое противостояние в рамках Восточного фронта в 1918 г. также подпадает под это определение и под характеристики этого понятия. Восстания, а точнее гражданские войны, возникают и происходят там, где контроль государственной власти не настолько силён, как в центре, и где есть возможность начать и расширить сопротивление, не будучи задушенным в самом начале.

– **Территория.** Поволжье являлось главным регионом в трёх случаях. При попытках приблизиться к центру России движения терпели поражение. Булавинская гражданская война несколько выходит из этого строя, основные со-

¹ Кузнецов Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного университета (с 2018 г.).

² Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин. // Вопросы истории, 1994, № 11, с. 31-38.

бытия её разворачивались на Дону, однако одним своим флангом она выходила в Поволжье от Пензы до Царицына, и можно спрогнозировать, что если бы К. А. Булавину удалось распространить войну на восток, на Поволжье, то она приобрела бы новое дыхание и размах, как это было при Е. И. Пугачёве. Поэтому гражданскую войну К. А. Булавина можно рассматривать как незавершённую, прерванную на первом, донском, казацком, этапе своего развития. В силу региональной специфики булавинского движения оно находится в стороне и с точки зрения некоторых других характеристик. По этим позициям оно ближе к участию кубанских и донских казаков в борьбе против советской власти и действию в начале существования Добровольческой армии, а затем ВСЮР на юге страны, когда войска А. И. Деникина взяли Царицын и двигались на север.

– **Особая роль крестьянства.** Особенность её состоит в том, что не этот общественный класс непосредственно начинал вооружённую борьбу, он подтягивался позже, находился во втором эшелоне. В 1918 г. борьбу начали чехословаки и затем правые эсеры, организованные в рамках Комуча. В предшествующие столетия её начинали казаки. Другая особенность состоит в том, что именно крестьяне оказывались решающей силой гражданских войн. Участие крестьян в движениях придавало им размах, напряжённость и определяло длительность борьбы.

– **Размах и ожесточённость борьбы.** Война велась и с той, и с другой стороны крупными для своего времени армиями на больших территориях.

– **Отношение к власти противника.** Борясь с врагом, С. Т. Разин, Е. И. Пугачёв и Комуч тем не менее подчёркивали свою близость к нему. С. Т. Разин выступал за великого государя, обвинял бояр в измене царю и утверждал, что в его войске находились сын царя Алексей Алексеевич и патриарх Никон. Е. И. Пугачёв прямо именовал себя императором Петром Фёдоровичем, а своим приближённым давал титулы и звания, принятые на противоположной стороне. Комуч воевал под красным флагом, без погон. Правые эсеры охотно вспоминали свою дофевральскую историю, позиционировали себя как истинных революционеров, обвиняя коммунистов в том, что они своей утопической политикой губят революцию.

– **Создание своего аппарата власти.** С. Т. Разин стремился на смену приказной системе распространить самоуправление по типу казацкого круга. Е. И. Пугачёв налаживал свою систему управления. Ещё более заметно эта тенденция проявилась в деятельности Комуча, которому удалось создать работоспособный альтернативный советскому государственному аппарату.

– **Целью данных гражданских войн являлась не модернизация, а полная ликвидация существующей власти.** Если С. Т. Разин и Е. И. Пугачёв прямо истребляли тогдашний господствующий класс – дворян, а вместе с ними – существующий строй, то Комуч тоже не жаловал коммунистов, проводя против них широкие репрессии, как узаконенные, так и в виде самосуда.

Целью же своей самарское правительство видело не в приходе к власти в советском государстве и в вытеснении из управленческих структур коммунистов и их союзников, а в ликвидации советского государства. Ко всем упомянутым выступлениям против власти вело её возрастающее насилие в отношении населения, что имело место и в 1918 г. Советская власть, на местах часто превращавшаяся в комиссародержавие, действовала некорректно, вызывая, а бывало и используя уголовные и полууголовные методы, особенно по отношению к крестьянам.

– **Все рассматриваемые гражданские войны, в том числе и 1918 г., были обречены на поражение.** Никаких шансов на исторический успех у Комуча не имелось.

Принципиальная причина этого заключалась в их привязке к крестьянству. Как известно, это класс феодального общества, исчезающий при капитализме. Крестьянам не нужны ни капитализм, ни социализм, их идеал – крестьянин, работающий на своей земле, что является утопией, с точки зрения какой перспективы – капиталистической или социалистической – ни посмотреть. Эта утопия противоречила всей логике развития истории. Попытки её претворения могли вызвать только исторически обречённую на поражение борьбу. Стремление же Комуча дистанцироваться от крестьянства, проводить политику в иных, более широких интересах вело к потере того доверия, которое ещё имелось к нему со стороны крестьянства в начале Гражданской войны, к сокращению социальной базы и к поражению. Большевики опирались на пролетариат, являвшийся классом как социалистического, так и капиталистического общества, а Россия могла быть или капиталистической, или социалистической, но никак не крестьянско-патриархальной. В обоих случаях жизнь большинства людей, тех же крестьян, должна будет подвергнуться болезненной деформации.

Важная роль крестьянства в борьбе 1918 г. свидетельствует о том, что Россия ещё не вышла за рамки феодального строя, ибо крестьянские восстания и войны – это черты именно этого общественного устройства. Путь от феодализма к капитализму или через его голову к социализму ведёт к болезненной ломке существующих устоев, а также сложной, неоднозначной, часто трагичной трансформации жизни крестьянства. Эту альтернативу им несли и советская власть, и Комуч. Поэтому, кто бы ни победил, в скорой исторической перспективе положение крестьян могло только ухудшаться.

Обречённость Комуча состояла и в том, что он через Учредительное собрание и отрицание прав на государственную власть у классовых организаций – Советов вёл Россию по либерально-демократическому пути. Движение по этому направлению в России означает скорую политическую гибель. Страна, вросшая ментальными корнями в авторитаризм, не понимающая значимости либеральных ценностей, готова жить при тоталитаризме, но не при демократии. Неготовность к демократии превращает попытки её осуществления в хаос, из которого вырастает антидемократический режим.

– **Компромисс между противоборствующими силами** в рамках данного явления (например, Восточный фронт 1918 г.) был невозможен. К этому имелось несколько причин. Во-первых, как и в предыдущих гражданских войнах, в 1918 г. сражались крайние силы, догматически отстаивавшие своё видение будущего.

Если посмотреть на Комуч, то это не эсеры, а именно правые эсеры с пристёжкой эсеров центра. Иными словами, это наиболее догматическая часть партии социалистов-революционеров. Те, кто видел изменение ситуации и стремился на новые вызовы давать адекватные ответы, ушли из эсеровской партии, образовав партию левых эсеров-интернационалистов и союз эсеров-максималистов. Оставшиеся эсеры продолжали отрицать советскую власть, призывая к её ликвидации. Те социал-демократы, которые видели возможность сохранения и использования элементов старого порядка, образовали различные меньшевистские группы, в том числе интернационалистов. РСДРП(б)-РКП(б) превратилась в партию сторонников полного слома существующей системы. Во-вторых, нельзя забывать, что это была всё-таки внутривидовая борьба – когда сражались партии, которых ещё недавно относили к единому лагерю революционной демократии, у которых имелись общие цели и враги – например, борьба с выступлением Л. Г. Корнилова. Как известно из биологии, внутривидовая борьба более жестокая и бескомпромиссная.

Объединяющие эсеров и большевиков моменты могли и стали в будущем тем, что, как и в дни корниловщины, заставило их на время забыть о разногласиях и выступить против общего врага, каковым явился А. В. Колчак. Поэтому Гражданская война на Волге и Урале могла идти либо до победы одной из сторон, а ей могла в силу указанных принципиальных причин стать только советская власть, либо до появления общего опасного врага.

Рассматривая Гражданскую войну 1918 г., её нельзя не истолковать в качестве проявления глубокого кризиса российского социума.. Это глубокая социальная апатия и торжество морали «моя хата с краю, ничего не знаю», отсутствие воли к жизни, кроме страусиной позиции. Население, сельское и городское, за редким исключением, не желало воевать ни за тех, ни за других. Мобилизации там и там срывались. Только угроза репрессий могла расшевелить эту массу. Более того, если говорить о лагере Комуча, люди не хотели не только рисковать жизнью, но и жертвовать заметной частью своего состояния (речь идёт о богатых людях). Размеры пожертвований на Народную армию, о которых громко трубила официальная комучевская пропаганда, вызывали разочарование и недоумение своими малыми цифрами.

Красная и Народная армии оказались существенно слабее Чехословацкого корпуса и это при том, что из всех составляющих австро-венгерской армии именно чехи и словаки зарекомендовали себя в качестве наихудших воинов, в отличие, например, от венгров. И эта относительно небольшая, а в рамках России – просто мизерная, группа чехов диктовала свою волю значительной части огромной страны.

ГЛАВА 2. ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

В главе «Именем революции» историки сравнивают идеалы демократии и реалии революционного процесса, анализируют проявление кризиса в провинциальном пространстве Центральной России, Северо-Запада страны, Сибири и Поволжья. Исследователи рассматривают вопросы взаимодействия новых и старых властных и общественных институций, проблемы функционирования номинального революционного права и легитимации власти и силовых решений (явочный порядок, экспроприационные меры, реализация закона о хлебной монополии, деятельность Красной гвардии и т. д.), инварианты революционного процесса, развитие системного кризиса и поиск выхода из него.

Создание „красной губернии“: Иваново-Кинешемский промышленный район в 1917 - 1922 гг.

Михаил Тимофеев (Россия)¹

К концу XIX в. на севере Владимирской и на юге Костромской губерний сформировался промышленный район, охватывавший Шуйский, Вязниковский, Суздальский и часть Ковровского уезда Владимирской губернии, а также Кинешемский, Юрьевецкий и большую часть Нерехтского уездов Костромской губернии. Центром этого индустриального региона, специализировавшегося на выпуске хлопчатобумажных тканей, был город Иваново-Вознесенск, образованный в 1871 г. путём слияния села Иванова и Вознесенского Посада. В начале XX в. он фактически стал центром торгово-промышленной жизни района: здесь, по данным на 1909 г., работало 68 промышленных предприятий (в уездном городе Шуе – 29) с годовым оборотом свыше 87 миллионов рублей, было занято в производстве 29,8 тыс. человек. Удалённость города от водных путей компенсировалась наличием железнодорожного узла.

Несовпадение административных центров с экономическим создавало неудобства в управлении территорией, мешало её социально-экономическому развитию. В Костроме и Владимире нужды населения Ивано-

¹ Тимофеев Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор Ивановского государственного университета, главный редактор журнала «Лабиринт».

во-Кинешемского региона, насчитывавшего в начале XX в. более миллиона жителей, практически не учитывались, а отличие экономического положения района от земледельческих уездов этих губерний вело к тому, что в решении текущих проблем район был предоставлен сам себе, что заставляло население создавать организации, центры, организационные аппараты по обслуживанию своих нужд и потребностей, как подсказывала ему экономическая целесообразность и необходимость¹.

Необходимость решения территориально-административных вопросов стояла на повестке дня, но не была решена вплоть до 1917 г. Документы, опубликованные Государственным архивом Ивановской области, позволяют достаточно детально проследить ход процесса выделения новой губернии с центром в Иваново-Вознесенске.

Следует отметить, что летом 1917 г. **на роль региональной столицы претендовала и уездная Кинешма**. Однако стачка текстильщиков в октябре-ноябре 1917 г., когда находившийся в Иваново-Вознесенске Центральный стачечный комитет руководил всеми фабричными стачечными комитетами, утвердила лидерство безуездного города.

Союз текстильщиков выступил инициатором созыва 6 – 8 декабря 1917 г. районного съезда советов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, кооперативов, городских и земских самоуправлений. Съезд констатировал, что «вопрос об обособлении Иваново-Кинешемской губернии назрел экономически и не терпит отлагательств»² и поручил избранному Иваново-Кинешемскому районному совету рабочих и солдатских депутатов под председательством Д. А. Фурманова подготовить материалы по образованию новой губернии и организации в ней власти к очередному съезду. Тогда же были образованы комиссариаты труда и промышленности, действовавшие на территории будущей губернии.

К этому времени центральная власть уже была готова к пересмотру административно-территориального устройства. 24 декабря 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел в письме к советам «Об организации местного самоуправления» указал на то, что по своему значению многие административные центры уступают промышленным и торговым средоточиям губерний и уездов. 27 января 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет «Об определении границ губернских, уездных и пр.». Вопросы изменения администра-

¹ См.: Рождение губернии. Год 1918: люди, события, факты: сб. материалов по истории создания Иваново-Вознесенской губернии / ГА Иван. обл. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2003. URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=598:-95-&catid=137:11-&Itemid=354 (дата обращения: 21.01.2018).

² Захарова О. И. Рождение красной губернии (вступительное слово к публикации документов). URL: https://ionb.ru/Zaharova_O_I_Gosudarstvennyi_arhiv_Ivanovskoi_oblasti (дата обращения: 21.01.2018).

тивных границ передавались на усмотрение местных советов рабочих, крестьянских, батрацких и солдатских депутатов. Существующие административно-территориальные единицы могли дробиться с целью образования новых. Сведения о любых нововведениях должны были поступать в Народный комиссариат внутренних дел. Тем самым был запущен во многом стихийный процесс создания губерний, уездов и волостей¹.

Как показывают источники, процесс формирования новой губернии был достаточно тяжёлым и сложным. Ещё 29 августа 1917 г. был учреждён особый Иваново-Кинешемский районный с правами губернского продовольственный комитет. Имея принципиальное одобрение центральной властью отделения района от старых губерний, ивановцы ускорили процесс самоопределения. 28 – 29 января 1918 г. II съезд советов рабочих и солдатских депутатов Иваново-Кинешемского района, состоявшийся в Иваново-Вознесенске, определил ядро новой губернии и согласовал название – Иваново-Кинешемская².

В новую губернию, по мнению съезда, должны были войти уезды: Кинешемский, Юрьевецкий, часть Нерехтского (Середской район), Шуйский, Ковровский, часть Суздальского (район Нерль и Гаврилов Посад), Юрьев-Польский. Органам местной власти намеченных территорий было предложено в двухнедельный срок выяснить отношение населения к идее организации новой губернии и присоединения к ней, по истечении этого срока считать губернию существующей фактически.

Сомнения по поводу своевременности грандиозной перестройки возникали в этот период и у инициаторов процесса, и у наркома внутренних дел Г. И. Петровского, считавшего, что «в основе этой идеи преобладает эгоистическое соображение – желание оторвать от прежних губерний их мощные части, чтобы создать экономически сильную губернию»³. Разные точки зрения высказывались на волостных сходах, уездных съездах, иногда диаметрально противоположные даже в одной местности. Новая губерния создавалась по принципу автономии, и население каждой волости должно было самоопределяться. Решения с мест поступали медленно, оформление губернии затягивалось. Немаловажную, а зачастую решающую роль при самоопределении населения играл факт розни между рабочими и крестьянами⁴.

¹ Сазонова Т. К. «Красная» Иваново-Вознесенская губерния: из истории создания (1917 – 1919 гг.). // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2013, № 10, с. 128.

² Рождение губернии. Год 1918: люди, события, факты: сб. материалов по истории создания Иваново-Вознесенской губернии... URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=598:-95-&catid=137:11-&Itemid=354 (дата обращения: 21.01.2018).

³ Захарова О. И. Рождение красной губернии (вступительное слово к публикации документов). URL: https://ionb.ru/Zaharova_O_I_Gosudarstvennyi_arhiv_Ivanovskoi_oblasti (дата обращения: 21.01.2018).

⁴ Рождение губернии. Год 1918: люди, события, факты: сб. материалов по истории создания

Особенно тревожным было положение в Кинешемском уезде, который после погромов в Кинешме в декабре 1917 г. находился на осадном положении. Ситуацию в уезде контролировал «Голодный совет», созданный на митинге 4 апреля 1918 г. сторонниками отмены хлебной монополии. Все волости Кинешемского уезда протестовали против создания Иваново-Кинешемской губернии. После продовольственного съезда в Кинешме, собравшего 165 делегатов от волостей, промышленных предприятий, партий и общественных организаций, президиум «Голодного совета» направил в Иваново-Вознесенск резолюцию с отказом от присоединения к новой губернии. После этого из названия губернии исчезает наименование мятежного уезда¹.

Вопрос об оформлении новой губернии стал главным на проходившем 21 – 24 апреля 1918 г. III губернском съезде советов. На нём присутствовали 153 делегата от уездных, волостных и городских советов, из них 115 с решающим голосом и 38 – с совещательным. Партийный состав съезда был таков: большевики – 75 человек, сочувствующие большевикам – 10, левые эсеры – 13, меньшевики – 11, анархисты – 3, трудовики – 1, беспартийные – 40².

Границы губернии обсуждала специальная секция с участием 27 делегатов съезда, главным образом Ковровского и Нерехсткого уездов, ещё не определившихся в решениях. Согласия на присоединение не было получено и от Кинешемского и Юрьевецкого уездов. Председатель секции М. В. Фрунзе ещё раз объяснил делегатам принцип определения границ губернии – общие территории деятельности комиссариатов труда, промышленности и продовольствия. Эти границы, совпадающие по всем трём комиссариатам, считались бесспорными, остальные должны определяться соглашениями на местах, принимая во внимание естественные (топографические) и хозяйственно-экономические мотивы³.

III съезд советов окончательно решил вопрос об организации Иваново-Вознесенской губернии, установил её временные топографические границы и определил, что каждая местность из причисленных к новой губернии обязана в месячный срок заявить о своём нежелании (если таковое будет) присоединиться. В случае непоступления такого рода протестов вопрос должен был считаться решённым окончательно. Было принято решение об обращении в Совнарком с просьбой о создании новой губернии.

Иваново-Вознесенской губернии...

¹ Там же.

² Семененко А. М. 90 лет губернии: заметки на полях истории. // Семененко А. М. Иваново-Вознесенск и иваново-вознесенцы. – Иваново: Фил. РГГУ в г. Иваново, 2011, с. 159-160.

³ Рождение губернии. Год 1918: люди, события, факты: сб. материалов по истории создания Иваново-Вознесенской губернии... URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=598:-95-&catid=137:11-&Itemid=354 (дата обращения: 21.01.2018).

В мае-июне 1918 г. продолжался опрос населения волостей, проходили уездные съезды, на которых выступали представители Иваново-Вознесенского губисполкома, разъясняя преимущества вхождения в новую губернию. Несмотря на это, представители крестьян Юрьеveckого уезда подали протест, категорически отказываясь присоединиться к Иваново-Вознесенской губернии, и потребовали уравнивать на съезде представительство рабочих и крестьян. В конце мая Нерехтский уезд уведомил о несогласии присоединиться к Иваново-Вознесенской губернии. Ответы с мест задерживались, и 2 – 3 июня 1918 г. пленум губисполкома констатировал, что уставленный III съездом советов месячный срок для самоопределения местностей истёк. Откладывать официальное оформление губернии больше было нельзя, т. к. нарастала общая дезорганизация, характерная для переходного периода. Новые уездные центры – Тейково, Серeda, Родники, Вичуга – так же как и сама губерния, не были официально оформлены, что ставило работу на местах в тяжёлые условия. К июню 1918 г. при губисполкоме уже функционировали отделы труда, промышленности, продовольствия, военный, финансовый, юстиции, народного просвещения, земледелия, статистический, социального обеспечения, официально не утверждённые центральной властью¹.

Губисполком «счёл себя вправе не тратить дальнейшего времени на бесконечные попытки собрать мнения абсолютно всех самых мельчайших организаций губернии»², собрать в недельный срок все материалы и направить делегацию в Москву добиваться утверждения Иваново-Вознесенской губернии.

Однако проблема неприятия вхождения в губернию ключевого Кинешемского уезда требовала немедленного решения. На собрание фабрично-заводских комитетов, контрольных комиссий и уисполкома, состоявшееся 12 июня 1918 г., направили заведующего губкомиссией просвещения и члена комиссии по организации губернии И. Е. Любимова. В стенограмме собрания указано следующее: «Тов. Любимов указывает на развитие промышленности, которая за последнее время очень сильно развивается, а главное в нашем районе – Иваново-Кинешемском. Этот район кругом находится в сети фабрично-заводской промышленности, которой всецело нужен свой центр, и этот центр может быть только вновь образованная Иваново-Вознесенская губерния»³. В тот же день Кинешемский уездный совет подтвердил своё согласие

¹ Рождение губернии. Год 1918: люди, события, факты: сб. материалов по истории создания Иваново-Вознесенской губернии... URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=598:-95-&catid=137:11-&Itemid=354 (дата обращения: 21.01.2018).

² См.: Захарова О. И. Рождение красной губернии (вступительное слово к публикации документов). URL: https://ionb.ru/Zaharova_O_I_Gosudarstvennyi_arhiv_Ivanovskoi_oblasti (дата обращения: 21.01.2018).

³ Там же.

на вхождение уезда в состав Иваново-Вознесенской губернии и поручил губисполкому принять меры к скорейшему утверждению губернии в Совнаркоме.

20 июня 1918 г. постановлением коллегии при народном комиссаре по внутренним делам на основании декрета Совета народных комиссаров «Об определении границ губернских, уездных и пр.» **Иваново-Вознесенская губерния в составе территорий, определённых III съездом советов Иваново-Кинешемского района была утверждена.**

Состоявшийся 6 – 8 сентября 1918 г. IV съезд советов завершил административно-территориальное устройство губернии. Делегаты утвердили подразделение губернии на пять уездов: Шуйский, Тейковский, Середской, Кинешемский и Юрьевецкий. Уездные центры, сёла Тейково и Середка, в том же году получили статус городов. На 31 августа 1918 г. в губернии насчитывалось 257 фабрик, заводов и других промышленных заведений, из них действовало 153. В главной текстильной отрасли было занято 141 875 человек – 97 процентов общего числа рабочих губернии¹.

Ещё во время формирования губернии были предприняты действия по созданию соответствующих её статусу институций и аккумуляции в будущей пролетарской столице интеллектуальных ресурсов, способных решать тактические и стратегические задачи её развития.

Так, необходимость создания высшего технического учебного заведения в Иваново-Вознесенске обсуждалась ещё до начала Первой мировой войны. Этот вопрос был вновь поднят в 1918 г., поскольку стала очевидной необходимость формирования инфраструктуры, соответствующей статусу губернского центра, а также символического доминирования в регионе, конкуренции со старыми губернскими центрами. Модель решения проблемы реализовалась путём перераспределения имевшихся в республике ресурсов. В 1918 г., когда возник вопрос о реэвакуации Рижского политехнического института (РПИ) из Москвы обратно в Ригу, представители Иваново-Вознесенска обратились к преподавателям и студентам с предложением переехать в Иваново-Вознесенск.

Ряд крупных российских городов (Одесса, Тамбов, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород и др.) в 1916 – 1917 гг. вели переговоры с руководством РПИ о переводе этого вуза к ним, но получали отказ². Благодаря настойчивости администрации молодой губернии и председателя губисполкома М. В.

¹ Рождение губернии... URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=598:-95-&catid=137:11-&Itemid=354 (дата обращения: 21.01.2018).

² Будник Г. А. У истоков социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918 – 1922 гг.). // Вестник Ивановского государственного энергетического университета, 2011, вып. 1, с. 1.

Фрунзе, который лично приехал в Москву на собрание преподавателей и студентов РПИ и сделал обстоятельный доклад о местных условиях, выбор был сделан в пользу Иваново-Вознесенска.

6 августа 1918 г. В. И. Лениным был подписан декрет об образовании Иваново-Вознесенского политехнического института (ИВПИ), включавшего химический, сельскохозяйственный, социально-экономический, инженерно-строительный, прядильно-ткацкий факультеты и факультет фабрично-заводских механиков. Вплоть до 1928 г. ИВПИ не имел единого комплекса учебных зданий и занятия проводились в приспособленных помещениях в разных частях города¹. Профессорско-преподавательский состав был достаточно комфортно размещён в Небурчиловских казармах. Занятия в институте начались в октябре, а 21 декабря 1918 г. в городе открылся Иваново-Вознесенский институт народного образования². Ровно через месяц был образован Костромской государственный рабоче-крестьянский университет в память Октябрьской революции 1917 г. В том же 1919 г. появился институт народного образования во Владимире. Таким образом, столица вновь созданной губернии опередила по степени развития системы высшего образования центры этих соседних губерний.

Наиболее важной проблемой в первые годы существования новой губернии было поддержание её промышленного потенциала, который, собственно, и являлся основой обособления данного региона. С января 1918 г. до весны 1919 г. были национализированы все фабрики Иваново-Вознесенска, которыми стал управлять Совет народного хозяйства.

Отсутствие управленческих кадров и нехватка топлива и хлопка привели к тому, что в 1919 г. большинство фабрик встало, а производство тканей по сравнению с 1913 годом упало до 4 %. В середине 1918 г. хлебный паёк составлял 50 граммов.

На ряде предприятий из-за нехватки продовольствия произошли выступления рабочих. Имевшиеся запасы мануфактуры обменивались на муку у крестьян по установленной советом норме: за один пуд ржаной муки давали 15 аршин ситца, 10 аршин сатина или 5 аршин трикоз. Для снабжения хлебом создавались продовольственные отряды, выезжавшие в хлеботородные губернии.

¹ См.: Почивалова Е. И., Койфман О. И. История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске. – Иваново: Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2010, 271, LXXI с.: ил., портр., факс.

² См.: Балдин К. Е. Ивановский государственный университет, 1918 – 2003 годы: очерки истории. – Иваново: Ивановский гос. университет, 2004, 587, 1 с., 22 л. ил., портр., цв. ил.

³ Балдин К. Е., Семененко А. М. Иваново: история и современность. – Иваново: Ивановская газета, 1996, с. 75.

По сравнению с 1913 г. население Иваново-Вознесенска сократилось почти втрое: в 1920 г. в городе проживало всего 57,3 тыс. человек. Рабочие переселялись в деревни, мобилизовывались на фронта Гражданской войны. Кроме этого, на жителей региона обрушились эпидемии сыпного тифа и испанки. Только весной 1920 г.¹, после того как Красная армия заняла Среднюю Азию и Донбасс, появилась возможность запуска фабрик. 1 августа 1920 г. был организован Ударный комитет по восстановлению текстильной промышленности. Им были отобраны наиболее жизнеспособные фабрики региона². 1 ноября 1921 г. был организован Иваново-Вознесенский текстильный трест, в который вошли 28 самых крупных предприятий региона, находившиеся в Иваново-Вознесенске, Тейкове, Родниках, Вичуге, Кинешме, Пучеже, Середе, Шуе, Кохме. Состав его имущества в денежном выражении составлял более 450 млн руб., из них: фабричные и жилые здания, сооружения – 159 млн руб., машины, приборы, подъездные пути – 258 млн руб., движимое имущество – примерно 11,5 млн руб.³

Иваново-Вознесенская губерния была создана за полгода, что указывает на наличие важных предпосылок для её выделения и на несомненный организаторский талант инициаторов её формирования.

Губерния характеризовалась как пролетарская, промышленная, потребляющая (имеющая дефицит собственного продовольствия). Получила она также устойчивую репутацию «красной» губернии, поскольку этот термин часто использовали представители Иваново-Вознесенского губисполкома. Несмотря на сопротивление части населения при формировании и на серьёзные социально-экономические трудности первых лет существования, новая губерния продемонстрировала способность к самоорганизации и амбиции, приведшие в 1929 г. к образованию на её базе Ивановской промышленной области, объединившей на семь лет Иваново-Вознесенскую, Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии.

¹ См.: Балдин К. Е., Семенов А. М. Иваново: история и современность. – Иваново: Ивановская газета, 1996, с. 76.

² См.: 100 % Иваново. Агитационный текстиль 1920-х – 1930-х гг. из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурлыгина. – М.: «Первая публикация», 2010, 304 + 172 с., ил.

³ Иваново-Вознесенский текстильный трест. Обзор деятельности за период с 1 ноября 1921 г. по 1 января 1923 г. – Иваново-Вознесенск, 1923, с. 11-15.

Дипломатическая столица России 1918 г. Феномен Вологды

Кирилл Быков (Россия)¹

Судьбоносные для России 1917 – 1918 гг. в корне изменили политический облик страны, поменяли образы городов, как столичных, так и провинциальных. Город Вологда, губернский центр севера европейской части России, не был охвачен мощной волной политической борьбы в революционную эпоху. Одной из ключевых вех в истории революции и Гражданской войны на севере России становится приезд иностранных посольств стран Антанты, которые вели здесь активную политическую деятельность на протяжении пяти месяцев в 1918 г. Город оказался благоприятным местом для дипломатов, которые выразили желание остаться здесь не только в связи со сложной политической ситуацией в столицах и центре страны, но и благодаря особому городскому укладу Вологды.

Город Вологда в 1918 г. становится важнейшим политическим центром, получившим в данный период название «дипломатическая столица России». Феномен пребывания дипломатов в городе привёл не только к мировой известности забытого провинциального города, но также к смене власти, участию Вологды в Гражданской войне и нескольким волнам репрессий.

Дипломатический корпус стран Антанты весь 1917 г. находится в Петрограде. Свержение Временного правительства поставило посольства в сложные условия пребывания в России без гарантий безопасности. Но даже пребывание в революционном государстве с непризнанным странами Антанты большевистским правительством не могли заставить их сразу вернуться в свои страны. Основным смыслом деятельности посольств становится попытка восстановить фактически исчезнувший с карты боевых действий Первой мировой войны Восточный фронт. Большевики тянули время: возобновлять войну не собирались, но и не подписывали мирное соглашение.

В феврале 1918 г. произошёл провал мирных переговоров в Брест-Литовске. Германия объявила об окончании перемирия и возобновлении боевых действий. Стремительное наступление немецких войск на Петроград поставило под угрозу не только советское правительство, но и безопасность подданных стран Антанты. Угроза оказаться в плену у немцев заставила многочисленный контингент иностранцев, от простых служащих до крупных

¹ **Быков Кирилл Александрович**, аспирант Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

предпринимателей и членов посольств, покинуть столицу¹. Эти события стали отправной точкой в формировании феномена дипломатической столицы в Вологде.

Итоговое совещание послов стран Антанты 21 февраля 1918 г. созвал американский посол на правах дуайена – старшины дипломатического корпуса. Главы посольств единогласно приняли решение об эвакуации из Петрограда. Направление отъезда вызвало дискуссию среди дипломатов. Доминировало мнение, что их миссия окончена и следует покинуть Россию. Самый короткий путь из Петрограда в свои страны пролегал через территорию Финляндии, а затем Швеции, занимавшей в войне нейтральную позицию. Из неё открывался путь домой для всех европейских дипломатических миссий. Такое решение приняли английское, французское, итальянское, бельгийское, сербское, португальское и греческое посольства².

Однако американский посол Дэвид Фрэнсис настаивал, что нужно остаться в России и продолжать деятельность в другом городе. Для этого он предложил посольствам переехать в Вологду.

Фрэнсис предложил перебраться в Вологду, но при этом признавался, что ничего не знает об этом городе, за исключением того что **это узловая станция на пересечении Транссибирской и Московско-Архангельской железных дорог**³.

Главным мотивом переезда для посла являлось именно расположение города, открывавшее возможность для широкого транспортного манёвра при любом развитии ситуации в России. Вологда была городом, способным в данной ситуации отвечать требованиям американского посла.

План Фрэнсиса заключался в следующем: оставаться в городе как можно дольше. Если угроза безопасности для дипломатической миссии возникнет в Вологде, дипломатическая миссия переберётся ещё восточнее – в Вятку. Или даже ещё дальше – в Пермь, Иркутск, Читу и Владивосток. Таким образом, союзники могли оставаться в России и влиять на политические отношения между странами⁴.

Каков же был реальный облик города, в который собрались дипломаты в 1918 г.?

Вологда в 1918 г. – это губернский центр, находившийся на периферии войны и революции. Европейский Северо-Восток России до революции 1917 г.

¹ Дидковская Н. А., Быков К. А. Репрезентация столицы и провинции в фотоальбоме Джеймса Прингла (Петроград – Москва – Вологда, 1917 – 1918 гг.). // Ярославский педагогический вестник, 2013, № 3, т. I (гуманитарные науки), с. 321.

² Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. – Вологда, 1998, с. 24.

³ Francis D. Russia from the American Embassy. – New York, 1921, p. 234.

⁴ Ibid, p. 236.

оставался глухой провинцией империи, и поэтому все политические процессы, происходившие в стране, отражались на политической жизни края в более умеренных формах, чем в центральных регионах страны¹. Город практически не знал революции и жил во многом по старинке. Город не испытывал недостатка в продовольствии. Именно поэтому Вологда стала тем привлекательным для жизни местом, куда в переломный момент российской истории устремлялись широкие слои общества².

В эпоху промышленной революции Вологду обошло стороной фабричное строительство, не поменяв жизнь города коренным образом. К началу века здесь функционировало всего лишь шесть небольших заводов³. Производственная сфера города была настолько маленькой, что самые крупные частные предприятия имели несколько десятков рабочих. Основная доля промышленности в городе приходится на мелкие мастерские различного рода – художественные, бондарные, мебельные и др.⁴ Самым крупным предприятием города, где трудилось 500 человек, являлись железнодорожные мастерские. Таким образом, в городе практически отсутствовал пролетариат – главная опора большевиков, потому к 1918 г. новая советская власть не имела в городе массовой поддержки.

Советская власть в городе была провозглашена в декабре 1917 г., но её монополия не утвердилась. В начале 1918 г. в Вологде складывается уникальная картина демократического двоевластия: помимо вологодского совета, в городе существует городская дума, а также земские органы власти.

Руководил Вологдой городской голова – меньшевик А. А. Александров. Его заместителем был кадет П. Ю. Зубов, дворянин по происхождению. Такая многопартийная организация власти была для города естественной. Партия большевиков, несмотря на свою центральную политическую роль, не являлась самой популярной в Вологде. Меньшевики, эсеры и даже уже запрещённая партия кадетов были основными политическими силами в городе.

1 марта на станцию Вологда прибывает состав, к которому прицеплены дипломатические вагоны с несколькими посольствами. Это были американская, японская, китайская, сиамская и бразильская дипломатические миссии. В первый же день они установили контакты с обеими властями в городе: в местный совет поехали от лица дипломатов глава американского Красного

¹ Ластунов И. И. Европейский Северо-Восток России в годы Гражданской войны (1917 – 1921 гг.). – Сыктывкар, 2001, с. 13.

² Быков К. А. Провинциальный город как субъект и среда межкультурного взаимодействия: Вологда в революционных событиях 1918 г. // Ярославский педагогический вестник, 2015, № 2, т. I (культурология), с. 178.

³ Вологодский указатель на 1908 год. – Вологда, 1907 (без указ. страниц).

⁴ Стариков Е. А. Вологда в конце XIX – начале XX в. // Вологда. Историко-краеведческий альманах, вып. 1. – Вологда, 1994, с. 124.

Креста Раймонд Роббинс и журналист Артур Рэнсом. В свою очередь, городской голова Александров посетил иностранцев на вокзале лично. Контакты оказались успешными, и вскоре посольства по предложению властей были размещены в городе. В первые дни марта властями был организован торжественный приём в честь дипломатического корпуса. Именно на этом приёме посол Фрэнсис произносит фразу о том, что Вологда стала дипломатической столицей России¹. С этого момента данный статус города стал укореняться как в риторике дипломатов, так и в сознании горожан.

Ярким примером манифестации нового «мема» служат воспоминания дипломатов, а также местная пресса. Три из четырёх главных городских газет, которые представляли разные политические силы в городе, за исключением большевиков, стали пристально следить за жизнью дипломатического корпуса. Это такие издания, как «Вологодский листок», «Вольный голос Севера» и «Северное эхо». Практически в каждом номере они стали печатать заметки о деятельности посольств. Примечательно, что данная информация выходила в разделе «Местная жизнь» или «Городская жизнь». Таким образом, вологодские СМИ стремились приобщить город к элитарной дипломатической культуре, которая внезапно появилась в Вологде. Дипломаты, в свою очередь, также вели активную политическую деятельность как на всероссийском, так и на местном уровне. Посол Фрэнсис и другие главы миссий часто давали интервью газетам и даже публиковали собственные статьи и воззвания к русскому народу. Все они печатались в упомянутых выше вологодских газетах.

В значительной мере укрепляет статус Вологды как дипломатической столицы приезд другой части дипломатического корпуса Антанты, которая не захотела оставаться в России, но была вынуждена это сделать. На пути в Финляндию их встретила гражданская война между красными финнами и белыми во главе с Маннергеймом. Из всего обширного дипломатического состава линию фронта удалось перейти только англичанам. В течение трёх недель главы посольств вели переговоры с враждующими сторонами о перемирии с тем, чтобы пропустить иностранцев. Однако, потеряв время и, самое главное, политическую инициативу, посольства были вынуждены вернуться в Россию. Единственным разумным решением, по мнению посольств, было воссоединение с остальным дипломатическим корпусом в Вологде. Так, в конце марта 1918 г. посольства Франции, Италии, Сербии и Бельгии примкнули к своим коллегам по Антанте, а Вологда упрочила положение посольской резиденции.

К лету 1918 г. дипломатический корпус прочно обосновался в Вологде, укрепив отношения с властью и местным населением. Послы вызывали сим-

¹ Голдин В. И., Лонг Дж. У. Зброшенныя в небытыя. Интервенция на русском Севере глазами её участников. – Архангельск, 1997, с. 26.

патии у местного населения, которое следило по вологодской прессе за жизнью дипломатов.

Пребывание дипломатических сотрудников в Вологде имело два аспекта. С одной стороны, они ежедневно выполняли свои функции, также систематически поддерживая официальные и неофициальные контакты с населением. Иногда в посольствах организовывались дипломатические приёмы, на которых приглашался весь свет вологодского общества. Американский посол заложил традицию субботних фэйф-о-клок, где происходило общение, часто за игрой в покер¹. Дипломаты хотели приобщить население даже к игре в гольф, но, поскольку не сумели договориться с окрестными крестьянами по поводу поля у деревни Осаново, оставили проект этого развлечения. В ответ и вологжане приглашают посольства на приёмы, концерты и балы. Провинциальные встречи вызывают в основном снисходительную реакцию дипломатов на их культурный уровень, тем не менее члены посольств их посещают.

С другой стороны, посольства ориентировались на выполнение той сверхзадачи, которая была ещё актуальна – восстановление Восточного фронта. Поскольку отменять заключённый Брестский мир большевики не собирались, дипломаты искали те политические силы, которые были способны свергнуть нелегитимное правительство, утвердиться во власти и вернуть Россию к выполнению союзнических обязательств. Антибольшевистские выступления на европейском Севере России уже зрели, поэтому главы посольств, в частности Фрэнсис и Нуланс, контактируют с антибольшевистскими силами, будущими участниками Белого движения. Британское посольство тайно вербует новобранцев и по поддельным документам отправляет их в Архангельск, где начинается подготовка к интервенции. Добровольцы, которые по официальной версии направлялись на Западный фронт для войны с немцами, на самом деле стали будущими членами Белого движения в период Гражданской войны на Севере России².

Советское правительство внимательно следило за ситуацией в Вологде. Самостоятельная деятельность посольств его совершенно не устраивала. Большевики видели два варианта ликвидации этой дипломатической столицы. Первым вариантом была попытка убедить иностранцев перенести свои резиденции в Москву, что означало фактическое признание власти большевиков и невозможность оказывать открытую поддержку Белому движению. Другой вариант сводился к тому, чтобы заставить иностранцев уехать из страны совсем.

Уже с весны 1918 г. в прессе появляются ложные сообщения, инициированные центральной властью, о переезде дипломатов в Москву, на которые

¹ Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. – Вологда, 1998, с. 122.

² Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. – Вологда, 1998, с. 85.

посольствам приходится давать опровержения¹. В мае-июне 1918 г. Наркоминдел несколько раз обращается к американскому послу Фрэнсису как к лидеру дипкорпуса с приглашением переехать в Москву, однако тот отклонил предложения, сославшись на то, что чувствует себя в Вологде безопаснее от немецкого вмешательства². Летом 1918 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин, пользуясь убийством немецкого посла Мирбаха, отправляет дипломатам несколько телеграмм, в которых любезно приглашает, а затем пугает и угрожает, требуя переместить дипломатический корпус в Москву³. Чичерин в переписке делал акцент на невозможность обеспечить безопасность дипломатам в Вологде и ссылаясь на некую информацию о неминуемой надвигающейся на посольства угрозе. Такая риторика должна была заставить дипломатов беспокоиться за свою жизнь.

Кроме дипломатической переписки и переговоров, большевики пытались применять к дипломатам меры, которые смогли бы максимально ограничить деятельность посольств. Так, ещё с конца апреля 1918 г. по распоряжению советской власти зашифрованные сообщения, которые отправляли послы своим правительствам, стали уходить с неточностями, в искажённом виде. Иногда большевики вообще запрещали пересылать такие телеграммы без письменного разрешения Наркомата иностранных дел в каждом отдельном случае⁴.

После убийства посла Мирбаха, 12 июля 1918 г., к дверям каждого из посольств был приставлен конвой, который не пропускал в здание никого без пропуска из местного совета⁵. В первый день не смогли попасть на работу даже сотрудники посольств, пока не выправили соответствующие пропуска. 24 июля ВЧК запрещает въезд в Вологду всем иностранным гражданам без особого на то разрешения советских учреждений⁶. На пике напряжения отношений большевики запрещают публикацию интервью и заявлений иностранных послов в газетах. Советское правительство давило на посольства с целью их скорейшего переезда, пресекало неофициальные контакты союзников с контрреволюционными силами, а также пыталось ограничить влияние посольств на общественное мнение в городе.

¹ Вологодский листок, № 1296, 1918, с. 3.

² Barnes H. Standing on a Volcano: The Life and Times of David R. Francis. – Missouri, 2000, p. 332-334.

³ Официальная переписка дипломатического корпуса в Вологде с Народным комиссариатом по иностранным делам по вопросу о переезде первого из Вологды в Москву. – Вологда, 1918.

⁴ Голдин В. И., Лонг Дж. У. Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере глазами её участников. – Архангельск, 1997, с. 172.

⁵ Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. – Вологда, 1998, с. 163.

⁶ Очерки истории вологодской организации КПСС (1895 – 1968). – Вологда, 1969, с. 210-211.

Такие действия советской власти с дипломатами были своего рода политической игрой, поскольку большевики уже знали о готовившейся интервенции, которая обсуждалась в посольствах ещё с апреля 1918 г. Власти также знали, что отъезд посольств в Архангельск будет означать как раз начало интервенции, поскольку войска Антанты базировались на Мурмане (Мурманский край) и были готовы к быстрой переброске войск.

Дипломаты стран Антанты также прекрасно понимали мотивы действий большевиков, но до конца июля не могли определиться только в одном – уезжать ли им в Архангельск под защиту своих войск или же дожидаться в Вологде наступления объединённых русских и союзных войск. Уезжать из обжитой, лояльной и уже полюбившейся дипломатической столицы дипломатическому корпусу не хотелось.

Тем не менее военные миссии посольств, проанализировав положение, рекомендовали покинуть Вологду, поскольку обороняться в городе было сложно: радикальных антибольшевистских сил, способных взять оружие, мало, и велика вероятность оказаться в плену¹. 25 июля 1918 г. посольства уезжают в Архангельск.

После отъезда посольств в Вологду прибывает «Советская ревизия» – карательная экспедиция под руководством Михаила Кедрова, чекиста и партийного работника, с целью зачистить контрреволюционное гнездо в городе. Начинаются аресты, закрываются газеты, разворачивается террор. ЧК арестовывает всех иностранцев, находившихся на тот момент в Вологде. В августе-сентябре 1918 г. были разгромлены все тайные антибольшевистские организации, ликвидируется ячейка «Союза возрождения России», а также совершается серия арестов лиц, подозреваемых в связях с союзниками².

Город превращается из дипломатического центра в военный большевистский штаб. С началом иностранной интервенции на Севере Вологда становится центром, координирующим военные действия красных войск.

Эти войска, первоначально разрозненные, были объединены в VI армию, которая управлялась из Вологды³. При помощи репрессий происходит монополизация власти в Вологде. Вместо демократического двоевластия наступило двоевластие большевиков: помимо умеренных в своих действиях местных советов, в Вологде работал присланный Лениным репрессивный орган ЧК – «Советская ревизия», который кровью вычистил следы всего, что происходило в городе с марта по конец июля 1918 г.

¹ Быков А. В., Панов Л. С. Указ. соч., с. 168.

² Викторов И. В. Подпольщик, воин, чекист. – М., 1963, с. 55-56.

³ Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. – Вологда, 2004, с. 146.

Земские органы самоуправления Среднего Поволжья в условиях демократизации политической системы после февраля 1917 г.

Татьяна Кобзева (Россия)¹

Свержение самодержавия в марте 1917 г. в России открыло путь демократическому обновлению страны. Формирование органов местного самоуправления на новых началах, подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание, введение либеральных прав и свобод заложили основы формирования институтов гражданского общества и правового государства в России.

В России до демократических преобразований 1917 г. была выстроена чёткая система земского самоуправления, которая эффективно функционировала и повсеместно решала вопросы местного значения.

Февральскую революцию земские деятели губерний Среднего Поволжья встретили с воодушевлением. Так, например, в марте 1917 г. Симбирское губернское земское собрание отправило приветствие Временному правительству, в котором выразило мнение о том, что «завоевания революции дали стране великое благо народоправства»².

К моменту проведения Временным правительством реформы местного самоуправления во многих губерниях уже были созданы временные органы местной власти – комитеты общественной власти, общественной безопасности, куда входили и представители земской общественности. Земцы активно включились в процесс реорганизации всей системы местной власти на демократических началах. В губерниях Среднего Поволжья практически сразу после Февральской революции стали возникать особые совещания, посвящённые реорганизации земств. Так, например, в Самаре 8 апреля 1917 г. было открыто совещание по реорганизации губернского земства. Большинство его членов высказалось за необходимость демократического обновления земских органов самоуправления³.

¹ Кобзева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (с 2018 г.).

² Кобзева Т. А. Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции 1917 г. // Вопросы истории, 2014, № 3, с. 56.

³ Матвеев М. Н. Земства Поволжья в 1917 – 1918 гг. – Самара, 1995. URL: <http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/131-1917-1918-1995>, (дата обращения: 20.12.2017).

С мая 1917 г. в соответствии с законами Временного правительства «О волостном земском управлении», «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г., «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов», «Об изменении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них положения» от 9 июня 1917 г. начала действовать новая избирательная система при формировании органов городского и земского самоуправления. По ней в выборах волостных и уездных земских гласных стало принимать участие всё взрослое население – мужчины и женщины с 20-летнего возраста. Осуществились мечты нескольких поколений общественных деятелей, призывавших к демократизации местных органов власти¹.

Избирательная система 1917 г. отвечала современным требованиям мировой юридической мысли. Впервые в истории страны были проведены свободные, всеобщие, равные и пропорциональные выборы. До февраля 1917 г. выборы в местные органы самоуправления были не прямыми, не равными, не всеобщими, т. е. доступ граждан к решению важнейших общественных вопросов был ограничен. Новая система выборов позволяла широким слоям населения участвовать в их решении. Открытие новоизбранных земств во многих случаях выливалось в демонстрацию доверия и поддержки Временному правительству. Однако отношение различных слоёв общества к земским учреждениям было неоднозначным. Если горожане восприняли нововведения как усиление демократических элементов в обществе, то крестьяне отнеслись к изменениям в формировании земских учреждений с опасением. Давал о себе знать менталитет крестьян, опасавшихся преобладания в земствах имущих слоёв общества.

С целью реформирования всей системы местного самоуправления в губерниях Среднего Поволжья создавались коллегиальные учреждения – исполнительные комитеты, в которые входили представители отдельных общественных организаций, земств, политических партий, представители новой административной власти. Так, в Симбирской губернии в состав Исполкома вошли представители Совета солдатских и рабочих депутатов, Совета крестьянских депутатов. Председателями уездных исполнительных комитетов были уездные комиссары Временного правительства. Их главными задачами были организация власти в уезде, решение продовольственного вопроса, введение в уезде милиции, суда. Земства приняли активное участие в формировании и деятельности этих органов власти².

Реорганизация местного самоуправления предусматривала активное участие населения в избирательном процессе, передачу власти в губернии в руки

¹ Цит по: Кобзева Т. А. Местное самоуправление в Среднем Поволжье. – С. 56.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 46, оп. 2, д. 898, л. 18-19; ф. 677, оп. 2, д. 27, л. 8.

выборных органов и должностных лиц, в том числе председателей уездных и губернских управ. Однако формально подобранные губернские и уездные комиссары часто конфликтовали с выборными представителями местных структур и населением губернии. В ряде уездов Симбирской губернии комиссары Временного правительства не были приняты населением, которое воспринимало их «реакционерами и врагами нового порядка»¹. Во многих уездах население требовало соблюдения принципа выборности в отношении губернских и уездных комиссаров.

Выборы в гласные земских собраний Симбирской губернии в основном завершились к концу мая 1917 г. Некоторая задержка с перевыборами в земское самоуправление была связана с призывом Министерства внутренних дел воздержаться от них до публикации положения о выборах в земские учреждения. Подобная ситуация была характерна для многих губерний Поволжья. Сроки созыва Самарского чрезвычайного губернского земского собрания дважды переносились и окончательно были назначены на 6 июня 1917 г. В Симбирске чрезвычайное губернное земское собрание было открыто 25 мая 1917 г. и работало более месяца. Новый состав Пензенской губернской земской управы был избран только 15 мая 1917 г. на губернском учредительном съезде².

В результате проведённых выборов существенно расширился и изменился состав земских органов самоуправления. Так, в Самарском губернском земском собрании среди 135 гласных преобладали крестьяне. Хотя анализ социального состава губернских и уездных гласных позволяет судить о преобладании в списках гласных земских учителей, агрономов, врачей, юристов, земских служащих, крестьян³.

Одновременно шло объединение всех демократических сил в губерниях Среднего Поволжья. Уже весной 1917 г. в Сызранском, Карсунском, Сенгилеевском, Алатырском уездах Симбирской губернии были созваны чрезвычайные уездные демократические земские собрания⁴. На них присутствовали представители различных слоёв общества, от торгово-промышленного класса до крестьянства, представители различных общественных и религиозных организаций (представители Мусульманского бюро Симбирской губернии). Были допущены до участия в собрании с правом решающего голоса и члены крестьянской фракции Симбирского губернского исполнительного комитета⁵.

¹ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 25, л. 17.

² Матвеев М. Н. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Постановления первого Сенгилеевского чрезвычайного демократического уездного земского собрания (14 – 17 апреля 1917). – Сенгилей, 1917, с. 9.

⁵ Постановления Чрезвычайного курмышского уездного земского собрания, заседания 23 – 25 апреля 1917 г. – Ядрин, 1917, с. 3.

На демократических собраниях во всех уездах земцы обратились с приветствием к Исполнительному комитету Государственной думы и Петроградскому совету солдатских и рабочих депутатов. Они надеялись, что «совет будет стоять на страже сохранения завоеваний свободы и проведения в жизнь всех требований демократии». 6 мая 1917 г. состоялся съезд уездных комиссаров и представителей уездных земских управ Симбирской губернии, на котором было подтверждено, что «единственной государственной властью является Временное правительство», состоящее из членов Совета рабочих и солдатских депутатов и лиц, пользующихся доверием более умеренных слоёв населения, «высшим губернским органом власти является Общее губернское земское собрание». Причём подчёркивалось, что «между местной властью и Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должна быть установлена тесная связь и все постановления местных органов самоуправления должны находить поддержку у советов»¹. О поддержке со стороны Симбирского губернского земского собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, о признании полезности его деятельности говорит и тот факт, что земское собрание ассигновало совету 10 000 руб. на неотложные расходы².

Аналогично системе центральных органов власти, в которую входили Временное правительство и советы, была организована и власть на местах. Советы встраивались в новую систему местного самоуправления. Тесное сотрудничество обновлённых на демократической основе земских собраний и советов весной – летом 1917 г. определялось общей социальной базой и целями.

Подлинным примером объединения всех революционно-демократических сил в Симбирской губернии стал созыв в мае 1917 г. Первого демократического симбирского губернского земского собрания. На нём были представлены, помимо земских гласных, члены земских управ губернии, Совет солдатских рабочих депутатов, делегаты от Губернского исполнительного комитета, от Военного комитета, Городской думы и крестьянских союзов³. В ходе первого заседания собрание постановило допустить до участия на правах гласных представителей всех социалистических партий. Оно поддержало заявление Временного правительства о том, что «будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой в стране; проводить государственный и общественный контроль над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегать к организации производства». Симбирские земцы считали необходимым немедленно при-

¹ ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 886, л. 35, 88; ф. 677, оп. 2, д. 31, л. 10-11.

² ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 949, л. 135.

³ Журналы Первого демократического симбирского губернского земского собрания экстренной сессии 26 мая – 2 июня 1917 г. – Симбирск, 1917, с. 1-2.

ступить к реализации плана реорганизации всего народного хозяйства и регулирования хозяйственной жизни страны. С этой целью была принята резолюция по вопросу о борьбе с экономической и финансовой разрухой¹. Она предусматривала упорядочивание системы хозяйствования и рост во всех сферах. Так, в промышленном секторе предусматривалось увеличить объёмы производства промышленных товаров. В частности, земское собрание подняло вопрос о целесообразности дальнейшего продолжения работ по строительству Заволжского патронного завода, которые предполагалось завершить в 1919 – 1920 гг. Земские деятели предложили перепрофилировать производство и организовать на нём сборку необходимых в сельском хозяйстве машин, орудий или электротехнических изделий. Для наведения порядка на железной дороге губернские гласные предложили согласовать расписание перевозок на правительственных и частных железных дорогах, упорядочить эвакуацию².

Важнейшей реформой всей системы местного самоуправления после февраля 1917 г. стало введение волостного земства. Это была долгожданная реформа, за которую земцы боролись на протяжении всей своей истории. Волостное земское собрание образовывалось из волостных земских гласных, избираемых на трёхлетний срок.

Число волостных гласных по каждой волости устанавливалось, в зависимости от численности населения, в количестве от 20 до 50 лиц. Правом участия в выборах пользовались гласные обоих полов, всех национальностей и вероисповеданий, достигшие 20 лет, а солдаты – с 18 лет. Выборы волостных гласных назначались уездной земской управой одновременно во всех сельских избирательных округах волости. Структура органов волостного земства повторяла структуру органов уездного и губернского уровней, т. е. в неё входили собрания и управы. Для удобства подачи голосов волость разделялась на избирательные участки, в каждом из которых собирались записки, а потом производился общий подсчёт. Закон сохранил крестьянские волостные сходы, причём во многих случаях, согласно закону, сходы дублировали или подменяли волостное земство, сохраняя не только хозяйственные, но и полицейские функции.

Земские деятели Симбирской губернии внимательно изучили закон от 21 мая 1917 г. Главной недоработкой закона было отсутствие разъяснений по вопросу о взаимоотношениях уездного и волостного земств. Но реформа, по

¹ Журналы Первого демократического симбирского губернского земского собрания..., с. 278..

² Там же, с. 279.

мнению земцев, способствовала утверждению демократических прав и свобод и «в полной мере оправдала ожидания и чаяния русского общества»¹.

Деятельность волостных земств должна была органично дополнить работу уездных земств. По итогам обсуждения закона Симбирское губернское земское собрание решило возбудить перед правительством ходатайство об изменении положения о волостном самоуправлении². Уже в начале лета началась подготовка к выборам в волостные органы земского самоуправления. На местах были образованы комиссии по выборам земских гласных, составляли списки гласных. Вся работа по формированию волостной земской единицы легла на уездные земства, именно они стали определять районы волостных земств³. Симбирское губернское земство призывало уездных гласных оказать содействие волостным земским структурам. 20 – 22 июня 1917 г. прошло совещание председателей уездных земских управ, на котором решили использовать для определения количества гласных данные подворной переписи 1911 г. В большинстве уездных земств уже приступили к организации выборов в волостное земство, выборы должны были состояться с 15 по 27 августа⁴. Они проходили по мажоритарной системе, и в итоге уже к сентябрю 1917 г. большинство волостных земств уезда приступило к работе⁵.

В Самарской губернии в начале октября 1917 г. прошло специальное совещание на губернском уровне, на котором были подведены итоги выборов в волостное земство. В большинстве волостей уездов Самарской губернии выборы не состоялись. Так, в Бугульминском уезде только в 7 волостях были сформированы волостные земские учреждения, в Ставропольском уезде – в 10 волостях из 36, в Бузулукском – в 4, в Бугурусланском уезде – в 18 волостях из 51. По социальному составу волостные земства Самарской губернии были в основном крестьянские (Бугульминский, Самарский, Ставропольский, Бугурусланский уезды). Исключение составил Бузулукский уезд, здесь в составе волостных земских гласных преобладала земская интеллигенция (учителя, ветеринары и т. д.). Всего по Самарской губернии в выборах в волостное земство участвовало не более четверти избирателей губернии. Причём даже организованные волостные земские учреждения не могли долгое время начать работу в связи с отсутствием финансирования⁶.

Эффективное функционирование всей системы местных органов власти предполагало включение волостного земства в работу уездных орга-

¹ ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 900, л. 36.

² Там же, л. 37.

³ ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 900, л. 36.

⁴ Там же, ф. 974, л. 4-7; ф. 84, оп. 1, д. 1420, л. 62.

⁵ Там же, ф. 84, оп. д. 1412, л. 2.

⁶ Матвеев М. Н. Указ. соч.

нов самоуправления. Волостные гласные стали требовать участия председателей волостных управ в заседаниях уездных собраний с правом решающего голоса, чтобы работать в русле общеуездной и общегубернской земской политики¹. Поскольку временное положение такого права не давало, в конце октября 1917 г. ряд земств Симбирской губернии обратился к Временному правительству с внесением поправок в закон².

Введение волостного земства имело огромное значение для развития местного самоуправления в России. После введения волостного земства должна была выстроиться чёткая система земских учреждений, в основе которой было предоставление самоуправления всему населению от волости до Всероссийского земского союза. Выборы в волостное земство должны были стать своеобразной репетицией будущих выборов в Учредительное собрание России. Не случайно параллельно с подготовкой выборов в волостные земства симбирское земство активно приступило к подготовке выборов в Учредительное собрание. Временное правительство в своём постановлении о выборах решило создать на местах окружные комиссии, которые должны были заняться подготовкой к выборам в представительный орган страны³. Представители земств также вошли в состав комиссии. От Симбирского губернского земства были избраны юрисконсульт губернского земства А. Ф. Бонч-Осмоловский и член управы И. С. Устюгов⁴. Окружные комиссии должны были установить избирательные участки, разделить территорию на избирательные округа. За основу избирательных списков при выборах в Учредительное собрание были взяты списки по выборам в волостные и уездные земства и городские думы. Также совпадали избирательные участки. Согласно постановлению Временного правительства и расписанию числа членов Учредительного собрания по избирательным округам, Симбирская и Пензенская губернии получили по 9 мест в Учредительном собрании, Самарская – 17. Выборы прошли в Самарской и Пензенской губерниях 12 ноября, в Симбирской – 19 ноября⁵.

После событий 25 октября 1917 г. ситуация усложнилась ещё больше. Стало очевидно, что Февральская революция не достигла ни одной национальной задачи, стоявшей перед страной. И в земствах, как и повсеместно, возобладали силы, стремившиеся не объединить общество, а ещё больше расколоть его. Попытки новых волостных земств «подготовить всё население к несению общественных обязанностей и, призвав к работе всё живое, здоровое, сильное,

¹ ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 872, л. 6.

² Там же, д. 900, л. 36.

³ Там же, д. 955, л. 3.

⁴ Там же, л. 2, 4.

⁵ Матвеев М. Н. Указ. соч.

творческое, построить жизнь на основе гражданского правопорядка натыкались на взбаламученное море жизни»¹.

Деятельность земств в период работы Временного правительства имела ряд особенностей, связанных с исторической обстановкой и задачами, стоявшими перед органами местного самоуправления. Так, наряду с реорганизацией земства и мероприятиями в области народного просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства и т. д. на земства был возложен и ряд других функций, имевших в 1917 г. важнейшее для страны значение. Это, прежде всего, борьба с аграрными беспорядками, решение земельного вопроса, борьба с голодом и продовольственным кризисом. Конечно, на деятельность земских органов самоуправления в 1917 г. наложила свой отпечаток и Первая мировая война. Она породила огромную волну беженцев, захлестнувшую губернии Среднего Поволжья летом 1917 г. Безработица среди беженцев приводила к увеличению затрат земств на выдачу им пособий, обязанность выплаты которых ложилась на местные органы власти².

Февральская революция открыла широкие возможности для развития местного самоуправления. Было упразднено губернское по земским и городским делам присутствие со всеми его правами и возможностями ограничить деятельность и инициативу органов земского и городского самоуправления. Началось избрание нового состава земств на основе тайного равного голосования. Земства, помимо хозяйственных функций, наделялись административными функциями: в частности, правом издавать обязательные постановления, избирать мировых судей и тем самым формировать местные суды, контролировать действия милиции в губернии. Однако для успешности всех демократических преобразований необходимо было, во-первых, завершить организационные работы по созданию на местах сельских и волостных земских структур, избираемых на основе всеобщего избирательного права, а во-вторых, объединить все демократические силы на местах и выработать единую политическую программу реформирования страны. Кроме того, успешность местной реформы всецело зависела от политической стабильности центральных органов власти. Однако постоянные кризисы власти и смена состава Временного правительства, его полное бездействие в решении насущных вопросов обрекли все демократические реформы на поражение и открыли путь большевикам для установления жёсткой диктатуры.

¹ Самарское земство: опыт практической деятельности (1865 – 1918 гг.); под. ред. П. С. Кабытова. – Самара: Самарская губернская дума, 2009, с. 348.

² Бравина М. А. Продовольственный кризис 1917 г. и его проявления в Симбирской губернии. // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сб. науч. статей по материалам международной научной конференции. – М.: ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, 2017, с. 310-317.

Городское самоуправление Перми в условиях прихода к власти большевиков в 1917 г.

Вадим Тетерин (Россия)¹

Осенью 1917 г. Временное правительство в ходе противостояния с большевиками попыталось опереться на места на органы местного самоуправления. Однако ситуация уже вышла из-под контроля: к власти в столицах пришли большевики. Реакцией на происходящие события в провинции стало проведение собрания представителей общественных организаций и органов самоуправления. Были разработаны конкретные шаги, которые должны были повысить авторитет власти в глазах населения. Первоочередным было признано проведение выборов в Учредительное собрание.

Проведение выборов в Учредительное собрание было поставлено под угрозу в октябре 1917 г., когда противостояние Временного правительства и большевиков перешло в заключительную фазу. В Соликамске 12 октября 1917 г. состоялось совещание представителей общественных организаций и органов самоуправления. Основной тон на нём задавали гласные земства и городского самоуправления. Целью собрания было выработать совместную тактику действий в кризисной политической ситуации. Поводом стала телеграмма губернского комиссара, в которой предлагалось «сплотить здоровые элементы населения в целях борьбы с анархией... Опираясь прежде всего на органы самоуправления и привлекая их к борьбе с анархией, укрепите власть, которая должна быть авторитетной для населения»².

Собрание общественных деятелей полностью поддержало предложение губернского комиссара. В ходе прений особо было подчёркнуто, что органы самоуправления являются «тем прочным фундаментом, на котором должна быть построена государственная власть»³. Кроме того, гласные разработали конкретные шаги, которые, по мнению собравшихся, должны были поднять авторитет власти в глазах населения губернии. Главным решением стало расширение сети мировых судей в уезде для оперативной борьбы с преступлениями, так как раньше «они не могли незамедлительно разбирать судебные

¹ Тетерин Вадим Игоревич, старший преподаватель Пермской государственной сельскохозяйственной академии.

² Соликамский краеведческий музей (СКМ), ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 1-2.

³ СКМ, ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 2.

дела, и в народе развивается ложное представление об отсутствии закона и защиты»¹.

Ещё одним шагом, предпринятым на этом совещании в Соликамске, стало создание специального комитета борьбы с анархией². В него были выбраны представители самоуправления. Таким образом, гласные оставляли на своё усмотрение, какие и чьи действия причислять к «отступлениям от нормальной общественной жизни, которые грозят народными волнениями». Комитет в своей работе должен был опираться на уездную милицию.

В конце октября 1917 г. Пермская городская управа публикует воззвание к гражданам о проведении 12, 13 и 14 ноября выборов. В тексте, помимо призывов к сознательности избирателей, содержались процедура и порядок проведения выборов. На участковые избирательные комиссии были направлены протоколы. Все комиссии, в свою очередь, направили в центр статистику о количестве предполагаемых избирателей³. Отдельно были представлены сведения о членах самих комиссий с указанием национальности, образования, профессии и партийной принадлежности (большинство в комиссиях обозначило себя беспартийными; среди тех, кто указал партию, больше всего эсеров)⁴. Однако события в Петрограде и приход к власти большевиков поставили под угрозу срыва выборы в Учредительное собрание.

Уральский областной комитет советов рабочих и солдатских депутатов сразу постановил в своём воззвании немедленно «сместить нежелательных представителей старой власти, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием»⁵. Под представителями власти понимались не только комиссары Временного правительства, но и гласные земства и городского самоуправления. В Перми был даже сформирован революционный комитет, в который вошли по три эсера, меньшевика и большевика. Предполагалось, что он будет заниматься именно вопросами местного самоуправления⁶. Однако в ноябре 1917 г. силы, достаточной для ликвидации местного самоуправления, да и поддержки населения на местах, у них ещё не было. Тем не менее 2 ноября 1917 г., реагируя на захват большевиками власти, земские служащие в Перми просили городскую думу создать, помимо милиции,

¹ СКМ, ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 3.

² СКМ, ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 4-5.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1810, оп. 1, д. 319, л. 1-374об.

⁴ ГАРФ, ф. 1810, оп. 1, д. 318, л. 1-506об.

⁵ Воззвание Уральского областного комитета советов рабочих и солдатских депутатов. // Из истории борьбы за установление советской власти. – М., 1943, с. 35-36.

⁶ Кружинов В. М. Происхождение и эволюция концепции многопартийного социалистического правительства в 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014, № 12, 2 (50), с. 123-130.

добровольческие дружины¹. Была организована народная охрана, жители объединялись в квартальные бригады. Управа сообщала о том, что милиция продолжала действовать, охрана вводилась лишь в связи с временным уменьшением численного состава органов правопорядка. Городской думой было введено новое положение о милиции².

Во многих уездах самоуправление было вынуждено создавать специальные дружины. В Соликамске городская дума приняла решение «в случае надобности вооружённой рукой защищать от всех посягательств Учредительное собрание»³. Для выполнения этой цели, пишет очевидец событий Н. А. Пищальников, была даже создана боевая дружина во главе с офицером царской армии А. С. Хомутовым. Вооружена дружина была пятью винтовками, полученными на складе милиции. Официальной её задачей была охрана общественной безопасности. За три дня туда записалось 80 добровольцев из числа земских служащих и учащихся гимназии и духовного училища⁴. Эта дружина была вспомогательной силой для милиции.

Однако даже такие меры не помогли предотвратить беспорядки. В ноябре по губернии прокатилась волна пьяных погромов. Вечером 3 ноября такой погром начался в Перми. Солдаты стали громить пивные склады. Ситуация быстро вышла из-под контроля. Беспорядки в городе не утихали несколько дней. Только экстренные меры – уничтожение винных складов и усиление нарядов – смогли остановить погромы. В городе была введена пропускная система и комендантский час (с 8 часов вечера). Все городские служащие вынуждены были получать пропуска для нахождения на улице в вечернее и ночное время. Специальные разрешения выдавались на ношение оружия⁵. В эти дни в городскую управу поступали списки от разных учреждений, причём для некоторых сотрудников даже указывалось, до какого времени действителен пропуск: до 23:00, до часу ночи и т. д. К 6 ноября беспорядки в Перми прекратились. Обсуждение погрома вылилось в борьбу между политическими силами губернии: все заинтересованные стороны пытались переложить вину друг на друга. Гласные городской думы писали, что во всём виноваты большевики, выпустившие ситуацию из-под контроля; большевики утверждали, что вина лежит на гласных, которые не поддержали советы, сами же они не смогли справиться «из-за незрелости социализма»¹.

Всё это проходило на фоне продолжавшейся подготовки к выборам в Учредительное собрание. В ходе подготовки выборов, назначенных на 12 но-

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 35, оп. 1, д. 378, л. 51.

² ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 392, л. 1-9, 143-152.

³ СКМ, ф. 28, оп. 1, д. 120, л. 2.

⁴ СКМ, 1978, с. 38.

⁵ ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 392, л. 29-31.

ября 1917 г., городским самоуправлением были опубликованы списки кандидатов, сформированные различными группами и партиями. Всего было подано 11 списков, самыми крупными из которых были списки от Партии народной свободы (27 кандидатов) и РСДРП(б) (26 кандидатов)². Что характерно, в списке большевиков большинство были жителями Екатеринбурга (центр большевизма в Пермской губернии), и лишь три человека имели местом постоянного проживания г. Пермь³.

Городское самоуправление взяло ответственность за проведение выборов на себя, и 6 ноября появилось новое воззвание, согласно которому окружная комиссия по делам выборов (она находилась в ведении Пермской городской думы) единогласно постановила провести выборы в назначенный срок. Такие же воззвания вышли и непосредственно в дни выборов – 12, 13 и 14 числа⁴.

После получения результатов их итоги обсуждались на чрезвычайных заседаниях всех органов местного самоуправления. Приведём выдержки стенограммы заседания Кунгурской городской думы, которые были опубликованы в местной прессе⁵.

Вот речь председателя собрания С. И. Бондарева:

«Торжественное заседание 28 ноября, в день открытия Учредительного собрания, есть величайшая историческая дата. Идея народовластия – Учредительное собрание – было той звездой, которая приковывала взоры всех. Судьбы народа, его чаяния не могут быть устроены силой штыка».

Выдержка из речи городского головы:

«Кроме разрешения вопросов о войне, мире и земле, городские думы ждут от Учредительного собрания разрешения вопросов в области политической, финансовой и налогообложения, ждут расширения своих прав, переходящих грань городского хозяйства».

Эти цитаты отражают мнение не только гласных городской думы г. Кунгура, но и вообще всех органов местного самоуправления. Как видно, они ждали, прежде всего, что их права будут ещё более расширены, а Учредительное собрание также защитит их от силы штыка, то есть от большевиков.

По мере ослабления земской и городской милиции усиливали свои позиции большевики. Уже 4 января 1918 г. они заняли все участки милиции в Перми. Городская дума Перми только 29 января 1918 г. объявила о снятии с

¹ Пермская жизнь. – Пермь, 1917, 11 ноября, с. 2.

² ГАРФ, ф. 1810, оп. 1, д. 321, л. 2-2об.

³ ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 361, л. 47, 52-62.

⁴ ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 361, л. 63-65, 68-71.

⁵ Кунгурская жизнь. – Кунгур, 1917, 5 декабря, № 140, с. 2.

себя всей ответственности за деятельность органов правопорядка¹. Таким же образом и в других городах Пермской губернии милиция была разогнана. Органами правопорядка выступали отряды Красной гвардии, затем была создана рабочая милиция.

С начала 1918 г. начинается постепенная ликвидация большевиками органов местного самоуправления. В первую очередь падение органов местного самоуправления закономерно произошло в главном центре большевизма в Пермской губернии – в Екатеринбургском уезде. Екатеринбургская городская дума была распущена в феврале 1918 г. В это же время начинается ликвидация городского самоуправления и в других уездах.

29 января 1918 г. в Соликамск прибывает отряд Красной гвардии под предводительством Дубнера. Без боя была разоружена народная дружина, созданная думой. В городе была установлена власть большевиков. Городское самоуправление Соликамска подверглось нападению отрядов Красной гвардии. А 5 февраля 1918 г. думе был выдвинут ультиматум о её ликвидации и передаче дел совету. Думцы сопротивлялись, потому через пять дней был поставлен ещё один ультиматум – о немедленном роспуске. Наконец, 11 февраля 1918 г. гласные думы, обсудив ультиматум, приняли решение о роспуске:

«Ввиду того что Соликамский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получил при посредстве отряда Красной гвардии всю власть в городе, Соликамская городская дума и исполнительный орган – городская управа – в полном составе вынуждены прекратить свою работу и снимают с себя всякую ответственность перед избравшим её населением»².

Таким образом, гласные городского самоуправления оказались не готовы к политической борьбе, особенно к её насильственным формам. Ранее органами милиции отмечалось нарастающее недовольство населения губернии. Негативно была встречена продовольственная политика, которую проводило Временное правительство. Одной из возможных альтернатив органам местного самоуправления в это время становились советы, в которых всё большую популярность набирали большевики. Конец 1917 – начало 1918 гг. прошли в упорной борьбе органов самоуправления с большевиками. Основная ставка гласными была сделана на Учредительное собрание. Но реальная власть уже была в руках большевиков. Разгон Учредительного собрания ускорил процесс упразднения земства и городских дум.

¹ ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 378, л. 106.

² СКМ, 1978, № 12, с. 51-58.

Противодействие населения политике аккультурации в 1917 г. [на примере юго-восточной окраины]

Сергей Любичанковский (Россия)¹

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществлённых Временным правительством. Важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между носителями традиционалистского сознания и сторонниками продолжения политики аккультурации – проповедниками инновационной земской волости. Юго-Восток России в географическом отношении отличался непосредственным соседством с окраинами империи – Кавказом, казахскими землями и Средней Азией. В регионе также проживало значительное число казаков, которые обладали автономией и были в значительной степени обособлены от остальных жителей губерний. Таким образом, Юго-Восток России являлся в социальном, этническом, а также административном отношении переходной территорией между окраинами страны и её коренным, преимущественно русским, центром.

На региональном уровне организаторы выборов в волостное земство столкнулись с двумя фундаментальными проблемами. Одна из них была характерна для всей страны и заключалась в недостатке финансирования и невозможности эффективно организовать выборы в условиях продолжавшейся мировой войны и углублявшегося революционного кризиса. Вторая была, по-видимому, характерной для национальных периферий и заключалась в отсутствии рычагов воздействия на родовую аристократию при попытках привести на эти территории новые внутрироссийские стандарты управления. Одна проблема накладывалась на другую и усугубляла её, что делало волостные выборы на Юго-Востоке России мероприятием более проблемным, чем на многих других территориях страны².

В первую очередь антиземскими настроениями отличались сельские и волостные старшины, то есть лица, наделённые властью. Их основным мотивом

¹ Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Оренбургского государственного педагогического университета.

² Любичанковский С. В. Подготовка выборов в волостное земство на Юго-Востоке России в 1917 г. // Россия в условиях кризисов XIX – XX веков. Международная науч.-практ. конф., посв. столетию русской революции и 75-летию начала Сталинградской битвы. Оренбург, 20 – 21 апреля 2017 г.: сб. ст. в 2 т., т. 2. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017, с. 31-35.

было нежелание эту власть потерять. Они массово уклонялись от участия в составлении избирательных списков и предвыборных мероприятиях, саботируя подготовку к выборам. Они также вели контрагитацию, причём направленную не столько против предстоявших волостных выборов, сколько против земской идеи в целом.

В национальных районах региона, например в Киргизской Степи, Калмыцкой Орде, Туркменском и Ачикулакском приставствах, Большедербетовском улусе Астраханской и Ставропольской губерний, контрагитация велась с опорой на родовую знать. Её представители, авторитетность и влияние которых в местной среде была бесспорной, рассматривали земство как орган, бесцеремонно вторгавшийся в традиционную сферу племенного управления и потому незаконный¹.

В историографии часто утверждается, что основными противниками волостной реформы являлись радикальные левые политические силы (большевики, левые эсеры), которые через партийные структуры и подконтрольные им советы дали бой земствам и сорвали выборы. Хотя левые на Юго-Востоке России действительно противодействовали выборам, всё же основная линия противостояния пролегла между новой властью, то есть земством, и традиционной властью, а именно руководителями крестьянских сходов и туземной аристократией.

Таким образом, главные причины неудачи земской реформы находились не в политической или экономической плоскости, а в плоскости ментальной. Традиционалистское сознание большинства населения региона отторгало предлагаемые ему (а точнее говоря, навязываемые и продавливаемые сверху) инновации.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1788, оп. 2, д. 81, л. 145, 161.

Красная гвардия: петроградские рабочие в Симбирске

Антон Долматов (Россия)¹

В России в крупных индустриальных центрах в 1917 г. Красная гвардия стала создаваться сразу после февральских событий. При заводах формировались вооружённые дружины рабочих, осуществлявшие охрану предприятий от криминала, усилившегося в стране после падения царской власти, роспуска полиции и освобождения преступников в ходе революции. Опекали Красную гвардию советы, стремившиеся иметь рычаги воздействия на Временное правительство. Само же правительство колебалось: от разоружения красногвардейских отрядов после июльских волнений в столице до их одобрения во время подавления выступления верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова.

Именно в период корниловского выступления в конце августа 1917 г. в России началось массовое создание отрядов Красной гвардии, руководителями которых становились активизировавшиеся большевики или близкие к ним люди.

В конце августа 1917 г. первый отряд Красной гвардии был создан и в Симбирске. Местом создания отряда был не старый город, а совершенно новый для того времени индустриальный район Симбирска – Заволжский рабочий район, где шло строительство 3-го патронного симбирского завода – крупнейшего предприятия во всей губернии с самой массовой базой рабочего класса в Симбирске на 1917 г. – почти 3,5 тыс. человек (в июле 1917 г. рабочих на заводе было 3419 человек, из которых 622 – военнопленные²).

В настоящее время территория формирования симбирской Красной гвардии – это уже старейший ульяновский индустриальный микрорайон Нижняя Терраса, где с 1917 г. сохранились офицерские деревянные дома на улицах Металлистов и Академика Сахарова, построенные для военнo-начальствующего состава Симбирского патронного завода по проекту местного архитектора и изобретателя Ф. О. Ливчака с использованием пустотелого бетонного камня системы Ливчака для кладки фундаментов³. Эти вековые

¹ Долматов Антон Алексеевич, член Ульяновского регионального отделения Российского военно-исторического общества.

² Журнал комиссии для обследования с целью ликвидации 3-го патронного симбирского завода. Министерство торговли и промышленности. Фабричный инспектор 3-го участка Симбирской губернии. Августа 3 дня 1917 г. // Из фондов Народного музея революционной, боевой и трудовой славы АО «Ульяновский патронный завод».

³ Касаткина С. С., Свешникова О. А. Фёдор Ливчак. Мастера архитектуры Симбирска. – Улья-

дома – оставшиеся свидетели становления Красной гвардии Симбирского патронного завода.

Для консервативного Симбирска стало показательным то, что главную роль в создании красногвардейского отряда сыграли не местные рабочие и не партийный комитет большевиков, которого в губернском центре в августе ещё даже не существовало, а рабочие-петроградцы Симбирского патронного завода, направленные в Симбирск в 1916 г. в количестве нескольких сотен человек для создания важнейшего во время Первой мировой войны патронного предприятия. Петроградцы жили новостями из революционной столицы. Известие о движении корниловских частей к Петрограду и вызвало их реакцию.

Как писал токарь механической мастерской патронного завода и десятский в красногвардейском заводском отряде Иван Яковлевич Сыромятников, «рабочие, особенно петроградцы, требовали реальных действий. В эти дни у нас впервые заговорили о Красной гвардии. Инициатором и организатором первого красногвардейского отряда был Вавилов. Отряд в составе 30 человек, вооружённый кто чем мог, под командой Вавилова и Самарина 29 августа выехал в Симбирск»¹. Красногвардеец патронного завода А. Д. Дерябин отмечал, что отряд из 30 – 40 человек был вооружён берданками и дробовиками².

29 августа 1917 г. в Симбирске в городском саду (под которым имелся в виду, скорее всего, Николаевский, как ближайший к Дому Свободы, где заседал Симбирский совет) состоялось объединённое собрание советов, представителей профсоюзов, фабрично-заводских, ротных и полковых комитетов. На собрание прибыл первый отряд Красной гвардии Симбирска из рабочих патронного завода, заявивший о своей готовности выступить против корниловских частей³. Возглавлявшие отряд Вавилов и П. Г. Самарин были заводчанами-петроградцами. Вавилов был кузнецом. О Самарине сведения разнятся: по воспоминаниям Дерябина, Самарин был токарем по металлу инструментального цеха⁴; Сыромятников же писал о нём: «Кажется, бухгалтер», «Франтоватый и лихой парень»⁵.

новск, 2006, с. 161.

¹ Сыромятников И. Я. В Заволжском рабочем районе. // За власть советов: воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967, с. 71.

² Из воспоминаний рядового-красногвардейца А. Д. Дерябина о формировании красногвардейского отряда на Симбирском патронном заводе. // Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО), ф. 57а, оп. 2, д. 70, л. 21-23.

³ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1; под общ. ред. Ф. В. Герасина. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1964, с. 266.

⁴ Из воспоминаний рядового-красногвардейца А. Д. Дерябина... Л. 21-23.

⁵ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 71.

После провала корниловского выступления влияние большевиков в стране стало усиливаться. Однако нельзя не упомянуть, что политические оппоненты большевиков – глава Временного правительства А. Ф. Керенский и лидер партии кадетов П. Н. Милюков – указывали и на германскую финансовую помощь как на фактор успеха большевиков¹. В Симбирске, однако, говорить об успехах большевиков не приходилось: вся их городская организация насчитывала в октябре 30 человек².

Октябрьская революция обнаружила крайнюю слабость и неготовность симбирских большевиков. Рабочие-петроградцы патронного завода не скрывали своего негодования. И. Я. Сыромятников писал: «Наши заводские петроградцы не находили себе места и почём зря “крыли” Михаила Гимова, местного большевика, за то, что в Симбирске ещё не установлена советская власть»³. Тогда Симбирский патронный завод взял на себя инициативную роль: 3 ноября (по ст. стилю) было проведено общезаводское собрание рабочих, на котором было решено укрепить заводскую Красную гвардию и держать её в полной боевой готовности. Эти задачи были возложены на петроградцев Вавилова, Самарина, И. П. Рейникова, П. Ф. Лоханина⁴. В отряд записались 70 человек⁵. Небольшой отряд из строителей завода был создан техником Е. Я. Малаховским. Общая численность обоих отрядов превышала 100 человек⁶. В «Очерках истории Ульяновской организации КПСС» упоминалось, что красногвардейский отряд патронного завода пополнили даже «петроградские боевики»⁷. Реально ли это? И кто подразумевался под «петроградскими боевиками»? Возможно, на симбирский завод прибыла группа революционно настроенных рабочих из Петрограда.

В Заволжском рабочем районе начиная с 3 ноября установилась власть заводского рабочего комитета. В правобережном Симбирске после Октябрьской революции наступила патовая ситуация. Победа, однако, должна была рано или поздно склониться на чью-либо сторону. Правобережье взяло пример с патронного завода, там также началось формирование красногвардейского отряда в составе двух взводов во главе с поручиком-большевиком И. Г. Новиковым. В отличие от рабочего отряда заволжцев, отряд Новикова был социально разношёрстным, что соответствовало социальному облику Сим-

¹ См., напр.: Керенский А. Ф. Февраль и Октябрь: из воспоминаний. // Потерянная Россия; сост., вступ. ст., прим. Т. Прокопова. – М.: Вагриус, 2007, с. 31-44, 347, 632-633.

² Степанов А. Г. Борьба большевиков за массы. // За власть советов: воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967, с. 51.

³ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 71.

⁴ Там же, с. 72.

⁵ Там же.

⁶ Степанов А. Г. Указ. соч., с. 53.

⁷ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, с. 283.

бирска. Как писал член Симбирского совета рабочих депутатов А. Г. Степанов, в отряде Новикова были металлисты с небольших чугунолитейных симбирских заводов, некоторая часть железнодорожников, ученики ремесленного, землемерного, реального училищ, гимназисты и даже банковские низшие служащие¹. Очевидно, социалистические настроения в 1917 г. проникли даже в цитадели капитализма – банки. Обращает внимание, что в Красную гвардию вступала учащаяся молодёжь. Вероятно, возможность творить революционную историю захватывала дух молодых людей. Вступивших в Красную гвардию обучали обращению с винтовкой, строевой подготовке. Инструкторами были прошедшие военную службу люди.

Подталкивали создание отрядов Красной гвардии «пьяные погромы», прокатившиеся по Симбирску в конце октября после известий о низложении Временного правительства. В них участвовало значительное количество деморализованных солдат гарнизона. Для охраны порядка, по инициативе Симбирской городской думы, стали создаваться добровольные вооружённые отряды Гражданской охраны². Становилось очевидным, что в Симбирске шла подготовка к вооружённой борьбе за власть и противоборствующие стороны накапливали силы.

В губернский центр для пополнения Красной гвардии направлялись вооружённые рабочие-текстильщики: 20 человек привёл с Языковской суконной фабрики солдат А. Г. Князихин³. Сызранский совет прислал эскадрон⁴. Для повышения боеспособности симбирской Красной гвардии необходимо было много вооружения. Красногвардейцы патронного завода отправили на Сестрорецкий оружейный завод за партией оружия делегацию во главе с И. П. Рейниковым, полагаясь на его петроградские связи. Сестрорецкий завод активно снабжал оружием петроградскую Красную гвардию. Результат для симбирских красногвардейцев оказался положительным: 4 декабря 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет разрешил провоз оружия с Сестрорецкого завода. 7 декабря на станцию Киндяковка прибыл вагон винтовок. 8 декабря вагон без паровоза перегнали через железнодорожный волжский мост красногвардейцы правобережья⁵. В Заволжье новые винтовки были розданы отряду Красной гвардии патронного завода.

Об исторических событиях последующих дней, приведших к провозглашению советской власти в Симбирске и губернии 10 декабря 1917 г., написал И. Я. Сыромятников: «Ночью 9 декабря 1917 г. красногвардейцы опять были

¹ Степанов А. Г. Указ. соч., с. 53.

² Чистов Б. Н. Хроника революционных событий в Симбирске. // ГАНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 320, л. 16.

³ Степанов А. Г. Указ. соч., с. 53.

⁴ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, с. 306.

⁵ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 73.

подняты по тревоге. Волга уже замёрзла, мы по льду перешли на городскую сторону. Во главе отряда Красной гвардии был Пётр Самарин. Как сейчас помню его: в венгерской курточке, в финской шапочке, с саблей на боку, с красной повязкой на рукаве. Он был весел и много шутил, видимо, для того, чтобы поднять наш боевой дух. Самарин повёл нас в гору рассыпным строем, с целью потренировать в военном отношении. Утром 10 декабря прибыли в бывший дом купца Медведева. Но это здание не было подготовлено для жилья... В ночь с 10 на 11 декабря власть в городе и губернии перешла в руки советов. Наши красногвардейцы в эту ночь патрулировали у здания, где шло заседание Симбирского совета»¹. В воспоминаниях А. Д. Дерябина есть любопытная подробность: на Симбирскую гору отряд поднялся Завьяловским спуском² (спуск в конце бульвара Пластова).

Красногвардейцы правобережья и Заволжья были размещены в Доме Свободы (бывший губернаторский дом). На первом этаже расположился штаб Красной гвардии во главе с К. М. Антоновым, Рейниковым и Самариним. Красногвардейцы за службу получали приличное вознаграждение³. В январе 1918 г., как писал Сыромятников, из-за тесноты в Доме Свободы Красная гвардия Симбирска разместилась в доме купца Медведева⁴ – имелся в виду дом С. В. Медведевой (ул. Гончарова, 19). Тем не менее у Дома Свободы красногвардейцы несли патрулирование. Однажды их там увидел генерал-майор военно-судебного ведомства в отставке, известный коллекционер А. В. Жиркевич, записавший в дневнике 10 января 1918 г.: «Вчера утром, идя на почту, в первый раз видел “красногвардейцев” на улицах Симбирска. Это рабочие с местного патронного завода, в числе нескольких сот человек, явившиеся на помощь большевикам. Я видел их в качестве охраны Дома Свободы, разгуливающими по городу группами. Большинство – зелёная молодёжь, безусая, цветущая, одетая в тулупы с чёрным верхом, в чёрных папахах на головах, с заряженными винтовками в руках. Вид глупо-победоносный... Вчера “красногвардейцы” изумлённо, насмешливо оглядывали мою фигуру. А у меня и подкладка пальто, и канты на нём генеральские. В городе приход “красной гвардии” заставил всех ещё больше съёжиться. Все ждут резни, ограбления, бесчинств и всяческих насилий»⁵.

¹ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 74.

² Из воспоминаний рядового-красногвардейца А. Д. Дерябина, л. 21-23.

³ Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). – Ульяновск: Артишок, 2006, с. 306.

⁴ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 75.

⁵ Жиркевич А. В. Потревоженные тени... Симбирский дневник; сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских. – М.: Этерна-принт, 2007, с. 333-334.

Красногвардейские отряды каждый день отправлялись на различные операции. Особо важные: роспуск городской думы, закрытие кадетского корпуса, занятие отделений банков, разгон оппозиционных демонстраций, аресты гласных думы, подозрительных офицеров, бандитов, подавление локальных мятежей, разоружение штабов Гражданской охраны в Симбирске. Происходили нападения и на красногвардейские патрули в городе – например, 26 декабря 1917 г.¹ Немало было тех, кто считал, что власть большевиков долго не продержится. 23 февраля 1918 г. на Мартыновой улице штаб Гражданской охраны оказал сопротивление красногвардейцам, произошло вооружённое столкновение², закончившееся арестом зачинщиков сопротивления.

В марте 1918 г., после того как старые органы городской и земской власти были упразднены и заменены советскими, решением Симбирского совета Красная гвардия была распущена. К тому времени её численность в городе доходила до 400 бойцов³. Как отмечал Сыромятников, после этого большинство красногвардейцев вернулось на предприятия; небольшая часть вошла в состав 1-го Симбирского полка Красной армии; были и те, кого комитет большевиков направил в советские комиссариаты⁴. Например, Н. А. Белоусов из села Вырыпаевка, в 17 лет записавшийся в симбирскую Красную гвардию, был направлен в комиссариат земледелия, хотя окончил только низшую сельскохозяйственную школу⁵. Таким образом, для некоторых людей участие в Красной гвардии послужило социальным лифтом.

Гражданская война, вскоре охватившая Поволжье, мобилизовала бывших красногвардейцев: в Красную армию, в продотряды, в карательные части, подавлявшие крестьянские восстания. Люди, поверившие в 1917 г. в лозунги большевиков и принявшие участие в установлении советской власти, затем испили кровавую чашу жестокой братоубийственной войны до дна.

¹ Чистов Б. Н. Хроника революционных событий в Симбирске, л. 16.

² Там же, л. 17.

³ Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, с. 305.

⁴ Сыромятников И. Я. Указ. соч., с. 77-78.

⁵ Белоусов Н. А. Из воспоминаний рядового красногвардейца. // За власть советов: воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967, с. 59.

Вопросы войны и мира в условиях революционного времени. Позиция меньшевиков

Надежда Романова (Россия)¹

Ушедший XX век оставил неизгладимый след в истории человечества. Ему не было равных ни по глубине социальных потрясений, ни по масштабам военных конфликтов и политических кризисов, ни по научно-техническим достижениям, ни по многим другим параметрам.

На основе многочисленных идеологических дискуссий за последние десятилетия в России взгляды различных слоёв общества на события 1917 г. претерпели серьёзные изменения. В настоящее время продолжается трансформация интерпретаций тех или иных событий, делаются попытки по-новому осмыслить причины и их итоги, понять мотивацию действий основных участников.

С самого начала участие России в войне вызвало у социал-демократов неоднозначную реакцию. Отношение к ней стало ключевым вопросом. В РСДРП оформились три позиции. На левом фланге ленинская, большевистская точка зрения нашла воплощение в лозунге пораженчества, превращения империалистической войны в войну гражданскую. На правом фланге образовалось оборончество с его лозунгом защиты Отечества. В центре оказались меньшевики-интернационалисты, руководимые Ю. О. Мартовым, которые провозглашали лозунг борьбы за мир без победителей и побеждённых, без аннексий и контрибуций.

Вначале меньшевики проявили неожиданное единодушие в вопросе о войне. Все они были убеждены, что война началась в результате империалистических происков царского режима. При этом, однако, они не сомневались в необходимости защитить революцию от германского империализма, хотя и не считали нужным разработать соответствующую программу действий. Суть подобного подхода отражена в резолюции, принятой единогласно в марте 1917 г. на собрании меньшевиков и в декларации Петроградского совета «К народам всего мира». Основной упор в этом документе был сделан на следующих требованиях: отказ от войны и аннексий, в частности признание необходимости защитить революцию вплоть до заключения мира. Однако никаких конкретных мер выхода из войны предложено не было.

¹ Романова Надежда Александровна, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета.

Отсутствие практических рекомендаций отражало непрочность консенсуса меньшевиков в вопросе о войне, основанного на двух не связанных друг с другом прогностических допущениях. Во-первых, меньшевики – наиболее европеизированные из русских социалистов – надеялись, что социалисты европейских стран, в частности немецкие социал-демократы, исполнят свой долг перед молодой русской революцией и вынудят свои правительства заключить мир.

Во-вторых, широкие круги русских социалистов ждали, что новое правительство откажется от экспансионистских планов и будет добиваться установления демократического мира. Однако развитие событий показало, что расчёты эти с самого начала были построены на песке. В результате вопрос о войне занял центральное место.

Программа меньшевиками была выработана лишь после прибытия в Петроград И. Г. Церетели, выступившего 21 марта 1917 г. на заседании Исполнительного комитета по вопросу о войне. Сформулировав чёткую концепцию по вопросу о войне и государственной власти, позднее получившую название революционного оборончества, Церетели сумел не только предотвратить неизбежный раскол между советом и Временным правительством, но и сплотить оборонцев и колеблющихся интернационалистов на этой платформе.

И. Г. Церетели был убеждён, что социал-демократы должны занимать нейтральную позицию в вопросе о войне. По его мнению, международное рабочее движение было признано сыграть главную роль в установлении всеобщего мира. Церетели полагал, что, апеллируя к международной социалистической солидарности, Петроградский совет мог бы добиться заключения «всеобщего и справедливого мира», обеспечив одновременно выживание революции. В последующие несколько месяцев новая концепция революционного оборончества приобрела широкую популярность в советах: она не только отражала новые настроения, но и избавляла социал-демократов от необходимости выбора между интернационализмом и оборончеством. Но важнее всего было то, что концепция Церетели в вопросах войны – самых неотложных для революционной власти – обрела черты подлинной революционной стратегии, хотя и в ущерб принципам интернационализма.

Заседание Исполнительного комитета 21 марта 1917 г. показало, насколько притягательными были идеи Церетели. Он убедительно доказал, что в политических условиях, созданных революцией, изменилось само понятие обороны и что поэтому оборончество ничего общего не имеет с социал-патриотизмом. Более того, подчеркнул он, сила демократического лагеря и его «принципиальная антиимпериалистическая позиция» являются лучшей гарантией того, что цели внешней политики России будут мирными. «Никто, кроме совета, – продолжал он, – ни Временное правительство, ни кто-либо ещё не в состоянии поднять страну на защиту революции. В этом ключ к решению проблемы войны и мира. Кто же берёт на себя задачу организации

защиты страны до осуществления мира! Кругам, стоявшим за пределами совета, эта задача не по силам. Мы должны выдвинуть её как одну из основных задач революции и сохранение завоеваний революции»¹.

Поволжские меньшевики видели причины войны в столкновении интересов воюющих стран, в конкуренции старых и новых капиталистических хищников. Это ясно видно из выступления лидера меньшевистской организации в Самаре П. Кузьмина: «Мы считаем настоящую войну результатом империалистической политики, которую вели все страны, в том числе и Россия. Мы считаем необходимой организацию внутри страны и за границей самой широкой и решительной кампании за мир»².

Меньшевики в Поволжье, не возлагавшие, судя по всему, особых надежд на европейских социалистов, ещё раньше пришли к выводу о необходимости наращивать военные усилия.

Значительная часть рабочих, солдат и крестьян поверила их фразам о «святой обязанности каждого гражданина защищать Россию от немецкого кайзера». В марте большинство советов в поволжских губерниях без особых споров принимали резолюции по проблемам войны и внешней политики в духе революционного оборончества. «Считаем своим долгом напрячь все силы на защиту нашей освобождённой Родины, на защиту русской революции от натиска Германии, угрожающего нам в случае победы возвратом монархии»³, – говорилось в резолюции Нижегородского совета рабочих депутатов.

Симбирский совет обратился к трудящимся с воззванием, сущность которого сводилась к призыву: «Солдаты – в окопы, рабочие – к станкам, крестьяне – к сохе!» Пензенский совет заявил: «Нужно вычеркнуть слово “победа” и громкую фразу “война до конца” из лексикона. Мы ведём войну не для победы, а для самообороны»⁴.

Самарский совет военных депутатов даже запретил выступать на митингах тем ораторам, которые в той или иной форме выражали недовольство правительственной программой в вопросах войны и мира⁵. В Саратовском совете отношение к войне в известной мере отразил первый съезд советов Поволжья, который открылся в Саратове 23 марта 1917 г. В его работе приняли участие представители 17 городов и рабочих посёлков Поволжья и Приуралья. Под давлением меньшевиков съезд пришёл к оборонческим выводам.

¹ Церетели И. Г. Воспоминание о Февральской революции, кн. 1. – Париж, 1963, с. 237.

² Наш голос, Самара, 30 апреля 1917.

³ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – Горький, 1957, с. 107.

⁴ Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов. Пенза, 21 апреля 1917.

⁵ Государственный архив Самарской области (ГАСамО), ф. 136, оп. 1, д. 2, л. 3.

Война привела к неожиданному росту влияния «крестьян в серых шинелях» на исход революции. То обстоятельство, что солдаты сыграли главную роль в революции, изменило соотношение сил между двумя лагерями, а следовательно, и отношения между советами и Временным правительством. Солдаты мучительно искали ответ на вопрос, какому из противоборствующих лагерей следует сохранять верность; совет же, пытавшийся привлечь солдат на свою сторону, тем самым объективно бросил вызов правительству. Однако, не определив до конца своего отношения к солдатам, социал-демократы в советах, претендовавшие на роль руководителей солдатской массы, были не в состоянии найти выход из кризисной ситуации. В самом деле, меньшевики поначалу рассматривали солдат как потенциально реакционную силу в революции.

Опасаясь, что армия может превратиться в неуправляемую вооружённую толпу, Исполнительный комитет в Петрограде поддержал военного министра Гучкова и армейских командиров, требовавших восстановления дисциплины в войсках. Это требование поддержали многие из советов. Шуйский совет выпускает воззвание, в котором говорилось: «Товарищи солдаты! Соблюдайте порядок и дисциплину, не ослабляйте мощи армии: враг свободной России не дремлет»¹. Вскоре, однако, меньшевики убедились, что их политические успехи — отнюдь не гарантия ни лояльности командного состава, ни поддержки их политики солдатами, особенно на фронте. Солдаты отказывались подчиняться созданным военным комиссиям по пересмотру воинского устава. Попытки военной комиссии в Костроме воспрепятствовать демократизации армии вызвали волну гневного протеста солдатских масс. Этот протест нашёл своё выражение в требованиях ликвидировать военную комиссию, ставшую оплотом армейской контрреволюции. Под всё растущим напором солдатских требований 6 апреля военная комиссия вынуждена была прекратить своё существование².

В середине марта сторонники правительства развернули широкую кампанию против советов, спекулируя на вопросах, связанных с войной и угрозой военного поражения. В заявлениях правительства, воззваниях думы, газетных корреспонденциях, редакционных статьях буржуазной прессы речь шла в основном о нависшей над страной смертельной угрозе. Поражение русских войск на реке Стоход 22 марта придало этим предостережениям особую убедительность. Противники советов немедленно приписали это поражение негативному влиянию двоевластия и призвали солдат соблюдать военную дисциплину ради блага Отчизны, а рабочих — отказаться от своих экономических требований и, не щадя сил, удовлетворять нужды фронта. На проводах

¹ Иваново-вознесенский пролетариат в борьбе за власть советов. — Иваново-Вознесенск, 1927, с. 32.

² Шепелев С. Костромской гарнизон в дни Октября. — Кострома, 1957, с. 15.

маршевых рот в Ярославле один из ораторов заверял солдат в том, что «рабочие не оставят их без снарядов, готовы превратить 24 часа суток в 48, только бы армия не ощущала ни в чём нужды. Надо защищать свободу, чтобы никто не мог покуситься на неё отныне и до века»¹.

Меньшевики более всего опасались воздействия развязанной кампании на солдат, хотя эти страхи в известной мере и отражали застарелое недоверие их к солдату – крестьянину. Часто камнем преткновения в отношениях между советами и солдатами было нежелание солдат отправляться на фронт, где советы не смогли бы защищать их вновь обретенные права, не говоря уже о том, что там им грозила смерть. «3 мая в Казани для отправки было назначено 8000 человек из 94-го полка. К посадке же явилось лишь 3000 человек. В знак протеста против отказа солдат ехать на фронт подпоручик Поплавский снял с себя обязанности председателя Казанского совета»².

В целом солдаты, особенно фронтовики, не отдавали себе отчёта в том, как революция влияет на ход военных действий. Конечно, они в большинстве своём относились к участию в боевых действиях без энтузиазма: те, кто находился на фронте, часто говорили, что уже выполнили свой долг и пусть теперь повоюют другие – скажем, рабочие или солдаты из тыловых частей. «Нет, шалишь, довольно мы страдали, довольно были баранами. Теперь мы не пойдём. Пусть идут те, кто в тылу тут сидит»³, – заявляли на уличных митингах и собраниях в городе Самаре. Солдаты надеялись, что революция принесёт с собой мир, победу и демобилизацию. На фронте влияние революции проявилось иначе: солдаты-фронтовики отказывались подчиняться офицерам, заподозренным в симпатиях к политике продолжения войны. Командование, опасаясь вызвать недовольство солдат и желая сохранить военную структуру и дисциплину, сразу же признало солдатские комитеты. Они же создавались и в гарнизонах, размещённых в Поволжском районе. Наибольшим влиянием в этих комитетах пользовались представители младшего командного состава.

В результате фронтовики не спешили сказать «нет» войне, а часто выезжавшие на фронт депутаты взывали к их патриотизму и всячески подогревали его. Так, Растопчин Н. П., один из лидеров Костромской меньшевистской организации, говорил: «Необходимо всем встать на защиту революции. Внутренний враг не страшен, страшнее военный разгром. В том, что нужно продолжать в данный момент войну – сходитесь вся Россия»⁴.

¹ Козлов П., Резвый П. Борьба за власть советов в Ярославской губернии. – Ярославль, 1957, с. 29-30.

² Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967, с. 72.

³ Солдатская газета, Самара, 25 мая 1917.

⁴ Известия Костромского совета рабочих депутатов, 19 марта 1917.

К такой же тактике прибегала и несоциалистическая пресса, которая вдобавок пыталась направить стихийное недовольство солдат против советов и особенно рабочих, выдвигавших свои требования.

В результате воинские подразделения поволжских гарнизонов начали проводить демонстрации под лозунгами «Победа над кайзером – во имя свободы», «Солдаты – в окопы, рабочие – к станкам» и так далее.

Вначале меньшевикам казалось, что буржуазии удалось настроить солдат против рабочих, советов и двоевластия. Недоверие к солдатам мешало им распознать, сколь неустойчивы проправительственные настроения в армии. На самом же деле всякий раз, когда солдаты вступали в непосредственный контакт с рабочими, узнавали об их требованиях и разногласиях между советами и Временным правительством, они неизменно принимали сторону демократии. Эти недолговечные, впрочем, опасения меньшевиков тормозили всё же рост влияния советов и, углубляя взаимозависимость советов и Временного правительства, продлевали двоевластие. Наибольшее значение имело то, что патриотический настрой солдат, по мнению меньшевиков, лишал советы возможности взять на себя всю полноту ответственности за армию и ведение войны.

Но отношение к войне само по себе вынудило многих меньшевиков пройти через мучительный процесс переоценки собственных взглядов. Будучи убеждены в том, что России не следует военным путём добиваться территориальных приобретений и экономических выгод, они в то же время не могли допустить, чтобы Германия захватила часть русской территории, поставив тем самым под угрозу революционные завоевания. Впервые осознанное чувство ответственности, а также патриотический настрой солдат побудили их пересмотреть свою позицию в вопросах о войне, преодолев прежние колебания.

И действительно, по-прежнему избегая обсуждения вопроса о власти, меньшевики уделяли теперь много внимания вопросу о войне, хотя решения, которые они принимали, были зачастую противоречивыми. Отказ П. Н. Милокова пересмотреть цели России в войне заставил даже убеждённых оборонцев среди меньшевиков присоединиться к призыву интернационалистов организовать широкую общенациональную кампанию в поддержку «Манифеста к народам мира». Лишь немногие поволжские меньшевистские организации пытались робко и непоследовательно отстаивать принципы интернационализма. 23 апреля общее собрание самарских меньшевиков большинством голосов приняло резолюцию, приветствовавшую «начавшееся братание на позициях наших революционных войск»¹.

¹ Наш голос, Самара, 1917, 30 апреля.

«Поражение России было бы в высшей степени опасно и вредно, так как оно подготовило бы контрреволюцию в России и укрепило реакцию в Германии, – заявил в конце марта временный комитет меньшевиков Саратова. – Поэтому, борясь за мир, мы ни в коем случае ни на минуту не должны ослаблять деятельности, направленной к защите страны, напротив, эта деятельность всеми мерами должна быть усилена, дабы обеспечить возможно скорее окончательное торжество нашей и, быть может, и европейской революции»¹.

Меньшевики-интернационалисты пользовались авторитетом главным образом в центре страны, тогда как основная часть членов этой партии прислушивалась к оборонческим настроениям. Мартова мало знали на меньшевистской периферии, считали его полубольшевиком. В итоге настоящего общепризнанного лидера меньшевиков-интернационалистов всероссийского масштаба из него не получилось. Хотя платформа Мартова до сих пор кажется более привлекательной, чем жёсткая схема Ленина. Он, в отличие от вождя большевиков, оставался революционным пацифистом, для которого главной целью было скорейшее прекращение ненужного и безумного кровопролития. И если Ленин стремился прийти к миру через революцию, то Мартов рассуждал так: сначала мир, потом революция. Он не скрывал того, что его пугает гражданская война, которая могла оказаться ещё более разрушительной, чем война империалистическая.

Позиция меньшевиков в 1917 г. достаточно противоречива. Но в ней нужно внимательно разобраться, увидеть всё многообразие её оттенков. Политическое наследие меньшевиков нуждается в объективном и серьёзном изучении, а многие их экономические и политические идеи демократического социализма сегодня весьма актуальны. В наших прежних представлениях о них немало надуманного и предвзятого. Ведь в конечном итоге меньшевизм был органичной частью рабочего движения в России и до конца оставался одним из течений внутри марксизма.

¹ Рабочая газета, 1917, 7 апреля; Астраханский вестник, 1917, 21 марта.

Формирование чешских военных подразделений на примере Симбирской губернии

Берик Дулатов (Чехия)¹

События Первой мировой войны отчётливо продемонстрировали нежелание представителей ряда славянских народов, в частности чехов и словаков, сражаться против российской армии. Таким образом, аспект этнической близости славянских народов predetermined симпатии чешских военных по отношению к российским солдатам. В этот период проводилась усиленная пропагандистская работа среди чешских военных о возможности их участия в борьбе против австрийской и германской армий в составе российских войск. В начальный период акцентировалась задача привлечения чехов в качестве рабочих на сельскохозяйственных работах и в промышленности для нужд Российской империи и российской армии. Последующие события продемонстрировали искреннее желание многих чехов и этнически близких к ним словаков сражаться против Четверного союза в составе национальных вооружённых формирований. Таким образом, из числа чешских уроженцев, проживавших на территории Российской империи, стали формироваться национальные отряды, которые известны в современной литературе как чешские дружины.

Пример чешских дружин послужил привлекательной основой для дальнейшей практики формирования чешских национальных подразделений. Очевидно, эта работа активно проводилась на всём протяжении мировой войны. Февральская революция 1917 г., по сути, никоим образом не изменила характерной ситуации по чешской проблеме. Так, в июне 1917 г. с целью реализации задачи создания чехословацких военных подразделений Главное управление Генерального штаба выработало основные положения о формировании чехословацких войсковых частей.

Эти положения состояли из семи пунктов. Согласно первому пункту, право формирования чехословацких воинских частей делегировалось военной комиссии при штабе Киевского военного округа. Данный округ непосредственно располагался в зоне соприкосновения с австро-венгерской и германской армиями. На территории этого округа функционировал крупнейший лагерь для военнопленных – Дарницкий. Поэтому объективно участие в создании войсковых частей из добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков возлагалось на комиссию при штабе этого округа.

¹ Дулатов Берик Кайратович, докторант Остравского университета.

Второй пункт отводил важную роль в рекрутировании добровольцев центральному органу из представителей чехов и словаков в России. Речь шла о подчинении добровольческих частей данному центральному органу. Но следует отметить, что к тому времени подобный орган официально ещё не функционировал, поэтому набор добровольцев возлагался на Союз чехословацких обществ в России. Очевидно, этот тезис характеризовал высокий уровень доверия российского общества и Временного правительства к чехословацким общественным организациям, которые в течение длительного периода времени проводили активную пропагандистскую работу среди чехов и словаков.

Механизм организации набора добровольцев в общих аспектах отражал третий пункт. Суть его сводилась к тому, что означенный центральный орган в перспективе должен был создать особую комиссию. Члены этой комиссии под наблюдением центрального органа через особых уполномоченных обязывались производить поимённую перепись добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков и отбирать из их числа благонадёжных.

Четвёртый пункт этого документа предусматривал, что сопровождение означенных уполномоченных в распоряжение начальника Киевского военного округа могло возлагаться на русских офицеров.

Пятый пункт содержал тезис о возможности пленных чернорабочих (т. е. не обладавших какой-либо специальностью и технической подготовкой), задействованных в российской промышленности, привлекать в чехословацкие военные части.

Содержательная часть шестого пункта носила информативный характер. В нём отмечалась необходимость отправки добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков отдельными партиями в распоряжение штаба Киевского военного округа на сборные пункты.

В седьмом, завершающем пункте штабу округа предписывалось собирать системные сведения о каждой партии с целью формирования чехословацких войсковых частей. Соответствующий документ официально подписывался Карауловым и предназначался симбирскому губернскому комиссару. Соответственно, логично предположение об отправке подобного документа в другие губернии¹.

Решение Временного правительства о создании чехословацких войсковых подразделений стало достоянием общественности. В губерниях и уездах проводились разъяснительные действия среди чешских военнопленных. На тот период в составе российской армии уже действовали подобные национальные части.

¹ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д., 76. л. 1–4.

Представители этих отрядов по договорённости с вышестоящими структурами курсировали по местам концентрации чешских военнопленных с подобной миссией. Так, прапорщик 1-го Чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса Карел Горних официально получил удостоверение начальника штаба Казанского военного округа от 27 ноября 1917 г. для командирования в пределы Симбирского и Карсунского уездов Симбирской губернии с целью обеспечения набора среди военнопленных австрийской армии чешских и словацких добровольцев¹. Подобные чешские пропагандисты являлись агентами-проводниками политики организации национальных военных подразделений.

Процедура набора национальных военных формирований проходила по определённому алгоритму. После официальных встреч чешских военнопленных с делегируемыми к ним пропагандистами проходили обсуждения и дискуссии среди военнопленных, которые уже по факту принимали решения. На территории Симбирской губернии зафиксированы эпизоды, когда чехи выражали желание зачисления их в соответствующие подразделения.

В прошении чешские подписанты, апеллируя к проходившему в Киеве Чехословацкому национальному съезду с участием чехов – российских подданных и делегатов чешской стрелковой бригады из числа военнопленных, указали на своё желание вступить в чешские национальные части. Чехи писали о нежелании чехословаков оставаться в составе австро-венгерского государства, поэтому ради достижения независимости выражали своё желание стать союзниками России².

¹ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д., 76. л. 8.

² ГАУО, ф. 677, оп. 2, д., 76. л. 6–7 лл.

Становление автономии чувашского народа в 1917 - 1921 годах: периодизация и новые подходы

Сергей Щербаков (Россия)¹

Для изучения и освещения длительных общественно-политических процессов, приведших к значительным изменениям в обществе, принципиальное значение имеют определение и периодизация их основных этапов. Чётко обозначенные хронологические рамки позволяют с разных сторон рассмотреть цепочку событий в историческом развитии, определить их объективные и субъективные причины, увидеть их итоги. То, как хронологически определён тот или иной этап, непосредственно влияет на то, какой акцент будет превалировать в трактовке как причин, так и последствий.

К примеру, в российской историографии советского периода рубежной датой начала XX в. являлось 25 октября (7 ноября) 1917 г. – т. е. арест большевиками и левыми эсерами членов Временного правительства, что затем трактовалось как Великая Октябрьская социалистическая революция. Эта дата впоследствии считалась переходной от одной общественно-экономической формации (буржуазной) к новой, более совершенной (коммунистической). Отсюда вытекал простой и понятный вывод: весь спектр общественно-политических воззрений дооктябрьского времени, кроме ленинских, маркировался как устаревшие либо тормозящие общественно-политическое развитие. А всё, что касалось послереволюционного периода применительно к практике трудового класса рабочих и крестьян, трактовалось либо живым творчеством народных масс, либо верным исполнением указаний Ленина, т. е. прогрессивным. Причём не только в России, но и в мировом масштабе.

В последние десятилетия происходит переоценка прошедших событий. Изменению подвергается и периодизация революционных событий в России начала XX в. Не пускаясь в описание различных трактовок периодизации, укажем на ту, которая зафиксирована в Концепции нового УМК по отечественной истории от 30 октября 2013 г.² Здесь основное внимание уделяется уже не клас-

¹ Щербаков Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель Чувашского республиканского училища культуры.

² Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. // Институт

совому подходу, доминировавшему в советское время в контексте общечеловеческого развития общественно-экономических формаций, а гуманистическому, т. е. интересам народов российского государства. Согласно этой концепции, рубежной датой начала XX в. являются уже не революции, а иные события. Цитата: «Первая мировая война не без основания считается рубежом эпох: с её окончанием начинается отсчёт новейшего периода истории. Начавшаяся в 1917 г. Великая российская революция, а также стартовавший в октябре 1917 г. “советский эксперимент” по силе воздействия на общемировые процессы признаны одними из важнейших событий XX в.»

Видим, что октябрь 1917 г. расценивается как влиятельное, но не эпохальное событие. Октябрьские события 1917 г. здесь уже являются только частью одного периода 1914 – 1921 гг., т. е. от начала мировой войны и до окончания Гражданской, который назван как Россия в годы «великих потрясений» 1914 – 1921 гг. Изменение периодизации в данном случае подчёркивает, что Октябрьская революция 1917 г. – это не прогресс и развитие, а что-то иное, в первую очередь – горе и страдание для народов России. Отсюда и логичный вывод в данной концепции – что «результатом периода войн и революций стало разорение страны, её распад по региональным и национальным “квартирам” и системный кризис власти. На повестке дня стоял главный вопрос – о существовании российского государства». Приведённый пример, думаем, наглядно показывает, как изменение периодизации повлияло на исторические акценты и выводы.

Освобождение от идеологических догматов советского периода, в том числе и в определении периодизации общественно-политических процессов, позволяет многограннее взглянуть на произошедшие события. Рассмотреть не только развитие марксистско-ленинской мысли, но и иные идеологические концепты, которые оказали своё влияние. Пора уже признать, что РСФСР был создан в 1918 г. не только по ленинским дореволюционным теоретическим разработкам, но и с учётом идеологической платформы партии эсеров и интересов различных национальных организаций страны. Все народы России в той или иной плоскости внесли лепту в форму и содержание нового советского федеративного государства.

В советское время наблюдался известный перекося в пользу первичности ленинской мысли в национальной политике РСФСР над всеми остальными подходами. В историографию того периода применительно к истории Чувашии первых лет советской власти вошли две красные, эпохальные, ленинские даты – Октябрьская революция 1917 г. в Петрограде, проведённая под руководством Ленина, и декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г., когда Ленин в Москве подписал декрет об образовании Чувашской автономной об-

ласти. Следующая культовая дата – 21 апреля 1925 г., декрет ВЦИК РСФСР о преобразовании Чувашской АО в Чувашскую АССР. В целом такая просоветская трёхступенчатая цепочка от февраля к октябрю 1917 г., от октября 1917 г. до июня 1920 г. и от июня 1920 г. к апрелю 1925 г. сохраняется и в современной исторической литературе¹. То, что указанные даты коренным образом повлияли на процесс становления автономии чувашского народа, нами не подвергается сомнению. Однако появляются следующие вопросы: насколько полно такая периодизация отражает специфику этого сложного процесса? Не выпали ли другие важные, рубежные события того времени, связанные с деятельностью чувашских лидеров того противоречивого времени, особенно с 1917 по 1921 гг., когда ситуация менялась чуть ли не ежемесячно?

Первые попытки уточнения этого вопроса предпринимались самими участниками становления чувашской автономии Д. П. Петровым-Юманом, Д. С. Эльменем, А. Д. Красновым, П. З. Львовым и др. Так, в частности, Платон Львов в статье «Чувашский Октябрь» в 1925 г. прямо утверждал, что «в России пролетарская революция совершилась в октябре. Но среди чувашей пролетарская революция тогда не совершилась, произошла она несколько позже. Она началась 22 февраля (1918 г. – *С. Ш.*), в день выхода газеты “Канаш”»². Львов в данной статье аргументировал это тем, что принципиальный переход к принципам советской власти произошёл в ходе принудительного изъятия в Казани имущества редакции газеты «Хыпар», патронированной антисоветски настроенным Чувашским национальным обществом, в пользу Центрального чувашского военного совета «Канаш», который стал выпускать свою, просоветскую версию печатного издания.

В конце 1920-х и в 1930-е такие вольности в трактовке революционных событий среди чувашей жёстко пресекались, все указанные авторы были обвинены в искажении принципов мировой пролетарской революции. Затем они были подвергнуты репрессивным мерам в форме исключения из партии и заключения под стражу. Львову, в частности, было предъявлено обвинение в том, что, называя иную дату, он тем самым умаляет роль Октябрьской революции³. В результате такой сверхидеологизированной политики современные

¹ Изоркин А. В. Чувашия в 1917 – 1920 гг. // История Чувашии в новейшее время. Кн. 1. 1917 – 1945. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001, с. 13-81; Клементьев В. Н. История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1. Истоки государственности чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014, 318 с.

² Львов П. З. Чувашский Октябрь. // Канаш, 1925, 22 февраля, на чув. яз.

³ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. // Институт российской истории РАН. URL: <http://iriran.ru/?q=node/1039> (дата обращения: 04.08.2019). – С. 124.

граждане России и жители Чувашской Республики свободно ориентируются в общероссийских влияниях на чувашей, а то, что сами чувашские лидеры того времени планировали и сделали, является неожиданностью и загадкой не только для широкой общественности, но и для самих чувашских историков. Думаем, что перекося в пользу общероссийских процессов не позволяет разглядеть локально-специфического, хотя только на сочетании общероссийских и региональных процессов можно воссоздать объективную картину произошедшего.

Попробуем выстроить более объективную цепочку причинно-следственных связей и линию логического развития событий процесса становления автономии чувашского народа в первые годы советской власти. Нижней датой нашей периодизации является Февральская революция 1917 г. Верхней – май 1921 г., когда был ликвидирован Чувашский отдел при Наркомнаце РСФСР – основа чувашской культурной автономии экстерриториального типа, после чего начинается путь к устройству национально-территориальной автономии, ограниченной рамками современной Чувашии. Представленные тезисы носят дискуссионный характер и являются приглашением к публичному обсуждению этого мало освещённого вопроса.

Тезисы излагаются по следующей схеме: хронологические рамки; содержание национальной программы этого периода применительно к общественно-политическому движению лидеров чувашского народа; причины формирования данного идеологического концепта; ведущие лидеры данного этапа; причины сворачивания прежних концептов и переход к новым, отвечающим сложившимся условиям на текущий момент развития российского государства.

Тезисы по новой периодизации этапов становления автономии чувашского народа в 1917 – 1921 гг.

1. Февраль – июнь 1917 г.

Чувашская политическая программа письменно сформулирована ещё в XVIII – XIX вв. (Охадер Томеев, Спиридон Михайлов, отчасти Иван Яковлев), программно оформлена в 1906 г. Она базировалась на требованиях национального равенства в унитарной России и развития основ широкого местного самоуправления. Можно отметить её схожесть с программными требованиями партии кадетов начала XX в.

Основные причины её формирования: 1) восполнение отсталости чувашского крестьянства в области образования; 2) стремление к равному участию в политическом процессе на местном, региональном и общегосударственном уровнях; 3) малоземелье в чувашских уездах Казанской губернии (коренной Чувашии), вследствие чего федерализация считалась нежелательной (затрудняется переселение); 4) стремление собрать разбросанную чувашскую диас-

пору в единую экстерриториальную (культурную) автономию; 5) общинные традиции и патриархальная ментальность.

Ведущие лидеры: Никольский Н. И. (Казань), Исланкин Ф. Б. (Симбирск), Комиссаров Г. И. (Уфа).

Причины поражения: провал деятельности кадетского состава Временного правительства весной 1917 г.

2. Июнь – ноябрь 1917 г.

Попытка консолидации всех социальных слоёв и представителей ряда политических партий чувашского народа – интеллигенции, крестьянства, военнослужащих, священнослужителей, кадетов, эсеров и левых эсеров – на национально-патриотической основе в ходе работы двух общенациональных съездов – в июне и сентябре 1917 г. Признание возможности федерализации на окраинах России и сохранение унитарных требований во «внутренней» России, т. е. в Волжско-Уральском регионе. Создание Чувашского национального общества (ЧНО) как национально-представительской организации всего чувашского населения России. Активное участие в выборах во Всероссийское учредительное собрание в Петрограде.

Причины формирования: общая дискредитация партии кадетов в России и выход на ведущие позиции молодого проэсеровски настроенного молодого поколения.

Ведущие лидеры: Алюнов Г. Ф., Васильев И. В.

Причины поражения проекта следующие: 1) разногласия между эсеровскими лидерами ЧНО и левоэсеровским председателем Казанского чувашского военного комитета А. Д. Красновым после июльского кризиса проэсеровского Временного правительства в Петрограде; 2) неудовлетворённость чувашских левых эсеров результатами выборов по общечувашскому избирательному списку в Казанской губернии в ноябре 1917 г.; 3) раскол на «интеллигентский» и «солдатский» лагеря в национальном движении.

3. Ноябрь 1917 – февраль 1918 гг.

В этот период отмечается стремление к созданию Волжско-Уральского штата (государства), находящегося в федеративных отношениях с российским государством. Требования равноправия и культурной автономии всех народов, проживавших на территории штата, и четырёх государственных языков – русского, чувашского, марийского и татарского. Стремление чувашских лидеров привлечь в штат больше русских, мордовских и удмуртских территорий. Два значимых течения в национальном движении – военнослужащие и интеллигенция, которые проводят съезды отдельно, но тесно взаимодействуют друг с другом.

Причины формирования такой политики: 1) Декларация прав народов России, изданная Совнаркомом 2 ноября 1917 г., и начавшаяся принудительная федерализация российского государства; 2) угроза начала гражданской войны, что стимулировало налаживание контактов с соседними народами; 3) нахождение паритетных формул согласия с мусульманским прокадетским

Милли меджлисом (национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири) в ходе совместных совещаний в ноябре и декабре 1917 г.

Ведущие лидеры: Лукьянов И. К., Васильев И. В.

Причины поражения: 1) раскол в мусульманском движении – разошлись башкиры, прокадетские пантюркисты и левозсеровские татаристы, последние в одностороннем порядке 15 февраля 1918 г. самопровозгласили мусульманскую Идель-Уральскую республику, вопреки Милли меджлису и отдельно от чувашей и марийцев; 2) сознательная раскольническая деятельность национального единства всех этих народов со стороны партии большевиков для расширения классовый борьбы на государственном (Ленин, Сталин), региональном (Грасис, Султан-Галиев) и местном уровне (Кадыков).

4. Март – июнь 1918 г.

На этом этапе ведущие чувашские политики просоветской ориентации, вышедшие из национальных организаций военнослужащих-чувашей, самостоятельно создали ряд национально-представительных организаций всероссийского уровня, которые эффективно воздействовали на региональную (в первую очередь Казанский губсовдеп) и центральную власть советов (Наркомнац РСФСР). В результате 27 апреля 1918 г. федеративная власть признала и легитимировала широкую культурную автономию чувашского народа в форме Чувашского отдела при Наркомнаце. Казань официально претендовала на статус экстерриториального национально-представительного центра всего чувашского народа с сетью филиалов в губерниях с компактным проживанием чувашского населения. Взят курс на привлечение чувашской интеллигенции для работы в новых органах национальной автономии. Идеологический концепт строился на сочетании левозсеровских (крестьянских) и традиционных национально-патриотических лозунгов при фактическом игнорировании большевистских (пролетарских).

Причин формирования несколько: 1) укрепление принципов советской власти в регионах вывели на авансцену новую волну просоветски настроенных лидеров чувашского движения, стоявших на платформе левых эсеров; 2) грамотное использование ими противоречий весной 1918 г. между региональной (губернские совдепы Волжско-Уральского региона) и центральной (Совнарком РСФСР) советской властью привело к значительным положительным результатам.

Ведущие лидеры: Петров Д. П., Краснов А. Д.

Тем не менее такая линия потерпела поражение по нескольким причинам: 1) обострение отношений партии большевиков с левыми эсерами; 2) общее разочарование интеллигенции (Сеспель пишет фаталистический рассказ «Дети леса» с недоверием к новым идеям), они массово саботируют работу в советских учреждениях; 3) национальные чувашские организации Симбирска демонстративно отказываются подчиняться казанскому центру.

5. Июнь – сентябрь 1918 г.

Содержание этого острого этапа сводится к следующему: 1) летом 1918 г. антибольшевистский накал в чувашском движении достигает максимума, антисоветские деятели открыто переходят на сторону самарского Комуча – альтернативного большевикам правительства России; 2) чувашские левые эсеры в июне ведут двойную игру на Общечувашском рабоче-крестьянском съезде в Казани.

Причины формирования ситуации: 1) эсеровские мятежи по стране против большевиков и участие в них чувашских деятелей; 2) негативная реакция чувашских лидеров на проект Совнаркома РСФСР о создании Татаро-Башкирской Республики, они настаивают на областной автономии без приоритета какой-либо нации, в том числе и в названии.

Ведущие лидеры: Краснов А. Д., Эльмень Д. С.

Причин поражения несколько: 1) конфликты по всей стране между сторонниками большевиков и эсеров (как правых, так и левых), перераставшие в гражданскую войну; 2) победа большевистской Красной армии в Среднем Поволжье в сентябре 1918 г.; 3) прекращение деятельности партии левых эсеров; 4) уход многих прежних чувашских лидеров в антисоветской блок Уфимской директории и их скитания вдали от родины.

6. Октябрь 1918 – лето 1919 гг.

В ходе данного этапа происходит массовый переход основной части чувашских левых эсеров в партию большевиков в октябре 1918 г. Чувашское национальное общество объявлено официально антисоветской и контрреволюционной организацией, а её члены – подлежащими аресту. Сосредоточение управления всеми сферами деятельности чувашского национального движения в пробольшевистском Чувашском отделе при Наркомнаце и под руководством лично Д. С. Эльменя. Попытки создания в волостях, уездах и губерниях специализированных учреждений для решения национальных нужд чувашского населения вне советских учреждений власти. Весной 1919 г. разделение чувашских учреждений на политические (в системе Наркомнаца РСФСР) и культурные (в системе Наркомпроса РСФСР). Тяжкие последствия этого раздела (усиление конфликта между «казанцами» и «симбирцами»).

Причины формирования такой ситуации: 1) успехи советской власти и партии большевиков в Среднем Поволжье привели к встраиванию чувашского движения в советскую систему, чего не было ранее; 2) советские лидеры на региональном и общегосударственном уровне в условиях разгоравшейся Гражданской войны, а также угрозы нашествия армии Колчака, проявили лояльность национальным деятелям региона.

Ведущий лидер: Эльмень Д. С.

Но всё-таки основная задача чувашского национального движения не была реализована. Причин несколько: 1) линия Восточного фронта откатилась далеко на восток, в Сибирь; 2) в результате началось давление советских работников на национальные учреждения с целью их полного подчинения своему ведомству; 3) среди ведущих лидеров просоветского чувашского движения

проявились настроения в пользу сотрудничества с лидерами татарского движения для создания в Волжско-Уральском регионе обособленного от Москвы субъекта РСФСР под названием Татаро-Башкирская Республика.

7. Лето 1919 – февраль 1920 гг.

В этот период чувашские лидеры встали на путь содействия татарским сторонникам создания Татаро-Башкирской Республики с включением в неё всего чувашского и марийского населения. В рамках этой республики планировалось создание экстерриториальной сети чувашских трудовых коммун, находившихся в подчинении Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР. В русле этой политики оказалась и попытка создания в Казани Центрального комиссариата по чувашским национальным делам. На Всероссийском съезде чувашских коммунистов в феврале 1920 г. данная линия получила общенациональное одобрение.

Такой курс диктовался тем, что стремление советских работников подчинить себе все сферы жизни населения привело к мысли о том, чтобы на территории Волжско-Уральского региона появились учреждения власти, отвечающие (в отличие от советских) её многонациональной специфике. В результате были достигнуты позитивные договорённости в июле 1919 г. в ходе совместного совещания чувашских, марийских и татарских лидеров.

Ведущим лидером оставался Д. С. Эльмень.

Однако этот шанс не удалось использовать из-за поражения татарской группы М. Султан-Галиева с возрождением проекта Татаро-Башкирской Республики (сначала в декабре 1919 г., а затем и окончательно в марте 1920 г.) и началом создания весной 1920 г. обособленной от чувашей, марийцев и башкир отдельной Татарской АССР.

8. Март 1920 – май 1921 гг.

До июня 1920 г. можно говорить о стремлении создать в России экстерриториальную сеть чувашских трудовых коммун, подчинённых Чувашскому отделу при Наркомнаце РСФСР. Затем продолжена реализация той же идеи, но в форме не трудовых коммун, а сети чувашских областей, уездов и губерний. Данная политика получила общенациональное признание на Всероссийском съезде чувашских советов в ноябре 1920 г. в Чебоксарах. Руководство Совнаркома РСФСР и ВЦИК было вынуждено считаться с такими решениями.

Причины такого изменения курса просты: прежний проект сети чувашских трудовых коммун в рамках Татаро-Башкирской Республики не сработал, и теперь переключились на более трудный путь – реализацию того же проекта в несколько иной форме в рамках всей России.

Ведущие лидеры: Эльмень Д. С.

Однако и этот проект провалился, причины: 1) противодействие лидеров большевиков в области национальной политики (Ленин и Сталин) экстерри-

ториальным национальным проектам в Волжско-Уральском регионе и навязывание ими национально-территориальной формы самоопределения – результатом стало постановление ВЦИК в мае 1920 г. о роспуске экстерриториальных отделов при Наркомнаце и открытии территориальных представительств; 2) сознательная раскольническая деятельность симбирских чувашских коммунистов с целью создания обособленного всероссийского центра чувашей в Симбирске, но на базе не Наркомнаца РСФСР, а Наркомпроса РСФСР; 3) кровавое крестьянское (чапанное) восстание в январе 1921 г. в Чувашской автономной области. Весной-летом 1921 г. на чувашских партийных съездах Эльмень и его сторонники были обвинены фактически в провоцировании восстания со всеми негативными последствиями для них лично. Детище Эльменя – Чувашский отдел при Наркомнаце – 5 мая 1921 г. принудительно самоликвидировался, а вместе с этим произошло сворачивание ранее созданной экстерриториальной (культурной) автономии чувашского народа. В ЧАО к власти пришла симбирская группировка, и началась реализация национально-территориального проекта «Большая Чувашия» со столицей в Симбирске.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРИЗИСЫ НА ОКРАИНАХ ИМПЕРИЙ

Глава рассказывает о событиях на национальных окраинах Российской империи, Германской, Османской в период революционных событий и Первой мировой войны. В эти сложные времена развернулась борьба за автономию и национальную независимость. Учёные из России, Казахстана, Молдовы и Словакии рассматривают конфессиональные аспекты развития национальных провинций, влияние пантюркизма на позиции региональных элит, анализируют работу национальных съездов в уездах и губерниях, состав и позиции провинциальных национальных элит и предлагают взглянуть на революцию как на возможность полилога культур.

Образование казахских политических партий

Светлана Ковальская (Казахстан)¹

Осмысление событий, происходивших в начале XX века, всё ещё продолжается, вызывает огромные дискуссии и по-прежнему делит спорящих минимум на две стороны. Первая российская революция 1905 г. стала мощным катализатором процесса образования новых политических партий, в ходе которого каждый мог определить своё место в революционном процессе, отношению к существующему строю, перспективам развития и т. д. С конца XIX в. до 1917 г. в Российской империи возникло около ста политических партий. Нигде в мире мы не встретим ничего подобного. Объяснение этого феномена можно найти в пестроте социально-классового состава населения, его этническом разнообразии (57 % – инородцы, 14 основных языков), сравнительно слабой классовой дифференциации в результате недостаточно-го развития капитализма.

Ещё один феномен партийной жизни рубежа XIX – XX вв. заключается в том, что, по сути, в аграрной стране первой возникла рабочая партия, которая в условиях самодержавия могла существовать только в подполье. До революции стали формироваться также партия эсеров, либерально-буржуазные, помещичье-монархические партии и др.

¹ Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва.

Всего можно выделить четыре группы партий в Российской империи начала XX в.: 1) пролетарские, 2) революционно-демократические (социал-демократы, левонародническое направление), 3) буржуазные (либеральные и консервативные), 4) помещичье-монархические. Кроме того, сложились три политических лагеря: правительственный, либерально-буржуазный, революционно-демократический, колебания границ между которыми были неизбежны¹.

Постепенная седентаризация и модернизация казахского общества – вот два процесса, совпавшие во времени и в пространстве. Ситуация осложнялась ещё и тем, что трансформация казахского общества совпала с бурным ростом капитализма в метрополии – России. Следовательно, ломка традиционных структур происходила весьма болезненно, с большими потерями. В плане анализа социального уровня межцивилизационного воздействия можно отметить генезис особых сословий и сословно-корпоративных групп. В XIX веке происходит становление особого интеллектуального слоя, когда на смену синкретичности пришла профессионально-интеллектуальная деятельность.

Именно национальная интеллигенция XIX – нач. XX вв. оказала достаточно сильное воздействие на формирование политического сознания казахов. Оно выразилось, прежде всего, в попытках осознания истории народа, публикации этнографических исследований и особенно карт. В работе Н. А. Назарбаева «В потоке истории» этому моменту уделяется особое место: «Национальные границы вообще несут очень важную нагрузку. Подобно коже человека, они как бы обтягивают нацию, помогая ей сохранить свою групповую самоидентичность. Причём в условиях стресса значение этой “общей кожи” для каждого отдельного человек возрастает»². Под стрессом как раз понимается состояние колониального подчинения национальных окраин метрополии. Здесь очень важным моментом выступал фактор формирования ощущения не только общего прошлого, но, что особенно важно, общего будущего. Конструированию этого нового политического будущего во многом способствовала и общественная печать. Печатное слово становилось всё более доступным и переоценить его влияние на формирование политического сознания трудно. С момента появления в 1888 г. газеты «Дала Уялаты» («Степная газета») поток печатных изданий всё увеличивался, одновременно шёл рост тиража, количества подписчиков и, безусловно, усиления цензуры как средства борьбы режима с политическим инакомыслием.

Через интеллигенцию прошли все противоречия, которые разделяли край. Политика по принципу «разделяй и властвуй» во многом определяла подобное размежевание (по отношению к метрополии, национально-

¹ Спирин Л. М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. – М.: Мысль, 1987, с. 107.

² Назарбаев Н. А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999, с. 195.

освободительному движению, вопросам религии и т. д.). Это размежевание началось ещё в XIX в. и в значительной степени зависело от сформировавшихся геополитических перспектив развития региона как субъекта политики. Можно выделить четыре альтернативы: евразийская, пантуранская, панисламская, китаецентричная. Достаточно эффективной и действенной оказалась евразийская альтернатива, хотя противостояние ей было достаточно сильным.

Относительная слабость партийного развития в Казахстане в начале XX в. может быть объяснена, кроме всего прочего, сильной поляризацией общества. Причём не только по вопросу собственности, но и в плане деления общества на две большие группы: ак-суйек [«белая кость» – этносоциально обособленная элита – *Ред.*] и кара-суйек [податное население тюркского происхождения – *Ред.*]. Ситуация осложнялась тем, что последнее противоречие было загнано внутрь. Ещё с 1822 г. – с момента принятия «Устава о сибирских киргизах», когда была отменена ханская власть как политический институт, казахское общество не могло с этим примириться.

Примером тому может послужить последняя смелая политическая инициатива Кенесары Касымова, поднявшего восстание и провозглашённого ханом в 1841 г. на общенародном собрании. Ещё раз мы увидим такую попытку в 1916 г., когда в отрядах восставших будут избирать ханов, среди которых оказался в том числе и Абдулгафар, который уже был из кара-суйек, что лишнее раз подтверждает сильнейшую трансформацию представлений о ханской власти и на уровне общественного сознания. Но можно сказать, что хотя на формальном уровне деление было уничтожено, на неформальном оно продолжало влиять на общественно-политическое сознание, патрон-клиентные отношения и т. д.

Здесь же можно говорить о большой роли традиционных ценностей в политической культуре и привилегий на образование. Не случайно практически большинство интеллигенции имело султанское происхождение. Кроме того, именно они получили наиболее престижное образование в университетах, академиях, лицеях, институтах Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Томска, Саратова и т. д. Именно они и составили основу будущей партии «Алаш» [«Союз шести племён», или «Казахский народ» – *Ред.*].

Политическое развитие окраин напрямую зависело от общего состояния политической жизни империи, степени раскрепощения её социально-политических и общественных институтов. Необходимо оговорить влияние партии кадетов на формирование политического сознания будущих лидеров партии «Алаш», причём как в смысле приобретения опыта политической деятельности, так и в смысле оппозиционности. Это ярко проявилось в процессе отхода от установок кадетов лидеров «Алаш» по вопросам частной собственности на землю, автономии, взаимоотношений государства и церкви.

Все стремления и помыслы казахской интеллигенции, направленные на создание и упрочение государственности, логически вылились в создание

движения, а затем, с марта 1917 г., партии «Алаш». В сложившихся исторических условиях только путём политической борьбы им можно было реализовать свои идеи (через партию, её программные установки и т. д.). От стихийного осмысления общественных путей развития к достаточно стройной системе государственно-правового мышления – такова эволюция взглядов казахской национальной интеллигенции.

Разобраться в основных этапах становления политической партии поможет схема самого процесса: от формирования политических взглядов до принятия съездом программы и устава, а также, в дальнейшем, откола оппозиционных группировок. Если исходить из этих этапов, то в строгом смысле движение «Алаш» так и не переросло в партию именно потому, что программа партии осталась в виде проекта и не была окончательно принята на общепартийном съезде. Однако этот нюанс зачастую не берётся во внимание.

В отношении партии «Алаш», впрочем как и остальных, можно сказать, что народ узнавал партию через её лидеров. Здесь явно прослеживается один из элементов восточной партийной системы – степень персонализации в политике, в данном случае узнаваемость партии шла через узнаваемость её лидеров.

В противовес «Алаш» Кольбай Тогусов в ноябре 1917 г. решает создать политическую партию социалистической ориентации, ценностные основы которой будут представлены взглядами социалистов Татарии и Башкирии, да и в целом близки к программным установкам большевиков. К сожалению, история данной партии была ещё более тесно связана с личностью её лидера. Скорая гибель его свела на нет все усилия, которые были предприняты в этом направлении. Основная цель партии «Уш-жуз» [«Три жуза» – Ред.] была определена как объединение тюркско-татарского племени в России и требование федеративного устройства российской республики. Социальная база партии была очень пёстрой, что во многом объясняет её нежизнеспособность.

Попытки объединить интеллигенцию, предпринятые журналом «Айкап» и газетой «Казах», не дали ожидаемого результата. Особенно острым это размежевание стало в 1916 и 1917 – 1919 гг. Последующий этап постепенного вхождения казахской интеллигенции в структуры советского государства во многом был определён политикой и практикой советской власти, которая в это время соответствовала политическим устремлениям национальной интеллигенции и вызывала их симпатии. Как отмечает японский учёный Уяма Томохико, «при царизме у казахов был низкий правовой статус, их считали инородцами, и у них было меньше опыта в политике, чем у татар... Казахи, как инородцы, страдали от презрительного отношения со стороны русских, но проявили искусность и гибкость в переговорах как с белогвардейцами, так и с советской властью... Лидеры “Алаш-орды” остались в Центральной Азии и, благодаря своему авторитету и опыту, накопленному в период революции и Гражданской войны, продолжали оказывать влияние на своих соплеменни-

ков, в том числе и на молодых казахских коммунистов»¹. Но этот процесс позитивного сотрудничества был прерван тем маховиком репрессий, который всё более набирал обороты, трагически оборвав судьбы многих людей.

С требованием создания туркестанской автономии, федеративно связанной с российской республикой, выступили и участники съезда мусульманских организаций в сентябре 1917 г. Бурное развитие мусульманского движения, охватившее своим влиянием 30-миллионное население окраин империи, привело к созданию ряда мусульманских партий. В начале XX в. в Центрально-Азиатском регионе также возник ряд партий панисламского и пантюркистского толка, которые имели сторонников и на территории Казахстана: «Иттифок-муслимин» [«Союз мусульман» – *Ред.*], «Шура-ислами» [«Исламский совет» – *Ред.*], «Шура-улема» [«Совет духовенства» – *Ред.*]. Противостояние между существовавшими партиями нарастало по мере углубления раскола в стране. Вместе с тем шёл процесс накопления политического опыта и практики.

Партии данного направления представляли так называемое правое крыло. В состав партий панисламского и пантюркистского направлений входили влиятельные лица (коммерческие агенты, эмиры, почётные граждане, золотых дел мастера, чайханщики, коммерсанты по хлопку, интеллигенция, казии, учителя, крупные торговцы, высшие должностные лица, сборщики податей, духовная знать и др.). Чёткой программы они не имели, но стержневой целью была борьба против Российской империи, борьба за самостоятельное развитие. Не было и согласия по поводу того, кто является лидером духовного и политического возрождения всех тюрко-мусульман. Для одних таким государством являлась Турция, для других – Афганистан. Кроме того, некоторые признавали газават как средство для достижения политических целей.

Безусловно, мы должны говорить о роли и влиянии партии большевиков на общественно-политическую ситуацию в крае. Это влияние начинается ещё в XIX в. посредством ссыльных и марксистских кружков, а затем достаточно хорошо организованными советскими структурами. Не случаен, на наш взгляд, переход на сторону советской власти в 1919 г. Ахмета Байтурсынова. Данное событие можно рассматривать как результат успешной национальной политики на первом этапе социалистического строительства.

Колониальные условия, разобщённость, чувство подавленности, неполноценности, незащитности перед силой государства – всё это приводило к формированию настроений протеста и логически вылилось в создание партий

¹ Томохико Уяма. Сравнительный анализ политических стратегий: «Алаш-орда» и национально-культурная автономия тюрко-татар. URL:<http://bilimdinews.kz/index.php/item/3810-sravnitelnyj-analiz-politicheskikh-strategij-alash-orda-i-natsionalno-kulturnaya-avtonomiya-tyurko-tatar> (дата обращения: 07.11. 2017).

и движений, в том числе панисламского и пантюркистского толка. Зачастую их невозможно разделить на два самостоятельных течения, так как и в том, и в другом случае ислам оставался организующей силой.

В начале XX в. усилились пантюркистские настроения, они были обусловлены сложностями этнокультурного развития тюркских народов России. На первый план выходит идея былого величия тюркского эля [народа – Ред.]. Можно сказать, что тюркизм для представителей интеллигенции становится едва ли не единственным заслоном против продолжавшегося давления колониализма. После событий 1917 г. идеи пантюркистов частично будут реанимированы на большевистской основе. В дальнейшем эти идеи будут развиваться в основном за рубежом. Так, в Париже Мустафа Чокай организует журнал «Яш Туркестан» [«Молодой Туркестан» – Ред.]. Башкирский лидер Заки Валиди издаст в эмиграции свои книги. Из Мюнхена велась трансляция радиостанции «Свобода» («Азаттык»). Можно сказать, что идеи пантюркизма впоследствии проявлялись менее заметно, но они не пропали и продолжали так или иначе влиять на формирование общественно-политического сознания.

Социально-политические и культурные процессы, имевшие место на рубеже XIX – XX вв. в Российской империи, существенно повлияли на формирование первых опытов политической деятельности и во многом способствовали формированию зачатков многопартийной системы, в том числе и на колониальных окраинах. Политические партии, образовавшиеся на территории современного Казахстана в начале XX в., имели значительное сходство с некоторыми российскими политическими партиями: конституционных демократов, большевиков, эсеров и частично меньшевиков, с партиями исламского толка. Каждая казахская политическая партия пыталась сформулировать свою стратегию выхода из затянувшегося кризиса. Либерально-демократическая часть казахской интеллигенции, объединённая под эгидой партии «Алаш», предлагала модель федеративного государства с входящей в него наравне с другими казахской национальной автономией. К сожалению, они не успели выработать и до конца реализовать собственную автономистскую программу. Однако заслуга «Алаш», как отмечает известный российский учёный Д. А. Аманжолова, «в высокой адаптивности к экстремальным историческим обстоятельствам»¹. Именно это позволило им после долгих и неудачных поисков союзников найти точки соприкосновения с партией большевиков и влиться в советский процесс национального строительства, к сожалению, завершившийся трагически для практически большинства членов партии «Алаш» к концу 30-х гг. XX в.

¹ Аманжолова Д. А. На изломе. «Алаш» в этнополитической истории Казахстана. – Алматы: Издательский дом «Гаймас», 2009, с. 400.

Лидер партии «Уш-жуз» К. Тогусов формулировал программные принципы, основанные на политической всеядности, что делало эти положения нежизнеспособными. Партии исламского толка, популярность которых была более заметна в южных регионах – «Иттифок-муслимин», «Шура-улема», «Шура-ислами» – видели будущее народов Туркестана в создании исламского государства. Однако история не оставила им шанса. Постепенно лидирующие позиции были сосредоточены в руках большевиков, которые смогли на первых порах примирить традиционное общество, основанное на идее рода и родовой взаимопомощи, с принципами нового строившегося большевистского государства. Они смогли использовать вечное стремление казахов к освобождению от чуждой интересам кочевого социума реальности, нацелив их на то, что казахи могут взять в свои руки свою судьбу и осуществить свободу здесь и сейчас.

Политические партии Казахстана и советская власть

Гаухар Абдрахманова (Казахстан)¹

Временное правительство не вывело страну из войны, не решило национальные проблемы, аграрный вопрос. В мае 1917 г. бастовали рабочие-казахи рудника Даубай Семипалатинской области, требовавшие повышения заработной платы, улучшения жилищно-бытовых условий. Администрация рудника отказалась удовлетворить требования, рабочие покинули рудник. По инициативе советов рабочих депутатов летом 1917 г. был введён восьмичасовой рабочий день на предприятиях Петропавловска, Семипалатинска, Уральска, Перовска. 29 августа 1917 г. Перовский совет принял резолюцию о необходимости передачи всей власти советам. В такой обстановке свершился Октябрьский переворот. В результате революции было свергнуто Временное правительство и к власти пришло правительство, сформированное II Всероссийским съездом советов. Установление советской власти в Казахстане происходило с учётом особенностей регионов: мирным путём – в южных и северных областях Казахстана. Благодаря близости расположения промышленных центров – Ташкента, Омска, Челябинска, Барнаула – и наличию значительного отряда промышленных и железнодорожных рабочих. А также в результате вооружённой борьбы – в районах расположения Уральского, Сибирского и Семиреченского казачества (Оренбург, Семипалатинск, Верный).

Обращение большевиков «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно» – обнадёжило местное население региона. Поэтому в скором времени национальная интеллигенция Казахстана активизировала деятельность с целью создания автономной республики. 22 ноября 1917 г. в Коканде открылся IV чрезвычайный всетуркестанский съезд. Его открыл Мустафа Чокай. Съезд объявил Туркестан автономией в составе федеративной демократической российской республики. Установление форм автономии Туркестана было предоставлено Учредительному собранию. Было провозглашено создание туркестанской народной власти – Временного совета. Министром-председателем и министром внутренних дел был избран М. Тынышпаев. Позже его заменил М. Чокай. Новое государственное образование называлось «Туркестони мухтариат» («Туркестанская автономия»).

¹ Абдрахманова Гаухар Сатыбалдиновна, кандидат исторических наук, преподаватель Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва.

Состоявшийся в декабре 1917 г. в Оренбурге общеказахский съезд постановил образовать территориально-национальную автономию Алаш, избрать правительство – Временный народный совет «Алаш-орда», состоящий из 25 членов, 10 мест из которых предлагалось предоставить русским и другим народам. Местом пребывания «Алаш-орды» временно избрать Семипалатинск. Председателем Всеказахского совета «Алаш-орда» был избран А. Бокейханов. Конституция автономии Алаш должна была утверждаться Всероссийским учредительным собранием. Накануне съезда на страницах газеты «Казах» был опубликован проект программы старейшей партии «Алаш».

«Алаш» предложила альтернативный путь развития казахского народа с учётом реалий того времени. Большевики, ставшие партией власти после Октябрьского переворота, не пошли на диалог с этой партией. Народные массы Казахстана возлагали большие надежды на Всероссийское учредительное собрание. Выборы в ноябре 1917 – январе 1918 гг. показали, что абсолютное большинство казахских трудящихся разделяет программные требования партии «Алаш»¹.

В январе 1918 г. Кокандская автономия подверглась мощному натиску большевиков, окруживших Самарканд, Фергану и Коканд. Требования большевиков включали: 1) признание власти советов, 2) выступление со всенародным заявлением перед туркестанским народом о признании советской власти, 3) сдачу всего оружия большевикам, 4) роспуск органов милиции и др.

Для уничтожения Кокандской автономии на запасные пути станции Коканд в ночь с 5 на 6 января 1918 г. прибыло 11 эшелонов с кавалерийскими, артиллерийскими и пехотными частями. В ночь с 6 на 7 января Коканд был разгромлен большевиками. В течение трёх дней Коканд был опустошён, стояло сплошное пожарище, повсюду процветали мародёрство и насилие. В течение января – марта 1918 г. на большей части территории Туркестана большевиками были созданы советы. Повсеместно создавались отделы по борьбе с контрреволюцией, революционные трибуналы. Упразднили также органы местного самоуправления.

Созвав 5 января 1918 г. Учредительное собрание, советское правительство на следующий день разогнало его, откровенно продемонстрировав примат голого политического расчёта. Буржуазные партии, потеряв доверие избирателей, собрали всего 13 % голосов. Не получили решающего успеха и большевики. В разных регионах Казахстана партия «Алаш» набрала от 57,5 % до 75 % голосов избирателей, представляя реальную оппозицию большевикам².

¹ Казахстан накануне и в период Октябрьского переворота 1917 г. URL: <http://nikulins.ucoz.ru>

² Ташенев М. Ж., Кумганбаев Ж. Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана. // Вестник КазНУ, Алматы, 2013.

По решению советов запрещалась деятельность национальных партий «Шура-ислами», «Улема», «Алаш», украинских, армянских, еврейских организаций и мусульманских комитетов Закаспийской области.

Закрывались печатные органы оппозиции: газеты «Степная речь» (Петропавловск), «Семипалатинский день», «Алтайский луч» (Усть-Каменогорск). Решением I Тургайского областного съезда советов (март-апрель 1918 г.) была запрещена газета «Казах», которая в своё время инициировала консолидацию либерально-демократической казахской интеллигенции.

Противоречивой была деятельность большевиков в социальной политике. Своими первыми декретами советская власть отменила разделение людей на сословия, ликвидировала все прежние сословные ограничения и привилегии, провозгласила свободу вероисповедания для всех граждан. Однако Конституция 1918 г. создавала категорию отверженных – лишенцев, не имевших права голосовать и быть избранными. В эту категорию попадали тунеядцы, священники, бывшие буржуи, дворяне и те, кто получал доходы не только от своего труда – то есть многие миллионы людей, ставшие объектом всяческих подозрений Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем¹.

Идея национального самоопределения вплоть до отделения провозглашалась большевиками только до захвата ими власти. После прихода к власти коммунисты перевели её в право на самоопределение и государственное определение, которым якобы народы советского Востока не захотели воспользоваться, отдав предпочтение большевистскому режиму. Газета «Правда» 10 октября 1920 г. публикует статью Сталина «Политика советской власти по национальному вопросу в России», где он заявил: «Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно». С этой позицией Сталина полемизирует М. Чокаев в своей книге «Туркестан под властью советов» (Париж, 1935) и даёт жёсткую критику этой антидемократической установке².

Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии означало разделение казахского, узбекского, таджикского, туркменского, киргизского народов с целью их разобщения и искоренения самой идеи тюркизма, которую большевики стали называть пантюркизмом и представлять в виде оголтелой шовинистической теории, согласно которой тюркские народы якобы претендовали на своё превосходство над другими народами. Тем самым большевики насаждали искажённое представление об идеалах тюркизма, что привело в дальнейшем к шельмованию и репрессиям представителей данного

¹ Султан Хан Аккулы. Алихан Букейхан: от марксизма к идее Алаш. – Астана, 2017. URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/14218> (дата обращения: 02.08.2019).

² Чокаев М. Туркестан под властью советов (Париж, 1935). – Алма-Ата, с. 16.

течения. Само же название Туркестан исчезло с карты СССР и из учебников географии, вместо него появился термин Средняя Азия и Казахстан.

К чести лидеров национальной казахской интеллигенции надо сказать, что ни автономия Алаш, ни Кокандская автономия не позиционировались ими как моноэтнические государства, ими отрицалось превосходство в гражданских и политических правах одного народа и ущемление прав других. А программный принцип пропорционального представительства обеспечивал участие в политических и государственных институтах некоренных народов, проживавших на территории данных автономий. Следует отметить, что лидер партии «Алаш» Алихан Букейханов считал: «Киргизский народ не желает отделения от России. Мы – западники. Наши взоры устремлены на запад. Получить культуру мы можем оттуда, через Россию, при посредстве русских» (до 1925 г. казахи именовались киргизами).

Таким образом, каких-либо этнократических или шовинистических устремлений у просвещённой, демократически настроенной казахской интеллигенции не было. Особенностью автономий было также и то, что в основу социальной и гражданской жизни был положен не классовый принцип, который был на вооружении у большевиков, а демократические права личности (в том числе и право на вероисповедание). Взгляды лидеров автономии Алаш, которые объявляли себя западниками, находились в русле классического (демократического) либерализма¹.

¹ Алаш-орда. Сб. док-тов; состав. Н. Мартыненко. – Алма-Ата, с. 139.

Эхо революции 1917 г. на юге российской империи - в Бессарабии - в контексте современных геополитических устремлений в Молдове

Василий Сакович (Молдова)¹

Оценивая события революционного периода, учёные большинства стран мира сходятся в одном: эта революция и мела всемирно-историческое значение, стала частью глобальных сдвигов начала прошлого века и оказала влияние на судьбы всех народов мира. Для современной Молдовы это действительно крупное событие, но, как отмечают современные молдавские политологи, «проходит как *не-событие*»². Вместе с тем анализ революционных событий того периода в контексте политических процессов, происходящих в настоящее время в Молдове, показывает: эхо революции 1917 г. докатилось до наших дней.

При анализе современных событий видно, что в определённой степени политические процессы в Молдове во многом повторяют (в виде фарса или трагедии) те далёкие события столетней давности: снова на повестке дня реально как никогда ранее стоит лозунг *унире* – объединения с Румынией, а основная идея большевистской революции – построение справедливого общества – как и в те далёкие времена, находится на самом последнем месте. Причём, хотя сейчас и кажется, что наступила абсолютно новая эпоха, ломающая прежние рамки и устои, именно современные события в Молдове являются отголоском тех трагических революционных событий, результатом их последствий, точнее их незавершённости.

Рассмотрим некоторые аспекты революционных событий в Бессарабии в далёком 1917 г. и те, которые их предвеляли. Революция в Бессарабии, несмотря на то что ей предшествовал ряд предреволюционных событий (как, впрочем, и в других регионах России), изначально приобрела свою особенность, которая заключалась в том, что на данной территории с населением в 2,5 млн чел. практически не было организованного рабочего класса. Исходя

¹ Сакович Василий Андреевич, доктор политических наук, профессор Государственного института международных отношений Республики Молдова.

² Спринчанэ: ликвидация ностальгии по СССР – это создание государства социального благосостояния. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/sprynchane-likvidatsiia-nostalgii-po-sssr-eto-sozdanie-gosudarstva-sotsialnogo-blagosostoianiia> (дата обращения: 11.11.2017).

из этого основу движущих сил революции, если так можно говорить, составили мелкая буржуазия и интеллигенция с просветительскими намерениями. Так, даже созданная в Бессарабии (между Прутом и Днестром) во второй половине XIX в. первая политическая партия молдаван состояла, как отмечал губернатор Бессарабии, «большей частью из юных мечтателей», а Молдавское общество Бессарабии, в соответствии с уставом, учреждалось (1905 г.), «чтобы содействовать всеми средствами повышению культурного уровня молдаван и наиболее полного изучения Бессарабии»¹.

Очевидно, что на кишинёвский политический климат в известной степени повлияли издание в Кишинёве большевистской газеты «Искра» и организация комитета РСДРП (декабрь 1902 г.). В результате их агитации, а также под влиянием революционного движения в России весной 1905 г. произошли крестьянские волнения в Оргеевском, Кишинёвском уездах, Рыбницком районе, а также забастовки и демонстрации рабочих в Кишинёве, Бельцах, Сороках, Резине и Хотине. Но эти протесты прошли только под социальными лозунгами и требованиями.

Национальное освобождение молдаван пришло с Русской буржуазно-демократической революцией февраля 1917. В ходе революционных событий Февральской революции 1917 г. её участники в Бессарабии, в первую очередь Общество молдаван, стали выдвигать лозунги возрождения национальной культуры и языка, национального самоопределения. В этот период события в Кишинёве стали разворачиваться с калейдоскопической быстротой: состоялись Съезд учителей Молдовы (10 апреля), Съезд священников Молдовы (19 – 20 апреля), который выступил за «автономию молдавской церкви и возрождение митрополии Молдовы, главой которой был бы назначен молдавский иерарх», I Бессарабский губернский крестьянский съезд (21 – 23 мая), потребовавший ликвидации помещичьей собственности на землю, и др. В марте 1917 г. возникли национальная общественная организация, деятельность которой была направлена на «утверждение национальных прав и свобод молдаван», и Молдавская национальная партия, которая в программных документах заявила: «Мы всей душой благословляем революцию, которая зажгла солнце свободы, и готовы всем пожертвовать ради полной её победы»².

Были созданы советы рабочих и солдатских депутатов. И только они, как наиболее организованные и революционно настроенные, активно выступали за слом старой системы и формирование органов новой рабоче-солдатской власти Бессарабии. Так, Съезд советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области и Конференция представителей советов рабочих и

¹ Стати В. История Молдовы. – Кишинев: Tipografia Centrala, 2002, с. 264.

² Там же, с. 267.

солдатских депутатов городов Кишинёв, Бендеры, Бельцы (19 – 20 мая) избрали губернский Исполнительный комитет советов Бессарабии. 10 – 17 октября 1917 г. состоялся Съезд представителей молдавских солдат и офицеров Румынского фронта (75 делегатов), который объявил, что единственной приемлемой формой власти в Бессарабии является национально-территориальная и политическая автономия, а Военно-молдавский съезд, проходивший в г. Кишинёве (20 – 27 октября 1917 г.), поддержал идею создания Сфатул Цэрий [Совет края (страны) – *Ред.*] как руководящего (законодательного и представительного) органа страны. Военно-молдавский съезд единогласно решил: Бессарабия является территориальной и политической автономией в составе Российской Федерации. Он постановил незамедлительно создать Сфатул Цэрий, который должен будет управлять всеми делами автономной Бессарабии. Несмотря на то что в то время в Кишинёве десятки партий, комитетов, организаций стремились завоевать признание, Съезд молдавских военных депутатов был единственной молдавской организацией, которая продемонстрировала чёткость идей и принципов, последовательность в их реализации. В тот же день Организационное бюро, «независимо от числа прибывших делегатов», приняло решение об открытии заседания по созданию Сфатул Цэрий. Не случайно уже с первых дней существования этого органа государственной власти его обоснованно и резко критиковали за то, что он был создан кулуарно, что население не знало о его организации, что не была соблюдена пропорциональность национальностей и т. д. Так, национальным меньшинствам, составлявшим около 50 % населения края, выделили только 36 мандатов, то есть меньше 25 %. Рабочим не выделили ни одного мандата. Что касается крестьян, то наиболее многочисленному социальному слою (80 % населения) – «опоре страны» – в новом органе власти из 150 мест было предоставлено лишь 30 мандатов¹. То есть Сфатул Цэрий и правительство были сформированы без полноценного участия самой многочисленной социальной силы Бессарабии². Более того, в состав Сфатул Цэрий попали некоторые помещики (у которых были имения) и офицеры; и те, и другие были настроены антиреволюционно и прорумынски. Политическим образованиям достались в Сфатул Цэрий места не в соответствии с их социальным весом, а в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации. Не случайно поэтому прорумынски настроенные члены Сфатул Цэрий первое своё заседание (21

¹ Стати В. Указ. соч., с. 30.

² Там же, с. 286.

ноября 2017 г.) открыли гимном *Дешияптэ-те ромыне* («Пробудись, румын»)¹ с демонстрацией румынской символики.

Следует отметить и то, что к концу ноября 1917 г. в Бессарабии, между Прутом и Днестром, ни одна из политических группировок, претендовавших на власть, не имела заметного приоритета. Выборы в Учредительное собрание России (26 – 28 ноября 1917 г.) показали, что и у большевиков не было авторитета в крае. Образованная в г. Кишинёве в конце ноября самостоятельная большевистская организация состояла в основном из приезжих, временно расквартированных в Кишинёве солдат, которые были далеки от социальных и национально-культурных проблем местных жителей, что не добавляло ей авторитета.

В этой обстановке 2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий на основании права на самоопределение народов провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической (Народной) Республикой, «равной в правах и частью единой Российской Демократической Федеративной Республики». Было объявлено также, что «высшей властью Молдавской Демократической Республики является Сфатул Цэрий»².

Сложная политическая и военная обстановка требовали от Сфатул Цэрий и правительства Молдавской Демократической Республики особых действий. Но ни Сфатул Цэрий, ни правительство не располагали административными рычагами, финансовыми средствами и другими хотя бы минимальными возможностями для поддержания общественного порядка. Реальной властью они обладали бы только в том случае, если бы их поддержали не только военные, но и крестьяне, которые являлись основным социальным слоем Бессарабии. Но за своё короткое и драматичное существование Сфатул Цэрий, который не выражал интересы трудовой части населения, не сумел, а правильнее будет сказать – не захотел привлечь на свою сторону солдатскую массу и направить её силу на защиту интересов бессарабцев. Более того, уже к концу 1917 г. Сфатул Цэрий из-за своей непоследовательной и двуличной политики утратил доверие даже тех солдатских отрядов, которые ранее заявляли ему свою поддержку.

В Бессарабии был нарушен важный принцип пролетарской революции – революционная инициатива должна исходить от народа. В Бессарабии она фактически была оторвана от основной социальной базы трудящихся и осуществлена сверху действующими политическими элитами. В результате не были устранены противоречия в обществе, было сохранено социальное расслоение.

¹ Степанюк В. История Молдавской Республики – не дань Сфатул Цэрий... // Молдавские ведомости, № 37 (2057), 20 октября 2017 г.

² Степанюк В. Указ. соч.

Что касается большевиков в Бессарабии, то они не сумели взять власть в свои руки. Кишинёвский совет рабочих, крестьян и солдат под управлением большевика Якова Мелешина был слаб даже в борьбе с погромами. Как результат и особенность бессарабской революции – советская власть в Бессарабии не была установлена. Это та реальность, которую в советское время искажали, говоря об установлении советской власти в Бессарабии в конце 1917 г., и скрывали, замалчивая принятие Декларации о создании Молдавской Демократической Республики.

К этому следует добавить, что внутривнутриполитическую ситуацию усложняло и то, что Бессарабия находилась между двумя государствами: Румынией и Украиной, которые, хотя и были унижены, загнаны в угол Германией, оба проявляли особый интерес к этой территории. Выход из сложной внутривнутриполитической ситуации, по мнению Сфатул Цэрий, был один: просить чужой помощи. На заседании Сфатул Цэрий 26 декабря 1917 г. стали обсуждать, кому направить телеграмму с просьбой о военной помощи. Причём события и документальные свидетельства демонстрируют двойственную политику Сфатул Цэрий: с одной стороны, он заявлял о том, что выступает «за самое тесное объединение с Россией; сепаратизма (от России) не существует; не может идти речи о призыве чужих армий, потому что это было бы предательством» (И. Инкулец – председатель Сфатул Цэрий, член партии социалистов-революционеров, друг Керенского, доктор математических наук, профессор Петербургского университета). На деле же, за спиной, Сфатул Цэрий вёл переговоры с румынским правительством об оказании помощи со стороны румынской армии¹.

В этой ситуации всё, что смогли сделать большевики – это провести в Кишинёве 23 декабря 1917 г. общее собрание пробольшевистских организаций, принявшее резолюцию, в которой высказывался категорический протест против введения в край чужих армий и требование «удаления из Сфатул Цэрий реакционных недемократических элементов».

Справедливости ради следует отметить, что крестьянская партия была в оппозиции к тому, что делал Сфатул Цэрий со второй половины декабря 1917 г., то есть она открыто выступала против возможной румынской оккупации.

Документы, факты и действия отчётливо характеризуют политическую деятельность Сфатул Цэрий: с одной стороны, её лидеры вели переговоры, чтобы спасти положение по стабилизации в республике, а с другой стороны, прорумынские национальные элементы из того же Сфатул Цэрий саботировали «в нужное время и в нужном месте» эти усилия. Часть членов Сфатул Цэрий выступала за включение Бессарабии в состав Румынии. Более того, в конце де-

¹ Стати В. Указ. соч., с. 275.

кабря 1917 г. и до 22 марта 1918 г. многие общественные деятели занимались внешней политикой не только не будучи уполномоченными от Сфатул Цэрий, но и без его ведома. «Национальные элементы вмешались в нужное время и место» с целью «введения румынских армий»¹. Таким образом, мелкобуржуазная сущность Сфатул Цэрий, а также прорумынские настроения некоторых его членов во многом способствовали введению Румынией войск на территорию Бессарабии, и всеми правдами и неправдами, под угрозой жизни большинство присутствовавших на заседании членов проголосовало за присоединение Бессарабии к Румынии, придав оккупации видимость законности. В результате молдавская государственность была ликвидирована.

Отмечая в текущем году столетний юбилей создания Молдавской Республики, следует отметить, что основным результатом русской революции было пробуждение различных социальных слоёв Бессарабии, которые вдохновились идеей свободного самоопределения народов и выступили за создание молдавской государственности.

Фактически же советская власть в Бессарабии была образована только в 1940 г., после вхождения её в состав Советского Союза. Но по нашему мнению, основа современной государственности Республики Молдова была заложена событиями 1917 г., а не 1924 г. или 1940 – 1941 гг., как пишут многие молдавские историки. Объяснение этому следующее: множество документов, принятых на конгрессах духовенства, студентов и интеллигенции, свидетельствует о том, что молдаване в основной своей массе поддерживали национальное самоопределение, идею автономии, выступали за государственный язык и за право на свою молдавскую администрацию².

В послевоенный период (после Второй мировой войны) в Молдове активно начал формироваться промышленный потенциал, новое развитие получило сельское хозяйство. Быстрые темпы развития потребовали массового привлечения большого числа молодых специалистов. Ввиду того что Молдова не могла подготовить их собственными усилиями, для поднятия молдавской экономики туда были направлены выпускники вузов из различных регионов Союза, в первую очередь из России, Белоруссии и Украины.

Таким образом, к моменту образования суверенного государства – Республики Молдова (1991 г.) – рабочий класс и техническая интеллигенция были в основном русскоязычные. Несмотря на то что советский период в Молдове был относительно непродолжительным, удалось поднять на высокий уровень сельское хозяйство. Однако Молдова оставалась аграрной страной, в которой большинство населения и в настоящее время составляют сельские

² Там же, с. 278.

² Степанюк В. Государственность Молдовы имеет корни в событиях 17-го г. URL: <https://point.md/ru/novosti/obschestvo/viktor-stepaniuk-gosudarstvennost-moldovy-imeet-korni-v-so-bytiakh-17-go-goda> (дата обращения: 12.11.2017).

жители. Глубоко укоренившееся в молдавском менталитете крестьянское сознание во многом определяет и в наши дни не только социальные отношения, но и самосознание политической элиты.

Значительная часть современной молдавской интеллигенции в той или иной степени восприняла румынский унионистский вариант развития Молдовы – идею вхождения Республики Молдова в состав Румынии – и направила свои силы на конструирование румынской идентичности. Кроме того, проект формирования государственности 90-х гг. XX в. совмещал и задачу преодоления советскости, слом общественных институтов и традиций. Поэтому можно говорить о том, что революционные события, всколыхнувшие Бессарабию в 1917 г., с новой силой разгорелись в Молдове в 1990 – 1992 гг. В результате этноязыкового и политического конфликта произошёл, по сути, политический разлом, в котором сторонами конфликта стали, с одной стороны, промышленно развитое Приднестровье, преимущественно с русскоговорящим рабочим населением и технической интеллигенцией, с другой стороны – традиционная правобережная Молдова, преимущественно с сельским населением и национальной интеллигенцией, с крестьянским самосознанием, значительная часть которой к тому же является прорумынской по духу.

Этот конфликт привёл к расколу страны. Как и в далёком 1917 г., при ослаблении влияния России на процессы, происходившие в Молдове, возник и стал активно продвигаться унионистский проект. Два с лишним десятилетия Молдова медленно дрейфует в румынском направлении. К такому выбору Молдову толкают внешние силы, внутривнутриполитическая и экономическая обстановка и особенно взгляды и воззрения части молдавской молодёжи, воспитанной в румынском духе. Румыния не признаёт молдавскую нацию как политическую сущность, а румынский политический класс не признаёт Республику Молдова в её политическом измерении как политическую нацию. Государственные деятели Румынии открыто отрицают существование молдавского народа как такового, ставят под сомнение необходимость существования молдавского суверенного государства. Официальный Бухарест постоянно заявляет о стратегических планах на поглощение Республики Молдова, а в последнее время звучат заявления о разрабатываемых проектах по присоединению Молдовы к Румынии уже в 2018 г.

Так, президент Румынии Траян Бэеску за день до Вильнюсского форума (27 ноября 2013 г.) заявил, что объединение с Молдовой – новый фундаментальный национальный проект. (Прежними были вступление Румынии в НАТО и её присоединение к ЕС.) Обращает на себя внимание тот факт, что никто ему не возразил – ни государственные лидеры европейских стран, ни ЕС. Евросоюз со своей знаменитой европейской толерантностью и солидарностью не склонен вдаваться в политико-историческую психологию развития независимости Молдовы.

Новый президент Румынии Клаус Йоханнис также поддерживает идею объединения с Румынией и признаёт за гражданами Молдовы это право. Он

даже уверенно заявляет о том, что «мечта румын с двух берегов Прута осуществится»¹ и «люди с обоих берегов Прута в один прекрасный день окажутся не только в союзе, но и в единой общности»². Делается попытка внедрить в общественное сознание мысль о том, что унионизация и евроинтеграция – две стороны единого процесса.

Более того, в ноябре 2014 г. посол США в Молдове Уильям Мозер назвал территориальные претензии Бухареста вполне нормальным явлением: румынское руководство имеет право высказывать свои пожелания, а если молдаване захотят присоединиться к Румынии – пусть присоединяются. Если этого захочет народ, «демократическим путём решит упразднить своё государство и к кому-нибудь присоединиться, то возражений не последует, так как Хельсинское соглашение давно нарушено»³.

В молдавском обществе нет гражданского единства и солидарного патриотического отношения граждан Молдовы к своей собственной стране.

При этом действующая политическая элита, имеющая компрадорскую основу, готовит почву для слияния с Румынией, используя для пропаганды этих идей государственные ресурсы (школы, лицеи, университеты и т. д.). Причём данная деятельность, в отличие от прямого захвата Бессарабии в 1918 г., направлена на переконструирование молдавской идентичности на румынскую. Суть этих процессов косвенно подтверждает и депутат парламента Республики Молдова социал-демократ Мария Чобану (сторонник румынского вектора развития Молдовы): «Сегодня у нас нет ни дошкольного учреждения, ни гимназии, ни средней школы, ни университета», в котором использовалось бы название «молдавский язык»⁴. Более того, все годы независимости в школах изучается не история Молдовы, а история румын.

Таким образом, вся система образования направлена на формирование у детей и молдавской молодёжи чувства принадлежности к румынам – румынской идентичности. К этому следует добавить, что ежегодно Румыния выделяет для поступления в свои университеты от 5 до 10 тыс. бесплатных стипендий. Следует признать, что за многие годы эта целенаправленная деятельность принесла свои плоды: молодые молдаване в большинстве своём стали идентифицировать себя как румыны.

¹ Йоханнис хорошо – но меня не будет дома. // Молдавские ведомости. № 51 (1892) 14 июля 2015.

² Поезд «унири» пошёл. // Панорама, № 27 (644), 17 июля 2015.

³ Молдова должна присоединиться к Румынии. // Коммерсант Info, № 34 (1001), 28 ноября 2014.

⁴ Кто из молдавских депутатов выступил против румынского языка в Конституции. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/kto-iz-moldavskikh-deputatov-vystupil-protiv-rumynskogo-iazyka-v-konstitutsii> (дата обращения: 16.11.2017).

Конкретные действия и работа по румынизации сознания молдаван активно ведётся и в политико-государственной плоскости. Так, Конституционный суд Республики Молдова ещё четыре года назад на основе только Декларации о независимости, в противовес Конституции страны, принял решение о том, что официальный язык в Республике Молдова – румынский, а не молдавский. В текущем 2017 г. Конституционный суд в очередной раз согласился с рядом депутатов, которые настаивают на необходимости введения в высший закон (Конституцию РМ) синтагмы «румынский язык». В целом действия Конституционного суда Молдовы направлены главным образом на румынизацию страны и несут определённую опасность для государственности Молдовы.

При молчаливом согласии молдавских властей активизировались и унионистские партии в пропаганде идей объединения с Румынией. Одну из них в качестве почётного председателя и идейного вдохновителя возглавил бывший президент Румынии Троян Бэеску.

И если столетие русской революции в Молдове прошло как *несобытие*, то столетний юбилей оккупации Бессарабии Румынией готовятся отметить широко, как высочайшее историческое событие, значимость и символизм которого связывается с объединением «одного народа» в рамках великой Румынии.

Идёт целенаправленная работа по замене национальной идентичности молдавского народа через румынизацию национальной литературы и истории, тем самым подавляются основные источники национального вдохновения. А происходящая дискредитация социально-государственных функций развития национального искусства, значения традиций, ценностей народного творчества и фольклора подавляет самосознание и патриотизм молдавского народа. Усугубляет ситуацию и то, что в Молдове мала прослойка духовной и интеллектуальной элиты, составляющей соль и совесть нации, которая смогла бы направить свои усилия на то, чтобы сподвигнуть политическую элиту на служение своему народу, на развитие и защиту своей государственности, борьбу за внутренний мир человека. Причём стиль жизни и модель поведения национальной элиты произрастают из «фино-нанашенской» ментальности молдавского народа, формировавшейся на протяжении веков и поддерживаемой в народном сознании системой кумовских ценностей. Эти исторически сформированные ценности, образ мыслей и общественное сознание, современное воспитание молодёжи в системе либерально-криминального свободного предпринимательства и определяют поведение современных политиков, которые, вне зависимости от политической ориентации, в первую очередь проявляют заботу о своём благополучии и благополучии своего кумовского клана, оставляя народ один на один со своими проблемами.

Для того чтобы успешно пройти современный сложный период построения независимости, нужна мощная мобилизация народа, основанная на общей, мессианской по своей сути идее – построении *своей* государственности для блага и процветания *своего* народа. Трагедия молдавского народа состоит в том, что ни сто лет назад, в ту революционную эпоху потрясений, ни сегодня такой элиты не оказалось. Причём как тогда, так и сегодня никто не интересовался: каким видит своё будущее сам народ.

Поэтому в наши дни как никогда остаётся актуальной проблема сохранения независимости Молдовы. Она будет существовать до тех пор, пока у многонационального народа Молдовы не сформируется единая национальная патриотическая элита, способная принимать осознанные решения в пользу укрепления государственности и суверенитета Молдовы¹. До этой поры Республика Молдова будет оставаться государством с «отложенным статусом объединения с Румынией» или вовсе потеряет свою независимость.

¹ Сакович В. А. Национальная безопасность Республики Молдова в контексте современных процессов глобализации и интеграции: теория, методология, прикладной анализ. – Кишинёв, 2016, с. 214-215.

**Об особенностях процессов в национальных провинциях России
в условиях революционного кризиса 1917 - 1918 гг.
(на примере болгарских и гагаузских сел юга Бессарабии)**

Елизавета Квилинкова (Молдова)¹

Для того чтобы понять содержание и ход процессов, протекавших в условиях революционного кризиса 1917 – 1918 гг. в одном из регионов национальной провинции России – на юге Бессарабии, дадим краткую историческую справку.

Со второй половины XVIII в. из-за многочисленных русско-турецких войн население Северо-Восточной Болгарии (гагаузы и болгары) начало переселяться вначале в запрутскую Молдову, а потом и в Бессарабию. Участие России в судьбе христианского православного населения Балканского полуострова, а также её желание обеспечить себе в Бессарабии надёжную буферную зону стали основой политики российского правительства по поддержке и содействию переселению балканских гагаузов, болгар и др. Им на основании статуса иностранных колонистов были обещаны особые права. Для их поселения отводились земли на юге Бессарабии – в Буджаке, который был освобождён от ногайских татар. С начала XIX в. гагаузы и болгары начали массово переселяться на эти земли и основали многочисленные колонии. Впоследствии, при Александре I, особый правовой статус задунайских переселенцев был закреплён указом 1819 г., согласно которому поселенцы наделялись в вечное пользование значительными размерами земли (на каждую семью – по 60 дес.), льготами в налогообложении, освобождались от воинской повинности, а также получали самоуправление. Эти колонии находились в ведении Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России, который возглавлялся генералом И. Н. Инзовым.

Созданные на юге Бессарабской области (губернии) особые административно-территориальные единицы, заселённые преимущественно иностранными переселенцами из-за Дуная – болгарами, гагаузами и др. – просуществовали с 1819 по 1871 гг.². В этой части Бессарабии в сознании местного

¹ **Квилинкова Елизавета Николаевна**, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института культурного наследия Молдовы АН Молдовы.

² Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени. // Кишинёвские епархиальные ведомости, 1910, № 42, с. 1516.

населения (национальных меньшинств) продолжал сохраняться дух независимости и стремления к самоуправлению, чему способствовали иная этническая и языковая идентичности, а также рост самосознания.

Что касается революционных настроений среди задунайских переселенцев – бессарабских гагаузов и болгар, то они проявились ещё в 1905 – 1906 гг. Очевидно, что они являются отголоском на манифест царя Николая II (17 октября 1905 г.), в котором провозглашались гражданские свободы. Произошедшие в этот период в Буджаке (юг Бессарабии) так называемые аграрные брожения в определённой степени можно рассматривать как эхо революции 1905 г. Пиком волнений стало провозглашение (под руководством студента Галацана и части вернувшихся с Русско-японской войны солдат-гагаузов) в январе 1906 г. в Комрате – «столице» гагаузских поселений на юге Буджака – Комратской Республики, которая просуществовала всего пять дней. Восставшие выдвигали требования в русле принятых в тот период демократических и политических свобод: конфискация помещичьих земель и раздача их крестьянам, уничтожение долговых расписок, отмена всех налогов, прекращение мобилизации в царскую армию, ликвидация сословий, получение бесплатного образования и т. п.¹ Однако волнения в Комрате не вылились в решительные действия по захвату земли у крупных комратских землевладельцев – Цанко, Кыльчика и др. Ситуация свелась к вопросу перераспределения земли², причём не в контексте наделения ей малоземельных или безземельных крестьян (считавшихся таковыми). По сути, этот конфликт был вызван желанием сельской зажиточной верхушки произвести частичный передел бывших общинных земель, перешедших в руки крупных местных землевладельцев.

Более значимыми в этот период были волнения в некоторых наиболее развитых в социально-экономическом отношении сельских обществах, боровшихся за сохранение определённой автономии в сфере местного самоуправления. Стремление к самоуправлению, распространявшееся прежде всего на область религиозно-общественной жизни (одобрение мирским сходом сельского священника на приход и т. д.), исторически являлось составной частью не только традиционной организации их общества, но и сознания³. Конфликты, вызванные игнорированием интересов сельских сообществ в данной сфере, выливались в широкую кампанию по принятию сельчанами приговоров

¹ Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI вв.). – Кишинёв: Tip. Centrală, 2007, с. 343.

² Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков огузов..., с. 346-347.

³ Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. – Комрат-София: Tip. Centrală, 2013, 872 с.; Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времён). – Кишинёв: Tip. Centrală, 2016, 732 с.

об уменьшении платы на содержание причта и в требованиях (ходатайствах от имени всего села) о назначении в приход своего священника, то есть из своей этнической среды и т. д.¹ Справедливости ради заметим, что подобные конфликты, правда не получавшие такого накала, как в период Первой революции в России, случались и ранее².

Особое выражение и масштабность революционные настроения получили в период российской революции 1917 г. Прежде всего, следует отметить, что её влияние на население Бессарабии необходимо рассматривать в контексте особенностей социально-экономического развития данного региона. В связи с этим подчеркнём, что основные противоречия в ходе революционного периода были не между рабочими и буржуазией (которых практически не было) и не между бедными крестьянами и кулаками, а между крестьянством (которое в основной своей массе было довольно зажиточным), возглавляемым зарождавшейся сельской национальной интеллигенцией, и духовенством. И вопрос вовсе не сводится к тому, что население болгарских и гагаузских сёл юга Бессарабии было антирелигиозным. Наоборот, относительно периода конца XIX – начала XX вв. можно говорить о повышении у них религиозности³. Об этом свидетельствуют не только соблюдение ими религиозной обрядности и народно-религиозных праздников, систематическое посещение богослужений, почтительное отношение к духовенству в целом, огромные пожертвования, выделяемые на нужды местных храмов и на содержание причтов⁴, но и то, какое распространение получила среди простого населения традиция паломничества в Святую землю (Иерусалим) и на Афон⁵.

На юге Бессарабии революционные кризисы 1905 – 1906 гг. и 1917 – 1918 гг. имеют во многом схожую форму и содержание. Нерешённость социальных противоречий стала причиной того, что волнения 1917 – 1918 гг. в указанном регионе опять свелись к национальному вопросу – борьбе за местное самоуправление, главным образом в области религиозно-общественной жиз-

¹ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ), ф. 208, оп. 5, д. 2709 (1905 – 1907 гг.), л. 7.

² НАРМ, оп. 4, д. 2060 (1896 – 1901 гг.).

³ Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. – Кишинёв-Благовград: Tip. Centrală, 2012, 600 с.; Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. – Кишинёв: Tip. Centrală, 2014, 472 с.; Квилинкова Е. Н. Курбан у гагаузов (архаическая современность). – Кишинёв: Tip. Centrală, 2015, 488 с.

⁴ Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. – Кишинёв: Buziness-Elita, 2007, 840 с.; Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. – Комрат-София: Tip. Centrală, 2013, 872 с.; Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времён). – Кишинёв: Tip. Centrală, 2016, 732 с.

⁵ Квилинкова Е. Н. Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. – Кишинёв: Tip. Centrală, 2017, 424 с.

ни, одним из аспектов которого был акцент на усилении значимости и роли родного языка. Вместе с тем в этот период действия радикально настроенных сельских обществ были уже более решительными, а требования – более радикальными. На основании архивного материала можно говорить о том, что они приобрели национальную окраску. Не обошлось и без политических требований. В 1918 г. идея о самостоятельном политическом статусе «была оформлена в виде требования о создании Буджакской Республики (наряду с Молдавской Республикой) в составе Российской Федерации»¹.

Национальный вопрос в этой части Российской империи вылился в острую борьбу прихожан против иноязычных священников, назначавшихся епархиальным начальством в гагаузские и болгарские сёла, а также за удаление из приходов священников-землевладельцев, занимавшихся скупкой земли и сдачей её в аренду, ростовщичеством и т. д. Именно против этого социального слоя в первую очередь и были направлены действия создававшихся в революционный период земельных комитетов.

Февральская революция способствовала пробуждению национальных чувств у нерусских народов империи. Устремления к своим корням, к свободной национальной жизни охватили различные этнические сообщества Бессарабии. Для полноты картины в связи с национально-освободительным движением, занимавшим особое место в революционном процессе 1917 г., отметим, что в программе Молдавской национальной партии (МНП), образованной в том же году, 2 апреля, довольно чётко были изложены социальные и политические требования, направленные на защиту молдавского языка и предоставление Бессарабии широкой автономии. Лидеры партии выступали за церковную автономию и службу на молдавском языке.

Программа предусматривала создание молдавской автономии в составе Российской Федеративной Республики, органов краевого и местного самоуправления, в которых молдаване занимали бы ведущие позиции; обеспечение представительства Бессарабии в центральных российских органах этническими молдаванами; введение молдавского языка в школах, церкви, судах; формирование молдавских национальных частей, дислоцируемых на территории Бессарабии. Относительно требований по молдавскому языку, очевидно, имела место также заинтересованность молдавской этнической элиты добиться своего политического господства посредством придания ему, по сути, государственного статуса².

¹ Грек И. Ф. Бессарабия: факты истории и их фальсификация (исторический и политический анализ), ч. II, 2012. URL: <http://enews.md/articles/view/2449> (дата обращения: 16.11.2017).

² Скворцова А. Ю. Русское население Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.) // <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/russkoe-naselenie-bessarabii-v-mezhvoennyj-period.html> (дата обращения: 16.11.2017).

Таким образом, ответ на вопрос, почему в Бессарабии в 1917 – 1918 гг. революционные волнения свелись главным образом к попытке разрешения национального вопроса (а в Буджаке – и к борьбе с духовенством), заключается в следующем: во-первых, у народов этого региона шёл процесс роста этнического самосознания, важной составной частью которого была борьба за сохранение и развитие родного языка, а также за национальную автономию (в Буджаке – за местное самоуправление); во-вторых, в Бессарабии не было крупной промышленности и, соответственно, практически не было пролетариата, но зародилась национальная интеллигенция, видевшая свою задачу в утверждении и развитии собственной культуры, литературы и языка – именно она и стала главным мобилизующим фактором этого революционного периода; в-третьих, у гагаузов и болгар эти волнения вылились в противостояние и острый конфликт сельских обществ (во главе с сельской интеллигенцией) с приходскими священниками, а также с епархиальным начальством за право на самоуправление, в том числе за разрешение языкового вопроса в сфере церковной жизни. Однако эти решительные действия сельских обществ против разбогатевшего духовенства – экспроприацию у них излишков земли (в ряде приходов) в пользу запасных солдат – условно можно рассматривать как одно из проявлений классовой борьбы на юге Бессарабии, хотя, по сути, эти меры были не в состоянии разрешить назревший аграрный вопрос.

Произошедшие в 1917 г. значительные революционные перемены привели на юге Бессарабии к стремительному нарастанию политической активности в сельской среде. Чтобы почувствовать дух времени и понять содержание сложившихся в этот революционный период конфликтов, следствием которых стала мобилизация некоторых сельских обществ, приведём следующее свидетельство: после переворота в российском правительстве сельские общества получили право на основании вынесения мирского приговора удалять из прихода, а также выбирать и назначать в приход своего священника (как правило, выходца из их же этнической среды), на что сетовало иноязычное духовенство¹. Этим правом не преминули воспользоваться многие сельские общества. Однако для его реализации им приходилось бороться. И в этой борьбе, в которой ими нередко использовались довольно решительные методы, они всё же не всегда выигрывали.

Таким образом, конфликты по вопросу о назначении и удалении священников, которые не удалось разрешить сельским обществам в свою пользу в 1905 – 1906 гг., разгорелись в 1917 г. с новой силой. Так, благодаря объявленным демократическим свободам, в гагаузско-болгарском с. Кубей приходежане под руководством сельской интеллигенции уже на законных основаниях

¹ НАРМ. ф. 208. Оп. 3. д. 5485 (1918 г.). л. 1, 3.

потребовали удаления из прихода недобропорядочных священников и назначения в приход избранного ими священника. Как видно из архивных документов, 9 июля 1917 г. Кубейское сельское общество на основании мирского приговора возбудило ходатайство перед его преосвященством архиепископом Кишинёвским и Хотинским о переводе из их прихода обоих местных священников – настоятеля отца В. Скодигора и священника отца К. Важинского – в другие приходы. Общество было недоволено ими и предъявляло им многочисленные претензии, в частности: недостойное поведение, неудобный порядок служения, неуважение к народным традициям в поминальной обрядности, поборы при исполнении треб и т. д. Они просили назначить в приход священником Илью Чакира (гагауза по происхождению), который прежде служил там в должности церковно-приходского учителя (ныне священника с. Коржево Бендерского уезда)¹.

31 августа 1917 г. один из приходских священников – К. Важинский – по прошению был отчислен из этого прихода, и общество 24 сентября 1917 г. дало И. Чакиру приговор «о желании иметь его у себя священником». Однако тот факт, что епархиальное начальство затягивало вопрос об удалении из прихода второго священника, стал причиной более решительных действий со стороны общества. От доверенного Ф. Бошкова последовало заявление (от 29 октября 1917 г.), в котором он от имени сельского общества просил преосвященного Гавриила «сделать зависящее распоряжение о скорейшем выяснении вопроса о перемещении Скодигора (второго священника – *Е. К.*), во избежание каких-либо недоразумений, могущих произойти в виду враждебной настроенности прихожан к священнику»².

В пояснении настоятеля В. Скодигора (от 8 ноября 1917 г.), представленном благочинному 4-го округа Аккерманского уезда священнику Т. Белоданову, уточнялись некоторые моменты: «Главным побудительным мотивом к составлению настоящего приговора было сильное желание прихожан иметь у себя священником Илью Николаева Чакира. Такое желание они не раз высказывали, когда у одного из членов причта происходили какие-либо курьёзные события. Но так как до произошедшего переворота в правительстве и изменения правил о назначении священника на места, последнее (то есть назначение – *Е. К.*) всецело зависело от усмотрения епархиального архиерея, то и своё желание иметь у себя священником отца Чакира прихожане не могли выразить в такой официальной бумаге, как мирской приговор. Теперь же, с предоставлением обществам права выбирать себе священников по желанию, общество с. Кубей, следуя некрасивому и предосудительному примеру дру-

¹ НАРМ. ф. 208. Оп. 3. д. 5485 (1918 г.), л. 3, 5.

² НАРМ. ф. 208. Оп. 3. д. 5485, л. 3.

гих из близлежащих сёл обществ, и составило приговор о переводе меня и бывшего моего сослуживца из Кубея»¹.

Со своей стороны благочинный 4-го округа Аккерманского уезда Т. Белоданов, пытаясь выяснить глубину накала народных возмущений и отстоять интересы второго священника, отправил запрос сельскому обществу: «Поддерживает ли общее собрание приговор свой о смещении с прихода Кубей В. Скодигора после перемещения туда И. Чакира?» Как видно из документов, сельское общество было непреклонным и 9 декабря 1917 г. вновь поддержало утверждённый ранее приговор.

Ввиду накалявшейся обстановки, настоятель церкви с. Кубей Скодигор обратился к благочинному Т. Белоданову с заявлением (20 декабря 1917 г.) о том, что «оставаться на приходе с. Кубей уже долго мне нельзя, даже если бы дело имело для меня благоприятный исход». При этом он уточнил характер народного возмущения, что ему нельзя оставаться в приходе не по причине «враждебной настроенности прихожан (это истинная ложь), а по причине национальной нерасположенности ко мне как к не болгарину, что можно объяснить только настоящим большим временем и безвыходным и ненормальным положением на приходе священника, находящегося в настоящее время в полной зависимости от невежественного произвола его прихожан, этой ещё тёмной массы»². Из тона объяснения В. Скодигора видно, что с его стороны имело место полное пренебрежение и отсутствие уважения к пастве, что и было причиной требования сельского общества об удалении его из прихода.

В рапорте (от 5 января 1918 г.) на имя архиепископа Кишинёвского и Хотинского Анастасия благочинный Т. Белоданов так характеризовал сложившуюся в приходе обстановку: «Отношение прихожан к священнику Скодигору ненормально, и действительно, как и сам он пишет, оставаться ему на этом месте небезопасно и бесполезно, ибо о восстановлении теперь авторитета думать ему совсем не приходится». В ответ на это последовала резолюция архиепископа (22 января 1918 г.), которая гласила: «Если настоятель Скодигор сам признаёт, что оставаться ему на месте очень опасно, то предложить ему подыскать соответствующий приход»³.

Таким образом, требование общества с. Кубей о назначении в приход священника своей нации, борьба за которое велась с 1905 г. (на протяжении более 12 лет), епархиальное начальство вынуждено было в 1917 г. удовлетворить. Однако, несмотря на изменения в правилах об избрании священника,

¹ НАРМ, ф. 208, оп. 3, д. 5485 (1918 г.), л. 2.

² НАРМ, ф. 208. Оп. 3. д. 5485, л. 6.

³ Там же, л. 1.

так бывало далеко не всегда. Со своей стороны сельские общества нередко прибегали к революционным способам борьбы, отстаивая своё право на назначение в приход своего священника, на изменение жалованья причту, выплачиваемого сельским обществом, и т. д.

В 1917 г. одним из таких способов стало принятие сельскими обществами мирских приговоров, согласно которым они снимали с себя обязанность по содержанию причта – отказывались платить жалованье священникам, которые, как правило, были инонационального происхождения или слишком зажиточными. Если в 1905 – 1906 гг. аграрные брожения не вылились в революционные действия, то в 1917 г. имели место случаи экспроприации церковной земли (находившейся в пользовании причта) под предлогом того, что священники не обрабатывали её сами, а сдавали в аренду. Экспропрированная земля поступала в образованные земельные комитеты, которые распределяли её нуждающимся. В этой ситуации консистория начала действовать более решительно, используя довольно жёсткие меры. Одной из них было закрытие прихода, что болезненно воспринималось прихожанами.

Аналогичным образом – как в приходе с. Кубей, но со своими особенностями – протекали события в болгаро-гагаузском с. Ташбунар Измаильского уезда. В апреле 1906 г. Коммунальный совет принял постановление об уменьшении жалованья причту. Кроме того, приходского священника И. Хохора обвинили в принудительных сборах приношений¹. Итогом продолжавшихся довольно длительное время (в течение 11 лет) враждебных отношений между разбогатевшим священником из той же этнической среды и частью прихожан, стал самовольный захват Ташбунарским земельным комитетом церковной земли и требование об удалении священника из прихода (сентябрь 1917 г.). Оказавшись в столь отчаянном положении, И. Хохор написал прошение об освобождении его с 1 октября 1917 г. от должности приходского священника с. Ташбунар². Подписавшись в духе того времени – «жертва безумной революции священник Хохор», он рассчитывал привлечь к себе внимание и получить поддержку духовных и светских властей. Он надеялся, что его прошение попадёт к благочинному на рассмотрение, но архиерей не стал давать делу ход, а удовлетворил поданное И. Хохором прошение, и в результате приход остался без священника. 12 февраля 1918 г. И. Хохор написал второе прошение – оставить его в церкви с. Ташбунар священником или, по крайней мере, разрешить проживать на «церковной квартире» до 1 августа 1918 г. На основании принятого благочинным Белодановым постановления он получил разрешение временно продолжить исполнение обязанностей священника в приходе.

¹ НАРМ, ф. 208, оп. 5, д. 2864 (1906 г.), л. 18; д. 3014 (1906 – 1907 гг.).

² Там же, оп. 3, д. 5374 (1917 – 1918 гг.), л. 1.

В протоколах Благочинного совета 1-го округа Измаильского уезда (за 28 февраля 1918 г.) конкретнее вырисовывается обострившийся на юге Бессарабии конфликт: «Известно, что волна анархии, докатившаяся и до нашей Бессарабии, прежде всего, стала хлестать духовенство. Село Ташбунары, вернее Исполнительный комитет села, решило отобрать, как это делалось почти повсюду, у причта церковную землю, служащую почти единственным пропитанием, материальным подспорьем причту, так как получение причтом жалования от общества в сумме 700 руб. в год является просто насмешкой над трудом интеллигентного человека». После поданного И. Хохором первого прошения об увольнении из прихода священник с. Дермендере о. Василий Донос «безо всякого разрешения, не имея на то никакого уполномочия проводить службы», но, видимо, по приглашению местного общества начал служить в приходе церкви с. Ташбунар.

После того как в данную ситуацию вмешался благочинный, к нему явились члены Коммунального совета и «заявили голословное нежелание иметь у себя Хохора». В данной ситуации благочинный временно назначил к ним в приход священника Андрея Остапова (из прихода с. Ердек Бурно), который был иноязычным. Однако через несколько дней представители данного общества вновь пришли с мирским приговором о назначении в приход священника Василия Дноса. В результате разбирательства дела Благочинный совет постановил: 1) оставить И. Хохора в приходе до выяснения дела епархиальным начальством; 2) поставить в известность Ташбунарское коммунальное управление, что если оно своим упорством и незаконным вмешательством в церковные дела доведёт священника И. Хохора до отказа от прихода, то приход будет закрыт, и прихожане будут приписаны к соседнему селу, а ответственность за это падёт на Коммунальный совет¹.

Но на этом дело не было закрыто. В копии переписки от Ташбунарского сельского земского комитета, отправленной Измаильскому уездному комиссару, они доводили до его сведения, что Ташбунарский земельный комитет (организованный 23 июня 1917 г.), согласно полученным предписаниям и инструкциям, «взял всю землю на учёт от тех лиц, которые своею землею ежегодно спекулировали и этим повышали цены на землю, которую отдавали соседним гражданам, невзирая на крайнюю нужду местных граждан». Эти лица «до сих пор жили на крестьянских мозолях, но когда в России воскресла свобода, добытая кровью и миллионами жизней, то мы ясно видим в полученных предписаниях и циркулярах, что земля, которая не обрабатывается собственным трудом и инвентарём, вступает в учёт в земельный комитет, который отдаёт её нуждающимся солдатам». Оказалось, что по книгам комму-

¹ НАРМ, ф. 208, оп. 3, д. 5374 (1917 – 1918 гг.), л. 1.

ны «значится за ним самим лично (И. Хохором – Е. К.) записанным 122 дес. земли и 45 дес. церковной дачи... При взятии на учёт его земли присутствовал председатель Измаильского уездного земельного комитета господин Пугачёв, который предложил священнику Хохору, что если пожелает обрабатывать собственным трудом и инвентарём, то сколько может именно десятин. И. Хохор заявил, что может обработать 30 дес. земли, которые ему и оставлены. Ещё он самоправно арендовал 43 дес. земли. Таким образом, 49 дес. земли розданы солдатам». Что же касается содержания причта, то общество назначило ему 200 руб. в месяц¹.

Для разрешения ситуации, возникшей в с. Ташбунары («Дело об освобождении священника церкви села Ташбунар Измаильского уезда Иоанна Хохора от исполнения пастырских обязанностей по церкви»), епархиальное начальство прибегло к методу давления, стремясь предотвратить в других сёлах возникновение подобных конфликтов в будущем. В результате разбирательства оно оставило священника работать в том же приходе, несмотря на остроту конфликта.

Аналогичным образом происходили события в другом болгарском селе – Шикирли-Китай Измаильского уезда (март – апрель 1917 г.). В результате революционных настроений, охвативших население прихода, был принят мирской приговор, по которому общество отказалось платить жалование священнику, захватило церковную землю, удалило из прихода служившего там протоиерея Василия Агуру, а на его место назначило своего священника – Димитрия Димова. По решению епархиального начальства приход был закрыт, что должно было послужить уроком для других сельских обществ.

Из протокола заседания Благочинного совета 1-го округа Измаильского уезда следует, что 23 декабря 1917 г. был заслушан доклад благочинного Белоданова о положении дел с назначением священника в церковь с. Шикирли-Китай, «в которой уже 9 месяцев не проводятся богослужения»². Как можно видеть, использованная консисторией мера наказания оказала нужное воздействие на прихожан. Под давлением благочинного 14 ноября 1917 г. состоялся сход коммуны. Общество было вынуждено смириться и вынести «другой мирный договор», в котором указывалось назначаемое причту жалование, помимо установленных фиксированных плат с треб, но «без права пользования церковной землёй»³.

Благочинный Белоданов, обращаясь к Благочинному совету, констатировал, что «прихожане достаточно наказаны за грубое отрешение протоиерея

¹ НАРМ, ф. 208, оп. 3, д. 5374 (1917 – 1918 гг.), л. 1.

² НАРМ, ф. 208, оп. 3, д. 5454 (1918 г.), л. 2.

³ Там же, л. 4.

Василия Агуры от прихода». Обращая внимание совета на то, что «обострение в селе усиливается и может вылиться в неприятную для церкви и духовенства форму», он ходатайствовал о снятии с общества наказания и назначения в приход священника. При этом он подчеркнул, что прихожане, почувствовав великую нужду во священнике, исполнили все требования благочинного: уплатили жалованье и арендные деньги за захваченную церковную землю по 1 января 1918 г.; внесли все сборы с церкви за 1917 г.; отказались от претендента на их приход священника Дмитрия Димова (из местной среды), «способствовавшего разложению прихода», и дали приговор в пользу священника Старо-Троян С. Тишковского. В итоге Благочинный совет согласился с тем, что «больше оставлять приход с. Шикирли-Китай без священника нет смысла»¹. Таким образом, в результате острой борьбы общество с. Шикирли-Китай лишь частично удовлетворило свои требования: церковная земля поступила в пользование крестьян и уволенных в запас солдат, но в назначении в приход своего по этнической принадлежности священника – Дмитрия Димова – им было отказано.

Как можно судить по документам, революционные события нередко затрагивали и священников-гагаузов, служивших в бессарабских инонациональных приходах. Оказавшись в подобной ситуации, они просили перевести их в гагаузские приходы, от которых у них имелось одобрение от сельских обществ. Так, из прошения священника М. Грекова за 18 сентября 1918 г. следует, что с сентября 1917 г. «из-за большевиков он остался без прихода» (служил в Золокарах), поскольку «был изгнан оттуда вместе с семьёй, в которой было семеро душ детей». Ввиду того что в гагаузском с. Баурчи был открыт второй штат, он просил назначить его туда священником как гагауза по происхождению и говорящего их языке. Кроме того, он уточнял, что «прихожане просили меня перейти на этот приход»².

Таким образом, социальное напряжение на юге Бессарабии, выплеснувшееся в период революционного кризиса 1905 – 1906 гг., не было снято, что в значительной степени определило содержание социально-политических процессов в 1917 г. Характерной чертой этого периода стала борьба сельской интеллигенции против небольшой части сельской буржуазии – крупных землевладельцев, но главным образом – против разбогатевшего духовенства. Как в первый (1905 – 1906 гг.), так и во второй (1917 – 1918 гг.) периоды революционного кризиса местные общества выступали не против духовенства вообще, а против недобропорядочных священников (среди которых, судя по архивным документам, чаще фигурировали представители инонационального духовенства, нередко пренебрежительно относившиеся к инородцам). Важной со-

¹ Там же., л. 2.

² НАРМ, ф. 208, оп. 19, д. 595 (1918 г.), л. 1.

ставной частью этой борьбы было отстаивание права на назначение в приход священников своей нации, знавших язык прихожан, могших исповедовать их на родном языке и т. д. По сути, это была борьба за введение богослужения на родном языке, за право на развитие своего языка и культуры, за право на местное самоуправление в области общественно-религиозной жизни.

Следует отметить, что борьбу сельских обществ против недобропорядочного и разбогатевшего духовенства никоим образом нельзя рассматривать как атеизацию общества, снижение религиозности в сознании гагаузов и болгар. Об отношении гагаузов к священникам известный российский исследователь В. А. Мошков в начале XX в. писал: «Гагаузы убеждены, что отказать в чём-нибудь священнику, если он просит, грешно. Будучи крайне суеверными и глядя на поведение своего священника, они ищут в нём объяснения своих жизненных удач или неудач». В народе считалось, что священник плохого поведения навлекает на всё село разные несчастья – неурожаи, пожары и др. Поэтому они стремились сменить такого священника на добропорядочного. И тогда, как ему рассказывали местные жители с. Бешалма, испытавшие всё это на себе, «счастье повернулось в сторону села»¹.

О степени религиозности гагаузов и болгар свидетельствует также тот факт, что при закрытии (или угрозе закрытия) прихода сельское общество соглашалось на все условия епархиального начальства, в том числе и на назначаемого им инонационального священника, на увеличение причту жалованья и т. д., лишь бы только сохранить в селе действующую церковь. Неотъемлемой частью этого довольно бурного периода было стремление местных властей в лице сельской интеллигенции и мелкой буржуазии к перераспределению сфер влияния в общественной жизни села, к оттеснению на второй план религиозной власти. Многие священники, активно включившись в капиталистические отношения и быстро разбогатев, стали довольно крупными землевладельцами. Они скупали общественную землю, сдавали её в аренду, причём не своим сельчанам, а внешним арендаторам, что было выгоднее. Всё это актуализировало в сельской среде требование экспроприации у них излишков земли.

Социальное движение в этот период по ряду критериев можно охарактеризовать как борьбу национальных окраин за национальное возрождение и самоуправление. В результате сложившихся исторических условий классовая борьба на юге Бессарабии не приобрела особого размаха, поскольку в болгарских и гагаузских сёлах не было значительного конфликтного социального расслоения, а также не было пролетариата.

¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. Переизд. – Кишинёв, 2004, с. 223.

В заключение отметим, что происходившие в 1917 – начале 1918 гг. в этой части национальной провинции Российской империи революционные процессы были остановлены после присоединения Бессарабии к Румынии (1918 г.). По утверждению исследователей, «в политике по отношению к национальным меньшинствам всё очевиднее стал проявляться откат назад»¹. Принципиально различавшийся статус национальных меньшинств в царской России и в составе Румынии определяет современный выбор бессарабских болгар и гагаузов в пользу восточного (российского) вектора развития. Данный приоритет объясняется не только благодарностью этих народов России, но и свидетельствует о сохранении в их исторической памяти особого мнения на имевшие место события. Несомненно, мемуарные источники позволят дополнить исследование деталями, которые невозможно найти в прочих документах. Использование всего корпуса мемуаров открывает широкие возможности для микроисторического подхода к изучению тех или иных событий.

¹ Скворцова А. Ю. Русское население Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.) // <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/russkoe-naselenie-bessarabii-v-mezhvoennyj-period.html>

Чехословакия в период национальной и социальной революции (1918 - 1919 гг.): провинциальный аспект Словакии и Подкарпатской Руси

Марек Сирный (Словакия)¹

Территория современной Словакии (Словацкой Республики) до 1918 г. на протяжении почти тысячи лет входила в состав Королевства Венгрия. Несмотря на то что с 1526 г. Королевство Венгрия стало составной частью Австрийской империи Габсбургов, для Словакии венгерские реалии и политика всегда были более весомы, чем венские. Это особенно усилилось после дуализации монархии, когда растущее словацкое национальное движение на рубеже XIX и XX вв. было подвергнуто насильственной мадьяризации венгерской правящей элитой².

Словаков в Австро-Венгрии в 1910 г. насчитывалось около 2,1 млн человек, или примерно 3,8 % всего населения империи. Подавляющее большинство их жило в Транслейтании – венгерской части двуединой монархии, составляя примерно 10,7 % её населения. В Цислейтании – австрийской части – словаков никогда отдельно не считали, соединяя в одну группу с чехами. Восполняя убыль местного населения, после кровопролитных турецких войн XVII – XVIII вв. словаки довольно широко расселились компактными группами на землях близ Будапешта, в Южной Венгрии, в хорватской Славонии³.

Идея автономной (полностью самоуправляющейся) Словакии в многоэтнической империи Габсбургов или в Венгерском Королевстве, появилась в революционные 1848 – 1849 гг. Это был ответ на успешное венгерское национальное движение, одновременно направленное против немцев (австрийцев) и против других национальных идентичностей в австрийской Венгрии⁴. В период временной политической либерализации монархии в начале 60-х гг. XIX в. появились требования создания автономной так называемой словацкой среды.

Меморандум словацкого народа (*Memorandum slovenského naroda*) был принят 6 – 7 июня 1861 г. на собрании представителей от городов и деревень

¹ Сирный Марек (*Syrny Marek*), старший научный сотрудник Музея Словацкого национального восстания.

² Holec R. Úvahy k fenoménu maďarizácie pred rokom 1918. // Kľúčové otázky moderných slovenských dejín; ed. D. Kováč. – Bratislava, 2012, s. 87-88.

³ Голубинов Я. Схватка на развалинах империи. 04.11.2018. URL: <https://warspot.ru/13302-shvatka-na-razvalinah-imperii> (дата обращения: 15.05.2019).

⁴ Viator S. Racial problems in Hungary. – London, 1908, p. 210, 456-460.

Словакии в г. Турчански-Свети-Мартин. Составлен при участии виднейших представителей словацкого национального движения: Я. Франциши, Ш. Дакснера, В. Паулини-Тота, Й. М. Гурбана и др. Содержал требования автономии путём выделения из Венгерского королевства населённой словаками территории в особое «словацкое околие» с собственными органами управления, введения словацкого языка в административных учреждениях, школах и церкви, справедливого представительства словаков в венгерском сейме и предоставления обеспеченного законом права создавать национально-культурные, просветительские и др. организации, издавать газеты и журналы и т. д. После неудачной попытки добиться рассмотрения меморандума венгерским Государственным собранием словаки обратились с петицией непосредственно к императору Францу-Иосифу. На фоне ухудшавшихся австро-венгерских отношений невенгерским народам королевства были сделаны некоторые уступки. Так, словаки получили разрешение на открытие трёх словацких гимназий и основание Словацкой матицы как культурно-просветительного общества.

Торжественное открытие Матицы, созданной на добровольные пожертвования и взносы (весьма значительным был дар императора), состоялось 4 августа 1863 г. Это произошло в памятные дни празднования тысячелетия миссии Константина и Мефодия в Великой Моравии. Все усилия Матицы были направлены на пробуждение национального самосознания словаков. Матица была первой и единственной общенациональной организацией словаков, функционировавшей легально. Она всемерно поддерживала развитие словацкой культуры, литературы, искусства, науки.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, словаки в Верхней Венгрии (горные районы Северной Венгрии, т. е. Словакии) почувствовали активизацию правительственных усилий по культурной ассимиляции с титульной венгерской политической нацией – венграми. Это проявилось, например, в вытеснении словацкого языка, целенаправленном формировании провенгерского патриотизма, преследовании учителей, которые сопротивлялись мадьяризации¹. Это давление вызвало объединение изначально незначительных словацких политических групп², которые в основном создавали собственные национальные фракции в общевенгерских политических партиях (националисты, социалисты, либералы)³. Помимо провенгерской элитарной группы (дворянство, чиновники госслужбы и т. д.), здесь была небольшая группа интеллектуалов и мелкой буржуазии (результат экономико-предпринимательских реформ последних венгерских правительств), которая

¹ Deák L. Slovaks in the Hungarian Statistics. // History and Politics, ed. D. Kováč. – Bratislava, 1993, s. 93-95.

² Štátny archív Bratislava (SAB). F. Krajský súd v Bratislave I (1872 – 1954). Krabica 5. Národnostné poburovanie.

³ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. – Bratislava, 1998, s. 391.

пыталась привлечь внимание словацкого населения к сфере словацких национально-политических интересов¹. Большинство населения, которое по-прежнему составляли преимущественно бедные крестьяне, было политически пассивным², и политические споры словацких и венгерских националистов или венгерский государственный патриотизм их не интересовали. Приоритетным для народных масс был вопрос об их социально-экономическом положении в венгерском государстве.

Однако и социальные реалии изменились с началом Первой мировой войны (наиболее сильные изменения произошли после 1916 г.). В Словакии мобилизация охватила до 400 тыс. солдат³, это наибольшее число за всю словацкую историю (такого количества не было даже в годы Второй мировой войны), при этом до 70 тысяч человек погибли, а десятки тысяч остались калеками⁴. Углубление экономического кризиса и бесконечные поставки для фронта делали процесс соединения социальной фрустрации словацкого населения с протестами против национального гнёта со стороны венгерских властей только лишь вопросом времени⁵.

К выступлениям горожан с экономическими и социальными требованиями с начала 1918 г. добавились восстания солдат⁶. Наиболее известным было восстание словацких солдат Тренчянского полка против командного состава, расположенного в Крагуеваце, где шли постоянные бои и была наиболее сильна большевистская пропаганда и идеи народного национализма (простой словацкий солдат в сравнении с господским венгерским или австрийским офицером). Результатом этого восстания был расстрел 44 солдат полка⁷. Более крупные бунты солдат проходили в тылу. Увеличилось количество дезертиров на фронте (что усугублялось влиянием славянских идей и созданием чехословацких легионов), солдаты не возвращались из отпусков или оздоровительного отдыха и уходили из своих домов в местные леса, где образовывали вооружённые группы.

С лета 1918 г. происходит постепенное и неизбежное разрушение монархического государства. Благодаря действиям в эмиграции Томаша Гаррига Масарика и его Национального комитета Чехословакии (словаков представлял Милан Растислав Штефанек, среди американских русинов активизирова-

¹ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. – Bratislava, 1998, s. 383-386.

² Lipták E. Slovensko v 20. storočí. – Bratislava, 1998, s. 25-31.

³ Prvá svetová vojna 1914 – 1918; ed. D. Kováč. – Bratislava, 2008, s. 34.

⁴ Chorvát P. Slováci v rakúsko-uhorskej armáde počas prvej svetovej vojny. // *Vojenská osveta*, 2014, č. 2, s. 55.

⁵ Bibó I. Bieda východoeurópskych malých štátov. – Bratislava, 1996, s. 161-162.

⁶ Prvá svetová vojna 1914 – 1918, s. 252-255.

⁷ Hronský M. Štyridsaťštyri. // *Historická revue*, 1994, č. 4, s. 15-16.

лась группа Григория Жатковича¹), который лоббировал в руководстве стран Антанты создание чехословацкого государства, постепенно возростала внутренняя словацкая политическая активность.

Томаш Гарриг Масарик (чеш. Tomáš Garrigue Masaryk, 1850 – 1937) – чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, первый президент независимой Чехословакии (1918 – 1935). Начиная как распространитель листовок, потом стал одним из лидеров «Движения за независимость» – глубоко подпольной организации, которую в Вене именовали либо «чешской мафией», либо «разбойниками с большой дороги», хотя методы движения были ненасильственными, если не считать таковыми антиавстрийскую агитацию и сбор разведанных для Антанты. Став президентом, Масарик заручился широкой поддержкой чешской и словацкой интеллигенции. Его именовали «отцом независимости» и даже «президентом-освободителем». Масарик умер в сентябре 1937 г., немного не дожив до оккупации Чехословакии, ставшей крахом созданной им независимой республики².

Осенью 1918 г. Словацкий национальный совет уже публично заявлял о необходимости для Словакии отделиться от Венгрии в условиях распадавшейся Австро-Венгерской империи и присоединиться к создаваемой Чехословакии³. После капитуляции Австро-Венгрии новое либеральное венгерское правительство Каройи не смогло удержать Словакию в составе Венгрии – даже после того, как правительство приняло закон об автономии Словакии⁴.

Михай Адам Дьёрдь Миклош Каройи, граф Надькаройи (венг. Nagykarolyi gróf Mihály Adám György Miklós Károlyi, 1875 – 1955) – венгерский политик леволиберального толка, руководивший страной и пытавшийся создать демократический режим после распада Австро-Венгрии; был премьер-министром Венгрии в ноябре 1918 – январе 1919 гг. и первым президентом Венгрии в ноябре 1918 – мае 1919 гг.

Гораздо более сложная ситуация сложилась в Прикарпатье, где, помимо чехословацкой ориентации, обозначились как украинская (с поддержкой греко-католического духовенства), венгерская и российская ориентации, так и стремление к полной независимости. В конце концов из-за прагматических международных и социально-экономических перспектив возобладала идея автономного присоединения к чехословацкому государству⁵.

Словацкие политики, разочарованные нежеланием Будапешта в последние десятилетия пойти навстречу словакам в национальном вопросе, 30 октября 1918 г., через два дня после фактического провозглашения чехословацкого

¹ Shandor V. Podkarpatská Rus od vzniku Československa po sovětskou anexi. – Praha, 2013, s. 15.

² Дурново А. Орден Томаша Гаррига Масарика. // Дилетант, № 12, 2018, с. 62-63.

³ Veselý Z. Dějiny české zahraniční politiky. – Praha, 2013, s. 172-182.

⁴ Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. – Bratislava, 2009, s. 22.

⁵ Kárník Z. České země v éře první republiky. – Praha, 2000, s. 47-48.

государства в Праге, заявили об объединении своей судьбы с чехами в общем государстве¹. Это произошло несмотря на то, что словацко-венгерское сосуществование в Венгрии никогда не имело насильственных проявлений (в отличие от польско-украинского или даже венгерско-австрийского конфликтов), а в экономической сфере в последние десятилетия Словакия интенсивно индустриализовалась благодаря венгерским модернизационным законам. Но это не могло заменить словакам перспективы со-правительства в новом государстве с очень близкой по языку, экономически и социально развитой славянской нацией.

Однако переход от венгерской к новой чехословацкой власти и порядку был совсем не лёгким, ни с точки зрения внутренней безопасности, ни с точки зрения контроля и управления означенной территорией. С момента, когда стало ясно, что Австро-Венгрия проиграла войну, а старый административный аппарат будет заменён новым, влияние венгерских властных структур рухнуло. Однако новая чехословацкая власть и администрация ещё не сформировались. Они не имели полномочий и вооружённой силы для обеспечения власти².

Настал растянувшийся на несколько месяцев переходный период неопределённости, хаоса, путаницы и народной революции. В некоторых местах оставшиеся полицейские силы и провенгерские чиновники смогли удержать общественный порядок. В других местах, однако, происходили массовые захваты имущества и нападения на лиц, которые считались символами старой эпохи, социального или национального неравенства и т. п.

Четырёхлетнее тщетное ожидание простых людей, на плечах которых в основном и лежало бремя войны (мобилизация, гибель, поборы, кризисы снабжения), привело к взрыву и перешло в форму народных «налётов» на богатые поселения, усадьбы, особняки, магазины и дома более богатых людей, представителей бывшей элиты, администрации и т. д. Самой доступной целью этих нападений была собственность евреев, которые значительно отличались в социальном и культурном плане от остального населения.

Евреи занимали прочные экономические и социальные позиции, особенно в последние десятилетия монархии. Часто именно они были связаны с динамичной индустриализацией и развитием торговли, банковского дела и т. п. и, таким образом, относились к богатейшим группам. В религиозном аспекте они полностью отличались от христианских сельских жителей и использовали другой разговорный язык. В результате из-за стремления удер-

¹ Hronský M. Trianon. Vznik hraníc Slovenska a problémy jeho bezpečnosti. – Bratislava, 2011, s. 38.

² Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. – Bratislava, 2009, s. 26-27.

жаться в венгерской социальной элите и максимально слиться с господствующим государственным режимом, тогдашняя еврейская община была сильно подвержена мадьяризации или германизации. Еврейские предприниматели, торговцы и др., десятилетиями работавшие на то, чтобы стать полноценными и уважаемыми членами официальной венгерской политической нации, были, естественно, очень далеки от идей национально ориентированной словацкой интеллигенции и попадавшей под её влияние части словацкого крестьянства. Поэтому социальное и национальное недовольство во время краха старого режима и ещё не установившегося чехословацкого обрушилось в том числе и на евреев и на их собственность¹.

Массы людей, охваченных отсутствием контроля и наказания со стороны государственной власти, зачастую во главе с вооружёнными фронтовиками, солдатами, дезертирами и т. д., приступили к разграблению всего имущества, которое восставшие считали результатом социального или национального неравенства и эксплуатации. Помимо еврейской собственности, часто грабили усадьбы дворянства. Из замков и поместий, кроме продуктов питания, сельскохозяйственного инвентаря, домашнего скота и т. п., уносилось всё, что простые люди считали ценным. Многочисленные культурные ценности, мебель и прочее имущество, которое нельзя было увезти, обменять или быстро продать, считалось непрактичным и бесполезным и потому было уничтожено.

Эта волна народного социального негодования и революционного гнева, грабежа частной и общественной собственности для представителей нового чехословацкого государственного истеблишмента была настолько пугающей, что спустя несколько десятилетий, когда рождались планы свержения словацкого коллаборационистского режима во время Второй мировой войны, основное внимание уделялось необходимости поддержания общественного порядка во время переворота.

Беспорядки постепенно затихли вместе с переходом управления страной в руки новых чехословацких властей. Они сформировали свои органы безопасности (армия, жандармерия), которые смогли обеспечить защиту прав человека, включая неприкосновенность частной собственности. Однако труднее всего было обеспечить целостность и суверенитет своей государственной территории, авторитет новых государственных органов и общественной системы². Предыдущая многовековая общественная система с чётким социальным, экономическим, культурным, национальным и политическим ранжи-

¹ Jablonický J. Z ilegality do povstania. – Bratislava, 2009, s. 154.

² Sýrný M. Slovenské dejiny. 20. storočie. I. diel. – Banská Bystrica, 2016. – S. 53–56.

ванием социальных и национальных групп разрушилась. Революционный прорыв требовал создания новой системы.

Прежние австро-венгерские или германско-венгерские правительственные элиты оказались в положении низвергнутых слоёв, что привело к их социальной деградации. Вместо провенгерских или провенских чиновников, учителей, государственных служащих и т. д. приходили представители новой чехословацкой власти, ранее оппозиционно настроенные к австро-венгерскому режиму. Они были другими не только национально или политически, но и социально. Австрийских/немецких или венгерских представителей знати и высших государственных чиновников, преданных монархии, заменяла чешская, словацкая или русинская интеллигенция, мелкие предприниматели и т. д., которые были республиканцами и демократами.

Вполне естественно, что против формировавшейся новой славянской народной республики выступили оппозиционные группы. Относительно слабыми были группы дворянства, высоких должностных лиц и старой провенгерской элиты. Однако огромная волна сопротивления сформировалась на национальной почве. Например, прибытие уполномоченного Прагой правительства Словакии в Братиславу сопровождалось большой забастовкой и манифестациями венгерских и немецких жителей города¹.

Так же как чешские, словацкие или русинские этносы декларировали естественное право на собственное государство, в этот переходный социальный и национальный революционный период немцы и венгры, жившие на новой чехословацкой территории, добивались своих национально-политических прав. Вместе они составляли почти треть населения Словакии, Подкарпатской Руси и чешских земель. Как и прочехословацкие силы, они формировали свои национальные комитеты, которые представляли собой переходную революционную власть на местном уровне. И точно так же, как чешские, словацкие или русинские национальные комитеты поддерживали Чехословакию, так немецкие комитеты (из чешских пограничных регионов) поддержали проект немецкой Австрии, а венгерские пытались присоединить контролируемую территорию к Венгрии.

Нестабильная ситуация в Венгрии привела к падению либеральных проантантовских правительств. К власти пришли венгерские большевики. Для утверждения социалистической революции они использовали привлекательную идею восстановления Великой Венгрии. Свою минимальную задачу они видели в объединении всех венгров в Карпатском бассейне и освобождении от иностранного господства. В мае и июне 1919 г. венгерская Красная армия

¹ Hronský M. Trianon. Vznik hraníc Slovenska a problémy jeho bezpečnosti. – Bratislava, 2011, s. 197-198.

завоевала значительную часть Восточной и Южной Словакии. В городе Прешове была провозглашена Словацкая Советская Республика – сателлитное государство Венгерской Советской Республики, возглавляемой Б. Куном.

Бела Кун (венг. Kún Béla, 1886 – 1938) – деятель венгерского и международного коммунистического движения, журналист. В марте 1919 г. провозгласил Венгерскую Советскую Республику, просуществовавшую в итоге 133 дня. В ноябре 1920 г., после установления в Крыму советской власти, был назначен председателем Крымского ревкома.

Республика, помимо советизации системы управления страной, также заявила о стремлении к тесному сотрудничеству с Будапештом¹. Опасность потери значительной части Словакии или её большевизации была предотвращена угрозой вмешательства стран Антанты в дела Венгрии. Венгерская Красная армия начала отступать из словацкой части Чехословакии и была в конечном итоге вытеснена чехословацкой армией². В Венгрии ей пришлось столкнуться с наступлением контрреволюционной армии адмирала М. Хорти.

Миклош Хорти (венг. vitéz Nagybánai Horthy Miklós, нем. Nikolaus von Horthy und Nagybanau, 1868 – 1957) – правитель (регент) Венгерского Королевства в 1920 – 1944 гг., адмирал. В 1918 г. с помощью германских подлодок и австро-венгерских войск жестоко подавил антивоенное восстание матросов военно-морской базы австро-венгерского флота в Которе (Каттаро, Далмация). В 1919 г. военный министр венгерского контрреволюционного правительства в Сёгеде, а затем главнокомандующий национальной армии, которая по требованию государств Антанты была направлена против Венгерской Советской Республики (ВСР). После падения ВСР был избран в парламент и провозглашён регентом (с 1920 г.).

Только после этого периода бурных потрясений и борьбы за чехословацкий характер послевоенной Словакии и Подкарпатской Руси социально-национальная революция протекала под руководством пражских чехословацких органов.

По сравнению с ситуацией в венгерской части монархии до 1918 г. новое республиканское чехословацкое законодательство и структура государственной власти были поистине революционным преобразованием³.

По сравнению с венгерским избирательным правом, где численность голосящего взрослого населения возросла с 5 примерно до 30 процентов, в Че-

¹ Hronský M. Trianon. Vznik hraníc Slovenska a problémy jeho bezpečnosti. – Bratislava, 2011, s. 225-230.

² Veselý Z. Dějiny české zahraniční politiky. – Praha, 2013, s. 207-208.

³ Bartoš J., Trapl M. Československo 1918 – 1938: fakta, materiály, realie. – Olomouc, 1994, s. 15-24.

хословакии правом голоса пользовалось всё взрослое население, в том числе и женщины.

Был принят новый закон о земельной реформе, который перераспределял в пользу мелких и средних крестьян крупную земельную собственность, в основном принадлежавшую ранее венгерской знати. По своему масштабу – по сравнению с республиканской Венгрией или Балканами – это была радикальная земельная реформа, лишившая социальной базы основных противников республиканской Чехословакии. Постепенно были приняты прогрессивные социальные законопроекты и реформы в области образования (создалась невообразимая в венгерских условиях широкая национальная система образования), возникли различные виды профессиональных страховых обществ, появились пособия по безработице и т. п., ослабло влияние церкви на государство и т. д.

Из западно-чешских регионов страны постепенно на восток республики шёл совершенно новый порыв общественной жизни. Общая модернизация публичной жизни и рост участия масс в культурной и общественной деятельности сопровождалась строительством гражданского общества, которое со своими демократическими стандартами постепенно стало островной спецификой во всей Центральной Европе. Но это уже другая история Чехословакии, т. е. Словакии и Подкарпатской Руси, не та, которую мы исследовали – в короткий послевоенный революционный период 1918 – 1919 гг.

ГЛАВА 4. ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ

Поколенческое восприятие исторических событий, общая память и социальная биография. Авторы ищут ответы на вопросы, как отображаются личностные свойства героя, какова роль контекста в биографическом исследовании и т. д. Социальная мифология революции, трансформация сакральных семейных рассказов о роли революции, парадный жанр рассказа об участии в революции, провинциальный фольклор – всё это темы, привлекающие внимание исследователей.

Трансформация образа монархии в общественном сознании русского обывателя в условиях революционного времени

Елена Горбунова (Россия)¹

Общепризнанно в социологии и социальной психологии, что в авторитарной системе особо важен престиж власти. Идея монархизма являлась неотъемлемой частью русской ментальности. Один из лидеров народно-монархического движения русской эмиграции историк И. Л. Солоневич отмечал:

«Решающим фактором всякого государственного строительства является психология, дух народостроителя... Русскую психологию характеризует глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт»².

Он-то и способствовал, по мысли Солоневича, становлению российской монархии. На большую роль общественной психологии в поддержании стабильности монархии указывал также русский религиозный философ И. А. Ильин: «Настоящая монархия осуществима только в порядке внутреннего душевно-духовного делания»³. Он отмечал, что составной частью монархического правосознания является доверие к главе государства, к его намерениям: «Там, где это доверие колеблется, там слабеют незримые, но самые проч-

¹ Горбунова Елена Анатольевна, заведующая экспозиционным отделом Ленинского мемориала (Ульяновск).

² Солоневич И. Л. Народная монархия. – М.: Институт русской цивилизации, 2010, с. 33-34.

³ Ильин И. А. О монархии и республике. // Вопросы философии, 1991, № 5, с. 104.

ные нити, скрепляющие монархическое государство»¹. Доверие же к Николаю II было подорвано. И именно к периоду Первой русской революции фактически относится начало трансформации монархического идеала в общественном сознании.

Одним из ярких источников, анализируя которые можно проследить процесс постепенной девальвации в массовом сознании образа монархии, являются сатирические издания 1905 – 1907 гг., а также 1917 г. В 1905 г. начинает усиленно развиваться периодическая печать всех политических направлений, в том числе журналы политической сатиры как разновидность отраслевой журналистики, поскольку в этот период политическая агитация приобретает исключительно важную роль. Усилившаяся в ходе революции резкая критика самодержавия и действий правительства на страницах оппозиционно настроенной прессы активно способствовала формированию новых идеологических, культурных, поведенческих образцов в представлении широких слоёв населения страны, а также новой общественной психологии. И острая политическая сатира легальных журналов сатирико-юмористического направления играла в этом важную роль, с помощью художественных образов разрушая в обыденном сознании социально-исторические мифы, стереотипы и клише предыдущего периода, создавая в то же время новые, вселяя веру в то, что идеалы революции должны принести осязаемые результаты.

Социальная психология оперирует такими признаками общественного настроения, как подвижность и заразительность. И надо заметить, что пресса, в том числе сатирическая, имевшая огромную аудиторию читателей, готовила существенный сдвиг внушаемости, поскольку он зависит от увеличения числа людей в группе и от возрастания, таким образом, возможности психологической индукции.

В сатирической журналистике нашли отражение настроения российского общества, уже подготовленного на страницах периодики к восприятию нападок на власть самим ходом событий. В условиях политической дестабилизации в стране в канун 1905 г., и уж тем более в ходе начавшейся революции, активизировались радикальные настроения практически среди всех слоёв общества, и обыватель, в массе своей ещё не участвуя в открытой революционной борьбе, проявлял к ней в той или иной степени интерес и сочувствие. Выход своему политическому протесту он находил в чтении оппозиционных изданий, ощущая своё пусть опосредованное, но соучастие в остракизме властей.

В социальной психологии известна закономерность инерции первого впечатления, а первым впечатлением о Николае II была Ходынская катастрофа. Царь среди значительной части российских обывателей считался ответственным

¹ Ильин И. А. О монархии и республике. // Вопросы философии, 1991, № 5, с. 95.

ным и за Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. Именно с этого дня начинается достаточно чётко прослеживаться изменение образа императора и его семьи в общественном сознании. Показателем пошатнувшегося авторитета Николая II в глазах обывателя могут служить многочисленные карикатуры и шутки в адрес царя. В сатирических журналах конца 1905 г. появился целый ряд образов-символов, в которых читатель того времени легко угадывал императора: это довольно часто используемый в различных изданиях образ «шишки» (намёк на реальный инцидент, когда царь, будучи наследником, инкогнито путешествуя по Японии, получил от городского палкой по голове – как напоминание об этом случае у него на всю жизнь осталась шишка). Он пошёл в народ с лёгкой руки С. В. Чехонина, изобразившего в № 21 «Зрителя» «мамашу» (С. Ю. Витте) и мальчика, который «пальчик сосал, людей кусал»¹. Таков был и «орёл-оборотень», запечатлённый на карикатуре З. И. Гржебина, помещённой в журнале «Жупел»: на рисунке изображён двуглавый орёл с маленькой головой, пышным оперением и огромными хищными когтями, однако если рисунок перевернуть, то перед зрителем предстаёт стоящий к нему спиной царь в пышной горностаевой мантии, которая едва прикрывает спину, когти превращаются в эполеты на его плечах, а хвост – в корону, составленную из штыков; в центре фигуры, в кружке – надпись «Конституция», а под самим рисунком – другая: «Орёл-оборотень, или Политика внешняя и внутренняя»². В журнале «Бурелом» был помещён довольно реалистичный и одновременно символический рисунок Г. П. Эрастова «Зачитался», на котором изображён Николай II, сидящий в кресле в комнате, на стене которой висит портрет его отца – Александра III, за окном видно, как казаки разгоняют демонстрацию, ножки кресла, в котором сидит царь, подтачивают крысы, а сам император, ничего не замечая, читает «Правительственный вестник»³.

Достаточно ядовиты были текстовые материалы, направленные против Николая II. Так, например, в «Жупеле» была дана следующая характеристика царя: «Это был самый популярный и самый непопулярный человек во всей империи. Популярный – если считать по бездне остроумных на него памфлетов и карикатур, раскупавшихся нарасхват. Непопулярный – по силе власти. Это был самый первый и самый последний человек в государстве. О нём кричали газетчики, о нём кричали карикатуристы из витрин всех магазинов. Художники высмеивали его в рисунках, поэты – в стихах, писатели – в прозе, народ – везде... Он грозил – над ним хохотали. Он посылал репрессии – над ним издевались. Он в бессильном порыве уничтожить своих врагов сжимал свои беспомощные кулачишки – и в тот же день эти последние судороги умирающего ре-

¹ Зритель, СПб., 1905, № 21, с. 4-5.

² Жупел, СПб., 1905, № 1, с. 8.

³ Бурелом, СПб., 1905, № 1, с. 1.

жима передавались в карикатурах во все концы. Он смеялся над свободой – свобода смеялась над ним»¹.

Часто насмешки в адрес Николая II были завуалированы под вполне невинные диалоги, стихотворения, заметки, однако подготовленный массовый читатель легко угадывал в них намёки на императора. Так, в «Зрителе» был помещён диалог «В музыкальном магазине»:

– Есть у вас граммофоны фирмы «Монарх»?

– Извините, «Монарха» не имеем.

– А почему же?

– Сильно хрипят и очень непрочны... Самая плохая фирма².

Довольно прозрачный намёк на царя содержался и в таком четверостишии:

Однажды на митинге собрались лягушки.
«Нам, – квакали, – жить невозможно!
Долой из пруда кровопийцу-колюшку,
Что колет нас всех так безбожно»³.

Сатирические издания пытались отразить взгляды Николая II по важнейшим вопросам. Так, в журнале «Дятел» появились такие заметки, как «В облачных сферах»:

– Нужна ли крестьянам земля-ника?

– Порка им нужна, а не земляника, как я слышал от дяди дурного.

Или «Эхо»:

– Кого радует погром?

– Ром...⁴

В первом случае речь шла о земельном вопросе и ответе тогдашнего министра внутренних дел П. Н. Дурново. Ответ на второй вопрос был очевиднее: погромы радуют Романовых.

В сатирических журналах неоднократно обращалось внимание и на образ жизни Николая II. Так, в «Зрителе» была помещена заметка «Поучение детям», в которой мальчик Ванечка завидует мальчику Коленьке, который «даже на зиму в город не показывается, с дачи на дачу, знай, переезжает да за собой всякую скотину, весь двор таскает». Рассказ заканчивается словами: «Говорят, что Ванечка, когда подрос, поумнел и перестал Коленьке завидовать. Дети, не завидуйте и вы»⁵. А журнал «Спрут» объяснил почему:

¹ Жупел, СПб., 1905, № 1, с. 4.

² Зритель, СПб., 1905, № 24, с. 6.

³ Там же, с. 8.

⁴ Дятел, СПб., 1905, № 1, с. 4.

⁵ Зритель, СПб., 1905, № 24, с. 6.

Новые идеи
Властвуют толпой.
Старые злодеи
Спят в земле сырой.

Все убрались к Богу,
Побросав посты.
Погоди немного –
Полетишь и ты¹.

Надо заметить, что, хотя практически ни в одном материале не называется полностью имя императора, массовый читатель того времени безошибочно определял, о ком идёт речь. Само появление царя в качестве объекта насмешек в сатирических изданиях, пользовавшихся огромной популярностью, является показателем постепенной трансформации монархического идеала в общественном сознании. С одной стороны, сатирики сами способствовали подрыву авторитета Николая II, помещая на страницах легальных журналов материалы, посвящённые царю и формируя тем самым его негативный образ в глазах обывателя. С другой – публикуемые в органах политической сатиры рисунки и текстовые сообщения часто имели под собой реальное основание и отражали настроение большей части российского общества в период подъёма революции. Их появление свидетельствовало о том, что времена, когда особа государя-императора оставалась вне критики, ушли в прошлое.

В течение 1906 – 1907 гг. волна образцов смеховой культуры заметно идёт на спад, сопровождаясь, правда, небольшими приливами. Несмотря на резкое ужесточение цензуры в период отступления революции, в сатирических изданиях всё же продолжают появляться материалы, высмеивающие «священную особу государя-императора». Правда, сатирики всё чаще обращались к сказочным персонажам – царям Додону, Гороху, писали о турецком султани или персидском шаху, в которых довольно легко узнавались черты царя, также активно использовали его отличительные физиономические черты или особые приметы вроде пресловутой шишки на лбу. Например, в журнале «Маски» появилась карикатура «Нечто фантастическое, или Чёрная сотня, провожающая еловую шишку, которая садится на корабль для плавания по морю внутренних волнений». На ней изображены представители высшей бюрократии, провожающие шествующую по расстеленной ковровой дорожке к парусному судну огромную шишку. Для рядового обывателя, как и раньше, не требовалось пояснений, что речь идёт о «возлюбленном монархе»². В том же издании была напечатана карикатура С. В. Чехонина «Червонный туз, или

¹ Спрут, СПб., 1905, № 1, с. 3.

² Маски, СПб., 1906, № 6, с. 1.

Пылающее сердце», изображающая чёрного мальчика с пылающим сердцем вместо головы (при этом сердцу приданы черты лица императора) и в мантии, покрывающей значительную часть земного шара. В данном случае это было графическое обыгрывание фразеологии официоза и газет того времени, для которых общим стало упоминание о «переполненном кровью от скорби сердце царя»¹.

Более чем выразительна карикатура на Николая II «Осёл в 1/20 натуральной величины», выполненная И. Я. Билибиным. Она представляла собой пышно декорированную рамку в геральдическом стиле, в которой обычно помещался парадный портрет императора, тиражированный в сотнях тысяч экземпляров по всей России. Но в центре этой рамки в солнечных лучах красовалось изображение осла².

Материалы, направленные против царя, появлялись в этот период и в провинциальных сатирических изданиях, что свидетельствовало о том, что доверие к нему постепенно таяло не только в среде столичных обывателей, где процессы изменения общественного сознания протекали всегда более интенсивно, но и далеко за пределами столиц. Так, в казанском журнале «Застенок» был опубликован рисунок, изображающий Николая II, который внимательно слушает склонившуюся к нему и что-то шепчущую на ухо монарху Смерть³. А в киевском журнале «Рассвет», который так и не увидел свет (сохранились лишь отдельные страницы) были помещены две карикатуры: «Царская забава», изображающая Николая II и Дурново, жонглирующих человеческими головами, и «Умирующий чёрт», где император изображён в виде надувной резиновой куклы, крепко сжимающей в кулаке нагайку⁴.

Осмеянию подвергались и члены царской семьи. С лёгкой руки сатирического журнала «Дятел» императрица Александра Фёдоровна, получившая прозвище «Гессенской мухи», в петербургском издании «Жупел» была изображена огромной зелёной гидрой, заботливо ведущей тщедушного царя по океану крови и человеческих костей. Подпись под карикатурой гласила: «Крепись! Ещё один последний шаг»⁵. А журнал «Злой дух» поместил карикатуру, на которой перед зрителем представала роскошно одетая царица, украшенная, как рождественская ёлка, драгоценностями. Под рисунком был

¹ Маски, СПб., 1906, № 1, с. 1.

² Жупел, СПб., 1906, № 3, с. 5.

³ Застенок, Казань, 1906, № 2, с. 1.

⁴ См.: Демченко Е. П. Политическая графика Киева времени революции 1905 – 1907 гг. – Дисс. канд. искусствоведения, М., 1972, с. 169.

⁵ Жупел, СПб., 1906, № 3, с. 7.

напечатан текст следующего содержания: «Заново отремонтированная эскадра нашего флота. Чинилась во французских доках. Все заклёпки новые»¹.

Как видим, прежнее религиозное, сакральное, воспитанное веками отношение к царю-батюшке осталось далеко позади. Монарх начинает восприниматься в общественном сознании как обычный человек, который может и должен подвергаться критике как глава государства, проводящий внутривнутриполитический курс, идущий вразрез с устремлениями большей части населения страны. И сатирические издания, оппозиционные самодержавному режиму, играли далеко не последнюю роль в постепенном развенчании монархической идеи. Однако самодержавие в первую очередь само демонстрировало неспособность на своевременные и насущные реформы, при этом весьма убедительно показывая своё предпочтение силовой политике в отношении населения собственной страны. Императорская власть, персонифицированная в Николае II, проявляла самоубийственное своеволие и крайний субъективизм.

В межреволюционный период об острой политической сатире говорить не приходится. Сатирические издания, сохранившиеся после поражения революции 1905 – 1907 гг. и возникшие позднее, в условиях многочисленных репрессивных мер судебных и полицейских властей против печати, сконцентрировали внимание по большей части на семейно-обывательских проблемах. И тем не менее в этот период, особенно накануне февральских событий 1917 г., можно говорить о таком проявлении массовой инверсии, как продолжающаяся девальвация в массовом сознании монархической идеи. Свидетельством этому может служить то, что уже в первые дни революции сатирические издания с новой силой включают в обличение «господ Обмановых», олицетворявших в общественном сознании монархическую форму правления.

В массовом общественном сознании революция представлялась в качестве закономерной реакции на политику царизма. С этой логикой в общественном сознании российского обывателя связывались такие характеристики распада царизма, как «продажность», «распутинщина», «национальное предательство», «немецкое засилье», «порядку не было никакого, жить становилось из рук вон плохо». Появляются многочисленные материалы на тему глупости и бездарности царя и его окружения. Так, в журнале «Стрекоза» появилось стихотворение:

Смеются над тобой до колик,
Царь – вешатель, кретин и алкоголик!²

¹ Злой дух, СПб., 1906, № 1, с. 1.

² Стрекоза, СПб., 1917, № 19, с. 3.

Ему вторил журнал «Всемирный юмор»:

Николаша-дурачок,
Без характера,
Нелюдимка, чудачок,
Слабоумный¹.

При этом никого не заботило, насколько соответствует истине карикатурный образ бывшего императора. Подвергался осмеянию и образ жизни царской семьи:

Праздно, весело в столице
Николай живёт с царицей.
Есть у них уж и приплод:
Сын-наследничек растёт.
(Говорят, не от царя,
И, должно, не мелют зря).
Кроме сына, есть и дочери,
Что лазоревы цветочки,
А всего-то пять ребят,
По-немецки все пищат².

Сатирики вспоминали «важнейшие этапы царствования этого гениального монарха: Ходынка, Порт-Артур, 9 января и др. По собственному признанию, любит цветочки, хотя вместо цветочков любит срывать головы своих верноподданных. В отличие от обыкновенных людей, ушиблен не мамкой, когда был маленьким, а японцем в Оцу, когда уже вырос. Это сказалось. Молчалив не без основания»³.

Однако на первый план в сатирической прессе вышла ответственность царя за поражения в текущей войне. Царя, и особенно царицу, прямо обвиняли в предательстве национальных интересов. В «Новом Сатириконе», например, появился шаржированный портрет Александры Фёдоровны с подписью: «Алиса Гессенская (псевдоним – Александра Романова). Много сделала для войны и победы своего народа. Известна как рукодельница, вышивавшая рубашки Григорию Распутину. Стоит вам только взглянуть на это доброе, мягкое, милое, чисто русское лицо, как ваше сердце наполнится симпатией к ней. По-русски говорит бегло только одно слово: hoch»⁴. Или сходные обвинения в журнале «Стрекоза», где было опубликовано стихотворение «Алиса»:

Благочестивая жена

¹ Всемирный юмор, СПб., 1917, № 16, с. 7.

² Сеятель, СПб., 1917, № 3, с. 4.

³ Новый Сатирикон, СПб., 1917, № 12, с. 9.

⁴ Там же, с. 6.

Душою немцам предана.
А для интрижки
Служила Гришке¹.

Помимо фигур царя Николая, его жены, фрейлины «Вырубихи» и других фигур недавнего прошлого, самодержавие персонифицировалось в образе Григория Распутина. В первом номере журнала «Пулемёт», вышедшем после долгого перерыва в начале марта 1917 г., на обложке появилась карикатура, изображающая Распутина, держащего в руке фигурку Николая II. Подпись под карикатурой гласит: «Я свергнул его раньше, чем вы!»² В том же «Пулемёте» была опубликована карикатура «Как цари учились царствовать», под которой разместили подпись: «Во время царствования Николая II в Царском селе разные общеплезные старцы посещали его, и осматривал он их по части различных искусств. Однажды увидел он старца Григория и качество сего великого столпника – произведение, достойное своего предмета. Император с пламенным восторгом обнял старца и, остановясь подле него, сказал с сильным чувством: “Великий старче, радуюсь, что дожил ты до сего моего времени. Я отдал бы тебе августейшую мою половину для того, чтобы научиться управлять государством”»³.

Насмехаясь над царской семьёй, журналисты недоумевали: «Около двух десятков лет правила нами, умными, свободными людьми, эта мешанская скучная чета... Кто допустил? И все молчали, терпели и даже распевали иногда во всё горло “Боже, царя храни”. Кто допустил это безобразие и всероссийскую насмешку над нами?»⁴

Тема свержения монархии становится одной из самых актуальных в сатирической прессе. В журнале «Бич» появилась карикатура, изображающая царя рядом с тронном, на котором лежит шапка Мономаха – тронном, окружённом штыками. Подпись под рисунком гласит: «А посему признали мы за благо отречься от престола государства российского»⁵. А в «Пулемёте» была опубликована карикатура, на которой представлена процессия придворных, возглавляемая царём с узелком, привязанным к зонтику. Подпись: «Уйдёмте, дети, из отечества!»⁶ Интересна карикатура А. Радакова «Конец древа Романовых», объясняющая с точки зрения обывателя причины падения монархии: на рисунке Николай II сокрушённо наблюдает, как рушится вековое генеалогическое древо Романовых под тяжестью повешенных, развешанных на всех ветвях дерева. Под рисунком надпись: «Александр III: “Эх, Коля, Коля! Брал

¹ Стрекоза, СПб., 1917, № 14, с. 10.

² Пулемёт, СПб., 1917, № 6, с. 1.

³ Там же, 1917, № 7, с. 6.

⁴ Новый Сатирик, СПб., 1917, № 12, с. 3.

⁵ Бич, СПб., 1917, № 10-11, с. 4.

⁶ Пулемёт, СПб., 1917, № 6, с. 5.

бы ты с меня пример: я понемногу вешал, а ты вот навесил сразу, дерево и не выдержало”»¹.

Настроения российского обывателя по поводу свержения монархии выразил Аркадий Аверченко в «Новом Сатириконе». Поводом для рассказа сатирика послужило газетное сообщение о том, что царь в заточении пишет воспоминания. Аверченко, решив «помочь» бывшему императору, описывает первые дни Февральской революции. По его словам, после отречения Николая II «народ и армия, конечно, впали в уныние: в знак траура надели красные повязки и играли похоронный марш “Марсельезу”»².

Нашло отражение в сатирической прессе и отношение российского обывателя к отречению Михаила Романова. Журнал «Пулемёт» откликнулся на это событие карикатурой «Памятник Михаилу Романову», под которой размещена подпись: «Благодарное потомство обязано увековечить памятником Михаила Романова... Ибо из всех царей дома Романовых только Михаил Александрович неожиданно облагодетельствовал свой народ отречься от престола... На проекте... Михаил Романов представлен в позе человека, гадливо отталкивающего от себя корону, которую ему подаёт коленапреклонённый Миллюков»³.

Сами сатирики назвали причины послефевральских настроений российского обывателя: «Мы все знаем, что такое доподлинный обыватель. Он и против самодержавия-то был потому, что уж очень был беспокойный образ правления, при котором обыватель не был гарантирован ни от кутузки, ни от голодовки. Он и 27 февраля обрадовался, ибо уверовал, что революция, чудесным образом избавившая Россию от Николая, таким же чудесным образом даст ему, обывателю, все продовольственные радости: хлеб без очередей, масло по 60 копеек за фунт и скорый мир»⁴.

В целом на примере публикаций в сатирических изданиях 1917 г., пользовавшихся огромной популярностью у российского обывателя, можно проследить, как происходила революционная ломка символов монархического строя в общественном сознании. В условиях послефевральской России имели место такие проявления массовой инверсии, как изменение отношения обывателей к монархам и династии в целом, тотальное презрение и ненависть к царской семье и её окружению. Всё это свидетельствовало о радикальном и бесповоротном психологическом разрыве российского обывателя с прошлым.

¹ Новый Сатирикон, СПб., 1917, № 16, с. 12.

² Аверченко А. Т. Новый Нестор Летописец. // Новый Сатирикон, СПб., 1917, № 13, с. 4.

³ Пулемёт, СПб., 1917, № 7, с. 5.

⁴ Журнал журналов, СПб., 1917, № 32-33, с. 14.

Имена революции в названиях улиц Симбирска - Ульяновска [к изучению микротопонимики российской провинции]

Александр Рассадин, Вячеслав Ильин (Россия)¹

Смена государственного устройства России в результате событий 1917 – 1918 гг. привела к первой, наиболее кардинальной смене названий городских улиц. Это был поистине революционный перелом в сложившихся представлениях о том, что ранее казалось преходящим или не слишком существенным. Названия улиц, или урбанонимы, стали едва ли не первоочередным социальным контрапунктом, в котором власть манифестировала и свою идеологию, создавая пантеон новых святых, и опробовала ономастику как мощное средство агитационной коммуникации, и продемонстрировала свою волю и непреклонность в отстаивании интересов нового государства.

Города накрыла мощная волна актуальных переименований. Улицы и площади получали имена людей, о которых многие в лучшем случае только слышали. Исчезли типичные названия в честь императоров (Романовская, Александровская), часть сословных и профессиональных (Миллионная, Мещанская, Жандармская), церковные (Соборная, Всехсвятская, Петропавловская) и т. д.

В уличные святцы спешно заносились имена новых кумиров: Робеспьера, Розы Люксембург, Адлера, Троцкого, Володарского, Урицкого, Metallистов, Декабристов, Павших Героев, Большевиков. И новых понятий-символов: Советская, Пролетарская, Армии Труда, Федерации и т. д.

Первое и наиболее масштабное переименование улиц в г. Симбирске, списком из 38 названий, произошло в соответствии с постановлением президиума Симбирского губисполкома, опубликованным 6 ноября 1918 г. в газете «Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов».

Далеко не все названия из этого списка дошли до нашего времени, некоторые улицы ещё не раз подвергались переименованиям по различным мотивам (чаще всего – по политическим или конъюнктурным), другая часть названий перестала применяться и ушла в топонимическую историю.

¹ Рассадин Александр Павлович, кандидат филологических наук, специалист Центра истории и культуры региона «ЦСИ Ульяновской области». Ильин Вячеслав Николаевич, краевед.

Учитывая весьма невысокий образовательный и культурный уровень городского населения, с трудом можно представить, что новые названия были следствием изучения общественного мнения и становились предметом основательных обсуждений.

Поначалу митинговая форма принятия окончательных решений являлась преобладающей – происходило ли это на площади или на заседании райсовета или губисполкома. Как правило, на ура принималось любое котируемое революционное имя, по циркуляру спущенное из центра или обусловленное местной инициативой, либо предлагалось последовать примерам аналогичных названий в других населённых пунктах, где власть проявила бóльшую политическую зрелость или расторопность. Применительно к Симбирску – Ульяновску можно назвать единичные случаи волеизъявления трудовых масс.

Тенденция, когда номинация улиц производилась волевым решением власти, продолжилась и, условно говоря, в постреволюционный период – в 20-е – 30-е гг. XX столетия. С определёнными изменениями она сохранилась до сегодняшнего дня.

По способу своего образования урбанонимы, так или иначе связанные с новой коммунистической идеологией, могут быть подразделены на три типа:

1. **Геортонимы**, возникшие от собственных имён новых советских праздников, памятных дат и торжеств: например, уже в 1918 г. одна из самых старых улиц города – Стрелецкая, на которой родился В. И. Ленин – стала улицей 25 Октября. Именно в этот день (по старому стилю) в 1917 г. произошла революция, которая в последующие несколько лет называлась Октябрьским переворотом. К этому же разряду могут быть отнесены улицы 1 Мая, 5 Декабря (в этот день в 1937 г. была принята «конституция победившего социализма», которую принято называть сталинской), 12 Сентября (переименование в 1918 г. старейшей улицы Сызраньской было приурочено ко дню освобождения Симбирска от белогвардейцев), 40-летия Победы, 40-летия Комсомола, 50-летия ВЛКСМ и др.

2. Так называемые **символические названия**. Как правило, эти урбанонимы не отражают каких-либо особенностей называемых объектов и, по мнению ульяновского топонимиста В. Ф. Барашкова, являются чисто условными обозначениями последних, часто служат выражению определённых символов-идей. Например, идеи коммунизма (улица Коммунистическая), идеи мировой революции (площадь Революции), общественной памяти (улица Павших Героев) и т. д.

3. **Персонализированные** урбанонимы с антропонимической основой, образованные от имён, прозвищ и фамилий людей. На сегодняшний день это, пожалуй, самый многочисленный разряд названий.

Из более чем тысячи существующих названий улиц Ульяновска около 400 объектов названы в честь какой-либо исторической личности как мирового, так и российского или регионального уровня. А с учётом 156 советских именных названий, потерянных в результате многочисленных переименований, их число перевалило за 500.

После 1917 г. наряду с традиционными для топонимики российских городов персонализированными урбанонимами (Пушкинская, Гоголя и др.) топонимический лексикон Симбирска – Ульяновска в разное время пополнился названиями, которые никогда не появились бы в городе, если бы не случилась революция.

С известной мерой условности можно выделить **четыре группы таких урбанонимов** – улиц, носящих или носивших имена: а) деятелей мирового освободительного и революционного движения; б) российских деятелей освободительного и революционного движения, в том числе военачальников или партийных функционеров, выдвинувшихся во времена Октябрьской революции и Гражданской войны; в) местночтимых деятелей, в том числе уроженцев Симбирска, участников революционных событий в Симбирской губернии; г) Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и членов его семьи в период жизни в Симбирске.

К первой группе могут быть отнесены улицы (в ряде случаев с переулками), поименованные в честь Фридриха Адлера, Августа Бебеля, Фердинанда Лассаля, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Жан-Поля Марата, Карла Маркса, Робеспьера, Спартака, Фридриха Энгельса, Георгия Димитрова, Сакко и Ванцетти.

Во вторую группу названий входят фамилии Фёдора Андреевича Артёма (Сергеева), Ивана Васильевича Бабушкина, Михаила Александровича Бакунина, Николая Эрнестовича Баумана, Лаврентия Павловича Бери, Семёна Михайловича Будённого, Дьюлы Андраша Варги, Михаила Дмитриевича Великанова, В. Володарского (Моисея Марковича Гольдштейна), Вацлава Вацлавовича Воровского, Климента Ефремовича Ворошилова, Гаи Дмитриевича Гая (Гайка Бжишкяна), Сергея Ивановича Гусева (предположительно, в 1919 г. члена реввоенсовета Восточного фронта), Феликса Эдмундовича Дзержинского, Андрея Александровича Жданова, Михаила Ивановича Калинина, Оскара Юрьевича Калнина (Калниньша), Сергея Мироновича Кирова (Кострикова), Петра Алексеевича Кобозева, Григория Ивановича Котовского, Леонида Борисовича Красина, Надежды Константиновны Крупской (Ульяновой), Валериана Владимировича Куйбышева, Сергея Георгиевича Лазо, Анатолия Васильевича Луначарского, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, Вячеслава Михайловича Молотова (Скрябина), Наримана Кербалаи Наджаф оглы Нариманова, Григория Константиновича Орджоникидзе, Александра Яковлевича Пархоменко, Софьи Львовны Перовской, Георгия Валентиновича Плеханова, Александра Николаевича Радищева, Степана Тимофеевича Разина, Кондратия Фёдоровича Рылеева, Якова Михайловича (Ешуа-Соломона Мов-

шевича или Янкеля Мираимовича) Свердлова, Льва Давидовича Троцкого (Лейбы Давидовича Бронштейна), Михаила Николаевича Тухачевского, Моисея Соломоновича Урицкого, Михаила Васильевича Фрунзе, Степана Николаевича Халтурина, Василия Ивановича Чапаева, Георгия Васильевича Чичерина, Николая Гавриловича Чернышевского, Емельяна Михайловича Ярославского (Миней Израилевича Губельмана).

Фамилии из третьей группы не менее многочисленны, но большинству горожан, к сожалению, малоизвестны, поэтому требуют биографического и реального комментария, хотя бы кратко объясняющего появление этих названий на ономастической карте города. Удобнее это сделать в алфавитном порядке.

Белов Павел Филиппович (1890 – 1918) – рабочий, член Симбирского комитета РСДРП(б) с 1917 г., комиссар жилищ Симбирской губернии, член Симбирского губисполкома. Расстрелян белогвардейцами 22.07.1918. Похоронен на старом городском кладбище на улице Карла Маркса.

Его именем 24.02.1950 был назван переулочек Михайловский, находящийся на Куликовке в Ленинском районе.

Брюханов Николай Павлович (28(16).12.1878 – 30.06.1943) – советский государственный и партийный деятель. Учился в Симбирской мужской гимназии. В революционном движении с 1896 г., активный участник Симбирской группы РСДРП(б), неоднократно арестовывался за участие в протестных движениях. В Симбирске сотрудничал в газете «Симбирские вести», редактировал большевистскую газету «Наши дни», вёл партийную работу в Уфе. После 1918 г. Брюханов занимал ответственные посты: Наркомпрод РСФСР (с 1921 г.), Наркомпрод СССР (с 1923 г.), Наркомфин СССР (1926 – 1930 гг.), был репрессирован в 1938 г., погиб в заключении.

В 1987 г. «в целях увековечивания памяти граждан города и страны, внёсших большой вклад в дело установления советской власти и её защиты от врагов» вновь образованный переулок посёлка мостостроительного отряда в северной части Ленинского района был назван переулком Брюханова.

Варейкис Иосиф (Йозеф) Михайлович (18.09.1894 – 1939) – советский государственный и партийный деятель, поляк, организатор первых коммунистических ячеек в г. Симбирске, прибыл в город в мае 1918 г. по путёвке партии, в которую вступил в 1913 г., с конца мая 1918 г. и по август 1920 г. был председателем Симбирского губернского комитета/отдела РКП(б). В 1918 г. руководил обороной Симбирска от белочехов, участвовал в ликвидации мятежа Муравьёва. С первых номеров газеты «Пролетарий» и журнала «Коммунист» был их редактором. Читал лекции в Симбирском пролетарском университете (1919 г.). В годы сталинских репрессий Варейкис был арестован и погиб.

Сложная судьба И. Варейкиса отразилась и в ульяновской топонимике. Впервые его имя было присвоено улице в центре города постановлением президиума Ульяновского горсовета от 29.09.1933. Принято решение «в ознаме-

нование 15-й годовщины взятия г. Ульяновска от чехословаков, особо революционных заслуг... т. Варейкиса... по организации советской власти в Ульяновске и созданию 24-й Железной дивизии переименовать ул. Миллионную в ул. Варейкиса». Когда Варейкис был арестован, 21.01.1938, эту улицу переименовали в улицу Николая Островского. Интересно, что после посмертной реабилитации Варейкиса его имя неоднократно присваивалось разным улицам в Железнодорожном районе города:

– 05.09.1963 решением № 697/25 Ульяновского горисполкома «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска и организаторов Симбирской группы РСДРП назвать в Ленинском районе... улицу Стахановскую улицей Варейкиса». По непонятным причинам в решение вкралась ошибка: улица Стахановская находилась в Железнодорожном районе.

– 05.09.1968 решением № 724/18 Ульяновского горисполкома «в связи с исполняющимся 50-летием освобождения города Симбирска и в целях увековечения памяти участников боёв за освобождение Симбирска» ул. Хрустальная была переименована в проспект имени И. М. Варейкиса. Возможно, из-за дублирования имени решение так и не было проведено в жизнь, и улица Хрустальная сохранила своё название.

– 18.11.1974 решением № 746 Ульяновский облисполком «принял предложение горисполкома о переименовании улицы Центральной в Железнодорожном районе в улицу Варейкиса. Существующую улицу Варейкиса в этом же районе переименовать в переулок Диспетчерский».

– 05.04.1979 решением № 336/7 Ульяновский горисполком «в целях упорядочения уличного хозяйства, ликвидации одинаковых названий и учитывая пожелания жителей района» решил переименовать проезд Варейкиса в проезд Верхний.

Галактионов Алексей Петрович (13(01).03.1888 – 05.06.1922) – рабочий-большевик, член РСДРП(б) с 1906 г., уроженец Самарской губернии, основная его деятельность в 1917 – 1921 гг. была связана с Самарой: член Самарского губкома партии и ревкома, после освобождения Самары от белочехов – председатель Самарского губисполкома, в 1921 – 1922 гг. работал в Казани. Погиб в авиационной катастрофе около Чистополя Татарской АССР.

В 1935 г. 5-я улица Куликовки, поименованная так в 1917 г., была переименована в улицу Галактионовскую. Современное название этой улицы в Ленинском районе звучит как улица Галактионова.

Гафуров Сибгатулла Садыкович (25.10.1888 – 1937) – активный участник революционного движения в Баку. С конца 1915 г. работал писарем на суконной фабрике Акчуриных, где организовал партийный кружок. В 1917 – 1918 гг. участвовал в организации Симбирского комитета РСДРП(б), отдела по делам национальностей Симбирского губисполкома, в подавлении мятежа Муравьёва, руко-

водил боевыми действиями партизанского отряда против белочехов. С 1920 г. работал в Казани в сфере социального обеспечения, в 1922 г. – в восточном отделе исполкома Коминтерна в Москве. Затем вновь на ответственной партийной работе, в Татарии. Был репрессирован в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1956 г.

В 1967 г. улица Нариманова в северной части Ленинского района была переименована в улицу Гафурова.

Гимов Михаил Андреевич (26(07).11.1886 – 05.05.1922) – рабочий-революционер, участник трёх революций, в 1915 – 1917 гг. работал слесарем на заводе Голубкова на Тутях, с 1905 г. участник и руководитель подпольной большевистской группы. Революционную работу вёл преимущественно среди рабочих Симбирска и посёлка Ишеевка. Член губкома РКП(б) с 1917 г., в 1918 – 1921 гг. председатель губисполкома. В 1920 – 1921 гг. жил на улице Труда. В марте 1921 г. его направили на работу в Ставропольский край, где через год он умер в Пятигорске от тифа.

В 1923 г. одна из центральных улиц Симбирска – Никольская (Николаевская) – была переименована в улицу Гимова. Никольская улица, скорее всего, существовала начиная с основания Симбирска, но на первых городских планах её название не указано.

Гладышев Пётр Харитонович (1894 – 1919) – профсоюзный и государственный деятель. Учился в Петербургском университете на юридическом факультете. Левый эсер. Весной 1917 г. работал агитатором среди рабочих и служащих суконных фабрик Симбирской губернии. Был председателем правления профсоюза текстильщиков Поволжского района. После установления советской власти Гладышев занимал ряд выборных должностей в губисполкоме, губвоенкоме, чрезвычайном военно-революционном штабе. В июне 1918 г. в бою с белочехами под Самарой попал в плен. Погиб во время неудачного побега из тюрьмы. В 1920 г. его именем была также названа Гурьевская (ныне Барышская) суконная фабрика.

В настоящее время в Заволжском районе на Верхней Террасе существуют улица и четыре переулка Гладышева. Как улицы они возникли в 1953 – 1954 гг. в процессе строительства нового посёлка Володарского района для переселенцев из мест, подлежащих затоплению при создании Куйбышевского водохранилища. Вначале они получили названия улица Ростовская и 1-й, 2-й и 3-й переулки Ростовские. В связи с наличием в городе улиц с одинаковыми названиями Ульяновский горисполком выпустил решение № 202/5 от 02.02.1960 «Об упорядочении наименований улиц и переулков в городе Ульяновске». По этому решению улица и переулки Ростовские на Верхней Террасе были переименованы в улицу Гладышева и 1-й, 2-й и 3-й переулки Гладышева. В 1977 г. из части домов по 1-му переулку Гладышева был образован 4-й переулок Гладышева.

Комиссар Иванов (? – 1918) – переулок с таким названием появился в посёлке мостостроительного отряда в северной части Ленинского района. Не-

смотря на вполне резонную в тогдашних реалиях мотивацию появления этого имени – «в целях увековечения памяти граждан города и страны, внёсших большой вклад в дело установления советской власти и её защиты от врагов» – это решение Ульяновского горисполкома за № 861 от 05.10.1987 являет собой образец явно поспешного и некомпетентного исполнения.

За рамками решения остались как имя и отчество Иванова, так и место его службы и заслуги, за которые он и был увековечен в памяти потомков почти через 70 лет.

В истории Симбирска остался только курсант Иванов, обучавшийся в школе взводных инструкторов. Школа в 1918 г. находилась в здании Симбирского кадетского корпуса (ныне – суворовского училища). В период с 21.07 по 12.09.1918 курсанты школы в составе 1-го Симбирского полка участвовали в боях с чехословацкими и белогвардейскими отрядами, захватившими Симбирск.

В этих боях в районе села Поливно героически погиб курсант Григорий Иванов, его бюст стоит сейчас на территории Ульяновского суворовского училища. 12.09.1965 в с. Поливно на берегу Волги был открыт ещё один скульптурный памятник Григорию Иванову. Судя по всему, до звания комиссара курсант дослужиться не успел.

Кролюницкий Юрий Александрович (01.06(20.05).1881 – 1918) – родился в Саратове в семье статского советника. В 1899 г. окончил с золотой медалью Царскосельскую Николаевскую гимназию. По окончании гимназии поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию, из которой в 1902 г. был исключён за участие в студенческой сходке и отправлен в Казань по месту жительства родителей. В Казани Кролюницкий стал членом РСДРП(б). Осенью 1903 г. он был выслан в Симбирск для отбывания воинской службы в качестве рядового 233-го Сурского резервного батальона. Весной 1904 г. Ю. Кролюницкий, В. Рябиков и В. Орлов создали подпольную Симбирскую группу РСДРП(б), в состав которой входил Д. И. Ульянов. После провала этой группы Кролюницкий эмигрировал во Францию. Там он закончил Сорбонну, стал врачом, женился на французке, принял участие в Первой мировой войне в составе французской армии. После 1917 г. он вернулся в Россию, преподавал в медицинском институте в Казани, был практикующим врачом. Умер от брюшного тифа в 1918 г. Жена-французка осталась жить на родине мужа. Умерла в Казани в 1960-е гг.

Ульяновский горисполком своим решением № 507 от 13.05.1989 «в целях увековечения памяти граждан города и страны, внёсших большой вклад в дело установления советской власти и строительства коммунистического общества, а также для идейно-политического и интернационального воспитания подрастающего поколения на примере их жизни и деятельности» улицу Новую Линию в северной части Ленинского района переименовал в улицу Кролюницкого.

Крылов Илья Васильевич (1890 – 1918) – председатель губернского военно-революционного трибунала в 1918 г. После занятия Симбирска белочехами был арестован и 26.07.1918 расстрелян.

Его имя носит одна из улиц Железнодорожного района города.

Крымов Михаил Дмитриевич (26(13).09.1881 – 01.07.1955) – уроженец с. Баятино Курмышского уезда Симбирской губернии, трудовую и революционную деятельность начал на заводах Санкт-Петербурга. По поручению ЦК РСДРП(б) прибыл в Симбирск 30.08.1917, по его инициативе был создан Симбирский комитет РСДРП(б), председателем которого он стал, до 1919 г. был губернским комиссаром внутренних дел.

Улица Крымова существует с 1958 г. До революции – западный край Ярмарочной площади (1866 – 1918 гг.), затем – северный отрезок улицы Шевченко от переулка Яковлева до улицы Карла Маркса.

Новиков Иван Григорьевич (1893 – 1918) – поручик царской армии, сын рабочего, георгиевский кавалер, большевик с 1917 г., член Симбирского комитета партии, организатор первых отрядов Красной гвардии, страстный оратор и активный пропагандист-агитатор. Расстрелян белогвардейцами в июле 1918 г. Похоронен на старом городском кладбище на улице Карла Маркса.

Его именем назван переулок в северной части города.

Орлов Василий Васильевич (28.02.1887 – 28.03.1914) – симбирянин, один из организаторов в 1904 г. подпольной симбирской группы РСДРП(б), находившейся в его собственном доме в переулке Зелёном. В революцию 1905 – 1907 гг. занимался пропагандистской работой в губернии. Весной 1908 г. Орлов был арестован и приговорён на вечное поселение в Сибирь. Умер в ссылке в Красноярском крае, похоронен в г. Енисейске.

Ульяновский горисполком решением № 697/25 от 05.09.1963 «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска и организаторов Симбирской группы РСДРП» решил переименовать в Ленинском районе улицу Хлебную в улицу Орлова. Новая улица заняла территорию улицы Маришкиной (1843 – 1866 гг.), она же набережная пруда Маришки (1882 г.), и улицы Хлебной, существовавшей с этим названием в 1866 – 1963 гг.

Пеньевский Виктор Григорьевич (1893 – 15.01.1920) – из рабочих, участник Первой мировой войны. В Симбирске с февраля 1918 г., участник освобождения Симбирска от белогвардейцев (командир Алатырской группы войск), комендант города, член президиума Симбирского губисполкома, организатор и командир 1-й Симбирской рабочей стрелковой бригады, участвовавшей в составе 1-й и 4-й армий Восточного фронта в боях на Урале с армией Колчака. Скончался от сыпного тифа. 18.01.1920 похоронен на Новом Венце.

В 1976 г., после присоединения к Ульяновску бывшего посёлка Сельдь, улица Чапаева в этом месте получила имя Пеньевского.

Полупанов Андрей Васильевич (1888 – 1956) – член РСДРП(б) с 1912 г., участник Первой мировой и Гражданской войн, матрос, командир бронепоезда «Свобода или смерть», участвовал в обороне г. Симбирска от белогвардейцев в

июле 1918 г., был награждён орденом Красного Знамени (1921 г.). После Гражданской войны находился на хозяйственной и партийной работе.

Ульяновский горисполком решением № 697/25 от 05.09.1963 «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска и организаторов Симбирской группы РСДРП» решил переименовать в Ленинском районе переулок Садовый в переулок Полупанова.

Рейн Рихард Петрович (1886 – 1928) – революционер, активный деятель большевистской партии, участвовал в установлении советской власти во многих городах России, в том числе и в Симбирске, где был заместителем председателя губревтрибунала и председателем губисполкома (1921 – 1923 гг.).

В 1935 г. улица Комсомольская в Ленинском районе, существовавшая с 1926 г., была переименована в улицу Рейна.

Рябиков Валентин Владимирович (12.04(31.03).1883 – 18.03.1962) – симбирянин, один из организаторов в 1904 г. подпольной симбирской группы РСДРП(б), конспиративная квартира которой находилась в переулке Зелёном. Занимался пропагандистской работой в сельских районах, участвовал в создании профессиональных союзов. В 1909 г. Рябиков был арестован, приговорён к ссылке и на вечное поселение в Братский Острог Иркутской губернии. Принимал активное участие в установлении советской власти в Иркутске. По окончании Гражданской войны работал по дипломатической части, в Наркомате внешней торговли, был директором столичного НИИ. Похоронен в Москве.

Ульяновский горисполком решением № 697/25 от 05.09.1963 «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска и организаторов Симбирской группы РСДРП» переименовал в Засвияжском районе Вырыпаевское шоссе в улицу Рябикова.

Самойлов Никита Гаврилович (? – ?) – участник Октябрьской революции в Симбирске, большевик с 1913 г., старший унтер-офицер. После приезда 08.03.1917 в Симбирск Самойлов входил в объединённый Совет рабочих и солдатских депутатов, в 1918 г. был начальником отделения милиции на Московской улице, организатором и первым председателем правления профсоюза кожевников Симбирска.

С большой долей вероятности его именем в 1920-х гг. была названа улица в слободе Часовня Володарского района. Улица проходила вдоль Волги от заволжской улицы Карла Маркса по направлению к слободе Канава. Кроме того, в Часовне существовал Самойловский переулок, который в 1938 г., после проведения первых всесоюзных выборов в Верховный совет СССР, получил новое название – переулок имени 12 Декабря. В 1954 – 1955 гг. улица была снесена, а затем её остатки были затоплены в 1955 – 1956 гг. при создании Куйбышевского водохранилища. По воспоминаниям старожилов, в доре-

волюционное время улица имела довольно ухоженный вид и поэтому именовалась Городской (Городком, Городищенской).

Соловьёв Зиновий Петрович (28.10.1876 – 06.11.1928) – симбирянин, земский врач, окончил мужскую классическую гимназию и медицинский факультет Казанского университета. В 1898 г. вступил в РСДРП. По окончании университета вернулся в Симбирск, стал активным участником Симбирской группы РСДРП(б), редактировал губернский «Врачебный санитарный листок», близкий друг Д. И. Ульянова. В 1909 г. был арестован и сослан в Усть-Сысольск. После революции занимал посты заместителя наркома здравоохранения РСФСР, начальника Главного военно-санитарного управления РККА и председателя исполкома Российского общества Красного Креста. По его инициативе в 1925 г. был организован всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Приезжал в Симбирск в 1921 и 1923 гг., посещал губернскую больницу им. Н. М. Карамзина.

В 1966 г., при включении села Винновка в городскую черту Ульяновска, находившаяся там улица Ленина была переименована в улицу Соловьёва.

Степанов Алексей Герасимович (1884 – 1939) – участник революционного движения начала прошлого века. В Симбирск приехал после побега из ссылки. По заданию М. Гимова занимался революционной пропагандой, в 1917 – 1918 гг. – член Симбирского совета рабочих депутатов, Симбирского комитета РКП(б), в 1918 г. политический комиссар Волго-Бугульминской железной дороги.

Ульяновский горисполком своим решением № 1038/30 от 07.12.1967 переулок 2-й Западный на Верхней Террасе в Заволжском районе переименовал в переулок Степанова.

Устинов Пётр Фёдорович (21.12.1890 – 02.04.1938) – уроженец Самарской губернии, участник Первой мировой и Гражданской войн. 12 сентября 1918 г. полк под его командованием первым вошёл в Симбирск, освобождая город от белогвардейцев. Затем он командовал 3-й бригадой Железной дивизии, 75-й бригадой Чапаевской дивизии. 25 декабря 1932 г. назначен преподавателем тактики столичного Военно-механического института. Репрессирован и исключён из списков РККА в сентябре 1936 г., реабилитирован 3 мая 1956 г. П. Ф. Устинов был старшим братом Д. Ф. Устинова – впоследствии министра обороны СССР.

В 1963 г. переулок Белинского (бывший переулок 1-й Инвалидный) «в ознаменование 45-й годовщины освобождения Симбирска» был переименован в переулок Устинова.

Хахарев Константин Григорьевич (20(08).05.1888 – 1937) – активный участник революционного движения в Нижегородской губернии. В 1921 г. направлен на работу в Симбирск, был председателем губернского ОГПУ и полномочным представителем ОГПУ по Ульяновской губернии. В 1924 – 1925 гг. был председателем Симбирского губисполкома, в дальнейшем находился на хозяйственной работе. В годы работы в Ульяновске оказывал помощь в создании Дворца книги, участвовал в сооружении памятника борцам революции на Новом Венце, в открытии первой в городе рабочей поликлиники, названной его именем. Был репрессирован, в 1956 г. посмертно реабилитирован.

Ульяновский горисполком своим решением № 1036/30 от 07.12.1967 в целях увековечения его имени переулок 1-й Западный на Верхней Террасе в Заволжском районе переименовал в переулок Хахарева.

Швер Александр Владимирович (1898 – 1940) – участник революционного движения, журналист, видный партийный деятель, сын владельца аптеки В. О. Швера на улице Лосевой, где он жил с семьёй в 1914 – 1926 гг. Окончил 2-ю гимназию в Симбирске и поступил в Казанский университет на физико-математический факультет. Учёбу совмещал с революционной работой в большевистской подпольной организации. В 1909 – 1917 гг. был известным в Симбирске журналистом и революционным деятелем, состоял в военно-революционном комитете, неоднократно избирался членом губкома партии, членом губисполкома, был председателем губотдела народного образования, был главным редактором газеты «Известия Симбирского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». Избирался делегатом VIII всероссийского съезда советов (1920 г.) и X съезда ВКП(б) (1921 г.). В 1925 г. стал первым редактором симбирской газеты «Пролетарский путь», одновременно сотрудничал в газете «Красная жатва» и журнале «Наше дело». В 1926 г. ЦК РКП(б) отозвал Швера из Ульяновска. В дальнейшем работал редактором газет «Советская степь» (Казахстан), «Воронежская коммуна», «Сталинградская правда» и «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск). Репрессирован в 1937 г., погиб в 1940 г.

Ульяновский горисполком решением № 697/25 от 05.09.1963 «в ознаменование 45-й годовщины освобождения г. Симбирска от белогвардейских банд и в целях увековечения памяти участников освобождения г. Симбирска и организаторов Симбирской группы РСДРП» решил переименовать в Ленинском районе переулок Кривоносцев в переулок Швера. В настоящее время этот переулок относится к Железнодорожному району.

Учитывая специфику города, в отдельную группу можно выделить названия, связанные с именем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и его семьи.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (22(10).04.1870 – 21.01.1924) – уроженец Симбирска, организатор ВКП(б), основатель СССР. После окончания мужской классической гимназии покинул свою малую родину и никогда больше сюда не возвращался.

В разное время в Ульяновске имя Ленина было присвоено улицам в центре города, слободе Королёвка, посёлке Карасёвка Володарского района, площади, скверу. Сразу после революции имя знаменитого земляка стала носить улица Московская, которая входила в число самых старых улиц в центре города. Впервые она упоминается в 1697 г. как улица Большая Свяжская, а с 1800 г. – как Московская. На Московской улице находились и существуют поныне три дома, в которых семья Ульяновых арендовала квартиру. Это дом Костёркина, в котором семья Ульяновых жила в 1875 – 1876 гг. (ныне ул. Ленина, 92), флигель И. А. Анаксагорова, в котором семья Ульяновых жила с лета 1876 г. до начала осени 1877 г. (ныне ул. Ленина, 90), и первый собственный дом семьи Ульяновых в 1878 – 1887 гг. (ныне ул. Ленина, 68).

В связи с 70-летием со дня рождения В. И. Ленина Ульяновский горисполком 14 апреля 1940 г. принимает решение переименовать площадь 1 Мая в площадь имени В. И. Ленина.

Как и улица Московская, площадь возникла в период основания города. Она образовалась при строительстве Симбирского кремля, но на планах города до 1866 г. её название отсутствует. Примерно с 1882 г. в речевой обиход вошло название Соборная площадь, что было естественно при наличии на ней двух кафедральных соборов – Николаевского (зимнего) и Троицкого (летнего). В настоящее время площади Ленина возвращено историческое название – Соборная. Между тем название советского периода перенесено на другой объект – расположенную рядом площадь перед мемориалом, из названия которой (площадь 100-летия со дня рождения Ленина, поименована в 1970 г.) убрано числовое обозначение. Вряд ли такая рокировка представляется бесспорной.

Сейчас в городской черте существует ещё одна улица Ленина – в посёлке Белый Ключ Железнодорожного района. В Заволжском районе, северозападнее Нового города, находится посёлок Ленинский, который до 2009 г. назывался посёлком Рыбацким.

В дополнение к сказанному нельзя не отметить и утраченные объекты. Примерно в 1926 – 1954 гг. в заволжской слободе Королёвка Володарского района была улица Ленина (до революции – Береговая), снесённая при создании Куйбышевского водохранилища. В том же районе в рабочем посёлке Карасёвка примерно с 1942/43 до 1950 гг. существовала своя улица Ленина, в 1950 г. переименованная в улицу Свердлова.

В селе Вырыпаевка Сталинского, затем Засвияжского, района тоже была улица Ленина, которая в 1966 г., при включении поселения в городскую черту, стала продолжением улицы Самарской. По этой же причине существовавшие в Вырыпаевке два переулка с довольно странным названием 1-й поворот Ленина и 2-й поворот Ленина были переименованы соответственно в переулки 1-й Самарский и 2-й Самарский.

Не осталась без улицы Ленина и деревня Винновка. В 1966 г., при включении Винновки в городскую черту Ульяновска, улица получила имя земского врача З. П. Соловьёва.

Ульяновы – под этим обобщённым ономим можно подразумевать как отдельных представителей, так и всю семью В. И. Ленина (Ульянова). К сожалению, за исключением существующей улицы Дмитрия Ульянова и несохранившейся улицы Ульянова, по всем остальным улицам, поименованным в разное время Ульяновскими, отсутствуют сведения, какому представителю этой многочисленной семьи посвящён конкретный уличный объект.

В настоящее время в городе существуют следующие Ульяновские улицы:

– Улица Ульяновская – проходит от улицы Набережная р. Свяги до улицы 12 Сентября (Ленинский район). В 1933 г. это название было присвоено улице Сиротской, название которой впервые появилось на городском плане в 1843 г.

– Сиротская улица, сохранившая название существовавшей ранее на этом месте Сиротской слободы, проходила вдоль южной стены Покровского кладбища, на котором находится могила И. Н. Ульянова (26(14).07.1831 – 24(12).01.1886). Поэтому можно с одинаковой степенью вероятности предполагать, что улица названа как в память о семье, так и в честь отца гимназиста Володи Ульянова.

– Переулок Ульяновский – появление Ульяновской улицы повлекло за собой аналогичное переименование примерно в 1935 г. Монастырского переулка. Он и в наши дни проходит от улицы Ульяновской до улицы Набережная р. Свяги.

– Улица Ульянова и переулок Ульяновский примерно с 1942 до 1966 гг. существовали в селе Вырыпаевка Сталинского, затем Засвияжского, района. В 1966 г., при включении села Вырыпаевка в городскую черту, улица Ульянова стала продолжением улицы Красноярской, а переулок Ульяновский был переименован во 2-й Красноярский переулок.

– Улица Дмитрия Ульянова – переименована в 1974 г., когда исполнилось сто лет со дня рождения младшего брата В. И. Ульянова (Ленина). Дмитрий Ульянов (16(04).08.1874 – 16.07.1943) учился в губернской классической гимназии, также стал революционером, входил в симбирскую группу РСДРП(б). Первое название улицы – Сенная – закрепилось за ней ещё до 1780 г. Ранее Сенная улица возникла на месте Сенной площади, существовавшей на этом месте в XVII – XVIII вв. С 1918 по 1974 гг. улица Дмитрия Ульянова была улицей Труда.

– Проспект Ульяновский – существует с 1979 г., возник при строительстве Нового города (Заволжский район). Наличие в этом же микрорайоне бульваров, носящих названия городов (Киевский, Львовский, Пензенский, Новосондецкий), даёт основание предположить, что проспект назван в честь самого города.

– Улица Ульянова – ныне утраченная, на которой родился Владимир Ульянов, возникла на месте бывшей слободы Стрелецкой, существовавшей с 1651 г. до начала XVIII в. В разное время называлась по-разному: Никольская (1780 – 1843 гг.), Стрелецкая (примерно 1651 – 1918 гг.; видимо, одновременно применялось и название Никольская), улица 25 Октября (1918 – 1940 гг.). Была переименована в связи с 70-летием со дня рождения В. И. Ленина. Снесена при реконструкции центра города в связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина (начиная с 1967 г.), ныне эспланада от площади Соборной (в прошлом – Ленина), ведущей к Мемцентру.

При обилии на карте города имён революционеров и государственных деятелей разного уровня удивляет отсутствие имени «вождя народов» И. В. Сталина. В Ульяновске в 1942 – 1958 гг. имелся административный Сталинский район. В предвоенные и послевоенные годы работали артель инвалидов им. Сталина, артель им. героев Сталинграда, завод им. Сталина, школа № 6 ФЗУ им. Сталина. По генеральному плану 1945 г. развития города Ульяновска предполагалось строительство большой магистрали, которая должна была

пройти по Московскому шоссе, перспективному мосту через р. Свягу, по улицам Минаева и Кузнецова. Она должна была соединить две площади: существовавшую площадь Ленина и планируемую площадь Сталина около проходной автомобильного завода им. Сталина. Но всё осталось на бумаге. Априори можно предположить существование негласного нежелания Сталина по разным причинам, о которых приходится только гадать, закреплять своё имя на карте родины Ленина. И не только Ульяновска.

Так, в газете «Загадки истории» в статье Дмитрия Григорьева «Города, где я бывал»¹ рассказывается о том, что в 1938 г. глава НКВД Н. Ежов проявил личную инициативу по смене названия столицы в город Сталинодар, вызвав недвусмысленный отпор со стороны правителя. Хотя через два года Ежова расстреляли по совокупности преступлений, его инициатива соратникам вождя не пошла впрок. Василий Сталин в мемуарах «От отца не отрекаюсь!» приводит недовольные слова И. Сталина, сказанные в конце войны: «А Жданов предложил Москву в город Сталин переименовать. Как будто мало одного Сталинграда»². Поэтому не исключена версия, что ульяновские власти решили перестраховаться и обойтись без улицы Сталина. Хотя в других населённых пунктах такие улицы существовали.

Необходимо заметить, что в последние годы в результате смены социально-политических ориентиров наметился процесс возвращения улицам исконных имён или их замены относительно нейтральными и менее идеологически окрашенными. В отличие от других крупных российских городов, в которых местная власть была более активной и наступательной в этих вопросах, топонимическая возвратная волна в Ульяновске только началась и сразу вызвала неоднозначное отношение со стороны горожан. Так, улице Советской было возвращено её историческое название – Спасская, а улице Коммунистической вместо утраченного названия Дворянский переулок присвоено имя историографа и писателя Н. Карамзина. Вместе с тем неизбежными до сих пор остались уличные названия, имеющие весьма опосредованное отношение к истории города – Либкнехта и Люксембург, Марата и Робеспьера, Дзержинского и Степана Халтурина и многих других.

Видимо, не только власть, которая обязана действовать более целенаправленно и конструктивно, но и сами горожане должны в конечном счёте решить, насколько те или иные революционные наименования актуальны для Ульяновска.

¹ Григорьев Д. Города, где я бывал. // Загадки истории, № 42, 2017. URL: <https://100pdf.mostop.ru/zagadki-istorii-42-2017> (дата обращения: 12.03.2018).

² Сталин В. И. От отца не отрекаюсь! Запрещённые мемуары сына вождя. – М.: Яуза-пресс, 2016, с. 75.

Российская революция и развитие Монгольского государства (1917 - 1922). Трансформация оценок

Галиймаа Нямаа (Монголия)¹

Российская революция 1917 г. стала не только самым влиятельным внешним событием, но и основным фактором народно-демократической революции 1921 г. в Монголии, без которой невозможно представить новейшую историю страны. 5 ноября 1921 г. было подписано российско-монгольское соглашение об установлении дружественных отношений. Советское правительство первым признало монгольское независимое государство, о чём неоднократно говорится в многочисленных изданиях, посвящённых истории революции. В начале 20-х гг. XX века были заложены основы экономико-политического и культурного взаимодействия между Монголией и Россией, выработаны его основные формы и содержание, определена нормативно-правовая основа сотрудничества. Особо стоит отметить сферу науки и образования. За советский период было подготовлено свыше 60 тыс. монгольских специалистов, которые внесли и вносят достойный вклад в развитие страны и способствуют укреплению дружественных связей между Россией и Монголией. Наши выпускники советских и российских вузов составляют научную, культурную, политическую, инженерно-техническую, а также военную элиту монгольского общества.

Взаимоотношения России и Монголии в XX веке прошли долгий путь от исторически обусловленных, особых, идеологизированных, патерналистских, союзнических отношений типа старший брат – младший брат до равноправных, добрососедских, дружественных отношений и сотрудничества на новом постсоветском этапе развития.

Трансформация оценок монголами Национально-демократической революции Монголии и Российской революции. Изучение Национально-демократической революции 1921 г. в монгольской историографии всегда занимало особое место. В советский период это объяснялось тем, что Монголия была второй в мире страной после СССР, которая в результате победы революции прошла длительный этап некапиталистического развития и начала строительство социализма.

¹ Галиймаа Нямаа – профессор, Ph. D., заведующая кафедрой гуманитарных наук Института управления бизнесом и кафедрой гуманитарных наук Монгольского государственного университета науки и технологий.

На протяжении многих лет в монгольской историографии было принято определять Монгольскую революцию как народную, антиимпериалистическую и антифеодальную.

Народная революция – главным образом потому, что в ней активное участие принимали широкие слои населения: прежде всего, монгольское аратство и бывшие военнослужащие распущенной китайскими властями монгольской армии, а также патриотически настроенное чиновничество и ламство, отчасти и мелкие светские, в основном безудельные феодалы.

Характеристика революции как *антиимпериалистической* обуславливалась её главными целями – освобождением страны от ига китайского милитаризма и мирового империализма, а также воссозданием независимого монгольского государства.

Антифеодальной революция характеризовалась из-за задач (в том числе и оценки этих задач постфактум) ликвидации феодально-теократического строя и соответствующих ему пережитков, отделения ламаистской церкви от государства и секуляризации общественной жизни, раскрепощения аратства и ликвидация сословного деления общества, утверждения равенства всех граждан Монголии в политических и иных правах независимо от их социального происхождения и т. п.

Монгольская историография революции представлена, прежде всего, в ключевой для Монголии 1970-х гг. работе Б. Ширэндэва «История Монгольской народной революции 1921 г.»¹. Автор монографии подробно рассмотрел ряд работ советских и российских монголоведов, посвящённых революции 1921 г., например книги И. Я. Златкина, А. Д. Каллиникова, М. С. Капицы, С. К. Рощина, Б. Д. Цибилова и В. И. Юдина.

В монгольской литературе писали о Российской революции 1917 г. часто и восторженно, поскольку в советской историографии история Великой Октябрьской социалистической революции во многих отношениях была установочной, базовой в теоретико-методологическом смысле и детерминировала подход не только к изучению причин революции, её хода, движущих сил и итогов, но и к исследованию хода социалистического строительства и развития мирового социалистического процесса.

В общественно-политических и научных изданиях МНР вышло значительное количество статей и книг о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции и успехах социалистического строительства в СССР, о воздействии революции на развитие рабочего движения в

¹ Ширэндэв Б. Монголын ардын хувьсгалын туух. – Улаанбаатар, 1969; на рус. яз. работа вышла в 1971 г.: Ширендыб, Базарын. История Монгольской народной революции 1921 г.: сокр. пер. с монгол. АН МНР. АН СССР. – М.: Наука, 1971, 400 с.

капиталистических странах, на национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах, на развитие революции в странах народной демократии и на создание мировой системы социализма¹. Особенно много таких работ было опубликовано в МНР в 1967 и 1977 гг. – к 50-й и 60-й годовщинам Великого Октября. Среди этих работ наиболее взвешенным и фундаментальным является труд известного монгольского историка Б. Ширэндэва «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию», изданный в год 50-летия революции в России и впоследствии в Москве².

Схожие по смыслу цитаты часто повторялись в научных и публицистических статьях, книгах, газетах: «Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории человечества. Она нанесла сокрушительный удар мировому капитализму. Страна, совершившая социалистическую революцию, непрерывно развивается по восходящей линии, тогда как отживающая капиталистическая система всё более разлагается. Социалистический строй, порождённый Октябрьской революцией, дал советскому народу великую и непреоборимую мощь»³.

В том же русле монгольская историография отвечала на вопросы о возникновении Монгольской народной партии (МНП), жизни, заслугах и судьбах её создателей, о руководящей роли МНП в революции, о политических лидерах нового государства.

Официальная точка зрения сводилась к тому, что МНП образовалась в результате слияния ряда революционных кружков, возникших на территории Монголии под непосредственным воздействием событий Октябрьской революции в России. Наиболее крупными и влиятельными из этих кружков были созданы Дамдингийнум Сухэ-Батором и Хорлогийном Чойбалсаном. Именно они возглавили МНП и стали вождями Монгольской революции и политическими лидерами народной Монголии.

После демократической революции 1990 г., особенно на ранней стадии демократических преобразований в Монголии, прежняя концепция новейшей истории Монголии, которая господствовала в монгольской историографии в течение многих десятилетий, стала подвергаться критике и была пересмотрена. Безусловно, данный процесс охватил и проблематику монгольской революции, оценки её причин, характера и периодизации. Историки-монголоеды стремятся найти новые подходы к более глубокому и всестороннему изучению прошлого. Появляются работы, посвящённые как отдельным проблемам

¹ Ширэндэв Б., Жуков Е. М. БНМАУ-ын түүх. – Улаанбаатар: Хэвлэх үйлдвэр, 1966.

² Ширэндэв Б. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию. – М.: Изд-во полит. лит., 1967, с. 98.

³ Там же, с. 12.

Монгольской революции, так и общим вопросам. Историк Б. Лхамсүрэн в своём исследовании определяет Народную революцию 1921 г. как «новый импульс и этап в борьбе за независимость»¹.

В это же время проблемами новейшей истории Монголии начали заниматься псевдоучёные, не имеющие прямого отношения к исторической науке, а тяготеющие больше к литературе, журналистике и публицистике. Как раз со стороны этой группы «исследователей» громче всего стали раздаваться критические высказывания об историческом пути развития монгольского общества и государства с момента ликвидации феодально-теократической монархии и утверждения республиканского строя.

Подверглось критике само понятие Монгольская революция. Утверждалось, что никакой революции в Монголии не было и быть не могло, тем более народной. Феодальный строй, существовавший в то время в стране, отнюдь не исчерпал свой потенциал. Поэтому и события в Монголии в 1919 – 1921 гг. можно оценивать только как стихийное выступление монгольского народа, по преимуществу аратства. Это было национально-освободительное движение, вызванное оккупацией страны китайскими войсками и ликвидацией автономной государственности.

Сегодня страсть к пересмотру истории публицистами угасла. Монгольские историки единогласны в том, что по своим задачам, характеру, движущим силам Монгольская революция была национально-демократической, так как была призвана восстановить национальную независимость и осуществить в дальнейшем социально-экономические преобразования². В революционных событиях приняли участие самые разные слои монгольского общества, о чём свидетельствует анализ социального состава и административно-территориальной принадлежности народно-ополченческих войск. Руководящей силой революции была Монгольская народная партия, которая последовательно проводила в жизнь идею национального возрождения. Это позволило расширить социальную базу партии, вовлечь в освободительную борьбу новые группы населения, что и обеспечило победу революции.

Революция 1921 г. положила начало возрождению монгольского народа как самостоятельной нации, а монгольского государства – как независимого, демократического, самостоятельного субъекта мировой политики и международных отношений. Советская Россия, содействуя освобождению Монголии от иностранной оккупации и восстановлению монгольской государственности, во многом способствовала пробуждению национального самосознания,

¹ Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин төрийн тусгаар тогтнол. // Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Түүхийн Хүрээлэн. – Улаанбаатар: Адмон, 1995, 126 х.

² Монгол улсын туух (XX зуун). / Болдбаатар Ж. Санждорож М. Ширэндэв Б. Б. 5. – Улаанбаатар: Адмон, 2003, 506 х.

социально-политической активности монгольского народа и его приобщению к мировому революционному процессу¹.

В новой историографии постсоветского периода определяющее значение Российской революции и её обуславливающее влияние на Монгольскую исчезает. В научный оборот наряду с определениями Октябрьская революция и Февральская революция входят современные определения Революция 1917 г., Российская революция. В фундаментальных научных и учебных изданиях, таких как «История Монголии», и в учебниках по истории Монголии для высших учебных заведений революционные события в России называются Российской революция 1917 г.² Однако сохраняется и понятие Октябрьская революция. В учебнике «История Монголии» для студентов Монгольского государственного университета науки и технологий (МГУНТ) о событиях 1917 г. написано следующее: «Революционные движения в 1917 г. в России оказали огромное влияние не только в Монголии, но и в мировом революционном процессе. Весь мир начал говорить о Февральской революции 1917 г. Но не успел осмыслить. В ноябре того же года была установлена советская власть. Это событие получило название Октябрьская революция»³.

Столетие Российской революции 1917 г. – Октябрьской революции отмечалось в Монголии научными конференциями, показом документальных фильмов и выставкой. Историки и деятели Монгольской народной партии проанализировали Октябрьскую революцию и влияние этой революции на Монголию. Выставка в Российском центре науки и культуры в Улан-Баторе, организованная Главным архивным управлением при правительстве Монголии в рамках празднования 90-летия основания Национального архива страны и 25-летия подписания соглашения между правительствами Российской Федерации и Монголии о сотрудничестве в сфере архивного дела, получила название «Великий Октябрь. Российско-монгольские культурные и научные связи. 1917 – 2017»⁴.

Октябрьская революция произошла за тысячи километров от Монголии, но оказала глубокое влияние на дальнейшую судьбу страны. Создание Монгольской Народной Республики (МНР) явилось результатом международной судьбоносной роли Октября.

¹ Дамдинсүрэн С. Монгольская национально-демократическая революция 1921 г. и российский фактор. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Ин-т востоковедения РАН, Акад. наук Монголии. Ин-т междунар. исслед.; редкол. Алтанцэцэг Н. и др. – М.: ИВ РАН, 2001, с. 43-69.

² Там же.

³ Лувсандорж Ш., Галиймаа Н., Болормаа О. и др. Монголын түүх. Б. 2. – Улаанбаатар: Адмон, 2004, 502 х.

⁴ О выставке «Великий Октябрь. Российско-монгольские культурные и научные связи. 1917 – 2017». // Официальный сайт МИД РФ. Новости 13.12.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/-/asset_publisher/ruvygv04bpCH/content/id/2988374 (дата обращения: 21.01.2018).

На примере страны кочевников было показано всему миру, что, по Ленину, можно от феодализма перейти к социализму, минуя капитализм. Октябрьская революция дала толчок развитию национально-освободительного движения в Монголии, результатом которого стала победа Народной революции в 1921 г. После провозглашения народного правления страна взяла курс на социалистические преобразования.

По какому пути развития пошла бы Монголия, если бы сто лет назад в России не произошла Октябрьская социалистическая революция? Существует широкий спектр оценок последствий Октябрьской революции для истории человечества, но несомненно то, что она положила начало созданию мировой системы социализма, частью которой на протяжении 70 лет являлась Монголия. В эти годы возросли экономический потенциал МНР и её доля в мировом социалистическом хозяйстве. Монголия добилась международного признания. В 1962 г. Монголия вступила в СЭВ – экономическую ассоциацию, связывавшую коммунистические государства Восточной Европы и Советский Союз. В рамках СЭВ Монголии предоставлялись кредиты для развития экономики, была проведена индустриализация страны¹.

А что говорят соцсети? Если обратиться к анализу монгольских социальных сетей (ноябрь 2017 г.), то можно заметить весьма показательную дискуссию об Октябрьской революции и о влиянии Российской революции на Монголию.

Приведём три типа мнений:

1. Октябрьская революция есть главное событие всемирной истории и истории Монголии XX в.
2. Революция играла большую роль в Монголии. Монгольская революция с помощью Советской России принесла нам значительные достижения.
3. Октябрьская революция – это государственный переворот, который вёл к национальной катастрофе российских народов. 50 млн человек погибли в ГУЛАГе из-за этого переворота.

Вот типичный пример «дискуссии»:

- Октябрьская революция дала нам достижения, которые нам и не снились.
- Ха-ха, какие?
- Монголия – независимая демократическая страна. Наша нация стала здоровой. Дед, мой отец получили образование в России, я – в Японии. Это тебя, мудака, убедило?
- Нет, революционер красный.

На примере дискуссий о революции 1917 г. видно, что в связи со столетием Октябрьской революции актуализировалось внимание к революционным событиям в контексте взаимоотношений России и Монголии. Значительный

¹ Пагма. К столетию Великой Октябрьской революции. 2017 оны 11 7. URL: <http://jargaldefacto.com/article/k-1shsh-letiyu-welikoi-oktyabriskoi-rewolyutsii> (дата обращения: 11.03.2017).

вклад в дискуссию и трансформацию взглядов о революции в России вносят не только научные публикации, но и СМИ и кинематограф. В частности, современные российские фильмы (например, «Адмирал»), которые показывают по монгольским телевизионным каналам.

Оценка Монгольской революции. Проанализируем современную точку зрения на революцию в Монголии.

Национально-демократическая революция 1921 г. является началом нового этапа в истории Монголии, в ходе которого существенно изменились её облик и социальная структура. В начале XX в. Монголия была отсталой феодальной страной, находившейся в колониальной зависимости от маньчжурской династии, правившей в Китае.

Монголия – аграрная страна, в которой преобладало отсталое кочевое животноводство. Не существовало системы защиты от неблагоприятных природных условий и массовых заболеваний скота. Промышленность практически отсутствовала. Господствовало натуральное и полунатуральное хозяйство. Оно и было источником существования основной массы аратства. Основное богатство страны – скот – в значительной своей части находилось в руках светских и духовных феодалов. Лучшие животноводческие пастбища и другие земли принадлежали монастырям и представителям княжеского сословия. В среднем на одно хозяйство феодала приходилось 2370 голов скота, а на монастырское – 1285 голов. По подсчётам И. М. Майского, одно феодальное княжеское хозяйство имело в своей собственности в 17 раз больше крупного рогатого скота, в 37 раз больше овец и коз, в 49 раз – верблюдов, в 75 раз – лошадей¹.

Национально-демократическая революция 1921 г., совершённая аратами под руководством Монгольской народной партии (с 1925 г. – Монгольская народно-революционная партия), была подготовлена всем ходом исторического развития страны. Она явилась закономерным результатом длительной борьбы монгольского народа за национальное и социальное освобождение.

Важной вехой на этом пути стал 1911 г., когда в результате подъёма национально-освободительного движения было свергнуто маньчжурское господство и образовано монгольское феодально-теократическое государство. Однако подлинная независимость не была достигнута: в 1915 г. статус Монголии был низведён до уровня автономии в составе Китая. Следует отметить значение раскола феодального класса и изоляции феодальной верхушки в обществе вследствие её согласия с ликвидацией автономии в 1919 г. и роспуском монгольской армии.

¹ Джагнева О. А. Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы: 1921 – 2005 гг.: дисс. д. и. н. – Элиста, 2006, с. 305.

В дальнейшем испуганный и разоружённый феодальный класс не смог возглавить национально-освободительное движение. Эту функцию взяла на себя МНП, возникшая на базе слияния революционных кружков Сухэ-Батора и Чойбалсана. Пёстрый социальный состав МНП отражал потребности национального этапа революции (трудовое аратство, мелкие и средние феодалы, низшие ламы). МНП изначально была формой единого национального фронта, надклассовой организацией.

Первые контакты тайных кружков Монголии с большевиками были установлены в марте-мае 1920 г. В это время Ургу посетил С. С. Борисов – заведующий монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б)¹ (Энхбаатар, 2016). В июне 1920 г. была создана Народная партия, связавшая революционную борьбу монгольского народа с международным рабочим движением и выступившая за установление прочного сотрудничества с Советской Россией. Она активно использовала идеологическую, организационную, военную поддержку со стороны Советской России и Коминтерна. Важно отметить, что политическая платформа именно этой партии содержала тезис о необходимости передачи власти в руки народа путём организации выборов в народные хуралы. 1 – 3 марта 1921 г. состоялось партийное совещание МНП, которое в 1924 г. было объявлено первым Учредительным съездом МНП. Это совещание примечательно тем, что на нём были организационно и идеологически укреплены ряды партийцев, избран Центральный комитет партии. В него вошли Ц. Дамбадорж, Д. Лосол, председателем стал С. Данзан. Кроме того, на совещании была утверждена партийная платформа МНП, получившая название «10 принципов». «В платформе чётко прослеживается влияние идей и практики Коминтерна (власть народа, интернационализм, нетерпимость к другим течениям, жёсткость политики и т. д.), а главной задачей партии в платформе провозглашалось объединение всех монгольских племён в одно государство»².

1-й съезд партии выработал курс на вооружённое восстание. Было образовано Временное народное правительство, сформирована народная армия, главнокомандующим которой стал Д. Сухэ-Батор (1893 – 1923).

Если рассматривать революцию 1921 г. как часть мирового революционного движения, победе Национально-демократической революции под руководством МНП благоприятствовали нижеследующие внешние факторы:

¹ Ядамсүрэн Э. Борьба Монголии за независимость и становление политической системы страны. 2016 оны. // Вестник Российского университета дружбы народов (<http://journals.rudn.ru>). Серия «Всеобщая история», 2013, № 1, с. 86.

² Ядамсүрэн Э. Борьба Монголии за независимость..., с. 87.

1. Китайский контроль над Монголией был ослаблен начинавшейся борьбой за власть сил с различной внешнеполитической ориентацией: это проявилось в смене диктатуры Сюй Чужэна (прояпонская клика Ань-фу) на диктатуру Чен И (проанглосаксонская клика Чжили).

2. В отношении Монголии существовали острые противоречия между китайскими властями и Унгерном, проповедовавшим восстановление трёх монархий (Романовых в России, Богдо-гэгэна под его контролем в Монголии, Цинь в Китае).

3. Япония не могла вмешаться в монгольские дела, поскольку завязла в интервенции на российском Дальнем Востоке.

4. Унгерн оказался общим врагом Советской России и монгольского национально-освободительного движения, Красная армия внесла основной вклад в ликвидацию унгерновщины (просьба о помощи МНП Ленину, заверенная печатью Богдо-гэгэна).

Помощь Красной армии освободительному движению в Монголии стала сильнейшим фактором освобождения территории Монголии от чужеземных захватчиков¹. В 1921 – 1922 гг. Красная армия и монгольские солдаты сражались более чем в 200 больших и мелких боях с белогвардейцами барона Унгерна, А. П. Кайгородова и А. С. Бакича на территории Монголии².

10 июля 1921 г. было сформировано новое правительство во главе с одним из руководителей МНП Д. Бодо. В новое правительство, помимо членов МНП, вошли представители духовенства и князей. Богдо-гэгэн, глава ламаистской церкви, был провозглашён ограниченным монархом. Новые власти демонстрировали приверженность сплочению всех патриотических сил ради национальной независимости Монголии.

Победа Национально-демократической революции – важное событие монгольской истории, но только одно из аналогичных событий новейшей мировой истории. Уникальное место в мировой истории Монголия занимает благодаря социальному эксперименту некапиталистического развития, позволившему ей в короткий срок проделать путь от отсталого патриархально-феодалного общества к индустриально-аграрному уровню развития.

Меры народной власти для укрепления государства в 1921 – 1922 гг. В ходе революции национально-освободительная борьба сочеталась с демократическими преобразованиями.

В 1921 – 1924 гг. началась демократизация органов власти, было ликвидировано крепостничество, отменены феодальные повинности. Преодолевалась

¹ Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа, үүсэл хөгжил, тулгамдаж буй асуудлууд (Монголо-американские отношения в XX в.: возникновение, развитие и проблемы). – Улаанбаатар: ШУТИС-ийн хэвлэх үйлдвэр, 2001, с. 11.

² Отгонбаяр Ё. Эдрээт цагийн бичээс. монгол улсын тусгаар тогнолын товчоон (1915 – 1924). Цуврал 2. – Улаанбаатар хот, 2014 он., 214 х. (Записи смутного времени. Краткая история независимости Монгольского государства (1915 – 1924). Ч. 2. – Улан-Батор, 2014, 214 с.)

натуральность аратских хозяйств, повышалась роль мелкотоварного уклада. Осуществлялись меры по ограничению и вытеснению иностранного капитала, долги иностранным фирмам были аннулированы. Было положено начало созданию государственных и кооперативных предприятий и организаций. Из экономики страны стал последовательно вытесняться иностранный капитал, постепенно вся внешняя торговля была сосредоточена в руках государства¹.

Наряду с достижением независимости ещё одним крупным успехом революции 1921 г. стало реформирование и модернизация традиционного монгольского общества с учётом национальных и цивилизационных особенностей государства. 20 сентября 1921 г. было утверждено положение о создании Временного государственного хурала. В документе устанавливались порядок избрания делегатов хурала и порядок его работы². Так, создавалась многоступенчатая избирательная система, в рамках которой делегатов нижестоящих хуралов избирали снизу. Определялись также порядок выборов и принципы выборов: отмечалось, что необходимо избирать людей, которые хорошо знали бы бедствия и трудности народных масс, были честными, по возможности грамотными, способными выполнять свои функции. Согласно положению, выборы проводились открыто, происходило тщательное обсуждение каждой кандидатуры. Иногда после такого обсуждения главой администрации той или иной административной единицы избирали прежнего владетельного князя. Однако по причине того, что это не соответствовало политической линии руководства страны, результаты выборов объявлялись недействительными, и назначались повторные. Формирование хуралов могло длиться год. Это демонстрировало чрезмерный классовый подход в осуществлении избирательного права.

В происходивших в 1921 г. событиях огромную роль сыграла МНП, которая придерживалась идеи возрождения монгольской государственности на основе демократических идей, защиты религии и нации, установления нового строя в целях повышения качества жизни народа.

Важнейшей задачей нового монгольского правительства являлось укрепление государственности, достижение национального суверенитета и независимости. С этой целью правительство Монголии направило ноту США, Японии, Китаю и ряду других иностранных государств. В ноте правительству Китая Монголия сообщила о том, что народная власть Монголии отказывается от прежнего Кяхтинского договора, по которому Монголия являлась союзе-

¹ Лувсандорж Ш., Галиймаа Н., Болормаа О. и др. Монголын түүх. Б. 2. – Улаанбаатар: Адмон, 2004, 502 х.

² Там же.

реном Китая, но готова установить с китайским государством равноправные дружеские отношения¹.

4 декабря 1921 г. народное правительство обнародовало Декларацию независимости Монголии – документ, в котором оно провозгласило готовность установить на принципах равноправия дружественные отношения со всеми народами и государствами. Эта Декларация независимости и призывы к установлению равноправных отношений не нашли положительного отклика в мире. Китай, США, Япония, западные страны не только не признавали независимость Монголии, но и сообщили о ряде причин непризнания независимости². Только Советская Россия выразила готовность признать независимость Монголии, несмотря на сложности в отношениях с Китаем.

В октябре–ноябре 1921 г. в Москве прошли переговоры между правительственными делегациями России и Монголии. Задачей представителей Монголии было заключение политического соглашения с Россией, которое они рассматривали как важную гарантию укрепления независимости Монголии. Ход переговоров достаточно широко освещён в трудах российских и монгольских историков (Россия: И. Я. Златкин, А. Т. Якимов, М. С. Капица, Л. М. Гатаулина, С. К. Рошин, Г. С. Яскина, С. Г. Лузянин; Монголия: Б. Ширэндэв, Б. Балдоо, Л. Хашбат, С. Дамдинсүрэн, Л. Хайсандай и др.), опиравшихся на солидную источниковедческую базу. В ходе обсуждений содержания предстоявшего соглашения монгольская сторона подтвердила отказ Монголии от статуса автономии, изложив позицию своего правительства считать страну полностью независимым государством. Монголия не должна была в дальнейшем именоваться Автономной Монголией.

5 ноября 1921 г. в Москве в торжественной обстановке в особняке Народного комиссариата иностранных дел состоялось подписание соглашения между правительством РСФСР и правительством Народной Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. В тот же день дополнительно были подписаны ещё два протокола – об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства в Монголии и о сотрудничестве в области судопроизводства. 24 ноября последовало подписание третьего протокола о предоставлении правительством РСФСР правительству Монголии ссуды в объёме одного миллиона рублей. Эти два протокола заложили базу для экономического сотрудничества двух государств и отразили на перспективу его основной характер: предоставление Монголии помощи и различных экономических льгот. С одной стороны, это при-

¹ Монгол улсын туух (XX зуун). // Болдбаатар Ж. Санждорж М. Ширэндэв Б. Б. 5. – Улаанбаатар: Адмон, 2003, 506 х.

² Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа, үүсэл хөгжил, тулгамдаж буй асуудлууд (Монголо-американские отношения в XX в.: возникновение, развитие и проблемы). – Улаанбаатар: ШУТИС-ийн хэвлэх үйлдвэр, 2001, с. 11.

вязывало страну к России, а с другой – обеспечивало развитие её народного хозяйства в русле современных тенденций¹.

Стороны договорились о создании комиссии по установлению государственной границы, взаимно обязались не допускать на своей территории деятельность организаций и групп, враждебных другой стороне. Правительство РСФСР безвозмездно передавало в собственность монгольского народа принадлежавшую России на территории Монголии телеграфную сеть. Аннулировался долг Монголии царской России на сумму около 5 млн рублей.

Подписание соглашения между правительством РСФСР и правительством Народной Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией в 1921 г. было очень смелым и рискованным решением для обеих сторон, учитывая международную обстановку в Дальневосточном регионе.

На наш взгляд, одухотворённые идеями мировой революции и равенства народов всего мира российские революционеры не смогли отказать просьбе монгольских делегатов признать независимость Монголии, несмотря на свои весьма щекотливые отношения с Японией и Китаем в тот момент. С другой стороны, кроме соображений мировой революции и поддержки национально-освободительной борьбы на Востоке, это соглашение было выгодно России с точки зрения её безопасности. В этом смысле Советская Россия следовала политике России царской – иметь на периферии буферы в возможных конфликтах. Официальное признание Монголии со стороны Советской России соответствовало её национальным интересам и определяло конкретные политические и военные гарантии сохранения её государственности, а также достижения подлинной независимости от Китая. Благодаря подписанию соглашения между правительством РСФСР и правительством Народной Монголии в 1921 г., внешнеполитическое положение Монголии упрочилось, но всё же оно оставалось сложным и противоречивым. Монголия вела длительную и упорную борьбу за урегулирование отношений с Китаем, за широкое международное признание. Эта борьба растянулась на два с половиной десятилетия, вплоть до 1945 – 1946 гг.

¹ Джагнева. Указ. соч.

Октябрьская революция в зеркале итальянской провинциальной печати в 1917–1918 гг.: на примере газеты “Бергамское эхо”

Уго Перси (Италия)¹

Мировая пресса по-разному отреагировала на революционные события в России. Одни писали о происходящем в России на первых полосах газет, считая события очень важными. Другие размещали информацию в разделе международных новостей. Значительная часть мировой прессы рассматривала события 1917 года в контексте Первой мировой войны. Особое место среди событий занимает факт свержения Николая II, о чём пресса пишет вплоть до осени 1917 г.

Помимо центральных средств массовой информации, о событиях в России пишут и провинциальные газеты. Стоит отметить, что европейская пресса даже в условиях военного времени и последующих кризисов отличалась большей устойчивостью и прочностью традиций. Рассмотрим на примере итальянской газеты L'Esco di Bergamo («Бергамское эхо»), как освещались события в России в 1917 г. и какие известия получали жители г. Бергамо и его провинции, административным центром которой он являлся, о российских буднях.

Газета была основана в 1880 г. усилиями трёх интеллектуалов и предпринимателей, близких Католической церкви, с целью противостоять антицерковному давлению изначально либеральных, а затем социалистических сил. Они были уже представлены в регионе «Бергамской газетой». История L'Esco di Bergamo – это история её эволюции. Старт газеты был ярким, когда тираж приблизился к 1000 экземпляров. Поворотным моментом в истории газеты стала покупка в 1913 г. ротационной печатной машины, которая позволила многократно увеличить тираж, а значит, снизить себестоимость номера. Исходные установки на усиление влияния церкви как противовеса проникновению социалистических идей в среде рабочих не всегда срабатывали. Потому, борясь за популярность, во время забастовки на текстильном заводе «Цопфи» в 1909 г. газета поддержала рабочих. Спустя 30 лет после её основания газета значительно выросла как по объёму, так и по широте затрагиваемой тематики. В ней усиливается секулярное начало: появляются и национальная хроника, и обсуждение литературных новинок, и спортивные новости.

¹ Уго Перси (Ugo Persi), профессор, доктор филологии Бергамского государственного университета.

Традиции L'Eco di Bergamo. Газета существует почти 140 лет. Особенности этой газеты сегодня можно кратко изложить через кажущиеся противоречия:

- частная собственность и длительный срок существования;
- принадлежность бергамской епископальной курии и готовность к диалогу с некатолическими и нерелигиозными обществами, объединениями и официальными структурами;
- яркость и чёткость позиции в отражении жизни бергамской провинции и всего мира.

Эти характеристики являются продуктом перемен, обусловленных как долгой историей газеты, так и эволюцией, иногда и инволюцией, бергамского и в целом итальянского общества.

В истории L'Eco di Bergamo можно выделить несколько этапов.

1914 – 1918 гг. Накануне и во время Первой мировой войны газета отражала позиции папства и выступала за нейтралитет и за мир. В канун вступления Италии в войну был опубликован королевский декрет от 23 марта 1915 г., который предписывал правительству запретить любыми средствами публикацию статей и сообщений военного характера. Позднее запрет был снят, но цензура ограничила право газет сообщать о количестве раненых, убитых и пленных, о назначениях и перестановках в командовании, а также о предстоящих военных операциях. Публиковались только официальные сводки¹.

Ухудшение ситуации на фронте, казалось, привело командование к пониманию роли печати и её патриотической риторики в пропагандистских целях. Однако всё равно никто точно не знал, какова была ситуация на фронте и что происходило в России в 1917 г. Смена главнокомандующего итальянской армии оказала влияние не только на военную, но и на информационную сферу: в конце ноября 1917 г. был ограничен объём информации с фронтов 500 словами, а журналистов призвали отказаться от риторики и славословия².

По окончании войны и после заключения Версальского мира газета подвергла его резкой критике: «Плохой мир – не что иное, как предпосылка другой войны».

1920-е – 1930-е гг. Отношение газеты к появлению итальянского фашизма было неоднозначным: после первоначальной поддержки Народной партии, ориентированной на идеи Католической церкви, L'Eco di Bergamo выступила за целесообразность сотрудничества с партией Муссолини для противостояния т. н. «красной опасности». В то же время конкретные факты насилия членов фашистских отрядов заставили главного редактора не только высказать

¹ Урина Н. В. Очерки истории итальянской журналистики. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018, с. 78.

² Урина Н. В. Указ. соч., с. 79.

осторожные сомнения по поводу фашизма, но и взять курс на дистанцирование от фашистских структур и их вождя.

Вместе с тем редакция не могла полностью отделиться от позиции Ватикана и его благодарности дуче за разрешение длительного политического конфликта между Ватиканом и Итальянским королевством. Но благодарность режиму всё-таки не заслоняла способность видеть его постоянные злоупотребления, и когда в 1938 г. вступил в силу закон, направленный против иудеев, но итальянских граждан, газета без колебаний заявила, что «католики не могут согласиться с этим, потому что учение Церкви и высшие требования морали нельзя подвергать никаким субординациям биологической природы. В самом деле, нет никаких низших или высших рас, потому что, будучи способным к совершенствованию, человек не подчинён никакому фаталистическому и априорному принципу неполноценности». Газете угрожали закрытием, но она устояла. Новым редактором в 1938 г. стал священник, отец Андреа Спада, родившийся в отдалённой горной долине провинции Бергамо. Он возглавлял газету 51 год. Антивоенная и антифашистская позиция газеты при нём стала ещё более явной. По окончании войны газета поддержала образование партии *Democrazia Cristiana* и усилия правительства, направленные на восстановление страны.

1950-е – 1960-е гг. В 1958 г. по случаю выбора бергамского кардинала Анджело Ронкалли папой Иоанном XXIII газета не могла не выразить своего ликования и радости всех жителей бергамской земли по этому поводу. И позже она поддерживала усилия нового папы, направленные на обновление Католической церкви. Спустя десять лет, в 1968 г., Италия, как и все другие страны Европы, оказалась в водовороте студенческих протестов против устаревшей системы образования. Несмотря на остроту протеста, *L'Esco di Bergamo* выступила с обычной для неё сдержанностью: «Мы хотим более современную школу, но без подрыва существующей. Чтобы её сделать адекватной современным требованиям, мы не хотим её разрушить до основания и снова построить, а хотим её перестроить, оставить из старой структуры то, что является ещё ценным и достойным спасения».

Конец XX – начало XXI вв. 6 февраля 1994 г. *L'Esco di Bergamo* объявила о вступлении Берлускони в политическое сражение. Используя игру слов, основанную на термине «Кавалер труда» – награде, присваиваемой успешным предпринимателям – и на владении Берлускони многими печатными изданиями и телевизионными станциями, газета пишет: «Вступление на политическую арену мультимедийного Кавалера создало проблему последовательности и надёжности текущего политического положения... На экране Кавалер излагает свою лечебную терапию, которая в состоянии вылечить, по его мнению, все болезни страны... Что, в самом деле, предлагает Кавалер – так это подражание, Бог знает насколько надёжное, рейгановской и тэтчеровской политике. Удивительно всё-таки, что он делает вид, что не знает, какой безмер-

ной и сложной реальностью он должен будет управлять с помощью своих убажжающих формул заклинателя дождя».

В течение следующих лет газета сохраняет критическое и ироничное отношение к непредсказуемым и своенравным решениям премьер-министра. По инициативе нового главного редактора с января 1996 г. газета поставила себе задачу защитить и укрепить христианские корни газеты и гарантировать в то же время подачу корректной и ответственной информации, уважающей традиции и взгляды местного общества.

В интервью, опубликованном на страницах газеты, новый редактор утверждал, что её католическая линия должна быть смягчена, поскольку она является «как-то слишком явным выражением бергамской церкви», и продолжил: «Думаю, что курия имеет право пользоваться своим пространством в газете, тем не менее она не имеет права первенствовать: в самом деле, надо убедиться в том, что газета каждое утро находится в руках людей, имеющих очень разные политические пристрастия, культурное образование и религиозные убеждения».

В эти годы в газете происходят необходимые обновления концептуального и технического порядка, улучшается её оформление. Она становится привлекательнее, меньшего формата, были введены новые страницы и разделы, посвящённые жизни провинции. Сегодня L'Eco di Bergamo и газета соседнего города Il Giornale di Brescia пользуются совместной типографией с новейшим оборудованием, способным ежедневно печатать до 180 000 экземпляров (включая другие ломбардские газеты). В провинции, в которой живут около 700 000 жителей, квота бергамской газеты приближается к 60 000 экземплярам. L'Eco di Bergamo в настоящее время активно использует и современные виды коммуникации – телевидение, сеть – с целью стать полноценным контент-провайдером. Призвание L'Eco di Bergamo – отражая события местной жизни, широко представить собственный взгляд на остальной мир. Редакция газеты полна решимости сделать из неё glocal-газету [glocal – «глобальное» плюс «локальное» – *Red.*].

Революционные события в России на страницах L'Eco di Bergamo.

Стремление газеты не только писать о провинциальной жизни, но и отражать и давать свою оценку событиям в мире проявилось уже в первые десятилетия её существования. Явное доказательство этому – отражение на её страницах революционных событий осени 1917 – весны 1918 гг. в России. Из просмотренных номеров газеты с начала сентября 1917 до марта 1918 гг., т. е. до Брест-Литовского мирного договора, явствует, что газета сообщала о русской революции ежедневно, хотя новости о ней различаются по объёму и важности.

Общее впечатление заключается в том, что **пока тенденция революционных событий была неясной и надежда редакции на возвращение к статус-кво ещё была жива, статьи были обширнее и подробнее.** По мере укрепления нового советского правительства внимание газеты к российским делам постепенно уменьшалось, хотя вовсе не исчезло, а наоборот, оживилось в связи с началом переговоров в Брест-Литовске.

Однако этот процесс можно рассматривать и с другой точки зрения, т. е. в перспективе внутренней итальянской политики и событий, связанных с военными усилиями Италии на Восточном фронте против австро-венгерских войск – а именно конца октября 1917 г., когда после нескольких месяцев сопротивления, после ошибок итальянского главнокомандующего генерала Луиджи Кадорна враг прорвался вглубь на итальянскую территорию примерно на 150 километров до реки Пиаве, а затем оттуда началось медленное, но уже необратимое возвращение Италией своих территорий.

Поражение у городка Капоретто (ныне словенского г. Кобарид) было настолько тяжёлым и позорным, что до сих пор выражение «это настоящее Капоретто» обозначает безнадежный и постыдный крах вообще, даже в личной жизни человека. Это трагическое для Италии историческое событие, безусловно, **стало причиной ослабления пристального внимания L'Esco di Bergamo к русским событиям.** Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что речь идёт о провинциальной газете и что провинциальность г. Бергамо начала XX в. несравнима с сегодняшним статусом города – одного из ведущих промышленных и экономических центров современной Италии после таких крупных городов, как Милан и Турин.

5 сентября 1917 г. были опубликованы четыре коротких новости, касавшихся России, вместе с новостями с других военных фронтов: «Петроград угрожает?», «Русское правое крыло: отступление продолжается», «Русское правительство и совет вновь в конфликте», «Семья императора в Сибири».

Корреспондентскими пунктами этих четырёх сообщений были указаны четыре города: Париж, Петроград, Лондон и Цюрих. Это доказывает то, что бергамская газета, не имея достаточных финансовых средств для содержания собственных корреспондентов в столицах ведущих государств Европы, пользовалась при освещении русских событий информацией корреспондентов из важных центров мира, включая такую крупную финансовую площадку, как Цюрих (заметим, что уже в то время Бергамо был довольно важным банковским центром), или же черпала новости через пресс-агентства, как, например, ведущее римское агентство «Стефани».

11 сентября 1917 г. газета уделяет целую четверть первой полосы революционным событиям, там публикуются пять сообщений под общим названием «Новый государственный переворот в России. Генералиссимус в конфликте с главой правительства» и подзаголовком «Русские сюрпризы: каждый день по одному». Одна из статей полностью цитирует воззвание А. Ф. Керенского, касавшееся приказа генерала Л. Г. Корнилова вручить ему всю власть, как

политическую, так и военную, и комментарий к этому сообщению газеты. Главный вопрос, каким задаётся она: «Какое влияние окажет сегодняшнее внезапное изменение ситуации на армию?» – и ответ: «Россия уже дошла до жуткого распутья, не позволяющего остановки или колебания: ставка – само её существование». Статья заканчивается так: «Giornale d'Italia [Итальянская газета] сообщает, что новость о последних русских происшествиях показывает тяжеленную и, может быть, самую трагическую пору, переживаемую Россией. В то время как враг поражает её войска и грозит столице, Керенский... по мнению Giornale d'Italia, остаётся самой сильной и самой сознательной личностью, выявленной революцией, однако он борется со всё больше и больше нарастающими и несслыханными трудностями». Далее следуют короткие сообщения об уходе министра боеприпасов (по «Биржевым ведомостям») и о победе ленинцев в Кронштадте (по кронштадтской максималистской газете «Голос правды»).

12 сентября 1917 г. первая страница L'Eco di Bergamo оказалась разделённой на две части. Левая часть полосы страницы, как гласил симптоматичный заголовок, была целиком посвящена сути происходящего: «Русские события – к гражданской войне». Внутри раздела помещаются заметки о том, как Корнилов шёл на Петроград, о вмешательстве казаков, о двух соперниках (Корнилове и Керенском), о генезисе конфликта и т. д. Эти короткие заметки свидетельствуют о намерении редакции передать как можно более подробную и всестороннюю информацию о политическом положении далёкой страны. Предположение подтверждается, например, комментарием, выделенным курсивом, к сообщению о вмешательстве казаков: «Однако немало тех, кто предполагает, что казаки вступили в сговор с Корниловым. В самом деле, несколько недель назад представители казаков единодушно объявили правительству, что они не допустят, чтобы Корнилов отошёл от должности генералиссимуса, как требовали совет [Петроградский – *Ред.*] и социалисты. Сами казаки объявили готовность поддерживать Корнилова против кого бы то ни было, даже применением силы. Поэтому есть сомнения в том, что они внушили хоть какое-то доверие Керенскому».

Однако важно подчеркнуть, что новости о революционной России в номере 12 сентября 1917 г. не ограничиваются первой страницей. Они продолжают в специальном отделе на третьей странице, обычно посвящённой местной информации. Такое расположение новостей из России, однако, касается не только этого выпуска. Возможно, ради разностороннего взгляда на события в нём даются сообщения противоположного содержания: ситуация в Петрограде, мол, спокойная, как и в Москве, но депеша из Копенгагена утверждает обратное: население, мол, во власти паники ввиду столкновения корниловских и правительственных сил.

19 сентября 1917 г. газета сообщает о поражении Корнилова и возможном переводе столицы в Москву.

20 сентября 1917 г. газета публикует депешу от римского агентства «Стеффани» об отставке всего состава руководства совета.

Вслед за этим коротким сообщением публикуется довольно обширная заметка, в которой объясняется читателям, что такое совет: «Из всех организмов, созданных последней русской революцией, Совет солдат и рабочих... является, безусловно, самым поражающим зарубежное общественное мнение. Об этом организме у нас ещё не имеют ясного и точного представления. Поэтому приобретают особый интерес сведения, представленные русским писателем Ж. Черновым¹ в статье, которую мы нашли в одном номере французского журнала». После этой заметки следует длинный и подробный комментарий к злободневным событиям в России, опубликованный на основе депеши агентства «Рейтер» из Парижа по разрешению русского посла.

С первых номеров октября новости из России отошли на второй план по сравнению с международными откликами на послание папы Бенедикта XV по поводу мировой войны и военными событиями в Италии. 22 октября газета сообщает о речи А. Ф. Керенского перед Временным парламентом, в которой он «хвалит флот и порицает армию». Следует короткая заметка о разоблачениях генерала М. В. Алексеева по поводу ареста Корнилова.

9 ноября 1917 г. газета пишет об отречении Керенского от должности и о том, что максималисты овладели Петроградом. В начале статьи помещён комментарий: «Русская революция прожорливее Сатурна: чтобы утолять свой голод, она не перестаёт пожирать своих детей». 10 ноября 1917 г. газета сообщает о том, что 6-го числа того же месяца в Петрограде начался постепенный захват властных центров; 16-го числа – о том, что на улицах Москвы идут боевые действия и что сам Кремль подвергся артиллерийскому обстрелу. Другая короткая заметка сообщает об объявлении независимости со стороны Украины. 20 ноября 1917 г. появились новости, касавшиеся итальянской колонии в Москве, которая не пострадала от революционных беспорядков и обстрелов. В номере за 27 ноября L'Esco di Bergamo представляет три заметки, названные так: «В полной ленинской суматохе», «Золотые запасы помещены в надёжное место» и «Выборы в Учредительное собрание».

¹ Речь идёт о франко-русском писателе, юристе и историке Tchernoff, который публиковал статьи с разными вариантами своего имени – Iouda, Juda, Judas (Иехуда). Он родился в Нижнем Новгороде 25 декабря 1872 г. и умер в 1950-е гг.: точных данных о годе и месте его смерти нет. Предположение, что он умер в немецких концлагерях, кажется, неверное. Среди его многочисленных научных работ выделяется: *Le Parti républicain au coup d'État et sous le second Empire, d'après des documents et des souvenirs inédits* [Республиканская партия во время государственного переворота и Второй империи. По неизданным документам и воспоминаниям]. – Paris: Pedone,

В статье от 29 ноября 1917 г. о том, что правительство Ленина находится в опасности, цитируется следующая мысль Н. А. Маклакова:

«Большевицкое правительство, которое пока одержало верх над полицией, похоже на банду Бонно». Упоминание о знаменитой банде парижских преступников не случайно: её глава Жюль Бонно, прежде чем стать вором, преступником и до работы шофёром в лондонский период у сэра Артура Конан Дойла, был анархистом. И в самом деле, на следующий день в сообщении агентства из Рима под названием «Дипломатические разоблачительные сведения и вступление Италии» автор, очевидно выдавая распространённое мнение и пользуясь необычно жёстким для бергамской газеты языком, называет большевиков именно анархистами, не удерживаясь от таких оскорблений-эпитетов в адрес новых властей, как «стадо страдающих галлюцинациями и подкупленных... выставляющих ту великую страну на международный позор».

В статье выдвигается следующая гипотеза: «В Берлине и Вене думают, что выгоднее всего оставить Россию ещё некоторое время во власти её анархического разложения, чтобы им было удобно воспользоваться этим в более или менее близкий период». Статья заканчивается намёком на заявление, сделанное итальянским премьер-министром С. Соннино 21 октября по поводу возможности военного участия России в пользу Италии, против которой центральные империи собирались начать наступление: «Этот шаг г. Соннино имеет значение, потому что доказывает, что наше правительство даёт себе отчёт о политической важности немецкого начинания [т. е. представление о большевистской революции как германском акте – *Ред.*], хотя г. Соннино ещё строит себе некоторые иллюзии о прочности России как действительной и воюющей державы».

1 декабря 1917 г. бергамская газета посвящает русским событиям три столбца из пяти на первой странице, где размещены короткие заметки: «Рядовые солдаты, назначенные командующими», «Несогласия в армии», «Русские города во власти максималистов», «Выборы в Учредительное собрание», «Новое коалиционное правительство без большевиков?», «Переговоры ленинцев за перемирие», «Как прошли переговоры» и т. д.

Заметка «Ленинизм», представив разные размышления о международной политике, утверждает, что «каждый раз, когда устанавливается революционное течение, сразу обнаруживается, что это течение исходит из Берлина... Интернационал в Европе и в Америке – это немецкий институт». 5 декабря газета сообщает, что большевики отстранили русского посла в Париже; 9-го числа – что максималисты захватили государственное золото; 31-го числа – что Иркутск горит и французский консул убит.

1906, 676 р. По всей вероятности статья, на которую намекает L'Eco di Bergamo, называется «Le Soviet de Pétrograd» // «La Revue de Paris», 24, т. 4, август 1917 г.

Обзор русской политической ситуации в 1918 году на страницах L'Esco di Bergamo начинается под знаком брест-литовских переговоров. Внимание к ним не ослабевает, хотя объём отдельных статей и сообщений сокращается. Пишут о брест-литовских переговорах и судьбе императорской семьи (21 января); об атмосфере страха в Финляндии, об отношениях между духовенством и новым режимом (7 февраля); о том, что Ленин, Троцкий и другие состоят на службе у Германии (9 февраля). Газетная хроника постоянного продвижения немцев длится несколько дней – до 28 февраля, когда появилась новость о том, что большевики объявили о военной опасности для России со стороны Германии.

3 марта 1918 г. газета опубликовала полный текст мирного договора между Германией и Советской Россией.

6 марта 1917 г. сообщения из Брест-Литовска заканчиваются статьёй-комментарием «Как Россия подписала свой позор». Это название и эта жёсткая характеристика являют собой оценку значения договора с точки зрения его последствий не только для Советской России, но и для других стран, вовлечённых в войну. Между строк подразумевается прежде всего сама Италия, которая, наоборот, несмотря на военные неудачи, решила продолжить войну против Австрии, считая это решение самым достойным.

В заключение можно утверждать, что отражение революционных событий в России с осени 1917 и до весны 1918 гг. на страницах бергамской газеты нельзя считать полностью беспристрастным, особенно в немногочисленных комментариях к статьям, учитывая её институциональную принадлежность к епископальной курии. Вместе с тем стоит отметить стремление редакции ко взвешенной позиции при передаче часто противоречивых сообщений. Этот факт свидетельствует в пользу ответственной позиции руководства L'Esco di Bergamo, что и позволило ей сохранить до сих пор влияние среди СМИ Италии.

Послереволюционные годы в воспоминаниях потомственного почётного гражданина Мурома К. В. Жадина

Анна Горская (Россия)¹

Константин Владимирович Жадин родился в 1896 г. в Муроме в семье купеческого сына первой гильдии, потомственного почётного гражданина Владимира Константиновича Жадина (1856 – 1919).

К. В. Жадина (1896 – 1959) можно назвать типичным представителем среднего класса небольшого провинциального города Центральной России. В этом смысле произошедшее с ним в послереволюционные годы и его ощущения от происходящего в известной степени можно экстраполировать на весь слой общества, к которому он некогда принадлежал.

Жадины – это старинный и разветвлённый купеческий муромский род, известный по писцовым книгам города ещё с XVI в. По матери – Прасковье Петровне (1859 – 1923) – Константин Жадин был в родстве с не менее старым купеческим родом Зворыкиных.

Дед нашего героя – Константин Данилович Жадин (1812 – 1880) – был первой гильдии купеческим сыном, ратманом Муромского магистрата. В 1882 г. им был создан торговый дом «Константина Жадина сыновья», куда вошли Иван, Николай, Алексей и Владимир Константиновичи Жадины. Эта фирма имела крахмало-паточное, картофельно-тёрочное, мыловаренное и сально-свечное производство в Муроме и Меленковском уезде². По понятным причинам в своей автобиографии в 1955 г. К. В. Жадин указал, что родился в семье рабочего-мыловара.

В семье было трое детей: старший брат Борис (1884 г. р.), средний Алексей (1893 г. р.) и Константин (1896 г. р.), который был самым младшим братом из выживших детей. Семья не была богата, но её вполне можно отнести к среднему классу. Жадины владели собственным домом с антресолями и садом в 120 сажень на одной из главных улиц города Муром – Московской. Содержали прислугу: кухарку, горничную, кучера, дворника. Держали двух лошадей – рабочую и ездовую, имели экипажи и зимние сани. Тем не менее в воспоминаниях не раз упоминаются квартиранты. И в 1916 г. новому кварти-

¹ Горская Анна Алексеевна, заместитель директора по научной и просветительской работе Муромского историко-художественного музея.

² Фабрично-заводская промышленность во Владимирской губернии. // Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир, 1900, с. 158.

ранту радуются, потому что это «хорошее подспорье». В семье постоянно живёт незамужняя (или вдовая – выяснить это пока не удалось) сестра матери – Елена Петровна Зворыкина, К. В. Жадин зовёт её тётя Лена. С отцом Константином она, видимо, не в очень хороших отношениях, тот часто ворчит на неё и хочет повысить плату за квартиру, утверждая, что 40 рублей – это по нынешним временам (1916 г.) очень мало.

Всем детям родители оплатили учёбу в реальном училище, репетиторов. Старший брат окончил Императорское московское инженерное училище, но с учёбой Константина всё уже не так благополучно – деньги на университет ему обещала давать крёстная. В 1916 г. она подарила юноше 75 рублей: 50 рублей за право учения и ещё 25 рублей на книги. В 1916 г. Константин окончил реальное училище и поступил на физико-математический факультет в Казанский университет. В момент Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Константина не было в Муроме, и не сохранилось его воспоминаний о них.

Старший брат Б. В. Жадин накануне революции жил в городе Шарье Костромской области, работал на железной дороге. Братья переписывались, пересылали друг другу пространные «письма-дневники» и автобиографические рассказы. Эта переписка продолжалась на протяжении всей жизни и сохранилась в семье старшего брата, а недавно его родственниками была передана в Муромский историко-художественный музей.

О первых послереволюционных годах К. В. Жадиным было написано два рассказа: «Слава в вышних Богу» и «Метель». Первый рассказ был написан в 1926 г., а второй – в 1956 – 1958 гг. Оба произведения состоят из литературно обработанных дневниковых записей разных лет, связанных единым сюжетом: в первом рассказе – описаниями богослужения в разных городах и храмах и образом метели – во втором. В рассказах отразились бытовые подробности происходящего и эмоциональное состояние автора. Несколько раз одни и те же события упомянуты в обоих рассказах, и по их эпизодам можно реконструировать жизнь К. В. Жадина в 1900-х – 1920-х гг.

Рассказ «Слава в вышних Богу» назван по строкам из Евангелия от Луки: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Эти же слова являются началом великого славословия, которое входит в состав праздничной утрени. Полностью в рассказе строка ни разу не повторяется, словно подчёркивая этим, что ни мира на земле, ни благоволения в человеках нет.

Первые части обоих рассказов относятся ещё к детству автора. В них описываются умиротворённые картины семейной жизни: вот мама и тётя Лена шьют для старшего брата маскарадный костюм – «огромное алое домино», вот мальчик рассматривает журнал «Московский листок» и отдельные зарисовки на большой странице «Москва под снегом». Вот зима 1907 г. – мальчик Костя играет во дворе с салазками, воображает, что это тройка едет по полю,

торопится в город. Следующий 1908 г. – брат заболел скарлатиной, и Костю отселили от него наверх, на антресоли:

«Всё в доме затихло! Папу и маму я не видел несколько дней: они не общались со мной, боясь передать мне заразную болезнь... А через несколько дней заболел и я»¹.

В 1910 г. на святках была помолвка старшего брата Бориса. Иногда Костя, уже реалист III класса, ездит за невестой брата Верой, старается понравиться новым родным:

«Я пил чай, отвечал бойко, с оттенком юмора, на разные вопросы, болтал, старался быть приятным и вежливым – и все смеялись. А я был очень доволен собой: мне казалось, что всем нравлюсь и вообще “светский молодой человек”, за чем я в то время очень гнался»².

1914 г., 14 ноября. В женской гимназии традиционный бал. Константин описывает, как танцует все танцы, обменивается открытками и секретками с гимназистками, а потом провожает домой на своих санях Марусю Суздальцеву:

«Вьюга мела и выла, а я ещё стоял у немых ворот её дома... Ехал я по совершенно пустым улицам. Многие фонари погасил ветер. Лошадь мчалась как угорелая. Кучер что-то ворчал. А мне – хотелось петь! Мне хотелось мчаться в этом ветре, в этой стихии, подставляя горячее лицо ветру и снегу, и радость, буйная радость юности, перехлёстывала и метель, и вой ветра»³.

Близится окончание реального училища в 1916 г. В одну из суббот юноша остался дома, чтобы доучить уроки, а родители уехали ко всенощной. Семья была традиционно религиозной, и во время праздников службы посещались неукоснительно. Доучив уроки, Константин тоже спешит на службу, но его мысли заняты совсем не религией. Он думает о том, чтобы пойти потом погулять на Московскую – главную улицу города и, надевая фуражку и перчатки, отмечает, что «фуражка и перчатки требуют особой тщательности: надо, чтобы фуражка сидела строго, прямо, касаясь козырьком переносицы. Перчатки – натянута должны быть».

В храме во время службы юноша молится, стоя на коленях:

«Я молюсь, молюсь о будущем. Молю простить меня за тех, кого я обидел. “Прости за папу! – жарко шепчу я. – Сохрани маму! Просвяти Лёшу! Сделай меня добрым, умным, честным! Дай мне окончить реалку, сделай так, чтобы я был доктором!”»⁴

¹ Жадин К. В. Метель. 1956 – 1958 гг. // МИХМ ВХ-10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Жадин К. В. Слава в вышних Богу. 1926 г. // МИХМ ВХ-10.

Потом мальчик отправляется на улицу Московскую, где происходит праздничное гулянье и встречи с гимназистками.

Следующая зарисовка – Первая мировая война. По улицам шагают солдаты:

«Идут с ротами, едут на извозчиках, идут по тротуарам офицеры... Молодые, красивые, уродливые, стройные, неуклюжие. Все будущие жертвы. За что? Жаль!.. Гул колоколов нелепо резко переплетается с “Взвейтесь, соколы, орлами”, с “Из-за лесу, лесу тёмного”»¹.

На этот раз молитва грустная, автор думает о том, кому ещё суждено погибнуть на войне. Многих из молодых прихожан нет, они на фронте или уже убиты. Далее в рассказе описаны ещё несколько богослужений в разных храмах и разных городах. С каждым разом герой рассказа всё больше размышляет в храме, нежели молится – об одиночестве, об умерших близких, о чёрстости души.

«Ещё раз перекрестился и вышел. Ничего для души. Иду и думаю: а как же раньше-то? Молился ведь. Душа дрожала чистым светом и радостью. Прошло, верно. Одеревенел»².

В 1919 г. по окончании математического факультета он перевёлся на медицинский факультет Киевского медицинского института и в ноябре был мобилизован как медик на борьбу с сыпно-тифозной эпидемией в Муроме и назначен братом милосердия в 748-й эвакогоспиталь.

«1919 г. Революция. Хаос. Грабят награбленное. Голод... Холод. Нищета. Эпидемии. Гражданская война. Я мобилизован на сыпной тиф в железнодорожную больницу в 3 километрах от города. Внешне воспитанный, вежливый, тихо улыбочивый, немного грустный. Замкнутый, иногда смешливый. Растерянный внутренне и наивно доверчивый. Сбитый с толку и верный совести»³.

1919 г., кроме разрухи и неустроенности, принёс Жадиным ещё и личные потери: 14 сентября скончался отец, 6 декабря – брат Алексей. Дома уже никого нет – брат и отец умерли, мать уехала к старшему сыну, а тётя Лена лежит в рабочей больнице с крупозным воспалением обоих лёгких. Константин приезжает не в родной дом, а «на Сретенскую, в родовой дом, холодный, мрачный, постылый». Дров нет, и топить нечем, поэтому дома холодно. Кроме того, дом пострадал от грабителей, часть окон разбита, и в них гуляет ветер. Холодно и в больнице, некоторые больные лежат в шубах и шапках, а женщины – в шалях.

¹ Жадин К. В. Слава в вышних Богу. 1926 г. // МИХМ ВХ-10.

² Там же.

³ Жадин К. В. Метель. 1956 – 1958 гг. // МИХМ ВХ-10.

Ситуация усугубляется тем, что денег на еду нет и Константин ходит голодный. Нет средств и на одежду с обувью: «Стыжусь и скрываю, что под правым сапогом, под пяткой большая дыра».

Погода стоит холодная, и Константин, у которого нет денег на извозчика, ходит пешком через метель за город в железнодорожную больницу на работу. Работают всю неделю, по субботам тоже. Воспоминания о дороге через поле и вьюге встречаются в обоих рассказах.

Однажды в поле он сбился с пути, увяз в сугробе и уснул. Разбудил его бой часов на колокольне церкви Напольного кладбища, мимо которого шёл путь. Он очнулся в ужасе, без головного убора, с оледеневшими волосами. Смог нашарить под снегом фуражку:

«Раздался где-то свисток паровоза, прорезал вой ветра, стон метели и разбудил меня... Как во хмелю, кружилась голова, мысли скакали. Как снежинки и всё яснее и яснее мозг кричал: “Беги, беги – там ждёт тётя Лена”. И я бежал. Спотыкаясь, раскачиваясь, словно бежал впервые в жизни, бежал на звон, на то место, где прогудел паровоз. Вот стала твёрже дорога под ногами... Вот тускло качаясь, то вспыхивая, то исчезая, стал мелькать какой-то огонь... Я приближался к кубовой будке... А метель всё бесновалась. Ветер валил, хлестал лицо, задираал полы шинели. Я всё бежал. Уж снова пот стал выступать на мне... Снова становилось жарко, но я бежал до самого переезда. Вот город. Уныло и тускло светятся крайние домишки с маленькими оконцами. Людей никого. И я рад был этому: словно мне стыдно было, что я замерзал в поле, что я, никем не видимый, рыдал там»¹.

Во время посещения тётки Лены в больнице вновь раздаётся колокольный звон:

«Равнодушная сиделка подходит к окну и крестится. “К славе в вышних заблаговестили”, – говорит она и медленно, глядя в чёрную тьму рамы – крестится. Тётя Лена слабо крестит себя. Душа сжалась... “Господи...” – про себя подумал я. Смотрю на тётю Лену, думаю бессвязно: как мы с ней вместе ходили ко всеобщей под руку. “Ты проводи меня, Костка, а то я упасть боюсь. Скользко!” Потом – как я на салазках привёз её сюда больную. На руках, такую маленькую, внёс в эту палату... Беспечно улыбаюсь. “Что вам принести-то, Кока?” Переливается звон... Стелется по палате. Звенит у меня в мозгу»².

Благовест оказывается погребальным звоном – тётя Лена умирает. Из опустевшего Мурома Константин уезжает учиться в Киев, потом переезжает в Москву. Оканчивается рассказ описанием богослужения в Москве. Описыва-

¹ Жадин К. В. Метель. 1956 – 1958 гг. // МИХМ ВХ-10

² Жадин К. В. Слава в вышних Богу. 1926 г. // МИХМ ВХ-10.

емое происходит между 1923 годом – годом смерти матери и 1926 годом – когда был написан рассказ:

«Зашёл в церковь. Давно не был! Дождался любимого: “Слава в вышних Богу”. А молиться не могу. Иногда пробегают тёплые струйки по душе, но не то это, что в далёком Муроме... Я силюсь припомнить: когда это умерла у меня душа?! Как чётки, перебираю последние переживания... Мама! Вот когда! Мама! Хотелось разрыдаться, биться головой о чугунные плиты с орлами на полу... Молился ли я? Нет! Только размышлял. Пошлым показался я сам себе и вышел. И вспомнился Муром. Уютный большой дом... Горячо любимые, заботливые, дорогие... Нет никого. Разбросаны, как снежинки в метели. Погибли! Погибли все! Изломалась, опошлилась, растрескалась душа».

В рассказе «Метель» из погодного явления до революции после неё метель превращается уже в метафору – вихрь, закруживший и разметавший семью, уничтоживший не только былой уклад жизни, но и личности самих людей. Теперь они вынуждены скрывать свои мысли и чувства, делать вид, что довольны жизнью и поддерживают советский строй. Открыто делиться рассказами о прошлом не так-то безопасно, как это хорошо известно репрессированному Константину Владимировичу. И братья могут писать воспоминания только друг другу.

В 1956 г., в год тяжёлого обострения болезни и своего 60-летия, в конце рассказа «Метель» Константин Владимирович обозначил своё отношение к сохранению воспоминаний:

«1956 г. 24 февраля. Ночь... Не спится... Кругом всё спит... За окном розовой низкой комнаты бушует метель. **Где-то воет ветер. Грубо скребутся мыши. Ненужный город! Ненужная, стареющая жизнь... Неужели – всё в прошлом?!** Как страшно, как горько... И как жаль! Как в видении, проходит караван воспоминаний! Всё ушло, “как с белых яблонь дым”. И вдруг – всплывают отчётливо картины из далёкого детства... Детство... Юность... Всё ушло... Всё потеряно, погибло, размётано в тоске сибирских таёжных степных ночей, в грохоте столиц, в горечи ошибок, разочарований, обид и лишений... Всё ушло, потеряно – неозвратно. И даже – не оплакано! Ночь... Не спится... Раскрываю тетрадь, задумчиво беру перо и... пишу! Никому, ни для кого... Только чтобы удержать нахлынувшие воспоминания! Только чтобы от меня остался след!»¹

Судьба оказалась к К. В. Жадину несправедлива: в апреле 1939 г. он был арестован по статье 58 пункт 10 УК РСФСР по обвинению в пропаганде или агитации, содержащей призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений. Свидетели не подтвердили обвинения, но Жадина всё равно 10,5 меся-

¹ Жадин К. В. Метель. 1956 – 1958 гг. // МИХМ ВХ-10.

цев держали под стражей в Таганской тюрьме. В феврале 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР «за антисоветские высказывания» выслало его на три года в Сиблаг без поражения в правах. В лагере он ходатайствовал о реабилитации, которую получил в 1941 г., но уехать из лагеря он из-за войны не мог и остался при управлении Сиблага в качестве вольнонаёмного руководить больницей и поликлиникой. Там он работал до осени 1943 г., когда у него была обнаружена язва двенадцатиперстной кишки и Жадин, получив инвалидность второй группы, выехал в начале января 1944 г. в Москву.

В столице он работал в Первом московском ордена Ленина медицинском институте, а затем – в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте им. М. Ф. Владимирского и Центральной клинике МПС.

Через десять лет после первого ареста вновь подвергся гонениям и в 1949 г. был вынужден покинуть Москву в десятидневный срок из-за запрета селиться в столицах и крупных городах. Жадин переехал в Курск, жил на съёмной квартире, писал обращения в Центральную прокуратуру о пересмотре своего дела и снятии запрещения жить в столицах. Оно так и не было снято, и он не смог переехать жить к брату в г. Горький. Здоровье ухудшалось, к язве добавился эндартериит, состояние усугублялось моральными страданиями:

«Я хочу, как и поныне, быть полезным обществу своими трудами и знаниями, накопленными за 27-летний стаж, и естественно, когда с меня будет снят позорный штамп (ст. 39), который порой даёт людям право или третировать меня, или сторониться, что морально всякий раз ранит, незаслуженно оскорбляет и тем самым понижают мою работоспособность»¹.

Но ходатайства удовлетворены не были. К. В. Жадин скончался вдали от брата в 1959 г. от инфаркта. Был реабилитирован в 1996 г. Прокуратурой г. Москвы.

¹ Жадин К. В. Автобиография. 1955 г. // МИХМ ВХ-10.

Октябрьская революция в воспоминаниях ее участников (по материалам Национального музея Республики Татарстан)

Анастасия Мокрополова (Россия)¹

Отношение советской власти к исторической науке оценивается неоднозначно. Это объясняется тем, что историческая наука длительное время испытывала на себе давление со стороны государства, использовалась как идеологическое орудие. В частности, эта тенденция выразилась и в процессе создания коллективной памяти о революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне. Уже в 1920 г. была учреждена Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) – Истпарт, основной задачей которой был сбор, хранение и анализ различных документов, имеющих отношение к ключевым этапам становления советской власти. Другим направлением деятельности этой организации была публикация собранных источников, в числе которых были и воспоминания участников Февральской и Октябрьской революций. В фондах Национального музея РТ сохранилось несколько документов, свидетельствующих о работе отделений Истпарта с непосредственными участниками Гражданской и Чапанной войны: им направлялись специальные анкеты для заполнения, а также запрашивались подлинники или копии документов, фотографий и прочих материалов. Однако ценность мемуарных документов была осознана не сразу.

В рамках своей издательской деятельности Истпарт занимался выпуском журналов исторического содержания. С начала 1920-х гг. выходили такие журналы, как «Пролетарская революция» и «Бюллетень Истпарта». В фонде периодической печати Национального музея РТ сохранился юбилейный номер журнала «Пролетарская революция», выпущенный к пятилетию Октябрьской революции. Казанское бюро с марта 1922 г. имело собственное издание – журнал «Пути революции». Фонды музея располагают несколькими экземплярами первого номера журнала.

Как правило, сложность использования мемуаров и воспоминаний разного рода в исторических исследованиях связана с высокой степенью субъективности оценок, дающихся историческим событиям в этих документах. Вместе с тем факты, содержащиеся в них, зачастую оказываются уникальными, показывают особую точку зрения на описываемые события. Благода-

¹ Мокрополова Анастасия Дмитриевна, младший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан.

ря этому мемуарные источники позволяют дополнить исследование деталями, которые невозможно найти в прочих документах. В свою очередь, использование целого корпуса мемуаров открывает широкие возможности для микроисторического подхода к изучению тех или иных событий. Необходимо помнить о том, что мемуары и воспоминания, как правило, создаются их авторами спустя некоторое время после описываемого периода. С одной стороны, такое дистанцирование может стать причиной некоторой неточности представленных в документе фактов, с другой – делает источник ещё более ценным, так как текст, содержащийся в нём, не просто фиксирует определённые события, имевшие место в прошлом, но и свидетельствует о взглядах человека другой эпохи на эти события. Поэтому необходимо учитывать исторический контекст того времени, когда создавался источник, и особенно это необходимо в случае с воспоминаниями о революциях 1917 г.

Всего в фонде письменных источников Национального музея РТ хранится 24 документа, представляющих собой воспоминания участников Октябрьской революции, которых, как правило, не обошла стороной и Гражданская война. Эти воспоминания обладают разной степенью информативности, но в целом отражают обстановку, сложившуюся к октябрю 1917 г. в среде рабочих и солдат. Большая часть воспоминаний получена после обращения Государственного музея Татарской Республики (ныне – Национальный музей РТ) к непосредственным участникам революционных событий. Сбор воспоминаний, как правило, был приурочен к юбилеям Октябрьской революции.

Интересно то, как в воспоминаниях отражается степень вовлечённости того или иного участника в происходящие события. В ряде случаев авторы воспоминаний указывают на низкую степень информированности как в отношении самих событий, так и программы большевистской партии. Так, уроженец Казанской губернии Павел Васильевич Бобонин, который в период февраля – октября 1917 г. находился на военной службе – он был матросом на крейсере «Россия», пишет о периоде, последовавшем непосредственно за Февральской революцией: «Военный флот, стоящий в Финляндии, не мог сразу начать революцию. Не было точных результатов из Петрограда... В конце февраля приехали из Петрограда представители из партии большевиков»¹. По видимому, определённая часть солдат плохо разбиралась и в политической обстановке в стране, в политических партиях: «В то время я плохо разбирался в политике и не представлял себе, кто большевики и кто меньшевики, т. к. со мной и другими солдатами никто не занимался, да и некому было»². Сходная ситуация наблюдается и среди солдат, находившихся в Казани. Можно предположить, что такое положение сложилось ввиду отдалённости авторов этих

¹ Автобиография Бобонина П. В. // Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ), В-15067/1, 5 л., л. 1.

² Воспоминания Орлова И. В. об Октябрьской революции. // НМРТ, ДВХ-17/520, 7 л., л. 2.

воспоминаний от центров революционных событий: П. В. Бобонин находился в Финляндии, И. В. Орлов – в Ташкенте. Однако и текст, написанный участником Октябрьской революции в Москве, создаёт впечатление пассивной вовлечённости его автора, В. В. Кузьмичёва, в события. Сам он говорит о своей оторванности, о непонимании политической ситуации в стране после Февральской революции: «Лично для меня с начала Февральской революции много было неясного»¹. Изученные документы показывают, что в целом достаточно низкая осведомлённость о политических событиях, программах партий, обстановке в городе, регионе характерна для солдат. Противоположная ситуация наблюдается в рабочей среде. В Национальном музее РТ хранятся воспоминания рабочих Алафузовского и Порохового заводов, где формировались отряды Красной гвардии. Наибольший интерес представляют воспоминания К. С. Лунина, рабочего Алафузовского завода. Он очень подробно описывает события, предшествовавшие Октябрьскому вооружённому восстанию, а также сам его ход: сооружение баррикад, расположение отдельных отрядов Красной гвардии. В частности, он описывает процесс обстрела Казанской крепости (кремля): «24 и 25 октября и ночью, и днём били по крепости из винтовок, из пулемёта, установленного на колокольне церкви в Адмиралтейской слободе... Также били из двух орудий, установленных на Ягодинском базаре»². По его воспоминаниям, в крепость проникли с двух сторон: отряд Красной гвардии Алафузовской фабрики – со стороны Воскресенской улицы, через главные ворота, а красногвардейцы Порохового завода – через задние ворота.

Факт обстрела Казанской крепости нашёл отражение и в воспоминаниях других участников Октябрьской революции. Так, З. С. Саттаров, состоявший в отряде Красной гвардии Порохового завода, точно описывает расположение орудий, из которых вели обстрел кремля: «Наш отряд установил на Базарной площади (Ягодная слобода) два трёхдюймовых орудия и одно орудие – около церкви, между главными воротами и Казанской, стали обстреливать кремль, где находились юнкера»³. Известно также, что обстрел вёлся ещё и со второй точки: с Арского поля, где находилась 2-я артиллерийская бригада – этот

¹ Воспоминания Кузьмичёва В. В., участника Октябрьской революции в Москве. // НМРТ, ДВХ-17/515, 15 л., л. 7.

² Воспоминания Лунина К. С. об Октябрьской социалистической революции в Казани. // НМРТ, ДВХ-17/519, 4 л., л. 2.

³ Воспоминания Саттарова З. С., участника Октябрьской революции в Казани. // НМРТ, КППи-116285, 2 л., л. 1.

факт нашёл отражение в воспоминаниях Я. Ф. Иванова¹, Д. В. Абросимова², А. М. Мишина³.

Изучение источников мемуарного характера, особенно связанных с таким сложным историческим явлением, как Октябрьская революция, неизбежно сопряжено с выявлением определённых шаблонов, применяемых авторами таких документов для обозначения событий или отдельных групп людей. В случае с воспоминаниями казанцев – участников революционных событий можно отметить, что в целом тексты написаны в достаточно сдержанной манере, большая часть авторов избегает оценок событий и противника. В отдельных документах встречаются фразы «буржуазное Временное правительство», «буржуазные министры», однако можно предположить, что эти метафоры стали результатом влияния идеологических установок последующих лет.

Воспоминания участников Октябрьской революции не просто позволяют выявить степень вовлечённости отдельного человека в события, они формируют образ отдельных лиц революции – простых людей, каждый из которых оказался в гуще событий и внёс свой вклад в происходящее.

¹ Воспоминания Иванова Я. Ф. о событиях октябрьских дней 1917 г. в Казани. // НМРТ, ДВХ-17/522, 2 л., л. 2.

² Воспоминания Абросимова Д. В. Незабываемые дни. // НМРТ, ДВХ-17/523, 2 л., л. 1.

³ Воспоминания Мишина А. М. об Октябрьской революции в Казани. // НМРТ, ДВХ-17/524, 7 л., л. 5.

Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917 - 1918 гг.)

Екатерина Самушкина (Россия)¹

Преобразования в России начала XX в. обусловили процессы модернизации среди алтайцев. В условиях трансформации социальных связей, традиционной культуры этническая элита Горного Алтая начинает деятельность по конструированию идентичностей. Под этнической элитой в данном исследовании понимается социальная группа, наделённая культурным капиталом, формирующая и транслирующая ценности и символы своей этнической группы.

После Февральской революции новая алтайская элита активно включилась в политическую жизнь региона с требованиями по созданию местных органов власти. В мае 1917 г. один из идеологов этнонационального движения – художник и общественный деятель Г. И. Чорос-Гуркин на сессии Томского народного губернского собрания сделал доклад «Об Алтае и его нуждах». В своём выступлении он обозначил основные проблемы сибирских аборигенов: отсутствие политического равноправия, невозможность свободного развития родного языка и культуры, утрата традиционных земель в ходе переселенческого движения. Отдельно был поставлен вопрос о выделении Горного Алтая из Бийского уезда Томской губернии в самостоятельный уезд.

Зарождавшийся алтайский этнонациональный политический дискурс сопровождался его символизацией. В ходе своего выступления в мае 1917 г. Г. И. Чорос-Гуркин продемонстрировал спроектированный им национальный флаг алтайцев. Знамя представляло собой красное полотнище, с левой стороны которого помещался треугольник, символизирующий голубой солнечный Алтай. Под треугольником – извивающаяся полоска молочно-зелёного цвета – река Катунь, над треугольником – восходящее солнце и слова: «Иер-су хан Алтай».

Газета «Алтайский луч» впоследствии писала: «“Иер-су хан Алтай” – боевой лозунг, выкинутый на флаге и печати Горной думы – толкуется двояко: для русских – как будто ничего не значащая фраза: “Земля, вода величественного Алтая”, а для алтайца – это уже призыв к национальному обособлению: “Земля, вода хану Алтая”»². Впоследствии этот схематичный рисунок

¹ Самушкина Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

² Демидов В. А. От Каракорума к автономии: пособие к спецкурсу. – Новосибирск, 1996, с. 25.

использовался в качестве печати Алтайской горной думы, знамя поднималось на заседаниях волостных сходов в Горном Алтае, на собраниях Алтайской горной думы.

С 1 по 6 июля 1917 г. в г. Бийске проходил съезд инородческих волостей Алтая. По его окончании участники приняли решение об образовании Алтайской горной думы – органа исполнительной власти будущей самостоятельной административной единицы. Бийск был выбран местом дислокации нового органа власти. В состав думы были избраны представители новой этнической элиты: художник Г. И. Чорос-Гуркин, священник, миссионер С. С. Борисов, купец, бывший член Государственной думы Российской империи П созыва Д. М. Тобоков, К. Егуеков и кандидаты в члены А. Н. Козлов, С. Такачаков, учитель, собиратель фольклора Н. Я. Никифоров, В. К. Манеев, купец, зайсан Паспаульской волости И. М. Тобоков. Почётным членом Алтайской горной думы избрали признанного лидера сибирских областников Г. Н. Потанина¹.

Тема, поднятая съездом, продолжала разрабатываться: 19 ноября 1917 г. на I Бийском земском собрании гласных вновь выступил Г. И. Чорос-Гуркин. В эмоциональной форме он приветствовал обретение населением Алтая гражданских свобод и выражал надежду на территориальную автономию: «Вами воздвигнут памятник Свободе – первый памятник свободного сибирского народа... Будьте счастливы и радостны, в лучах вашей радости вы не забудьте и нас, алтайцев, приветствующих вас. Вы, как революционный, свободный народ, сделайте достойное лишь свободного народа. По-дружески, беспристрастно, как светлый луч весны, вы вынесите ваше постановление, устройте нас, горных жителей, а вместе с нами – и русских жителей, живущих в горах, в особый Горно-Алтайский уезд... Тогда мы, два народа, будем как братья, и чего не сделала старая, гнилая монархия, то теперь пусть сделает... полная жизни и счастья свобода»².

На чрезвычайном собрании земских гласных Бийского уезда 22 ноября 1917 г. Горная дума вновь ходатайствовала о предоставлении инородцам Горного Алтая права образовать особый Горно-Алтайский уезд. 11 января 1918 г. собрание земских гласных Бийского уезда отложило решение вопроса о выделении Горно-Алтайского уезда. 19 января 1918 г. лидеры думы явочным порядком объявили её органом самоуправления коренного стотысячного населения Алтая.

¹ Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. – М.: Изд-во «Ленанд», 2014, с. 71.

² Материалы Алтайской Горной Думы (протоколы, постановления, проекты, резолюции. // Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

В условиях политической неопределённости деятели Алтайской горной думы вступали в переговоры со всеми силами, действующими в регионе. В январе 1918 г. её представители обращаются к большевистскому Бийскому совдепу для организации совдепов на местах. Одновременно проблему самоуправления алтайцев предлагают обсудить на заседании Сибирской областной думы. Именно с представителями антибольшевистского движения в конце 1917 – 1918 гг. алтайская элита начинает активно взаимодействовать, включаясь в работу исполнительных и представительных органов.

Осенью 1917 г. в условиях ослабления центральной власти в Сибири были созданы альтернативные органы управления. 15 октября 1917 г. начал работу I Сибирский областной съезд, объявивший себя высшим законодательным органом региона. В результате работы съезда был сформирован Сибирский областной совет, в состав которого вошли 33 избранных члена, в том числе по два представителя от «туземных племён» (бурят, татар, киргизов, якутов, алтайских и минусинских инородцев)¹. Однако из-за вновь укрепившейся власти большевиков 28 января 1918 г. часть депутатов на нелегальном заседании открыли I сессию областной думы, на которой было учреждено Временное правительство автономной Сибири под председательством П. Я. Дербера. В структуре Временного сибирского правительства было выделено Министерство туземных дел. Пост министра получил алтаец, член Алтайской горной думы В. Т. Тибер-Петров.

На съезде в с. Улала 6 марта 1918 г., ссылаясь на право всех наций на самоопределение, Горная дума объявила Алтай Каракорумским округом. В том же 1918 г. её лидеры приняли участие в работе Областной сибирской думы, где был создан Национальный совет.

Летом 1918 г. лидеры Горной думы сделали ставку на Временное сибирское правительство П. В. Вологодского, которым было принято обращение «Ко всем народам Сибири». В документе Временное сибирское правительство давало гарантию соблюдения гражданских, политических, национальных прав, обещало со стороны Временного сибирского и Всесибирского учредительного собрания выработать «законодательные нормы, предоставляющие каждому народу право и возможность устраивать свою судьбу соответственно традициям своего прошлого, идеалам своего будущего и во благо всей единой великой Сибири»².

¹ Журавлёв В. В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.): от «автономной Сибири» к «возрождённой России». // Власть и общество в Сибири в XX веке. – Новосибирск, 1997, вып. 1, с. 3-30.

² Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. – М.: Изд-во «Ленанд», 2014, с. 199.

Министерство внутренних дел Временного сибирского правительства констатировало неизбежность процесса национального самоопределения среди «оседлых и некоторых кочевых инородцев Сибири» в форме национально-политических организаций при условии, что «насушные национальные потребности» не будут противоречить общественным интересам¹.

Для решения вопросов, связанных с «туземным населением», предлагалось организовать Министерство туземных дел – структуру с совещательными функциями, при которой планировалось создание Совета по туземным делам из представителей аборигенных этнических групп².

На положении особого отдела в министерстве создавался Учёный совет, в задачу которого входила организация работ по оценке традиционного уклада жизни и разработке культурных и социальных мероприятий, направленных на подъём культурно-экономического уровня сибирских инородцев. Совет базировался в Томском университете и в своей деятельности опирался на его профессиуру.

В ходе консультаций с Сибирским советом министерство поддержало автономный статус Каракорумского уезда³.

Лидеры Алтайской горной думы принимали самое активное участие в сессиях Сибирской областной думы 1918 г. Придерживаясь тезиса о самоопределении народов, как и другие участники национальной фракции, они отмечали необходимость возрождения российской государственности в форме федерации: «Строгий анализ социально-политических факторов российской действительности говорил, что не центру, политически и морально прогнившему, экономически слабому, спасти Россию. Процесс возрождения должен был пойти от периферии к центру, спасение России заключалось в спасении её частей и окраин и в грядущем объединении их в мощную федерацию»⁴.

В ходе заседаний национальной фракцией были выдвинуты следующие требования: признание естественных и гражданских прав для всего населения Сибири; издание законодательных актов, регулирующих их автономную жизнь; утверждение политической автономии различных аборигенных сообществ; придание особого статуса родному языку там, где какое-либо мень-

¹ Проект Министерства внутренних дел об учреждении Совещания по туземным делам и Департамента по туземным делам. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. Р-1701, оп. 1, д. 63, л. 1-1об.

² Там же, л. 2.

³ Устав Министерства туземных дел, переписка с Временным сибирским правительством и Министерством внутренних дел об организации Министерства и Департамента туземных дел. // ГАРФ, Ф. Р-1701, оп. 1, д. 4, л. 10-10об.

⁴ Стенографический отчёт Временной сибирской областной думы на 2-й сессии (2-е заседание) 17 августа 1918 г. в городе Томске. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО), Ф. П-5, оп. 4, д. 738, л. 26.

шинство достигает определённой численности, при условии равноправия языков всех этнических групп в публичной и приватной сферах¹.

На собрании Сибирской областной думы один из ведущих общественных деятелей Горного Алтая, член Алтайской горной думы С. С. Борисов обосновал актуальность решения национального вопроса «многообразием племенного состава страны». Выделение автономий он объяснял фактом автохтонности этнических групп Сибири, отмечал, что территории, которые принадлежали инородцам, были их колыбелью ещё до прихода русских: «300 лет минуло, как Сибирь вошла в состав русского государства; три века прошло, как поколение за поколением наших отцов жило в бедности и угнетении, в попрании своих национальных прав и обычаев, в потере своих земель и угодий... Шли годы, туземцы всё сильнее сжимались тесным кольцом русских поседений и всё более лишались своих прав, земель и угодий, несмотря на свой особый быт и уклад жизни, на свои особые хозяйственные потребности. Они всё сильнее беднели и вымирали»².

Земельная проблема рассматривалась в качестве ключевой в этнополитической сфере. Конкретные меры не были сформулированы, но были озвучены требования прекратить захваты земель и зарезервировать значительный земельный фонд за «туземным населением» Сибири с учётом его потенциального демографического роста³.

Этнополитические процессы развивались стремительно как на всесибирском, так и на региональном уровнях. На Алтае 11 сентября 1918 г. в с. Узнезя Каракорум-Алтайского уезда был собран II съезд алтайских народов, который объявил о создании Главного национального комитета алтайских туземных народностей. В состав комитета вошли на правах членов С. И. Гуркин, С. Я. Кумандин, Н. Н. Манеев, Н. Я. Никифоров, В. И. Очи и на правах кандидатов С. И. Бадин и И. М. Тобоков. Они представляли аборигенные сообщества Горного Алтая – теленгитов, телеутов, шорцев, кумандинцев, алтайцев, объединённых в 23 инородческих волости Каракорумского уезда и 8 волостей Кузнецкого уезда⁴. Местонахождением организации было избрано с. Чемал Каракорумского уезда Алтайской губернии.

Как Горная дума, так и комитет в соответствии с политической ситуацией основным в своей деятельности определили круг проблем, подлежащих ско-

¹ Стенографический отчёт Временной сибирской областной думы на 2-й сессии..., л. 26.

² Там же, л. 27.

³ Там же, л. 27об.

⁴ Протоколы заседаний Кузнецкого уездного собрания (20 – 23 ноября 1917 г.); протоколы заседаний II туземного съезда алтайских народностей (7 декабря 1919 г., копии), переписка с Министерством туземных дел и Министерством внутренних дел по вопросам организации борьбы с национально-освободительным движением. // ГАРФ, Ф. Р-1701, оп. 1, д. 17, л. 6.

рейшему решению. Среди них подъём культурного уровня аборигенного населения и улучшение благосостояния края. Для достижения указанных целей предполагалось открыть четыре отдела: культурно-просветительский, горно-промышленный, рационального природопользования и департамент, предназначенный для оказания юридической помощи аборигенному населению¹.

Национальным комитетом намечались: обследования экономического состояния края, разработка программы его промышленного развития, распространение среди коренного тюркоязычного населения ремесленных и прочих профессиональных знаний, открытие сельскохозяйственного ремесленного училища².

Председатель правления комитета Г. М. Токмашёв, представляя программу этнокультурного развития алтайцев, подчёркивал: «Алтайцы крепко верят в то, что при могущественной поддержке правительства они смогут довести свои скромные начинания до полного расцвета на благо и пользу своего народа и окажут посильную помощь в строительстве великого возрождающегося государства российского»³.

Главный национальный комитет ставил себе следующие цели: открытие и поддержание школ «по преимуществу в среде незатронутой культурой массы инородчества», помощь «способным к наукам и искусству туземцам в предоставлении им возможности развить свои таланты», в конечном итоге – объединение «интеллигентных сил Алтая для поднятия культурного уровня инородцев». Планировалось открытие сети образовательных учреждений различного уровня, составление букваря и хрестоматии на алтайском языке, учебников, справочников и т. д. по различным специальностям⁴.

В контексте культурного строительства поднималась проблема сохранения историко-культурного наследия алтайцев. Были поставлены задачи сбора, описания, охраны объектов традиционной культуры, искусства и фольклора алтайцев «ввиду прогрессирующего исчезновения памятников самобытной алтайской культуры»⁵. Для этого в с. Улала были созданы музей и библиотека, куда из г. Барнаула передали экспонаты и книги, составляющие археологическую, этнографическую, минералогическую и палеонтологическую

¹ ГАРФ, ф. Р-1701, оп. 1, д. 17, л. 10.

² Там же, л. 7.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 6-6об.

⁵ Материалы Главного национального комитета алтайских народностей о необходимости и практической реализации сбора баданодубильного вещ-ва (выписки из протоколов 1-го – 3-го заседаний II съезда алтайских народностей 7 – 9 февраля 1919 г.); отчёт об осмотре опытного завода по производству бадана. // ГАРФ, Ф. Р-1701, оп. 1, д. 20, л. 3об.

коллекции известных краеведов, собирателей фольклора, владельцев типографии отца и сына С. И. и Н. С. Гуляевых¹.

Большое место в актуализации культурного наследия занимали образы прошлого. Основой для их формирования являлась устная история, презентующая историческую память этнических групп Алтая. Знаковыми для аборигенного сообщества являлись предания, повествующие о величии Джунгарской империи и о последующем её разгроме Цинской империей в середине XVIII в., об угоне алтайского населения маньчжурами. Во многом на легендарной традиции базировалась идея этнополитической автономии Алтая начала XX в. В 1918 г. на заседаниях Алтайской горной думы и инородческих съездов обсуждался вопрос об учреждении республики Ойрот. Участники съезда 1918 г. в с. Улала апеллировали к истории существовавшего некогда государства всеобщего благоденствия: *«У туземцев много сказаний и легенд об Ойроте, между прочим они верят, что настанет счастливое время, вернётся, восстановится счастливый благословенный Ойрот, и тогда люди будут братья»*².

Ссылаясь на фольклорное наследие и события прошлого, представители этнической элиты обосновывали границы будущей автономии – Республики Ойрот, которая должна была объединить Алтай, Хакасию, Туву и часть Монголии. Её территориальные рамки, таким образом, совпадали с границами государства ойратов (Джунгарией), существовавшего в Центральной Азии в XVII – XVIII вв.

Память о великодержавии западных монголов, таким образом, определила содержание алтайского этнонационального дискурса, согласно которому обретение независимости в рамках новой автономии стало восстановлением былого имперского могущества ойратов, имя которых было распространено на их исторических данников. Частью политического мифа стал сюжет об идеализированном прошлом – золотом веке, совпадавшем с джунгарской эпохой. Он был дополнен представлениями о травме, нанесённой коренному населению Алтая за время пребывания в составе царской России.

¹ Протоколы заседаний Кузнецкого уездного собрания; протоколы заседаний II туземного съезда алтайских народностей; переписка с Министерством туземных дел и Министерством внутренних дел. // ГАРФ, Ф. Р-1701, оп. 1, д. 17, л. 7.

² ОГКУ ЦДНИ ТО, ф. 1, оп. 1, д. 1529, л. 157.

Второй мусульманский съезд Карсунского уезда в 1920 г.

Александр Кобзев (Россия)¹

Зимой 1920 г. в последних числах февраля в уездном городе Карсун был проведён II съезд мусульман Карсунского уезда². Работа делегатов, собравшихся из татарских деревень, проходила в сложных общественно-политических условиях. Ещё не завершилась Гражданская война, а в ряде губерний Среднего Поволжья и Приуралья были подавлены одни и вспыхнули новые антибольшевистские крестьянские восстания, вызванные схожими причинами.

В начале марта 1919 г. разразилось Чапанное восстание в Симбирской губернии. Его эпицентром стали Карсунский, Сызранский и Сенгилеевский уезды. Численность восставших составила от 100 до 150 тыс. человек. Только к 19 марта 1919 г. частям Красной армии удалось с трудом подавить его³. Зимой – весной 1920 г. на территории соседней Казанской губернии, а также в Уфимской и в восточной части Самарской губернии поднялось так называемое Вилочное восстание⁴, которое было подавлено к середине марта 1920 г.⁵

Массовое недовольство деревни вызвало введение советской властью продразвёрстки и хлебной монополии. К этому добавилось и неприятие большевистской конфессиональной политики и методов её реализации на местах, выразившейся в наступлении на религиозные традиции населения. Вынос

¹ Кобзев Александр Викторович, кандидат исторических наук, специалист Центра развития истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области», доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

² Косвенное упоминание о I мусульманском съезде в Карсунском уезде встречается в протоколе V заседания съезда, посвящённого вопросам школьного образования среди татар. В протоколе говорится, что коллегия народного образования отрицательно высказалась по постановлениям I съезда (Государственный архив Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 10об.). В Советской России декрет об организации дела народного образования в Российской Республике был принят 18 июня 1918 г. На основании декрета создавалась Коллегия народного образования, на которую возлагалось управление Народным комиссариатом по просвещению. На местах создавались волостные, уездные и губернские отделы народного образования. Соответственно, I мусульманский съезд Карсунского уезда состоялся не ранее этой даты. Поводом для организации съезда мог послужить декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятый 20 января 1918 г.

³ Симбирско-Ульяновский край в ритмах XX в. Очерки истории. – Ульяновск, 2016, с. 95-102; Карсунская земля: ростки и корни; под общ. ред. Ю. Г. Самсонова. – Ульяновск, 2005, с. 72-73.

⁴ Другое название – восстание «Чёрного орла и земледельца».

⁵ Алёшкин П. Ф. Крестьянский протест в Поволжье: Вилочное восстание. // Исторические, философские, юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, № 7 (13), ч. 3, с. 17-20.

икон из официальных учреждений, введение запрета на преподавание Закона Божьего, преследование служителей культа, а в районах с нерусским мусульманским населением – принудительная мобилизация и захват указных мулл в заложники, передача актов гражданской регистрации в ведение органов государственной власти, а также откровенное игнорирование некоторых особенностей религиозного быта нерусского населения – так называемое «издевательство над тибетейками», введение продкомами в волостях с преобладающим татарским населением заданий по обязательной поставке свиней – всё это было крайне негативно воспринято населением¹. По мнению Р. А. Набиева, мятеж «Чёрного орла» стал реакцией на реализацию положений декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви².

В условиях жёсткого и непримиримого гражданского противостояния большевики для удержания власти вынуждены были учитывать неоднородный этнический и конфессиональный состав населения бывшей Российской империи, избирательно подходить к реализации той же конфессиональной политики. В это время этнонациональный и тесно связанный с ним религиозный вопрос стали центральными в отношениях советской власти и мусульманского сообщества России.

Вплоть до 1919 г. большевики по возможности старались учитывать, а в ряде случаев – играть на религиозных нуждах и интересах мусульманского населения. По мере того как всё чётче вырисовывались контуры приближавшейся военной победы Красной армии в Гражданской войне, массово-политическая деятельность среди мусульманских народов всё больше утрачивала свой внешне исламский характер³. Примерно к концу 1920 г., по крайней мере в европейской части страны, острота потребности советской власти в поддержке своего режима снизилась⁴.

Последовательную линию в отстаивании необходимости компромисса советского государства и мусульманской уммы, возможности интегрирования исламской идентичности в новую идеологическую систему проводили лидеры национального движения мусульман, татарские коммунисты – Мулламур Вахитов, а после его смерти – Мирсаид Султан-Галиев. Они активно высту-

¹ Старостин А. Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XX вв.: дисс. к. и. н. – Екатеринбург, 2010, с. 130; Миннулин И. И. Мусульманское духовенство Татарстана в условиях политических репрессий 1920-х – 1930-х гг. – Казань, 2007, с. 7.

² Набиев Р. А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002, с. 76.

³ Старостин А. Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XX вв.: дисс. к. и. н. – Екатеринбург, 2010, с. 134.

⁴ Крапивин М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.): дисс. д. и. н. – СПб., 1999, с. 173.

⁴ Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2001, с. 178.

пали за поддержку советской власти. Считается, что во многом благодаря их усилиям во время Гражданской войны была обеспечена относительно гибкая политика в отношении мусульман, и это позволило избежать крупномасштабной конфронтации с ними¹. Руководители Центрального мусульманского комитета, организованного в январе 1918 г., старались продемонстрировать большевикам специфику реализации декрета СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви². В марте 1919 г. бюро мусульманских коммунистических организаций настойчиво рекомендовало низовым партийным ячейкам вариативно подходить к выполнению этого декрета³.

На местах мусульмане, поддерживавшие советскую власть и одновременно являвшиеся членами партии большевиков, апробировали самые разные формы взаимодействия с местным населением с целью обеспечить его лояльность и привлечь на свою сторону. Например, в Пермском крае губернское бюро коммунистов татар-башкир активно привлекало для работы в деревне партийных активистов и работников просвещения и призывало крестьян поддержать революционные преобразования – близкие якобы по духу к эгалитарным нормам шариата, утверждая, что революция и шариат выступают за всеобщее равенство людей⁴.

В Бугульме 15 февраля 1920 г. по инициативе татаро-башкирской секции РКП(б) состоялось собрание мусульманского духовенства, на котором, по разным оценкам, присутствовало от 300 до 800 человек. На этом съезде были рассмотрены такие вопросы, как отношение духовенства к революции, советское правительство и национальный вопрос, отделение церкви от государства. По итогам работы съезда его участники поддержали новый политический режим и дистанцировались от служителей культа, выступавших против советской власти⁵.

Состоявшийся в Карсуне в конце февраля 1920 г. II мусульманский съезд татар Карсунского уезда был организован и проведён по инициативе Губернского исполнительного комитета РКП(б). Первые делегаты стали прибывать в Карсун 25 февраля 1920 г., а первое заседание съезда, или, как указано в источниках, беспартийной конференции мусульман, состоялось 1 марта. По-

¹ Крапивин М. Ю. Указ. соч., с. 173, 176; Гусева Ю. Н. Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории (на материалах Нижегородской, Самарской и Ульяновской областей): дисс. д. и. н. – М., 2013, с. 103.

² Гусева Ю. Н. Указ соч., с. 103.

³ Набиев Р. А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002, с. 76.

⁴ Старостин А. Н. Указ. соч., с. 131-132.

⁵ Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995, с. 60; Набиев Р. А. Указ. соч., с. 78; История ислама в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001. – С. 346.

следнее заседание было проведено 3 марта и завершилось в 6 часов вечера. Всего по протоколам с 1 по 3 марта участники съезда провели 5 заседаний¹.

Председателем съезда был избран Юзаматов, а председателем президиума – Абраров. Техническую работу выполняли три секретаря – Алимбеков, Берхеев и Агишев. По списку делегатов, прибывавших с 25 февраля по 1 марта 1920 г., насчитывалось 88 человек. Эти данные расходятся с протоколом заседаний, в котором зафиксирован 91 человек. На съезд прибыли делегаты из семи татарских селений Карсунского уезда – Гурьевки, Шлемас, Дракино, Нагаево, Уразовки, Голышевки, Горенок, Стрельниково и с фабрики из п. Гурьевка².

Социальный состав делегатов был пёстрым. Из 91 человека было 6 рабочих, 22 учителя, 44 крестьянина, 8 служителей мусульманского культа (указные муллы) и 1 красноармеец³. Крестьяне составляли чуть менее половины всех делегатов – 48,3 %, доля учителей – 24,1 % и доля указных мулл – 5,5 %. Вместе с учителями татарских школ они составили 29,6 %, то есть фактически каждый третий делегат был представителем татарской махалля и выражал интересы религиозной общины. Это объясняется тем, что татарские школы в Карсунском уезде в 1920 г. сохраняли преимущественно конфессиональный характер, несмотря на принятый в 1918 г. декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви⁴. Реализация декрета в части, касающейся мусульманских школ, в основном произошла в середине – второй половине 1920-х гг. То есть в 1920 г. в татарских деревнях Карсунского уезда ситуация оставалась такой же, как и до революционных потрясений⁵.

В гендерном плане подавляющее большинство делегатов – 75 человек (85,2 %) – представлено мужчинами, женщин было всего 13 человек (14,8 %). Насколько эти данные свидетельствуют об эмансипации татарских женщин в условиях революционных преобразований – вопрос сложный. Участие татарок в жизни махалля как представителей семей имело место в дореволюци-

¹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 9, 13-14.

² ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 9, 13-14.

³ Там же, л. 13-14.

⁴ По данным на октябрь 1924 г., в татарских деревнях Карсунского уезда было семь татарских школ первой ступени, которые располагались либо в частных домах, либо в зданиях бывших религиозных школ (ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 804, л. 23).

⁵ На заседании татарских коммунистов 17 февраля 1921 г., проходившем в г. Симбирске, К. Абраров от татарской секции Губернского отдела народного образования докладывал, что татары пребывают почти в том же положении, что и до Октябрьского переворота, и все школьные, внешкольные, дошкольные вопросы, несмотря на четыре года свободы, «стоят нетронутыми». В своей же работе секция сталкивается с массой препятствий и с непониманием пожеланий секции (ГАУО, ф. Р- 200, оп. 2, д. 868, л. 5).

онное время¹. Но участие женщин-делегаток в обсуждении вопросов общественно-политической жизни наравне с мужчинами – явление сравнительно новое и среди татар-мусульман губернии ещё не получило широкого распространения². Многие из татарок-делегаток в «советском» смысле этого слова придерживались религиозных взглядов³.

Так как конференция была беспартийной, доля представителей политических партий оказалась минимальной, да и те, кто был на съезде, являлись большевиками и организаторами проведения съезда. Всего в его работе участвовало 10 татар-коммунистов⁴.

Поводом для проведения съезда стали сведения о «начале шовинистического течения среди татар» в ряде уездов губернии. В частности, в д. Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда якобы велась агитация за создание Татаро-Башкирской Республики⁵. Реальная причина была связана с решениями советской власти 1918 – 1919 гг., отразившими политическую борьбу по вопросу национально-государственного самоопределения народов Среднего Поволжья и Приуралья⁶. Идея создания Татаро-Башкирской Автономной Рес-

¹ Кобзев А. В. Управление мусульманской общины Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии). // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (27 – 28 сентября 2005 г., г. Казань). – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006, с. 137.

² На всю губернию, по официальным данным, на лето 1924 г. насчитывалось 93 делегатки-мусульманки, из них 30 делегаток работало на фабрике в п. Гурьевка (ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 809, л. 19об.). Примерно до 1927 г., по данным Ульяновского губкома, было всего 90 делегаток-мусульман, в 1928 г. их ряды существенно пополнились и численность выросла до 202 человек (ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1459, л. 121).

³ Женделегатка – делегатка-женщина, представительница какой-либо женской организации в Советской России. «Женотдел настаивает, чтобы снимала чадру сейчас же. Это был первый год работы, первые делегатки» (Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – М., 2005, с. 111, 137). Религиозность, свойственная татарским женщинам, в том числе делегаткам, устойчиво сохранялась до конца 1920-х гг. На первом Ульяновском губернском национальном совещании, состоявшемся 19 – 21 января 1926 г., докладчик Шарафутдинов отметил: «Во всей нашей работе особенно слабая работа среди девушек... В особенности усилить работу среди девушек-татарок, где до сих пор ещё царят старые обычаи, жизнь под покрывалами, чадрой и т. д. Правильно сказано, что среди них можно вносить создание отдельных женских ячеек» (ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1159, л. 23). В информационном отчёте Дорохова о работе среди женщин-нацменок Ново-Мальклинского района за 29 апреля 1929 г. было сказано: «Не все делегатки (в партию – А. К.) бросают выполнение религиозных обрядов, особенно это отличается в татарских населённых пунктах» (ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 663, л. 4).

⁴ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 230, л. 48; д. 229, л. 9.

⁵ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 221, л. 50-51 об.

⁶ О проектах национально-государственного самоопределения народов Среднего Поволжья и Приуралья см. подр.: Мухаметдинов Р. Ф. Причины неосуществления штата Идель-Урал. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. – С. 112–121; Гусева Ю. Н. Указ. соч., с. 106-107; Ислам в Среднем Поволжье. Очерки истории, с. 347; Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999, с. 96-103; Шарафутдинов Д. Р., Шарафутдинов Ш. Идео-

публики, выдвинутая в самый разгар Гражданской войны, активно обсуждалась в РКП(б) в течение 1918 – 1919 гг. и в конечном итоге была отвергнута. В мае 1919 г. был принят декрет о государственном устройстве Советской Башкирской Республики. А 13 декабря 1919 г. на политбюро ЦК РКП(б) было вынесено постановление не создавать Татаро-Башкирскую Республику и запретить членам партии агитировать за неё население¹. 25 июня 1920 г. была создана Татарская Автономная Советская Республика.

Вопрос о создании Татаро-Башкирской Республики был одним из центральных в повестке дня работы II съезда мусульман Карсунского уезда и был проработан в духе решений политбюро ЦК РКП(б) от 13 декабря 1919 г. В итоговой резолюции была дана классовая оценка, сводившаяся к тому, что Татаро-Башкирская Республика «ничего не даст трудящимся и только принесёт закабаление народу татарской буржуазией». Кроме того, был озвучен тезис, что появление такой республики помешает созданию РСФСР и выстраиванию тесных экономических связей центра с регионами².

Согласно протоколу заседания, большинство делегатов высказалось против её создания. Из 91 человека поддержали резолюцию 35, 14 человек высказались против и, по-видимому, оставшиеся 42 делегата воздержались³. По существу, съезд, организованный татарскими коммунистами Карсунского уезда, с одной стороны, должен был стать сигналом для центра, что на местах, в деревне, население всецело поддерживает политику государства и партии. С другой стороны, съезд продемонстрировал, что местные татарские коммунисты в вопросе национально-государственного самоопределения стоят на позициях победителя – И. В. Сталина, а не М. Султан-Галиева, который до последнего был убеждён, что, несмотря на создание автономных советских Башкирской и Татарской республик, в обозримом будущем всё равно произойдёт их объединение⁴.

Значительно большее оживление делегатов вызвал вопрос о положении мусульманского духовенства и организации в татарских деревнях уезда «союза красных мулл». От духовенства выступали указные муллы – Хасян Тимербулатов из д. Уразовка и Шариф Гафуров из д. Гольшевка. Суть их выступлений сводилась к противопоставлению православного и мусульманского духовенства. По мнению ораторов, первые из них, то есть православные

логическая борьба в стране по национальному вопросу в 1920-е гг. // Эхо веков, 2011, № 3-4, с. 5 (дата обращения: 19.12.2017).

¹ Шарафутдинов Д. Р., Шарафутдинов Ш. Указ. соч.

² ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 9об.-10об.; д. 221, л. 50-51об.

³ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 10об.

⁴ Шарафутдинов Д. Р., Шарафутдинов Ш. Идеологическая борьба в стране по национальному вопросу в 1920-е гг. // Эхо веков, 2010, № 3-4 (дата обращения: 19.12.2017).

священнослужители, всегда были у власти, занимали господствующее положение в дореволюционной России, пользовались финансовыми привилегиями.

В то же время татарские муллы ничем не отличались от большинства односельчан, были такими же бесправными крестьянами, как и они, угнетались самодержавием, платили налоги, отбывали воинскую повинность. Их доходы – это вознаграждения верующих за исполнение религиозных обрядов. В выступлении Шарифа Гафурова прозвучал тезис о необходимости разделения мусульманского духовенства на две категории – на «красных мулл», которые «занимаются своими делами» и поддерживают советскую власть, и на «контрреволюционных» – которые за буржуазию и против советской власти¹.

Высказанное на съезде предложение об объединении мусульманских служителей культа в «союз красных мулл» было демонстрацией лояльности духовенства советской власти. В то же время планируемое объединение можно рассматривать как форму адаптации мусульманской уммы к изменившимся общественно-политическим условиям в стране с надеждой на возможный и достижимый компромисс с государством в вопросах веры. Уже после завершения работы съезда татарские коммунисты Кадир Абраров и Измайлов провели несколько собраний и запланировали поездку в д. Дракино с целью создания «союза красных мулл»². 7 июля 1920 г. на заседании Карсунского уездного комитета РКП(б) был заслушан доклад «о работе среди мусульман». В протоколе заседания под № 50 было зафиксировано решение о выделении уездному организационно-агитационному подотделу аванса в размере 10 тыс. рублей для организации съезда мулл в д. Дракино³.

Разделение мусульманского духовенства на «белых» и «красных» впервые было озвучено татарским коммунистом М. Султан-Галиевым. По его мнению, такое размежевание носило объективный, закономерный характер и было вызвано влиянием социальной революции⁴. К «белым» муллам он относил тех имамов, которые во время Гражданской войны были на стороне Комуча, либо поддерживали Колчака, а также имамов, формально признавших советскую власть, но действовавших против неё. В свою очередь, «красные муллы» могли стать необходимой и полезной силой в деле построения социализма в стране и обеспечения поддержки населения⁵. М. Султан-Галиев был глубоко убеждён не только в необходимости учитывать религиозные традиции,

¹ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 11-11об.

² Там же, д. 221, л. 39-39об.

³ Там же, д. 212, л. 87об.

⁴ Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995, с. 59; Набиев Р. А. Указ. соч., с. 77.

⁵ Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001, с. 346.

их роль в быту, духовной и социально-политической жизни мусульман, но и в возможности сохранения и бытования исламских традиций в новых общественных условиях¹.

Татарские коммунисты, организовавшие II мусульманский съезд Карсунского уезда, в этом вопросе всецело разделяли взгляды М. Султан-Галиева. В частности, один из делегатов – т. Ханов, представлявший рабочих с фабрики п. Гурьевка – предложил включить в итоговую резолюцию вопрос о внесении в советский Трудовой кодекс положения о мусульманских праздниках².

Как отмечают исследователи, на местах **рядовые мусульмане, не искушённые в вопросах политики, искренне считали, что в советском государстве получится достигнуть согласия** в отношениях государства, верующих и атеистов³.

Разделение духовенства на «красных» и «белых» оказалось востребованным среди населения и было использовано им в качестве стратегии адаптации и коллективной защиты имамов от притеснений со стороны местной власти.

Один из примеров такой защиты служителей культа приводит историк И. И. Миннулин. В апреле 1920 г. был арестован имам-хатыб первой соборной мечети д. Утямышево Больше-Тарханской волости Симбирской губернии К. Салихов.

Поводом послужили события, произошедшие на местном базаре. Толпа недовольных крестьян якобы выкрикивала антисоветские лозунги. Сотрудники ВЧК выяснили, что организатором выступлений оказался кулак З. Бикмухаметов. В это время у него в гостях был мулла К. Салихов, которого тут же арестовали и впоследствии признали виновным в антигосударственных действиях с целью свержения советской власти.

После вынесения приговора в органы ВЧК от жителей деревни, в том числе от учителей местной школы, поступили заявление и протокол общего собрания граждан, в которых была озвучена просьба освободить К. Салихова, так как он «красный» мулла, сочувствует советской власти и даже призывает односельчан отдавать детей на обучение в трудовую школу. Тем не менее приговор, вынесенный Салихову, о лишении свободы, был оставлен в силе по причине «тяжёлых условий поповской и кулацкой агитации»⁴.

¹ Крапивин М. Ю. Указ. соч., с. 173. Более подробно о социалистических взглядах М. Султан-Галиева см: Тагиров И. Р. Мирсаид Султан-Галиев: признания. // Эхо веков, 2011, № 3-4, с. 57..

¹ Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001. – С. 176.

² ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 11.

³ Гусева Ю. Н. Указ. соч., с. 110.

⁴ Миннулин И. И. Указ. соч., с. 7.

Последнее, пятое, заседание съезда, состоявшееся 3 марта 1920 г., было посвящено вопросам школьного образования среди татар Карсунского уезда. В докладах Хузязяна Алимбекова и Шамси Худобердиной были отмечены тяжёлые условия работы мусульманской секции подотдела национальных меньшинств. Наряду с бытовыми проблемами (отсутствие остекления окон в школах, керосина, учебных пособий) отмечалось, что население бедное и не в состоянии удовлетворить все школьные потребности, хотя и оказывает школам посильную помощь, но больше всего крестьян возмущает исключение вероучения из школьной программы. Поэтому население просит разрешения на преподавание в школьных помещениях вероучения в свободное время. Заслушав выступления Х. Алимбекова и Ш. Худобердиной, съезд постановил возбудить ходатайство о постройке школы в д. Стрельниково¹.

Искренняя убеждённость, видимо в какой-то мере наивность, ряда татарских коммунистов и мусульман губернии в возможности диалога и взаимопонимания с государством неизбежно наталкивалась на прямо противоположные шаги со стороны местной власти.

Два месяца спустя после съезда, 24 апреля 1920 г., в организационно-агитационный отдел поступил доклад заведующего Карсунским уездным отделом национальностей Кадира Абрарова. В докладе говорилось о противоправных действиях уполномоченного губернского ВЧК Поповича. Последний после завершения съезда прибыл в подотдел национальностей, изъял все материалы и протоколы и арестовал примерно 15 – 16 человек, в том числе и некоторых делегатов и школьных работников. Как утверждалось в докладе, кроме этого, у арестованных женщин были изъяты ценные вещи – золотые и серебряные украшения. Поводом для обыска и ареста послужили сведения, полученные Поповичем, о том, что в Карсун якобы прибыл некий адъютант от татар из Казани, которые хотят установить ханскую власть. Под подозрения уполномоченного губернского ВЧК попали делегаты II съезда мусульман Карсунского уезда. В конце доклада К. Абраров подводит неутешительный итог произошедшего инцидента: «За три-четыре дня все старания и труды подотдела национальностей», вся «партийная культурно-просветительская работа» среди мусульман были полностью разрушены². По выявленным архивным документам остаётся неясным, как в конечном итоге разрешилась эта ситуация, однако сама по себе она симптоматична. Арест К. Салихова, действия Поповича были не случайны и свидетельствовали о неизбежности поворота государства от политики терпимости к религии и верующим к политике антирелигиозных гонений.

¹ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 11об.

² ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 221, л. 39-39об.

Трансформации идей татарского национального движения в преддверии Великой российской революции на примере материалов газеты „Тормыш“ („Жизнь“)

Римма Вильданова (Россия)¹

В Российской империи, где, по данным переписи 1897 г., 57 % населения составляли нерусские народы, существовало деление на две основные социально-правовые группы – державные народы и инородцы. В последнюю, соответственно, входили мусульмане. Инородцы под предлогом «недостаточности развития гражданственности» были ограничены во многих правах. Главным, определяющим направлением царской политики в национальном вопросе была ассимиляция народов, русификация. Соответственно, такая «русская идея» отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, но и на развитие собственных культур. «Национальная политика царского самодержавия носила жёсткий характер и была направлена на укрепление унитаристских тенденций, что противоречило не только российскому менталитету, но и европейским традициям либерализма»². С 80-х гг. XIX в. одно за другим национальные движения оформляются в политические. В конце столетия проблемными стали целые национальные районы: Прибалтика, Украина, Закавказье, Царство Польское, Финляндия и др., где развернулось, в частности, широкое движение за использование родного языка в школах, судах, органах местной власти, не говоря уже о массовых выступлениях под общедемократическими и социальными лозунгами.

Рубеж XIX – XX вв. стал периодом культурных и духовных изменений в тюрко-татарском обществе, что выразилось в реформаторско-просветительском движении – **джадидизме** («обновлении»), который с этого времени стал главной идеологией татарской нации.

¹ Вильданова Римма Камильевна, кандидат исторических наук, помощник президента Ульяновского государственного университета.

² Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000, с. 125.

Джадидизм тяготел к либеральным нормам и институтам, которые гарантировали демократические принципы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Джадидисты выступали против исламского догматизма, призывали к изучению прогрессивных научных тенденций, к повышению культурного, социально-экономического уровня народа. Не остались без их внимания вопросы о правах женщин в обществе, о состоянии татарской нации и её месте в мировом сообществе.

События 1905 – 1907 гг. поставили со всей остротой проблемы, которые мусульманские лидеры считали для себя актуальными. Наиболее активную татарскую общественность мало волновали социально-классовые противоречия, гораздо больше они были заинтересованы в политической и религиозной свободе, реформах в духовной и образовательной сферах. Революция дала мощный толчок для развития татарской периодической печати и появления политических партий. Татарские мыслители Ю. Акчура, М. Бигиев, Р. Ибрагимов, З. Камали, Р. Фахретдинов и др., изучая богатый опыт национально-государственного строительства и политической системы Европы, размышляли над созданием приемлемой политической модели современного мусульманского общества. Так, идеолог тюркизма Ю. Акчура проводит мысль о том, что «в основе будущего сильного государства должен лежать не принцип гражданства и не принцип исламизма, а национальный принцип»¹.

Лидеры джадидского движения создали свою буржуазно-либеральную партию «Иттифак эль-муслимин» («Союз мусульман»), которая в Государственной думе вначале примыкала к кадетам, затем, отказавшись от сотрудничества с ними, объединила мусульманских депутатов в единую фракцию и легитимно участвовала в решении государственных задач. Размышляя по этому поводу, писатель и общественный деятель Г. Исхаки заметил: «Русская реакция в одном вопросе принесла пользу тюрко-татарам, а именно: все партии, вышедшие на политическую арену в результате подражания русским партиям (кадетам, социал-демократам, социал-революционерам), как явление не национальное, зачали, а на их месте образовался невидимый национальный центр, управляющий делами тюрко-татар»².

После 1907 г. в условиях, когда социальная активность была чревата серьёзнейшими осложнениями, вплоть до репрессий, деятельность политической элиты переместилась в образовательную, духовную, культурную плоскость, начинаются разработки в области истории, искусства и культуры, вырабатываются нормы литературного татарского языка. Формирующаяся светская интеллигенция укрепила свои позиции как основная группа интеллектуаль-

¹ Мухаметдинов Р. Ф. Ю. Акчура в эпоху перемен. // Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017, с. 155.

² Исхаки Г. Идель-Урал. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991, с. 8.

ной элиты и сконцентрировалась на преподавании в медресе, издательской деятельности на татарском языке, журналистике.

Другой феномен – **тюркизм**, основанный на идее родственности тюркских народов, как гуманистическое течение возник ещё в середине XIX в., к XX веку обозначились различные политические формы тюркской солидарности. Так татаристы пытались объединить под именем «татары» мусульманское население, дисперсно проживавшее на обширных тюркских территориях России на основе экстерриториальной автономии. Более радикальные тюркисты в связи с восставлением в 1908 г. Конституции в единственном независимом тюркском государстве – Османской империи – хотели ориентироваться на Стамбул¹.

Однако «у властей всегда были сомнения в лояльности мусульман, но не было никаких очевидных доказательств обратного. В основной татарской среде возникновение сепаратистских настроений было чисто гипотетическим»². Как считает исследователь С. Исхаков, «царское правительство не замечало **европеизации** сознания образованных мусульман и упорно искало в России панисламизм».

Под **панисламизмом** «понимался любой призыв мусульман к приобщению к ценностям мировой культуры, развитию собственной науки, культуры, просвещения», – писал журналист Закир Кадыри³. По подозрению в панисламизме проводились обыски, ссылки мусульманских деятелей, закрывались мусульманские учебные заведения, просветительские учреждения, газеты и журналы.

В связи с этим в феврале 1911 г. депутат Госдумы С. Максудов заявил о повороте политического курса правительства, искусственно создающего в стране проблему нового национального вопроса – мусульманского.

Материалы архивов и национальной прессы свидетельствуют, что в провинции фиксировались многочисленные неформальные собрания, из которых складывались разнообразные национальные общества и движения. Так, Уфа в начале XX в. являлась одним из важнейших центров духовной жизни мусульман, здесь располагалось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), здесь были открыты крупные джадидские медресе. В Уфе был сформирован костяк российской мусульманской элиты – научной, политической, творческой. Не случайно в 1917 г. именно Уфа была выбрана местом расположения Национального собрания (Миллет меджлисе) и Национального правительства (Милли идаре), здесь в 1917 г. была объявлена территориаль-

¹ Мухаметдинов Р. Р. Нация и революция. – Казань: Издательство «Иман», 2000, с. 150.

² Усманова Д. М. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.). // Acta Slavica Iaponica, t. 37, 2016, с. 100.

³ Кадыри З. Панисламизм мәсьәләсе (Вопросы панисламизма). // Уфа: Тормыш, 1914, 14, 19, 21, 23, 26 февраля.

ная автономия – штат Идель-Урал. В связи с этим в период революционных событий 1917 – 1918 гг. неизмеримо возрастает роль единственной в Уфе газеты на татарском языке «Тормыш» и личности её редактора Закира Кадыри.

Основу татарской прессы предреволюционного периода составляли буржуазно-либеральные издания, к которым относилась и «Тормыш» (издавалась в 1913 – 1918 гг.). В 1914 г. основное направление «Тормыш» – просветительство, разъяснение норм мусульманской жизни, вопросы образования, история ислама. Концепцию поясняет сама редколлегия: «Всё, что было направлено на обновление татарского общества, включая и религиозно-мировоззренческие искания, рассматривалось в начале XX в. как единое целое: борьба с ложными понятиями в исламе, возникновение женского вопроса и новых способов обучения и воспитания, национальная культура, национальная история, решение политических, общественных и научных вопросов – всё это, сделанное в весьма короткое время, есть наши национальные дела»¹.

Газета работала в непростой политической ситуации, связанной с Балканской войной, затем Первой мировой войной и, наконец, Февральской и Октябрьской революциями. Поддержкой газеты пользовалась единственная легальная политическая сила – мусульманская фракция в Государственной думе. Газета печатала материалы с заседаний, выступления депутатов, их обращения к населению, полемику М.-Ю. Джафарова, К. Тевкелева, И. Ахтямова, С. Максуди и др. Балканская война 1912 – 1913 гг. и поражение в ней Турции вызвали в русском обществе подъём панславянских настроений. Правые депутаты с думской трибуны открыто говорили о победе славянства над исламом.

Правительство стало усматривать в сочувствии российских мусульман своим единоверцам-туркам один из симптомов развития панисламизма и сепаратизма. В этой политической обстановке положение мусульманской фракции осложнилось. Депутат М.-Ю. Джафаров призывал не сводить войну между государствами к противостоянию двух религий. Правительство России «не слышало» требований мусульман о равноправии, были ужесточены избирательные права, обострена антиисламская пропаганда. Все эти острейшие вопросы находили продолжение в редакционных статьях газеты «Тормыш». Авторами её отдельных публикаций были лидеры тюркского джадидского движения: С. Максуди, Г. Исхаки, С. Рамеев, Ш. Бабич, З. Камали, М. Бигиев, К. Мотыйги, М. Солтангалеев, С. Джантурин, Ш. Мухамедьяров и др. Мусульманские депутаты думы влияли на формирование общественного мнения российских мусульман через прогрессивно настроенную печать, в число которой включали и уфимскую газету «Тормыш».

О том, что газета «Тормыш» поддерживала джадидистов, говорят обличительные публикации газеты, в частности против создания консервативной

¹ Кадыри З. Миллият агымлары. // Тормыш, 1914, 12 февраля.

мусульманской партии «Сырат уль-мустахим»¹ или критика назначения на должность муфтия ОМДС защитника интересов царского правительства С. Баязитова. За эти публикации на газету был наложен огромный по тем временам штраф в размере 1000 рублей². В 1915 г. в газете «Тормыш» была возвращена полемика по вопросу поддержки мусульманами Прогрессивного блока, которую подытожил З. Кадыри: «Блок, отказавшись включить хотя бы два-три дополнительных положения в свою программу, проявил своё нежелание считаться с религиозными и политическими чаяниями и запросами 25-миллионного мусульманского населения. Для блока, созданного из представителей российских прогрессивных партий, предложение мусульманских депутатов оказалось неожиданным и даже нежелательным. Блок не признаёт и не хочет признать нас равноправными гражданами России»³.

Наиболее ярким в истории «Тормыш» стал 1917 г. – Февральская революция и последовавший за ней сложный период дискуссий, многочисленных съездов, достижений и компромиссов. Невозможно в это время переоценить оптимизм газеты и степень её вовлеченности в демократические изменения в стране. Она ежедневно публиковала документы, решения, проекты новых законов, острую полемику по важнейшим вопросам национального строительства. Передовицы пестрили лозунгами: «Да здравствует народная исполнительная власть, объединённая республика!», «Да здравствует национально-культурная автономия!», «Для существования каждой нации нужны собственная литература и культура!»⁴ В этот бурный период газета во главе с З. Кадыри освещала самые волнующие политические темы: о формах государственного устройства⁵, итоги мусульманских съездов⁶, обсуждала проблемы возникших территориальных автономий и раскол общетюркского движения⁷. Основным автором статей был сам главный редактор.

Внутриполитическая обстановка лета-осени 1917 г. заставила либералов пересмотреть свои позиции, взгляды их заметно левели. З. Кадыри, оставаясь в партии тюркистов в Национальном парламенте, приветствует федеративное устройство России. И вот уже «Тормыш» заявляет: «Если в Поволжье и на Южном Урале тюркское население не составляет абсолютного большинства, то они должны создавать штаты. Сегодня это первостепенный по значимости

¹ Кадыри З. Выборность муфтиев. // Тормыш, 1915, 1, 2, 3 сентября.

² Российский государственный исторический архив (РГИА РФ), ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 50.

³ Кадыри З. Сяси тэшкилатымыз. // Тормыш, 1915, 16, 17, 20 декабря.

⁴ Мөкатдәс шигар алдында. // Тормыш, 1917, 23 июня.

⁵ Кадыри З. Мәмләкәт идарәсе рәвешләре. // Тормыш, 1917, 28 марта, 13 апреля.

⁶ Кадыри З. Корылтайда. // Тормыш, 1917, 30, 31 мая.

⁷ Кадыр З. Башкорт федерациясе мәсьәләсе. // Тормыш, 1917, 23 ноября.

вопрос»¹. Летом 1917 г. от идеи общетюркского единства в пользу национальных республик отказались башкиры, кавказские и туркестанские народы.

Наметился переход от идеи **экстерриториальной** национально-культурной автономии к **территориальному** татарскому штату Идель-Урал. Воодушевлённая революцией и обещанными свободами, газета «Тормыш» являлась своеобразным первоисточником происходивших в Уфе событий. Именно её публикациями пользовались остальные газеты страны, рассказывая о деятельности Национального собрания и национального правительства по созданию штата Идель-Урал.

5 января 1918 г. Учредительное собрание провозгласило Россию федеративной демократической республикой, а на другой день Национальное собрание заявило о рождении её субъекта – штата Идель-Урал. В решении указывалось, что Идель-Урал, являясь по способу своего правления народной республикой, вместе с другими государствами образует Российскую Федеративную Республику.

В течение 1917 – 1918 г. татарская нация вышла на уровень создания национального правительства и парламента территориальной национально-культурной автономии, а также принятия её Конституции. Однако подобная децентрализация совсем не устраивала пришедших к власти большевиков. Начиная с апреля 1918 г., в Уфе завершается период сосуществования советов и национальных автономных органов. Указом советского правительства в апреле 1918 г. ликвидируется так радостно и торжественно объявленный штат Идель-Урал. Позиция З. Кадыри, противостояние его газеты «Тормыш» советам не прошли незамеченными.

В результате 29 апреля 1918 г. издание газеты «Тормыш», как и других национальных изданий, было запрещено Уфимским мусульманским комиссариатом. На смену им пришла новая пролетарская пресса. Все, кто в этих условиях продолжал заниматься национальным вопросом в прежнем русле, были обречены на трагическую судьбу врагов народа, подлежащих физическому уничтожению.

К началу и в период Великой русской революции татарская элита, в составе которой преобладали представители духовенства и буржуазии, накопила опыт политической работы.

В бурных событиях 1917 г. мусульманские движения показали свои возможности и недостатки. Из различных форм государственного устройства татар в итоге была создана территориальная национальная автономия в составе федеративного государства. В такой форме татары видели гарантии развития своих этнических особенностей, религии, языка, культуры и собственных политико-экономических отношений. Большевики не сдержали обещаний по само-

¹ Кадыр З. Башкорт федерациясе мәсьәләсе. // Тормыш, 1917, 23 ноября.

определению наций и, взяв за основу идеи штата Идель-Урал, применили их в советских автономных республиках. Ключевым стал вопрос власти: автономии контролировались не избранным национальным парламентом и правительством, а центральными органами, в которых, как правило, не было представителей мусульман.

Опыт России в построении многонационального государства весьма интересен. В начале XX столетия были предложены различные проекты по созданию федеративного государства, и здесь свою роль сыграли национальные движения разных народов. История показала, что невнимание к национальному вопросу дорого обошлось как Российской империи, так и СССР, которые распались именно по границам национальных окраин. Поэтому выработка внятной, согласованной национальной политики государства и сегодня остаётся приоритетом.

ГЛАВА 5. ЛИЧНОЕ ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ

Провинциалы у руля государственной власти, их коллективная биография как проблема соотношения микро- и макроуровней процессов и изучение индивидуальной биографии как особого измерения исторического процесса. Провинциальные элиты: проблемы утраты и обретения легитимности. Именно этим вопросам посвящена глава «Личное дело революции», в которой российские историки рассматривают историю революционного процесса сквозь личностную призму.

МОТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ВОВЛЕЧЁННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД 1917 - 1920 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ)

Татьяна Кочепасова (Россия)¹

Результат революционного движения в России в начале XX в. – формирование кадрового состава профессиональных революционеров, корпуса носителей власти, практическая вовлечённость которых в общественно-политическую деятельность совпадала с обыкновенной службой в бюрократических институтах, партийно-государственных структурах и подчинённых им общественных организациях. Согласно материалам Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. и Всеобщей переписи населения 1926 г., категория служащих в городах Поволжья объединяла от 24,9 % до 25,3 % жителей. Из них непосредственно административной деятельностью в 1923 г. были заняты 35 %. В первую очередь, это были члены советов, президиумов, коллегий, прокуратуры, суда, руководители предприятий, ведомств. К 1926 г. их численность возросла до 50,7 %. Всего к середине 1920-х гг. представительство группы служащих-управленцев среди всего населения поволжских городов увеличилось с 8,7 % до 12,8 %². Именно эти люди определяли характер установившегося режима, проводили в жизнь его политику и

¹ Кочепасова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Московского училища олимпийского резерва № 4 имени А. Я. Гомельского.

² Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ, т. 20, в. I, ч. 2. – М., 1923, с. 284-294, 297-329; в. 2, с. 224-225, 244-245, 505-507.

использовали все средства принуждения и идеологического воздействия. От их личных, нравственных, профессиональных качеств, культуры и компетентности в огромной степени зависел как исход самой Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., так и воплощение в жизнь её идей и задач.

Важнейшим мотивационным источником психологической и практической вовлечённости профессиональных революционеров (советских управленцев) в общественно-политическую деятельность в 1917 – 1920-е гг. – как в столице, так и в провинции – выступала *потребность во власти*. Причём совсем не обязательно она выражалась в надежде прорваться к её высоким вершинам. Психологически достаточно привлекательной могла быть и принадлежность к системе политической власти, участие в ней, выступающее как способ социального самоутверждения личности, её выделения из массы простых смертных. Политика в революционный период в начале XX в. была, пожалуй, единственной и самой благоприятной сферой для удовлетворения потребности во власти. Тем более что руководящая номенклатура командовала не только в политике, но и во всех других сферах жизни общества, обладала многочисленными материальными и социальными привилегиями и являлась, по сути дела, единственной социальной группой, осуществлявшей реальную власть.

Анализ автобиографий ответственных работников советского и партийного аппарата Поволжья показывает, что на начальном этапе их жизненного пути выбор революционной идентичности как основы профессиональной деятельности имел компенсаторное происхождение: обладание властью выступало как средство восполнения травмированной или неадекватной самооценки¹. Большинство профессиональных революционеров поволжской провинции были выходцами из беднейших рабоче-крестьянских слоёв населения, росли и воспитывались в больших семьях, многие пережили раннее сиротство и насилие, с юных лет батрачили. Член Самарской губернской чрезвычайной комиссии (1920 – 1921 гг.) А. К. Альберг, в частности, вспоминал: «Я сын бедного крестьянина. Отец мой был убит лошаадьми во время полевых работ, в результате чего у матери осталось восемь человек детей. После смерти отца всё было продано с аукционного торга за долги, и нам выстроили маленький домик, в котором мы еле размещались. По содействию одного родственника меня устроили к помещику в деревню Брыжла Вольского уезда Саратовской губернии, где я пас свиней, а зимой с рабочими работал во дворе. Так я жил до 14 лет, пока однажды не был сильно избит хозяином нагайками и заперт в холодный амбар. Всё это так сильно подействовало на меня, что я с тех пор стал ненавидеть

¹ Дилигенский Г. Г. Психологические основы политического лидерства. // Социально-политическая психология. – М., 1996, с. 233-234.

бар и, по содействию приказчика, который дал мне 5 рублей, сбежал в Саратов»¹.

Или другая, но схожая судьба. А. М. Березин, прокурор Нижневолжского края (1928 – 1929 гг.) был выходцем из семьи чернорабочих, отец и мать зарабатывали вместе на стройках около 2 рублей в день, так что семье из 10 человек «приходилось буквально голодать, отец к тому же сильно выпивал. В течение долгого времени дневная пища состояла из 2 – 3 фунтов чёрного хлеба с солью, луком, уксусом или селёдочным рассолом. Из-за такой голодовки 5 братьев и сестёр умерло». С 15 лет юноше средства на пропитание добывать приходилось самостоятельно. Отец отдал его на 4 года в колониальную лавку учеником. Условия работы были очень тяжёлые. Хозяин будил в 4 часа утра, обливая холодной водой. Работать нужно было до 11 часов ночи без перерывов и каждый день. «Таская физически непосильные вещи, я надорвался, проболел 2 месяца, а затем удрал», – вспоминал А. М. Березин. После этого он ещё около 2 лет был чернорабочим на разных работах – «в портняжной мастерской, на стройках, на выгрузке барж, где приходилось»².

Достаточно устойчивые и длительно переживаемые в период детства и юности состояния обиды, досады, разочарования, злости, ощущение унижения и личностной ущербности перерождались в состояние агрессии, целью которой было нанесение ущерба тем социальным силам (ненавистным господам и барам), которые и стали источником обид. Поэтому не случайно, что первые революционные события в России в 1905 – 1907 гг. нашли в молодых душах открытый эмоциональный отклик. Как пишет о себе Н. Ермилов, один из руководящих работников самарского ОГПУ, а в 1905 г. – 20-летний очевидец Первой русской революции, «вдумчивый по натуре, я представлял себе впереди довольно неотрадную перспективу: безграмотный, без определённой профессии. О революционных организациях я уже слышал через рабочих Балтийского и других заводов, с которыми приходилось сталкиваться и иметь знакомых. Но события 9 января 1905 г., демонстрации, в которых я участвовал и чудом спасся от расстрела, возложили глубокий отпечаток в моём сознании»³. Революционная деятельность, во-первых, была благоприятной средой, в которой было возможно бессознательное вытеснение личных конфликтов в общественную сферу и удовлетворение своего самолюбия, а во-вторых, она обещала независимость, освобождение от обстоятельств и от воли других людей.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 76, оп. 3, д. 148, л. 1.

² РГАСПИ, ф. 613, оп. 2, д. 31, л. 154-154об.

³ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), ф. 27, оп. 3, д. 308, л. 45-45об.

Большинство будущих партийных активистов примыкали к революционным организациям зачастую совершенно случайно – из любопытства или за компанию с «сознательными товарищами».

А. К. Альберг пишет, что он впервые познакомился с революционерами, «будучи подручным слесаря на судоремонтном заводе в Астрахани в 1904 г. Это были два техника из череповецкой школы. Я искал у них грамоты, они давали мне книжки, по ним учился понимать и сознавать»¹. Начинали с кружков, выполнения простых поручений – распространения прокламаций и нелегальной литературы, устройства конспиративных квартир. Революционная романтика притупляла чувство самосохранения, а юношеский максимализм требовал подвигов. Достаточно иронично вспоминал о своём первом «боевом» задании известный советский и партийный деятель 1920-х – 1930-х гг. В. В. Куйбышев. Будучи в 1905 г. 17-летним студентом военно-медицинской академии в Петербурге, он примкнул к кружку социал-демократов. Как начинающему революционеру-подпольщику ему было поручено переправить с конспиративной квартиры на центральный склад полученные из Финляндии бомбы. На пару со своей знакомой курсисткой Агатой Яковлевой они укрепили их под одеждой на спине и на груди и рассовали по карманам. Оставшийся груз сложили в портфель. И в таком «значительно пополнившемся» и отяжелевшем виде вышли на улицу. Пройдя несколько шагов, почувствовали слезку околоточного. Полчаса они петляли по петербургским дворам, обессилившие от тяжести бомб и охватившего чувства страха за провал операции. Каково же было их удивление и нервный восторг, когда они поняли, что никакого преследования не было. Околоточный просто шёл своей собственной дорогой, не обращая никакого внимания на двух постоянно озиравшихся на него молодых людей². Но такие приключения не проходили даром. В. В. Куйбышев вспоминал далее, что после выполнения очередного поручения, возвратившись в свою квартиру, всю ночь до рассвета переживал кошмары: «В минуту, когда удавалось задремать, мне виделась смертная казнь, петля палача. Я вскакивал, хватался за револьвер и затем откладывал его в сторону только потому, что говорил себе – успею, узнаю об аресте и, не задумываясь, пушу себе пулю в висок»³. Таким образом, романтическая эйфория отрезвлялась реальностью: каждый поступок революционера был на грани между подвигом и преступлением, отсюда проистекало и неустойчивое состояние его мыслей, эмоций, настроений. М. А. Гимов, председатель Симбирского губернского исполнительного комитета советов (1917 – 1921 гг.),

¹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 148, л. 1.

² Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни. – М., 1937, с. 16.

³ Там же, с. 19.

также вспоминал, что в дни отступления Первой русской революции, находясь в подавленном состоянии, пытался застрелиться. На счастье, браунинг оказался с дефектом, и пуля не пробил височной кости. Он чудом остался жив¹.

Молодые люди, выбиравшие себе судьбу революционеров, оказывались под прессом преследования властей, теряли работу и возможность учиться, становились нелегалами. В. В. Куйбышев в течение первых 12 лет своей революционной карьеры 7 раз подвергался арестам, 7 лет провёл в тюрьмах и ссылках. Жизнь революционера-подпольщика бросала его из Омска в Томск, потом в Петропавловск, Каинск (ныне г. Куйбышев Новосибирской области), Петербург, Вологду, Харьков, Самару. Тюремные университеты в кругу единомышленников придавали весомость личному авторитету, а лидерские роли, приобретаемые в революционном движении, развивали и укрепляли потребность во власти. Обстановка подполья, конспирации создавала предпосылки вождизма. Реальная власть сначала над ближайшими сторонниками, а потом над более широкой массой превращалась у политических активистов в способ самовыражения и самоутверждения, в потребность и устойчивую установку. Всё это в совокупности с самой идеологией большевиков, возбуждавшей ненависть к «врагам пролетариата», формировало их нравы, черты характера, психологию непримиримых борцов.

С особой выразительностью эти качества проявлялись в условиях военных событий 1914 – 1920 гг. Совпадение суровых обстоятельств – тяжёлого кровопролития и политической анархии – вырабатывало новый душевный тип людей, призванный к господству в революции. Свойственное им состояние обиды и злости по отношению к людям старой культуры превращалось в чувство прямой мести².

Политические активисты с «глубокой пролетарской ненавистью» говорили о своём участии в империалистической войне, хотя возможно допустить, что в угоду политической ситуации 1920-х гг., ко времени которой относятся их автобиографические воспоминания. А. К. Альберг пишет: «В 1914 г. я был мобилизован на защиту веры, царя и отечества, но царя и отечество я не защищал и под всеми предлогами оставался в тылу, невзирая на всякие притеснения со стороны командного состава. В какой бы роте я ни бывал, вёл сильную агитацию против войны, стараясь указать массе, насколько это вредно для рабочего класса и крестьянства»¹. Председатель Нижневолжского краевого союза пищевиков (1928 – 1929 гг.) Абрамов, не стыдясь, откровенничал в

¹ Точёный Д. С., Точёная Н. Г. Исторические портреты, очерки и фельетоны. – Ульяновск, 2001, с. 114.

² Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917 – 1920 гг. – М., 1998, с. 170.

своей автобиографии: «Служил я в 1909 г. на действительной службе в Гельсингфорсе в качестве рядового. Личное моё отношение было желание освободиться по болезни, а если не так, то выучить финский язык и сбежать со службы»². Подобный «героизм» соотечественников служил благодатной почвой для антивоенной пропаганды большевиков. Вербовка в партийные ряды происходила непосредственно на фронте. И если для одних это был возможный шанс прекращения ненавистной службы, то для других – настоящее откровение. Ф. П. Сучков пишет: «В 1917 г., когда совершился Февральский переворот, я попал под разъяснительную кампанию среди солдат. Большевик Дядюшев вёл среди нас агитационную работу, уговаривал не идти в наступление, и что война не нужна. Меня избрали в полковой комитет, где я также повёл работу за РСДРП(б), за что меня подвергли избиению и сочли изменником родины, что якобы я принадлежал Ленину, но я в то время Ленина не знал, и кто и что был Ленин, до тех пор пока мне не разъяснил товарищ Дядюшев. К Октябрьскому перевороту я уяснил все цели и задачи РСДРП(б)»³.

Для многих проявление революционного бунтарства на фронте послужило первым шагом для будущей успешной партийной службы. Альберг в автобиографии отдельно и подробно разбирает эпизод, относящийся к дням Февральской революции. Незадолго до основных событий он попал в охрану Сызранского моста, где «вдали от начальственного глаза» самолично подготовил целую роту для выступления против существующего строя. «Как только была получена телеграмма о переброске войск в Петроград, я первый выставил роту против офицеров, выгнал их, создал солдатский комитет, обезоружил жандармов на мосту. Все эти действия происходили 28 февраля 1917 г.»⁴. Наградой за решительность послужило избрание А. К. Альберга в первый солдатский совет и делегирование его в железнодорожную транспортную комиссию, а затем – в главный железнодорожный комитет. М. П. Головчанский, заместитель председателя Саратовского губсовнархоза (1923 г.), также приводил подобный пример из своей биографии: «В марте 1914 г. я был мобилизован в царскую армию. Февральскую революцию застал в передовых цепях действующей армии в Карпатах. В дни октябрьских событий наш корпус был в пути. Командный состав хотел было нас [переправить] в Петроград на помощь Керенскому, но я приложил все усилия, так как пользовался уважением и доверием 82 000 человек корпуса (как председатель солдатского комитета), и эта переброска не состоялась. Во время нашей стоянки

¹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 148, л. 1.

² РГАСПИ, ф. 613, оп. 2, д. 31, л. 224-224об.

³ РГАСПИ, ф. 613, оп. 2, д. 31, л. 194.

⁴ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 148, л. 1.

близ Петрограда я имел некоторые директивы от Подвойского»¹. Кстати, факты знаменательных встреч, знакомств с видными большевиками производили сильное и побудительное впечатление на молодых революционеров. Так, партийный активист Нижневолжского края Абрамов указывает, что во время Первой революции «сталкивался с Владимиром Шмидтом и другими»²; заведующий саратовским ломбардом Н. вспоминает, что в 1901 г. входил в кружок в железнодорожных мастерских, где «с нами занимался Алексей Рыков»³; активистка женского движения из г. Кузнецка Саратовской губернии В. В. Березина отмечает, что во время ссылки в Енисейскую губернию познакомилась с видными большевиками: Каменевым, Смилгой, Кассиором, Петерсоном, Мегеладзе и другими, с которыми «мы вели партийную работу»⁴. Я. Г. Новиков приводит воспоминание о своей встрече с В. И. Лениным: «После Октябрьской революции, когда власть перешла в руки советов, я был командирован общим собранием завода “Баррикады” в Петроград ходатайствовать деньги перед советским правительством для расплаты с рабочими и служащими, потому что три месяца не платили зарплаты. Мне приходилось лично бывать у товарища Ленина и объяснять ему всё. Он очень интересовался о Царицыне, много расспрашивал, и когда я во второй раз пришёл к нему, он меня принял и приказал выдать один миллион рублей»⁵. После успешного выполнения поручения Я. Г. Новиков был делегирован на Всероссийский съезд морских артиллерийских заводов.

Атмосфера чрезвычайной ситуации, боевых приказов, военной разрухи и голода ставила перед новыми лидерами более сложные задачи, уже лишённые налёта романтики и требовавшие неременного бескомпромиссного удовлетворения. Закалка характера происходила в продотрядах, в частях революционного трибунала и Красной армии.

Для всех партийных активистов это неотъемлемый этап политического взросления и отбрасывания всяких сомнений в правоте сделанного выбора. Как показывают данные партийной переписи 1922 г., именно на годы Гражданской войны приходится пик вступлений в ряды РКП(б). Например, среди коммунистов г. Самары таковых насчитывалось 74 %: в том числе вступивших в партию в 1918 г. был 21 %, в 1919 г. – 30 %, в 1920 г. – 23 %. Число внушительное само по себе и тем более на фоне 2 % коммунистов, имевших

¹ ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 308, л. 37-38.

² РГАСПИ, ф. 613, оп. 2, д. 31, л. 224-224об.

³ Там же, л. 170об.

⁴ ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 308, л. 11-13об.

⁵ РГАСПИ, ф. 613, оп. 2, д. 31, л. 273.

дореволюционный партийный стаж¹. К началу 1920-х гг. профессиональные революционеры поволжской провинции разного уровня представляли собой сформированный стандартизированный тип руководителя – несгибаемый боец со стереотипным, безапелляционным сознанием, чёрно-белым видением происходящих событий и одновременно классовым подходом к личности². Прделанный путь каждого лидера должен был служить живым доказательством известной формулы революционного гимна: «Кто был никем, тот станет всем». Издержки революционного лидерства заключались в том, что они плохо разбирались в государственном управлении, экономике, имели смутное представление о финансовой системе. Будущий коммунистический строй рисовался ими как царство пролетариата с изобилием, отсутствием эксплуатации, денег и буржуев.

Потребность во власти приобретала теперь практический, инструментальный характер, т. е. власть была желанна для удовлетворения других личностных потребностей: в благосостоянии, уважении, безопасности. Тем более что борьба за свободу отняла много сил и здоровья. *Успешное применение власти* выступало одним из важных мотивов политической деятельности.

Несмотря на то что с трибуны партийных форумов и на страницах печати тяга в партию объяснялась как альтруистическое стремление масс, осенённых её непререкаемым авторитетом, ни для кого не было секретом, что значительную часть вступавших в ряды коммунистов влекла перспектива улучшения своего положения.

Реализация потребности в благосостоянии выступала ведущей в иерархии материальных стимулов. Прежде всего, она выражалась в желании обладать имуществом, вещами и распоряжаться собственностью (причём не только личной, но и государственной) – власть и богатство всегда существуют вместе. Готовность к преимуществам, а не бескорыстному служению, стремление к привилегиям – повышенному материальному благополучию, преимущественному доступу к благам, обособлению – проявлялись во внутренней готовности партийных работников получать больше, для того и в начальство выбивались.

Согласно государственной тарифной системе оплаты труда, утверждённой ВЦСПС в мае 1922 г., труд «ответственных политических работников, занятых в профессиональных, политических, хозяйственных, советских и кооперативных организациях» оценивался наивысшей ставкой, по 1-му разряду. В губерниях Среднего Поволжья ставка составляла 3200 руб. (в советских зна-

¹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ), ф. 1, оп. 1, д. 1202, л. 4-5.

² Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917 – 1920 гг. – М., 1998, с. 169-170.

ках)¹, в то время как для работников тяжёлой промышленности – 1650 руб., транспорта и связи – 1500 руб., здравоохранения и просвещения – 1100 руб., для деятелей искусства – 950 руб.² Специальным распоряжением оргбюро «Об улучшении быта активных партийных работников», принятым в июле 1922 г., предусматривалось введение индивидуальной шкалы заработной платы для партийных функционеров. По 17-му и 18-му разрядам – самым высшим – оценивался труд членов ЦК и ЦКК, заведующих отделами аппарата ЦК, а также секретарей губкомов и губернских государственных ведомств. Они должны были получать несколько сотен рублей (новых), не считая надбавок на членов семьи, за сверхурочные, за участие в заседаниях, совещаниях, написание докладов, которые в совокупности могли составить сумму, сравнимую с основным жалованием, и это в то время, когда квалифицированный рабочий промышленного предприятия зарабатывал в среднем 10 руб. в месяц. Кроме того, им полагались бесплатный продовольственный паёк, одежда, медицинское обслуживание, путёвки в санаторий³. Следует учесть и тот момент, что получаемый ими доход был всегда гарантирован.

Постоянной и убедительной была динамика роста заработной платы работников советского и партийного аппарата. Постановлением Наркомата труда № 290/533 от 1 января 1926 г. оплата труда ответственных работников провинции была увеличена на 27 % по сравнению с предыдущим годом⁴. В это же время увеличение заработной платы рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, в частности г. Самары, произошло лишь на 9 – 10 %⁵. В результате разрыв в материальном поощрении труда ответственного работника с одной стороны, служащего и рабочего – с другой составил 2,5 – 3 раза. Узаконенное неравенство вызывало вполне обоснованный ропот на руководящих работников и даже на партию: «РКП(б) у нас – это своя советская господствующая буржуазия, им хорошие должности, хорошие оклады, их никогда не сократят»⁶, они «никогда не имеют нужды к существованию, поэтому и далеки от забот об улучшении жизни рабочего»⁷.

Реализация потребности в благосостоянии ответственными работниками достигалась не только посредством денежной заработной платы. Не менее важным для них было ощутить чувственное удовольствие от удовлетво-

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р-190, оп. 1, д. 302, л. 147.

² Экономический путь, Симбирск, 1922, 8 июня, № 126, с. 4.

³ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1920-е гг.: руководящие кадры государственного аппарата. – М., 2001, с. 172-173.

⁴ СОГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1919, л. 241.

⁵ Артицев Р. Т. Бюджеты самарских рабочих. – Самара, 1925, с. 34.

⁶ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО), ф. 1, оп. 1, д. 1215, л. 36-37.

⁷ СОГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 515, л. 34.

рения материальных потребностей. Обладать, распоряжаться дорогими и дефицитными вещами, вкушать хорошую пищу, пользоваться предметами роскоши – для лиц, наделённых властью, это была не только возможность оказывать влияние на других людей, но и своеобразное **удовольствие от чувства избранности**, отличия от прочих.

В губернских партийных организациях и советских учреждениях оно достигалось и поддерживалось достаточно типичными способами: неконтролируемым доступом к партийной кассе, неограниченными авансами и командировками, чрезмерным использованием персональных ставок, легковых автомобилей, мотоциклов, покупкой мебели, ремонтом квартир и т. п. Работники низового аппарата в этом отношении были менее притязательны, но более оригинальны. Так, в Самарской партийной организации в 1923 г. имелись случаи «взяток в виде поросят»¹ или примеры «присвоения отдельными работниками центральных и местных газет с целью оклеивания ими своих изб»².

В 1922 г. в партийной организации Пугачёвского уезда Самарской губернии рассматривалось «дело о самоснабжении» местных руководителей. В феврале председатель уездного исполкома Н. П. Марьин привёз себе лично из заготовительной конторы 10 пудов пшеницы и 15 вилок капусты, которые спустя две недели выменял на базаре на 6 аршинов сукна и швейную машинку. Его заместитель И. Т. Стрельцов вместе с начальником Порубенской районной милиции Дубровским поделили между собой товары, полученные для своих сотрудников: 1,5 воза сена, 10 пудов хлеба, 20 фунтов американской муки, 1 пуд мяса, 2 фунта шоколада, 18 фунтов риса, 5 фунтов сахара, а также 1 млн руб. денег³.

Таким образом, кормило власти превращалось в доходную и неиссякаемую кормушку, а принцип «на то и власть, чтобы жить властью» выступал всё оправдывающим и в результате чего подавляющим морально-этические нормы управления. Тяга к накопительству, вещизму, кроме всего прочего, позволяла ответственным работникам реализовать потребность в свободе: жить независимо от конъюнктуры рынка, неурожая или других непредвиденных изменений. Начальник ОГПУ Саратовской губернии сообщал ответственному секретарю губкома партии И. М. Варейкису, что бывший председатель губисполкома Ерасов при отъезде в Москву «разгромил свою квартиру»: «Вывезена была вся без исключения мебель, принадлежащая ГКО, увезена пианина губоно. Отвёрнуты от дверей все ручки и замки. В печах взяты вьюшки и дверцы. Со стен и потолка сорваны все люстры, канделябры,

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 393, оп. 56, д. 95, л. 9.

² Там же, д. 116, л. 19.

³ ГАРФ, ф. 393, оп. 56, д. 116, л. 24.

штепселя и попорчены провода. Сняты некоторые двери, лестница из погреба увезена к тёще на квартиру. Вызывались на квартиру во время отъезда столяры, которым поручалось вынуть из двери зеркальное стекло и заделать досками»¹.

Утрата меры в потреблении, с одной стороны, объяснялась сопоставлением партийцами и чиновниками себя с потребностями и интересами основной части провинциального общества в 1920-е гг., а таковые, как известно, сосредотачивались на еде, заработке, бытовом устройстве. С другой стороны, в беззастенчивом желании к максимальному удовлетворению своих материальных потребностей проявлялось стремление советских функционеров подражать правящим классам дореволюционной России: ведь государственная служба традиционно рассматривалась как способ кормления.

Однако материальное благополучие, стабильность профессионального положения, гарантии определённого социального статуса и его роста, удовлетворительные доходы и условия труда не исчерпывали всех мотивов практической вовлечённости в политическую деятельность. Немаловажную роль при этом играла *потребность в самоутверждении, в самореализации личности*, в проявлении индивидуальности, в разнообразных эмоционально насыщенных социальных связях.

Общественная активность была благоприятной сферой приложения личностных сил и способностей, она радикально обогащала содержание жизни, наполняла её новым смыслом. Как объясняла в автобиографии своё участие в политическом движении В. В. Березина, молодая женщина-активистка из г. Кузнецка Саратовской губернии, оно означало для неё разрыв с прежним образом жизни: «Жажда науки сильно возбуждала желание работать и не обращать внимания на все трудности, которые стояли передо мною. Семья сильно тормозила меня. Мне приходилось работать за двоих. Муж мой часто сидел в тюрьме и почти ничего не зарабатывал. Родился ещё один ребёнок, и я окончательно потонула в семейных заботах. В дни империалистической войны стала активно принимать участие в политике. Пришлось из-за политических разногласий разойтись с мужем»². В. В. Березина смогла успешно освоить курс Университета Шаняевского, её не сломили подполье, тюрьма и ссылка, и в 1920-е гг. она была одним из руководителей учреждений образования и культуры в Красноярском крае и Саратовской губернии.

Самореализация в политике в 1920-е гг. позволяла в полной мере *удовлетворить* даже свои *эгоистические качества*: потребность в престиже, ува-

¹ Орлов И. Б. Местная власть в 1920-е гг. // Сталин. Сталинизм. Советское общество: сборник статей к 70-летию д. и. н. профессора В. С. Лельчука; ред.-сост. Г. Ш. Сагателян, Б. С. Илизаров, О. В. Хлевнюк. – М., 2000, с. 152.

² ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 308, л. 11-13об.

жении и самоуважении. Благополучие собственного «я» состояло не только в количестве питья и еды, оно заключалось в материи более тонкой – в количестве знаков признания, полномочий, уважения, почёта, лести, поклонения, подчинения. В случае дефицита статусной символики можно было прибегнуть к суррогатному уровню престижа, т. е. уметь себя подать¹. Ульяновские артисты эстрады Грузинская и Шель в «Песенке бывшего комиссара» иронично, но вполне достоверно создали амбициозный образ советского партийного руководителя середины 1920-х гг.:

Я недавно служил комиссаром,
На широкую ногу мог жить,
На дверях объявление висело:
«Без доклада прошу не входить!»
Элегантно всегда одевался,
Пил и ел я лишь то, что хотел,
А пред дамами так рисовался,
И наган всегда с боку висел.
Как, бывало, с портфелем под мышкой
В кабинет к себе важно пройдёшь,
Там роман заведёшь с машинисткой
Иль ещё с кем-нибудь флиртанёшь.
Относился я к делу прекрасно,
Резолюции ловко строчил,
Все боялись меня ужасно,
И пешком никогда не ходил.
Важным спёцом прослыл очень быстро,
Воензаком успел я побыть,
Думал сделаться скоро министром,
Но пришлось мне свой пыл сократить.
Вдруг Рабкрин – недостатки товара,
Мне по шее губком надавал.
И не стало Кузьмы-комиссара,
И попал я, несчастный, в подвал².

Таким образом, власть становилась нужной не только для обретения свободы действий, не только для доступа к материальным благам, но и для убажания самолюбия. Ценности, используемые для удовлетворения потребности в самоутверждении, приобретали как бы универсальный характер: пи-

¹ Каверин С. Б. Что такое потребность власти? // Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара, 1999, с. 343.

² Кочепасова Т. Ю. Песни улицы: образы нэпа в городской эстраде Симбирска (1921 – 1925 гг.). – Ульяновск, 2001, с. 18.

ща, недоступная другим, становится не просто средством удовлетворения желудка, а бальзамом на душевные раны; свобода действий в больших размерах, чем у других, становится не просто средством жизнеобеспечения, но и способом возвыситься над ближними¹.

Статусную принадлежность функционеров к привилегированному классу обеспечивало и то обстоятельство, что их положение являлось «чистой» профессией. Так, партийная перепись, проведённая в 1922 г. в Самаре, показала, что 83 % членов городской партийной организации занимали всевозможные чиновничьи места: в советских, профессиональных и кооперативных организациях – 50 %, в высших учебных заведениях – 20 %, в воинских частях – 13 %, и только 17 % партийцев были заняты физическим трудом на производстве и транспорте².

Практика выдвижения на ответственные посты в Ульяновской губернской партийной организации в 1926 г. подтверждала, что преобладающими сферами приложения усилий руководящих работников были партийная и идейно-воспитательная работа (в 39,9 % случаев), профсоюзы (17,2 %), судебнo-карательные органы (15,4 %). Значительно меньше – 10,4 % выдвиженцев – направлялись в производственные отрасли и 3,2 % – в кооперацию³. Карьерный умысел ревностных коммунистов был очевидным. Тем более что повышение в должности носило автоматический характер. Как показывали примеры ульяновских выдвиженцев, критерии отбора в начальники были несложными. Предпочтение получали молодые мужчины 25 – 35 лет рабочего происхождения.

Достаточным было наличие минимального партийного стажа и среднего уровня политической грамотности, требования к уровню образования были условными⁴. Рекомендация ячейки, утверждённая решением горрайкома, открывала достойные перспективы. Менее чем за один год человек мог пережить головокружительный карьерный рост: от чернорабочего до райкомовского работника, от приказчика или продавца до заведующего магазином или целым производственным комбинатом, от слесаря до промышленного директора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С одной стороны, кабинетная работа требовала приложения немалого усердия и времени. В обязанности выдвиженца входили встречи с посетителями, выезды на места, как по частным вопросам, так и с плановыми проверками, работа с письмами граждан, средствами массовой информации. Квали-

¹ Каверин С. Б. Что такое потребность власти? // Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара, 1999, с. 344.

² СОГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1202, с. 4-5.

³ ГАНИУО, ф. 1, оп. 1, д. 1019, л. 238об., 246-246об.

⁴ Там же, л. 237об.-238.

фикацию приходилось оттачивать методом проб и ошибок, знания черпать в книгах и газетах. Кроме того, при губернских исполкомах практиковались совещания выдвиженцев – работников губернских учреждений – для подведения итогов и ознакомления их с текущей политикой партии и советской власти. С другой стороны, практика выдвижения показывала, что чем большее число людей охватывала инструментальная вовлечённость в политику, тем более формальной становилась их деятельность. Многие новоиспечённые руководители, достигнув определённой профессиональной ступени и освоив технологию ответственной работы, просто довольствовались своим приобретённым социальным положением, поддерживая его имитацией выполнения служебных обязанностей.

Слабо выраженный *мотив достижения* можно признать типичной и достаточно распространённой характеристикой руководящих кадров провинции 1920-х гг. Казалось бы, потребность в совершенстве, мастерстве, поведении, направленном на достижение своих целей, должна была являться для многих стержнем их политической карьеры. Однако простое обладание источниками власти и ощущение власти сами по себе уже приносили удовлетворение. Поэтому личные силы и стремление направлялись не на развитие, а на то, чтобы сохранить, удержать в своих руках достигнутое. Мотивация избежать провала оказывалась выше мотивации достижения успеха.

Объяснить это положение можно несколькими причинами. Во-первых, сказывался ограниченный уровень социальных притязаний ответственных работников провинции: для многих из них иерархия ключевых целей сосредотачивалась только на материальных потребностях.

Во-вторых, стремлению к совершенствованию многих руководящих работников мешало их элементарное невежество. Низкий образовательный уровень управленцев был крайне несоразмерен с той властью, которой они наделялись. В 1922 г. только 0,09 % самарских коммунистов имели высшее образование, 7,1 % – среднее, остальные были неграмотными¹. В 1925 г. из 33 секретарей городских ячеек Ульяновской партийной организации только 2 имели среднее образование, остальные – низшее. В составе политбюро Ульяновского городского районного комитета из 34 членов среднее образование имели 8, низшее – 26 человек во главе с секретарём горрайкома П. П. Пеллиненом². Согласно информационной сводке Ульяновского бюро губкома комсомола за 1926 г., «актив Ульяновской губернии мало уделяет времени на повышение своего идейно-политического уровня. Газеты актив читает нерегулярно, разве случайно подержит газету в руках. Мало читает книг политиче-

¹ СОГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1202, л. 4-5.

² ГАНИУО, ф. 1, оп. 1, д. 925, л. 194.

ского характера. Можно определённо констатировать, что почти весь актив не знакомится с сочинениями Ленина и других вождей нашей партии»¹. Изучение анкетных данных выдвиженцев 1926 г. показало, что только 13 % партийных активистов имели высокое политическое развитие, 47 % – среднее, 40 % – низшее².

В-третьих, немаловажным фактором слабо выраженного мотива достижения являлось недостаточное физическое и психическое здоровье провинциальных лидеров. Так, медицинская комиссия, изучавшая самочувствие 226 ответственных работников Саратова и губернии в 1926 г., признала больными различными хроническими заболеваниями 225 человек. Причём в возрастной группе от 17 до 35 лет – самой многочисленной в составе ответственных работников – таковых оказалось 99,2 %. Наиболее распространёнными среди молодых партийных кадров были заболевания сердечно-сосудистой системы и органов дыхания – от них страдали соответственно 47,4 % и 27,4 % работников, 14 % были истощены малокровием, и абсолютно все имели диагноз неврастения³.

Таким образом, сделав свой выбор в пользу общественно-политической деятельности, поколение революционеров 1917 – 1920-х гг. приобрело устойчивое профессиональное положение, гарантии определённого социального статуса и его роста, удовлетворительные доходы и условия труда. Моральный долг формировал установку на посильное вмешательство в процессы, происходившие в обществе, готовность принимать нормы и идеалы, исходящие от власти. Стабильность самой власти служила залогом приверженности избранному пути.

¹ ГАНИУО, ф. 1, оп. 1, д. 1214, л. 60.

² ГАНИУО, ф. 1, оп. 1, д. 1019, л. 237об.-238.

³ ГАНИСО, ф. 27, оп. 4, д. 47, л. 1-38.

Жизненная траектория Э. П. Цытовича в 1917 - 1922 гг.: от учителя царских детей до профессора советских вузов

Александр Рожков (Россия)¹

Эраст Платонович Цытович (1874 – 1942) – один из наиболее ярких и титулованных представителей профессуры провинциальных вузов 1920-х гг., при этом персона незаслуженно забытая. Малая степень изученности биографии Э. П. Цытовича объясняется недостатком первоисточников². В процессе работы над статьёй пришлось столкнуться практически с полным отсутствием документов личного происхождения (ки, личные записи, частная переписка, мемуары). Было обнаружено лишь несколько собственноручно написанных Эрастом Платоновичем послужных списков, писем, анкет и служебных писем. Корпус задействованных в работе источников представляет собой в основном служебную документацию. Недостаток первичных данных частично компенсировался воспоминаниями и материалами из личных архивов внуков Э. П. Цытовича.

Судя по записи в метрической книге симбирской Николаевской церкви, подтверждённой метрическим свидетельством Симбирской духовной консистории от 24 ноября 1887 г. за № 7708, Эраст Платонович Цытович родился 31 мая 1874 г. в Симбирске (Ульяновске)³. Он принадлежал к сравнительно молодому дворянскому роду Херсонской губернии, который пошёл от священника Орденского кирасирского полка Степана (Стефана) Ефимовича Цытовича – деда Эраста Платоновича, получившего личное дворянство в 1834 г. по «всемилодивейшему сопричислению его 16 мая 1831 г. к ордену св. Анны 3-й степени»⁴. Женат С. Е. Цытович был на дочери представителя древнего дворянского рода, надворного советника Алексея Григорьевича Вакара – Елизавете Алексеевне. Примечательно, что родственный союз Цытовичей и Вакаров скреплялся не только этим браком. Сын С. Е. Цытовича Платон Степанович (отец Эраста Платоновича) был также женат на представительнице

¹ **Рожков Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет.

² Выражаю искреннюю признательность моей аспирантке А. С. Пасилецкой, предоставившей ценные архивные сведения для данной статьи.

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. Р-365, оп. 3, д. 694, л. 4.

⁴ Дворянские роды, внесённые в Общий гербовник Всероссийской Империи. Ч. 2; сост. А. А. Бобринский. – СПб., 1890, с. 567-568.

рода Вакаров – Олимпии Яковлевне, дочери потомственного дворянина Якова Романовича Вакара¹.

В роду Цытовичей было много военных. **Четверо из пяти сыновей основателя рода Степана Ефимовича – Виктор, Николай, Эраст и Платон – дослужились до генеральских чинов.** Виктор Степанович был генерал-лейтенантом, акмолинским губернатором; Николай Степанович в таком же чине командовал пехотной бригадой; Эраст Степанович, имея чин генерала от инфантерии, являлся членом Военного совета Российской империи. Отец Эраста Платоновича, Платон Степанович, долгие годы возглавлял Сибирскую военную гимназию (Сибирский кадетский корпус), получив при уходе в отставку чин генерал-лейтенанта². Дослужился до генерал-майора и дядя Эраста Платоновича по материнской линии Яков Яковлевич Вакар, начальник Иркутской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса. Старший брат Эраста Платоновича Николай после окончания Михайловского артиллерийского училища сделал военную карьеру, получив чин генерал-майора и звание заслуженного профессора Михайловской артиллерийской академии³. У Эраста Платоновича военная карьера не сложилась. В детстве он сломал ногу. Из-за того что кости срослись неправильно, нога стала заметно короче другой, что потребовало ношения ортопедической обуви⁴. По этой причине он был пожизненно освобождён от воинской повинности⁵.

После успешного окончания 5-й Санкт-Петербургской гимназии в 1893 г. Эраст Цытович поступил на физико-математический факультет (математическое отделение) Санкт-Петербургского университета. 21 августа 1898 г. ему был вручён диплом первой степени об окончании университета, открывавший дорогу к педагогической деятельности⁶. 1 июля 1898 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа назначил Э. П. Цытовича преподавателем математики и физики в Кронштадтскую мужскую гимназию. Через два года он был переведён на такую же должность в 7-ю гимназию Санкт-Петербурга, где преподавал до 1907 г. Одновременно с 1901 по 1912 гг. Цытович работает лаборантом при физической лаборатории в Санкт-Петербургском технологическом институте⁷, а с 1913 по 1917 гг. – препода-

¹ Дворянский род Цытовичей в Херсонской губернии. URL:

<http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/Tzytovichi.html> (дата обращения: 21.10.2017).

² Список генералов по старшинству. Исправлено по 1 мая. – СПб., 1884, с. 282, 415.

³ Список генералов по старшинству. Исправлено по 10 июля 1916 г. – Пг., 1916, с. 79.

⁴ Гурова А. Я на свою судьбу не жалею. // Царскосельская газета, 2014, 16 сент.

⁵ ГАКК, ф. Р-365, оп. 5, д. 173, л. 2.

⁶ ГАКК, ф. Р-365, оп. 3, д. 694, л. 4об.

⁷ Краткий отчёт по Петроградскому технологическому институту императора Николая I за 1914 и 1913 гг. // Известия Технологического института императора Николая I. Т. XXIII. – Пг., 1915, с. 399.

вателем физики. Он также преподаёт физику в частных школах – женских гимназиях Персияниновой и Ставиской, гимназии Штемберга¹.

В 1907 г. в карьере 33-летнего надворного советника Э. П. Цытовича происходит судьбоносный поворот: он назначен директором Царскосельского реального училища императора Николая II, находившегося под покровительством государя (вторым в истории училища после умершего И. И. Фомилианта). Молодой энергичный директор большое внимание уделял постановке учебного процесса, преподаванию естественных наук и физическому воспитанию учащихся. «Красивый, несколько грузный мужчина (видимо, ввиду его хромоты), – вспоминал о Цытовиче бывший реалист Б. Н. Моисеев, – с чёрной бородой, взгляд которого моментально останавливал разбаловавшихся учеников. Слыша в коридоре его шаги... замирали на месте»².

К тому времени Цытович уже женат на Агнессе Петровне Шрейтман. Она окончила в 1892 г. немецкую гимназию с двухгодичным педагогическим курсом в Петербурге, приобрела опыт воспитания и обучения у барона Энгельгауза в Эстляндской губернии³. Затем уехала в Париж, где изучала французский язык и сдала экзамены на звание домашней учительницы. Выдержав испытание при Парижской академии, преподавала иностранные языки в петербургских гимназиях с 1900 по 1917 гг.⁴ У Цытовичей родились три дочери: Людмила (1906), Тамара и Нина (1907).

Цытович относился к узкому кругу преподавателей, которым было доверено обучение монарших детей. С 1910 по 1917 гг. он преподавал математику и физику дочерям Николая II – сначала Ольге и Татьяне, затем Марии и Анастасии. Выпускник реального училища Э. Ф. Голлербах вспоминал, что «великие княжны приезжали верхом из Александровского дворца в Реальное заниматься физикой у Цытовича». С января 1914 г. Эраст Платонович стал вести занятия по арифметике с его императорским высочеством наследником цесаревичем Алексеем Николаевичем. В Александровском дворце Царского Села находилась комната для занятий с наследником со специально сконструированной партой⁵.

Царскосельским училищем Цытович руководил 10 лет и ушёл с этого поста по личному прошению 20 августа 1917 г. Следующим местом его работы

¹ ГАКК, ф. Р-365, оп. 3, д. 694, л. 2об.

² Моисеев Н. Б. Царскосельское детство. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Genealogy/Vosp_BN_Moiseeva.htm (дата обращения: 21.10.2017).

³ ГАКК, ф. 485, оп. 1, д. 193, л. 2-2об.

⁴ ГАКК, ф. Р-862, оп. 1, д. 5, л. 35об.

⁵ Муравьёва И. Б. Романовы и Технологический институт. // Материалы научной конференции, посвящённой 185-й годовщине образования Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета). – СПб., 2013, с. 18.

на короткое время станет вновь открытая 1-я петроградская четырёхклассная гимназия, где он преподаёт физику и математику. Одновременно он работает учёным консультантом Главной физической обсерватории в Петрограде¹. Эраст Платонович непрерывно совершенствовал свои познания в физике, пристально следил за состоянием научного и методического развития в области термодинамики, электрометрии и космографии. Не случайно, отвечая на вопрос анкеты (1923) об отношении к религии, он пишет: «Религией для меня служит изучение физики и её достижений»².

Э. П. Цытович широко известен как один из основателей движения скаутов в России. В августе 1915 г. в связи с уходом на фронт начальника Царско-сельской дружины юных разведчиков О. И. Пантюхова Э. П. Цытович принял на себя руководство легендарной дружиной³. Эта работа настолько увлекла Цытовича, что вскоре он превратился в энтузиаста скаутинга и одну из ключевых фигур всего российского движения. Ему удалось вовлечь в свой отряд великого князя Георгия Константиновича и записать наследника престола Алексея⁴. Идеями скаутинга Эраст Платонович увлёк и свою жену. Агнесса Петровна организовала и возглавила отряд девочек-скаутов. Чета Цытовичей принимала участие в работе I Всероссийского съезда инструкторов и лиц, интересующихся скаутингом⁵. В своём докладе Цытович выступал за сближение родителей, педагогов и руководителей скаутов⁶. Э. П. Цытович также принимал самое живое участие в организации II съезда деятелей по скаутизму в Петрограде в 1916 г., исполняя обязанности товарища председателя распорядительного комитета.

Жизнь Эраста Платоновича и его семьи резко меняется после октября 1917 г. Наблюдая происходящие в столице события, Цытовичи принимают решение временно уехать из Царского Села. Первой на Кубань, в станицу Вознесенскую, где проживала сестра Эраста Платоновича Екатерина с семьёй, отправилась Агнесса Петровна с дочерьми. Вероятно, в первоначальные планы Цытовича не входил окончательный отъезд из Царского Села. Директором петроградской 1-й мужской гимназии 9 декабря 1917 г. ему был разрешён

¹ ГАКК, ф. Р-365, оп. 5, д. 173, л. 2.

² ГАКК, ф. Р-365, оп. 3, д. 694, л. 2.

³ Левицкий О. Е. Из нашей истории: ст. см Г. В. Радецкий-Микулич. // Опыт, 1998, № 103. URL: http://vk.com/pages?oid=-12078763&p=Левицкий_О.Е. (дата обращения: 21.10.2017). Место рождения русского скаутизма – парк в Павловске, вблизи Царского Села, где в апреле 1909 г. О. И. Пантюхов организовал первое звено юных разведчиков.

⁴ Кудряшов Ю. В. Российское скаутское движение: исторический очерк. – Архангельск, 1997, с. 112.

⁵ Радецкий-Микулич Г. В. Исторические пути развития нашего движения в 1914 – 1917 гг. // Кучин В. Л. Скауты России. 1909 – 2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. – М., 2008, с. 86, 89.

⁶ Зотов В. С. Из истории скаутского движения в России. 1909 – 1926 гг. Фрагменты царского периода 1909 – 1917 гг. // Кучин В. Л. Указ. соч., с. 133.

отъезд на Кубань в отпуск к семье¹. Но сложившаяся обстановка внесла свои коррективы. Выехав на Кубань 14 декабря, он с трудом добрался туда 21-го. В рапорте члену Кубанского краевого правительства по делам народного просвещения Ф. С. Сушкову от 7 сентября 1918 г. он пишет, что «лишь в силу исключительных обстоятельств я не мог возвратиться на службу в Петроград», имея в виду наличие заградительных отрядов и запрещение выезда. В феврале 1918 г. Цытович вёл переговоры о служебном переводе из ставшего недоступным Петрограда в Кубанскую область. В сентябре 1918 г. первым местом работы Эраста Платоновича в Екатеринодаре стала 2-я женская гимназия, где он преподавал физику². В январе 1919 г. Цытович избран преподавателем Кубанского политехнического института³.

Фигура такого масштаба, как Э. П. Цытович, в то смутное время не могла остаться незамеченной руководством Кубанской народной республики. 12 августа 1918 г. на заседании совета Кубанского краевого правительства его назначают помощником члена правительства по делам народного просвещения⁴. С мая 1919 г. он входит в 4-й состав правительства в статусе временно исполняющего должность управляющего Ведомством народного просвещения и покидает этот пост 28 ноября 1919 г. по личному прошению⁵. В правительстве Цытовичу пришлось заниматься подбором и расстановкой руководящих кадров образовательных учреждений, налаживанием финансирования учебных заведений, борьбой с сыпным и возвратным тифом среди учащихся и преподавателей⁶, прорабатывать вопросы о необходимости открытия в крае педагогического факультета, об объединении Кубанского и Северо-Кавказского политехнических институтов⁷, о распространении на учителей всех типов учебных заведений права на предоставление им жилья по реквизиции без оплаты за счёт средств казны и др.⁸

Несмотря на занятость важными государственными делами, Эраст Платонович находил время и силы для работы по развитию скаутизма на Юге России, где дружины юных разведчиков оказались наиболее жизнеспособными. По его предложению кубанский войсковой атаман генерал А. П. Филимонов

¹ ГАКК, ф. Р-365, оп. 3, д. 694, л. 5.

² ГАКК, ф. Р-5, оп. 1, д. 116, л. 11.

³ ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 87, л. 25.

⁴ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917 – 1920: сб. документов в 4 т.; под ред. А. А. Зайцева. Т. 1. – Краснодар, 2008, с. 125.

⁵ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917 – 1920, т. 2, с. 210; т. 4, с. 29, 321.

⁶ ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 87, л. 21.

⁷ ГАКК, ф. Р-5, оп. 1, д. 301, л. 2-3.

⁸ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917 – 1920, т. 3, с. 96-97, 144, 154-157.

своим приказом от 20 июня 1919 г. вводит во всех начальных школах занятия по военному строю и физическому образованию на основе скаутских программ обучения¹. Э. П. Цытович организует специальное совещание в Ведомстве народного просвещения, на котором выступает с докладом. В сентябре 1918 г. при ведомстве образуется Комиссия по скаутизму, в работу которой активно вовлекается Эраст Платонович². В ноябре в Екатеринодаре образовалось два отряда бойскаутов и один – гёрлскаутов³. Как и в Царском Селе, руководил скаутской дружиной Э. П. Цытович, женским отрядом – его супруга, проникшаяся идеями скаутинга не меньше мужа. Формирование скаутских отрядов на Кубани происходит почти повсеместно. Наиболее крупными дружинами были Армавирская, Екатеринодарская и Новороссийская. В апреле 1919 г. в Армавире прошёл I кубанский краевой съезд по скаутизму, на котором было объявлено об организации первых скаутских отрядов в казачьих станицах⁴. Цытович внедрил в жизнь скаутов старинный казачий термин «громада» (община), после чего появилось и новое название дружины – Громада кубанских скаутов, ввёл высший титул «атаманский скаут», соответствовавший английскому «королевский скаут». В мае 1919 г. в Армавире под руководством Э. П. Цытовича прошёл слёт Кубанской громады. По его инициативе скаутские отряды стали создаваться в казачьих станицах, что было абсолютно новым явлением для России, где ранее скауты появлялись только в городах⁵. В Екатеринодаре в 1919 г. выходит сборник «Русский скаут» под редакцией и авторством Э. П. Цытовича, в Армавире – альманах «Наши грёзы»⁶.

После взятия Екатеринодара Красной армией 4 (17) марта 1920 г. Цытович продолжает преподавать физику в школе № 7 II ступени (бывшей 2-й женской гимназии), одновременно являясь преподавателем (затем доцентом и профессором) физики, математики и космографии Кубанского политехнического института. С мая 1921 г. Эраст Платонович преподаёт на рабфаке, с октября 1922 г. является профессором физики Кубанского пединститута, с октября 1923 г. – профессором Кубанского индустриального техникума (созданного вместо закрытого политеха), Кубанского сельскохозяйственного института, имеет часы в трёх краснодарских школах.

¹ Донской скаут, 1919, 15 нояб.

² ГАКК, ф. Р-5, оп. 1, д. 198, л. 6.

³ Екатеринодар – Краснодар: два в. города в датах, событиях, воспоминаниях...: материалы к летописи. – Краснодар, 1993, с. 425.

⁴ Донской скаут, 1919, 1 дек.

⁵ Атаманский скаут: разведчество на Кубани. // Белая гвардия. – М., 2005, № 8, с. 75.

⁶ Кудряшов Ю. В. Указ. соч., с. 53-54.

Руководители сферы образования отзывались о нём весьма похвально: «Большой эрудиции и большого опыта. Ценный работник в школе»¹. Э. П. Цытович в ряде учебных заведений занимает административные должности – заместитель декана механического факультета Политехнического института, заместитель ректора того же института по хозяйственной части, заведующий отделением электротехнических сооружений, заведующий хозяйственной (затем – учебной) частью Кубанского индустриального техникума². В сентябре 1922 г. он участвовал в работе III Всероссийского съезда Ассоциации физиков в Нижнем Новгороде³.

Жизнь в Советской России для дворянина Э. П. Цытовича не была спокойной. Во время кампании по выселению буржуев в ночь с 19 на 20 марта 1921 г. он был арестован «как политический заложник» и отправлен в концлагерь на принудительные работы⁴. Семью уплотнили, лишив жилплощади, конфисковали имущество. Держали Цытовича в лагере недолго. 28 марта его выпустили на свободу вместе с изобретателем телевидения Б. Л. Розингом. Выйдя на свободу, Эраст Платонович ещё долго добивался возвращения изъятых имущества и жилья⁵.

В 1922 г. Цытович был изъят (арестован) Новороссийским отделом ГПУ за работу со скаутами⁶. В августе 1928 г. бюро ячейки ВКП(б) Индустриального техникума снимает с должности ректора Ф. Н. Веригина, а Э. П. Цытовича – с заведования учебной частью. Цытовичу вменялась «идеологическая отчуждённость в силу большого прошлого (тов. министра просвещения при Деникине, воспитатель царских детей)»⁷. Той же осенью его фамилия фигурирует в докладе студентов-партийцев КСХИ в газету «Правда» о «классовой засорённости института». Цытовичу, по мнению авторов письма, в СССР хотелось «живой кровавой работы»⁸.

В октябре 1930 г. в Краснодаре прошли аресты профессуры по делу так называемой контрреволюционной организации ТКП (Трудовой крестьянской партии). В числе арестованных были ректор сельхозинститута Н. А. Ленский и ближайшие коллеги Цытовича⁹. Остаться в Краснодаре для Цытовича становилось всё опаснее. В 1930 г. он назначается директором Ашхабадской

¹ ГАКК, ф. Р-347, оп. 2, д. 3637, л. 1.

² ГАКК, ф. Р-365, оп. 1, д. 1059, л. 318.

³ ГАКК, ф. Р-229, оп. 1, д. 10, л. 2.

⁴ ГАКК, ф. Р-370, оп. 1, д. 55, л. 422.

⁵ ГАКК, ф. Р-365, оп. 1, д. 933, л. 62-63.

⁶ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), ф. 1992, оп. 1, д. 30, л. 19об.

⁷ ГАКК, ф. Р-890, оп. 1, д. 166, л. 33.

⁸ ГАКК, ф. Р-226, оп. 1, д. 52533, л. 77-83.

⁹ Арх. справка УФСБ РФ по Ростовской области от 16.04.2009 (копия). // Личный архив А. Ю. Рожкова.

геофизической обсерватории. Оттуда его в 1932 г. сослали на четыре года на Северный Урал, в г. Березники. После ссылки, в 1936 г., Э. П. Цытович с женой поселился в небольшом городке Рубежное Ворошиловградской (Луганской) области Украины. Эраст Платонович заведовал кафедрой физики в Химико-технологическом институте, Агнесса Петровна преподавала иностранный язык. После эвакуации в Куйбышев в годы войны здоровье 68-летнего Цытовича стало быстро ухудшаться, и 8 августа 1942 г. его не стало.

Стратегия выживания Цытовича и его семьи совпадает с жизненными стратегиями многих дворян, которые осознанно пытались инкорпорироваться в советское общество, найти своё место в новой жизни. Эта стратегия в основном заключалась в интенсивной территориальной мобильности по направлению периферия – центр и периферия – периферия, а также в убогании от власти¹.

¹ Семёнова В. В. Из истории советской интеллигенции: семейная хроника Журналистовых. // Судьбы людей, Россия. XX в. – М., 1996, с. 144-179.

Революционный кризис начала XX в. в судьбах общественных деятелей Вятского края: осмысление биографий Н. В. Алашеева и И. Н. Кибардина

Денис Кондрашин (Россия)¹

К началу XX столетия в российском обществе сформировалась прослойка интеллигенции, активно использовавшая свои гражданские права, стремившаяся внести посильный вклад в прогрессивное развитие отечества. Сторонники этой демократической прослойки участвовали в общественном управлении, избирались в представительные органы местного и всероссийского уровня, поддерживали формирование многопартийности, ратовали за изменение государственного управления России. К числу указанных лиц следует отнести видных общественно-политических деятелей Вятского края Ивана Никандровича Кибардина (1848 – 1918) и Николая Валериановича Алашеева (1868 – 1918), чей жизненный опыт позволяет увидеть «революцию жертв», раскрывает, насколько это возможно, проблему человека в революции.

Перед началом Первой российской революции (1905 – 1907) в стране отмечался рост общественной активности населения. Издание Манифеста 17 октября, призванное снизить уровень антиправительственных выступлений, сняв напряжение, образовавшееся в народных массах, было воспринято неоднозначно.

В частности, пропаганда активистов РСДРП и эсеров провоцировала выступления рабочих и крестьян в Вятской губернии, хотя в общей массе население региона сохраняло верноподданнические чувства. После легализации политических движений в российском обществе чётче обозначились центры правительственной оппозиции. Наряду с организациями РСДРП и эсеров значительные опасения властей с 1905 г. стала вызывать деятельность представителей либерального лагеря – кадетов. Как и в общероссийском масштабе, местами их сосредоточения в Вятской губернии стали органы местного самоуправления. В служебной переписке жандармерии указывалось: «Земство Вятской губернии, как известно, крайне либерального направления. Редкое правительственное распоряжение не подвергается всесторонней критике.

¹ Кондрашин Денис Викторович, соискатель кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Это весьма сильная революционная партия (кадеты – Д. К.), ненавидящая дворян, стремящаяся к достижению своей цели – дискредитации правительства, имеет массу своих приверженцев среди земских деятелей всех уездов»¹. Наряду с консолидацией оппозиционного движения в регионе возрастал интерес к партиям правого порядка. Следует заметить, что последние, уступая по уровню организованности отделов левым силам, имели значительное число сочувствующих².

Роспуск I государственной думы спровоцировал новый виток борьбы за влияние в массах. Устранение разгула противоправительственных выступлений в Вятском крае, уже привлекавших ранее внимание Петербурга, было поручено новому губернатору, князю С. Д. Горчакову (1906 – 1909). Одним из пунктов его политики по упрочению позиций правительства в регионе обозначилась ликвидация засилья левых в органах местного самоуправления. Показательной в рамках этого курса стала деятельность Елабужского уездного земства в 1906 – 1909 гг., где выделялись фигуры общественно-политических деятелей И. Н. Кибардина и Н. В. Алашеева.

Сын сельского священнослужителя Вятской губернии, И. Н. Кибардин, получивший высшее духовное образование в 60 гг. XIX столетия, к началу XX в. состоялся как успешный предприниматель, содержавший в Елабуге, развитом уездном центре Вятской губернии, крупную типографию, известную как «Печатня И. Н. Кибардина»³. Имея опыт работы в органах местного самоуправления (гласный Елабужской городской думы в 1887 – 1891 гг.⁴), в июле 1906 г. Иван Никандрович вошёл в состав гласных Елабужского уездного земского собрания, а в октябре был избран председателем Елабужской уездной земской управы⁵, сменив на посту кадета И. Н. Зубарева, находившегося под надзором жандармерии⁶.

Характеризуя нового председателя, местный уездный исправник отмечал: «Человек он с умеренными политическими воззрениями, вообще благомыслящий, в политической неблагонадёжности не замечался. Живёт замкнуто, занимаясь исключительно делами типографии и книготорговлей... придерживается политической программы Союза 17 октября»⁷. В записке другого

¹ Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX в. (1900 – 1914 гг.): дисс. д. и. н. – М., 2008, с. 236.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 148, д. 287, л. 5.

³ Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1913 г.; сост. Н. Спасский. – Вятка: Губернская типография, 1913, с. 190.

⁴ ГАКО, ф. 587, оп. 15, д. 131, л. 3.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ ГАКО, ф. 714, оп. 1, д. 445, л. 77-79.

⁷ ГАКО, ф. 587, оп. 11, д. 8, л. 126.

должностного лица губернатору сообщалось: «По складу мыслей своих он сторонник законности, порядка и строгого подчинения правительственной власти. Нужно ожидать, что в качестве председателя управы Кибардин будет зорко следить за земским хозяйством»¹.

Иной послужной список имел потомственный дворянин Н. В. Алашеев. Окончив в 1890 г. физико-математический факультет императорского Санкт-Петербургского университета, он вернулся в имение (500 дес.), расположенное в с. Токмашка Елабужского уезда. Происхождение, образование и ораторский талант способствовали его карьере в земстве. Уже в 1894 г. Николай Валерианович был избран в гласные Вятского губернского и Елабужского уездного земств, а в 1897 г. занял пост председателя Елабужской земской управы². Предметом его особых забот в этот период являлось народное образование³. Досрочный уход Н. В. Алашеева с должности был обусловлен либеральными высказываниями и антиправительственной пропагандой. Последняя активно проводилась в вечерних воскресных школах, организованных им для крестьян в волостных центрах своего имения. Поддерживая партию эсеров (социалисты-революционеры), а с 1906 г. – энесов (народные социалисты), в период Первой русской революции он содействовал распространению леворадикальных идей в уезде, вызывая недовольство властей.

Следует думать, что помещик искренне верил в идеи поддерживаемых им движений. Так, в 1906 г. по сравнительно низкой цене он продал своим крестьянам часть собственных угодий.

Антиправительственная позиция энеса Н. В. Алашеева сближала его с активными деятелями леволиберального движения председателем Елабужского земства (1903 – 1906) И. Н. Зубаревым и городским головой Елабуги (1900 – 1907) В. И. Башкировым. Очевидно, что избрание опытного земца Н. В. Алашеева в гласные Елабужского уездного земского собрания на трёхлетие 1906 – 1909 гг. (14-е по счёту) усиливало либеральную оппозицию в среде гласных, сохраняя перспективу укрепления интересов левых в уезде.

Итак, Первая российская революция, обозначившаяся политизацией общества при отсутствии должного уровня политического сознания масс, привела к втягиванию населения в противостояние. Стремясь отстоять мирное реформирование существовавшего государственного строя, в борьбу с оппози-

¹ Там же, л. 130-130об.

² Марков А. А. Алашеев Николай Валерианович. // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 6. – Киров, 1996, с. 15.

³ Помелов В. Б. Вятские деятели просвещения второй половины XIX – начала XX вв.: их предположения и нововведения (В. А. Садовень, А. А. Красев, Н. В. Алашеев). // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии (К 150-летию Вятского земства). – Киров, 2017, с. 105-116.

цией активно включились граждане, чьи политические взгляды стихийно формировались в условиях развернувшегося социального катаклизма.

Приступив осенью 1906 г. к исполнению обязанностей, руководимая И. Н. Кибардиным управа вскоре безоговорочно констатировала упадок всех отраслей работы местного земства. Выявилась отсталость от организаций, находившихся в уездах с меньшим экономическим потенциалом, чем елабужская. В неудовлетворительном состоянии оказались сельское хозяйство, народное образование, а также медицина. Дефицит бюджета на 1907 г. составил 122 тыс. руб.¹ Несоответствие качества развития сфер затрачиваемым средствам потребовало пересмотра смет, составления ходатайств о привлечении прежнего руководства Елабужского земства к ответственности. Отмечая, что «каждый грош крестьянина должен брать лучшие силы работников для вспашки земской нивы»², И. Н. Кибардин инициировал замену кадров (учителя, врачи, служащие). Начатые им реформы вызвали неоднозначную реакцию в обществе. В течение шести месяцев 1907 г. либеральная губернская газета «Вятский край» доказывала их политическую подоплёку. Например, отмечалось, что масштабные увольнения в Елабуге направляются вятским губернатором С. Д. Горчаковым³. В ответ на реакцию отстранённой от власти в местном земстве либеральной оппозиции соратники И. Н. Кибардина разоблачали деловые качества своих предшественников в консервативной губернской газете «Вятский вестник», подтверждая тем самым политическую подоплёку конфликта: «Канцелярия управы прежнего состава представляла собой правильно организованное партийное бюро. Работа шла успешно, и вдруг – трах! – вся машина вдребезги, и лидер партии (кадет И. Н. Зубарев – Д. К.) у разбитого корыта»⁴. Инициированные И. Н. Кибардиным мероприятия имели цель вернуть работу земства в хозяйственное русло, устранить влияние левых, снизив вероятность антиправительственных выступлений в крестьянской среде. Указанное отвечало интересам правого сектора, но не предполагало укрепления политического движения из этого крыла в земстве.

Несмотря на активные действия по вытеснению представителей оппозиционных партий из органов общественного управления, аресты и организацию надзора, с конца 1906 г. они смогли активно включиться в избирательную кампанию по выборам во II государственную думу (февраль 1907 – июнь

¹ XL очередное Елабужское уездное земское собрание 15 – 24 октября 1906 г. – Елабуга, 1907, с. 11-150; XLIII очередное Елабужское уездное земское собрание 30 сент. – 11 окт. 1909 г. – Елабуга, с. 388.

² XLI очередное Елабужское уездное земское собрание 5 – 13 октября 1907 г. – Елабуга, 1908, с. 157-158.

³ Вятский край, 1907, № 36, с. 4.

⁴ Вятский вестник, 1907, № 170, с. 3.

1907 г.). Состоявшиеся зимой 1907 г. выборы подтвердили влияние левых партий в Вятской губернии. Так, среди 13 избранных от региона депутатов значились трудовики, эсеры, социал-демократы, прогрессист, член Всероссийского крестьянского союза, народный социалист.

Показателем влияния левых в Елабужском уезде стал тот факт, что в думу прошёл энес, помещик Н. В. Алашеев. Интересно, что его избрание стало результатом сплочённой деятельности представителей оппозиционных партий. В секретных сведениях сообщалось, что Н. В. Алашеев согласился баллотироваться «по тайному сношению со своими политическими единомышленниками и друзьями», среди которых указывались кадеты В. И. Башкиров и И. Н. Зубарев, эсер Е. П. Петров. Избрание Н. В. Алашеева объяснялось «сильной поддержкой со стороны магометанского населения ввиду обещания агитаторов провести в выборщики мусульманина [Хабибрахмана] Масагутова»¹, который также прошёл (!) в думу, представляя фракцию трудовиков.

За непродолжительный период деятельности думы второго созыва Н. В. Алашеев сумел проявить себя, выступая с речами о пытках в Рижской тюрьме и по бюджету². Уместно предположить, что среди его инициатив могли значиться проекты улучшения народного образования, которые он разрабатывал ранее. Важно отметить, что кандидатура Николая Валериановича оказалась востребованной на выборах и в III государственную думу. Но имея поддержки выборщиков Вятского губернского избирательного собрания, он не баллотировался в состав нового законодательного органа империи.

К концу 1907 г. общественное недовольство в Вятском крае значительно снизилось, как и влияние левых партий на народные массы. Если на осенней сессии Елабужского земства в 1907 г. «оппозиционная партия во главе с г. Алашеевым всею массою обрушилась на новый состав управы»³, то в последующем работа организации уже не осложнялась ярко выраженным политическим противостоянием. К 1909 г. И. Н. Кибардин отчитывался уже о выведении земства из финансового кризиса⁴.

деятельность избранных персоналий в условиях Первой русской революции 1905 – 1907 гг. позволяет понять сложность утверждения на местах конституционных принципов управления государством. Очевидна стихийность политизации народа, несомненно являвшейся разрушительной центробежной силой. Вместе с тем нужно отметить, что обновлённая социальная реальность

¹ ГАКО, ф. 587, оп. 11, д. 227, с. 350-351об.

² Марков А. А. Алашеев Николай Валерианович. // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 6 – Киров, 1996, с. 15-16.

³ Вятский вестник, 1907, № 225, с. 3.

⁴ XLIII очередное Елабужское уездное земское собрание 30 сент. – 11 окт. 1909 г. – Елабуга, 1910, с. 388.

создавала возможности для самореализации личности в общественно-политической сфере.

Гонимый властями, И. Н. Алашеев к концу первого десятилетия XX в. отстранился от активной общественно-политической работы, проводя время за границей. После успешного опыта земской деятельности И. Н. Кибардин занял пост городского головы Елабуги, где с 1910 по 1916 гг. решал хозяйственно-экономические проблемы, в том числе вызванные Первой мировой войной.

Февральская революция 1917 г. стала рубежным этапом в жизни страны. Сокрушив систему государственной власти, она не посягнула на устоявшийся путь развития, но углубила существовавшие противоречия. Закономерно, что после ликвидации царских органов местного самоуправления опыт И. Н. Кибардина оказался востребован, однако Иван Никандрович не поддержал работу городского комиссариата Временного правительства, отстранившись от всех дел¹.

Когда летом 1918 г. Елабуга оказалась под властью Белой армии генерала В. М. Молчанова, значительная часть зажиточных слоёв города была уже уничтожена. Генерал вспоминал о гибели И. Н. Кибардина: «Дают мне их пять человек (доносчики, помогавшие красным – Д. К.), из них одна девушка. Там был книго-писчебумажный магазин Кибардина, это его внучка. Она выдала своего отца, подвела под расстрел, выдала свою мать и выдала дедушку – этого Кибардина, которого я знал. Славный этот был, его расстреляли ни за что. Она просто была садистка. Когда Красная гвардия пришла, она: “Вот это такие-то, такие-то монархисты, они гнули народ”... Расстреляли всех этих (доносчиков – Д. К.). Вся интеллигенция, что осталась, была за то, чтобы их расстрелять, уничтожить»².

Вернувшийся в начале 1918 г. в родное имение Н. В. Алашеев был изгнан своими крестьянами, а вскоре убит небольшой группой заговорщиков в соседней деревне Студёный Ключ. С приходом летом 1918 г. в Елабугу Белой армии В. М. Молчанова участники убийства Н. В. Алашеева были найдены и расстреляны местными отрядами самообороны³.

Итак, череда революций, разразившихся в России в начале XX столетия, поэтапно усиливала деструктивные тенденции в обществе. Анализ фрагмента жизненных путей И. Н. Кибардина и Н. В. Алашеева показывает, что в среде российской интеллигенции имелись значительные силы, способные противодействовать углублению кризисных явлений в государстве.

¹ ГАКО, ф. 587, оп. 19в, д. 44, л. 85-87.

² Молчанов В. М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы; сост. Л. Ю. Тремсина. – М.: Айрис-пресс, 2012, с. 84-85.

³ Там же, с. 252-253.

Лица революции (по материалам Национального музея Республики Татарстан)

Вера Иванова (Россия)¹

Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ) является крупнейшим в России региональным музеем. В нём собраны уникальные экспонаты по революционной тематике, многие из которых поступили в музей непосредственно от участников событий и их родственников. Материалы в собрании НМРТ отражают события 1917 г. в России прежде всего в аспекте региональной истории, биографий участников революционных событий в Казани.

Формирование коллекций Национального музея РТ по истории революционных событий 1917 г. в России и непосредственно в Казани и Казанской губернии началось сразу после революции в связи с созданием в Казани Музея пролетарской революции и продолжалось все последующие годы до настоящего времени. История формирования музейных коллекций о событиях 1917 г. и их показ в экспозиции нашли отражение в монографиях В. М. Дьяконова, К. Р. Сеницыной, Л. Г. Валеевой и др.²

Сбору и изучению материалов по истории революционного движения придавалось большое значение. В 1919 г. В. И. Ленин писал в Казань В. В. Адоратскому о необходимости собирать и хранить газеты, изданные в первые годы советской власти, о необходимости изучать историю революции, создать на первых порах хотя бы хронику событий³.

Первая в Казани экспозиция, посвящённая революции, была открыта уже в марте 1923 г. в помещении Коммунистического клуба. Она дала начало будущему Музею пролетарской революции, который был открыт 1 июня 1925 г. В начале 1930-х гг. экспозиции Казанского музея пролетарской революции

¹ **Иванова Вера Викторовна**, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Татарстана Национального музея Республики Татарстан.

² Валеева Л. Г. Страницы прошлого листая. Из истории Государственного объединённого музея ТАССР 1970 – 1980 гг. – Казань: Казан-Казань, 2005, 368 с.; Дьяконов В. М. Моя жизнь и музей. 40 лет участия в музейном строительстве. – Казань: Казан-Казань, 2006, 504 с.; Сеницына К. Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории. 1917 – 1967 гг. – Казань: Казан-Казань, 2002, 280 с.

³ В. И. Ленин и Татария: сб. док., материалов и воспоминаний. 2-е изд. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1970, с. 103-106.

были свёрнуты, а его экспонаты переданы в Центральный музей ТАССР (ныне – НМРТ)¹.

В последующие годы коллекции по истории революционных событий сохранялись и пополнялись. В 1950-е – 80-е гг. комплектование активизировалось к годовщинам и юбилеям революции, стимулировалось также созданием выставок и экспозиций. В 1990-е гг. начинается новый этап в пополнении мемориальных коллекций участников революции, связанный с передачей материалов из семейных архивов через родственников, благотворительные фонды, из архивов.

Состав фондов НМРТ по революционным событиям 1917 г. не лишён тенденциозности. При их комплектовании в советское время сложно было избежать большевизации истории, внимание к победителям преобладало. В настоящее время мы стремимся к комплексному подходу в понимании и показе исторического процесса.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война занимали важное место в стационарной экспозиции Центрального музея ТАССР (с 1944 г. – Государственный музей ТАССР, ныне – НМРТ). Впервые революционные события были представлены в основной экспозиции музея в 1940 г. В последующие годы экспозиции музея перестраивались и обновлялись. Последняя действующая экспозиция по истории советского общества, отражающая революционную тематику, была открыта в 1986 г. В декабре 1987 г. в здании, где находился музей, произошёл пожар и экспозиция была демонтирована.

В настоящее время в НМРТ нет стационарной экспозиции, посвящённой XX веку, но тема революционных событий 1917 г. находит отражение в выставочной деятельности музея и будет представлена в будущей стационарной экспозиции музея по истории XX в.

В 2008 г. в музее к 90-летию Красной армии была организована выставка «На защите Отечества», один из её разделов был посвящён революционным событиям 1917 г. и созданию Красной гвардии – предшественницы Красной армии. В 2014 г. в НМРТ была создана выставка к столетию начала Первой мировой войны «Неизвестная великая война». Раздел выставки под названием «От Первой мировой к революции и Гражданской войне» освещал события 1917 г.

Тема революции является одной из важных в новых экспозициях Литературного музея А. М. Горького и Дома-музея В. И. Ленина, открытых в 2015 г.

12 декабря 2017 г. в НМРТ открылась выставка к столетию Великой российской революции «Стихия революции: 1917 г. в истории России». Отраже-

¹ Синицына К. Р. Указ. соч., с. 58-61.

ние событий 1917 г. на выставке представлено в контексте панорамы предшествующих и последующих событий в регионе на фоне общероссийской истории. Выставка приглашает задуматься о значении революционных событий 1917 г. в России.

Оценка революционных событий в России неоднозначна. Музейные экспозиции и выставки, основанные на подлинных источниках, вносят свой вклад в исследование темы.

Тема «Лица революции» – важнейший лейтмотив, вписанный в канву большой и региональной истории.

В феврале 1917 г. в России было свергнуто самодержавие. Как выглядели те, кто сверг российскую монархию, можно увидеть на портретных и сюжетных фотографиях, представляющих групповые портреты участников февральских событий и последующих демонстраций и митингов. Фотографии можно увидеть также в газетах и журналах тех лет. Это рабочие и работницы, солдаты, студенты, интеллигенция. Они требовали хлеба, мира, свободы. Лица, олицетворяющие старую монархическую власть и Февральскую революцию: император Николай II, председатель Временного комитета Государственной думы Михаил Родзянко, глава Временного правительства князь Георгий Львов, министр, затем министр-председатель Временного правительства Александр Керенский, председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Николай Чхеидзе и др.

Персоналии революции представлены в музейном собрании в фотографиях и в периодической печати 1917 – 1918 гг. В музее собрана богатая коллекция газет и журналов, как местных («Известия Казанского губернского совета крестьянских депутатов», «Голос труда», «За землю и волю», «Камско-Волжская речь», «Казанский телеграф», «Знамя революции», «Кояш», «Аваз», «Юлдуз» и др.), так и центральных («Вестник Временного правительства», «Искра», «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», «Народная армия» и др.).

Сохранились в музее фотоальбомы 1917 – 1918 гг. Казанского военного училища и Псковского кадетского корпуса, эвакуированного в Казань в 1917 г. Юнкера и кадеты оказали вооружённое сопротивление революционным силам в Казани 24 – 25 октября во время переворота.

Разглядеть участников, ощутить атмосферу тех переломных для российской и мировой истории событий можно не только на фотографиях, но и на полотнах и плакатах художников. В музейных коллекциях представлен многоликий портрет движущих сил революции – солдаты, матросы, рабочие и горожане.

Партийные, военные, профсоюзные и национальные деятели эпохи представлены в мемориальных музейных коллекциях.

Из всего их многообразия можно выделить коллекции революционных деятелей, лидеров партии большевиков. Среди них коллекция В. В. Адоратского (1878 – 1945), чей путь в революции начинается с волнений казанских студентов в 1899 – 1901 гг. В 1903 г. он окончил Казанский университет. С 1904 г. становится секретарём Казанского комитета РСДРП, занимается печатной пропагандой и агитацией. Революция 1917 г. застала его в Берлине, где он выполнял партийные поручения. С 1918 г. работал в Казанском университете, Наркомате просвещения РСФСР. С 1920 г. являлся одним из руководителей Истпарта, в 1931 – 1939 гг. – директор Института Маркса – Энгельса – Ленина. Одна из улиц в Казани названа его именем. В нашем музее хранятся его фотографии, семейные альбомы, письма, открытки, рукописи, записная книжка, альбом с рисунками, книги из его библиотеки, а также мемориальные вещи: зонт, пиджак, пенал с чернильницей, пенсне, портфель, шкатулка и др.

Интерес представляет коллекция революционера В. А. Тихомирнова (1889 – 1919). Он родился в Казани, в 1900 – 1908 гг. учился в реальном училище. В 1915 – 1916 гг. работал под непосредственным руководством В. И. Ленина. С марта 1917 г. по распоряжению ЦК становится руководителем большевистской организации в Казани, был сотрудником газеты «Рабочий». На момент революционных событий октября 1917 г. являлся членом штаба Московского военно-революционного комитета. Среди материалов коллекции – фотографии В. А. Тихомирнова в разные годы жизни, посмертная маска, бюст работы скульптора И. А. Новосёлова.

Ярко события 1917 г. представлены в коллекции документов Н. Е. Ершова – одного из руководителей Октябрьского вооружённого восстания в Казани, руководителя военной организации Казанского комитета РСДРП(б), председателя Революционного штаба, командующего войсками Казанского военного округа. Н. Е. Ершов, уроженец Воронежской губернии, летом 1916 г. был мобилизован в связи с войной и после окончания Московской школы прапорщиков стал офицером. Получив назначение в Петроград, в 1-й пулемётный полк, он оказался в центре революционного водоворота. Полк был сформирован после июльских событий, когда солдаты приняли участие в демонстрации трудящихся и отказались от отправки на фронт. Летом 1917 г. Ершова направляют в Казань, где он ведёт агитацию среди артиллеристов. Осенью 1917 г. при Казанском комитете партии большевиков была создана специальная организация, занимавшаяся деятельностью по революционной пропаганде и агитации в войсках. Руководил этой организацией Н. Е. Ершов. В дни октябрьских событий Н. Е. Ершов возглавил вооружённые силы революционеров в Казани, а во время Гражданской войны был направлен в Омск представителем окружного военного съезда. Имя Н. Е. Ершова в 1928 г. (после его гибели в автокатастрофе) получила улица Казани (бывшая ул. Арское поле), по которой в октябре 1917 г. продвигались революционные войска.

Среди материалов коллекции – фотографии, распоряжения Н. Е. Ершова о высылке подкрепления в 94-й и 164-й полки для встречи казаков и юнкеров, датирующиеся 25 октября 1917 г., письмо Н. Е. Ершова брату от 19 ноября 1917 г. с кратким описанием событий Октября.

Содержательным является очерк Н. Я. Ежова (1888 – 1946) «Военная Казань в 1917 г.», первое издание которого хранится в собрании НМРТ (Казань, 1927). Н. Я. Ежов – участник боёв за советскую власть в Казани, один из руководителей Казанского гарнизона. С марта 1917 г. он входил в состав Совета солдатских депутатов. Н. Я. Ежов был заместителем председателя военной организации при Казанском комитете РСДРП(б) (председателем был Н. Е. Ершов), одновременно Н. Я. Ежов являлся товарищем председателя исполкома Совета солдатских депутатов. В октябрьские дни Н. Я. Ежов был в Петрограде на II Всероссийском съезде советов. Вернувшись в Казань, он возглавил (до прибытия Я. С. Шейнкмана) Казанский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После создания Совета комиссаров по управлению Казанским военным округом 25 ноября 1917 г. Н. Я. Ежов был избран его председателем (командующим). В состав совета от фракции большевиков вошли Ежов, Скачков, Чанышев и от фракции левых социалистов-революционеров – Останин и Котляров¹.

Имеются в фондах НМРТ материалы А. П. Комлева (1879 – 1918), одного из организаторов профсоюзного движения в Казани, с 1911 г. члена Казанского комитета РСДРП(б); материалы Я. С. Шейнкмана (1890 – 1918) – члена Казанского комитета РСДРП(б) и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В октябре 1917 г. он находился в Петрограде, затем вернулся в Казань, где был назначен председателем Казанского совета. С ноября 1917 г. – председатель Казанского губисполкома. Именем Я. С. Шейнкмана назван проезд на территории Казанского кремля. В собрании музея фотографии, письменный прибор Я. С. Шейнкмана, его бюст работы скульптора Б. Урманче. После захвата Казани Народной армией Комуча и белочехами А. П. Комлев и Я. С. Шейнкман были расстреляны.

Материалы о деятелях партии большевиков преобладают в собрании музея, по другим партиям материалов мало. В основном это листовки различных партий. Тем более ценной является коллекция В. П. Брауде (1890 – 1961) – секретаря Казанской организации левых эсеров-интернационалистов в 1917 г., зам. председателя Казанской губернской чрезвычайной комиссии с 1918 г. В этом году она вступила в партию большевиков. В 1928 – 1938 гг. работала в

¹ Ежов Н. Я. Военная Казань в 1917 г. (краткий очерк); предисл. Я. Чанышева. 2-е изд. – Казань: Таткнигоиздат, 1957, с. 78.

центрального аппарата НКВД СССР. Необоснованно репрессирована в 1938 г., реабилитирована в 1950-е гг.

Фотографии, документы, мемориальные вещи создают образы таких представителей татарского национального движения, как Г. Исхаки, С. Максуди, М. Вахитова, Я. Чанышева, С. Саид-Галиева, Г. Шарафа и др.

М. М. Вахитов (1885 – 1918) – татарский революционер и общественно-политический деятель, участник революции 1905 – 1907 гг. После Февральской революции в Казани организует и руководит Мусульманским социалистическим комитетом. Во время работы в коллегии Наркомнаца подписал положение о Татаро-Башкирской Советской Республике и стал инициатором созыва I Всероссийской конференции рабочих-мусульман. Направил в Казань отряд матросов для ликвидации Забулачной республики. В июле 1918 г. назначен чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Поволжье. После штурма Казани Народной армией Комуча М. М. Вахитов был арестован и казнён. Похоронен на Архангельском кладбище Казани. В 1962 г. именем Вахитова была названа площадь в г. Казани, на центральной площади Казани открыт памятник М. М. Вахитову. Важное место в экспозиции НМРТ займут и комплексы предметов, характеризующие деятельность Муллачура Вахитова (бюст, гравюра, документы из его коллекции).

Гаяз Исхаки (1878 – 1954) – деятель татарского национального движения, писатель, публицист, издатель и политик, в 1905 – 1907 гг. – один из лидеров татарских эсеров, организатор и участник всероссийских мусульманских съездов. В 1918 г. эмигрировал, жил в Китае, Франции, Германии, Польше, Турции. Его именем названа одна из центральных улиц г. Казани.

Садри Максуди (1878 – 1957) – депутат Государственной думы России, один из лидеров партии «Иттифак эль-муслимин» [«Союз мусульман» – *Ред.*], председатель парламента и правительства Национально-культурной автономии мусульман – тюрко-татар Европейской России и Сибири. В 1917 – 1918 гг. он был одним из организаторов и руководителей Миллет меджлисе [Национальное собрание – *Ред.*], председателем Милли идаре [Национальное управление – правительство национально-культурной автономии – *Ред.*]. С 1918 г. находился в эмиграции, в 1924 г. был приглашён К. Ататюрком участвовать в строительстве новой Турции. В 1934 – 1945 гг. – профессор Стамбульского университета, автор многих трудов по истории тюркских государств, истории и языкознанию, трижды был депутатом Великого национального собрания Турции. Его именем названа улица г. Казани. В 2016 г. в Казани на территории парка «Стамбул» был установлен памятник С. Максуди.

Галимзян Шараф (1896 – 1950) – общественный и политический деятель, учёный-языковед, один из организаторов и руководителей студенческого кружка «Татар учагы» [«Татарский очаг» – *Ред.*]. Депутат Миллет меджлисе

(1917 – 1918), председатель Коллегии по созданию Урало-Волжского штата. Участвовал в качестве эксперта в разработке проектов Урало-Волжского штата, Татаро-Башкирской ССР и Татарской АССР. Необоснованно репрессирован в 1937 г., реабилитирован посмертно.

Воспоминания о событиях 1917 г. и о вооружённом восстании в Казани содержатся в коллекции Я. Д. Чанышева (1892 – 1987). Здесь же представлены фотографии, отражающие его жизненный путь. Родился Я. Д. Чанышев в Уфимской губернии, окончил Татарскую учительскую школу в Казани (1908 – 1912), в 1912 – 1913 гг. служил учителем. В 1913 г. был призван на военную службу. В годы войны служил солдатом, затем унтер-офицером в батаре 3-й артиллерийской бригады 3-й гвардейской дивизии. Был награждён Георгиевским крестом. В январе 1917 г. был направлен в Казань для обучения в Казанском военном училище. После выпуска из училища в июне того же года получил назначение в 240-й запасной полк командиром татарской роты, через несколько дней был избран командиром батальона. Я. Д. Чанышев включился в политическую работу, участвовал в формировании Красной гвардии Порохового завода. В октябре 1917 г. руководил сводным отрядом Заречья, участвовал в штурме Кремля, в двухдневных боях с юнкерами, которые закончились их капитуляцией. Был выбран в военную коллегию по управлению Казанским военным округом. Позже был участником Гражданской и Великой Отечественной войн, стал видным военачальником, в 1944 г. получил звание генерал-лейтенанта.

Дополнительные материалы поступили в 1990-е – 2000-е гг. из семейных архивов и архивов Турции. Мемориальные вещи и документы, пополнившие коллекции Я. Чанышева, Г. Шарафа и М. Вахитова, поступили от их родственников. Мемориальные вещи татарского писателя и общественного деятеля Гаяза Исхаки – письменный стол, кресло, золотые карманные часы, ручка с золотым пером и др. – переданы в дар музею благодаря гуманитарным контактам с благотворительным фондом им. А.-В. Менгери и его президентом – дочерью турецкого предпринимателя Ахмет-Вали Менгери Сафией Имре.

Ценностью обладают и коллекции участников и очевидцев революционных событий. На групповых фотографиях и фотопортретах запечатлены рядовые участники революционных событий. Именно эти лица отражают суть революции, чаяния и надежды простых людей на лучшее будущее, напряжение эпохи. Документы, воспоминания, личные вещи, награды рассказывают об их деятельности и жизненном пути.

Плакаты, живописные полотна художников, литографии, открытки и скульптурные композиции дополняют изобразительный ряд участников революции. Яркие образы революции представлены в альбоме линогравюр К.

К. Чеботарёва «Революция», изданном в 1921 г. В работах Чеботарёва – очевидца и участника революционных событий, лидера казанского художественного авангарда – талантливо передано напряжение времени, веяние революции¹.

Революция, разное к ней отношение нашли отражение в литературных произведениях. В автобиографическом романе О. А. Ильиной (1894 – 1991) – поэтессы и писательницы русского зарубежья, правнучки поэта Е. А. Баратынского, дочери предводителя дворянства Казанского и Царёвококшайского уездов, члена III государственной думы от Казанской губернии А. Н. Баратынского – мы читаем: «Пусть время для революции созрело, пусть необходим был сильный толчок, чтобы поставить Россию на правильный путь. Но они все играли! Они все играли в революцию. Эти банты, эти флаги не были русские, они были цвета испанского боя быков. Этот гимн, в котором говорилось, как хорошо ходить по крови других людей, был иностранный гимн. Все эти радующиеся люди ничего не знали, ничего не думали, не понимали о своём отечестве. Они были за революцию. Не за Россию, не с ней. И я была не с ними»².

Татарский поэт Хади Такташ (1901 – 1931) в своих «Письмах в грядущее» написал:

В огне порывов небывалых
Бой мы великий повели
За обновленье человека
И обновление земли³.

Музейные коллекции, представляющие судьбы людей революционной эпохи, передают напряжение и трагичность тех лет, революционный дух и надежды на построение справедливого общества.

¹ Чеботарёв К. К. Революция. Автографы. – Казань: графический коллектив «Всадник», 1921, 14 с.

² Ильина О. А. Канун восьмого дня. – Казань: Заман, 2003, с. 240.

³ Антология татарской поэзии. – Казань: Таткнигоиздат, 1957, с. 328.

Грозненцы-Белоэмигранты: возвращение из забвения

Алексей Головлёв (Россия)¹

Политические события, развернувшиеся в 1917 г. в центре России, в последующие годы кровавым колесом прокатились по всей империи. Ослабление и дальнейшее падение центральной государственной власти спровоцировало на национальных окраинах России, особенно в Кавказском крае, жёсткое гражданское противостояние, переросшее в конечном итоге в вооружённую борьбу сторонников прежнего царского строя и новой советской власти. В областях и губерниях Кавказского края противоборство разных политических сил проходило на фоне нараставшего обострения межнациональных отношений.

Схематично военно-политические события в Грозном и его окрестностях в 1917 – 1920 гг. можно проследить по монографии А. Ф. Притулы². В ней, в частности, говорится о том, что известие о Февральской революции и аресте членов царской фамилии пришло в Грозный в начале марта 1917 г.

Представление о главных действующих политических силах можно получить по листовкам, которые печатались и распространялись в Грозном в постфевральский период. Так, по распоряжению Временного правительства Грозненский областной военно-промышленный комитет (ГОВПК) учредил Временный гражданский комитет (позже – Грозненский гражданский комитет, ГГК). На него возлагалось наблюдение за точностью исполнения распоряжений Временного правительства для более успешного перехода к новым формам правления, для поддержания порядка и спокойствия в Грозном и его окрестностях.

ГГК, председателем которого стал В. И. Гудзенко, и Грозненский совет рабочих и солдатских депутатов, временным председателем которого являлся В. Богданов, упразднили полицию старого режима и начали организовывать вместо неё гражданскую милицию. Комиссаром гражданской милиции Грозного был избран прапорщик М. С. Петренко, а его помощниками стали М. Т. Ильин, Г. Т. Садовников, И. Г. Кудрявцев и Муса Курумов.

ГГК комплектовался представителями ГОВПК, городского самоуправления, городских и промысловых рабочих, Совета съезда терских нефтепро-

¹ Головлёв Алексей Алексеевич, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Самарского государственного экономического университета.

² Притула А. Ф. Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. – М.-Л.: Совет нефтяной промышленности, 1925, 176 с.

мышленников, Земского союза, работников железной дороги и кооперации, торгово-промышленных служащих. Кроме того, в состав ГГК входили представители казачьей станицы Грозненской (М. Х. Халеев, А. Л. Чернобаев), чеченского населения города (М. Абдулкадыров, Д. Д. Шерипов), администрации Грозненского округа (И. Д. Джапаридзе) и Кизлярского отдела (П. И. Коцарев). Позднее состав ГГК расширился за счёт включения представителей Совета рабочих депутатов, Грозненского гарнизона и разных общественных организаций.

Заместителем председателя ГГК стал А. Л. Зомбе, а секретарём – А. Г. Попич. Членами бюро были избраны А. Д. Анисимов, В. К. Борисевич, И. Д. Манюков, И. В. Орочко и Б. Т. Сороко. По мнению Е. П. Киреева¹, ГГК заменил в Грозном и станице Грозненской прежнюю царскую администрацию и начал проводить политику Временного правительства.

При Временном правительстве в Грозном параллельно с ГГК как орган исполнительной власти действовал Грозненский совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов (ГСРСКД). По А. Ф. Притуле², ГСРСКД образовался 3 – 4 марта 1917 г. и сделался самой влиятельной политической организацией. Председателем Грозненского совета стал большевик Н. А. Анисимов, а секретарём – Д. Бабков. ГСРСКД постановил ввести на всех заводах, фабриках и предприятиях восьмичасовой рабочий день. С согласия ГГК ГСРСКД занялся вопросами охраны и управления общественной жизнью Грозненского района (формирование милиции в городе и на нефтяных промыслах, продовольственное обеспечение населения, реализация распоряжений Временного правительства и др.).

В марте 1917 г. в станице Грозненской – административном центре 4-го участка Кизлярского отдела – был создан казачий комитет Кизлярского отдела под председательством казачьего офицера П. Д. Губарева.

Поскольку одновременное функционирование в Грозном нескольких органов власти негативно сказывалось на управлении, было организовано Соединённое бюро ГГК и ГСРСКД¹. ГГК и ГСРСКД учредили специальную квартирную комиссию по урегулированию актуальных для Грозного и станицы Грозненской, переполненных временно проживавшими лицами, таких вопросов, как цены на аренду квартир и отношения между хозяевами квартир и квартирантами.

Соединённое бюро ГГК и ГСРСКД, взявшее на себя труд по закреплению свободного строя и охране спокойной жизни, обратилось с призывом к гражданам жертвовать деньги для обеспечения его деятельности (канцелярские

¹ Киреев Е. П. Из истории установления советской власти в Грозном. // Грозный за 40 лет советской власти: сб. статей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1957, с. 3-37.

² Притула А. Указ. соч.

расходы, содержание милиции и продовольственного комиссариата). ГСРСКД постановил создать библиотеку революционной литературы, в связи с чем обратился к гражданам с просьбой жертвовать книги, а также к горожанам – с призывом жертвовать деньги для создания печатного органа.

Ж. Ж. Гакаев полагает, что печатным органом ГСРСКД стала пробольшевистская газета «Товарищ», сыгравшая важную роль в политическом просвещении и организации солдат Грозненского гарнизона². В предоктябрьский период в городе происходили многочисленные демонстрации и митинги солдат и рабочих. В связи с разоружением казачьим отрядом есаула Л. Е. Медяника 21-го Кавказского стрелкового полка в Грозном уже вводили военное положение. В начале октября 1917 г. состоялись пере выборы ГСРСКД, в результате которых меньшевики и эсеры потерпели поражение и большинство мест в новом составе совета отошло к большевикам. В бурных схватках с меньшевиками, эсерами и кадетами политическая инициатива в Грозном стала переходить к ГСРСКД.

Важные изменения в общественной и военно-политической жизни Грозного произошли после известия об Октябрьской революции, которое пришло в Грозный 26 октября 1917 г. В этот же день ГСРСКД принял резолюцию, одобряющую переход всей власти к советам. Но на войсковом круге Терского казачьего войска, состоявшемся 13 ноября 1917 г., было объявлено о непризнании советской власти. Враждебно отнеслись к победе пролетарской революции меньшевики и эсеры³. Началась опасная поляризация политических сил.

В период, наступивший после Октябрьской революции, участились налёты чеченских разбойников на Грозненские нефтяные промыслы, сопровождавшиеся перестрелками, угоном лошадей, иногда человеческими жертвами. В конце ноября 1917 г. налёты с грабежами и убийствами происходили чуть ли не каждую ночь. Обострение отношений между грозненцами (в основном это русские и русскоязычные) и чеченцами проявилось в самосудах. Так, чеченцы устроили крушение паровоза с поездной бригадой, а солдаты в тот же день убили в Грозном 13 чеченцев. В отместку за это вечером 24 ноября 1917 г. чеченцы подожгли Новые промыслы, разграбили имущество фирм, служащих и рабочих⁴. Разгоревшаяся межнациональная рознь привела к подрыву экономики Грозного: в

¹ Там же.

² Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в Октябрьской революции (на материалах Дона и Северного Кавказа). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987, 208 с.

³ Там же.

⁴ По Е. П. Кирееву, поджог и разграбление Новых Промыслов совершили всадники чеченского полка Дикая дивизия, которым командовал полковник-англичанин О'Рэм. Сгорело около 12 млн пудов нефти. См.: Киреев Е. П. Указ. соч., с. 3-37.

конце 1917 г. чеченцы разрушили во многих местах стратегический нефтепровод, насосные станции в Гудермесе и Темиргое, а также перекидные мостики через реки¹.

Под давлением состоявшего из чеченцев Горского правительства 26 ноября 1917 г. из Грозного были выведены 111-й пехотный запасной полк и 250-я Самарская пешая дружина, вместе с которыми из города эвакуировались семьи рабочих общим количеством около 20 тыс. чел.²

В самом конце 1917 г. произошёл трагический инцидент – убийство видного чеченского шейха Дени Арсанова и сопровождавших его мюридов. К каким последствиям это привело, сообщает А. Ф. Притула: «Убийство видных представителей чеченского народа в ст. Грозненской 28 декабря 1917 г. окончательно испортило отношения между Грозным и чеченцами. С этого времени город был осаждён, опоясался окопами и опутался колючей проволокой; вокруг города был пущен ток высокого напряжения»³. По инициативе большевиков 31 декабря 1917 г. был создан Грозненский военно-революционный комитет, организовавший защиту Грозного. Мужское население города было взято на учёт и мобилизовано для выполнения воинской повинности по обороне города. На заводах были созданы боевые дружины и роты из рабочих. Именно в это время в Грозном начинает формироваться Красная армия⁴.

Сложная политическая борьба, происходившая в Грозном в январе-марте 1918 г., завершилась 9 апреля победой советской власти. После этого Казачий комитет Кизлярского отдела, размещавшийся в станице Грозненской, отозвал станичных представителей из всех городских организаций и занял по отношению к Грозному враждебную позицию⁵. Через четыре месяца (точнее, 11 августа 1918 г.) между пролетарским Грозным и белоказачьей станицей Грозненской начались чрезвычайно ожесточённые и кровопролитные Стодневные бои (в народе они были известны как Стодневная война). Русские люди – грозненские горожане и грозненские станичники – стали уничтожать друг друга в бескомпромиссной смертельной схватке.

¹ Притула А. Ф. Указ. соч.

² Гакаев Ж. Ж. Указ. соч., с. 8.

³ Притула А. Указ. соч., с. 144.

⁴ Киреев Е. П. Указ. соч.

⁵ Город Грозный; сост. А. И. Казаков; отв. ред. В. Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984, 190 с.

В изданиях советского времени, посвящённых Стодневным боям, утверждается о многократном численном превосходстве казаков Грозненской станицы над грозненскими пролетариями. На наш взгляд, это неверно¹.

Станица Грозненская, в сравнении с Грозным, занимала небольшую площадь и имела относительно небольшое население. В 1915 г. в Грозненской станице насчитывалось 4532 жителя², причём станицу населяли не только казаки, но и иногородние рабочие с семьями. Иногородние работали на железнодорожной станции и нефтеперегонных заводах, построенных на станичной земле. Грозненских казаков отчасти поддержало несколько соседних станиц, но они сами вынуждены были обороняться от чеченцев и потому не могли выделить в помощь грозненцам сколько-нибудь значительной военной силы.

На помощь станице Грозненской в сентябре 1918 г. с берегов Терека прибыл Волгский полк, потерявший в боях с пролетарским Грозным 1000 убитых и раненых белоказаков³. Однако данные об убитых и раненых нереальны: обычная штатная численность Волгского полка в царское время была свыше 1000 чел. В годы Гражданской войны Волгский полк не был уже штатным строевым полком и в 1918 г. имел в своём составе всего 455 чел.⁴

Население Грозного в 1916 г. составляло 53 549 чел. (из них коренные жители – 20 602 чел. и временно проживавшие – 32 947 чел.)⁵. Преобладающая часть временно проживавшего населения состояла из малообеспеченных людей, приехавших в Грозный для работы на нефтяных промыслах ещё до Первой мировой войны. К временно проживавшему населению принадлежали также вынужденные переселенцы, эвакуированные в Грозный вследствие продолжавшейся мировой войны. Несмотря на то что в конце ноября 1917 г. вместе с воинскими частями из Грозного выехало около 20 тыс. рабочих с семьями, оставшиеся рабочие и временно проживавшие горожане составили социальную базу советской власти. Добавим к этому то, что после установления советской власти многие временно покинувшие Грозный рабочие вернулись и пополнили ряды грозненского пролетариата и Красной армии.

¹ Головлёв А. А. Историко-географический очерк станицы Грозненской (страницы из прошлого репрессированной казачьей станицы). – Ульяновск: Качалин Александр Васильевич, 2009, 118 с.

² Алфавитный список населённых мест Кавказского края, имеющих населения более 1000 д. об. пола, с показанием народности. // Кавказский календарь на 1916 г. Отдел статистический; под ред. Н. П. Стельмашука. – Тифлис: типография канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1915, с. 13-34.

³ Город Грозный. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984, 190 с.

⁴ Головлёв А. А. Указ. соч.

⁵ Пространство и население Кавказского края к 1 января 1916 г. (по данным уездной администрации). // Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический; под ред. Н. П. Стельмашука. – Тифлис: типография канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1916, с. 177-237.

На стороне красного Грозного выступила так называемая Чеченская красная армия, возглавляемая А. Д. Шериповым (не по причине пролетарской солидарности, а из-за вековой вражды к казакам). Чеченцы осадили близлежащие к Грозному казачьи станицы и участвовали в боях со станицей Грозненской. Полковник Терского войска белоэмигрант К. С. Лотиев, вспоминая о событиях Гражданской войны на Тереке, писал: «Казакам-терцам приходилось ещё вести борьбу с соседями-ингушами и чеченцами, которые в это время были на стороне красных, т. к. большевики обещали им отдать казачьи земли (всю Сунженскую линию от Владикавказа до Грозного)»¹.

Стодневные бои в Грозном происходили с невероятным напряжением сил противоборствующих сторон и сопровождались обоюдными героическими поступками². Бои завершились 12 ноября 1918 г. победой красного Грозного³. Белоказачья станица Грозненская была разгромлена и захвачена, а её уцелевшие защитники отступили. Советская власть временно утвердилась на территории Грозненского нефтепромышленного района.

В ночь со 2 на 3 февраля 1919 г. красные бойцы из отряда Н. Ф. Гикало покинули Грозный и станицу Грозненскую, которые были заняты частями Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. Начались кровавые белогвардейские репрессии (всего было убито 2000 большевиков, красноармейцев и рабочих). Вновь красный повстанческий отряд Н. Ф. Гикало вступил в Грозный и станицу Грозненскую 17 марта 1920 г., после того как их оставили деникинцы. Советская власть в Грозненском нефтепромышленном районе окончательно победила⁴.

Подведём итоги Гражданской войны в Грозном и прилегающем районе. В ходе междоусобицы погибли тысячи горожан. Жертвы Стодневных боёв были преданы земле в братской могиле, расположенной на территории созданного в советское время Комсомольского парка. Где были похоронены жертвы белого террора (2000 чел.) – нам неизвестно. После отступления Добровольческой армии А. И. Деникина из разгромленной ещё в Стодневные бои Грозненской станицы ушли грозненские казаки. Часть казаков сложила голову в боях с красными на других фронтах, другая часть в конечном счёте эмигрировала.

¹ Лотиев К. С. Памяти доблестного генерала Мистулова. // Родимый край, 1965, № 58, с. 38.

² Бичерахов Г. Ф. Памяти героев. // Памяти годовщины восстания Терского казачества. – Пятигорск: типография Терского казачьего войска, 1919, с. 37; Занкисов П. В. Грозненский фронт. // Памяти годовщины восстания Терского казачества, с. 46-48; Стодневные бои в Грозном: сб. исторических очерков и воспоминаний; сост. А. Д. Авдеев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959, 132 с.

³ Город Грозный.

⁴ Там же.

Казачьи семьи, оставшиеся в Грозненской станице, подверглись репрессиям. Сама станица в 1920 г. была упразднена, а её бывшая территория включена в состав городских земель Грозного. Атаман Терского войска генерал Г. А. Вдовенко писал в эмиграции: «После героической и неравной борьбы Терского казачества с сов. властью хозяевами положения в крае сделались большевики. Ими немедленно начата была жестокая расправа с казачеством путём массовых расстрелов, ссылок, выселений и ограблений. Задавшись целью уничтожить казачество, большевики приступили к систематическому истреблению всего, что могло поддерживать казачье единство»¹.

В результате Гражданской войны сильно пострадали Грозненские нефтяные промыслы (Новые промыслы были полностью уничтожены). Многие высококвалифицированные рабочие-нефтяники погибли или уехали из Грозного.

С утверждением советской власти в Грозном началась масштабная муниципализация частной собственности, вызвавшая миграцию из города множества горожан. Нам известен список муниципализированных (отнятых у владельцев) домов, предприятий и организаций Грозного (по состоянию на август 1922 г.). В списке числится 219 экспроприированных объектов. В числе городских предприятий и организаций указаны мельница К. А. Баширова, русское товарищество «Нефть», грозненское городское общество-товарищество под фирмой «Молот», ремесленная школа, Грозненское благотворительное общество, нефтепромышленное общество «Русский грозненский стандарт», нефтепромышленное общество АНОТО, Санкт-Петербургское нефтепромышленное общество, кафе «Чашка чая», Азовско-Донской коммерческий банк, Грозненское общество взаимного кредита, казённый пивной склад, казначейство, Волжско-Камский банк, Русско-Азиатский банк, Военное присутствие, женская гимназия, реальное училище, Пушкинское училище, церковно-приходская школа.

Некоторые домовладельцы, опережая предстоявшее изъятие их собственности, добровольно передавали органам советской власти свои домовладения и одновременно обращались с просьбой к властям сохранить за ними в их прежних домовладениях хотя бы минимальную площадь для проживания семей.

Победа советской власти в Грозном, уничтожение терского казачества и переход от территориально-экономического к национально-территориальному принципу государственного устройства во многом предопределили нынешнюю ситуацию, при которой эти некогда многонациональные земли стали почти исключительно чеченскими и ингушскими.

¹ Вдовенко Г.А. Что сделали большевики с Терским войском.//Терский казак, 1936, № 1, с. 7.

Генерал Болдырев - командующий войск Директории: политик, дипломат, патриот Симбирска

Олег Розов (Россия)¹

Василий Георгиевич Болдырев (1875 г. р.) – уроженец г. Сызрани, которая тогда входила в состав Симбирской губернии. Отец его был кузнецом, мать – владелицей нескольких сараев по производству кирпича. В 15 лет уехал в Пензу, где поступил в землемерное училище, окончив его в 1893 г. Затем, скопив денег, отправился в столицу, где поступил в военно-топографическое училище, а позднее, в 1895 г. – в корпус военных топографов. В дальнейшем успешно сдал экзамены в Академию Генерального штаба (далее – АГШ). Окончил её по первому разряду в 1903 г. и командовал ротой в 145-м пехотном Новочеркасском полку (1903 – 1904), расквартированном в Санкт-Петербурге. Там же до Русско-японской войны командовал ротой будущий военный министр Японии Танака, с которым ему ещё предстоит встретиться на жизненном пути.

Когда началась Русско-японская война, 28-летний В. Болдырев в качестве офицера Генштаба отправился на фронт в Маньчжурию. Участвовал в знаменитом штурме Новгородской сопки (был ранен), где была одержана единственная крупная победа русской армии в этой войне (1904 г.). Выздоровев, Болдырев вернулся на фронт и служил там до конца войны. Потом он обер-офицер для поручений при штабе 4-го корпуса и старший адъютант штаба 18-го корпуса, штаб-офицер для поручений уже в 20-м корпусе – так шла его военная карьера. В 1911 г. дельный офицер получил приглашение преподавать в Академии Генштаба, где прослыл противником схоластики и демократом. Здесь он познакомился с крупнейшим военным специалистом, преподавателем, генералом Н. Н. Головиным, которого ценил за глубокие знания и современные методы преподавания. С ним также военная судьба сведёт его позже. В 1914 г., имея ряд научных трудов, Болдырев защитил *диссертацию* на тему «*Атака укрепленных позиций*», после чего в мае 1914 г. был назначен экстраординарным профессором.

С началом Первой мировой войны, уже в августе 1914 г., отбыл на фронт. За бои в октябре 1914 г. под крепостью Ивангород награждён Георгиевским

¹ Розов Олег Олегович, ведущий методист ОГАУК «Ульяновскинофонд», почётный кинематографист РФ, заслуженный работник культуры Ульяновской области.

оружием, а за бои под Едвабно в 1914 – 1915 гг. – орденом Святого Георгия 4-й степени. 8 марта 1915 г. назначен командиром 30-го пехотного Полтавского полка. После боёв у Красника и за разгром небольшими силами целого австрийского корпуса 26 июня 1915 г. получил звание генерал-майора. С февраля 1916 г. он уже генерал для поручений при командующем 4-й армией, а с 8 сентября 1916 г. на ответственной должности генерал-квартирмейстера штаба армий Северного фронта. Это высокое положение помогло генералу Болдыреву ознакомиться с большим кругом военно-политических вопросов и войти в число генералов высшего военного командования. Здесь он встретил Февральскую революцию. Отречение Николая II произошло в присутствии Болдырева, и он же был одно время хранителем самого акта об отречении. 19 апреля 1917 г. назначен командиром 43-го армейского корпуса. 29.04.1917 ему присвоено звание генерал-лейтенанта. 9 сентября 1917 г. Болдырев сменил на посту командующего 5-й армией генерала Данилова.

Налицо быстрая и успешная военная судьба этого генерала с пролетарским происхождением, что было довольно редким явлением в императорской армии. Он добился всего своим личным трудом и талантом, а не высокими связями, дворянским происхождением или благодаря удачному стечению обстоятельств.

На глазах нового командарма завершилось разложение царской армии большевиками, она полностью потеряла свою боеспособность. После Октябрьской революции генерал Болдырев уехал 12 ноября 1917 г. в Двинск, в штаб 5-й армии, куда приехал назначенный большевиками верховным главнокомандующим прапорщик Н. В. Крыленко. Болдырев, несмотря на весь свой демократизм, отказался явиться к большевику Крыленко, за что по приказу последнего был арестован за непризнание советской власти и отправлен в Трубечкой бастион Петропавловской крепости, затем – в Кресты. Поступок генерала, как и подавляющего большинства генералитета, его поведение даёт понять, что с большевиками, узурпировавшими власть, ему было не по пути. Был оправдан судом и освобождён 2 марта 1918 г., отсидев 4,5 мес.

Болдырев не выбрал путь на Юг России, хотя и был единомышленником кадрового генералитета, солидарен с их требованиями самых жёстких мер по наведению порядка в армии. Но его демократизм импонировал эсерам, они пригласили его к сотрудничеству. В 1918 г. он вошёл в руководство эсеровского Союза возрождения России в Москве и стал членом Национального центра. Об этом периоде рассказал в своих воспоминаниях генерал Б. И. Казанович¹:

¹ Казанович Борис Ильич (1871 – 1943) – генерал-лейтенант, эмигрант. Окончил Московское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-

«Я познакомился с ген. Болдыревым. Он показался мне дельным человеком, и я убеждал его принять главенство ген-в Алексеева и Деникина и работать вместе для общего дела. Генерал Болдырев ответил, что не может этого сделать, так как связан с партией (меньшевиками). Я говорил о переговорах, которые ведутся между Национальным центром и социалистическими партиями, о возможности объединения всех усилий, а то Добровольческая армия действует сама по себе, они сами по себе, и, наконец, Савинков¹ ведёт какую-то ещё свою особую политику... От него я узнал о движении, подготовляемом на Средней Волге. Из его слов можно было заключить, что там собраны уже значительные силы. После нескольких свиданий генерал Болдырев спросил меня, не согласился ли бы я отправиться на Волгу и принять там командование. «Видите ли, – сказал он, – у нас войск настоящих ещё нет, а намечены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнётся восстание, но там происходит какая-то ерунда, и нам нужен человек, который объединил бы всё это». Вскоре генерал Болдырев покинул Москву, и на Востоке образовалось демократическое правительство, действовавшее там до появления адмирала Колчака»².

В начале августа 1918 г., когда войска Комуча уже взяли Самару, Сызрань, Симбирск и Казань, Болдырев прибыл в Самару, где встречался с деятелями Комуча, которых интересовал его военный опыт. В частности, он отметил: «Захват Симбирска с его патронным заводом мог бы до известной степени ослабить и крайне острый недостаток в патронах».

На Уфимском государственном совещании 04.09.1918, куда Болдырев прибыл как представитель Союза возрождения России, он был избран одним из пяти членов Временного всероссийского правительства (Уфимской директории) и назначен главнокомандующим войсками Директории (24.09 – 18.11.1918) вплоть до свержения её сторонниками диктатуры. С головой оку-

японской и Первой мировой войн. В 1917 г. – генерал-майор и командир 6-й Сибирской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии с 1918 г. В ВСЮР – командир армейского корпуса, командующий войсками Закаспийской области. В армии генерала Врангеля командир сводной Кубанской дивизии. После эвакуации из Крыма проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Являлся председателем Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода, председателем Общества офицеров Генерального штаба в Югославии, председателем Общества изучения Гражданской войны. Умер в городе Панчево. Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

¹ Савинков Борис Викторович (1879 – 1925) (псевд. В. Ропшин) – один из лидеров партии эсеров, литератор. Вступил в партию социалистов-революционеров в 1903 г. и вошёл в её Боевую организацию, организатор и участник многих террористических актов. После Февральской революции комиссар при Ставке верховного главнокомандующего; товарищ военного министра Временного правительства. В сентябре 1917 г. исключён из партии эсеров. В 1918 г. возглавил Союз защиты родины и свободы, позднее – представитель А. В. Колчака в Париже. В августе 1924 г. арестован после нелегального перехода советско-польской границы, организованной агентами ОГПУ. Приговорён к 10 годам тюремного заключения. По официальной версии, покончил с собой в тюрьме. По другим данным, убит чекистами.

² Архив русской революции, т. 7. – М.: Терра, 1991, с. 195-196.

нулся в военные дела, бывал на фронте, активно обсуждал вопросы политики и с левыми, и с правыми, вёл активную переписку. Ещё до Омского переворота Кабинет министров Сибирского временного правительства, видя слабость и малую компетентность членов Директории, искал единого военного диктатора, который сосредоточил бы в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Генерал К. В. Сахаров¹, который впоследствии станет командующим Восточным фронтом, предложил Болдыреву, как главкому Директории, «взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался её осуществить, ссылаясь на несвоевременность»², а 16 октября обсудил с прибывшим адмиралом А. В. Колчаком вопрос о назначении того военно-морским министром, а с британским генералом Ноксом, которого хорошо знал по мировой войне – помощь Белой армии поставками снаряжения и оружия.

А. В. Колчак, придя к власти, планировал оставить Болдырева главкомом, но генерал, не желая участвовать в новой смуте, в личном разговоре с Колчаком отказался сотрудничать с ним из-за ареста членов правительства и ушёл в отставку. К Болдыреву, как главкому и члену Директории, обращались сторонники эсеров с предложением свергнуть Колчака силами верных частей. Болдырев проявил мудрость и также отказался: как сам говорил, он не желал войны своих со своими.

«Директория – небольшое звено в общем ходе событий, и раз она существовала – значит, была необходима и целесообразна», – считал он. Его тогдашняя позиция – демократическое преобразование России, борьба с большевиками – писал тогда он, «является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения... Наш народ упрекают в отсутствии патриотизма, в безразличии к родной стране. Да откуда взять их? Ведь добрых 90 % российских граждан не знают и не видели своей страны»³.

Участвуя в войне с Японией 1904 – 1905 гг., он высоко ставил её вооружённые силы, искренне верил, что Япония сможет помочь белым войскам в борьбе с большевиками, и даже обращался к адмиралу Колчаку с предложением

¹ Сахаров Константин Вячеславович (1881 – 1941) – полковник (1917), генерал-майор (1918), генерал-лейтенант (1919). Окончил Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник Первой мировой войны. Участник мятежа генерала Корнилова. В Белом движении с августа 1918 г. (начальник гарнизона острова Русского во Владивостоке). Представитель генерала Деникина в Ставке адмирала Колчака (1919), начальник штаба Западной армии (май-июнь 1919), командующий Восточным фронтом (ноябрь-декабрь 1919). Снят за сдачу Омска и поражение русской армии, арестован генералом А. Н. Пепеляевым на станции Тайга. Освобождён 23.01.1920 генералом В. О. Каппелем и назначен командующим отступающими в Забайкалье остатками (колонной).

² Сахаров К. В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923, с. 21.

³ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. – М.: Центрполиграф, 2017, с. 32.

нием стать посредником между Колчаком и японцами в решении этого вопроса, а также в признании власти Колчака союзниками. Но тот не ответил на ходатайство Болдырева. Сам Болдырев критиковал Колчака за назначение на руководящие военные посты представителей иностранных войск (Гайдю, Жана и Нокса), а также передачу захваченного в Казани золота под охрану чехословаков. Но и сам Болдырев считал, что один из двух начальников штабов русской армии должен быть... японец.

Карьеру (и её итоги) военного и непоследовательного политика Василия Георгиевича Болдырева (как и адмирала Колчака) во время Гражданской войны можно, наверное, охарактеризовать словами самого Болдырева: «Гражданское мужество и решительность военных властей всегда оказывались ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте»¹.

Уйдя в отставку, генерал Болдырев выехал в Японию. Символично, что отплыл он на большом судне Тихоокеанского флота под названием «Симбирск». Вплоть до января 1920 г. он встречался и вёл переговоры с японскими военными (с военным министром Танакой и членами его штаба, правительственными чиновниками) о помощи белой России и признании верховной государственной власти адмирала Колчака правительствами мировых держав, знакомился с устройством военного обучения Японии. Во время пребывания в Японии встречался с российским послом в Японии Крупенским², тем же генералом Н. Н. Головиным³: «Сотоварищ по работе в военной академии – его высоко ценил Болдырев». Опыт военного строительства и авторитет генерала Головина были в России на недосягаемой высоте.

«Какие же причины непризнания Колчака? Ведь уже три месяца как его пр-во существует с весьма недвусмысленного согласия и при поддержке англичан и французов», – спросил я п-ка Исомэ... Из дальнейшей беседы вы-

¹ Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания: (из цикла "Шесть лет", 1917-1922 гг.) / В. Г. Болдырев (бывш. главнокомандующий Уфим. директории) ; под ред., с предисл. и примеч. В. Д. Вегмана. Новониколаевск : Сибкрайиздат (Тип. Сибкрайсоюза), 1925, с.10.

² Крупенский Василий Николаевич (1869 – 1945), русский дипломат, камергер (1904), действительный статский советник (1906). Советник посольства в Вашингтоне, 1-й секретарь российской миссии в Пекине (1899 – 1902), посланник в Пекине (1913 – 1916), в 1916 г. назначен послом в Японию. После революции 1917 г. оставался на своём посту в качестве «посла без правительства», так как большевистское правительство не было признано Японией, и даже был дуайеном дипломатического корпуса. В годы Гражданской войны поддерживал антибольшевистские силы на Дальнем Востоке и в Сибири. Во время нахождения адмирала А. В. Колчака в Японии в июле-сентябре 1918 г. старался улучшить отношения между ним и японскими военными, по просьбе адмирала устроил ему встречу с начальником Генштаба Японии генералом Ихарой и военным министром генералом Танакой.

³ Николай Николаевич Головин (1875 – 1944) – русский военачальник, генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба, военный учёный, историк.

текало, что Япония колеблется, так как не уверена, что Омское пр-во опирается на признание народа. Америка вообще категорически отказывается от какого-либо участия в этом вопросе, англичане будто бы считают нас за индейцев... Я его успокоил, что Россия будет тем, чем должна быть, вне зависимости от того, как о ней трактуют иностранцы»¹.

Он скучает по родине, и 16 января 1920 г. возвращается в Россию – во Владивосток. К тому времени власть адмирала Колчака пала, остатки его армии отступила в Забайкалье. 2 марта преемник командующего Восточным фронтом генерала Каппеля генерал С. Н. Войцеховский прислал Болдыреву телеграмму о том, что «привёл в Забайкалье 30 тыс. испытанных бойцов, которые охотно поддержат демократическую власть, но непримиримы в отношении большевизма, и спрашивает моё отношение к таковому». На это Болдырев отвечает телеграммой:

«Как гражданин и солдат, нахожу в создавшихся условиях продолжение Гражданской войны губительным для Родины. Задача момента – объединение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Долг патриотов – найти безболезненные способы объединения Забайкалья с Приморской областью и скорейшего воссоединения с остальной Россией».

Болдырев комментирует: «Посланная телеграмма определяла ясно мои позиции для всей союзнической Европы. Я ответил так, как думал. Это краткое содержание сущности моей программы, намеченной для Дальнего Востока. Постепенное, осторожное объединение и неприкосновенность нашей территории – это пока важнее всего»². Когда власть перешла к правительству Приморской областной земской управы, Василия Георгиевича назначают 1 июля 1920 г. командующим всеми вооружёнными силами Дальнего Востока. Болдырев отмечает, что подлинным «хозяином положения было тогда Дальбюро компартии».

О нарождающейся Советской России Болдырев пишет так: «Настоящее национальное объединение на Дальнем Востоке, как это ни может показаться парадоксальным, несли именно большевики, только они, прочно усевшиеся в Москве, наиболее крепко пристёгивали к общему телу России оторвавшиеся за годы безвременья чисто русские окраины»³. Потому генерал в 1920 г. становится посредником между белоповстанцами и партизанским вожаком С. Лазо, затем ищет платформу, чтобы урегулировать отношения между партизанами и японскими войсками после выступления партизан и их разгрома, пленения Сибирцева и Лазо. 29 апреля 1920 г. он по поручению главы правительства Приморской областной земской управы В. Г. Антонова вёл переговоры с японцами по поводу инцидента с партизанами: деликатность дела заключалась в том, что японцы хотели подписать соглашение между генералом

¹ Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 250.

² Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 413-414.

³ Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 415.

Оой, командующим японским контингентом, и правительством, что придавало соглашению характер оккупации, а Болдырев настаивал на подписании равноправного соглашения между русским военным и японским командованием: «Я был одинок против моих собеседников. Бой был неравный. У меня не было армии, её ошестинившиеся остатки ушли в сопки и на север, но они ушли не навсегда, как не навсегда останется ослабленной и вся Россия. Я опирался на это сознание в моей одинокой борьбе и не уступал. Победа осталась за мной... “Дальневосточный Брест”, как остроумничали тогда во Владивостоке, был подписан», – с гордостью пишет он в дневнике¹.

Болдырев пытается наладить жизнь солдат-капелевцев, прибывших из Забайкалья в Приморье, помочь им с обустройством. С горькой иронией говорит о пожертвовании японской фирмы «Мицубиси» в пользу капелевцев – 40 иен вместо обещанных 5000. В конце 1920 г. он вновь выходит отставку.

После нового переворота в Приморье на штыках капелевцев к власти пришло Временное приморское правительство братьев Меркуловых. И тут же Василий Георгиевич едва не попал под арест: во Владивостоке был расклеен сенсационный плакат о создании нового правительства... во главе с генералом Болдыревым. Однако сам Болдырев был вновь востребован – по инициативе председателя правительства С. Меркулова и командования капелевцев он назначен председателем российской делегации в Русско-японской согласительной комиссии (1921 – 1922 гг.), которая регламентировала проблемы разделения и размещения капелевских войск, партизан и выводящихся японских войск в Приморье. Позже он назначен зам. председателя Приамурского народного собрания.

Всё это он делал с одной целью – помочь России любыми способами достойно выйти из Гражданской войны, найти и опереться на те силы, которые смогут это сделать, и сохранить единство российской территории. Не забывал генерал и свои симбирские корни, и часто в дневнике встречаются упоминания о встречах с симбирянами, сорванными Гражданской войной с родных мест:

«Токио, 18 апреля. Разговаривал с Щ., одним из симбирских фабрикантов, только что приехавшим в Японию. Им уже удалось основать в Сибири три суконных фабрики, теперь начинают организовывать такую же фабрику на Алтае. Местных алтайских рабочих считают ненадёжными – предполагают использовать сторонний наёмный труд, что, конечно, не встретит особого сочувствия среди местного населения... Правительство выдало субсидию в 15 млн рублей. Щ. едет за машинами в Америку. По его рассказам, мои земляки, волжане, крепнут среди Омского правительства... Сообщил, что у большевиков начинается работа на фабриках. Там поступят иначе – и вместо замены рабочих попытаются сделать их надёжными»².

¹ Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 438-439.

² Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 415.

«Разыскивал свою землячку Ч., занесённую сюда огромным беженским валом после разгрома Омска... Ч. сильно голодала, сейчас блаженствует в городской больнице. В беседе высказала дельную мысль, что выступление чехов только усложнило положение в России... Резко отзывается о бегущих за границу: «Пускай бегут, а когда вернутся – их спросят, откуда пришли»¹.

«У А. познакомился с П. (Перси-Френч – О. Р.), бывшей владелицей Киндяковки (Симбирская губ.) со знаменитым обрывом, воспетым Гончаровым в романе того же названия. П. покинула Москву в апреле 1920 г., пережила массу испытаний. Упрекает англичан (сама англичанка) за наивность и невежество в отношении России»².

После ухода в Китай белых и возвращения домой японцев (октябрь 1922 г.) во Владивосток 8 ноября 1922 г. вошла 5-я красная армия И. Уборевича. Болдырев мог эмигрировать, но сознательно не стал этого делать. «Войска шли в стройном порядке, за ними чувствовалась покончившая наконец с гражданской распрей новая Россия», – отмечал генерал. 5 ноября он вновь арестован и заключён в тюрьму.

Советские историки эту его позицию упрощённо называли *«игрой на разные стороны, дабы своевременно пристать к той, которая одержит верх»*. Болдырев действительно часто не имел последовательной и твёрдой позиции, менял свои политические взгляды и предпочтения. Но в оправдание этого могу предположить, что и события этого периода часто менялись с калейдоскопической быстротой и правильно их понять, оценить и сориентироваться в них иногда было просто невозможно. Мне кажется, Болдырев не был приспособленцем, который пытался ловить рыбу в мутной воде или делал карьеру ради карьеры при любом правительстве и любыми средствами.

Его знания, широкий кругозор, активная жизненная позиция, военный опыт и заслуженный авторитет – всё им было поставлено на службу ради одного: увидеть Россию сильной, неделимой и независимой. В конце его дневника есть фраза: «Обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооружённых выступлений извне против России, подсказывала мне, что в могучей возникнуть борьбе моё место только здесь, среди своего народа». И добавлял: «Ничто никогда не заслоняло во мне мысли о родине и работе в своей стране». А это и есть патриотизм.

22 июня 1923 г. Болдырев обратился во ВЦИК с длинным письмом-обращением к советской власти и ходатайствовал об освобождении и разрешении продолжить деятельность в качестве профессора Академии Генштаба. По амнистии ему разрешили работать научным сотрудником в редакции Сибирской Советской энциклопедии, работал он и в Сибирской плановой ко-

¹ Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 432.

² Там же, с. 517-518.

миссии, а проживал в Новосибирске. В. П. Аничков¹, сын которого служил адъютантом у генерала, дал несколько иную версию неотъезда генерала за границу: Болдырев «был влюблён тогда в одну даму, и этот роман повлиял на его решение не эвакуироваться, а остаться во Владивостоке, что привело к долгому сидению в советских тюрьмах и к расстрелу, последовавшему в 1933 г. в Новониколаевске. За что расстреляли его коммунисты, мне узнать не удалось. Неожиданный расстрел, вероятнее всего, был связан с крестьянским восстанием в Сибири, о чём писали в эмигрантских газетах»².

Почти через 10 лет, 29 декабря 1932 г., ОГПУ арестовало Болдырева по обвинению в организации контрреволюционного белогвардейского заговора с центром в Новосибирске. Всего по этому делу было арестовано 1759 человек, а осуждено – 1310 человек. В руководстве заговором были обвинены бывший генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, полковник Х. Е. Бутенко³, профессор Н. П. Шавров⁴, бывший товарищ министра финансов правительства Колчака Г. А. Краснов, преподаватель Новосибирского института народного хозяйства Г. И. Черемных⁵, капитан И. А. Лаксберг¹. Расстреляли Василия

¹ Аничков Владимир Петрович (1871 – 1939) родился в Смоленской губернии. Окончил Коммерческое училище в Санкт-Петербурге и Высшее техническое – в Москве. Четверть века возглавлял отделение Волжско-Камского банка в Екатеринбурге, одновременно являясь директором-распорядителем Алапаевского горного округа. После Февральской революции вошёл в состав Комитета общественной безопасности. После прихода к власти большевиков и национализации банков был арестован, бежал в леса Урала. В 1918 г. в его доме останавливались великий князь Сергей Михайлович, позже погибший от рук большевиков, следователь Н. А. Соколов, камердинер императора Т. И. Чемодуров. В 1919 г. Аничков переехал во Владивосток, где на протяжении трёх лет чередой менялись правительства. В 1923 г., предчувствуя близкий захват Приморья большевиками, покинул Россию и через Шанхай добрался до берегов Америки. В 1932 г. поселился в Сан-Франциско, где открыл первый русский книжный магазин «Русская книга». Основал в Калифорнии литературное общество «Труженики пера». Написал книгу воспоминаний «Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922)». Похоронен в Сан-Франциско на сербском кладбище.

² Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). – М.: Русский путь. Серия: Наше недавнее, 1998, 396 с.

³ Бутенко Харитон Ефимович (1878 – 1930). На 1 января 1909 г. – поручик стрелкового 33-го Восточно-Сибирского полка. В годы Гражданской войны – полковник. В 1920-е гг. проживал в Омске.

⁴ Николай Павлович Шавров (1884 – 1938) – советский фармаколог. Основатель кафедр фармакологии Иркутского медицинского университета (1922 – 1929), Новосибирского медицинского института (1935 – 1937). В 1933 г. был арестован в связи с так называемым белогвардейским заговором, обвинён в принадлежности к офицерской повстанческой организации Общевоинский союз, в создании ряда «контрреволюционных ячеек в различных слоях интеллигенции» и 20 августа 1933 г. коллегией ОГПУ осуждён по статье 58 ч. 10-11 на 10 лет заключения в концентрационных лагерях. С сентября 1933 г. отбывал заключение в Томском лагере.

⁵ Черемных Георгий Иванович (1888 – 1937), деятель народного просвещения, экономист, краевед. В ходе революции 1917 г. избран председателем Дарницкой уездной земской управы, в

Георгиевича Болдырева 20 августа 1933 г. В том же году в Белграде скончалась его жена Любовь Витальевна. После них осталось два сына – Константин и Василий. Знаменитые воспоминания Болдырева в советское время были опубликованы лишь однажды, в журнале «Сибирские огни» (№№ 5 и 6 за 1923 г. и № 1 за 1924 г.). Только в 2017 г. впервые в России эти воспоминания, в основу которых лёг дневник генерала, вышли отдельным изданием.

1919 г. – председателем Дарницкого ревкома. В Сибирь вернулся в ноябре 1920 г. С октября 1926 г. – один из активистов редакции Сибирской Советской энциклопедии, участвовал в открытии Сибирского института народного хозяйства в Новосибирске. Помимо административной деятельности, читал курс экономической географии. В феврале 1933 г. арестован ОГПУ, обвинён в подготовке белогвардейского заговора. Осуждён, направлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Тройкой УНКВД по Ленинградской области приговорён к высшей мере наказания.

¹ Лаксберг Иван Августович (1883 – 1933) – учёный, специалист в области лесного хозяйства. Участвовал в революционном движении, член РСДРП(м), из партии вышел в 1917 г. С 1911 по 1914 гг. учился в Петербургском университете на физико-математическом факультете (группа химии). В годы войны служил военным пиротехником. В Гражданской войне активного участия не принимал. Работал заведующим химическим цехом завода Лесснера, эвакуированного на Урал, а затем – в Сибирь. После восстановления советской власти работал в различных хозяйственных организациях, связанных с лесной промышленностью. Ему инкриминировалось то, что он с 1930 г. «сгруппировал вокруг себя бывших вредителей, даёт неправильные установки в проработке второй пятилетки в лесной промышленности и в разработке её реконструкции, в неправильном географическом размещении точек строительства». Арестованный 19 января 1933 г., на первых допросах не давал признательных показаний, но 8 февраля сломался, совершив самооговор. На стадии завершения предварительного следствия решительно отказался от показаний. Постановлением коллегии ОГПУ от 5 августа 1933 г. был приговорён к высшей мере наказания.

Культурные стратегии власти в провинции: ярославский текст

Наталья Дидковская (Россия)

Российская провинция – историческая и современная – обнаруживает значительный потенциал стратегийной самореализации в масштабах городского универсума: личностной, коллективной, глобально-социальной. Жизнеустроительная модель, имеющая идеальную и реальную проекцию, воплощается в провинции не по принципу золотой середины, а в синхронном и диахронном взаимодействии полюсов.

Стратегийные импульсы местной власти, инициированные незаурядными администраторами, во все времена становились наиважнейшим фактором культурного подъёма провинции, своеобразным феноменом культурной революции. Ни смены парадигм политического развития, ни даже политических систем не изменили этого извечного принципа сюжетосложения российской провинциальной истории.

Официальный историограф Н. М. Карамзин в «Записках о древней и новой России и её политическом и гражданском отношениях», доказательно и афористично формулируя важнейшие принципы русского политического консерватизма, особое внимание уделил институту губернаторства в системе государственного строительства. Характеризуя правление Екатерины Великой, Карамзин отмечал, что императрица «хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала правила без средств исполнения»¹. Таковыми средствами стали способные, честолюбивые и преданные лично ей помощники, которым предоставлялся большой простор для действий на местах: «Генерал-губернаторами становились люди, пользовавшиеся безграничным доверием императрицы: например, князь Григорий Потёмкин-Таврический или граф Пётр Румянцев-Задунайский. Действия генерал-губернаторов, выбранных самой императрицей, не были ограничены законом. Обладая рычагами управления армией и органами правопорядка, генерал-губернаторы могли чувствовать себя полновластными государями на подчинённой им территории. Пороки губернатор-

¹ Карамзин Н. М. Записки о древней и новой России и её политическом и гражданском отношениях. URL: <http://www.karamzin.net.ru/lib/sb/book/3532> (дата обращения: 22.02.2014).

ской системы не проявились в царствование Екатерины II исключительно благодаря выбору государыней в качестве наместников действительно способных и талантливых людей»¹. Закономерно, впрочем, и другое: именно целеустремлённый талант просвещённой местной власти стремительно и радикально преобразовывал провинциальную культуру, оставаясь её вдохновителем и хранителем на срок, отпущенный историей.

Прямая зависимость динамики культурной жизни Ярославского региона от личности его правителей отмечается и анализируется многими краеведами². Идеалом администратора-преобразователя поистине демиургического масштаба традиционно и совершенно закономерно признан А. П. Мельгунов, с которого началась история Ярославской губернии. Её кульминацией в XX веке в трансформированных географических границах (при Мельгунове в Ярославское и Вологодское наместничество входило 12 уездов, теперь эти территории входят в состав Ярославской и трёх соседних областей) и в пространстве уже другой, советской, страны стал период пребывания на посту первого секретаря Ярославского областного комитета КПСС Ф. И. Лощенкова.

Исследование коллективных и личностных культурных стратегий ярославской провинции в исторической ретроспективе и на современном этапе позволяет утверждать, что эпицентрами созидательных импульсов, обладающими глубокой укоренённостью в культуре городского универсума, масштабностью и разнообразием интеракций, являются две компоненты провинциального культурного локуса: образование и искусство. Именно они оказывались в эпицентре культурной революции.

Что касается обращения к конкретным институциям, то школа, университет, театр, музей – «кафедры разумного и доброго» – репрезентативные и универсальные структуры. Причём и учреждения культуры, и учреждения образования могут рассматриваться как в качестве акторов, так и в качестве среды коллективных и индивидуальных стратегийных акций.

В деятельности действительного тайного советника Алексея Петровича Мельгунова, наместника края с 1777 по 1788 гг., воплотилась идея просвещённой монархии, свободной от тирании, приверженной «гармонии и разумному закону». Властные полномочия в сочетании с культурными увлечениями и опытом дали впечатляющий результат.

Ярославский генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов осуществил в городе и крае проект масонского просвещения, укореняя масонскую ложу и реализуя культурные и социальные инициативы, широко занимаясь

¹ Трифонов А. Г., Межуев Б. В. Генерал-губернаторства в российской системе территориального управления. // ПОЛИС, 2000, № 5, с. 22.

² См., напр.: Марасанова В. М., Федюк П. Г. Ярославские губернаторы 1772 – 1917 гг. Историко-биографические очерки. – Ярославль: Изд-во ЯРГУ, 1988.

благотворительностью. «Мельгунов пытался реализовать идеал просвещённой монархии и масонскую мечту о гармоничном обществе. Он стремился исполнять роль просвещённого монарха-философа на троне. Вся деятельность такого властителя просветлена разумом. Монарх приводит жизнь к мудрому и ясному закону. Он исходит не из своих личных прихотей, а из духа и буквы фундаментального законодательства. Монарх способствует исполнению всеми сословиями и каждым человеком своих обязанностей, а при нужде вершит справедливый суд и оказывает милосердную помощь нуждающимся... В стратегическом революционном проекте Мельгунова синтезированы основные культурные идеалы его эпохи. Разумное и справедливое управление должно было привести к благоустроению края и нравственному просветлению общества»¹.

Мельгунов начинает реформаторскую деятельность с целенаправленного изучения вверенной его попечению территории: её географии и истории, экономического потенциала. Центром наместничества в 1777 г. избирается Ярославль: сюда из Ростова переносится кафедра епархии, здесь формируется структура городского сословного самоуправления, находящаяся отныне под контролем наместника, утверждается первый регулярный план застройки главного города губернии, появляется первая в русской провинции типография, уникальный для тогдашней российской провинции Дом призрения ближнего для детей-сирот и стариков, первый в стране провинциальный ежемесячный журнал – орган масонского просвещения «Уединённый пошехонец». Заботами губернатора стремительно развивается экономика края: в конце века в Ярославле насчитывалось 180 фабрично-заводских предприятий.

Ближний круг Мельгунова, разделявший с ним гуманистические идеалы масонства, энергично реализует многочисленные направления универсального культурного проекта: редактор «Уединённого пошехонца» В. Санковский, член Российской академии ростовский архитектор С. Миславский, ректор ярославской семинарии, настоятель Спасского монастыря И. Быковский, директор Дома призрения ближнего С. Соковнин, владельцы ярославской типографии А. Хомутов, Н. Уваров, Н. Коковцев.

Мельгунов продолжил театральное дело, начатое Фёдором Волковым. Наместник уже давно, со времён службы в шляхетском корпусе, был увлечён театром. Его единомышленники, в представлении которых театр являлся средством человеческого усовершенствования, активно поддерживают его на этом поприще, в том числе драматургическими и актёрскими опытами. Однако даже на фоне всего грандиозного переустройства провинциального мира в

¹ Ермолин Е. А. Мельгунов и масонское возрождение в Ярославле. // Ярославский стиль. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007.

масштабах губернии особенно заметна стратегия, направленная на утверждение институтов народного образования. Мельгунов начинает и завершает губернаторское служение весьма символическими актами: в 1777 г. в Ярославле основаны училище для дворянских детей (дворянская гимназия) и народная школа при городской богадельне (городовая школа), а 22 сентября 1786 г. открылись Главное народное училище для детей всех сословий (только 37 из 66 первых учеников были дворянами) и Дом призрения ближнего, в котором обучались 56 мальчиков и 24 девочки¹. Внимание к сфере, где происходит формирование и воплощение культурных стратегий по мысли «революционера» Мельгунова, логично для провинции, как и для России в целом: образованный человек любит искусство, образование в России есть сфера и процесс, связанные не только с приобретением знаний, но и с формированием личности, обладающей эстетическим вкусом и эстетическими потребностями. В то же время искусство в России есть особая сфера духовно-практической деятельности, сориентированная не только на создание художественных ценностей, но и на формирование тонкой, отзывчивой к красоте, добру и истине личности. Таким образом, взаимодействие образования и искусства, традиционно значимое для российской провинции, укоренено в ментальном и социокультурном опыте.

200 лет спустя культуроцентричная ориентация власти в лице руководителя Ярославской партийной организации КПСС Ф. И. Лощенкова придала новые качественные измерения социокультурной сфере города и региона. И этот проект также реализуется как своеобразная культурная революция. При нём был заложен промышленный потенциал, который и сегодня обеспечивает экономическую устойчивость Ярославской области: модернизирована промышленность, построены НПЗ, Речной вокзал, заложены спальные районы – Заволжский, Дзержинский, а также Московский проспект. Однако, анализируя четверть века своего пребывания на посту «наместника», Лощенков парадоксально обращался к иным значимым событиям: «Открыт Театр юного зрителя, пять новых вузов, а число музеев выросло вдвое»². Эти «открытия» осознавались советским функционером вполне в духе Мельгуновского возрождения, хотя преподносились в специфической номенклатурной риторике: «Не просто завод, школу построить, университет открыть, но этим преобразить жизнь, создать новые условия, новую культуру – и быта, и души»³.

Находясь во власти, Лощенков постоянно добивался строительства и реорганизации вузов. Однако это происходило «при возражении и сопротивлении Министерства высшего образования... Трудности возникли в связи с ре-

¹ Марасанова В. М., Федюк П. Г. Указ. соч., с. 76.

² Лощенков Ф. И. От Сталина до Горбачёва: жизненные наблюдения. – Ярославль: Изд-во ЛИЯ, 2000, с. 51.

³ Лощенков Ф. И. Портрет в обрамлении времени. – Ярославль: Изд-во ЛИЯ, 2006, с. 13.

организацией Ярославского технологического института в политехнический. Как известно, Ярославль – город большой химии. Здесь находятся шинный, нефтеперерабатывающий, два лакокрасочных, три резинотехнических завода, заводы синтетического каучука, асбестотехнических изделий и ряд научно-исследовательских институтов. Для всего этого комплекса народнохозяйственных объектов необходимы были соответствующие кадры, которые и готовил Ярославский политехнический институт. Но в связи с развитием научно-технического прогресса, ростом и усовершенствованием производства в области появилась настоятельная потребность в подготовке высококвалифицированных инженеров по следующим специальностям: радиоэлектроника, машиностроение, строительство дорог и жилья, мелиорация земель и т. д. Для решения этой задачи необходима была реорганизация ЯТИ. И тут возникла проблема: или создать несколько мелких институтов, каждый из которых вёл бы подготовку кадров по одной-двум специальностям, или создать один крупный политехнический институт с концентрацией здесь высококвалифицированного преподавательского состава, современным учебно-лабораторным оборудованием и комплексом социальных объектов. Споров было много, но предпочтение получил последний вариант. Министерство высшего образования сопротивлялось реорганизации ЯТИ, и поэтому решать этот вопрос было непросто»¹. Сегодня краснокирпичные стены ЯГТУ стали частью несущей конструкции промышленно-технологического корпуса ярославской экономики.

Идея классического университета как центрирующего элемента культурного ландшафта Ярославля материализовывалась в истории города трижды: попечением ярославского дворянина, статского советника П. Г. Демидова в 1805-м (Ярославское училище высших наук, имеющее «одинаковую степень с университетом и все преимущества онога»), декретом председателя Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленина в 1918-м, упорством первого секретаря Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенкова в 1970-м. Первые две попытки имели кратковременный успех: это был миражный университет, не отвечавший чаяниям его создателей и запросам потенциальных потребителей. Лишь Лощенкову удалось окончательно закрепить за Ярославлем статус университетского города. Подготовка открытия вуза интригует детективными хитросплетениями: безрезультатные походы руководителя области в Министерство высшего образования РФ и Совет министров РФ, аудиенция Лощенкова у Л. И. Брежнева, положительная резолюция генсека, скандальный отказ Совмина СССР, эмоциональное обращение к А. Н. Косыгину, его решительное вмешательство наперекор десяти запретам разных ведомств и наконец первый набор².

¹ Размолодин М. «Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова», 1995. – С. 85.

² Интервью Ф. И. Лощенкова 20 октября 2000 г. URL: <http://old.uni-yar.ac.ru/index.php> (дата обращения: 22.02.2014).

Обретение городом университета, подчёркивает его главный радатель, со-
вершалось как акт коллективного творчества, революция в системе регио-
нального высшего образования: «Все – строительные организации, предприя-
тия, институты, общественные организации – включились в это дело... Мы
делали всё сами, силами города... Денег у государства не просили. Только
разрешения. Это было дело чести»¹.

Несводимость, несопоставимость даже в логике метафорического сравне-
ния России государевой и советской, провинции наместника и первого секре-
таря преодолевается непреходящим культом сильной, наделённой властью
личности, просвещённой хотя бы настолько, чтобы сознавать ценность пло-
дов культуры и образования. Реальная необходимость перемен и их менталь-
ная целесообразность в российской провинции всегда воспринималась как
фатальное противоречие. Именно взаимодействие личных и коллективных
жизнеустроительных интенций, являющихся константами провинциального
бытия, и культурных стратегий, являющихся для провинции прецедентными
революционными проявлениями жизнетворчества, тем более если их демон-
стрирует незаурядная личность, обладающая значительным властным ресур-
сом – определяет онтологический статус феномена российской провинции.

¹ Интервью Ф. И. Лощенкова 20 октября 2000 г. URL: <http://old.uniyar.ac.ru/index.php> (дата об-
ращения: 22.02.2014)..

ГЛАВА 6. КРЕСТЬЯНСКАЯ МЕРКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

К 1917 г. в России значительная часть населения принадлежала к крестьянскому сословию. В силу этого основным вопросом революционных изменений был аграрный. Противоречивость земельного вопроса в России кроется не только в социально-экономической и политической сферах, но и в области сознания и психологии крестьянства. Крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землёй, отдав власть в стране подержавшим его большевикам. Однако стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., когда ситуация катастрофически нарастающего голода в городах потребовала изъятия хлеба у деревни. И впоследствии власть оплатила за поддержку крестьянству вовсе не добром, а политикой обобществления, приведшей к превращению крестьянина в колхозника. В главе «Крестьянская мерка революционного времени» рассматриваются вопросы земельных отношений, взаимоотношения в крестьянской среде и трансформация крестьянства под воздействием революционных изменений первой трети XX столетия.

Великая российская революция как пролог крестьянской трагедии XX в.

Олег Хасянов (Россия)¹

XX в. оказался веком масштабных социальных, политических, экономических трансформаций. Модернизационный процесс, в который были вовлечены практически все страны мира, кардинальным образом изменил социальный облик мира. На смену традиционным социальным сословным группам, базировавшимся на

¹ **Хасянов Олег Ренатович**, доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории и экономической теории Ульяновского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, заместитель директора по учебной и воспитательной работе Технологического института (филиала) Ульяновского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина. Исследование осуществлено в рамках гранта президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных – кандидатов наук: грант МК-1598.2017.6 и грант РФФИ № 17-11-73001.

традиционных архаических типах, пришли страты с динамичной шкалой ценностей. Данные изменения актуализировали проблему осмысления исторического опыта, феномена памяти и роли личности в истории. Россия в данном процессе не оказалась исключением. Во многом вектор модернизационной трансформации России был задан революционным процессом начала XX в. Именно в вихре революционных событий рождалась новая российская государственность, базирующаяся на утопических идеях марксизма.

Захватившие власть в октябре 1917 г. большевики провозгласили курс на масштабные социальные преобразования. В частности, была поставлена задача построения справедливого социального государства. Добиваясь поддержки самой многочисленной социальной группы российского общества, уже в октябре 1917 г. на II съезде советов большевики приняли декрет о земле, предусматривавший конфискацию всей помещичьей земли и безвозмездную её передачу крестьянам.

В Основном законе о социализации земли, принятом 19 февраля 1918 г., отмечалось, что земля «принадлежит лишь тем, кто обрабатывает её собственным трудом». Казалось, что восторжествовала историческая справедливость и сбылась мечта не одного поколения крестьян, но историческая реальность оказалось иной. Провозглашение большевиками политики военного коммунизма лишало крестьян хозяйственной самостоятельности и результатов своего же труда. Оказалось, что крестьяне, получив в пользование бывшую помещичью землю и освободившись от арендных отношений, попали в ещё большую зависимость от государства.

Введённая в январе 1919 г. продразвёрстка фактически обрекала крестьян на голод, так как продовольственные отряды совместно с сельскими комитетами бедноты изымали у производителей не только излишки сельскохозяйственной продукции, но и семенной материал. В результате этих действий под угрозой оказывались яровая и озимый сев.

Результатом непродуманных действий большевиков по изъятию продукции у крестьян с целью смягчения продовольственного кризиса в городах стал масштабный голод в советской деревне. Им были охвачены 35 губерний – основные хлеботорные районы: Поволжье, Крым, Приуралье и Казахстан, Западная Сибирь. Смертность населения возросла, по разным данным, от 3 до 5 раз. По мнению Р. Пайпса, голод 1920-х гг. в Советской России за весь период начиная с конца Средневековья является одной из крупнейших катастроф в европейской истории¹. А. Грациози полагает, что политика военного коммунизма была первым актом полномасштабной войны, развязанной большевистским правительством против российского крестьянства. В его по-

¹ Пайпс Р. Русская революция. Россия под большевиками. 1918 – 1924. М.: Захаров, 2005, 704 с.

нимании, война состояла из двух актов: 1) военный коммунизм, завершившийся перемирием, и 2) коллективизация, разрушившая традиционный крестьянский миропорядок. По его мнению, в деревне «была установлена система, превратившая крестьян в подчинённую, легально подвергаемую дискриминации группу, судьба которой находилась в руках государства»¹. Действительно, взаимоотношения советского правительства и крестьянства в XX веке оказались трагичными. Сочетание факторов цивилизационного развития и советской аграрной политики в конечном итоге привело к исчезновению крестьянства как особого социального слоя российского общества.

Катастрофические последствия голода начала 20-х гг. XX в., растущая волна крестьянских выступлений против советов вынудили Ленина и СНК сменить тактику и объявить переход к нэпу. Земельным кодексом 1922 г. была окончательно упразднена частная собственность на землю. Взамен разрешалась только аренда. Частично были восстановлены рыночные механизмы, продразвёрстка была заменена продналогом. Действия правительства в целом имели положительный эффект и способствовали материальному улучшению крестьянского быта. За годы нэпа неуклонно росло число середняцких крестьянских хозяйств при постепенном снижении числа зажиточных и бедняков.

Очередной акт крестьянской трагедии был связан с началом реализации полномасштабного советского аграрного проекта в виде коллективизации единоличных крестьянских хозяйств. Идеологом очередного наступления на крестьянство был сам И. В. Сталин. В своей статье «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда», Сталин обосновал необходимость форсированной индустриализации, неотъемлемой частью которой являлась коллективизация.

По мнению С. Дэвиса, голос крестьянства в 30-е годы был практически не слышим властями. Крестьяне предпочитали выражать протест по отношению к проводимой политике властей анонимно, прибегая к слухам и песням. Наиболее распространёнными были частушки. В них колхозы изображались как тюрьмы, колхозный строй – как угнетение свободного крестьянства, а сама колхозная система ассоциировалась с лишениями и нуждой².

Коммуникационные каналы сельского общества весной и летом 1945 г. были наполнены всевозможными слухами, содержание которых сводилось к якобы готовившейся ликвидации колхозной системы. В частности, пчеловод колхоза «Пролетарий» Астрадамовского района Ульяновской области в разговорах с колхозниками утверждал, что принято решение о роспуске колхо-

¹ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001, с. 66.

² Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934 – 1941. – М.: РОССПЭН, 2011, с. 54.

зов¹. В колхозе «На страже» колхозница П. Мишагина «утверждала, что решён вопрос о ликвидации колхозов на конференции в Сан-Франциско»². Активное распространение подобных слухов свидетельствовало о том, что сельское общество не смирилось с существованием коллективной формы ведения хозяйства, жёстким административным контролем государства за хозяйственной деятельностью крестьян и массовым изъятием продовольствия у сельского населения по обязательным государственным поставкам.

Для обеспечения контроля деятельности колхозов и строгого соблюдения устава сельскохозяйственной артели 19 сентября 1946 г. был создан Совет по делам колхозов при правительстве СССР. В регионы были назначены уполномоченные данного совета. В своей практике они руководствовались лишь решениями председателя совета, а представители местных властей каких-либо рычагов административного воздействия на них не имели. К концу 1947г. региональные аппараты совета были укомплектованы кадрами, а сами уполномоченные приступили к исполнению своих прямых обязанностей. В региональной прессе была развёрнута широкая кампания по информированию населения о функциях и месте пребывания уполномоченных совета, т. к., помимо выявления нарушений устава, они должны были рассматривать жалобы и заявления крестьян по различным вопросам хозяйственной деятельности и самостоятельно принимать по ним решения.

Неприятие крестьянами коллективизации было связано с тем, что она проводилась пришлыми людьми, далёкими от ценностей сельской жизни, и насильственными методами. Ш. Фицпатрик отмечает, что «сама стратегия коллективизации, разработанная верховной властью, уже включала в себя насильственные меры, а именно экспроприации и высылку сотен тысяч кулацких семей»³. В своей работе Ш. Фицпатрик проанализировала стратегии крестьянского сопротивления. В своей массе они выражались в пассивном сопротивлении: отказе от выхода на работу, сокращении посевных площадей и т. д. Стратегию пассивного сопротивления использовали практически все крестьяне.

Укрепление колхозного строя приводило к появлению тактики приспособления. Крестьяне стремились извлечь выгоду из сложившейся ситуации, повернув её на защиту своих интересов. Фицпатрик вводит такое понятие, как «идеал всеобщего госиждивенчества» – решение насущных проблем сельского социума посредством государственного вмешательства⁴. По её мнению,

¹ ГАНИ УО. Ф.8. Оп. 1. Д. 230. Л. 10.

² Там же.

³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской деревни в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, 2001, с. 10.

⁴ Там же, с. 168.

голод 1933 г. был вызван именно столкновением разности интересов государства и крестьянства. Государство стремилось как можно больше изъять зерна у крестьян, а последние пассивно сопротивлялись. С уверенностью она констатирует факт уменьшения количества еды и питья в деревне после коллективизации. Уже в первые месяцы её проведения в мировоззрении крестьян, по мнению Ш. Фицпатрик, начали проявляться черты, характерные для последующих десятилетий колхозного строя: апатия, вялость и несамостоятельность. Крестьянство оказалось деморализованным в результате интенсивного экономического гнёта со стороны государства, а сама крестьянская жизнь обесценивалась в глазах самих же носителей данной культуры.

Начавшаяся Великая Отечественная война на время остановила наступление государственной системы на традиционную крестьянскую культуру, её традиции хозяйственного быта. В тяжёлых материальных условиях главная жизненная стратегия крестьян заключалась в выживании. Росло количество самовольных захватов земли и уклонения от работы в артелях. На такие действия региональные и местные власти смотрели снисходительно, т. к. осознавали, что, работая в колхозах, крестьяне не смогут получить ни денежного довольствия, ни жизненно необходимых продуктов.

Победу в Великой Отечественной войне колхозное крестьянство встретило восторженно. Осознавая свой вклад в дело Победы, оно ожидало от правительства реформирования аграрной сферы, в том числе роспуска колхозов и предоставления крестьянским хозяйствам хозяйственной самостоятельности. Но принятое 19 сентября 1946 г. специальное постановление Совета министров СССР «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», широко освещённое в советских средствах массовой информации, ознаменовало возвращение советского правительства к довоенным принципам взаимоотношений с крестьянами¹. В частности, постановление было направлено на борьбу с самовольными расширениями крестьянами размеров своих личных подсобных хозяйств и на укрепление трудовой дисциплины в сельскохозяйственных артелях. В документе отмечался массовый характер процесса «расхищения общественных земель», осуществляемого «по линии увеличения приусадебных участков колхозников путём самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному». Причиной данного явления было попустительство «правлений колхозов, председателей сельсоветов и райсоветов»². Таким образом, острière репрессий

¹ О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах: постановление Совета министров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. // Волжская коммуна, 1946, № 188, с. 1.

² Там же.

по данному юридическому акту было направлено не только против рядовых колхозников, но и против руководящего состава колхозов, сельских советов и районов. В постановлении утверждалось, что «некоторые советско-партийные и земельные районные работники вместо того, чтобы строго охранять общественную собственность как основу колхозного строя, грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждая правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам»¹. В постановлении было подчёркнуто, что колхозники и иные элементы, занимавшиеся самозахватом колхозной земли, преследовали цель «спекуляции и личной наживы».

Региональным властям было рекомендовано до 15 ноября 1946 г. провести ревизию колхозных земель и обмер размеров приусадебных участков колхозников, а при обнаружении нарушений «незаконно захваченные земли» вернуть колхозам². Цель данной кампании заключалась в принуждении крестьян к исполнению своих трудовых обязанностей в колхозах, не отвлекаясь на личное хозяйство, т. е. правительство было заинтересовано в сохранении у крестьян единственного источника дохода в форме артельного хозяйства. Несмотря на жёсткие меры давления на сельское общество и массовое выявление случаев нарушения устава сельскохозяйственной артели рядовыми колхозниками и представителями административно-управленческого персонала колхозов, крестьяне продолжали реализовывать хозяйственные практики, утвердившиеся на селе в военные годы. Архивные документы приводят выводы, сделанные в ходе проверок: «В ряде колхозов госкомиссии несерьёзно подходили к обмеру приусадебных участков у колхозников»³.

В ходе реализации кампании 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственных артелей» у колхозников изымались излишки участков, выходявшие за рамки установленных норм, но трудовая дисциплина от этого не повышалась: крестьяне по-прежнему не были финансово мотивированы трудиться в общественном хозяйстве. В ответ, по инициативе Н. С. Хрущёва, президиум Верховного совета СССР 2 июня 1948 г. издаёт указ «О выселении в отдалённые районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный па-

¹ О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели..., с. 1.

² Там же.

³ Хасянов О. Р., Галимова Л. Н. Эрозия трудовой этики советского крестьянства в послевоенное десятилетие (на материалах Ульяновской области). // Самарский научный вестник, 2016, № 1, с. 116.

разитический образ жизни»¹. Указ не был предназначен для печати, т. к. затрагивал интересы большинства сельских жителей.

Копии указа под грифом «секретно» были разосланы в областные и республиканские центры с предложением немедленно приступить к реализации основных положений законодательного акта. И маховик новых репрессий начал раскручиваться в колхозной деревне. Региональные власти полностью контролировали процесс реализации указа, а сельские жители лишь играли роль массовки, задача которой заключалась в принятии нужного решения.

По мысли властей, очередная волна государственного насилия по отношению к крестьянству должна была способствовать росту производительности труда в колхозном хозяйстве. Но эффект оказался краткосрочным, и уже после смерти И. В. Сталина советское руководство будет вынуждено перейти к новым принципам взаимодействия с крестьянством.

Голод, порождённый заготовительной кампаний 1946 г., не привёл к пересмотру правительственной аграрной политики, и весь послевоенный период сталинизм сопровождался «налоговым удушением деревни». В работах последнего времени утверждается, что правительство в полной мере располагало информацией о масштабах голода и имело достаточно возможностей для снижения его последствий, но расходование государственного зернового резерва не допускал Сталин².

А. И. Репинецкий отмечал: «От партийных и советских органов на местах требовали во что бы то ни стало выполнения плановых заданий по производству и сдаче зерна»³. По утверждениям исследователя Т. Д. Надькина, для того чтобы выполнить государственный план хлебопоставок, в колхозах и совхозах было изъято всё семенное и продовольственное зерно, включая частично и предназначенное к выдаче колхозникам за отработанные трудодни⁴. Жалобы и письма крестьян во власть с информацией о тяжёлом продовольственном положении в сельских районах страны оставались без ответа⁵. Вместо решения продовольственной проблемы власти пошли по пути увеличения

¹ Зима В. Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.). // Отечественная история, 1994, № 3, с. 109-125; Хисамутдинова Р. Р. Антикрестьянская сущность указа президиума Верховного совета СССР от 2 июня 1948 г. и его осуществление на Урале. // Вестник ОГУ, 2002, № 8, с. 56-62.

² Аксёнов Ю., Улюкаев А. О простых решениях непростых проблем. // Коммунист, 1990, № 6, с. 38-47; Попов В. П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М.: НИЦ ЭНАС, 2005.

³ Репинецкий А. И. Никому мы не нужны. Голод 1946 – 1947 гг. в Куйбышевской (Самарской) области. // Самарский научный вестник, 2014, № 4, с. 106-109.

⁴ Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. – М.: РОССПЭН, 2010, с. 198.

⁵ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001, с. 54.

прямых и косвенных налогов. Налоговое бремя сельского населения в период с победного 1945 г. по 1952 г. увеличилось в 3 раза. Данные действия властей, констатирует В. Ф. Зима, обрекли деревню на «медленное угасание»¹. По мнению Р. Р. Хисамутдиновой, стремление властей не допустить сокращения государственного хлебного резерва в 1946 г. определило организацию дополнительных хлебозаготовок. Колхозы и совхозы после выполнения плана хлебосдачи получили дополнительную надбавку к плану, что привело к массовому изъятию хлеба и голоду даже в тех районах, которые не были охвачены засухой². Изъятие хлеба, по утверждению Т. Д. Надькина, проводилось «в духе эпохи военного коммунизма и продразвёрстки»³. Историк В. В. Кондрашин сопоставил и проанализировал «три советских голода» (1921 – 1922, 1932 – 1933 и 1946 – 1947 гг.), что позволило ему сделать вывод об отличии голода 1946 – 1947 гг. от предшествующих периодов массового голода советского времени. По его мнению, голод разразился в то время, когда страна победоносно завершила войну и сталинская модель экономического развития и государственного управления, доказав свою жизнестойкость, нуждалась в стабильности. Причины голода кроются не в действиях властей, которые, по мнению многих исследователей, целенаправленно обрекали миллионы колхозников на голодную смерть, а в последствиях войны и засухи⁴.

Указ от 2 июня 1948 г. предусматривал исключение из колхоза и выселение в отдалённые районы СССР (районы рек Енисей, Оби, Лены) лиц, злостно нарушающих трудовую дисциплину в колхозах. Но ответственность за выселение колхозников власти перекладывали на плечи самих же крестьян, именно собрания сельских граждан принимали решения о выселении «тунеядцев», а райсоветы приговоры сходов только утверждали. Передавая репрессивные функции собранию членов сельскохозяйственной артели, власти стремились показать значимость крестьянских сходов, отсылая к дореволюционному опыту крестьянской общины, когда сельские сходы являлись не только местом решения хозяйственных вопросов, но и местом установления справедливости, решения различных споров¹.

Основной целью репрессий, по мнению Т. Д. Надькина, было желание властей в очередной раз напугать народ, сломить нараставшее антиколхозное

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946 – 1947 гг.: происхождение и последствия. – М.: РАН, 1996, с. 234.

² Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). – Оренбург: ОГПУ, 2003, 608 с.

³ Надькин Т. Д. Указ. соч., с. 198.

⁴ Кондрашин В. В. Три советских голода. // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: история и современность. – Оренбург: ОГПУ, 2007, с. 298-312.

движение². Репрессии оставались составной частью системы государственного управления сельским хозяйством³.

Многие исследователи аграрной истории послевоенного периода отмечают нарастание в экономической и социальной политике советского государства антикрестьянских тенденций, направленных на дальнейшее разрушение традиционного уклада крестьянской жизни и духовно-нравственных ориентиров сельской культуры. Государство, используя различные механизмы, активно продолжало процесс раскрестьянивания деревни. Справедливо утверждение В. А. Ильиных о решающей роли налогово-податной мотивации в данной политике сталинского режима. Так сочетание внутренних и внешних обстоятельств и процессов привело в 1960-е гг. к угасанию крестьянской культуры и традиционного крестьянского образа жизни.

¹ Хасянов О. Р. Их надо выгнать из села вместе с их семьями: практика реализации указа президиума Верховного совета СССР от 2 июня 1948 г. в Ульяновской области в документах государственных архивов. – Ульяновск, 2015, с. 10, 14, 16.

² Надькин Т. Д. Указ. соч., с. 215-217.

³ См.: Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика советского государства на Урале.

Особенности земельных отношений на Кубани в годы революции и Гражданской войны (1917 - 1920 гг.)

Любовь Семененко (Россия)¹

Своеобразие земельных отношений в Кубанской области в ходе радикальных революционных аграрных преобразований определялось характером и составом её населения, имевшего разные права на землю, а также громадным наплывом различных категорий пришлого элемента, не имевшего никаких земельных прав на Кубани, но желавшего их получить в ходе перераспределения земли.

Земельная политика центральной власти по отношению к казачьим землям во второй половине XIX – начале XX вв. была непоследовательна. Первоначально рядом мероприятий, в т. ч. в области землепользования, правительство стремится к организации казачества в тесно замкнутое сословие, а территория области закрепляется за казачьим войском как юридическим лицом. Проживание на казачьих землях лицам неказачьего сословия было безусловно запрещено. В 1860-х гг. была предпринята попытка слияния казачества с прочим населением империи: именно тогда на территории области появилось «невойсковое» население, которое состояло из трёх групп, существенно отличавшихся своим правовым, экономическим положением и историческим происхождением: коренных жителей, иногородних, имевших осёдлость, и иногородних, не имевших осёдлости в области. Последние две группы населения могли вести хозяйство только на покупной или арендованной земле.

К началу XX в. казачье население утратило большинство в населении области и составляло лишь 44,7 % (875 218 чел., в т. ч. 434 964 муж. п. с наделом в среднем на душу по 12,1 дес. земли)². Иногороднее население области составляло 55,3 % или 1 085 583 чел.³

Нуждаясь в военных силах, правительство в конце XIX – начале XX вв. стремится оградить казачьи общины от распада. Для этого предлагались различные проекты изменения юридического положения иногороднего населения области. Однако вопрос не получил окончательного разрешения вслед-

¹ Семененко Любовь Владиславовна, доцент кафедры международного университета «Дубна», филиал ДИНО.

² Отчёт начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1900 год. – Екатеринодар, с. 1. По своему составу казачество не представляло однородной массы, представители других сословий – дворянства и духовенства – составляли в нём соответственно 0,6 % и 0,4 %.

³ К 1914 г. всё население области составляло около 3 млн чел. обоих полов.

ствие начавшейся Первой мировой войны и последовавших затем революционных событий.

Положение иногороднего населения области было в целом хуже, чем у казаков. Об этом говорит тот факт, что рождаемость среди них была ниже, а смертность – выше. Если безземельных казаков вообще не могло быть, то даже коренные крестьяне могли получить землю только путём покупки частновладельческих земель. Но в начале XX в. правительство ассигновало на покупку этих земель значительные суммы, что во многом перекрыло этот канал. Кроме того, покупка земли иногородними была затруднена высокими ценами и мерами по приёму переселенцев из Центральной России в ходе ступинской аграрной реформы. Для этой цели было выделено 5459 душевых долей. В 1913 г. за ходоками было зачислено ещё 1252 доли¹.

Первая мировая война привела к появлению ещё нескольких неполноправных групп населения в области: беженцев и военнопленных, последние в условиях дефицита рабочих рук стали дешёвой рабочей силой и использовались как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Падение царской власти и деморализация армии вызвали появление дезертиров, надеявшихся принять участие в перераспределении земли, чему способствовали большевистские лозунги и агитация в большевистской прессе².

Правовое и материальное положение военнопленных регулировалось рядом международных конвенций. В основу разработанного Главным управлением Генштаба в августе 1914 г. положения о военнопленных мировой войны легло положение от 13.05.1904 с изменениями, касавшимися возможности привлечения военнопленных к принудительному труду без оплаты³. В 1915 г. были выработаны правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы, а затем и для работы в частных промышленных предприятиях⁴.

В начале 1916 г. в области было уже несколько тысяч военнопленных (только пленных австрийцев – до 1,5 тыс. чел.) и 3 тыс. беженцев⁵. На совещании при Главном штабе в феврале 1916 г. войсковое начальство возбудило

¹ Весь Кавказ. Промышленность, торговля, сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. – Баку, 1914, приложения, с. 241-242.

² Борьба за советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг.; сб. док. и матер. – Краснодар, 1957, док. №№ 6, 46. В «Прикубанской правде» был напечатан проект наказа, призывавшего солдат посылать своих депутатов в советы и комитеты, под контролем которых должна была отбираться помещичья земля на Кубани, и там же говорилось о возможности принять участие в дележе земли.

³ Библиотека РГИА, коллекция печатных записок, коллекция № 56722.

⁴ Там же, коллекция № 2434. Управление военнопленными распределялось между военведом (взяты в плен в сражениях) и МВД (задерживаемые внутри империи военнообязанные иностранных государств, воюющих с Россией).

⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 449, оп. 12, д. 4.

ходатайство о предоставлении в распоряжение населения до 7,5 тыс. пленных турок. Желая сосредоточить в области до 10 тыс. рабочих рук, оно, однако, отказалось принять пленных немцев (около 10 тыс. чел.), согласившись только на австрийцев. Одной из причин отказа было проведённое в 1916 г. исследование причин недостаточной продуктивности свинцово-цинково-серебряного рудника «Эльбрус», главным инженером на котором был немец Кох, а рабочими – военнопленные. Розыск якобы показал, что дела на руднике велись намеренно так, чтобы «необходимый материал для армии не был добыт своевременно и в достаточном количестве»¹.

Со временем численность последних групп пришлого населения только росла. К началу 1920 г. в области скопилось до 175 тыс. беженцев Гражданской войны, до 100 тыс. – мировой войны и более 20 тыс. чел. военнопленных, главным образом турецких подданных².

В 1919 г. большевиками были предприняты меры по колонизации области (постановление Наркомата земледелия от 24 апреля 1919 г., при том что переселение из центральных губерний России разрешалось только в Сибирь)³, а в 1920 г. в области расквартировали Кавказскую армию труда, в составе которой к сентябрю 1920 г. находился 41 971 едок⁴.

Уже первые попытки разрешения земельного вопроса на Кубани в ходе революционных преобразований 1917 г. раскололи население области на два враждебных лагеря: казаки считали введение земства ущемлением своих прав, облисполком же пытался учесть интересы иногородних и разрешить земельный вопрос через земельные комитеты.

5 октября 1917 г. Казачья краевая рада приняла постановление об отделении Кубани от России. Это и ряд других обстоятельств вызвали немедленную реакцию Кавказского фронта. Так, 3-я дивизия, в которой было особенно много иногородних жителей области, самовольно собралась под Александрополем и потребовала отправки в область.

В области скопилось много дезертиров, надеявшихся принять участие в распределении земли, а также беженцев и военнопленных, поддерживавших идеи большевистских декретов о мире и о земле. Со второй половины ноября

¹ ГАКК, ф. 449, оп. 12, д. 4.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. Р-3758, оп. 1, д. 55, л. 7об.

³ ГАКК, ф. Р-60, оп. 1, д. 1, л. 24.

⁴ ГАРО, ф. Р-3758, оп. 1, д. 20, л. 156. Преобразование боевых армий в трудовые давало возможность обеспечить создаваемые государственные хозяйства – совхозы – рабочими руками. Позднее армия, претерпев ряд преобразований, превратилась в краевой орган управления экономикой края – крайэконо. Также на Кубань вновь был распространён декрет об обязательном социальном страховании крестьян от 22 декабря 1917 г. (постановление Кубано-Черноморского областного ВРК от 1 апреля 1920 г.).

1917 г., после подписания перемирия с Турцией, начался «хаотичный отход русских корпусов с фронта».

Право внеочередной перевозки большевики предоставили создававшимся добровольческим отрядам для борьбы с контрреволюцией на Дону и Кубани¹. С их помощью, в ряде случаев под угрозой применения к непокорным станицам удушливых газов и других репрессий², на территории области уже к марту 1918 г. была установлена советская власть, созданы советы с земельными и прочими комиссиями при них. Большинство же оппозиционно настроенных казачьих частей удерживалось на фронтах мировой войны, по заявлению Л. Троцкого делегатам этих частей, на положении заложников.

На I Кубанском областном съезде советов, состоявшемся в Армавире 1 (14) февраля 1918 г. была принята резолюция о проведении в жизнь декрета советского правительства о земле и введены правила о деятельности волостных земельных комиссий³. Во многих населённых пунктах приступили к разделу земли и наметили даты проведения отдельных съездов для рассмотрения земельного и других вопросов. Крестьянами были национализированы земли свеклосахарных заводов, на сходах принимались решения, например такие: «Работать на государство... Работу полевую производить от солнца до солнца», с отдельной платой за сверхурочные⁴.

Следует признать, что складывавшиеся подобным образом земельные отношения практически не нарушали традиционных форм землепользования и быта большинства населения области и поэтому были восприняты более или менее спокойно. Население с большой охотой приобретало частновладельческие земли и готово было защищать их с оружием в руках. Возможно, именно поэтому при наступлении Добровольческой армии на Кубань в марте-апреле 1918 г. она не встретила поддержки большинства населения и, потеряв 13 апреля убитым генерала Л. Корнилова, вынуждена была отступить.

Однако иллюзии о возможности разрешения земельного вопроса путём уравнительного распределения земли вскоре рассеялись. При всём желании оказалось невозможным наделить всех землёй, особенно прибывших в область после 1917 г. в надежде на «водворение» при развёрстке земли. Население стало самостоятельно захватывать земли, не предназначенные для распределения, так называемые высококультурные. Каждая сельская или станичная община замкнулась в хозяйственной жизни и целиком была поглощена своими земельными проблемами. Такая община очень болезненно реагировала, а чаще игнорировала вмешательство центральной власти в свои хозяйственные и фи-

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 5 т., т. 2. – Берлин, 1922, с. 184.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), ф. 2930, оп. 1, д. 108, л. 1.

³ Борьба за советскую власть на Кубани, док. №№ 3, 118.

⁴ ЦДНИКК, ф. 1774, оп. 2, д. 131.

нансовые дела. Так, чувствуя себя хозяином в казачьем отделе, Армавирский совет присвоил себе, в соответствии с принципом формирования местного бюджета, многомиллионное имущество, оставленное на хранение проходящими эшелонами. На требование вернуть имущество председатель совета заявил: «Мы вас знать не знаем, что у нас, то наше, народного достояния мы не признаём»¹.

Чтобы удержаться в подобной ситуации у власти, большевики делают ставку на Гражданскую войну. В конце января 1919 г. В. И. Ленин скажет: «Не сошедший с ума социалист или анархист... не может решиться сказать... что можно прийти к социализму без гражданской войны»².

Изданием ряда правовых актов правительство берёт курс на насаждение «коммунизма в земледелии», построение которого объявляется основной задачей и конечной целью аграрных преобразований³. Высшей формой обобществления хозяйства признавались совхозы как государственные хозяйства, затем коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли⁴. Созданные сельскохозяйственные коллективы становились «организованной формой поддержки советской власти»⁵ и тем колонизационным элементом, который помог большевикам «наладить дело, обессилить казаков, внутри разложить их, создать группы по деревням»⁶.

В соответствии с новой политикой менялись и принципы формирования местного бюджета: средствами Кубанской республики признавалось всё имущество её населения, превышавшее 10 тыс. руб., а также подлежавшие конфискации у населения золотые, серебряные, платиновые вещи и слитки сверх определённой нормы на человека⁷.

В этот период военнопленные вражеских держав становятся важнейшим фактором внешней и внутренней политики. Они используются в военных и трудовых целях. В ведении Наркомвоена создаётся специальное ведомство – Центропленбеж, на которое возлагается наряду с другими функциями «ведение военнопленными Гражданской войны»⁸. В военном отношении они объединяются в федерации иностранных групп под общим руководством Центральной федерации иностранных групп, утверждённой РКП(б).

¹ ЦДНИКК, ф. 2830, оп. 1, д. 108, л. 9-10 об.

² Ленин В. И. ПСС. т. 36, с. 416.

³ Основные правила техники поземельного устройства. – М., 1918, ст. 2.

⁴ Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к коммунистическому земледелию от 14 февраля 1919 г. (принято ВЦИК). – Орёл, 1919.

⁵ Отчёт НКЗ РСФСР за 1924 – 1925 гг. – М., 1926, с. 76.

⁶ Ленин о Доне и Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1969, с. 420. Колонисты-иностранцы прибывали в Россию в т. ч. под видом русских военнопленных, возвращавшихся на родину.

⁷ Борьба за советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг. Т. 1, док. № 157.

⁸ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 1, д. 5, л. 117.

Из военнопленных формировались комбеды и партизанские отряды, части особого назначения¹.

На Кубани также формируются интернациональные отряды. Достоверных сведений об общей численности интернациональных частей, сражавшихся на Кавказе, не имеется, так как главком Северо-Кавказской армии А. И. Автономов (он же полномочный представитель Юго-Восточного штаба частей Красной армии) не вёл такого рода учёта. Есть лишь отрывочные сведения. Согласно донесению в РВС РСФСР руководителя Венгерской группы РКП(б) И. Ковача, являвшегося одновременно членом Иностранного военного совета Каспийско-Кавказского фронта, в декабре 1918 г. на Кавказе находилось около 15 тыс. военнопленных-интернационалистов². Но в списках фронтов числилось лишь 5 тыс. Всего же в России к концу октября 1918 г. численность интернациональных частей составляла около 50 тыс. добровольцев. Условиями приёма являлись: принятие советского гражданства, рекомендация Комитета иностранцев-интернационалистов, устный экзамен по вопросам текущего момента и принятие торжественного обещания о преданности советской власти³.

Военная сила в регионе оказалась единственной опорой центра в проведении политики насаждения «коммунизма в земледелии». Большевики берут под опеку хозяйства красноармейцев. Действуя на основании декрета об обязательном социальном страховании крестьян от 22 декабря 1917 г. и декрета об отмене наследования, военные власти в лице главкома Северо-Кавказской армии и полномочного представителя советского правительства А. И. Автономова начали реквизиции и конфискации, а также принудительные трудовые мобилизации. Грабилось казачье население, награбленное имущество разбиралось не только лицами из состава советских органов власти, но и отдавалось наиболее безнравственной части иногороднего населения. При этих грабежах отнималось всё, начиная от скота, строевой лошади, кончая детской рубашкой¹.

Итогом проведения такой политики в 1918 г. стала ещё одна попытка отделения Кубани от России и занятие области Добровольческой армией. Земельная политика Добровольческой армии также не смогла примирить население области, и в марте 1919 г. область снова была занята большевиками,

¹ ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 140, д. 6, л. 24. Некоторые из пленных оказались причастными к убийству царской семьи в Екатеринбурге. Одним из непосредственных убийц был немецкий пленный, мадьяр Андраш Вергаш. Шофёры, причастные к делу: австрийский пленный Франц Иррер, Генрих Фатгер и др.

² Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть советов в России. 1917 – 1920. – М., 1987, с. 418.

³ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов на юге и востоке республики. – М., 1971, с. 227.

которые продолжили свою политику насаждения «коммунизма в земледелии» и колонизации России коммунистическим элементом. На Кубань было распространено общероссийское законодательство.

На основании декрета об обязательном социальном страховании красноармейцы вновь получили возможность принудительного использования инвентаря, рабочего скота и рабочей силы местного населения, а также получения семенной ссуды, выдаваемой государством из изъятого у населения по продразвёрстке семенного материала. Приказом областной Комиссии по борьбе с дезертирством от 23 мая 1920 г. к выполнению урочных работ в хозяйствах красноармейцев должны были приговариваться члены семей дезертиров, а имущество их конфисковывалось. При отказе от общественных работ они подлежали расстрелу².

Определённая часть хозяйственных работ выполнялась трудармейцами Кавказской армии труда. В области производились трудовые мобилизации, для использования труда мобилизованных в составе трудовой армии в июне 1920 г. создаётся концлагерь военнопленных (эксплуатационный полк). Первые военнопленные поступили в концлагерь в связи с изданием особуполномоченным Кавказского фронта Атарбековым приказа № 16 от 26 мая 1920 г. о заключении в концлагерь всех торговцев первого и второго разрядов, чиновников бывших правительств не ниже пятого класса, бывших офицерских чинов и т. п., а также владельцев земельных участков более 100 дес. и имущества на сумму более 15 тыс. руб., независимо от того, проживали они в области постоянно или временно³. Туда же помещались осуждённые коллегией кубанской ЧК. Осуждённым выдавалась половина пайка, трудмобилизованным паёк выдавался полностью. В 1920 г. в лагере было заключено 523 чел., из которых убыло 230 чел.⁴ Заключённые использовались «исключительно для физических работ по нарядам соответствующих органов». Всего была оказана помощь 65 082 хозяйствам⁵.

Таким образом, специфика поземельных отношений в области определялась составом её населения. Придя к власти, большевики сделали ставку на пришлое население, в числе которого были военнопленные держав Четвертого союза и завербованные за рубежом колонисты, согласные вести хозяйство на коммунистических началах.

¹ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам особой следственной комиссии. // Вопросы истории, 2001, № 8, с. 28.

² ГАКК, ф. Р-650, оп. 1, д. 44, л. 136.

³ ГАРО, ф. Р-3758, оп. 1, д. 11, л. 75.

⁴ Доклад областного отдела управления. // Расширенный пленум КЧОИКа с 16 по 19 мая 1921 г. – Краснодар, 1921, с. 6.

⁵ ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 206, л. 21-24 об.

„Свой“ и „чужой“ в крестьянской среде в годы революционных событий (1917 - 1922 гг.)

Денис Бузаев (Россия)¹

Один из корреспондентов сызранской газеты «Известия» Ю. Кириш в 1919 г. характеризовал деревню следующим образом: «Ещё недавно, – писал он, – деревня представляла из себя единое целое, так называемый крестьянский мир. Крестьяне говорили одним языком, “думали одну думу”, как получить побольше земли и как прогнать ненавистных помещиков. Остальным крестьяне не интересовались, потому что всё это остальное для них было далёким, недоступным... В настоящее время картина резко изменилась. Всё, чем ещё недавно жила деревня, исчезло. Канул в вечность и крестьянский мир, которому так удивлялись сахарные мечтатели буржуазного пошиба, который так называемые народники восхваляли как идеал человечества»². Революционные события 1917 г. действительно «перевернули» деревню. Свидетельства документов, заметки газетных статей того времени и воспоминания заставляют сравнить крестьянский мир с бурлящим котлом, в котором есть «свои» и есть «чужие». И в этом образе содержится вся сложность понимания крестьянства в годы революционных потрясений.

Следует отметить, что уже в 1919 г. многие обращают внимание на «тяжёлую психологию крестьянства». Было бы слишком просто объяснить эти процессы с точки зрения марксистско-ленинских клише. Причины раскола легко прослеживаются и объясняются, если в дело вмешивается политический мотив. И здесь чётко можно увидеть «своих» и «чужих». Но тогда определённо возникали такие пограничные ситуации, когда под категорию «чужой» могли попасть вне зависимости от материального положения.

«Чужой» – не «свой», не собственный, не родной, не из своей семьи, посторонний. «Свой» значит родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью³. Понятия «свой» – «чужой», точнее принадлежность к «своим» и к «чужим», у крестьян менялись. Всё зависело от конкретной ситуации в определённое время и в определённом месте. Отношение к «чужим» и соотнесение себя со «своими» имеет свою логику. Несмотря на всю массу событий

¹ Бузаев Денис Евгеньевич, аспирант УлГПУ им. И. Н. Ульянова.

² Кириш Ю. И. В деревне. // Известия, 1919, 5 июня.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов; под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990, 921 с.

в деревне, в эволюции деления крестьян на «своих» и «чужих» можно выделить несколько этапов.

Первый этап характеризуется борьбой крестьян с помещиками (1917 г.). Помещик попадал в категорию «чужих» не только в силу своего сословного и культурно-образовательного уровня. Помещик являлся ещё и главным экономическим конкурентом, что максимально противопоставляло его крестьянскому миру, миру ещё целому, не расколотому. Были «чужие» – помещики, и были «свои» – крестьяне. Такая противоположность в сознании сторон была осмысленной. Бывшая землевладелица хутора Вязовой Верхне-Мазинской волости Сызранского уезда С. Н. Буторова прямо пишет в своих воспоминаниях: «Установилось какое-то враждебное отношение между ними и нами»¹.

Процесс деления на «своих» и «чужих» в крестьянской среде не остановился после захвата помещичьих земель и изгнания из своих деревень дворян-землевладельцев. Под категорию «чужие» стали попадать лица, которые по тем или иным позициям не устраивали большую часть крестьянского общества. Это второй этап разделения крестьян. И на этом этапе вопрос о земле как основе экономического благополучия временно уходит на второй план. Здесь прослеживается психоэмоциональная сторона взаимоотношений. «Первым действием революционным было призвание в Волостное правление двух стражников, живущих в Верхней Мазе (Сызранский уезд – Д. Б.), и управляющего моего брата, латыша Карла Карловича Лаубе, которого крестьяне очень не любили», – пишет С. Н. Буторова. Во время крестьянского схода в марте 1918 г. в той же Верхней Мазе было убито несколько крестьян-односельчан за то, что они «прислуживали барину» (Н. Н. Давыдову), то есть не отказались на него работать и не поддержали толпу, настроенную против помещика. Многие эстонцы и австрийцы, работавшие у помещицы С. Н. Буторовой, избежали расправы на этом сходе, бежав в лес Атмалы. Вот проявление того самого брожения, бурления крестьянской массы, что отмечал тот же Ю. Кирш в газете «Известия»: «Деревня переживает дни тревог и волнений»².

В 1919 г. при посредстве советской власти в Сызранском уезде были организованы сборы пожертвований для нужд тех германских и австро-венгерских военнопленных, которые были распределены по сёлам и деревням. Несомненно, военнопленные были «чужими» русскому крестьянству в целом. Но акция помощи военнопленным вновь разделила крестьян на сторонников и противников, на «своих» и «чужих», что подогревалось слухами и агитацией. И так было во многих сёлах. В той же Верхней Мазе «прибывшие пленные обратились с просьбой в местный совет за содействием, но ничего не получили. Тогда собравшаяся отдельно беднота в количестве сто душ с улицы Корея постановила: удовлетворить просьбы прибывших... Было со-

¹ Буторова С.Н. Мои воспоминания. 1862-1917. Б.м., б.г., л. 56.

² Кирш Ю. И. Указ. соч.

брано 50 пуд. ржи и 230 руб. денег. Это не понравилось кулакам. Они и повели агитацию»¹. Село вновь разделилось.

На этих небольших примерах можно увидеть сначала незаметный, потом более явный процесс складывания двух противоположных сил в крестьянском обществе. Всё отчётливее вырисовываются две группы: богачи-кулаки и бедняки. Таким образом, оппозиция «свой» – «чужой» плавно проникает вглубь самого крестьянства.

Большое влияние на раскол крестьянства оказала политика большевиков. 9 мая 1918 г. ВЦИК и СНК принимают декрет «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией». СНК призвал крестьян к «объединению для беспощадной борьбы с кулаками». 11 июня 1918 г. был принят декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжения её хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». То есть создавались знаменитые комбеды (комитеты бедноты), а понятие «сельская буржуазия», или «кулаки», выводимое из социально-экономической основы, обретает политическую подоплёку и, по сути, делит крестьян на два враждующих лагеря. Так, в постановлении президиума Карсунского уездного исполнительного комитета указывается на необходимость «сбора контрибуции с зажиточных граждан местного населения, для чего последние, то есть комитеты деревенской бедноты, как сельские, так и волостные, должны составить списки зажиточных граждан своего села или деревни с указанием сумм наложения на каждого гражданина»². Документ датирован ноябрём 1918 г., и в нём ещё нет чёткого разделения на «своих» и «чужих», а вместо понятия «кулак» в документе используется термин «зажиточный гражданин». Это потом, когда новая власть окрепнет, она более жёстко укажет каждому своё место. В середине 1919 г. газета «Известия» уже пишет: в селе Тимошкино Сызранского уезда крестьяне разделились на две враждебные партии: богачей и бедняков³.

«Нет единства настроения между деревнями, как нет этого единства в населении любой деревни. Факт классового расслоения деревенского населения всюду бросается в глаза в общественных и личных отношениях»⁴. С одной стороны, из среды крестьянства звучит: «Советская власть – это наша власть, и мы её никому не уступим!»⁵ С другой стороны, коммуна, как называли коммуны

¹ Село Верхняя Маза Верхнемазинской волости. // Известия, 1919, 5 июня.

² Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 – март 1919 гг.). Сборник документов, т. 1. – Ульяновск: Ульяновское книжное изд-во, 1958, 487 с.

³ По уезду. // Известия, 1919, 6 июля.

⁴ Рыжиков А. Вести из деревни. // Известия, 1919, 7 февраля.

⁵ Там же.

крестьяне, вызывала больше страха, чем слово «антихрист», так как «антихриста ещё не видать, а коммуна уже в соседнем селе»¹.

Есть ещё одна прослойка крестьянства, которая говорила: «Мы ведь от власти не идём; мы всякой власти повинемся»².

К 1919 г. стараниями новой власти всё кулачество было настроено против коммунистов. Особенно заметно было противостояние во время перевыборов сельских и волостных советов, где богачи деревни вместе с поддерживавшими их середняками старались провести в совет своего кандидата, а бедняки, также с частью середняков – своего. Политика большевиков по поддержке бедняков только усиливала раскол, нередко провоцируя взрывы негодования части крестьянства. Например, в селе Новая Рачейка Сызранского уезда в день выборов перед народом выступил инструктор, назначенный уездной комиссией для руководства и ведения выборов. Он призвал крестьянство сплотиться и работать только в пользу Советской Республики. Затем инструктор огласил список не имеющих права голосовать и быть избранными. Таковых оказалось около ста человек. В результате «все лишённые права участвовать в выборах до того возмутились, стали кричать, а главное, некоторые вели среди своих пропаганду, чтобы сорвать выборы»³. В итоге лица, лишённые избирательных прав, были вынуждены удалиться с собрания. В Кашпирской волости Сызранского уезда на собрании для выборов сельского совета явившихся кулаков и бывших торговцев также хотели удалить, но те не желали уходить, кричали, называя себя борцами за свободу⁴.

Негативная реакция части крестьян справедлива и вполне обоснована.

Для новой власти зажиточные крестьяне становятся «негодным элементом». «Свои» же, которых советская власть называла по-разному – это «истинные бедняки», «достойные лица», «товарищи».

В сызранскую чрезвычайку из многих сёл и деревень стекались сообщения о кулаках. В результате кулакам приходилось искать всевозможные выходы, чтобы не попасть в такие списки. «Известия» негодовали: когда в с. Большая Борла «прибыла бумажка от Сенгилеевского исполкома с требованием списка кулаков, они, кулаки, написали бумагу, что в с. Б. Борла кулаков нет. Бедняки подписали этот кулацкий приговор»⁵.

Во время введения чрезвычайного революционного налога, наносившего удар в первую очередь по зажиточной прослойке крестьянства, многие кулаки постарались слиться с общей массой бедняков. Тогда – «вот, дескать, нам не придётся платить, так как советская власть освобождает бедня-

¹ Кириш Ю. И. В деревне. // Известия, 1919, 12 июня.

² Рыжиков А. Указ. соч.

³ Перевыборы советов. // Известия, 1919, 5 февраля.

⁴ Кашпирская волость. // Известия, 1919, 13 февраля.

⁵ С. Большая Борла. // Известия, 1919, 27 апреля.

ков»¹. Но для советской власти зажиточные крестьяне являлись «чужими». Для взыскания чрезвычайного налога формировались комиссии, в состав которых принимались «истинные» бедняки. В задачу комиссий входила опись имущества сельчан, дабы можно было правильно разложить чрезвычайный налог. Описи создавались на сельских сходах. На них в ходе крестьянских дебатов отчётливо выделились две противоборствующие стороны.

Наглядно этот процесс можно проследить на примере схода, состоявшегося в с. Горбуновка Шигонской волости Сызранского уезда 25 января 1919 г.: «После обмена мнений бедняки стали намечать кандидатов из членов ячейки коммунистической партии. Это не понравилось кулакам. Особенно на собрании отличился Широков, который делал дерзкие, ни на чём не основанные замечания по адресу партийной ячейки, упрекая одного выставленного кандидата в том, что тот не знает психологии, геометрии и поэтому недостойн быть членом комиссии по описи имущества. Бедняки хотели выставить достопримечательного оратора за двери, но тут кулаки подняли такой адский шум, что хоть караул кричи, и разошлись по домам. Вечером того же дня... приехал председатель волостного совета и созвали вторичный сход. Председатель волостного совета выяснил, какой должен быть состав волостного совета, и просил назвать кандидатов. Кулаки опять с криком и шумом выставили своих кандидатов»². На этом сходе победителями вышли кулаки.

Следует заметить, что это не единственный случай, когда кулаки одержали победу на выборах. Так было во многих сёлах. Во время перевыборов Старо-Тимошкинского волостного совета его членами стали лица, которые открыто выступали против советской власти³. В селе Старый Язине во время перевыборов в совет вошли те самые чуждые для советской власти элементы. Причины таких результатов на выборах заключались в том, что, несмотря на раскол деревни на «своих» и «чужих», на селе господствовали кровнородственные отношения: «То брат, то сват, а как не порадеть родному человеку?» Да и давление государства сплачивало деревню.

Противоречивые отношения между «своими» и «чужими» к весне 1919 г. достигли своего апогея. 12 марта в Среднем Поволжье начинается одно из самых крупных крестьянских восстаний на территории Европейской России. В Сызранском уезде Симбирской губернии мятеж был поднят в Мало-Борлинской, Троицкой, Усинской, Жемковской, Трубецкой и Заборовской волостях. Большая часть крестьянских воззваний была направлена против коммунистов.

¹ Село Усолье. // Известия, 1919, 22 февраля.

² По уезду. // Известия, 1919, 4 февраля.

³ Кулаки работают. // Известия, 1919, 25 апреля.

Одних сторонников советской власти избивали либо убивали, других под угрозой смерти заставляли отказаться от партии. После разгрома оставших одного крестьянина, участвовавшего в избииении членов старых советов, спросили:

- За что же ты его (председателя старого волостного совета – Б. Д.) бил?
- Да как же было не бить-то, когда он настоящий ведь грабитель? – довольно резко заявляет обвиняемый.
- Что же он грабил и у кого? – спрашивают.
- Да что же? Известно что – хлеб у пискулянтов (спекулянтов) отбирал... Чай, ни одного пуда не давал в город отвезти, всё отбирал¹.

Так реагировали крестьяне на классовую позицию большевиков.

Революция 1917 г. и последующие события вскрыли целый пласт противоречий в крестьянском мире. Раскол деревни на «чужих» и «своих» не появился в одночасье. Противоречия возникли задолго до революционных событий 1917 г. Раскол на «чужих» и «своих» во многом был вызван материальными причинами, связанными с земельной собственностью. Это, в первую очередь, общинный передел земли с его бесконечными спорами за лучшие земли.

В период становления капитализма крестьянское общество разделилось на три категории: зажиточные крестьяне (кулаки), производившие продукцию, используя наёмный труд и продавая излишки своей продукции на рынке; промежуточные крестьяне (середняки), способные прокормить себя и свою семью, но не использовавшие наёмный труд и не имевшие излишков на продажу; беднейшие крестьяне (бедняки, или батраки), не имевшие или имевшие слишком мало земли, чтобы прокормить себя и свою семью. Именно тогда и здесь были заложены глубокие социально-идейные противоречия. Раскол на «своих» и «чужих» лежит скорее в конфликте между индивидуалистическими началами и принципами коллективизма.

Немалую роль в процессе деления сыграли сельские общества, сложившиеся после отмены крепостного права. Противоречия, развивавшиеся в течение всего периода существования этих обществ, в годы революции усилились. Курс большевиков на классовое размежевание внёс коррективы и во взаимоотношения между крестьянами. Поэтому обвинение только в адрес большевиков в их ответственности за деление крестьянского общества на «своих» и «чужих» было бы ошибочным. Период с 1917 по 1922 гг. представляется лишь одним из этапов в процессе крестьянского раскола. Деление на «своих» и «чужих» продолжилось до 1929 г. Внедрение нового порядка землепользования лишь немного приостановило, приглушило, смягчило противоречия, но не искоренило их.

¹ По свежим следам. // Известия, 1919, 16 апреля.

Наследство революции? Моральный облик председателей колхоза Ульяновского района Куйбышевского края (1936 - 1938 гг.)

Дмитрий Точёный, Наталия Точёная (Россия)¹

Воссоздавая коллективный портрет председательского корпуса 30-х гг. XX в., советские историки не мудрствовали лукаво: в соответствии с идеологическими установками ВКП(б) они делили руководителей колхозов на две категории. В первую зачисляли верных сынов партии и советской власти, верой и правдой служивших своему народу. Во вторую записывались враги народа (кулаки-вредители и их подголоски). Соотношение хороших и плохих, по мнению Е. И. Ларькиной, было следующим: искренних приверженцев социалистического преобразования деревни насчитывалось 85,8 %, а классовых чужаков, недобитых врагов – 14,2 %². Исследователи процесса коллективизации дружно пели гимны председателям колхозов, которые, преодолевая яростное сопротивление капиталистических элементов, добивались невиданных успехов в подъёме сельского хозяйства.

Авторы вузовского учебника по истории СССР, изданного в 1977 г., подчеркнули, что «партийные и советские органы уделили большое внимание подготовке колхозных кадров, вырастили множество талантливых руководителей, замечательных передовиков производства. Такими были П. А. Прозоров (Вятская губ.), Ф. И. Дубковецкий (Украина), С. К. Коротков (Чувашия) и другие председатели правления сельхозартелей»³. Лишь после распада СССР наши обществоведы-аграрники получили возможность перейти от обязательного восхваления всех аспектов коллективизации к более трезвым, реалистическим оценкам «величайшей революции в российской деревне». Так, некоторые отечественные историки не только выразили сомнение в том, что у большинства председателей колхозов наличествовал полный набор замечательных качеств организатора, но и указали на отсутствие таковых⁴.

Из числа зарубежных историков, специализирующихся на изучении руководящего состава сельхозартелей 30-х гг. XX в., следует, в первую очередь, отметить вклад Ш. Фицпатрик, профессора Чикагского университета. Её ха-

¹ Точёный Дмитрий Степанович, доктор исторических наук, профессор УлГУ. Точёная Наталия Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент УлГУ.

² Ларькина Е. И. Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. – М., 1960, с. 109.

³ История СССР. Эпоха социализма; отв. ред. С. А. Сераев. – М., 1977, с. 231, 265.

⁴ История; отв. ред. П. А. Волков. – Ульяновск, 2014, с. 414.

рактика председательского корпуса отличается глубиной, яркостью и оригинальностью. В монографии «Сталинские крестьяне» она подчёркивает: «Председатели, ведущие себя как “колхозные царьки”, именовали себя “хозяевами” и смотрели на колхоз как на свою вотчину. Они распоряжались колхозным имуществом как им заблагорассудится, и нередко становились мишенью жалоб и обвинений со стороны остальных крестьян. Чаще всего звучали обвинения в продаже на рынке колхозной продукции и присвоении выручки; расширении собственного приусадебного участка; захвате в единоличное пользование колхозных лошадей и грузовиков; покровительстве родственникам, которые освобождались от полевых работ, посылались на курсы в район и пр.»¹.

К сожалению, масштабное историческое полотно Ш. Фицпатрик, запечатлевшее председательский корпус в период коллективизации, страдает расплывчатостью. С одной стороны, в нём в реалистических тонах нарисованы взяточники, воры, пьяницы, карьеристы, а с другой – оно не даёт представления об удельном весе каждой из названных категорий алкоголиков, мошенников, жуликов и др. Также по прочтении этой книги возникает естественный вопрос: неужели в таком множестве председателей колхозов Ш. Фицпатрик не встретила ни одного лица, хотя бы отдалённо напоминавшего С. Давыдова, положительного героя популярного романа советского писателя Михаила Шолохова «Поднятая целина»? Указанные недочёты американской исследовательницы до известной степени закономерны. Она была вынуждена часто прибегать к иллюстративному методу, поскольку региональных работ о деятельности председателей колхозов практически нет. Поэтому цель данной статьи – хотя бы фрагментарно восполнить имеющийся пробел, то есть выяснить, что же собой представляли руководители колхозов Ульяновского района Куйбышевского края в период Большого террора.

Основной источниковой базой нашего исследования являются материалы большевистской газеты «Пролетарский путь», издававшейся в то время на родине Ленина. Казалось, что интересного и полезного можно найти на страницах печатного органа Ульяновского горкома ВКП(б)? Вся сталинская пресса была образцом затуманивания всех недостатков в жизни Страны Советов, эталоном бессовестного камуфляжа и лакировки. Она много писала о том, что колхозное бытие – это символ веселья и радости. Но, видимо, многие фигуры руководителей сельхозартелей были столь ужасны и уродливы, что не поддавались никакому искусственному гриму, который пытались наложить журналисты и пропагандисты коммунистического аппарата. Во всяком случае, если та или иная совет-

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001, с. 217.

ская газета признавала сквозь зубы какие-то негативные поступки председателей колхозов, то нельзя было сомневаться в достоверности таких фактов.

Понятно, что во второй половине 30-х гг. «Пролетарский путь» уделял большое внимание процессу коллективизации. Корреспонденты газеты с ног сбивались в поисках передовиков производства («маяков»). Редкий номер выходил без материалов об ударниках и стахановцах. И таковых с большим или меньшим трудом журналисты находили среди рядовых тружеников полей (трактористов, комбайнёров, скотников, доярок, свинок): уж во всяком случае, некоторые из них отличались трудолюбием, старательностью и перевыполняли производственные нормы. Хуже было с подготовкой очерков о председателях колхозов. Конечно, любого из них можно было без особого напряжения – при наличии доли фантазии – изобразить героем. Но вся проблема заключалась в том, что превратить беспомощного или заурядного руководителя в образцового лидера журналист мог при одном жёстком условии – при выполнении колхозом плановых показателей. А вот с этим была почти всегда беда: редкое коллективное хозяйство (а в Ульяновском районе их насчитывалось 59) блистало хотя бы скромными успехами или элементарным благополучием.

Поэтому за период 1936 – 1938 гг. на страницах «Пролетарского пути» были помещены развёрнутые, обстоятельные материалы только об одном подлинном организаторе, талантливом сельском администраторе и порядочном человеке – А. Сучковой, возглавлявшей колхоз им. Володарского. 22 ноября 1936 г. газета опубликовала её рассказ о своём любимом детище: «Я горжусь своим колхозом. Да и как не гордиться! В начале октября мы выполнили план хлебопоставок. Всё вовремя убрали. Семена засыпали. Да и соседнему колхозу им. Будённого помогли убрать картофель. Богатеет наш колхоз. Построили мы в нынешнем году свинарник на 30 маток, коровник на 30 голов, зернохранилище на 80 тонн, общежития на полевых станах. Купили конные грабли, сортировку и самосброску. И всё на свои колхозные денежки. Только на литературу нам не пришлось тратить: наша библиотека получила весной премию 500 рублей за хорошую работу. Вот и накопили на них книг. Скоро вытянем наш колхоз в миллионеры. Ведь у нас уже есть маслозавод, мельница и просорушка»¹.

В первый день 1937 г. А. Сучкова по просьбе корреспондента «Пролетарского пути» поведала об основных вехах своей биографии: «С 10 лет я вместе с родителями батрачила на кулаков, грузила соль на пристани, работала на стройке волжского моста. Только при советской власти я перестала испытывать ужасы нищеты, познала настоящую жизнь. Коммунистическая партия и

¹ Пролетарский путь, 1936, 22 ноября.

советская власть воспитали из меня, малограмотной крестьянки, не знавшей ничего, кроме кухни, активную участницу социалистического строительства. Я руковожу колхозом, радуюсь, что он крепкий. Я удостоилась высокой чести быть избранницей народа – делегаткой Чрезвычайного всероссийского съезда советов, который утвердит Конституцию РСФСР»¹.

И в дальнейшем «Пролетарский путь» не обходил вниманием лучшего председателя в районе. Более чем любопытен репортаж, помещённый в номере за 28 марта 1938 г.: «Рано вышедшее солнце застало колхозников сельхозартели им. Володарского на ногах – у конюшен, амбаров, мастерских. Они начали трудовой день сегодня раньше обычного, потому что у них последний смотр готовности к севу. К месту смотра рано начали сходитьсь молодые и старые; пришли кузнецы, конюхи и даже колхозный повар в полной форме – поварском колпаке. До начала смотра конюхи ещё раз почистили лошадей, старики проверили сбрую – всё ли крепко прилажено. На митинге, которым открылся смотр, председатель правления тов. Сучкова заявила от имени колхозников: “Встречая большевистскую весну, мы берём на себя обязательство получить ещё более высокий урожай, чем в прошлом году. Тогда у нас не хватало тягла, фуража, сельхозмашин. Теперь всё это мы имеем в достатке”. После митинга специальная комиссия при активном участии всех колхозников детально проверила готовность бригад к севу. Она установила полную готовность к началу всех весенних полевых работ».

Колхоз им. Володарского корреспонденты посещали с удовольствием. Во-первых, он располагался рядом с Ульяновском. Во-вторых, их радовала возможность писать, ничего не приукрашивая. Коллективное хозяйство, руководимое А. Сучковой, действительно прогрессировало день ото дня (попутно заметим, что оно серьёзно дотировалось заводом им. Володарского). Так, буквально через неделю «Пролетарский путь» зафиксировал в колхозе приятные перемены, связанные с развитием культуры в сфере производства: «Полевые станы здесь оборудованы лучше, чем в других колхозах. Все помещения приведены в приличный вид. В общежитиях устанавливается радио. Правление колхоза приобрело художественную и политическую литературу, выписало местные, областные и центральные газеты и журналы. Большую заботу демонстрируют руководители о питании на полевых станах. Обед будет здесь готовиться из двух блюд, а для стахановцев – из трёх. Оборудованы кухни, приобретена эмалированная посуда, выделены повара»².

А. Сучкову районные руководители квалифицировали как образцового председателя колхоза и рекомендовали всем сельским управленцам брать

¹ Пролетарский путь, 1937, 1 января.

² Пролетарский путь, 1938, 4 апреля.

с неё пример. Образно выражаясь, её работу они оценивали на отлично с двумя-тремя плюсами. Чуть пониже (на подступах к пьедесталу) стояла ещё одна женская фигура: то была А. Шумова – председатель колхоза им. Будённого.

Шумовой 18 марта 1938 г. «Пролетарский путь» посвятил очерк «Результат правильного руководства». В нём сообщалось, что предшественником её на этой трудной должности был алкоголик, который за один год развалил в коллективном хозяйстве всё что можно и что невозможно. Но за несколько месяцев А. Шумова сотворило чудо: «Весну этого года колхоз им. Будённого встречает совершенно по-другому. Рядовые труженики не позволили дольше руководить собой пьянице. Тов. Шумова с первых дней избрания проявила себя хорошим хозяйственником и организатором. Принимая дела, она увидела, что маслобойка и шерсточесалка полуразрушены, оборудования там нет. Анна Емельяновна взялась за восстановление этих предприятий. Недавно приобретена автомашина. По подготовке к весеннему севу колхоз им. Будённого по праву может считаться одним из передовых. Ещё в январе отремонтировали сеялки, плуги, бороны и телеги. Семена очищены от примесей, они отличного качества. Подготовлены инвентарь и помещение для яровизации». Работу А. Шумовой на должности председателя правления редакция «Пролетарского пути» оценила на твёрдую четвёрку. О ней стали говорить как о маме и передовике сельскохозяйственного производства.

А как на фоне А. Сучковой и А. Шумовой выглядели остальные руководители коллективных хозяйств? Размышляя над этим непростым вопросом, заведующий городским земельным отделом Ульяновска А. Сергеев поставил тройку председателям колхозов «Красная вышка», «Путь Ленина», «Свобода», «Первенство», «Колос», «13 лет РККА», им. ОГПУ. Они добились, по его мнению, удовлетворительных результатов в 1936 г. – получили от 4 до 8 центнеров зерновых с гектара (в то время как в среднем по району урожайность составляла от 3 до 5 центнеров). «А большинство председателей колхозов, – делился невесёлыми думами А. Сергеев, – не сумело полностью убрать даже низкий урожай и растеряли во время уборки до 30 % зерна. Они опустили руки и вместо мобилизации колхозников дезорганизовали их работу; свою же вину сваливают на неблагоприятные климатические условия»¹.

Чтобы представить среднестатистического председателя колхоза Ульяновского района, заглянем в его контору, а точнее в правление. Корреспондент «Пролетарского пути» В. Шамин, являвшийся знатоком сельского хозяйства в 30-х годах XX в., поможет нам представить условия и стиль работы руководителя коллективного хозяйства в 1937 г.: «На стене колхозной “канцелярии” нехотя тикают потрёпанные ходики. Куцый обломок часовой стрелки одино-

¹ Пролетарский путь, 1937, 4 января.

ко движется по циферблату. Минутной стрелки вовсе нет. Всё убранство помещения состоит из маленького стола и двух грубо сколоченных скамеек. На стенах ни одного портрета, ни одного лозунга. “Канцелярия” размещена в кухне колхозной избы по соседству с русской печкой, дровами, ухватами, чугунами и прочими атрибутами печного хозяйства. Размеры этого помещения настолько малы, что уму непостижимо, как умудряется председатель правления тов. Фёдоров проводить колхозные собрания, на которые обычно сходится до 40 человек. Между тем ни сам Фёдоров, ни другие члены правления колхоза “Сталь” не видят ничего зазорного в том, что “канцелярия” тесна и неряшлива. Они наловчились точно определять время по обломку стрелки, предоставили возможность колхозникам рассаживаться во время собрания по полу и чуть ли не друг на друге. К сожалению, описанная нами “канцелярия” не единственная в своём роде. В помещении правления колхоза “Серп и молот” для председателя, счётных работников и посетителей имеется только один стул. Колхозники вынуждены сидеть или на полу, или на печи. Стены закопчены и украшены выцветшими серыми картинками из книжки. В колхозе “Революционный путь” правление размещено в “общей квартире”. Столы работников стоят в тесном пространстве между кроватями и сундуками»¹.

Ещё более интересны наблюдения В. Шамина, касающиеся уровня культуры сельских «вождей»: «Председатель колхоза “Революционный путь” тов. Мартышкин за год сумел прочитать несколько разделов из учебника по истории партии Кнорина, а из художественной литературы – только “Цусиму” Новикова-Прибоя, и то, как он выразился, “не пристально”. Председатель колхоза “Серп и молот” Д. Ф. Васин за год не прочитал ни одной книги, почти не читает газет. Руководитель колхоза “Сталь” М. Ф. Фёдоров ничего не читает. За последние четыре года он даже забыл, как выглядит книга. А. И. Ключников, председатель колхоза им. ОГПУ, считается одним из культурных руководителей. Но даже он за последние два месяца сумел прочитать одну брошюру и один раз присутствовал на коллективной читке в библиотеке. Из этого напрашивается печальный, но совершенно справедливый вывод – большинство колхозных руководителей имеет очень низкий уровень знаний и не хочет повышать его. “Нет времени, не до чтения, целый день на ногах”, – так в большинстве случаев объясняют председатели своё отставание. И виноваты в этом, опять-таки, сами руководители колхозов, в большинстве случаев безалаберно расходующие своё время»².

Свою точку зрения В. Шамин аргументировал очень убедительно: «Войдите вечером в любое правление. Вы непременно увидите там председателя колхоза, полевода, бригадиров и других активистов. Они считают своей обя-

¹ Пролетарский путь, 1937, 11 марта.

² Пролетарский путь, 1937, 20 марта.

занностью просиживать до 10 – 11 часов. Ничего не делают, а так просто сидят и ведут разговоры, в большинстве случаев не имеющие к колхозу никакого касательства. Им кажется, что если не сидеть в правлении до полуночи, то колхозники обвинят их в лодырничестве и бюрократизме. Выкраивать 2 – 3 часа в день на чтение книг и газет необходимо. Без этого нельзя быть даже хорошим хозяйственником. А председатель колхоза обязан быть и политическим руководителем, и культурным воспитателем»¹.

Абсолютное большинство лидеров коллективных хозяйств Ульяновского района, по мнению толкового заведующего городским земельным отделом А. Сергеева и умного корреспондента «Пролетарского пути» В. Шамина, являло собой малокультурную серую массу сельских управленцев. Тем любопытнее узнать, какие типовые черты демонстрировали те, кто входил в неё, как они руководили подчинёнными, какие ставили жизненные цели, знакомы ли им были понятия о долге, чести и совести.

В первую категорию можно отнести тех председателей колхоза, которые до избрания совершенно не представляли характера своей будущей профессии и не хотели осваивать её: они стали руководителями по глупому тщеславию, под нажимом партаппарата, под влиянием многочисленных родственников и знакомых. Таких людей простой народ относил к категории не имеющих царя в голове. Примеров тому в Ульяновском районе было немало.

18 декабря 1936 г. «Пролетарский путь» опубликовал заметку своего селькора П. Никитина: «Председатель правления колхоза им. ОГПУ Ключников ежедневно ездит в город. Зачем он ездит, известно только ему. А полевод Гришин днями отсиживается в канцелярии. Между тем и Ключникову, и Гришину полезнее было бы заниматься делом, которого, как говорят, ещё непочатый край. В поле в кучах лежат около 600 тонн картофеля. Вывозится он очень медленно. Зато кое-кем расхищается. В начале декабря бригадир первой бригады Карпеев четыре дня не показывался на работе. Колхозники под руководством И. Мурского, оставленного за старшего, натаскали картофеля себе домой. Расхищаются также солома, мякина, барда». Прошло три с половиной месяца, но ситуация в колхозе к лучшему не изменилась. И тогда уже другой рабкор – П. Сергеев – взялся за перо: «Председатель правления не беспокоится о том, что поля уже освободились от снега и надо готовиться к севу, и продолжает днями и неделями отсиживаться в городе. Лошади в колхозе истощены, но на отдых они поставлены лишь 26 марта. Ремонт инвентаря не закончен. Полевые станы не приведены в порядок. Руководитель колхоза

¹ Пролетарский путь, 1937, 20 марта.

за Ключников по-прежнему командует из города по телефону»¹. Аналогичная информация поступала и из других деревень.

23 марта 1937 г. «Пролетарский путь» поместил характерную заметку: «Вновь выбранный председатель колхоза “3-й год пятилетки” т. Коптев безответственно относится к своим обязанностям. Он редко появляется в селе, а большую часть времени проводит в городе. Поэтому полеводы плохо готовятся к севу». Нечто подобное наблюдалось в колхозе им. Ленина. Его председатель Вахитов, по мнению анонимного селькора, «вместо того чтобы руководить коллективом и думать о посевной, по 4 – 5 дней не является в правление»².

Безделье, абсолютное равнодушие отдельных руководителей просто поражало. Корреспондента «Пролетарского пути» Д. Ерахтина, прибывшего в колхоз им. Сталина в конце августа 1937 г., удивило необычное поведение людей: вдруг целая бригада в разгар рабочего дня отправилась в лес. Журналист не удержался от законного вопроса:

- Товарищи, куда же вы это все пошли?
- За орехами, – ответили колхозники.
- А в поле кто же?
- В колхозе много людей, уберут урожай.

«И так ежедневно не выходят на работу 25 – 30 %. Правление колхоза во главе с председателем Петровым забыло об уборке. Хлеб лежит в горстях, даже не связанный, часть его проросла, нескошенная пшеница осыпается. А людей в поле нет. Что же делает председатель колхоза? В поле его нет... Оказывается, он тоже собирает орехи»³.

Когда Д. Ерахтин вернулся из командировки в Ульяновск и рассказал в редакции «Пролетарского пути» об обстановке в колхозе им. Сталина, ему не поверили и решили туда направить В. Глазачёва, более опытного журналиста. Тот приехал в означенное коллективное хозяйство через неделю и схватился за голову: «Колхоз им. Сталина, – описал он увиденное, – отстал с уборкой настолько, что оказался перед опасностью потерять большую часть урожая. Здесь 328 га ржи ухитрились косить 31 день, а вязку снопов не закончили до сих пор. А ведь колхоз при умелом руководстве мог бы с уборкой управиться за 11 дней. Председатель колхоза тов. Петров не руководит сельхозработами. Его деятельность сводится к тому, что он объезжает полевые станы и отдельные участки и, не сделав никаких указаний бригадирам, возвращается в прав-

¹ Пролетарский путь, 1937, 3 апреля.

² Пролетарский путь, 1938, 28 января.

³ Пролетарский путь, 1937, 28 августа.

ление»¹. И сколько ещё управленцев числились на бумаге председателями, но фактически не исполняли своих прямых обязанностей!

В начале апреля 1936 г. редакция «Пролетарского пути» получила коротенькую заметку селькора Деревянкина: «Председатель нашего колхоза “Новая жизнь” т. Карев целыми днями отсиживается в своём кабинете. На рабочих участках и в конюшне он почти совсем не бывает. Никаких распоряжений Карев бригадирам не даёт, а если и даёт, то явно несуразные, потому что не знает, чем живёт колхоз»². Копией Карева являлся некто Кузнецов. Портрет его нарисовал селькор Н. Фадеев. «Правление баратаевского колхоза “8 марта”, – делился он горестными размышлениями в августе 1937 г., – плохо заботится о том, чтобы молотья шла бесперебойно. Обслуживание молотильного агрегата из рук вон плохое. Не налажена даже подвозка воды для работающего на току движка. Нередко из-за этого он простаивает 2 – 2,5 часа. Конечно, в это время бездействует и вся молотильная бригада. А председатель колхоза тов. Кузнецов не принимает мер к наведению порядка на току. Собственно, он вообще не руководит уборкой урожая, а целыми днями просиживает в правлении»³.

Если председатели колхозов Карев и Кузнецов предпочитали часами сидеть в одиночестве в кабинетах, впери́в свои очи в потолок, то находились и те, кто в правлениях постоянно окружал себя подчинёнными. Но велика ли была польза от их длительного пребывания на рабочем месте? На этот вопрос дал верный ответ селькор Ф. Дёмин: «Председатель колхоза “1 августа” т. Ефимов совершенно ничем не руководит. Каждый день с рассветом бригады собираются в правлении и до 8 часов утра обсуждают, что они будут делать. Потому колхозники выходят на работу не раньше 9 часов утра. Это получается потому, что председатель колхоза не даёт нарядов с вечера и бригады не имеют конкретного плана уборочных дел»⁴.

Ещё дальше сравнительно с Ефимовым пошёл председатель колхоза «Красный август», обожавший не только утренние, дневные, но и ночные заседания. Его стиль работы точно обрисовал селькор В. Маев: «Тов. Баев пришёл в колхозную канцелярию около 6 часов вечера. Затем понемногу стали собираться члены правления, бригады, активисты. К 9 часам с помощью рассыльных все наконец были собраны и очередное заседание правления колхоза началось. Съедят ли шуки зеркального карпа или не съедят, можно ли выловить в озере всех щук или нельзя – разрешению этих вопросов участники собрания уделили бóльшую часть времени. Изрядно поспорили также о

¹ Пролетарский путь, 1937, 3 сентября.

² Пролетарский путь, 1936, 4 апреля.

³ Пролетарский путь, 1937, 11 августа.

⁴ Пролетарский путь, 1936, 27 июля.

том, продавать быка или нет (а может, сдать на мясопоставки), где купить ниток для починки сетей и т. д. Говорили долго и обо всём. Заседание длилось около 5 часов. Не нашлось в повестке дня пункта о полевых работах. А ведь сев в колхозе развёртывается очень слабо»¹. Таким образом, в «Красном августе» установили своеобразный рекорд: во всех колхозах Ульяновского района заседания завершались к 10 – 11 часам вечера, а здесь – в 2 часа ночи.

В первую группу председателей, которые де-юре значились таковыми, но де-факто не руководили колхозами, надо отнести также тех, у кого доминировали в жизни странные увлечения, никак не связанные с основной работой.

Так, колхоз «Революционный путь» во время посевной в 1938 г. стал напоминать корабль, у которого сломался штурвал. Выяснилось, что руководитель его тов. Мартышкин пропадал на охоте². О хобби другого незадачливого деревенского администратора в середине сентября 1938 г. доложил селькор Р. Сельев: «Медленно идут уборочные работы на полях колхоза им. Димитрова. Неубранный овёс осыпается, не закончена уборка пшеницы. Нормы выработки не выполняются. Полевой стан не оборудован. Председатель колхоза т. Дорофеев в поле бывает редко. Во время уборки он на целые сутки уезжает то на рыбалку, то ещё куда-нибудь»³. Этому заядлому рыбаку не повезло. За явное пренебрежение обязанностями председателя его сняли с работы. Колхозники радостно вздохнули. Но следующий председатель, рекомендованный партийным аппаратом, оказался не намного лучше. Он совершенно не проявлял интереса к работе. О том, как складывались далее дела в колхозе им. Димитрова, «Пролетарский путь» рассказал в апреле 1938 г.: «По-прежнему неблагоприятно положение с семенами. Просо в основном некондиционное, в нём много примесей и битых зёрен. Нет семян гороха, очень мало семенного картофеля. Основным виновником этих безобразий является недавно избранный председатель колхоза Зуев. Он проявляет исключительную беззаботность. Его расхлябанность привела к тому, что бригадиры перестали выполнять распоряжения правления и всё делают по-своему. Наблюдается полная неразбериха»⁴.

Итак, представители первой категории председателей, включавшей в себя людей пассивных, инертных, ленивых, не желавших учиться и осваивать азы сложной профессии руководителя, возглавляли в Ульяновском районе 11 колхозов (18 % от общего числа). Ко второй категории председа-

¹ Пролетарский путь, 1937, 20 апреля.

² Пролетарский путь, 1938, 27 апреля.

³ Пролетарский путь, 1937, 10 сентября.

⁴ Пролетарский путь, 1938, 4 апреля.

лей колхозов мы бы причислили носителей самых разнообразных качеств (как положительных, так и отрицательных). Но имеющиеся у них таланты не играли никакой роли, поскольку нивелировались одним страшным пороком – поклонением Бахусу.

Алкоголизм среди сельских управленцев стал распространённым явлением во второй половине 30-х гг. Вот одна из банальных историй, посвящённая злободневной теме того времени. Её рассказал корреспондент «Пролетарского пути» А. Рудин: «Председатель колхоза “Ленинец” Агафонов считался неплохим руководителем. Все его уважали. Но с весны 1936 г. он вдруг изменился. Стал частенько выпивать и в нетрезвом виде появляться в правлении. А пьяному море по колено. В мае он заставил бригадира Лисова вытянуться перед ним в струнку и, держа руку под козырёк, докладывать ему о работе. А во время сева, явившись на полевой стан навеселе, собрал колхозников и начал им рассказывать анекдоты. Выпивка привела Агафопова к тому, что он стал “заимствовать” деньги из колхозной кассы, бесплатно брать продукты на молочно-товарной ферме. В результате он задолжал колхозу больше 500 рублей. Используя служебное положение, Агафонов закрепил за собой корову с молочной фермы, а своего телёнка передал туда на содержание. Народный суд 3-го участка приговорил Агафопова (учтя его первую судимость и неплохую работу в прошлом) к двум годам лишения свободы условно»¹. Надо ли говорить, что колхоз «Ленинец» по всем показателям катился вниз?

Историю колхоза «Новая земля» можно свести к краткому повествованию о царствовании в нём беспробудных выпивох. Своеобразную летопись их владычества составил журналист «Пролетарского пути» И. Зотчев: «Основная отрасль хозяйства – полеводство. Земли колхоз имеет 3445 гектаров. Колхозные руководители не справляются со своими задачами. В их распоряжении 63 рабочих лошади, но, на беду, находятся они в руках пьяниц. А потому добрая половина этих лошадей истощена и побита, около десятка их пало перед весенним севом. Жилые постройки, дворы, конюшни к зиме не утеплены. поголовье скота в молочно-товарной ферме, организованной в 1931 г., не растёт, а уменьшается. поголовье овец за 1937 г. снизилось со 100 до 60 голов. На кролиководческой ферме в этом году пало 45 кроликов. Приплод тоже погибает. Всё это случилось потому, что с начала организации колхоза у руководства им находились проходимцы и пьяницы (в течение нескольких месяцев 1936 г. председателем колхоза был Карев, у которого обнаружили признаки умственной отсталости – *Д. и Н. Т.*): они довели колхоз до того состояния, в котором он находится сейчас, т. е. в 1937 году. А. Я. Анисимов около года вместо руководства занимался пьянством и распут-

¹ Пролетарский путь, 1936, 29 июля.

ством. Преемник Анисимова – Кузяшин – увеличил развал трудовой дисциплины. После него колхоз принял Галкин, пьяница, при котором колхоз стал одним из наиболее отстающих в районе. Сейчас руководит колхозом Зотов, тоже заядлый пьяница. Он окружил себя такими же, как он сам. Все они вместе пьют и вместе безобразничают. Чаше Г. Зотов бражничает с полеводом Елисеевым. Что творится в колхозе! Из 247 трудоспособных колхозников 25 – 30 % совершенно не выходят на работу. А в этом году из 132 семей 30 вышли из колхоза. До 50 человек, числящихся членами колхоза, ни разу за всю уборку не выходили в поле. Есть и такие, которые, числясь колхозниками с 1930 г., не знают, где находятся колхозные поля»¹.

Как много общего (печального и беспросветного) было в жизни крестьян, которые оказались в колхозах, возглавляемых алкоголиками. Эту безотрадную мысль подтверждают страницы «Пролетарского пути»: «С весны 1937 г., – доводит до сведения читателей корреспондент И. Косоуров, – председателем заволжского колхоза им. Будённого работает Сидоров. Плохим руководителем он зарекомендовал себя. В самый разгар уборочной Сидоров устраивал попойки, и колхозники по несколько дней не видели его в поле. Упала трудовая дисциплина, многие перестали выходить на работу. Всё это привело к тому, что прополка была проведена только частично. Поэтому погибла капуста, зарос травой картофель, чахлой выросла морковь. Большую помощь в уборочной колхозу оказывали рабочие завода им. Володарского. Но, приезжая на поля, рабочие не заставляли бригадиров и тратили много времени, чтобы найти кого-нибудь из руководителей. С первых дней Сидоров окружил себя жуликами и пьяницами. Завхоз Семёнов оказался достойным своего руководителя. Он и бывший парторг Балаков глумились над односельчанами. Колхозники неоднократно уличали Семёнова в хищении яблок. Действия Сидорова и Семёнова прикрывали другие правленцы – Мельников и Филиппов (любители выпивки). Но ни один колхозник не отважился критиковать эту четвёрку. Все боялись. Наступают холода, но в колхозе не утеплены конюшни, коровник, свинарник. Сады колхозные не огорожены, здесь свободно гуляет скотина, объедая молодые побеги. Недавно партийная организация Заволжья исключила Сидорова из рядов ВКП(б) за систематическую пьянку. Но он до сих пор не отстранён от руководства колхозом. Продолжает работать завхоз и пьяница Семёнов. Этим проходимцам не место в колхозе. Люди, ведущие колхоз к развалу и глумящиеся над колхозниками, должны понести суровое наказание»².

¹ Пролетарский путь, 1936, 27 августа, 8 октября.

² Пролетарский путь, 1937, 16 ноября.

Если прогулка по полям заволжского колхоза им. Будённого опечалила корреспондента «Пролетарского пути» И. Косоурова, то экскурсия по Вырыпаевке ввергла его коллегу А. Шамина в состояние возмущения: «В местном колхозе “20 лет Октября” 3000 центнеров намолоченного хлеба лежит в поле, 300 центнеров из них горят, а 50 центнеров пшеницы уже сгнили. Преступное отношение руководства колхоза к такому положению с зерном подтверждается фактами. Когда актив колхоза предложил председателю правления Абрамову немедленно принять меры к вывозке зерна с поля и к перелопачиванию его, Абрамов согласился, но на другой день оказалось, что ни одной лошади, ни одного человека на спасение зерна не выделено. А потом он не явился на заседание президиума сельсовета, где обсуждался вопрос о гибели урожая, а пошёл вместо этого пьянствовать. Ясно, что Абрамов – это преступник, умышленно допускающий гибель урожая»¹.

Каждому журналисту «Пролетарского пути» была знакома поговорка «пей, да дело разумей». Но никто из них не мог припомнить фамилию председателя колхоза, который сочетал бы пребывание в нетрезвом виде с успешным (или хотя бы с нормальным) исполнением своих основных обязанностей. Наоборот, как только руководитель коллективного хозяйства начинал прикладываться к бутылке, так дела шли хуже и хуже.

Избрание Тихонова председателем колхоза «Свияга» (это случилось весной 1937 г.) его подчинённые встретили с удовлетворением. Но, как сообщил один из селькоров, тихая радость вскоре сменилась горьким разочарованием: «Начали строить хороший овчарник. Сначала дело как будто пошло на лад. Заготовили в достаточном количестве строительный материал. Но потом Тихонов запил, и дело встало. Постепенно бесхозяйственность правления перешла всякие границы. Купили молотилку за 2000 рублей, а она оказалась сильно потрёпанной и работала с большими перебоями. Намолоченное зерно сутками лежит в поле. В течение июля и августа правление собиралось только один раз. Неразобранных заявлений колхозников накопилась целая пачка. Вместо руководства делами артели и заботы о её хозяйстве председатель колхоза т. Тихонов систематически пьянствует»². Ещё более мрачная информация поступила в газету из этого хозяйства осенью 1937 г.: «Из четырёх конюшен колхоза “Свияга” две находятся в полуразрушенном состоянии, не имеют ни полов, ни крыш, ни потолков, ни оконных рам. Срубы дали осадку, щели не заделаны, сверху на скотину льёт дождь, с боков дует ветер, а внизу непролазная грязь. Не прекращаются различные заболевания животных»³.

¹ Пролетарский путь, 1937, 29 декабря.

² Пролетарский путь, 1937, 23, 26 августа.

³ Пролетарский путь, 1937, 5, 29 сентября.

Путь нравственно-алкогольного падения Тихонова повторил председатель колхоза «8 марта» Кузнецов. Как мы уже отмечали, до августа 1937 г. он целыми днями просиживал в одиночестве в правлении, никого не принимая. А потом по неизвестным причинам стал искать истину на дне бутылки. О том, как это отразилось на колхозных делах, поспешил доложить редакции аноним-селькор: «Больше месяца на току лежит около 500 центнеров ржи. Влажное зерно начинает прорастать. Все недоумевают, почему правление не распорядится убрать его в амбары или выдать в аванс на трудодни. Председатель правления Кузнецов пьянствует, руководство колхозом забросил. Он требует вина со всех, кто к нему обращается с просьбами. С вдовы Е. Панцевой, которая попросила лошадь, чтобы привезти соломы, он потребовал вина: «Не принесёшь, соломы не будет». Трудовая дисциплина упала»¹.

Очевидный рост числа публикаций о председателях-пьяницах на страницах «Пролетарского пути» натолкнул одного из его читателей на вопрос, а уж не стали ли они жертвами неизвестной болезни. Другой подписчик этой газеты посчитал, что размах алкоголизма среди колхозных управленцев нельзя квалифицировать как эпидемию, но на хмельное поветрие это похоже. Попробуем уточнить число выпивох среди них.

В конце сентября 1937 г. в колхоз «Перелом» нагрянули из Ульяновска для проведения ревизии агроном Кулагин и бухгалтер Струнников. Увиденное их так поразило, что по возвращении в город они первым делом отправились в редакцию газеты. Там они излили свои чувства: «Председатель сельхозартели тов. Пангуров вместо того, чтобы мобилизовать подчинённых на быстрое завершение уборочных работ, вместе с бригадиром Калачиковым и отдельными членами правления часто устраивает коллективные пьянки на колхозные деньги. Всего на вино истрачено и списано 179 рублей. Бригадир Калачиков пьяным ворвался в правление и разбросал трудовые книжки. Примеру руководителей следуют и рядовые. Например, тракторист Чичеров часто является на работу пьяным. А недавно он свалился прямо у трактора, и весь день молотилка не работала»².

В городском комитете ВКП(б) полагали, что публикация сообщения Кулагина и Струнникова под заголовком «Расхлябанность и произвол» одёрнет Пангурова. Но этого не случилось. В середине января 1938 г. селькор И. Семёнов прислал заметку, которая свидетельствовала о том, что обстановка в колхозе «Перелом» не изменилась: «2,5 месяца у нас в поле стоят трактор и сложная молотилка. Председатель правления т. Пангуров и завхоз т. Сдобнов почти каждый день говорят об этой технике, намереваясь её привезти, но,

¹ Пролетарский путь, 1937, 29 сентября.

² Пролетарский путь, 1937, 5 октября.

видимо, так и не соберутся. Зато в отношении выпивки т. Пангуров непревзойдённый мастер. В конце декабря он поехал вместе с тов. Самойловым купить племенного бычка. Но какая покупка без магарыча? Он состоялся, и такой, что руководители колхоза еле добрались до саней и тут же уснули. Пангурова конюх Шакуров кое-как разбудил, а Самойлов отказался выбираться из саней и проспал в них до 12 часов ночи»¹.

Членам колхоза «Красный август» жизнь тоже преподнесла тяжкий алкогольный сюрприз. Здесь работающие мужики не раз чесали затылки и повторяли сокрушённо: «Вот оно как получается иногда. Из огня да в полымя». Оказывается, они в 1936 – начале 1937 г. добивались освобождения бездельника и болтуна Баева от должности председателя правления. И добились-таки своего. Балбеса и любителя бить баклуши горком партии снял с работы, на его место рекомендовал Соколова, который, как вскоре выяснилось, являлся горячим почитателем зелёного змия. И такое началось! При Баеве было скверно, но при его преемнике стало гораздо хуже. Эти горькие метаморфозы ошеломили приехавшего сюда на побывку курсанта Панфилова, и он в начале июня 1938 г. сообщил о них в редакцию «Пролетарского пути»: «В колхозе “Красный август” имеется много случаев нарушений устава сельхозартели. На полях лежит намолоченный хлеб. Клади пшеницы начали гнить и прорастать, а три клады совершенно испортились. Председатель правления Соколов и председатель сельсовета частенько пьянствуют, расходуя на это колхозные средства. Тех, кто пытается их разоблачить, Соколов и комсорг Лежанкин начинают преследовать. Так, селькор Борисов был арестован и содержался три месяца под стражей, после чего был освобождён по решению суда. Виновники этого дела не понесли никакого наказания»².

Конечно, ульяновские крестьяне относились бы к пьянству председателей колхозов более терпимо и даже всепрощенчески (на Руси даже нередко жалели выпивох), если бы возлияние сельских управленцев не приводило к уничтожению результатов тяжёлого труда десятков и сотен людей. Этого они не могли простить. Так, редакция газеты получила несколько коллективных жалоб членов колхоза «Свободный труд». В них говорилось о том, что весной 1937 г. их председатель Илюхин допился до того, что сорвал доставку семян, продовольствия и фуража с государственного склада. А селькор П. Сайданов сообщил летом того же года, что «хороший урожай овощей под угрозой. Совершенно не налажена прополка. Начинают её в 9 – 10 часов утра, кончают уже в 3 – 4 часа дня. В большинстве случаев женщины не выходят на работу совершенно. Ясли не организованы, общественное питание не налажено. Председатель правления

¹ Пролетарский путь, 1938, 22 января.

² Пролетарский путь, 1938, 16 июня.

т. Илюхин вместо организации прополки пьянствует. А к ремонту уборочного инвентаря ещё и не приступили»¹.

Председатели-алкоголики наносили огромный хозяйственный ущерб. Некоторые крестьяне называли таких руководителей вредителями. Доля правды в таком определении, несомненно, была, потому что управленцы-выпивохи во всех отраслях хозяйства играли отрицательную роль, являлись дезорганизаторским элементом в экономике страны. «Факты вредительской работы в колхозе “Пламя революции”, – информировал редакцию “Пролетарского пути” селькор-аноним, – многочисленны. За период уборочной кампании у нас пало 4 лошади. Из остального конского поголовья 70 % лошадей истощены, имеют намины и потёртости. До сих пор не скошена вся трава, на 2 гектарах сено осталось несобранным и сгнило, как сгнило ещё 20 возов сена в незаконченном омете. Всё это дело рук врага, бывшего жандарма Макарова, пролезшего в колхоз, а затем на пост председателя ревизионной комиссии. Он действует испытанным методом – спаиванием руководства. Председатель колхоза Коробков спился и продался врагу Макарову, став его первым сообщником по вредительской деятельности. Коробков пьянствует с трактористами. В поле бывает редко и с колхозниками не разговаривает. Часто издевается над ними»².

Факты преступного равнодушия пьяниц-председателей к хозяйственным делам не удивляли читателей «Пролетарского пути»: газета регулярно сообщала о них. 14 мая 1936 г. в ней появилась заметка без подписи в отделе «Хроника»: «Напрасно на днях искали бригадиры колхоза им. Куйбышева своего председателя Жесткова. Ему было не до сева. Наконец комсорг Алексеев случайно обнаружил его у реки на рыбалке с постоянным его спутником – бутылкой водки. Неожиданно Жестков совершил два “подвига”: он нанёс Алексееву сильный удар, а потом ещё избил свою жену». 5 ноября 1936 г. «Пролетарский путь» опубликовал сообщение селькора В. Агапова под заголовком «Уборка ещё не завершена»: «С полей колхоза им. Ворошилова Заволжского района до сих пор не убраны подсолнух и картофель. Председатель правления Громов не интересуется, как идут работы в поле. Редкий день он и полевод Чуфаров не бывают пьяные. А парторг тов. Журавлёв смотрит на это сквозь пальцы». 11 апреля 1937 г. «Пролетарский путь» поместил под рубрикой «Сигналы с мест» материал аналогичного порядка: «Большие Ключищи. Бригады колхоза им. Тельмана выехали на полевые станы. Но председатель правления тов. Гарьев и полевод Дервянкин спали – они напились в стельку, справляя религиозный праздник. Селькор А. Волков».

Периодически в редакции «Пролетарского пути» раздавались звонки рядовых тружеников из сёл и деревень, возмущавшихся тем, что их управленцы

¹ Пролетарский путь, 1937, 3 апреля.

² Пролетарский путь, 1937, 30 сентября, 11 октября.

вечно находятся под парами. Перелистаем страницы газеты с записями этих жалоб. «1 сентября 1937 г. В поле колхоза “Серп и молот” до сих пор не развернули сев озимых. Хлеб лежит в ворохах, не сортированный и безо всякой охраны. Пшеница высокого качества лежит под открытым небом и прорастает. А председатель колхоза Сафронов пьянствует. Глядя на него, загуляли и бригадиры, и в поле вся работа замерла». 3 октября 1937 г. позвонил К. Гладков из колхоза «Дружба». Его сообщение вызвало искренний смех. Оно напоминало остроумный анекдот: «Городской земельный отдел вызвал председателя правления и счетовода колхоза т. Наместникова и т. Белова в Ульяновск для уточнения плана сева. По дороге они заехали в село Вышки, напились и забыли, куда и зачем им ехать дальше, а потому отправились назад домой. Такие происшествия с ними происходят не впервые. И это им сходит с рук». Несколько подписчиков «Пролетарского пути» выразили сомнение в достоверности этого факта: дескать, можно ли так налакаться, чтобы утратить память до такой степени. Редакция решила направить в село Вышки для выяснения столь любопытного происшествия своих корреспондентов. Журналисты проверили всё и доложили, что все факты, о которых информировал К. Гладков, имели место быть. Они к тому же уточнили, что тт. Наместников и Белов не только напились до потери сознания, но и передралась¹.

Не надеясь порой на результативность письменных сигналов и телефонных звонков, инициативные группы колхозников посылали своих ходяков в редакцию, чтобы в доверительном разговоре с корреспондентом поведать о страданиях, которые доставляли председатели-алкоголики. Утром 30 октября 1937 г. такой посланец приехал из колхоза «1 мая». Он рассказал о том, что у них 400 пудов намолоченного зерна лежит под открытым небом и портится под дождём. Сотрудник газеты осведомился, знают ли об этом в правлении, на что получил ответ, проникнутый горечью и унынием: «Мы указали на проросший хлеб председателю Буранову, но он отмахнулся и пробурчал, де, идите и убирайте сами, а у меня нынче праздник, буду гулять. И как только наступает любая церковная дата, то у Буранова затевается пьянка. А глядя на него, гуляют и колхозники»².

Ближе к обеду 30 октября к тому же работнику «Пролетарского пути» заглянули ходяки из колхоза «Заветы Ильича». И вели разговор на ту же тему: «Наш председатель Каманин и завхоз Тихонов систематически пьянствуют. Недавно они взяли из колхозной кассы 110 рублей и пропили, а на заседании правления доложили, что деньги ушли на угощение шофёров из города, которые работали здесь на хлебовывозке»³. В начале июля 1938 г.

¹ Пролетарский путь, 1937, 12 ноября.

² Пролетарский путь, 1937, 4 ноября.

³ Там же.

редакцию «Пролетарского пути» посетила (уже в который раз) делегация из колхоза им. Ульянова. И опять поплакалась в жилетку: их председатель правления Ястребов по-прежнему пьёт: «Он, пользуясь попустительством руководящих организаций, не унимается. Недавно вместе со своими помощниками Савельевым и Рыбкиным организовал новую попойку, на которую было затрачено 100 рублей колхозных денег»¹. Действительно, горком ВКП(б), горсовет и прокуратура отнеслись к художествам Ястребова более чем снисходительно. Да и другие председатели правлений, растратившие немалые деньги из колхозных касс на покупку спиртных напитков, практически оставались безнаказанными. За период 1936 – 1938 гг. только одного руководителя коллективного хозяйства суд приговорил за подобное преступление к одному году тюремного заключения².

Таким образом, «Пролетарский путь» в 1936 – 1938 гг. в своих материалах зафиксировал очевидный факт: 17 колхозов возглавляли представители второй категории – пьяницы (28 %). Эти хозяйства напоминали семьи алкоголиков, у которых всё было наперекосяк: муж, жена и дети питались кое-как, одевались во что попало. Словом, никаких жизненных планов не строили, перспектив на элементарное благополучие не имели.

В третью категорию председателей колхозов, по нашему мнению, надо включить тех нерадивых руководителей, которые, как и представители первых двух групп (бездельников и пьяниц), не выполняли своих прямых обязанностей. То были расхитители, воры и мошенники, которые рассматривали коллективное хозяйство как свою вотчину. Главная цель их пребывания в должности руководителя – личное обогащение (разумеется, достаточно ограниченное рамками жёсткой социалистической системы).

Типичный образ управленца-хапуги успешно создали объединёнными усилиями ульяновские журналисты и их многочисленные внештатные помощники. Корреспондент «Пролетарского пути» М. Макаров отметил 12 мая 1936 г.: «Ревизионная комиссия не успевает составлять акты о незаконном присвоении средств председателем колхоза “3-й год пятилетки” т. Касимкиным. По январской ревизии, за ним числится 369 рублей. Кроме того, т. Касимкин взял корову с молочно-товарной фермы. Обо всех этих фактах ревизионная комиссия сообщала в городской земельный отдел, но там никаких мер не принимают». В конце концов многократные жалобы колхозников на Касимкина побудили горком ВКП(б) снять этого мазурика с должности председателя.

Следующим руководителем этого колхоза стал Коптев, прошедший уже знакомые два этапа деградации: сначала несколько месяцев абсолютного безделья (он не представлял характера своей работы, попросту был тупицей), а

¹ Пролетарский путь, 1938, 10 июля.

² Пролетарский путь, 1937, 18 декабря.

потом с отчаяния запил. Третьей стадией нравственного разложения у Коптева стало воровство и мошенничество. Итоги его деятельности подвёл селькор А. Бердников: «Родильный дом и клуб стоят не отремонтированными. В клубе нет ни окон, ни печи, ни сцены. Сам председатель разлагает трудовую дисциплину, нарушает устав сельскохозяйственной артели, пьянствует. Под его руководством разбазаривается колхозное добро»¹.

В конце 1937 г. Коптева в кресле председателя сменил Босов, который, как и его предшественники, быстро освоил воровские приёмы. Заметка селькора Шухова, опубликованная в «Пролетарском пути» 4 апреля 1938 г., убедительно подтверждала этот тезис: «Председатель колхоза “3-й год пятилетки” тов. Босов без ведома общего собрания продал со свинофермы поросят на 600 рублей. Ревизионная комиссия выявила, что он не внёс эти деньги в колхозную кассу, хотя прошло с того дня уже более трёх месяцев».

Поросячий бизнес так увлёк Босова, что даже газетный предупредительный сигнал не испугал его. Об этом сообщил редакции «Пролетарского пути» бухгалтер городского земельного отдела Струнников: «Председатель колхоза “3-й год пятилетки” денежные средства расходует без учёта выполнения как по доходам, так и расходам. Тов. Босовым опять продано со свинофермы 47 голов поросят, но полученные деньги в кассу по-прежнему не сдаются. Им же продано на колхозном рынке 3 центнера овса, но стоимость его до сих пор не оприходована по книгам»².

Изучая приёмы предпринимательской деятельности председателей правления колхозов в Ульяновском районе и их личные вкусы, приходится убеждаться в который раз в справедливости пословицы «на вкус и цвет товарищей нет». Если, например, вышеупомянутому Босову нравилось воровать и продавать поросят, то управленцам, проживавшим в селе Новый Урень, были милы почему-то длинношёрстные животные. Именно на них они построили свой бизнес уголовного толка. Первым это обнаружил селькор К. Орин. И немедленно оповестил редакцию «Пролетарского пути» о некоем зоотехническом чуде: «У большинства членов колхоза им. Кирова овцы за один окот приносят 3 – 4 ягнёнка, у председателя правления т. Виноградова – почему-то 10. Секрет такой рекордной плодовитости оказался прост. Руководитель колхоза утащил с фермы 8 ягнят и объявил, что их принесли его собственные овцы. По примеру председателя обеспечились ягнятами конюхи, овчары и многие другие. Недаром на овцеферме от 107 овцематок сохранилось только 72 ягнёнка»³.

Так что в рамках весьма ограниченной территории (Ульяновского района) выявляется необъяснимая тяга некоторых председателей колхозов к совер-

¹ Пролетарский путь, 1937, 26 февраля.

² Пролетарский путь, 1938, 10 мая.

³ Пролетарский путь, 1937, 17 мая.

шению характерных преступлений: один специализировался на хищении поросят, другой – ягнят, третий – телят и коров. Ещё раз вспомним гоголевского судью Ляпкина-Тяпкина, который брал взятки исключительно борзыми щенками (впрочем, в богатом криминальном мире издавна замечена своеобразная специализация воров – карманники, медвежатники, домушники, щипачи и пр.). Но большинство злоумышленников, как известно, склонны тащить всё, что под руку попадётся. Сельские управленцы на родине Ленина тоже отличались различной лиходейской всеядностью: они несли домой всё что плохо лежит.

В мае 1936 г. ревизионная комиссия обнаружила растрату у председателя колхоза им. Молотова тов. Храмова в сумме 578 рублей. О чём она сообщила сразу в городской земельный отдел и прокуратуру. Но из этих органов никакой реакции не последовало. Окрылённый таким исходом дела Храмов, как рассказал селькор Куракин, «без ведома общего собрания выписывает зарплату парторгу и себе по 150 рублей, тогда как он на это не имеет никаких оснований»¹. Горком ВКП(б) наказал мошенника очень оригинально: по рекомендации столь солидного органа власти общее собрание уже колхоза «Власть труда» избрало его своим председателем.

Масштаб преступных деяний Храмова на новом месте был таков, что для разбора потока жалоб на него редакция «Пролетарского пути» отправила своего спецкора А. Петрухина. Результатом его командировки стала статья «Грубое нарушение устава сельхозартели»: «За руководителями колхоза “Власть труда”, – утверждалось в ней, – давно закрепились печальная слава. Казалось бы, новый председатель тов. Храмов и всё правление должны были сделать выводы из прошлых уроков. Но получилось не так. Такие важные вопросы, как продажа колхозного скота, не обсуждаются даже на заседаниях правления. Этим делом ведала так называемая “торговая тройка” – тов. Мохноножкин (зам. председателя правления), тов. Мартышкин (секретарь правления) и зав. свиноводческой фермы. В течение трёх месяцев они продали 4 коровы, 2 лошади, 16 овец и большое количество свиней. 7 апреля т. Храмов собрал заседание правления специально для того, чтобы премировать бухгалтера Популовского и других счётных работников. Опять-таки, колхозников устранили от этого дела. Семейственные отношения между отдельными руководителями приводили к злоупотреблениям. Например, для Популовского и Храмова характерно, что они берут молоко с молочно-товарной фермы по 20 копеек за литр, в то время как рядовые колхозники платят 50 копеек за литр. Также распределяются и другие продукты. Все эти факты зафиксированы в акте ревизионной комиссии. Также записано, что это следует обсуждать

¹ Пролетарский путь, 1936, 23 мая.

“на общем собрании”. Но ведь руководители привыкли не считаться с мнением колхозников, поэтому акт ревизионной комиссии нигде не обсуждали, хотя с тех пор прошло больше двух месяцев. Грубое нарушение устава сельхозартели и полный отрыв руководителей от колхозной массы совершенно не беспокоят партийную организацию и её парторга т. Тихонова. Колхоз “Власть труда” отстаёт со всеми работами»¹.

Составляя не раз списки отстающих колхозов, группа сотрудников «Пролетарского пути» обратила внимание на очевидную закономерность: их, как правило, возглавляли либо пьяницы, либо воры (иногда председатель совмещал в себе эти дурные черты). Они нисколько не ошиблись. Посмотрим на перечень плетущихся в хвосте при подведении итогов выполнения планов различных сельхозработ.

Колхоз «1 мая». Вот какое заключение о состоянии его экономики сделал в октябре 1936 г. председатель Мостовского сельсовета П. Князев: «Это одно из самых отстающих хозяйств в районе. Главная причина тому – извращение норм сталинского устава сельхозартели. Так, Акимов, работавший председателем правления в прошлом году, распорядился средствами колхоза как своими. Колхозное сено он продал, деньги положил в собственный карман. Затем уволился, при этом даже не отчитался перед общим собранием. После него председательское кресло занимали Зубарев, Васильев и Тимофеев. У всех выявились те же вредные привычки. Например, 4500 рублей, полученные от винзавода и предназначенные к выдаче по трудодням, они раздали своим приближённым людям – завхозу и заведующему птицефермой. А на трудодни не было выдано ни копейки. Всего бывшие руководители колхоза незаконно получили из колхозной кассы 13 000 рублей. А колхозники, наблюдая такое поведение руководителей, ослабили дисциплину. Дело дошло до того, что на полевые работы стали выходить только 6 человек»². Отдельные яркие штрихи в эту явно невесёлую картину вносит текст выступления Живодёрова на XIV Ульяновской городской партийной конференции, состоявшейся в конце января – начале февраля 1937 г.: «В нескольких километрах от города, в селе Мостовая, имеется колхоз “1 мая”, в котором в 1936 г. сменилось пять председателей и несколько партийных организаторов. Но колхоз до сих пор работает плохо. Особенно скверно шла работа в период уборки хлеба и овощей – имелись большие потери урожая. В колхозе был нарушен устав сельхозартели при нарезке приусадебных участков. Кулацкие сады руководители колхоза разделили по себе и по знакомым. Колхозного сада же никто не пытается создать. Нарушение устава привело многих к са-

¹ Пролетарский путь, 1937, 1 июня.

² Пролетарский путь, 1936, 23 октября.

мовольному уходу из колхоза в город. Многие бросили работу и занялись своими личными садами, огородами и реализацией продуктов. У нас есть такие колхозники, годовой доход которых с сада, находящегося в личном пользовании, доходит до 10 тысяч рублей»¹.

Колхоз им. Сталина. 18 апреля 1937 г. «Пролетарский путь» опубликовал редакционную статью «Расхитители колхозной собственности», которая вызвала живейший интерес у читателей. В ней, в частности, говорилось: «В колхозе им. Сталина пренебрегают вопросами учёта и отчётности. Ревизионная комиссия бездействует. На общих собраниях ни разу не обсуждались вопросы финансовой и производственной деятельности. Бывший председатель колхоза Анисимов, не стесняясь, растрачивал денежные средства и продукты сельского хозяйства. Деньги, получаемые за реализацию масла, молока, сметаны, очень часто по книгам не приходовались, а клялись в карман Анисимова. Им присвоено таким образом 812 рублей. Самоснабжение за счёт колхоза вошло у него в систему. Анисимов незаконно взял различных продуктов на 1017 рублей. Таким образом в этом колхозе он растратил в общем итоге 1829 рублей. До этого, работая ранее председателем колхоза им. Горького, он растратил 409 рублей. Анисимов орудовал не один, ему помогали расхищать колхозные средства его ближайшие помощники – счетовод Прокофьев и кассир Козлов. Первый, подделав документы, присвоил 493 рубля. Второй, получив 200 рублей от крахмало-тёрочного завода, взял их себе. Сидоров, ближайший помощник названных растратчиков, прикарманил 220 рублей. А вся эта тёплая компания расхитила в колхозе 2807 рублей. К ним чуть позднее примкнул кладовщик. К 1 января 1937 г. у него оказалась недостача 5,72 центнера яровой пшеницы. Правление списало этот дефицит как естественную убыль. В то же время на балансе не было учтено 84,92 центнера разных зерновых культур. Начисление трудодней в колхозе производится не по количеству выполненной работы, а по личному усмотрению учётчика».

Колхоз «Ударник». К его председателю быстро пристала кличка «хорёк». Он воровал понемногу, но часто. Ему была посвящена в «Пролетарском пути» заметка «Злоупотребление Евдокимова». Этот руководитель, во-первых, сам взимал плату с колхозников за поездки в Ульяновск, а деньги отправлял в собственный карман. Во-вторых, сей мошенник продал заготовленный колхозом лесоматериал своему двоюродному брату, а «презренный метал забыл сдать в кассу». В-третьих, «за два литра вина Евдокимов разрешил взять колхозных лошадей единоличнику». А в-четвёртых, «беременным колхозницам он так и не начислил трудодни за прошлогодний отпуск»².

¹ Пролетарский путь, 1937, 3 февраля.

² Пролетарский путь, 1937, 15 августа.

Колхозы «Красный бирюч», «13 лет РККА», им. Кирова, «1 августа», им. Димитрова. В передовой статье «Пролетарского пути» констатировалась грустная реальность: в названных коллективных хозяйствах в 1936 г. наблюдалось массовое разбазаривание кормов. Но ещё более вопиющим являлся тот факт, что процесс их расхищения возглавили председатели правлений: «Они систематически растаскивали сено и солому и спекулировали ими»¹.

Так сколько же колхозов в Ульяновском районе возглавлялось в годы Большого террора ворами и мошенниками? Конечно, дать точный ответ вряд ли кто мог бы. Но, судя по материалам «Пролетарского пути», таковых насчитывалось не менее 11 (18 %).

Среди пёстрой массы председателей правлений, игравших дестабилизирующую роль в жизни руководимых ими колхозов, целесообразно выделить (помимо бездельников, пьяниц и воров) ещё одну, четвёртую категорию – самодуров. В толковом словаре С. И. Ожегова очень чётко и просто определены черты индивида, поступающего по принципу «что хочу, то и ворочу»: «Человек, который действует по прихоти и личному произволу, унижая достоинство других»². Можно вполне допустить, что председатели-самодуры в некоторых случаях поступали из лучших побуждений, что они хотели добра колхозникам и даже являлись патриотами своей страны. Но, как известно, благие намерения нередко ведут в ад. Вот и сельские управленцы, проявляя самовластие, деспотизм и хамство в обращении с колхозниками, теряли авторитет и уважение подчинённых. А потому не могли решить многих серьёзных проблем хозяйственного и политического характера. Колхозы под руководством самодуров влачили в основном жалкое существование. Немало страданий и переживаний принесли крестьянам мужланы, которым были чужды понятия о добре и сочувствии.

В начале января 1937 г. в редакцию «Пролетарского пути» пришло письмо из села Грязнухи от М. Сазоновой: «Я жена красноармейца, до сих пор не вывезла дрова из леса. Они лежат там более месяца. Срок их вывозки уже истёк, а председатель колхоза “Ленинец” т. Дерябин и бригадир т. Смолькин не дают мне лошаадь, сколько я ни просила, лишь мне отвечают “завтра” да “послезавтра”. Везде, во всех уголках нашей страны чутко относятся к семьям красногвардейцев, а в селе Грязнухе о них забыли»³.

Публикация в газете письма М. Сазоновой ничуть не подействовала на стиль работы Дерябина. Через два месяца в «Пролетарский путь» поступила на него новая жалоба, подписанная уже пятью крестьянами: «Правление

¹ Пролетарский путь, 1937, 14 февраля.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1986, с. 603.

³ Пролетарский путь, 1937, 9 января.

грязнухинского колхоза “Ленинец”, – сообщали они, – разрешило нам взять со стана мякины для своих коров. Когда мы выбрали из-под снега старую мякину и возвращались домой, нас остановил Дерябин. Нельзя передать всех оскорблений, которые обрушились на наши головы. По его словам выходило, что мы все по меньшей мере жулики и грабители. Всё, что мы набрали, он свалил в снег и уехал. Мы возмущены выходкой нашего председателя. Кто ему дал право издеваться над колхозницами?»¹

Однако коллективная жалоба также не вызвала никакого отклика ни в горсовете, ни в горкоме ВКП(б). Там на неё не обратили внимания. Дерябин был почему-то на хорошем счету, хотя колхоз «Ленинец» кое-как справлялся с производственными планами. Поэтому этот обнаглевший руководитель продолжал куражиться над людьми. Очередным объектом его жестокого глумления стал безответный несчастный И. Н. Пряхин, работавший в коллективном хозяйстве с 1929 г. и очень добросовестно. «Недавно, – писал селькор П. Иванов, – он заболел туберкулёзом. В своём приусадебном участке он не может изыскать средств на поддержание здоровья, ему нужна помощь колхоза. Но правление не хочет её оказывать. Оно не выделяет ему даже лошади для поездки в больницу. Председатель колхоза Дерябин цинично заявляет, что ему “не дороги люди”. Пора призвать к порядку этого чиновника, не пожелавшего считать для себя законом заботу о человеке»². Но и эта заметка, напечатанная в «Пролетарском пути», не исторгла из партийных и советских начальников Ульяновского района ни тени недовольства таким председателем.

О новых выходках самодура рассказал 28 сентября 1937 г. один из делегатов районной комсомольской конференции. Его речь привлекла внимание корреспондента «Пролетарского пути». В своём репортаже он подчеркнул: «В прениях выступил т. Лопушков из колхоза “Ленинец”. Оказывается, что председатель его Дерябин дошёл до того, что отстранил всех комсомольцев от участия в полевых уборочных работах. Между тем в полях велики потери. Умышленно убрать комсомольцев со всех важнейших участков! Так может действовать только враг. А что ещё вытворяет т. Дерябин? Однажды комсомолка т. Сазонтова покритиковала его, так он избил её и издевается теперь над ней. А комсомолка т. Тарасова, наша лучшая ударница, была вынуждена (по той же причине – Д. и Н. Т.) уйти из колхоза»³. Но даже такое яркое разоблачительное выступление комсорга Лопушкова, притом опубликованное в

¹ Пролетарский путь, 1937, 17 марта.

² Пролетарский путь, 1937, 23 июня.

³ Пролетарский путь, 1937, 30 сентября.

газете, не вызвало – как и ранее – никакого отклика у местной партийной и советской элиты.

28 апреля 1938 г. «Пролетарский путь» опять помянул Дерябина. В заметке под броским заголовком «Издаются над трактористами» селькор Фаров осведомлял об очередной выходке грубияна: «Члены бригады МТС, обслуживающей колхоз “Ленинец”, работают за 10 километров от села. Но у них нет никакой крыши над головой. А какво ночевать под открытым небом? Когда же бригадир т. Самонин попросил выделить трактористам передвижной вагончик, Дерябин ответил: “Поработаете и так, на свежем воздухе хорошо отдыхать”».

Казалось, что обнаглевшие купцы, куражившиеся во времена драматурга А. Н. Островского, пережили худые времена и спокойно спустились с небес в деревни и сёла Ульяновского района. Вот к полеводческой бригаде 8 июня 1937 г. подъехал председатель колхоза им. Димитрова Пономарёв. Его форма общения с рядовыми полеводцами и животноводцами, посчитал один из корреспондентов «Пролетарского пути», «просто возмутительна»: «О его грубых оборотах речи, пересыпанных матом, известно и сельскому совету, и партийной организации. Но вместо того чтобы указать ему на недопустимость такого поведения, они из его хамства делают предмет зубоскальства на досуге»¹. Не проявлял элементарного уважения к своим подчинённым и председатель колхоза им. Молотова (село Шумовка) Просвирнов. Он, как написали селькоры П. Белов и И. Котомов, решил, что «колхозникам смотреть кинокартины ни к чему, а потому приехавшему киномеханику категорически заявил: “Уезжайте! Нечего здесь собирать рубли”. Колхозники возмущены поступком Просвирнова»².

Не имел также понятия о вежливости председатель колхоза «Пролетарский путь» Шмелёв: «Его грубость, – жаловался в горсовет крестьянин Наринский, – перешла всякие границы. Бригадиров он обзывает, как только ему вздумается»³.

17 марта 1937 г. печатный орган ульяновских коммунистов опубликовал редакционную статью, посвящённую измышательствам сельских управленцев над тружениками земли. В частности, в ней говорилось об одном из ряда вон выходящем случае, произошедшем в колхозе «Серп и молот». Доярка Векова поехала за кормом в поле. На беду, лошадь её завязла вместе с санями. Бригадир, завхоз и председатель ревизионной комиссии, проезжавшие мимо, казалось, должны были бы помочь растерявшейся женщине. Ничего подобного. Они приказали пожилой крестьянке распрячь лошадь и заставили нести на себе сброу. А трое мужчин поехали в село на санях. На этом издевательства

¹ Пролетарский путь, 1937, 16 июня.

² Пролетарский путь, 1937, 22 марта.

³ Пролетарский путь, 1938, 30 июля.

над несчастной женщиной не закончились. На следующий день председатель колхоза Васин велел ей «на себе привезти с поля оставленные сани. Объясняя своё распоряжение, он сказал, что так он будет поступать для укрепления дисциплины».

Сотрудники «Пролетарского пути» констатировали, что чаще всего самодуры вымещали своё дурное настроение, когда труженики земли обращались к ним с какими-либо просьбами. Корреспондент этой газеты М. Алёшин, обобщив жалобы с мест, заключил: «Партия и правительство повседневно проявляют исключительную заботу о колхозниках, решительно пресекая всякую попытку ущемлять их интересы. Ведь в уставе сказано ясно, что у обобществлённого рабочего скота выделяется несколько лошадей для обслуживания членов артели за фиксируемую плату. И всё же председатели колхозов им. Молотова и “3-й год пятилетки” категорически отказываются выдать лошадей для обработки приусадебных участков. То же самое наблюдается и в ряде других колхозов»¹.

Корреспондент В. Маев видел многое в жизни, его трудно было чем-то удивить. И тем не менее один из эпизодов сельской жизни выбил его из колеи. О нём он рассказал в заметке «Шарлатаны»: «Анна Киреева – одна из лучших ударниц и активная общественница в колхозе “Красноармеец”. За прошлый год на полевых работах она заработала 252 трудодня. Крестьяне избрали её членом сельского совета. Анна Киреева организует колхозниц на ударную работу, хорошо помогает в этом правлению колхоза. Естественно, что за это руководство обязано её ценить. Но не тут-то было. Не такой характер у председателя колхоза Кувайцева, чтобы ценить людей. На днях А. Киреева зашла в правление и попросила отпустить ей рожь на заработанные в прошлом году трудодни. Неизвестно, что вывело Кувайцева из терпения. То ли желание ударницы получить честно заработанный хлеб, то ли просьба отпустить непременно чистую рожь. Оба эти требования законны. Но после первых же слов колхозницы Кувайцев ошеломил посетительницу потоком грубостей. Присутствовавший при этом полевод Янин из желания угодить председателю набросился на Кирееву, причём в подборе матерщины далеко перещеголял Кувайцева. Оскорблённая колхозница вынуждена была ни с чем уйти из правления. Президиум сельсовета решил передать дело о Кувайцеве и Янине в следственные органы для привлечения их к ответственности. Невежественность, в результате которой явилось шарлатанство [!] Кувайцева и Янина, присуща ещё некоторым руководителям колхозов. Надо поднять общественное мнение на борьбу с этой невежественностью»².

¹ Пролетарский путь, 1937, 4 апреля.

² Пролетарский путь, 1938, 4 апреля.

Чаще всего объектами глумления самодуров на селе становились одинокие женщины. Они часто, как и Анна Киреева, не могли дать должного отпора грубиянам. В одну из таких грустных историй попала свинарка Максина: «Однажды она, – рассказывалось в одной из неподписанных заметок “Пролетарского пути”, – отправилась к председателю своего колхоза “Красный бирюч” Терехину с просьбой помочь в перевозке хлеба, заработанного на трудодни. Но тот не дал ей лошадь, сказав: “Возьмите салазки, запрягитесь и перевезите”. Так и пришлось ей на салазках перевозить хлеб, а затем и дрова и солому. Можно было ещё привести факты издевательства Терехина над Максиной. Надеемся, что горсовет призовет самодура к порядку»¹.

Немало крови О. Ф. Кулагиной попортил председатель колхоза «Динамо» В. Я. Горюнов. В мае 1936 г. её, члена ВКП(б), избрали заместителем председателя правления. Она хорошо знала проблемы полеводства и животноводства и потому, как отметил журналист М. Иванов, «горячо взялась за работу, ожидая помощи от тов. Горюнова. Но тот стал сторониться Кулагиной, потому что та часто выговаривала ему за грубое обращение с колхозниками, разоблачала пьянство и махинации некоторых членов правления. Тогда Горюнов поставил вопрос о снятии с работы Кулагиной под предлогом сокращения штатов. Так и сделали. При этом даже не обсудили этот вопрос на общем собрании. Здесь не принято спрашивать мнение колхозников. А кто же теперь работает заместителем Горюнова вместо Кулагиной? Д. П. Чихалов – его зять». Далее этот самодур и вовсе распоясался. Об этом сообщил редакции «Пролетарского пути» селькор Е. Ефимов: «Наш председатель не в меру ретив. Приедет в поле, пошумит, накричит на колхозников, обругает и отбывает в село. Критику Горюнова вообще не терпит. Кандидат в члены ВКП(б) т. Гаранин покритиковал Горюнова и в результате был отстранён от работы. Один из лучших конюхов т. Усачёв написал в “Волжскую коммуну” заметку о плохой работе конюшни, а Горюнов, узнав об этом, стал притеснять его»².

Поведение многих председателей колхозов напоминало образ действий помещиков-крепостников. Вот типичная картина. Рано утром к правлению стекались толпы колхозников. Они ждали «хозяина». У большинства в руках письменные просьбы выделить лошадь для поездок в больницу, в аптеку, на рынок, для вспашки приусадебного участка, на свадьбу, в гости и т. д. Абсолютное большинство получало либо грубый отказ, либо совет зайти через недельку-другую. Как отметил «Пролетарский путь» в передовой статье «Вопреки указаниям партии», исключение в этом отношении составлял только председатель колхоза «Первенство» Вятсков³.

¹ Пролетарский путь, 1939, 20 января.

² Пролетарский путь, 1937, 4 января.

³ Пролетарский путь, 1937, 16 мая.

Да и другие просьбы крестьян чаще всего встречались «хозяевами» в штыки. Например, колхозник В. Шергунов пытался упросить председателя колхоза им. Молотова Храмова отпустить его на учёбу в Ульяновский педагогический рабфак. И получил от ворот поворот: «Не пущу, и никаких разговоров! Если всех отпускать, так ни одного человека в колхозе не останется. А работать мне одному прикажете?»¹ Столь же безуспешно группа крестьян в течение месяца ждала у крыльца правления председателя колхоза «1 августа» Алексева. Эти 8 – 10 человек униженно кланялись и едва ли не валялись в ногах «хозяина» в надежде, что тот «даст наряд хоть на какую-нибудь работу». Но Алексеев был неумолим: он не мог простить того, что один из членов этой группы отозвался критически о его стиле работы. Председатель надменно заявил: «Нам такие не нужны, которые нас учат работать»².

Тщетно искала крестьянка Е. Лягушкина путь к сердцу председателя колхоза им. Куйбышева Жесткова. Его хамство, грубость и жадность многократно усиливались в моменты возлияний. Что же она пыталась вымолить? На этот вопрос ответил работник ульяновского суда М. Рен в заметке «Нарушитель закона», помещённой в «Пролетарском пути»: «Жестков в прошлом году нанял домашнюю работницу Е. Лягушкину, которая добросовестно помогала жене председателя колхоза (стирала, готовила, ходила за скотом и даже успевала нянчить ребёнка). Так прошло больше года. За всё время она не имела ни одного дня отдыха. И вдруг Жестков заявил: “Ты нам больше не нужна. Можешь уходить”. Е. Лягушкина попросила расчёт. “Деньги?! – закричал Жестков. – Я тебя кормил, поил, в тёплой квартире содержал, и тебе всё ещё мало. Денег не получишь! Скажи спасибо, что хоть приютили”. Жестков забыл о советском трудовом законодательстве, забыл и том, что эксплуатация в Советском Союзе никому не позволена. Народный суд, разобрав дело Жесткова, приговорил его к шести месяцам исправительных работ. Кроме этого, суд удовлетворил материальный иск Лягушкиной, предъявленный Жесткову»³. То был редчайший эпизод в колхозной жизни, когда суд, хотя и мягко, но всё-таки наказал самодура, а крестьянка добилась справедливости.

Изучение всех номеров «Пролетарского пути» за 1936 – 1938 гг. позволяет прийти к выводу о том, что в этот период (в разные отрезки времени) 12 колхозов (20 %) возглавлялись явными самодурами.

В целом же вырисовывается общий невесёлый портрет председательского корпуса в Ульяновском районе Куйбышевского края: из 59 руководителей

¹ Пролетарский путь, 1936, 5 июля.

² Пролетарский путь, 1937, 27 октября.

³ Пролетарский путь, 1937, 24 марта.

колхозов 11 (18 %) являлись бездельниками, 17 (28 %) – пьяницами, 11 (18 %) – ворами и расхитителями и 12 (20 %) – самодурами. Их можно было без колебаний отнести к отбросам общества. Тем более они не имели морального права распоряжаться судьбами других людей. И только восемь председателей (16 %) пытались с большим или меньшим успехом – работать, руководствуясь лучшими побуждениями (у них могли доминировать патриотические чувства или соображения разумного эгоизма). Но так или иначе, эта прогрессивная часть председательского корпуса (8 из 59) не делала погоды. Не в малой мере поэтому сельское хозяйство в Ульяновском районе было обречено на долгий застой.

ГЛАВА 7. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

В фокусе внимания авторов главы – рядовой человек с его каждодневными проблемами питания, одежды, жилья, занятости, труда, отдыха, морали и т. д. Опыт и практики решения повседневных задач (поиски хлеба и возможностей заработка, работа транспорта, вопросы жилья, вопросы здравоохранения, питания, правопорядка, девиантное поведение и т. д.). Мигранты в регионе (в т. ч. эвакуированные и пленные), миграционные стратегии. Повседневные аспекты деятельности властных структур, тыловых гарнизонов, которые существенно меняли облик провинции. Эмоциональные реакции людей в условиях кризиса и революции.

В условиях кризиса и революции: миграционные вопросы провинциальной повседневности в Словакии в 1918 – 1922 гг.

Михал Шмигель (Словакия)¹

События начала XX в. и связанная с ними Первая мировая война привели не только к краху многонациональных монархий в центральной и восточной частях Европы, но и к появлению разнообразных миграционных процессов в виде волн беженцев, переселений, репатриаций и т. д. Эти движения были особенно сильными в Центральной Европе, а территория современной Словакии и Чехии в то время стала территорией наиболее интенсивного транзита. Помимо внутренней миграции, связанной с развалом Австро-Венгрии и созданием Чехословакии в конце 1918 г., здесь наблюдалось мощное миграционное движение из Восточной Европы под влиянием фронтовых операций мировой войны, революции и Гражданской войны в бывшей Российской империи.

«Восточные евреи». Уже осенью 1914 г. на территорию Словакии (в то время Верхняя Венгрия) через Карпаты пришла большая миграционная волна с востока – с соседней территории австрийской Галиции (Галичины) и Буковины, а также пограничных территорий Российской империи. Сотни тысяч жителей, в частности евреев, бежали на рубеже 1914 – 1915 гг. перед наступ-

¹ Михал Шмигель, преподаватель Университета им. Матея Бэла, г. Банска-Быстрица.

лением русской армии в соседнюю Венгрию (в пограничные регионы Словакии и Закарпатье). Евреи бежали от надвигавшегося русского фронта из страха погромов, этнической чистки и насильственного перемещения в отдалённые регионы России. Известно, что в 1914 – 1916 гг. по причине якобы поголовной нелояльности из зоны военных действий и западных прифронтовых российских губерний было выселено 250 – 350 тыс. евреев¹, по другим оценкам – около 600 тыс. евреев².

Перейдя Карпаты, некоторые беженцы расселились главным образом в Восточной Словакии (в городах и лагерях, быстро создаваемых венгерскими властями), другие отправлялись далее вглубь страны. Из словацких пограничных городов Бардеёв, Гуменнэ, Свидник и др. местные власти перемещали их в Кошице, Нитру, Братиславу, Будапешт, Грац, Бад-Ишль, Зальцбург и Вену. Другие отправлялись пешком (400 и более км) в крупные лагеря и колонии для беженцев в Моравии (Микулов, Коетин, Погожелице, Киёв, Угерске Градиште, Хочень, Гавличков Брод и т. д.) и в Австрии (способные принять десятки тысяч беженцев), а также в Силезию и Чехию. Количество «восточных евреев», прибывших из Галиции, Буковины и русского пограничья, оценивалось властями в 300 тыс. человек, из них 125 тыс. находилось в Чехии и Моравии³.

По оценкам израильского историка Леона Когана, только из Галиции, граничившей с Россией, на Запад ушли в этот период около 400 тыс. евреев, притом что еврейская община в довоенный период насчитывала здесь 830 тыс. человек⁴.

Уже в мае 1915 г. правительство Венгрии приказало, чтобы все «галицкие беженцы», проживавшие в стране, возвращались домой или выезжали в Австрию. Однако происходившие трансферы еврейских беженцев в изначальные регионы были не только прерваны Брусиловским прорывом в июне 1916 г., но вместо этого пришла новая волна беженцев, хотя и менее многочисленная, чем первая.

В начале 1917 г. в крупных лагерях и колониях Моравии вспыхнули эпидемии (например, эпидемия пятнистого [сыпного – *Ред.*] тифа распространилась в лагере Немецкий Брод), многие беженцы умерли, а лагеря закрылись. Начиная с 1918 г. положение беженцев ухудшилось. Осложнялась и обстановка вокруг них.

¹ Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001, с. 29.

² Bell-Fialkoff A. Etnické čistky. – Praha, 2003, s. 69.

³ Habartová K. Finanční zajištění židovských uprchlíků v době první světové války v Čechách. // Theatrum historiae, 2010, № 6, s. 342.

⁴ Jancura V. Pred storočím utekali pred vojnou. Posielali ich späť. // Žurnal Pravda, 22.09.2015. URL: <https://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/368321-pred-storocim-utekali-pred-vojnou-posielali-ich-spat> (дата обращения: 10.03.2018).

Конец войны, крах монархии, развал государственной администрации и слом общественного порядка, последовавший революционный переворот и рост антиеврейских настроений в провинциях значительно осложнили положение «восточных евреев». Они были практически оставлены на произвол судьбы. Только в 1919 г. был создан Комитет помощи евреям в Чехословацком государстве, а сама репатриация галицких и буковинских евреев произошла в период 1921 – 1922 гг. при содействии польских и румынских посольств¹. В это время формирующиеся органы чехословацкой власти в первую очередь решали гораздо более насущные проблемы, в частности занимались репатриацией унаследованных от Австро-Венгрии «русских»² военнопленных на родину.

«Русские» военнопленные. В марте 1918 г., к моменту подписания Брестского мира, на территории Австро-Венгрии находилось около 900 тыс. – 1,2 млн «русских» военнопленных³. Из них к концу войны были репатриированы только 60 тыс. человек⁴. Остальные очутились в странах, возникших на развалинах Австро-Венгерской империи. Общий хаос, который воцарился после крушения монархии, усложнил репатриацию военнопленных.

На территории Чехословацкой республики (ЧСР) «русские» военнопленные располагались в основном в Чехии – около 350 тысяч, а несколько десятков тысяч человек – в воинской области с центром в Братиславе (в т. ч. вблизи словацко-венгерской границы). Все они оказались на попечении Министерства национальной обороны ЧСР и были постепенно отправлены на родину. Однако их транспортировка проходила очень сложно. Коммуникации во многих местах страны были разрушены, большинство вагонов и локомотивов повреждено, ощущался недостаток топлива, угля и бензина. Репатриационные пути проходили через районы боевых действий, развернувшихся на осколках Российской и Австро-Венгерской империй⁵.

Репатриацию бывших «русских» военнопленных, независимо от их национальности и желания отъезда в отчизну, планировалось осуществить до

¹ Habartová K. Finanční zajištění židovských uprchlíků v době první světové války v Čechách. // Theatrum historiae, 2010, № 6, s. 354.

² В дальнейшем выражение «русские» военнопленные, беженцы или эмигранты употребляется как нейтральное обозначение граждан (независимо от фактической национальной принадлежности) бывшей Российской империи.

³ См.: Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. // Новая и новейшая история, 1996, № 4, с. 66; Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. (в цифрах). – М., 1925, с. 4, 39; Nachtigal R. Zur Anzahl der Kriegs gefangenen im Ersten Weltkrieg. // Militärgeschichtliche Zeitschrift, 2008, № 67, s. 345-384.

⁴ Zaťková J. Zabudnutí vojáci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914 – 1918. – Bratislava, 2013, s. 19, 135.

⁵ Encyklopedie válečného zajetí a internace Czech Republic. URL: <http://www.evzi.estranky.cz/clanky/mista-zajeti-a-internace-1914-1921/zajatecke-tabory-na-uzemi-rukouskouherske-monarchie-a-na-okupovanych-uzemich--1914-1918/valecni-zajatici-v-rakouskouhersku-1914-1918/repatriace.html> (дата обращения: 10.03.2018).

конца 1919 г.¹ Но это оказалось невозможным. Основным препятствием для их переброски из Чехии на Восток стали боевые действия в Словакии, Польше и революционный хаос в Германии. 21 мая 1919 г. стотысячная венгерская Красная армия Белы Куна, усиленная мобилизацией и хорошо вооружённая, перешла в контратаку против чехословацких войск на юге Словакии (так называемый Северный поход венгерской Красной армии). До середины июня 1919 г. венгры захватили значительную часть Южной и Восточной Словакии и проникли до словацко-польской границы возле Бардеёва. Между тем вспыхнула польско-советская война (1919 – 1921 гг.), охватившая территории Западной России, Беларуси, Латвии, Литвы, Польши и Украины.

В основном бывшие военнопленные вывозились на границу ЧСР, но далеко не все из-за ситуации того времени прибыли к месту отправки. Некоторые из военнопленных хотели остаться в Чехословакии, «пока ситуация в России не успокоится».

Большая часть бывших русских военнопленных пыталась вернуться домой самостоятельно, отказываясь от организованных властями ЧСР транспортных коридоров. Это было стихийное возвращение небольшими группами, которое могло занимать несколько лет. По дороге на родину тысячи военнопленных вольно или невольно вовлекались в военные действия на фронтах Гражданской войны в России, причём воевать им приходилось по обе стороны баррикад. Некоторые так никогда и не возвратились домой.

В конце февраля 1920 г. в ЧСР оставалось 7,5 тыс. русских военнопленных и более 5,1 тыс. интернированных украинцев, размещённых в отдельных лагерях и казармах Чехии (Терезин, Йосефов, Границе-на-Мораве, Хоцень, Прага, Немецке Яблонне) и в отдельных колониях в Словакии.

Министерства обороны и внутренних дел ЧСР жаловались, что их ряды пополняли бывшие «русские» военнопленные из других стран (в основном из Германии), нелегально проникавшие в Чехословакию². Между тем с 1919 г. в Чехословакии начали появляться и другие «русские» беженцы.

«Русские» беженцы и эмигранты. Первые эмигранты из Российской империи появились в Европе сразу после вступления России в войну. Революция и падение монархии усилили этот процесс. После прихода к власти

¹ Zaťková J. Zabudnutí vojáci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914 – 1918. – Bratislava, 2013, s. 137-138.

² Zasedání Národního shromáždění československého r. 1920. Tisk 2518. Odpověď ministra vnitra spolu s ministrem národní obrany na dotaz člena Národního shromáždění Dr. Fr. Krejčího a společníků (č. tisku 1788) o nedovolené agitaci ruských válečných zajatců. // Společná československá digitální parlamentní knihovna. URL: http://www.psp.cz/eknih/1918ns/ps/tisky/T2518_00.htm (дата обращения: 10.03.2018).

большевиков в октябре 1917 г. масштаб эмиграции значительно увеличился – Россию начали покидать сотни тысяч граждан.

Возникла так называемая русская эмиграция первой волны, или Белая эмиграция (1917 – 1922 гг.), которая в годы Гражданской войны набрала огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Причинами этого в основном были несогласие с победой большевиков, с новым общественным порядком, а также страх насилия в годы Гражданской войны, а после неё – страх последующих репрессий. Родину покидали политики, бывшие государственные деятели, предприниматели, интеллигенция. За границей остались часть «русских» экспедиционных корпусов, военнопленные и интернированные, не пожелавшие возвращаться в Советскую Россию¹.

Постоянно растущее число граждан покидало страну в различных направлениях и с отступавшими армиями интервентов. Самая большая волна беженцев последовала за немецкими войсками, эвакуировавшимися с территории Украины и Беларуси на исходе 1918 г. Многие бежали в Китай из Поволжья и Сибири после поражения Колчака в 1918 – 1919 гг. Некоторые были вынуждены покинуть Одессу вслед за французским флотом в 1919 г.

Пик исхода русских и представителей других народов бывшей Российской империи пришёлся на 1920 г.: в феврале – в связи с уходом из Северной области России англо-американских войск и эвакуации частей Деникина из Новороссийска; в ноябре – при падении последнего оплота белогвардейцев – Крыма и эвакуации остатков армии Врангеля вместе с гражданским населением в Турцию и Грецию².

В последующие годы количество эмигрантов зависело от внутривнутриполитических шагов Советской России (Советского Союза).

В целом часть беженцев направилась на восток – в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад – в Прибалтику, Финляндию, Польшу, Турцию, Чехословакию, Болгарию, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Германию, Австрию, Францию, США и т. д. Основными европейскими центрами, в которых в 1920-е – 30-е гг. обосновались «русские» эмигранты, стали Константинополь, Вена, Варшава, Белград, София, Париж, Берлин и Прага.

Общая численность первой волны российской эмиграции оценивается по-разному. В 1924 г. великий князь Николай Николаевич заявил в Париже,

¹ Бочарова З. С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920-е – 1930-е гг. // Сетевой журнал «История», 2002, № 2. URL: <http://hi-s.lseptember.ru/2002/02/1.htm> (дата обращения: 10.03.2018).

² Буча А. И. Начальный этап «Русской акции» чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921 – 1923 гг.). // Российские и славянские исследования. – Мн., 2010, в. 5, с. 80.

что русская эмиграция по всем странам насчитывает около 3 млн человек. По данным, собранным верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге наций Ф. Нансеном, в 1926 г. только в 11 странах Европы и Азии проживало свыше 1 млн 131 тыс. человек, эмигрировавших из России¹. В современной литературе общая численность русских, покинувших Россию в 1918 – 1922 гг., оценивается в 1,5 – 2 млн человек (около четверти из них принадлежали к белым армиям разных фронтов, ушедшим в эмиграцию в разное время)².

Осознавая факт массовости Белой эмиграции, советская власть объявила политическую амнистию для всех беженцев-эмигрантов из России и последующую программу по их репатриации.

Акцию по репатриации проводил Союз возвращения на родину и его филиалы в отдельных центрах эмиграции в Европе. Часть эмиграции, по разным объективным или субъективным причинам, поверила пропаганде и с помощью этого механизма вернулась на родину. В течение 1921 – 1931 гг. таким способом было репатрировано около 180 тыс. человек. Однако с возвращениями советские органы поступали в основном по единому сценарию: часть бывших офицеров, военных чиновников и солдат была расстреляна сразу после возвращения, другие очутились в лагерях на севере и востоке СССР. Такой финал проявил истинные планы в отношении эмигрантов – в понимании большевиков предателей родины.

Поскольку эта форма возвращения в целом оказалась безуспешной, большевистское руководство пошло на крайние меры. Декретом от 15 декабря 1921 г. оно лишило гражданства всех беженцев, а также тех, которые проигнорировали призыв возвратиться на родину, не обратились в советские консульства и не подали заявления о выдаче советского паспорта до 1 июня 1922 г.³ В результате этих действий «русские» эмигранты оказались не только людьми без родины, но фактически лицами вне закона, у них не было действующих документов, а без документов им оставалось только уповать на милость отдельных стран мира.

Так появился **паспорт Нансена** – специальный юридический документ, предоставлявший владельцу статус бездомного с правами гражданина страны или привилегированного иностранца (с возможностью жить за границей без гражданства). С октября 1923 г., а в массовом количестве с 1924 г., паспорт выдавался эмигрантам из бывшей царской России и интенсивно использовался в основном русской и украинской эмиграцией. Своё название паспорт получил в

¹ Бочарова З. С. Указ. соч., с. 19.

² Vidňanskýs. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918 – 1948. // Historický časopis, 1997, № 3, s. 371-372.

³ Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství. – Praha, 1963, s. 129; Harbul'ová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918 – 1945. – Prešov, 1999, s. 10.

честь Ф. Нансена (1861 – 1930), занимавшего в то время пост комиссара Лиги наций по делам русских беженцев и являвшегося основателем Женевского комитета Международного центра помощи эмигрантам из России.

Следует подчеркнуть, что положение беженцев из России зависело от страны их пребывания. Однако в целом вопрос о юридическом положении русских эмигрантов не был решён, несмотря на очевидные попытки Лиги наций улучшить положение эмиграции введением т. н. паспортов Нансена и принятие международного соглашения о правах и защите эмигрантов из России¹.

Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и тяжёлыми социальными последствиями мировой войны, беженцы – эмигранты из России – были бременем, которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов.

После обострения вопроса эмиграции правительства европейских государств начали принимать конкретные меры по его решению, как правило предлагая беженцам два выхода: либо возвращение в Советскую Россию (репатриацию), либо безоговорочное принятие гражданства страны пребывания (что, однако, в эмигрантской среде воспринималось как попытка ассимиляции). Ни первое, ни второе решения не были приемлемыми для беженцев. Аналогичной была ситуация в Чехословакии, которая имела огромные социально-экономические и внутривнутриполитические проблемы консолидации молодого государства и тоже боролась с трудностями репатриации «русских» военнопленных, унаследованных от Австро-Венгерской империи. Но она всё-таки предложила другой подход.

Первые «русские» беженцы начали появляться в Чехословакии с начала 1919 г². Сначала это были выходцы из Западной Украины и Западной Беларуси, а также из европейской части России и Прибалтики. Вместе с чехословацкими легионерами в 1920 – 1921 гг. прибыли эмигранты из Сибири и Дальнего Востока³. Активнее стали прибывать также на рубеже 1920 – 21 гг. после эвакуации из Новороссийска и Крыма армии Врангеля. К тому же общественные деятели из числа беженцев обратились к чехословацкому правительству с просьбой предоставить нескольким тысячам «русских» эмигрантов возможность переселиться в ЧСР. Значительная часть эмигрантов прибывала в страну нелегально.

¹ См.: Бочарова З. С. Указ. соч.

² Бурега В. В. «Русская акция» чехословацкого правительства и церковная жизнь русской эмиграции (1920-е – 30-е гг.). // Информационно-аналитический портал «Воцерковление.ru». URL: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/stranicwistorii/1937-1-r1920-30-.html> (дата обращения: 10.03.2018).

³ Буча А. И. Указ. соч., с. 80.

В этой ситуации правительство Чехословакии заняло особую позицию по отношению к «русским» беженцам, исходя из своих внешнеполитических приоритетов. Инициатором решения этой проблемы был чехословацкий президент Т. Г. Масарик, который вместе со своим окружением исходил из того, что репатриацию, а также ассимиляцию (денационализацию) большинство беженцев-эмигрантов не приемлет. Поэтому президент предложил третий путь, который защитил бы их от вышеупомянутой депортации или ассимиляции. Коренное отличие положения эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР по сравнению с положением эмигрантов в других странах состояло в том, что чехословацкое правительство начало целенаправленно регулировать их приток для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы, которые после ожидаемого скорого падения большевистской власти подготовили бы новую интеллигенцию для будущей демократической России¹. Именно путь решения вопроса русской эмиграции в ЧСР в 1920-х гг. и главная цель, которую преследовали инициаторы нового подхода к беженцам из России, значительно повысили авторитет Чехословакии в глазах всей Европы и стали для правительств других государств стимулом к пересмотру существовавших взглядов на вопрос эмиграции².

В отличие от остальных государств Западной и Центральной Европы, в Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для эмигрантов из России. Правительство ЧСР рассматривало «русскую» эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы³. Официальные круги ЧСР пропагандировали свой подход и объясняли причины оказания помощи беженцам из России, которые, согласно их высказываниям, основывались на трёх идеях: гуманизма, славянского единства и благодарности тысячам неизвестных «русских» героев, сражавшихся и павших в мировой войне за общие цели⁴. Не последнюю роль сыграли политические интересы и мотивация (гуманитарная помощь как выгодное наращивание политического капитала).

На заседании, состоявшемся 28 июня 1921 г., чехословацкое правительство утвердило государственную программу масштабной помощи бе-

¹ Vidňanskýs. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku. // Historický časopis, 1992, № 3, s. 372.

² Ibid., s. 429.

³ Ibid., s. 371.

⁴ Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci. – Praha, 1924, s. 3.

женцам из России под названием «Программа помощи русским»¹ (чеш. – *Ruská poutěná akce*²). Конкретный план помощи был представлен МИД ЧСР Кабинету министров в ноябре 1921 г. Первоначально «Программа помощи русским» развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в России (Поволжье) и на Украине (1921 – 22 гг.), второе – на решении проблемы беженцев, находившихся в Чехословакии.

С января 1922 г. в Советскую Россию и на Украину был отправлен транспорт с лекарствами и продуктами (в целом на помощь голодающим было потрачено 13 млн крон). Но в середине 1922 г. советскими властями была запрещена иностранная благотворительная деятельность в России. Местные общественные организации были закрыты, а их сотрудники обвинены в контрреволюционной деятельности. С этого времени под «Программой помощи русским» подразумевались лишь действия по поддержке «русских» эмигрантов на территории Чехословакии³. В этом плане предусматривалась не только гуманитарная, но и материальная помощь эмигрантам, а также создавалась продуманная система для создания условий, которые позволили бы эмигрантам жить в ЧСР и работать в области науки, техники, экономики, культуры и искусства.

«Программа помощи русским» имела ясные цели: «Она была направлена, во-первых, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых считалось правительственными кругами республики наиболее перспективным⁴. Во-вторых, акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности (не случайно в то время говорилось о «русском Оксфорде» в Праге). В-третьих, акция была многонациональной – наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казачья, белорусская, кавказская. В-четвертых, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент»⁵.

Особая комиссия правительства ЧСР была в 1921 г. отправлена в Константинополь с целью набрать первую группу эмигрантов в лагерях бежен-

¹ В литературе «Программы помощи русским» обозначается также как «Русская акция», «Русская акция помощи» или «Русская вспомогательная акция».

² Harbuřová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť poobktoúbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918 – 1945. – Prešov, 1999, s. 20.

³ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции». // Славяноведение, 1993, № 4, с. 31-33.

⁴ Савицкий И. Начало «Русской акции». // Новый журнал (литературно-художественный журнал русского зарубежья), 2008, № 251. URL: <http://magazine-S.rus-S.ru/nj/2008/251> (дата обращения: 10.03.2018).

⁵ Буча А. И. Указ. соч., с. 81.

цев. Около 4 тыс. беженцев, в основном казаков, были приглашены в Чехословакию в качестве сельскохозяйственных работников. В константинопольских лагерях было набрано около тысячи недоучившихся студентов (в то время в ЧСР уже находилось около 300 русских и 800 украинских учащихся). Впоследствии были приглашены русские и украинские преподаватели. Начиная с февраля 1922 г. массовый перевоз «русских» беженцев в Чехословакию был прекращён, и МИД ЧСР давал лишь индивидуальные разрешения на въезд отдельным лицам, в первую очередь студентам¹. Тем не менее численность «русских» беженцев постоянно росла вплоть до середины 1920-х годов (за счёт массы нелегально прибывавших в страну эмигрантов, особенно из Болгарии, Польши, Германии и других соседних стран)².

В то время как волна эмиграции из России докатилась до многих стран стихийно, в результате целенаправленной политики чехословацкого правительства структура эмиграции в ЧСР оказалась значительно однороднее, чем в других странах. В республике сосредоточились высококвалифицированные кадры русской, украинской, белорусской и др. интеллигенции. В Прагу, Брно, Братиславу и другие города республики шёл поток учёных, писателей, журналистов, врачей, инженеров, педагогов и общественных деятелей. Значительную часть эмиграции составляли студенты, однако и число крестьян было также ощутимым³.

В Чехословакии «русская» эмиграция сосредоточилась в трёх центрах: в Чехии (в основном в Праге, Остраве, Брно, в их пригородах и других чешских и моравских городах), в Словакии (в Братиславе, Кошицах, Ладомирове и т. д.) и Закарпатье. Точное число беженцев-эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно некоторым данным, в начале 1920-х гг. в ЧСР проживало около 23 тыс. русских, украинских, белорусских, армянских, грузинских эмигрантов и представителей других народов бывшей царской России, в 1926 г. – 17 тыс. человек, в последующие годы их число снизилось, и в 1939 г. в стране проживало уже незначительное количество эмигрантов – 8 тыс. человек⁴. Общепринятой является точка зрения, что в 1920 – 1930-е гг. количество «русских» эмигрантов в ЧСР составляло от 10 тыс. до 40 тыс. человек. Во всяком случае, по данным, предоставленным чехословацким правительством Ф. Нансену, в 1925 – 26 гг. в ЧСР проживало 30 тыс. «русских» (русские, украинцы, белорусы и др.) и 200 армян. К концу 1920-х гг. эта цифра, по данным того же Ф. Нансена, снизилась до 14 тыс. человек. Таким образом,

¹ Сладек З. Указ. соч., с. 33.

² Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. – М., 1995, с. 20.

³ Vidňanskýjs. Op. cit., s. 373.

⁴ Tejchmanová. Politická činnost ruské emigrace v Československu v letech 1920 – 1939. // Slovanský přehled, 1991, № 4, s. 274.

«сравнивая численность “русской” колонии в ЧСР с другими странами, можно прийти к выводу, что она не была уж столь велика и ЧСР занимала лишь 11-е место в списке 20 стран, принимавших эмигрантов из бывшей Российской империи»¹. Однако ни одно европейское государство не имело такой исчерпывающей программы помощи «русским», сопоставимой с той, что реализовало правительство ЧСР².

Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке политических и общественных кругов ЧСР, были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций, которые, по своей сути, носили культурно-просветительский характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовных и материальных потребностей эмигрантов. В основных чертах чехословацкая программа помощи «русским» беженцам-эмигрантам основывалась не только на принципах гуманизма и братства, но, в первую очередь, на славянском единстве и принадлежности к центрально-европейскому и восточно-европейскому пространству.

¹ Серапионова Е. П. Указ. соч., с. 21.

² Протасова Е. Ю. «Акция помощи» русским эмигрантам в Чехословакии 1920-х – 1930-х гг. в современной историографии. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология», 2012, № 1, с. 133.

Повседневность Приамурской окраины начала 1917 - 1922 гг.

Леонид Бляхер (Россия)¹

Как правило, описание кризисных, да и не только кризисных, социальных процессов опирается на характеристики социального времени². П. Бурдьё отмечал, что социальное действие не пространственно, а организовано во времени³. Оснований для такого взгляда, особенно взгляда на кризисное общество, достаточно. Ведь это общество создано (деформировано, разрушено) кризисом в определённый момент времени. Соответственно, характеристиками момента и стоит озаботиться. Это тем более верно, поскольку плотно заполненное вещами, людьми, социальными смыслами пространство теряет свою субстантивность в глазах социального мыслителя. Его интерес обращается не столько на само пространство, сколько на то, чем оно заполнено. Не случайно тот же П. Бурдьё считал вопрос о том, где именно находится тот или иной класс или социальная группа, просто некорректным⁴. Однако возникают и существуют общества, чьи особенности жёстко структурированы именно спецификой пространства⁵. Труднодоступные горные массивы, отделённый от континента остров вполне могут стать основанием, детерминирующим структуру социума и специфику его повседневности.

К подобного рода эндемичным сообществам, чья структура детерминирована пространством, можно отнести и сообщество, сложившееся во второй половине XIX – начале XX вв. на российских территориях, расположенных за Байкалом. Как правило, подобные сообщества не стремятся к публичным формам презентации, предпочитая оставаться в тени, проявляясь в несоответствии статистики, в ярких, но случайных случаях⁶. И только в момент, когда государственная бюрократия или внешняя военная сила пытаются поставить такое сообщество под свой контроль, или в период резкого ослабления земного бога – Левиафана – оно актуализируется. Подобный процесс на восточ-

¹ Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета.

² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории; пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007, 648 с.

³ Социоанализ Пьера Бурдьё: альм. Рос.-фр. центра социологии и филологии Института социологии РАН; отв. ред. Шматко Н. А. – М.-СПб.: Алетейя, 2001, 285 с.

⁴ Бурдьё П. Начала. Choses dites; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994, 288 с.

⁵ Scott James C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. – New Haven & London: Yale University Press, 2009, p. 14-16.

⁶ Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. – М.: Европа, 2014, 208 с.

ной окраине России в первой трети XX столетия и предполагается рассмотреть в работе.

Гигантское пространство, которое скорее было обозначено как принадлежащее России, нежели реально контролировалось имперской бюрократией¹, предопределило собой местную специфику. Попытки государства в течение всего XVIII и первой половины XIX столетий создать здесь контролируемое и управляемое сообщество, как правило, или рушились, или приводили к тому, что сам контроль оказывался столь затратным, что делал бессмысленной для казны любую деятельность², включая золотодобычу. Необходимость заселить пустое пространство, при этом невозможность (затратность) его контролировать со стороны государства и привели к возникновению социальной самоорганизации прежде всего крестьянского населения в Приамурском генерал-губернаторстве.

С 60-х гг. XIX в. ставка была сделана на свободное переселение. Тем более что по Айгунскому мирному договору (1858) России отошли гигантские земельные угодья по Амуру и Уссури. Территория была слабо обжитой и крайне отдалённой. Во всяком случае, такой она выглядела в официальных отчётах губернаторов. Возможности же государства по насильственному водворению населения блокировались отменой крепостного права и экономическим кризисом. Потому заманить переселенцев, прежде всего крестьян, предполагалось с помощью огромного набора льгот³.

Переселенцы получали в пользование по 100 десятин на семью (примерно 109 гектаров), освобождались от всех податей, кроме местных, от уплаты за землю. При этом землю можно было выкупить по достаточно низкой цене. Освобождались переселенцы и от многих повинностей, в том числе от воинской. Впрочем, первое двадцатилетие переселение шло крайне медленно. В основном переселялись раскольники из сибирских губерний, для которых удалённость территории и слабость государства на фронтире были положительными моментами. Только в 80-х годах XIX в. в связи с улучшением сухопутного маршрута и появлением морского сообщения переселение становится массовым. Но полная неготовность властей Приамурского генерал-губернаторства к приёму переселенцев (отсутствие размеченных участков, возможностей учёта переселенцев, необходимого инвентаря, возможности обеспечить минимальный порядок) привела к формированию и господству обычного права. Управленческие и полицейские функции вплоть до уровня волости исполняли выборные от крестьян. Огромной властью обладали сель-

¹ Говорухин Г. Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона. – ДВО РАН, КнАГТУ, 2007, 154 с.

² Бляхер Л. Е. Указ. соч.

³ Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы, 1855 – 1917 годы. – Владивосток: ВГУЭС, 2012, с. 188.

ский и волостной сход. Чиновников и полицейских просто не хватало. Пространство гасило попытки взять под контроль территорию и население. Любое давление вызывало стандартную реакцию – уход на новые земли, которых было в избытке. Хотя земли в регионе считались казёнными, крестьяне просто захватывали столько земли, сколько могли обработать. Гигантский запас земли, отсутствие контроля, определяемое неосвоенностью и огромностью пространства, установка на взаимопомощь приводили к тому, что к началу XX в. бóльшая часть переселенцев стала зажиточной¹.

Только 9 % крестьян не имели своего хозяйства, нанимались к односельчанам в качестве батраков. К беднякам относили крестьян, имевших до 5 десятин пашни и обладавших хозяйством стоимостью до 500 рублей. Отметим, что в европейской части эти крестьяне были бы отнесены к середнякам. В качестве батраков обычно использовались не местные бедняки, а отходники из Китая².

Крестьяне учили детей в школах, гимназиях, а порой и в университетах. Использовали в своих хозяйствах передовую технику немецкого, американского и частью японского производства. В генерал-губернаторстве проводились съезды крестьян, где они решали проблемы открытия больниц и школ, выстраивания отношений с властью, организации кооперативов по сбыту продукции, закупки сельскохозяйственной техники.

Параллельно крестьянской повседневности существовала повседневность власти, сосредоточенная большей частью в Хабаровске (гражданская администрация) и Владивостоке (военные и моряки). Здесь по понятным причинам связь с жизнью империи была намного более тесной. Высшее чиновничество, как правило, состояло из людей временных, переведённых в Приамурье. Среднее и низшее чиновничество могло быть и местным, поскольку самих чиновников и любых специалистов остро не хватало. Задачи перед чиновниками стояли достаточно специфические³.

Перед властью, прежде всего, стояли задачи военной защиты и усиления русского присутствия в Маньчжурии и Монголии. Тот же Унтербергер видел задачу чиновников в Приамурском генерал-губернаторстве в создании инфраструктуры, которая понадобится в тот момент, когда европейская часть России будет перенаселена. Пока же, по его мнению, территория была не особенно нужна империи.

Кроме чиновников, в городах жили промышленники, купцы и мещане. Но и здесь можно выделить два типа повседневности. Элитное положение зани-

¹ История Дальнего Востока СССР. Т. 2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990, с. 317-319.

² Там же, с. 327.

³ Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906 – 1910 гг. Очерк. – СПб., 1912, с. 7-12.

мали золотопромышленники, судовладельцы, получатели казённых, в основном военных, подрядов, китобои, крупные лесо- и рыбопромышленники¹. Это была отдельная немногочисленная каста, выделенная, как и высшее чиновничество, из местной жизни. Для них существовали элитные магазины, рестораны, клубы, театральные труппы и т. д. При том что эта группа была тесно связана с властью, жить они предпочитали не столько в Хабаровске (столице генерал-губернаторства), сколько в Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Никольске-Уссурийском и частично во Владивостоке. Близко от власти, но не рядом.

Другая группа горожан, напротив, была с местным сообществом тесно связана. Хлеботорговцы, мукомолы, владельцы винокурен, кирпичных заводов, молокозаводов, рыбопромышленники меньшего масштаба. Они выступали связующим звеном между крестьянством и потребителями в городах региона, в Китае, Корее, Японии. Они и делали пространство цельным для населения, но невидимым для власти.

Рабочих в регионе вплоть до начала строительства железной дороги было немного, зато много было ремесленников, работавших на деревню².

В отличие от европейской части страны, в Приамурье крестьянские промыслы распространения не получили. Большую часть городской продукции крестьяне предпочитали покупать. Отдельную группу представляли собой военные, жившие преимущественно во Владивостоке, и казаки. Если первые представляли собой совсем отдельный мир, то вторые частично в местную жизнь были включены. Таким образом, в Приамурье сложилось несколько не пересекавшихся между собой сообществ, несколько повседневностей. Одна из них полностью замыкалась на регионе, раскрываясь скорее на восток и юг, чем на запад. Вторая была включена в социальное пространство империи, но численно крайне невелика. Однако за первые десятилетия XX в. ситуация меняется.

Стремительно растёт плотность населения, улучшается дорожная сеть, а значит, возможности власти контролировать и управлять. Россия с 90-х гг. XIX в. постепенно наращивает своё военное присутствие в регионе. Начинается грандиозное строительство крепости Владивосток, массово переселяется казачество. Казаки, щедро наделённые землёй (отвод Духовского), были основной военной силой, относительно дешёвой для казны, поскольку обеспечивать себя должны сами. Часть казаков действительно стали успешными хозяевами, приближаясь по социальным практикам к крестьянским сообществам.

¹ История Дальнего Востока СССР, т. 2, с. 346-349.

² Галлямова Л. И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX вв. – Владивосток: Дальнаука, 2000, с. 201-212.

Но не меньшая часть предпочитала выбивать всё новые дотации из казны, заниматься деятельностью на грани легальности или за её пределами: например, взиманием дани с китайских торговцев и мелких купцов¹. Земли, выделенные казакам, сдавались в аренду подданным Маньчжурской империи, Кореи, сельским предпринимателям. Часто на казачьих землях никакой хозяйственной деятельности не велось. Не случайно к началу XX в. казаки оказываются существенно беднее, чем крестьяне-старожилы и даже чем многие новосёлы². Противоречие между казачеством и крестьянством, пока не особенно явное, нарастает.

Меняется и социальная структура городов. Не то чтобы прежние жители исчезали, просто появлялись многочисленные новые группы. Вплоть до 1890-х гг. бо́льшая часть городов генерал-губернаторства – это центры сельской округи, где сосредоточены функции, которые крестьяне готовы оплачивать³. Конечно, есть и города-ставки типа Хабаровска или города-крепости типа Владивостока. Но они существуют отдельно, остаются чужими для региона.

В 90-е гг. и особенно в новом столетии население городов начинает скачкообразно расти (более чем в 10 раз за полтора десятилетия). Растёт численность рабочих приисков, горнорудных шахт. Рабочие посёлки конкурируют по численности с сельскими поселениями⁴. Вольные рыболовы у крупных рыбопромышленников вытесняются наёмными рабочими, в основном из Китая. Развитие золотодобычи, увеличение военных контингентов, строительство железной дороги – всё это приводит к острейшей нехватке рабочих в регионе. Начинается массовый наём рабочих в европейской части страны, перевозимых по железной дороге на основании льготных тарифов. Гигантские суммы, которые казна через общество КВЖД, через военный бюджет, через поддержку перевозок вкладывает в регион, предполагают контроль. Резко возрастает число государевых людей. Города генерал-губернаторства превращаются в царство чиновников, военных и авантюристов, стремившихся отвести ручеек от золотого потока, пролившегося на восточной окраине страны.

После поражения в Русско-японской войне этот процесс принимает лавинообразный характер. Население удваивается, а к началу Первой мировой войны достигает миллиона человек (без Забайкалья)⁵. При этом крестьянское переселение уже не является основным. Чиновники и военные, со-

¹ История Дальнего Востока СССР, т. 2, с. 327.

² Там же, с. 231-233.

³ Осипов Ю. Н. Указ. соч., с. 93-95.

⁴ Галлямова Л. И. Указ. соч., с. 209-210.

⁵ Впрочем, по переписи 1897 г., население приближается к двум миллионам. См.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=76

ставлявшие почти пятую часть трудоспособного населения территории, приисковые рабочие, рабочие железной дороги, казённых заводов, строители, военные – эти люди текут встреч солнцу вместо прежних охотников, казаков и земледельцев. Ежегодный прирост населения составлял 60,2 тыс. человек, а уровень урбанизации достиг к 10-м годам XX в. 28,9 %¹. Крестьяне в регионе составляли уже меньше половины населения. Если до 1909 года Приамурье полностью обеспечивало себя продовольствием, вывозило сельскохозяйственную продукцию и продукты её переработки за пределы региона и страны, то с этого времени регион начинает активно ввозить продовольствие².

Постепенно меняется и отношение к крестьянству. Сокращается объём льгот. С 1910 г. приамурские крестьяне подлежат призыву на воинскую службу³. Это воспринимается не просто как новая проблема, но как поспание норм жизни. Происходит массовое бегство, уклонение от призыва. Несмотря на репрессии, попытка призвать на службу даёт минимальный результат. Включается оружие слабых: подкуп должностных лиц, саботаж указаний начальства. Спасают таёжные просторы, условность границы с Китаем и Монголией. Начинается переселение в «желтороссию» (Северный Китай, Монголию). Последнее поддерживается и властью, поскольку выступает, по её мнению, средством колонизации Востока. Часть крестьян уходит на таёжные заимки. Возрастает полицейское давление на деревню. Прежнее положение, когда полицейские функции в деревне выполнялись выборными из крестьян, всё больше воспринимается как ненормальное.

Новое бедствие – начало мировой войны и массовые мобилизации. По подсчётам разных исследователей, из приамурской деревни предполагалось призвать до 40 % трудоспособных мужчин. Номинально, по отчётам, это и было сделано. Однако подсчёт частей приамурцев, участвовавших в боевых действиях, даёт иную картину. На фронт ушло менее 30 тысяч человек⁴. Значительная часть потенциальных новобранцев уходит на новые места или просто в леса. Им на смену приходят сезонные рабочие из Китая.

Власти закупают продовольствие по твёрдым ценам, но цены растут. Хотя на территории Приамурского генерал-губернаторства ситуация с продовольствием была лучше, чем в целом по России, инфляция на все товары народного потребления отмечалась и здесь. Государство традиционно пытается решить эту проблему за счёт крестьян, увеличивая реквизиции.

¹ Галлямова Л. И. Указ. соч., с. 205.

² История Дальнего Востока СССР, т. 2, с. 386.

³ Зуев В. К. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 г.: структура, дислокация, численность. // Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1994, с. 50.

⁴ Иконникова Т. Я. Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). // История и культура Приамурья, 2008, № 2 (4), с. 76-85.

Деревня реагирует резким сокращением товарного производства и переходом в режим самообеспечения. Власти реквизируют лошадей для нужд армии. Крестьянство просто перестаёт держать лошадей. В качестве тягловых животных используются быки, особенно в Приморской области. Зато резко возрастает поголовье свиней, интенсифицируются огородничество, выращивание картофеля¹. Иными словами, той продукции, которая идеально работает на самообеспечение, но не интересует казну и военное интендантство. Деревня защищается и вполне эффективно. Тем более что после развала фронта и блокирования Транссиба возросшим потоком военных грузов, шедших из Владивостока, контроль над территорией со стороны какого-либо центрального правительства стал практически номинальным.

О «телеграфной революции» в Сибири писалось уже немало². За Байкалом она обладала своей спецификой, связанной с ещё меньшей корреляцией между жизнью Дальнего Востока и общероссийскими трендами. Одним из немногих громких событий начала Великой российской революции, вполне созвучных общероссийским трендам, был арест генерал-губернатора Н. Л. Гондатти³ и сопровождение его в столицу, в комиссию по расследованию преступлений царизма. Впрочем, преступлений за ним не обнаружили.

После этого глава КВЖД и временный правитель Восточной окраины генерал Д. Л. Хорват, представитель Сибирского временного правительства П. В. Вологодский⁴, местные лидеры казачества и крупные предприниматели активно принялись решать, кто правит за Байкалом. Веселья добавило прибытие в августе 1918-го во Владивосток воинского контингента союзников по Антанте. Деревню оставляют в покое. Впрочем, не все и ненадолго.

В ноябре 1918 г. титул верховного правителя России принимает адмирал А. В. Колчак. Из многих событий тех трудных лет попытка проведения в регионе колчаковской мобилизации, похоже, оказалась последней каплей – жители, главным образом крестьяне, уходят в тайгу. На свет рождаются приамурские партизаны. Прибывший в 1919 г. в Приамурье представитель верховного правителя генерал С. Н. Розанов⁵ меняет политику в отношении Восточной окраины, понимая тщетность привлечения её к священной борьбе. Он

¹ Степнин В. А. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900 – 1917 гг.). – Новосибирск, 1976, 344 с.

² Гайда Ф. А. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.). // Вопросы истории, 2001, № 2, с. 149.

³ Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. – Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997, 208 с.

⁴ Шишкин В. И. «Я всё время вёл примиряющую политику». Временное Сибирское правительство в оценке его премьер-министра П. В. Вологодского. // Исторический архив, 2009, № 6, с. 43-112.

⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. – М.: Айрис-Пресс, 2008, с. 442-444.

делает ставку на казаков, легализуя сложившиеся к тому времени атаманские режимы. Собственно, эта легализация и позволяет ставить знак равенства между очень разными политическими феноменами в регионе.

В Уссурийском Войске (территории южной части современного Хабаровского края и Приморского края) власть передаётся атаману И. П. Калмыкову, на Амуре правит атаман И. М. Гамов, в Забайкалье – атаман Г. М. Семёнов¹. Можно написать цикл статей о каждом из этих персонажей. Однако это далеко уведёт от центральной темы нашей работы.

В этом отношении для нас важнее то, что очень скоро атаманские режимы, как и все их предшественники, начинают нуждаться в продовольствии и пополнении рядов. Отношение городов к атаманам определилось очень быстро. Невероятные по жестокости убийства казаками Калмыкова жителей Хабаровска, репрессии в Благовещенске и инциденты в Чите оттолкнули горожан.

Крестьяне же до времени просто жили вне тех событий, которые будоражили регион. Наличие в деревне ещё с 80-х гг. отрядов самообороны, на тот момент – от банд хунхузов, позволяло отбиться от случайного нападения. Но попытки реквизиции лошадей и продовольствия, мобилизации молодых людей в армии вызвали взрыв. Небольшие отряды, решившие пополнить запасы продовольствия, уничтожались. Для крестьян они мало чем отличались от любых других бандитов. Ответом были массовые расстрелы. Маховик ненависти продолжал раскручиваться дальше. Начинается уже массовый уход в партизаны².

Но партизанские группы, жившие на тех же заимках, что и прежние переселенцы, состояли из очень разных людей. Кроме крестьян на Амуре, в партизаны от атаманщины бежали рабочие. Примыкала сюда масса дезертиров из Белой и Красной армий, любителей приключений. Были и идейные сторонники большевиков вроде знаменитого Сергея Лазо.

Мирное поначалу сосуществование партизан и интервентов сменяется яростным противостоянием. Если атаманине ставили в вину резню в Хабаровске, то на счёт партизан относили «николаевский инцидент», когда был полностью уничтожен целый город, включая японскую дипломатическую миссию³. Нападения на железную дорогу, которую охраняли японские войска, ограбления поездов, попытка штурма Уссурийска привели к столкновениям между регулярной японской армией и партизанскими отрядами. Появляется ещё одна сторона конфликта.

Многочисленные столкновения привели к тому, что «для защиты граждан Японии» Япония переходит к активным действиям. При поддержке японских

¹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005, 415 с.

² Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2009, 128 с.

³ Там же, с. 103.

войск, численность которых (по разным источникам) колебалась от 70 до 100 тысяч человек¹, атаман Семёнов захватывает Читу.

Долгое время Г. М. Семёнов, грезивший возрождением империи Чингисхана, не мог найти общего языка с Колчаком и его представителем. Зато легко нашёл общий язык с японцами. Это сделало верховного правителя более договороспособным. В результате Семёнов подчинился Колчаку «с сохранением полной свободы в принятии решений». Получив чин генерал-лейтенанта, был назначен правителем Восточной окраины. Впрочем, правитель он был номинальный. В Верхнеудинске заседало правительство Дальневосточной республики. Земские власти Приморья тоже чувствовали себя вполне автономно.

Но регулярная японская армия, как и отряды атаманов, испытывали всё возрастающие сложности. Традиционно речь идёт о воинских успехах отрядов Народно-революционной армии ДВР, которые, конечно, тоже были. Но сложности белых были совсем иного рода. Нараставшая нехватка продовольствия (деревня полностью отворачивается от атаманов, остатков армии Колчака и иностранных войск), постоянные нападения партизан на отдельные группы японских военнослужащих создавали столь серьёзные проблемы, что после переговоров с советским правительством японское командование принимает решение о выводе войск. Противодействие партизанам со стороны регулярных войск затруднялось гигантским пространством. Партизанские отряды просто уходили из-под удара, используя тактику регулярной армии только тогда, когда обладали преимуществом². Издержки войны в тайге не компенсировали возможные блага от контроля над богатствами Дальнего Востока. Пространство побеждает армию.

Перипетии Гражданской войны на Дальнем Востоке описаны многократно и достаточно подробно. Воспроизводить их здесь нет особой необходимости.

Важно лишь отметить, что ядро партизанских отрядов составляли именно крестьяне, а их действия позволили во многом продлить самостоятельное существование самоорганизовавшегося сообщества ещё на два года, позволили сложиться Дальневосточной республике (ДВР). Не только для того, чтобы избежать вооружённого конфликта с Японией, был создан буфер. И даже не только потому, что была острая необходимость перебрасывать войска на запад (война с Польшей). Была ещё одна, не менее важная причина – регион с номинальным советским присутствием контролировали люди, по поводу советскости которых в правительстве Ленина не обольщались. Не

¹ Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918 – 1920 гг: краткие очерки истории. – Чита: Поиск, 2000, с. 82.

² Дробов М. А. Малая война. Партизанство и диверсии. Репринтное издание 1931 г. – М., 1998, с. 36.

случайно в ходе выборов в ДВР большинство получили не большевики (94 мандата), а делегаты от крестьян (183 мандата)¹. А силовой и административный контроль над регионом был в тот момент маловероятен. Ресурсов для этого не хватало не только у японцев.

Давление нарастало очень постепенно. После завершения Гражданской войны в регионе концентрировались войска (не Народно-революционная армия ДВР, а полки Красной армии), работники ЧК, партийные администраторы и другие агенты влияния. В 1922 г. советское правительство сочло возможным организовать «всенародное волеизъявление» по присоединению ДВР к РСФСР². В середине ноября 1922 г. ДВР прекратила своё существование. Но не прекратило своего существования свободное крестьянское сообщество в Приамурье и Приморье.

В РСФСР царил нэп. Крупные предприятия, особенно связанные с военно-промышленным комплексом, золотодобычей, угольной и энергетической промышленностью, были национализированы. Но и в прошлом они не имели отношения к жизни большей части населения. Были созданы государственные (советские) рыбопромышленные предприятия, пользовавшиеся государственной поддержкой³. Правда, без государственной поддержки существовавшие частные предприятия оказывались рентабельнее. Государственные рыболовы разорялись⁴.

Но к 1924 году начинаются репрессии в отношении крестьян. Точнее, на крестьянство распространяются общие положения РСФСР. Если для крестьянства основной части страны замена продразвёрстки продналогом была благом, то для дальневосточной деревни, в которой попытка введения режима реквизиций и вызвала появление партизанского движения, продналог и прочие нормирующие попытки со стороны советской власти воспринимались крайне болезненно. Для крестьянских хозяйств вводятся разряды, исходя из которых рассчитывается налогообложение. Чем крепче хозяйство, тем выше ставка. Вводятся хлебная монополия и твёрдые цены на хлеб. Советская власть национализировала мельницы и зернохранилища.

Можно выделить направления реагирования деревни на усиливавшееся давление. Первое – что достаточно обычно для подобных негосударственных самоорганизующихся структур: при том что ситуация с дорогами улучши-

¹ Егунов П. П. Очерки истории Дальневосточной республики. – Улан-Удэ, 1972, с. 86.

² Там же, с. 109.

³ Галлямова Л. И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии. // Россия и АТР, № 3, 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dalniy-vostok-sssr-v-gody-nepa-tendentsii-i-osobennosti-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 23.11.2018).

⁴ Там же.

лась, а число войск и чиновников возросло, пространство по-прежнему позволяло избегать контроля. Расчищались и запахились участки в тайге, организовывались контрабандные торговые маршруты в Маньчжурию, где уже проживали представители дальневосточного крестьянства. Обратно шли товары массового спроса, сельскохозяйственная техника. С контрабандой боролись, но безуспешно¹.

Второе направление – прямая борьба². Вернувшиеся домой приамурские партизаны, доведённые до отчаяния поборами со стороны властей, поднимают восстание (Зейское восстание). Восставшие контролировали 24 крупнейших поселения (восемь волостей, около трети Амурской области). На контролируемых территориях вводилось волостное самоуправление, прежние властные и хозяйственные практики. Советская власть, сосредоточив против восставших регулярные войска с артиллерией, бронепоездами и авиацией, в январе 1925 г. наносит поражение повстанцам. Хотя сопротивление отдельных отрядов продолжалось до начала 1930-х гг., основные силы восставших были рассеяны.

Почему большевикам удалось то, чего не смогли сделать японцы и свои атаманы? Причина, как представляется, состоит в том, что и первые, и вторые пытались овладеть существовавшим пространством и проживавшим на нём населением, господствовать над ним. Большевики же попросту уничтожали население, не задаваясь вопросом об экономической или иной (кроме революционной) целесообразности подобных действий.

После восстания главной формой противостояния становится бегство.

Точное число крестьян, которые пересекли Амур, назвать трудно. Но показательно, что в 1923 г. население Дальневосточного края составляло более полутора миллионов человек, а по переписи 1926 г., зафиксировано чуть более миллиона. И это при том, что на Дальний Восток продолжают прибывать войска и советские чиновники³.

Но и оставшиеся находили формы противостояния, возрождая практики даже не XIX в., а гораздо более ранних эпох. Население уходит в тайгу, бросая хозяйство, живя тем, что давала тайга. Подобный тип хозяйства на Дальнем Востоке описан И. Багряным в романе «Тигроловы»⁴. Подобные практики были маловероятны в европейской части страны в силу меньших размеров территорий и лучшей логистики. Оставшихся крестьян в период с 1929 по

¹ Там же.

² Саначёв И. Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН, 1992, № 3-4.

³ Кулинич Н. Г. О социальной мобильности дальневосточных городов (1920-е – 1930-е гг.). // Россия и АТР, 2006, № 4 (54), с. 24-31.

⁴ Багряный И. Тигроловы. // Рубеж. – Владивосток, 1991, № 1-2.

1934 гг. сгоняют в колхозы и совхозы. С этого же времени берёт отсчёт военный проект освоения Дальнего Востока¹. Начинается новый этап – этап подневольного населения, военных городков, оборонных заводов и ГУЛАГа.

Казалось, свободное самоорганизующееся сообщество на Амуре безвозвратно погибло, а его реликты постепенно исчезают в приамурской и приморской глуши, забиваются в медвежьи углы, растворяются в китайском населении Маньчжурии. Всё это так и не так.

В условиях, когда бо́льшая часть населения состоит из военных, а инфраструктура ориентирована на армию, Дальний Восток начинает нуждаться в массовом ввозе извне не только продуктов, но всего – от металла до специалистов, от хлеба до одежды. При этом поставки идут крайне неритмично. Номинально захваченное, но, как и прежде, пустое с точки зрения администратора, т. е. неконтролируемое, пространство повышает издержки управления, постоянно срывает графики доставки жизненно важных ресурсов к месту.

Государство из последних сил стремилось овладеть неконтролируемым пространством, заселить его людьми изначально покорными и подконтрольными: военные, заключённые, рабочие оборонных заводов. Но ресурсов для этого катастрофически не хватало. Пространство гасило управленческие усилия. В каждой лакуне, где учёт и контроль давали сбой, возрождалась самоорганизация, каждый раз выходя на поверхность, как только ослабевшее государство отступало.

¹ Ткачёва Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30-е – 40-е гг. XX в: основные теоретические подходы. // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (VII Крушановские чтения, 2011). – Владивосток: Дальнаука, 2013, с. 415-423.

Революционные будни в дворянских усадьбах Симбирской губернии [на материалах дневника Иосифа Сергеевича Ильина]

Вероника Жобер (Франция)¹

– А что у вас тут делается? – спросил солдат, сидящий рядом со мной. – Как в деревне?

– Да што – делим! Тяперича всё хрестьянское, значит, ну и того.

– Кого делите-то? – с замиранием сердца спросил я, стараясь ничем не выдать своего беспокойства.

Мужичонка покосился на меня:

– Да вот Мертваго² поделили, Ребровых³ выселили.

Беспокойство всё усиливалось.

– Ну а ещё кого? Как в Новоспасском?⁴

– В Новоспасском? Амбразанцевых⁵ пожгли. А ты что, чей будешь? Не воейковский?!

– Нет, я племянник начальника станции. А Воейковы⁶ что?

– Да третьего дня тоже делили. Десятин восемь, што ли, оставили⁷.

Э тот разговор в поезде, в котором Иосиф Сергеевич Ильин едет к своей семье в Симбирскую губернию в январе 1918 г., сразу окунает читателя в гуцу событий тех времён. Это наглядно даёт понять, с чем столкнулись дворяне, оставшиеся в своих усадьбах после 1917 г.

В эмигрантской газете на русском языке, выходящей в Сан-Франциско (США), Иосиф Ильин опубликовал в 1963 г. трогательный рассказ «Конец дворянских гнёзд»⁸. Ильин в то время жил в Швейцарии, в маленьком городе, куда переехал со второй женой в 1956 г. после долгого пребывания в эмигра-

¹ Вероника Жобер (Véronique Jobert), заслуженный профессор Сорбонны, главный редактор журнала La Revue russe.

² Мертваго – близкие родственники Воейковых. Александра Александровна Толстая, сестра тётчи Ильина, была замужем за Борисом Петровичем Мертваго.

³ Ребровы – симбирские помещики.

⁴ Ульяновская – Симбирская энциклопедия, т. 2. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004, с. 40.

⁵ Громова Т. А. С Симбирском связаны судьбой. // Жизнь, ставшая житием. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015, с. 169-178.

⁶ Семья жены Иосифа Ильина, Екатерины Дмитриевны, урождённой Воейковой.

⁷ Ильин И. С. Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914 – 1920; подгот. текста, вступ. ст. В. П. Жобер, примеч. В. П. Жобер и К. В. Чашина, разработка карт-схем Т. В. Русиной. – М.: Книжница, Русский путь, 2016, с. 251.

⁸ Конец дворянских гнёзд. // Russian Life, San Francisco, California, USA, 17.01.1963 (№ 489), 19.01.1963 (№ 5257), 22.01.1963 (№ 5288), 24.01.1963 (№ 490).

ции в Харбине¹. В этом рассказе упоминаются как раз все дворянские усадьбы, в которых жили семьи, с которыми он был связан родственными узами. Прочитав впервые этот автобиографический рассказ, я не знала, что найду впоследствии в ГАРФе его дневник, в котором ещё полнее освещается жизнь в Поволжье в революционные годы. Все эти усадьбы с ласкающими ухо названиями – Жедрино², Золино³, Каранино⁴, Репьевка⁵, Самайкино⁶ – были родовыми поместьями известных дворянских родов: Ушаковых⁷, Мусиных-Пушкиных⁸, Толстых⁹, Мертваго¹⁰, Воейковых¹¹.

Конечно, после октябрьских событий быт в дворянских усадьбах резко изменился и ухудшился. Но надо признать, что всё началось намного раньше. Не говоря даже о 1905 годе, начнём с Февральской революции 1917 г.

Как известно, отречение царя, формирование Временного правительства, да ещё приказ № 1, касавшийся армии, совершенно изменили ситуацию в России.

И. Ильин пишет о том, какие изменения он нашёл уже в апреле 1917 г., когда приехал на несколько дней в отпуск в Самайкино. Как по всей России, здесь чувствуется усталость от войны, которой не было видно конца. Хотя, когда она начиналась в 1914 г., война была встречена даже с энтузиазмом, и все думали, что она будет очень непродолжительной. Напомним, что к 1 января 1917 г. в Российской империи насчитывалось 14 миллионов мобилизованных солдат, 3,3 миллиона беженцев и эвакуированных жителей, а также больше миллиона дезертиров. Образовавшийся в Петрограде Совет рабочих и солдат породил по всей стране схожие советы и комитеты крестьян. То же самое наблюдается и в Самайкине: там образовался сельский совет, а его председателем был избран самый никудышный местный мужик, заядлый пьяница, пишет Ильин. Новый милиционер на Маковке также не внушает доверия. А такой выбор, оказывается, объясняется тем, что у других мужиков много дел, они заняты своей работой. Ильин отмечает, что назначением нового министра земледелия, эсера Чернова, «взбаламутили окончательно му-

¹ Иосиф Ильин прожил в общей сложности в Харбине 36 лет, с 1920 до 1956 г.

² Ульяновская – Симбирская энциклопедия, т. 1. – Ульяновск: Симбирская книга, 2000, с. 200.

³ Там же, с. 222.

⁴ Там же, с. 261.

⁵ Там же, с. 193.

⁶ Там же, с. 218.

⁷ Ушаковы были близкими родственниками Воейковых. Анна Александровна Толстая, сестра тётчи И. Ильина, была замужем за Алексеем Сергеевичем Ушаковым.

⁸ Ульяновская – Симбирская энциклопедия, т. 1, с. 395-396.

⁹ Там же, с. 333-334.

¹⁰ Там же, с. 367.

¹¹ Там же, с. 104-105.

жиков, и они теперь самочинно захватывают землю и, главное, рубят лес»¹. В конце июня баре (в лице самого Иосифа Сергеевича, его жены и невестки, агрономши, управлявшей с мужем всем имением) отправляются на деревенский сход, чтобы попытаться разобраться в происходящем. То, что они слышат и видят, вызывает их недоумение, тем более что по окончании собрания знакомые мужики, узнав их, почтительно кланяются и пытаются неуклюже оправдаться тем, что им приходится идти с народом, принимать против собственной воли решения.

– Ты уж, Марья Митривна², не сердчай! Что поделаешь? Мы и рады были бы, да как против народа пойдёшь³

Такие сцены повторяются неоднократно. Вот Ильин вернулся к своим, вышел из поезда в январе 1918 г., встречает знакомого мужика:

– А, Осип Сергеевич. Приехал!
– А как дома, что мои все?
– Почитай, все живы, слава Богу! Вчера вот делёж был – лошадей забирали и коров.
– Что же, всё забрали?
– Зачем всё. Земли оставили по две десятины на душу, а тебе три положили, потому как был на фронте, три лошади оставили да две коровы. Во как, видишь!
– Так. Ну а потом и это заберёте, – сказал я.
– Зачем заберём? Мы по справедливости. Зря тоже нельзя.
– И Амбразанцевых сожгли по справедливости?!
– Амбразанцевых не мы трогали. Там свои, значит, распорядились. Мы не повинны в том.

Мужики смотрели на меня ласково и сочувствуя. Чему? Очевидно, тому, что сами же ограбили! Странный народ!⁴

Оказывается, узнаёт потом Ильин, Амбразанцевых, богатых соседей Воейковых, не только выселили, но всё отобрали и сожгли усадьбу, церковь и больницу.

Воейковым (это семья жены Ильина) в какой-то мере легче, чем другим помещикам. Сестра жены Мария Дмитриевна и её муж Василий Денисов – агрономы, и они управляют имением. Дом охраняют по ночам военнопленные (среди них немцы и венгры) и 12 инвалидов, которые живут в лазарете, устроенном в начале войны Ольгой Александровной Воейковой, и тоже на стороне помещиков. Оставленную им землю Воейковы пашут сами, они к

¹ Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина, с. 211.

² Громова Т. А. Указ. соч., с. 193-203.

³ Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина, с. 212.

⁴ Там же, с. 252.

тому же вскопали огород и этим вызывают нескрываемое удивление мужиков. Один из них даже сказал: «Жавущие, што и говорить!»¹

Но, конечно, идёт полный грабёж. Так как всё считается отныне народным, у Воейковых отбирают весь запас ржи, оставив им только пуд на душу в месяц. В сельском совете они получают паёк: полфунта сахара на каждого. Автор с юмором рассказывает, как опечатывали у них книги в шкафах. Он позволил себе вслух сказать, что большинство книг английских и французских и вряд ли народу они нужны. С такой же ехидной иронией описывает он сцену, когда мужики и бабы делят меж собой барское имущество:

Всё очень деловито осматривали, примеряли, распределяли, что кому. В карету забрались несколько человек, парни и девки, и, сидя на широком сиденье, раскачивали карету и дико веселились, галдя и хохоча...

Мужики дивились все нашему весёлому виду и тому, что мы как будто бы и не жалеем ничего².

После подписания мира в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Ильин записывает в дневник:

Итак, война кончена, но зато начинается другая³.

В этом нетрудно было убедиться И. Ильину, когда он поехал в мае 1918 г. из Самайкина в Царицын. Он обещал семье попытаться получить деньги за аренду земли запасному батальону, стоявшему на постое в Самайкине в 1917 г. На руках у Ильина были всего лишь расписка казначея того самого батальона, уехавшего в Царицын, да липовый документ, выданный ещё во Врангелевке, будто он писарь военной школы и едет домой. По дороге он то и дело становится свидетелем страшных сцен. На каждом шагу расстреливают, избивают, грабят, всюду анархия, хаос и полное одичание нравов. То, что видит и слышит Ильин, только подтверждает его опасения, возникшие сразу после февральских событий. Каждую минуту его могут схватить и записать в Красную армию, а он по недоразумению хотел остановиться в гостинице, где располагалась Чрезвычайная комиссия Донского казачьего войска, действовавшего против «банд Деникина». Вернётся он, конечно, несолоно хлебавши, и вообще диву даёшься, как это он опять уцелел.

И вот, когда в июне 1918 г. Сызрань была захвачена чехами, а в Самаре образовался Комуч (Комитет Учредительного собрания), создавалась Народная армия, И. Ильин пришёл к решению покинуть родные места и двинуться в Самару, чтобы спасти семью. В отличие от других помещиков из его окружения, благодаря, может быть, накопленному во время войны опыту, он пре-

¹ Там же, с. 258.

² Там же, с. 257.

³ Там же, с. 257.

красно отдавал себе отчёт в ненадёжности их положения, в опасности, в которой они живут, в невозможности, наконец, оставаться на месте. Он твёрдо стоял на своём, несмотря на уговоры родных, которые не хотели уезжать, были убеждены, что смогут отсидеться, наивно думая, что крестьяне их любят и защитят. И вот, по дороге в Сызрань они с семьёй остановились в Репьевке, где жили родственники, Александра Александровна Мертваго с дочерью, и гостил генерал-майор Зорин. Все пытались тщетно его отговорить ехать дальше. Обида и злость душили Иосифа Сергеевича, когда родные его обвиняли в трусости. А он удивлялся глупости и наивности всех этих дворян. Он же был утром на сходе в деревне, где они с Зориным «слушали мужиков. Настроение у репьевских самое революционное, против Мертваго настроены сильно»¹.

И вот оказывается, что прав был Ильин, именно он спас семью, уехав сперва в Сызрань, а затем в Самару. На следующий день в Сызрани они узнали, что Мертваго в Репьевке и Толстые в Каранине убиты.

Иосиф Ильин, разумеется, типичный представитель своего сословия, класса, он дворянин и помещик, любит щеголять своим умением работать на земле а ля Толстой. В апреле 1918 г. он записывает:

Необъяснимую прелесть имеет физический труд на воздухе. Я, кажется, мог бы всю жизнь прожить на земле на небольшом клочке с тем, чтобы самому работать и видеть результаты своих трудов. Мне думается, что самое естественное для человека, самое здоровое и самое нормальное – работать на земле².

Как дворянин и офицер, Иосиф Ильин, естественно, ценит красивую обстановку, которой некогда славились их усадьбы. В Репьевке, отдыхая после обеда «в большой, столь знакомой столовой», он вспоминает с явной ностальгией былую жизнь, которая, как он понимает, навсегда ушла в прошлое:

В былое время устраивались грандиозные ужины, с веранды гремел оркестр, крутились пары, щёлкали шпоры, в окна неслись весёлые голоса и отдалённый шум бивуака, когда бывали манёвры. Как всё это промелькнуло! Где все эти каргопольцы, весёлые кавалькады, шум, смех, веселье, звуки старинного вальса, белеющая тумба солнечных часов в густой зелени клумбы?³

В газете «Русская жизнь» описание роскошных балов, которые устраивались в Репьевке, ещё более подробное. Упоминаются, в частности, вечера в ходе манёвров Казанского военного округа в 1912 г.:

¹ Там же, с. 266.

² Там же, с. 258.

³ Там же, с. 266.

Вечером – танцы. Убирался к стене стол, на веранду открывались настежь двери, там размещались два оркестра. Бал открывал Гернгросс¹ с тётушкой². Он галантно подхватывал её за талию, и под вальс в два па, быстро перебирая ногами, они кружились, проносились из одного угла в другой. Бал начинался³.

Репьевка – это ещё и ранее дом Анны Павловны Толстой, бабушки Екатерины Дмитриевны Ильиной, жены Иосифа Сергеевича. И Екатерина Дмитриевна оставила прелестный рассказ, который мне посчастливилось опубликовать 20 лет тому назад как раз в Ульяновске, в журнале «Мономах». Там тоже упоминаются солнечные часы и терраса⁴.

Из Самары И. Ильину удастся в июле 1917 г., пока красные не захватили снова эти края, добраться до родных мест и попытаться вывезти фамильное добро, частью отданное на хранение оставшимся на месте верным знакомым, частью зарытое под курятником. Рассказы, услышанные от инвалидов, которые были свидетелями грабежа, развернувшегося после ухода Ильиных, и последующего поджога всей усадьбы, лишний раз убеждают Ильина в своей правоте. А поведение мужиков, их лицемерие и полное бесстыдство, когда им велено вернуть хозяину то, что они награбили, его уже не удивляют:

Мужики твердили и стояли на своём: «Что спасли, всё тут! Ничаво нам не надоть! Отродясь не грабили, как можно грабить, да што на нас, хреста нет, што ли-ча?»

Вот и темнота. Где же тут темнота? Ведь сознают всё отлично, отлично всё понимают. Когда делили, тоже ведь знали, что это скрытый грабёж. А почему теперь так старательно отрещиваются и оправдываются? Нет, тут не один страх. Тут налицо дрянность, самая настоящая душевная и моральная дрянность⁵.

Чем дальше, особенно когда он будет в Сибири в армии Колчака, тем яснее становится Ильину, что белые проиграли, большевики обязательно выиграют. В общем, был прав Алексей Александрович Толстой, дядя жены Ильина, который писал ему:

Нынешний строй больше всего, конечно, подходит к нашим крестьянам. По существу, крестьяне были всегда близки социализму, и нет ничего удивительного, что они так быстро и легко к нему примкнули⁶.

Кстати, сын Толстого, Михаил Алексеевич, «поехал в Пензу инструктором в Красную армию»¹. А Ильин, со своей стороны, когда все родные напирают

¹ Александр Алексеевич Гернгросс (1851 – 1925), генерал от инфантерии, герой Русско-японской войны.

² Александра Александровна Мертваго, урождённая Толстая.

³ Russian Life, 17.01.1963 (№ 489), 19.01.1963 (№ 5257), 22.01.1963 (№ 5288), 24.01.1963 (№№ 4902, 5257).

⁴ Жобер В. Бабушкин дом казался странным. // Мономах, 1997, № 2 (9), с. 23-25.

⁵ Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина, с. 285.

⁶ Там же, с. 259.

на него, чтобы он взял работу, пошёл куда-то служить, отвечал, что «не к красным же идти»².

В последующие годы исторический опыт, накопленный автором дневника, постоянно его наводит на глубокие размышления о характере русского народа, о его качествах и недостатках. И выводы он делает убийственные: «Мерзкая страна, мерзкий народ!»³ А с другой стороны, его любовь к стране то и дело проглядывает в записях:

Дорога шла сначала небольшим леском, потом полями. Необычайно было красиво, когда вдруг блеснула стальная гладь Волги. Что за река! Глядя на эту ширь, как-то не верится ни в революцию, ни во всё это безобразие. И вот среди этой родной, русской, самой прекрасной в мире природы чувствуешь отчётливо каким-то подсознательным чутьём, что надвигается что-то грозное, неотвратимое, давящее, тяжёлое⁴.

В те времена его противоречивые чувства разделяли, пожалуй, многие. Остаётся только сокрушаться, что такая горькая судьба им досталась.

Если вдуматься, Иосиф Ильин как нельзя лучше назвал свой рассказ, опубликованный в 1963 г. – «Конец дворянских гнёзд». С революции 1917 г., столетняя годовщина которой отмечается сейчас, всем дворянам, ставшим в одночасье бывшими, наступил конец, а их поместьям – подавно. Усадьбы жгли, хозяев убивали, из тех, кто уцелел, многие бежали и стали эмигрантами. История Симбирской губернии является наглядным примером тех потрясений, которым подверглась русская провинция «в эпоху системных кризисов», которой посвящена настоящая конференция. Какой разительный упадок сегодня в населении сёл и деревень, в которых находились упомянутые нами усадьбы! Стоит почитать двухтомную Симбирскую – Ульяновскую энциклопедию, чтобы в этом убедиться. Но как утешительно знать, что после распада СССР в 1991 г. стало возможным восстанавливать историю края. Мне лично посчастливилось вплотную заниматься этим, и я очень благодарна всем тем музейным и библиотечным сотрудникам Ульяновска, ставшим моими друзьями, которые мне помогли в этом.

¹ Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина..., с.259.

² Там же.

³ Там же, с. 254.

⁴ Там же, с. 273.

Стратегии выживания симбирян в условиях социокультурной катастрофы времён революции и Гражданской войны

Марина Бравина (Россия)¹

Первая мировая война, будучи глобальной по своему характеру, привела к не менее масштабным социокультурным потрясениям в странах-участницах военных действий. Не касаясь политических изменений, радикальных безусловно (чего стоят только три рухнувших империи!), мы должны признать, что изменения в социальной структуре и общественном сознании оказались определяющими. Один из векторов этих изменений – возрождение архаических доиндустриальных форм организации социальной жизни, порождаемых крестьянской психологией и стремлением выжить. Россию захлестнула крестьянская стихия, тонкий слой городской организации и культуры оказался практически разрушенным. Дух крестьянской общины стал господствовать и в промышленном производстве, а также в повседневной жизни городских рабочих. Недавние городские рабочие обрели свой прежний социальный облик вчерашних крестьян, в силу определённых причин попавших в сферу промышленного производства и теперь стремящихся вернуться к своим корням².

Этому способствовала и миграция части квалифицированных рабочих из крупных городов в небольшие, а то и в деревню, и отток части крестьянского населения в города, которые иногда спасали от военных действий и реквизиций, как красных, так и белых.

В практической плоскости это выразилось в том, как в рабочих районах шла организация коллективных форм повседневной жизни городских рабочих. С одной стороны, это соответствовало идеологическим установкам и политическим целям новой власти. С другой, не шло вразрез с исторической традицией – выживать вместе всегда было проще, нежели поодиночке. В Симбирске получили распространение коллективные столовые, учреждения коллективного досуга, организация различного рода коллективистских сообществ. С одной стороны, они стали следствием государственной политики социализации быта, а с другой, вытекали из условий Гражданской войны, где

¹ Бравина Марина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой методики гуманитарного и поликультурного образования УлГПУ им. И. Н. Ульянова.

² Липатова Н. В. Трансформация традиционного мировоззрения в условиях Первой мировой войны и Февральской революции (по материалам Поволжья). // Русское крестьянство и Первая мировая война; отв. ред. вып. П. П. Марченя, коорд. вып. С. Ю. Разина. – Москва, 2016, с. 287.

реанимация коллективных начал русской общественной жизни способствовала преодолению системного кризиса и обеспечивала элементарную физическую выживаемость населения в его условиях¹. Как отмечает В. С. Тяжельникова, «Гражданская война, реалии военного коммунизма вносили существенные коррективы в структуру повседневности. Границы домашней и производственной жизни стали гораздо более размытыми, чем в мирное время. Получение продуктов, жилья, одежды, дров, носильных вещей и трамвайных талонов для рабочего теперь напрямую было связано с заводом или фабрикой. От предприятия стало зависеть воспитание детей, проведение досуга и личные перспективы в другой, внешней жизни, за пределами заводской проходной»².

К началу XX в. Симбирск представлял собой город патриархального типа, каких было немало на просторах Российской империи. Именно патриархальность и предопределила слабое развитие всех городских структур, обеспечивавших повседневную жизнь горожан, значительное большинство которых проживало в домах усадебного типа. Создание коммунальных структур в Симбирске, как в подавляющем большинстве российских городов, началось незадолго до Первой мировой войны, но не носило системного характера³.

До революции Симбирск относился к той небольшой доле (чуть более 20 %) городов Российской империи, где был водопровод. Единая сеть в городе отсутствовала. Было два водозабора, обслуживавших центральную и подгорную части. Центральная часть охватывала улицы Старо-Казанскую, Большую Конную, набережную реки Свияги, Базарную площадь, улицы Мартынова, Гончарова, Садовую. Второй водозабор начинался с улицы Покровской, охватывал Лисиную, Солдатскую улицы и заканчивался у городской тюрьмы⁴.

Особенностью расположения Симбирска была его высотность. Парадоксально, но факт: город, находясь на самой высокой точке волжского берега, не имел достаточного количества очищенной воды. Кроме того, грунт Симбирской горы весьма подвижен, что приводило к оползням и, как следствие, частым прорывам труб. Как результат, городской водопровод находился в крайне плачевном состоянии. «Последний ремонт производился лишь в 1915

¹ Бравина М. А. Коммунизация быта симбирян в условиях социокультурной катастрофы времён революции и Гражданской войны. // Россия и мир: история, политика, культура. – Ульяновск: УлГТУ, 2007, с. 260.

² Тяжельникова В. С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. // Россия в XX веке: люди, идеи, власть; под ред. Л. К. Соколова, В. М. Козьменко. – М.: РОССПЭН, 2002, с. 196.

³ Беляева Е. А. Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны: а/р. дисс. к. и. н. – Брянск: Брянский государственный педагогический университет им. И. Г. Петровского, 2005.

⁴ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р-634, оп. 1, д. 7, л. 64.

г., во время которого были лишь заменены некоторые запорные краны и установлены муфты, общим числом 236, что составляло едва треть от потребного»¹. Водоводы и колодцы размывались грунтовыми водами, которые буквально прорезывают всю гору. Водопользование горожан предопределялось и характером жилищной застройки. Доходных домов в городе было немного, но именно проживавшие в них симбиряне, а также представители установившейся советской власти, занявшие дома в центре города, оказались в сложном положении. Эти здания обеспечивались имевшимися водоводами и, как только система перестала функционировать, оказались лишёнными воды. Источником водоснабжения для них стали многочисленные реки, ручьи, ключи, родники, которых даже в пределах городской черты было немало. Летом на тачках, зимой на санках горожане везли воду в центр города.

До революции централизованные канализационные системы были лишь в 19 городах страны, причём говорить о стопроцентной уборке городов с их помощью всё равно не приходится. Вывоз нечистот осуществлялся с помощью ассенизаторских обозов, находившихся в частных руках. Значительная часть городских построек, как жилых, так и общегражданского назначения, были оборудованы выгребными ямами по системе шамбо². На очистку улиц ежедневно выходило по 400 человек, но стихия оказывалась сильнее. Весной 1918 г. разразилась, выражаясь современным языком, экологическая катастрофа. Владельцы ассенизационных бочек, пользуясь ситуацией, стали выдвигать требования об увеличении расценок за вывоз нечистот, причём апеллировали к самарским расценкам, где «за такое же расстояние... взимается от 10 до 11 рублей за бочку». Была проведена мобилизация населения на решение острой проблемы. Городской комитет РКП(б) поставил по-партийному чёткую задачу – «вытащить город из нищеты и грязи»³.

С наступлением революционных дней власть практически самоустранилась от обслуживания коммунальных сетей и эту нелёгкую обязанность взяли на себя земства. Земские деятели по всей стране с большим энтузиазмом восприняли Февральскую революцию и свержение самодержавия. Уже весной, через несколько недель после крушения прежнего режима, в Симбирской губернии прошли выборы в земские органы власти. На волне революционного подъёма земцы включились в работу⁴. Многие земские служащие и после Октября 1917 г. принимали самое непосредственное участие в налаживании коммунального хозяйства города. В Симбирске действовала губернская санитарная организация,

¹ ГАУО, ф. Р-634, оп. 1, д. 3, л. 7об.

² ГАУО, Ф. Р-634, оп. 1, д. 16, л. 2.

³ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 95.

⁴ Кобзева Т. А. Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции. // Вопросы истории, 2014, № 3, с. 57.

переименованная в отделение народного здоровья и просуществовавшая до 1918 г.¹

Ключевым вопросом выживания симбирян стал продовольственный вопрос. И царское, и Временное правительства оказались не в состоянии его решить – и ушли с исторической арены. Большевики оказались успешнее, так как они изначально отвергали любые формы экономического воздействия, используя только террор и насилие². Карточное снабжение, введённое уже летом 1918 г., незадолго до вступления в город белых частей, было восстановлено после освобождения Симбирска 12 сентября 1918 г. Но те минимальные нормы, установленные в соответствии с классовым происхождением, были явно недостаточными. Попытки организовать жёсткую распределительную систему в общем и целом потерпели неудачу, в силу чего власти на местах начинали осуществлять самостоятельную политику: где-то на свой страх и риск разрешали, где-то просто закрывали глаза на торговлю на толкучках, блошиных рынках и других тому подобных местах. Местом такой торговли с рук в Симбирске становится Голубковский порядок, который находился в районе Дворцовой улицы и Ярмарочной площади, и прилегающая к нему территория, куда стекались со своими товарами жители города и близлежащих слобод в надежде выменять на них хоть какие-то продукты³.

Можно отметить и такой момент, обращающий на себя внимание при анализе рыночных ведомостей, представляющий в динамике очень интересную картину. Часть продуктов или промышленных товаров, поступающих в город, оказывалась в условно свободной продаже. Это происходило всякий раз, когда объёмы поступлений были минимальны и при делении в соответствии с нормативами на карточку почти ничего не приходилось⁴.

Особенностью «хвостов», т. е. очередей, в Симбирске было то, что за хлебом их участники стояли в меньшей степени, что, по всей видимости, объясняется сельскохозяйственным характером губернии. Уже в тот период можно говорить об определённых формах самоорганизации горожан, вынужденных подолгу стоять в очередях. Явочным порядком горожане устанавливали нормы выдачи продуктов в одни руки, велась и запись очерёдности, правда, в отличие от поздних советских времён, порядковый номер записывался не на внутренней стороне ладони, а на внутренней стороне руки выше запястья. Стояние в очередях было большой тратой времени, что становилось весьма серьёзной проблемой

¹ Андреев С. А., Купцова Е. Н. Этапы становления земской санитарной организации в Симбирской губернии. // Поволжский педагогический поиск, 2013, № 1(3), с. 12.

² Экштут С. А. 1917. // Родина, 2007, № 10, с. 19.

³ Бравина М. А. Продовольственная проблема в провинциальном Симбирске во время Гражданской войны. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки», 2008, № 2 (30), с. 26.

⁴ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 32.

для трудившихся людей. Большим подспорьем стала ловля рыбы, благо водных ресурсов вокруг Симбирска и в нём самом было достаточно.

Симбирск – полупатриархальный город, у многих его жителей были личные хозяйства, позволявшие сводить концы с концами. Частыми стали поездки горожан в деревню за продовольствием. Контроль за возможными передвижениями населения из города в деревню и обратно был возложен на домовые комитеты.

Определённым вариантом самообеспечения стало мешочничество. Со значительной долей уверенности можно говорить о том, что до 1917 г. преобладал потребительский тип, при котором население добывало продовольствие исключительно для личного потребления. После революции мешочничество меняет свой характер. Профессиональное, спекулятивное мешочничество – это порождение катастрофических обстоятельств, в которых оказались жители российских городов. Симбирская губерния в большей степени была объектом, целью артелей мешочников. Возрастало значение речных путей, особенно Волги, через Симбирск проходила и железная дорога на восток страны, свою роль сыграло и наличие железнодорожного моста. Всё это позволило сформироваться в поволжских сёлах губернии ещё одному типу мешочничества – транзитному¹.

В целях разрешения продовольственного вопроса в городе развернулась целая кампания по изысканию альтернативных, если можно так выразиться, источников снабжения. Во-первых, предлагалось использовать те продукты, которые ранее признавались негодными для употребления в пищу. К таковым были, например, отнесены конина, маргарин, сахарин (его не использовали широко раньше из-за агрессивной антипропаганды производителей сахара), искусственный мёд (из-за проблематичности его полезности), картофельная патока, солодовый сахар. Рекомендовалось добавлять в муку бобы, горох, кукурузу, муку водяного ореха, чумизу – кормовое растение семейства злаковых, культивировавшееся до войны в южных районах России. В дело шли целлюлоза, сушёная рыба, мхи, местные травы. Всё это перемалывалось в муку и добавлялось в тесто, компенсируя тем самым недостаток пшеницы и ржи. Для повышения питательности хлеба комиссия рассылала рекомендации о замене воды кровью убойных животных, в публикациях приводились примеры из калмыцкой кухни, в которой кровь и жарится, и запекается. Авторы, правда, обходили стороной вопрос о наличии самих убойных животных, которые, по их замыслам, должны были стать источником столь питательного продукта. В газетах публиковались самые разнообразные рецепты: предлага-

¹ Чуканов И. А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918 – 1921 годы. // Вопросы истории, 2001, № 3, с. 131.

лось, например, изготавливать кофейный порошок из дубовых желудей. Другим направлением этой программы было использование продуктов, употреблявшихся в таком качестве и ранее, но теперь сфера этого применения становилась более широкой. При этом нужно отметить, что принципиально новые варианты предложить было довольно сложно, так как население, борясь с голодом, уже перепробовало все возможные комбинации.

Как ни покажется удивительным, ещё одной стратегией выживания стала организация досуга. В Симбирске в самую голодную зиму 1918 – 1919 гг. большой популярностью пользовались литературно-музыкальные вечера. Газеты просто пестрели объявлениями о проведении таких собраний¹. Справедливости ради надо заметить, что наряду с организованными мероприятиями были и частные встречи². В чём же были основные причины продолжения подобной традиции? Почему городские обыватели независимо от происхождения обходили все препоны и продолжали устраивать домашние посиделки? Во-первых, это неформальность, использование определённой игры, возможность проявления личной инициативы, что в условиях усиливавшегося внешнего контроля были своеобразной отдушиной, сохраняло, пусть и небольшую, автономию личности. Во-вторых, проведение таких вечеров не требовало значительных материальных затрат. Стол накрывался вскладчину, был весьма скудным, но поскольку это не было главным, ради чего собирались, то и не вызывало отрицательных эмоций. В помещениях не было нормального освещения, плохо топили, но для танцев или подвижных игр, которыми частенько развлекали себя любители общения, это скорее было положительным фактором, так как, кроме всего прочего, активными движениями люди ещё и согревались.

Подводя некий итог, мы можем говорить о складывании необычного образа жизни – возможности существования в невозможных условиях. Катастрофичность быта породила привыкание к этому, люди переставали замечать тяготы бытия³. По всей видимости, обыватель в этих условиях просто устал ждать других времён, светлых, времена эти почему-то отодвигались всё дальше и дальше. Эта усталость находила своё выражение в определённой безысходности, чувстве нереальности происходящего. А раз так, то почему не попытаться здесь и сейчас получить от жизни хоть что-то?

¹ Заря, 1919, 6 июня.

² Тихонова А. Ю. 1917 год в культурной жизни губернского города. // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность. – Москва-Ульяновск, 2017, с. 347.

³ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001, с. 217.

Уровень жизни. Симбирская губерния. Начало 1920-х гг.

Лев Лютов (Россия)¹

В работе, исходя из достаточно нового для отечественной историографии методологического подхода – истории повседневности, внимание уделяется некоторым аспектам уровня жизни (заработная плата, цены, налоги, благоустройство, здравоохранение) в Симбирской губернии в годы перехода к нэпу. Это время частичной либерализации тоталитарной социальной системы, сформированной в основном уже в 1918 – 1920 гг., системы, черты которой всё явственнее проступают в российском социуме после её либеральной трансформации на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Уровень жизни населения губернии в первые годы нэпа особенно зависел от заработной платы и цен на товары первой необходимости. К весне 1922 г. рабочий средней квалификации городских предприятий, находившихся на государственном снабжении, получал 430 – 500 руб. образца 1922 г., в сельской местности – на 20 % меньше; на предприятиях, переведённых на хозрасчёт, арендных и частных зарплата устанавливалась для городов в пределах от 1050 до 1250 руб.²

Особенно тяжёлым было положение работников просвещения. До июня 1921 г. паёк им выдавался с перебоями, а после 1 июня все они вообще снимались с пайка. Жалование же вследствие недостатка денежных знаков «опаздывало к своей выдаче». В некоторых уездах губернии учителя не получали жалования с декабря 1920 г. «В результате, – как отмечалось в начале июня 1921 г. на совместном заседании губоно и правления губотдела профсоюза работников просвещения, – явление нищенства, попрошайничества работников просвещения или лично, или через посредство семей, главным образом малолетних детей, всё чаще и чаще встречается, становится почти нормальным»³.

Во второй половине года ситуация продолжала ухудшаться. Учителя, например Карсунского уезда, жалования с сентября и до января 1922 г. вообще не получали, а в январе-феврале 1922 г. получили его частично. Пайки же за январь были получены только в трёх-четырёх волостях. Приходилось есть хлеб с примесью 75 % и более различных суррогатов (лебеда, жёлуди и т. п.).

¹ Лютов Лев Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС при президенте Российской Федерации.

² Экономический путь, Симбирск, 1922, 23 марта.

³ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1, оп. 1, д. 371, л. 62.

Для того чтобы как-то решить вопрос с выплатой задолженности учителям, правление губернского отделения рабиспроса (профсоюза работников искусства и просвещения) постановило просить губернский отдел народного образования (губотнароб) «реализовать 50 аршин мануфактуры»¹.

Мало изменилось положение и в первой половине 1922 г. Весной на почве невыдачи жалования, получения вместо пайка гнилого овса дело доходило до угрозы забастовок работников просвещения в Алатыре, в Ардатове и Карсуне. Правлению профсоюза рабиспроса удалось их предотвратить. Представители последнего полагали, что губоно «следовало бы давно сидеть на скамье подсудимых за неправильное распределение пайков»².

Между тем и осенью 1922 г. среди недостатков в деятельности ответственных работников губоно профработниками отмечалось, что «губоно проведены у себя в аппарате персональные ставки, приближающиеся к сотням миллионов (в дензнаках 1921 г., а в дензнаках 1922 г. это тысячи рублей – Л. Л.), в то время когда не выплачиваются минимальные ставки “массовика” – рядового работника просвещения (это 12 млн руб., или 120 руб. в дензнаках 1922 г. – Л. Л.)»³. В 1923 г. задержки жалования «массовикам» продолжали оставаться обычным явлением.

Цены на продукты питания и товары широкого потребления в губернии, особенно в конце 1921 – начале 1922 гг., быстро росли. К концу 1922 г. заработок рабочего средней квалификации достиг 6 – 7 тыс. руб.⁴ В феврале 1923 г. Наркоматом труда минимальная заработная плата для всех государственных и частных учреждений и предприятий губернии была установлена в размере 3 – 3,5 тыс. руб. в дензнаках 1922 г.⁵ Но и в это время задолженность по зарплате рабочим и служащим значительно ухудшает их и без того тяжёлое материальное положение. В начале 1923 г. из уездов губернии во всё больших масштабах поступают сведения о невыплатах служащим госучреждений не только компенсаций за неиспользованные отпуска и сверхурочную работу, но и основной зарплаты, о волнениях в связи с этим. Совслужащие требовали немедленной ликвидации задолженности и были готовы добиваться этого вплоть до забастовок. Они требовали от своего профсоюза санкции на прекращение работ⁶.

Однако советские профсоюзы в связи с вопросами заработной платы решали свои специфические – идейно-экономические – задачи. В феврале 1923 г. правление профсоюза работников предприятий сферы обслуживания (бани,

¹ Экономический путь, 1922, 24 марта.

² ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 445, л. 11-11об.

³ ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 445, л. 120об.

⁴ Экономический путь, 1922, 15, 30 декабря.

⁵ Экономический путь, 1923, 20 февраля.

⁶ Экономический путь, 1923, 14 февраля.

парикмахерские и т. п.) постановило «вести усиленную борьбу с чаевыми». Вести её предусматривалось «путём усиленной пропаганды, в том числе и расклейкой плакатов в предприятиях, указывающих посетителям на недопустимость дачи чаевых»¹. Это соответствовало общей линии проводимой тогда политики регулирования заработной платы, которая не предусматривала поддержки систем оплаты труда, ориентированных на рынок и не гарантировавших рабочему постоянного и определённого заработка.

Сельское население к концу 1922 г. даже в таких сильно пострадавших во время голода уездах, как Сызранский, имело продовольствие, хотя были и нуждавшиеся в нём. Однако крестьяне всё же ещё не были в состоянии приобрести на свои средства одежду и обувь, лошадей и сельскохозяйственный инвентарь, недостаток в которых сильно ощущался и в это время².

Уровень благосостояния населения губернии определялся не только его доходами, ценами, но и отчислениями государству. До мая 1923 г., когда был введён единый сельскохозяйственный налог, существовали различные государственные и местные налоги и платежи, в том числе и установленный ВЦИК и СНК на 1922/23 г. общегражданский (с 18 до 60 лет) налог на усиление сельского хозяйства и борьбу с последствиями голода. Поэтому вряд ли только недостатком внимания и инициативы объясняется то, что, например, Тетюшский сельсовет (Симбирский уезд) лишь подворный налог собрал полностью, а по остальным имелись недоимки³.

Среди крестьян, кроме различных налогов, в 1922 – 1923 гг. распространялись облигации хлебного, а затем сахарного займов. К лету 1923 г. губфинотдел получил из центра для реализации в губернии на 60 тыс. пудов облигаций хлебного займа. Его реализация осуществлялась через губотдел Госбанка, Почтель, Губсоюз, Сельхозсоюз, в уездах – через финансовые отделы уисполкомов. В том случае, если цена облигации соответствовала рыночной цене на хлеб (20 рублей образца 1923 г. за пуд), спрос на них у крестьян был «довольно оживлённым». Но когда цена облигаций займа административно поднималась (до 30 рублей), спрос на них значительно ослабевал⁴. В конце ноября 1923 г. в Симбирске закончилась реализация сахарного займа на сумму 9580 червонных рублей (11,2 рубля за пуд)⁵.

Уже в начале 1923 г. высокие налоги заставляли предпринимателей различными способами уходить от них. Они старались не иметь торговых помещений, стремились не брать патенты. Для того чтобы заставить их платить

¹ Экономический путь, 1923, 16 февраля.

² Экономический путь, 1923, 15 декабря.

³ Пролетарский путь, Симбирск, 1923, 11 апреля.

⁴ Пролетарский путь, 1923, 1 июня.

⁵ Пролетарский путь, 1923, 4 декабря.

налоги, губфинотдел мог отслеживать фамилии тех, кто участвовал в различного рода торгах, поставках, подрядах, имел право не регистрировать на товарной бирже сделки без предъявления патента на торговлю¹.

Даже в крайне неблагоприятных условиях начала 20-х гг. переход к нэпу позволял осуществить в губернии мероприятия по благоустройству. Большую роль в их осуществлении должны были сыграть коммунальные отделы. В начале 1921 г. они возрождались при горсоветах и появлялись в уездах и волостях. Тогда же впервые в губернии проходили уездные съезды коммунальных работников, на которых рассматривались меры, предполагавшие улучшение условий жизни населения. Так, резолюцией Симбирского уездного съезда коммунальных работников (январь 1921 г.) предусматривалось прекращение расхищения брошенных домов; создание запасов материалов для ремонта; взятие на учёт не только имевших общественный характер домов, но и садов, сельскохозяйственных угодий; приведение в санитарный порядок всего уезда (очистка улиц, определение мест для свалок и т. п.); отвод участков земли для садов и огородов; посадка весной в каждом селе уезда деревьев; приведение в порядок колодцев для водоснабжения населения, противопожарной службы; открытие как можно большего количества кустарных мастерских по производству кирпича².

В условиях начинавшегося голода не все эти мероприятия могли быть реализованы. В Симбирске неблагоприятным было положение с огородами для горожан. В сравнении с другими городами, в которых ещё в 1920 г. «целые тысячи десятин были раскопаны и засажены овощами», а все пустыри распределены между городскими организациями, в Симбирске таких коммунальных огородов и садов было мало³.

Данные жилищных инспекторов показывали, что в конце 1921 г. было очень много нуждавшихся в жилье. Помимо того что свободных и удобных квартир и комнат было мало, они, вследствие отсутствия ремонта, были непригодны для жилья. Ремонт же не был возможен из-за отсутствия материалов и средств у домовладельцев, так как вопрос о величине и порядке платы владельцам и обязанностях «как квартиронанимателей, так и домовладельца» коммунальным отделом ещё не был решён⁴.

Однако экономическая реформа заставляла коммунальные отделы проявлять инициативу. В январе 1922 г. принимается решение об открытии при губкоммуналделе посреднического бюро «по обмену с городами республики

¹ Экономический путь, 1923, 28 февраля.

² Заря, Симбирск, 1921, 14 января.

³ Заря, 1921, 13 февраля.

⁴ Заря, 1921, 23 декабря.

разными материалами». Кроме него, было решено организовать «производственные предприятия, институт агентов, знакомых с коммунальным строительством, и приступить к составлению материальной сметы».

Для деятельности коммунотделов выделяемых им средств было недостаточно. Поэтому в начале 1922 г. очевидной стала необходимость «добывать таковые из предприятий, находящихся у коммунотделов». Но это вело к созданию «твёрдого аппарата по учёту доходов и расходов». Приходило понимание того, что обложение и налоги должны строго проводиться в жизнь¹.

Период военного коммунизма не способствовал развитию коммунального хозяйства, поддержанию нормальных бытовых условий жизни населения губернии. Необходимость осуществления конкретных мер в этой сфере была очевидна уже в начале 1921 г. В докладе инженера Вольсова на губернском коммунальном съезде (февраль 1921 г.) о необходимости благоустройства городов, и Симбирска в особенности, отмечалось, что жилищная норма в нём превышалась в 12 раз «при очень плохом его состоянии в гигиеническом отношении». В докладе предлагалась конкретная программа благоустройства города, которая предусматривала: планировку площадей и протоков; понижение грунтовых вод; мощение улиц; расширение площадей, парков и насаждений; снабжение чистой водой; устройство канализации; очистку от мусора; поливку мостовых; устройство бань, прачечных и хлебопекарен; переустройство кладбища; ремонт и постройку зданий; переработку строительного устава и, наконец, «выработку плана типа городов-садов»².

Однако начавшийся голод и в эти планы внёс коррективы. Так, в конце 1921 г. в связи с вопросом о границах города и его территории высказывалось мнение о включении в неё земель сельскохозяйственного назначения (в частности, для выпаса скота). Предлагалось прирезать к городу берега реки Свияги, а также включить в его территорию «бывшее владение Киндяковка». В интересах благоустройства города предлагалось прекратить вырубку Киндяковской рощи³.

В условиях 1922 г. было трудно не только осуществлять какие бы то ни было программы благоустройства, но и просто поддерживать коммунальное хозяйство города в работоспособном состоянии. Тяжело пришлось, например, жителям Панской и Московской улиц, которым, из-за того что коммунальный отдел не мог устранить поломку водопровода, четыре месяца приходилось, уходя за водой и надолго оставляя квартиру, подвергаться боль-

¹ Заря, 1922, 1 февраля.

² Заря, 1921, 17 февраля.

³ Заря, 1921, 9 декабря.

шому риску быть обокраденными (кражи в городе в это время были очень сильно распространены)¹.

С некоторым улучшением обстановки в Симбирске и губернии административная секция горсовета внесла в феврале 1923 г. в президиум Губисполкома проект постановления о возобновлении в городе ремонта тротуаров и мостовых. К концу года удалось перемостить только 2160 кв. саженей улиц Симбирска вследствие ограниченного кредитования отдела благоустройства горкоммунотдела².

В связи с успехами нэпа в 1923 г. в отношении градостроительного будущего Симбирска высказывались весьма радикальные проекты. Так, инженер Г. Шатте, констатируя всем известное мнение о том, что «Симбирск – захудалый город», живущий «исключительно тем обстоятельством, что в нём управленческий аппарат губернии» – полагал, что из этого состояния его выведет строительство крупных предприятий. Но вследствие того что, по мнению инженера, «старый Симбирск не подходил для этого ввиду частых оползней», он полагал более целесообразным «расходовать средства на создание нового города по другую сторону Волги или Свяги». Важным для автора этой идеи было и то, что, если разбить «под будущий город незастроенные поля, имеется фактическая возможность распланировать его по всем правилам современного строительства»³.

Благоустройство в уездах осуществлялось прежде всего путём электрификации сёл. Но и в это вносился классовый дух. Когда в начале 1921 г. в селе Ключищи часть жителей (кулаки) сумела к имевшейся в селе мощной динамо-машине (была рассчитана на 500 лампочек) достать провода и провести электричество «к себе в хоромы», газета губкома призвала вспомнить «трудовое крестьянство» и «осветить лучше их хижины, чем дома мироедов»⁴. Между тем электрификация могла проводиться и без классового принципа. Так, весной 1921 г. в селе Выселки (Карсунский уезд) электрическая станция, которая была сооружена усилиями всех жителей при содействии электроотдела Губсовнархоза, обслуживала в начале апреля почти всё село⁵.

Голод и вызванная им обстановка негативно повлияли на электрификацию уездов губернии. Именно это не позволило реализовать в 1922 г. в селе Воецком (Карсунский уезд) уже разработанный проект электрификации. До этого в нём были построены маслобойный завод, толчея, шерсточесалка, трёхэтажная мельница, организован животноводческий племенной рассадник. Однако

¹ Экономический путь, 1922, 29 апреля.

² Экономический путь, 1923, 8 февраля; Пролетарский путь, 1923, 8 декабря.

³ Экономический путь, 1923, 11 января.

⁴ Заря, 1921, 16 февраля.

⁵ Заря, 1921, 5 апреля.

все неудачи, происходившие в селе (падёж части животных в племенном рас-саднике, прорыв плотины и неработающие вследствие этого мельницы), свя-зывались на страницах губернской газеты лишь с дезорганизаторской рабо-той кулачества и занявшего в селе руководящий пост бывшего торговца и владельца паровой мельницы¹.

Преодоление последствий зимы-весны 1922 г., первые положительные ре-зультаты экономической реформы привели в 1923 г. к улучшению положения в деле электрификации. В соответствии с постановлением о ней Губисполко-ма, в губернии на 1923 г. намечается ряд мероприятий. Так, в феврале трест «Симбирсклес» приступил к разработке плана электрификации деревень, «прилегающих к лесозаводам и находящихся на расстоянии четырёх вёрст по радиусу»². В начале апреля предполагалась организация гидроэлектростан-ции в Сызрани, была создана станция в Ардатове, а в Карсуне вышла на пол-ную мощность, намечалось строительство станции у Сланцев и в других ме-стах. План электрификации деревень, находившихся около предприятий, предполагалось реализовать за лето 1923 г.³

Уровень жизни населения губернии во многом определялся положением дел в здравоохранении, степень развития и проблемы которого достались в наследство от периода военного коммунизма. Так, исследование положения с рождаемостью и смертностью в Симбирске позволило доктору Я. Е. Шостаку сделать в конце 1922 г. вывод о том, что в 1917 – 1922 гг. смертность вдвое превышала рождаемость⁴.

На протяжении 1921 – 1923 гг. сложным оставалось положение с лекар-ствами. В конце 1921 г. отмечалась не только недостаточность снабжения ими лечебных заведений губернии из центра, но и отсутствие местных средств для их самостоятельной закупки. Для смягчения остроты лекарственного голода, кроме предоставления сметы на медикаменты в американскую комиссию (Аме-риканская администрация помощи – АРА), в губернии своими силами и сред-ствами проводится заготовка «предметов медицинского снабжения», некоторых дикорастущих лекарственных трав с их последующей переработкой в препара-ты⁵. В начале 1923 г. медикаментов было по-прежнему мало, цены на них росли с каждым днём, а призывы заняться выращиванием лекарственных трав успеха не имели⁶.

Во второй половине 1922 г. к лучшему меняется положение в больницах губернии. Однако, как показало обследование участковых и фабричных

¹ Экономический путь, 1922, 12 апреля.

² Экономический путь, 1923, 24 февраля.

³ Пролетарский путь, 1923, 5 апреля.

⁴ Экономический путь, 1922, 7 декабря.

⁵ Заря, 1921, 23 декабря.

⁶ Экономический путь, 1923, 21 февраля.

больниц Карсунского уезда в январе 1923 г., оно оставалось ещё сложным. Из шести обследованных больниц в четырёх были выявлены существенные недостатки: отсутствие дров и инвентаря, недостаток медикаментов, старые и холодные помещения, отсутствие достаточной чистоты, задержка заработной платы (в больнице при Румянцевской суконной фабрике она не выдавалась с августа по ноябрь 1922 г.)¹. В конце 1922 г. отсутствовали бюджетные средства, в частности на организацию учёта и лечения туберкулёзных больных. В целях приостановки распространения этого заболевания работники местного здравоохранения заявляли, что профсоюзы и общество «должны изыскать средства и начать правильную борьбу с туберкулёзом»².

В 1922 г. увеличивается количество тех, на кого распространялось право пользования санаторно-курортным лечением и отдыхом. Весной 1922 г. ЦК профсоюза работников искусства и просвещения (рабиспрос) опубликовал дополнительный список профессий работников просвещения, «приравняемых к физическому труду в отношении отправки в санаторий и на курорты». Среди них были работники дошкольных учреждений, школ I и II ступени, техникумов, профессионально-технических школ, детских домов, интернатов, общежитий, колоний и т. п.³ Как видно, даже незначительная либерализация коммуно-советской тоталитарной системы в период нэпа способствовала повышению уровня жизни провинции.

¹ Пролетарский путь, 1923, 16 марта.

² Экономический путь, 1922, 10 декабря.

³ Экономический путь, 1922, 15 апреля.

Источники сообщают... Обзор сборника документов „Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917 - марте 1918 гг.

Надежда Липатова (Россия)¹

К столетию Великой Российской революции выпущено немало сборников документов. В Ульяновске издали сборник документов «Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917- марте 1918 г.»².

Издание посвящено жизни Симбирской поволжской губернии в сложный революционный период. Внимание составителей сосредоточено на документах, которые раскрывают жизнь человека с его метаниями, сомнениями, оценками и поступками, которые диктовала ему действительность для решения неотложных задач, вытекаемых из сложности и неоднозначности ситуации. По итогам общероссийского конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2015–2017 гг. 25 апреля 2019 г. в номинации «Публикации документов» по группе архивных учреждений субъектов Российской Федерации коллективу составителей сборника - главному архивисту Государственного архива новейшей истории Ульяновской области Рената Витальевна Ильязова, специалисту Центра стратегических исследований Ульяновской области кандидат исторических наук Александру Викторовичу Кобзеву ответственному составителю сборника, кандидату исторических наук Надежде Валерьевне Липатовой – главному редактору издания, кандидату исторических наук, заместителю директора Галине Валентиновне Романовой присуждена награда - диплом II степени³.

Отметим несколько особенностей, подчеркнутых доктором исторических наук, профессором, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» в отзыве, предоставленном для участия в конкурсе выгодно отличающих этот сборник документов:

¹ Липатова Надежда Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета, ведущий специалист института истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области».

² Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917 – марте 1918 гг. Сборник документов / Отв. ред. Н.В. Липатова, отв. сост. А.В. Кобзев, Н.В. Липатова. Ульяновск, 2017, 382 с.

³ Об итогах Конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2015–2017 годах // URL: <http://archives.ru/coordination/kollegia-reshenie-konkurs-25-04-2019.shtml> (дата обращения 12.09.2019).

Это первое издание в регионе в постсоветский период - совместный труд историков и архивистов, подготовленный коллективными усилиями нескольких организаций – НИИ региональных исследований имени Н.М. Карамзина (ныне Центр развития истории и культуры ЦСИ Ульяновской области), Государственного архива новейшей истории Ульяновской области и Государственного архива Ульяновской области. **Солидный и удобный в работе научно-справочный аппарат сборника** включает историческое введение, археографическое предисловие, обширные комментарии (включающие описание географических объектов (содержит прежнее и современное наименование и краткую историческую справку), наименование и функционал упоминаемых учреждений, описание упоминаемых и периодических и зданий, биографический комментарий, контекстные пояснения и т.д.), перечень опубликованных источников, список сокращений, географический и именной указатели.

Сборник состоит из нескольких разделов, каждый из которых содержит документы, расположенные в хронологическом порядке по месяцам с января 1917 по март 1918 гг.

Для сборника было отобрано 170 документов, хранящиеся в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО), Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в архиве музея Патронного завода г. Ульяновска. Так архивных фондах «Музея Ульяновского машиностроительного завода им. Володарского» был выявлен документ — «Отношение Начальника Главного Артиллерийского Управления», направленное в правление общества Волго-Бугульминской железной дороги». Документ содержит сведения о положении рабочих и нравах жителей слободы Часовня¹. Кроме того, в сборник вошли опубликованные источники – извлечения из «Журналов заседаний экстренных и чрезвычайных земских собраний», «Резолюция и Пожелания Общечувашского национального съезда», «Устав Симбирского демократического клуба», заметки и статьи из еженедельной газеты «Симбирская Правда». Также были включены материалы из личных коллекций – почтовые карточки из коллекции Д.А. Устинова и семейная переписка симбирян Наума Ивановича и Анны Павловны Тюрковых из коллекции М.К. Никитина. Иллюстративный ряд сборника представлен революционными плакатами, фотографиями участников Гражданской войны и членов первой Тушинской сельскохозяйственной коммуны, почтовыми карточками и избирательными списками кандидатов на выборах в Учредительное собрание.

Сборник состоит из нескольких разделов, каждый из которых содержит документы, расположенные в хронологическом порядке по месяцам с января

¹Провинциал в Великой Российской революции... с. 25.

1917 по март 1918 гг. Документы начала 1918 г. включены и потому, что отдельные революционные процессы в губернии завершались в начале 1918 г., и чтобы показать эволюцию человека в провинциальной власти прежде всего. Значительная часть документов приходится на раздел, который показывает эволюцию провинциального руководства в революционный период. Безусловно, ограниченность объёма издания диктует свои правила. Поэтому главным стал принцип не как можно больше рассказать о каком-то фрагменте истории, а показать разные типы документов и их особенности в отражении событий. Среди представленных текстов есть как официальные делопроизводственные документы, так и документы личного происхождения, почтовые карточки, письма, типографские бланки, срочные телеграммы.

Разделы сборника отражают разные процессы в Симбирской губернии в январе 1917 — марте 1918 гг.

Раздел 1. Фабриканты, рабочие и служащие. С самого начала преобразований, вызванных Февральской революцией, городские думы, комитеты народной власти, и комиссары Временного правительства и Советы, стремясь сохранить влияние в социально значимых вопросах, отстаивали своё право на формирование муниципальной милиции, контроль за установлением восьмичасового рабочего дня и правом борьбы за улучшение условий труда. Городские Думы, которые демократизировались за счёт представительства от Советов, вынуждены были рассматривать и этот вопрос¹. По закону от 23 апреля 1917 г. владельцы предприятий (предприниматели) лишились права в одностороннем порядке увольнять членов фабрично-заводских комитетов². В свою очередь Советами был разработан примерный устав фабрично-заводских комитетов, оговорены функции и компетенция этих структур.

Революция породила также новый опыт — разрешение трудовых споров в специальных структурах — примирительных камерах.

Примирительные камеры создавались на заводах и фабриках для разбора недоразумений между рабочими и администрацией. Соответственно, в неё входили представители обеих сторон. Теперь уволить кого-либо без обсуждения конфликта стало если не невозможно, то уж точно затруднительно. В случае несогласия с принятым решением можно было обратиться в центральную примирительную камеру при Совете³.

Примирительные камеры не только рассматривали дела по факту обращения с жалобой именно к этой инстанции, иногда дела переходили от

¹ Кабытова Н.Н. Февральская революция 1917 года в России и городские думы // Вестник Самарского университета 1998, № 3. с. 1.

² ГАУО, ф. 195, оп. 1, д. 941, л. 5.

³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1959, с. 242.

комиссий, созданных уездными или губернскими комиссарами. Так, 15 апреля 1917 г. симбирский губернский комиссар Ф.А. Головинский направил телеграмму в Симбирский совет рабочих и солдатских депутатов, приглашая Совет, так как последний интересуется положением и бытом рабочих, принять участие в проверке на химическом и цементном заводах. Ближайшая цель этой поездки — установление связи с рабочими, выяснение их отношений с администрацией¹. Ситуация на химическом и цементном заводах была признана чрезвычайной, так как обвинения против управляющего А.А. Бауэра (цементзавод) были достаточно серьёзны — он был обвинён в пособничестве побегу военнопленных.

Ситуация в 1917 г. в провинции была очень сложной. Загрузка мощностей предприятий составляла 40-70%. Зарботная плата в разных уездах губернии колебалась от 2 до 7 руб. в сутки у мужчин и от 1 до 4 руб. у женщин. Все попытки справиться с безработицей, путём замещения на общественных работах пленных безработными или направления на разгрузку вагонов рабочих вместо бесплатной рабочей силы — солдат, результата не дали.

На этом фоне справедливые требования работников о соблюдении их трудовых прав, как бы ни казались они «мелкими» на фоне политико-государственных проблем, были вполне логичными и необходимыми. Так, на Языковской фабрике одна из женщин-работниц, опасаясь простуды, отказалась мыть шерсть холодной водой, за что была уволена. Обращение в примирительную камеру Симбирского Совета завершилось не только её восстановлением на работе, но и запретом на использование холодной воды в этой технологической операции². Или одно из самых интересных постановлений примирительной камеры, более относящегося к сфере этики трудовых отношений, отменяло обращения «молодчик» и «парень» к рабочим со стороны администрации на одном из сызранских предприятий³.

Раздел 2. О хлебе насущном... Слова «хлеб» и «война», несмотря на базовое различие, оказались в одном ряду, более того — в одном строю. Хотя в условиях экономического кризиса и хозяйственной дезорганизации хлеб становился не столько символом, сколько условием выживания. Война за хлеб стала определяющей в жизни страны в 1917 году и в последующем. Этот раздел сборника посвящён вопросам снабжения продовольствия, повседневным заботам населения об устройстве своей жизни в условиях революции. Значительная часть документов касается реакции населения, органов власти Временного правительства, революционных структур, армейских подразделений на закон о хлебной монополии, новые формы распределения продовольствия и необходимых товаров.

¹ Блок документов по ситуации вокруг этих заводов представлен в данном сборнике в разделе Фабриканты, рабочие, служащие.

² СОГАСПИ, ф. 835, оп.1, д. 2, л. 7.

³ За власть Советов. Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1957, с. 49.

В 1917 г. по материалам анкет, докладных записок, отчётов был составлен обзор организации продовольственного дела в революционной России¹. В основном при характеристике губерний внимание уделялось хлебной монополии. Ситуация в Симбирской губернии была специфичной. Согласно официальным данным центральных властей, лишь незначительная часть Симбирской губернии нуждалась в хлебе, а в Сызранском, Сенгилеевском, Буинском, Ардатовском уездах хлеб был в изобилии. Точных сведений о запасах продовольствия в губернии местные власти не могли предоставить, но сообщали, что во всех уездах хлеб имеется, хотя для его более справедливого распределения с 1 июля 1917 г. были введены хлебные карточки. Для учёта запасов были созданы губернский, волостной и городской комитеты, был введён запрет на перевоз хлеба² из одного уезда³. Собранное зерно свозилось на Волжскую пристань, откуда доставлялось в Москву и дальше в Рыбинск для перемола. Принудительное изъятие хлеба из губернии несло потенциальную угрозу. Потому повсеместно в губернии активно пропагандировались умеренные нормы потребления продовольствия, в частности хлеба. Но население, не удовлетворённое нормами (особенно кормовыми), отзывалось об этих попытках критически, так и не уяснив себе смысла закона о хлебной монополии.

Нормы, по которым фактически снабжалось население, были далеки от предельных, установленных приказом от 29 апреля 1917 г. Официально сокращались нормы выдачи муки и хлеба не только гражданскому населению, но и армии. Солдатский суточный паёк был понижен до двух фунтов печёного хлеба на фронте и полутора фунтов в тылу, что в переводе на муку составляет 40–42 и 30–32 фунтов муки в месяц.

Попытка ввести твёрдые цены на промышленные товары, в частности, для обмена их на хлеб, также не удалась. К осени 1917 г. крестьянин за пуд хлеба по твёрдой цене мог получить полфунта гвоздей или четверть аршина материи⁴. Крестьяне оценивали хлебную монополию как организованный грабёж со стороны государства, так как цены на фабричные товары постоянно поднимались.

Рост цен в Симбирской губернии был существенный — от 7 до 40%. Оптовые цены на галантерею, обувь, детские игрушки, овощи, фрукты, аптекарские и парфюмерные товары, предметы церковной утвари выросли на 7%, а розничные — на 15%. Мануфактура продавалась оптом с наценкой 10%, в роз-

¹ Шефлер М.Е. Организация продовольственного дела. М., 1917.

² В исключительных случаях перевоз хлеба разрешался, однако, при активном сопротивлении местного населения.

³ ГАРФ, ф. 7191, оп. 6, д. 165, л. 30.

⁴ Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М.: Изд-во Наркомпрода, 1918, с. 77.

ницу — 30%, бакалея соответственно 7 % и 17%, готовое платье — 10 и 15%, ювелирные изделия ценой до 75 руб. — на 7% и 15%, те, что дороже 75 руб. — на 20 и 40%. Хлопчатобумажную ткань можно было получить только по карточкам и даже похоронные бюро увеличили свои расценки на 20%¹.

В итоге, ощутимых результатов хлебная монополия так и не дала. 13 сентября 1917 г. Губернский комиссар Симбирской губернии направил телеграмму в Министерство Внутренних Дел, в которой сообщал об острой нужде в городах и уездах губернии². Хлебная монополия превратилась в хлебную диктатуру, и крестьянство окончательно разочаровалось во Временном правительстве³.

Раздел 3. Сомнения и метания гражданина. В 1917 г. выборы стали символом нового революционного порядка. В это время председатель Временного правительства А.Ф. Керенский пытался построить демократические начала в правовую систему новой России и реализовать их во всенародном голосовании с митингами и дебатами. По его инициативе была создана комиссия по подготовке выборов в Учредительное собрание. Она следила «за достаточным снабжением» необходимыми для выборов «материалами» и, в случае необходимости, переводила агитационную литературу на местные языки «в связи с незнанием части населения России государственного языка». Та же самая комиссия готовила команду инструкторов для подготовки выборов. От качества этой команды во многом зависело отношение жителей страны к самой процедуре всеобщего голосования, поэтому от них требовались умение общаться с людьми, грамотность, элементарные знания о процедуре выборов и правах избирателей.

Заметка «Выборы в волостное земство», опубликованная в газете «Русские Ведомости» от 31 августа 1917 г. № 199 описывала ситуацию в условиях выборной компании⁴:

СИМБИРСК, 29, VIII. Выборы в волостное земство проходят с большими шероховатостями. Во многих местах население отнеслось к выборам безразлично, и в голосовании принимало участие незначительное число избирателей. Крестьяне не могли сойтись из общих кандидатах, и голоса распилились.

Между прочим, в баратаевском районе из 627 избирателей явилось 109, в арском — из 700 — 315, в тетюшском — из 672 — 247. В арском и тетюшском районах, вследствие распыления голосов, все кандидаты забаллотированы. В

¹ ГАНИ УО, ф. 57, оп. 1, д. 214, л. 2.

² ГАУО, ф. 677. Оп. 2, д. 1, л. 42.

³ См. более подробно Липатова Н.В. Ошибка регионального масштаба: хлебная монополия Временного правительства и ее последствия // Центр и периферия. № 4, . 2015, с. 4-9.

⁴ Провинциал в Великой Российской революции... с. 137.

некоторых местах выборы вовсе не производились. На ст[анции] «Маклауши» толпа крестьян ворвалась в избирательный участок и отстранила председателя. Записки в ящики опускали, кто хотел. Сравнительно редки случаи в целях сознательного отношения крестьян в крестьянских выборах.

Наряду с новыми политическими структурами возникают множество общественных организаций, в том числе построенных на национальной основе. В первые месяцы 1917 г. национальные объединения губернии провели свои собрания и съезды: 20 апреля 1917 г. состоялся губернский чувашский съезд, 14 мая 1917 г. было открыто культурно-просветительское учреждение — Польский дом, 1 мая 1917 г. было проведено первое собрание евреев-симбирян, а 4 мая 1917 г. — совещание украинцев¹, призвавшее население активно включаться в общественно-политическую жизнь.

Возникла ситуация выбора, когда человек выбирал политическую партию, митинг, на который мог сходить во Владимирский сад (место, официально определенное властями для таких мероприятий), профсоюз, национальное сообщество и т.д. Документы раздела рассказывают о том, как проходили местные выборы, подготовка выборов в Учредительное собрание, какие политические и общественные структуры возникали здесь, и как они формулировали свои пожелания, какой политической силе жители Симбирской губернии отдавали свои предпочтения, каким видели будущее страны и т.п.

В Симбирске существовал Симбирский демократический клуб.

1. Клуб имеет своей целью политическое самовоспитание своих членов, способствуя сознательному участию их в политической и общественной жизни и укреплению принципов демократической республики.

2. Для указанных целей клуб организует библиотеки, читальни, устраивает лекции, рефераты, собеседования, соединения заседания разных организаций для обсуждения тех или иных моментов политической жизни; кроме того, допускает устройство в своих помещениях разумных развлечений и игр, за исключением азартных, и открывает буфеты.

3. Клуб на общем основании действующих узаконений имеет право приобретать и отчуждать недвижимые имущества и вступать во всякие, установленные законом, договорные отношения.²

Раздел 4. Под надзором блюстителей порядка. Вопрос о милиции — это, по сути, вопрос самоорганизации Революции и вопрос зрелости общества.

¹ Например, «Украинская громада» (действовала в губернии до 1919 г.) провела в Симбирске два митинга и социологический опрос о судьбе Украины (после июля 1917 г.).

² Провинциал в Великой Российской революции... с. 129.

Чем были вооружены милиционеры, соблюдали ли они порядок и как отражался конфликт интересов, в том числе политических, на милицейской службе, в какой степени служба в милиции стала частью жизненной стратегии выживания в провинциальной России, как работали надзорные структуры в революционный период в провинции? Этим проблемам и многим другим посвящён этот раздел.

Были интересные находки, связанные с частичным изъятием фрагментов документа при публикации в 1950-1960 гг. В частности интересна судьба «Рапорта карсунского уездного исправника Ипатова губернатору Черкасскому о принимаемых мерах с целью недопущения беспорядков на фабрике и в имении А. Д. Протопопова» от 6 января 1917 г.¹ В публикации документа в сборнике 1957 г. частично текст был сокращён в результате чего меняются смысловые акценты. В сокращённом варианте получатся, что расходы несёт государство в пользу А. Д. Протопопова, а в документе говорится о том, что именно владелец должен понести расходы:

Его Высокопревосходительство Министр Внутренних Дел А.Д. Протопопов в Карсунском уезде при селе Румянцеве имеет крупное имение и су-конную фабрику, на которой работает до 2000 людей разных званий, взглядов и положений.

А.Д. Протопопов, как верный слуга ПРЕСТОЛУ и отечеству, в переживаемое тяжелое время проводит для блага родины повеления ГОСУДАРЯ и тем, конечно, в левой партии имеет недовольных людей, а угодная этой партии ползучая печать травит и озлобляет народную массу против нашего глубокочтимого бывшего Карсунского Предводителя Дворянства, а ныне МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А.Д. ПРОТОПОПОВА. Боясь мести со стороны необузданной народной массы, в стадном положении готовой на всякое зло, я опасаюсь за владения А.Д. Протопопова и за спокойствие на фабрике и в имении его, а потому осмеливаюсь доложить ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ мой план действий и мою просьбу: чтобы быть в деле фабричной обстановки, я намерен послать своего надежного агента с документом на чужое имя в качестве рабочего на фабрику, а другого на ст[анцию] Барыш, находящуюся в четырнадцати верстах от фабрики, и этот агент будет следить за подозрительным элементом, прибывающим и отбывающим с фабрики по железной дороге, а для этого потребуются расходы, а так как на сыскные надобности я получаю 50 руб[лей] в год, то покорнейше прошу ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО об ассигновании мне потребной суммы для оплаты двум агентам, росписки которых в получении денег будут представлены ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ.

Правовая основа организации и деятельности милиции определялась в постановлениях Временного Правительства «Об утверждении милиции» и

¹ Провинциал в Великой Российской революции... с. 172-173.

«Временном положении о милиции», изданных 17 апреля 1917 г. Создание милиции по инициативе Временного правительства сразу породило немало споров: должна ли она быть выборной, кто может состоять в её рядах, а кого туда не следует допускать, какая структура должна контролировать её деятельность и, наконец, каков должен быть оклад стражей порядка¹. Городская дума Симбирска 9 марта 1917 г. обсуждала вопрос «О городской охране» и постановила: «До организации постоянной милиции на первое время войскам принять охрану города на себя, которые и исполняют обязанности милиционеров на общественных началах». По закону Временного правительства губернские комиссары Временного правительства назначали руководящий состав милиции². Однако, на практике случаи назначения даже начальников уездной милиции были крайне редкими. В то же время должность рядового милиционера в отдельных губерниях была выборной, как, например, в ряде уездов Симбирской губернии³. Если ещё в марте 1917 г. милиция стихийно складывалась из революционной толпы, студентов, а за молодость, порывистость и неопытность её даже называли «милицией младенцев», то к лету 1917 г. уже были созданы полновесные штатные милицейские структурные подразделения.

С самого начала организации милиции остро встала проблема выделения милиционеров по внешнему виду от других «людей с ружьём». Милиционер, несущий наружную службу, должен быть виден гражданами и легко узнаваем. Поэтому каждому стражу порядка надлежало иметь отличительный знак — в Симбирске это была белая⁴ полоса в 3/4 аршина, значок с номером и, по возможности, красная фуражка (если это не противоречило религиозным представлениям и этнокультурным традициям). В обязанности милиционера входило задержание и доставка в милицейский участок грабителей с погромов, воров, застигнутых на месте преступления и пьяных, расследование дела в течение 24 часов с предъявлением обвинения или отказом от него. Милиционер должен был наблюдать за санитарным состоянием территории, на которой нёс службу. Инструкция предписывала милиционеру следующие обязанности: предупреждать ссоры и драки, прекращать самоуправство и насилие, вести первоначальное дознание, участвовать в исполнении судебных приговоров, приходить на помощь при несчастных случаях, следить за тем, чтобы не было пьянства, продажи спирта, тушить пожары, хоронить умерших, если нет родственников и нет события преступления, а также следить за тем, что-

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 677, оп. 2, д. 27, л. 4.

² ГАУО, ф. 677, оп. 1, д. 2, л. 22.

³ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 24, л. 30.

⁴ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 26, л. 197.

бы не было торговли некачественными товарами, в первую очередь продуктами, сообщать обо всех происшествиях в комиссариат¹. Оружие милиционеру разрешалось иметь на посту либо огнестрельное, либо холодное, но применять его можно было в строго определённых случаях: при отражении нападения, обороне других лиц, преследовании арестанта². За отказ от выполнения задания страж порядка подлежал увольнению³.

Основными критериями приема на службу в ряды милиции провозглашались желание служить Отечеству, стремление выполнять приказы, приверженность дисциплине и верность присяге. Чтобы как-то поддерживать дух новой милиции каждый успешный шаг фиксировался и описывался как героический поступок. Например, было выдано по 10 рублей отличившимся милиционерам и двум членам Симбирского Совета за разоблачение банды вымогателя Иванцева; а также милиционеру Богоявленскому и старшине Кузнецову, которые, выдав себя за кучера и барина, обезвредили преступников⁴.

Временами встречаются очень подробные отчёты по ревизии, что позволяет говорить об очень внимательном подходе к учету вещественных доказательств:

При ревизии оказалось: при протоколе милиционера Теренгульской волости Распаева, составленного 19 августа 1917 г. представленного Районному Начальнику Милиции 2-го участка 30 октября 1917 г. № 1115 приложены были следующие вещественные доказательства / 2 рубахи, 2/ 2 штанов, 3/ юбка, 4/ 8 обрезков белого полотна, 5/ 58 катушек ниток защитного цвета, 6/ 1 паровой утюг, 7/ 2 с $\frac{3}{4}$ аршина бумазеи и 8/ замок. Из упомянутых вещей при ревизии не оказалось 1 рубахи, 1 штанов и 39 катушек ниток...⁵

Первоначально основной контингент милиционеров составляли солдаты и офицеры. К сожалению, недостаточный уровень образования приводил к тому, что лишь 15% военнослужащих имели представление о характере предстоящей службе в милиции⁶. Наиболее квалифицированными являлись офицеры, которые прошли военную службу и стремились укрепиться «на гражданке» через милицию, поправив свое материальное положение с помощью жалования. Солдат подбирали исключительно по принципу надёжности. Если солдат был грамотный, то это приветствовалось, а если нет, то большого зна-

¹ ГАРФ, ф. 6977, оп. 1, д. 423, л. 30.

² ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 28, л. 12.

³ Блюменталь И.И. Революция в Самарской губернии 1917-18 гг., М.–Самара, 1925, с. 98.

⁴ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 28, л. 5.

⁵ Провинциал в Великой Российской революции..., с. 219.

⁶ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 24, л. 12.

чения этому не придавалось. Но даже такие меры не гарантировали качественного выполнения функций новой милицией, особенно из выборными ее младшими чинами. После того как в Курмышском уезде Симбирской губернии 21 марта 1917 г. милиция вместе с толпой ворвалась в помещение производственных мастерских, вместо того чтобы прийти на помощь владельцу предприятия, уездный комиссар Временного правительства Курмышского уезда Симбирской губернии предложил ликвидировать в милиции выборные должности из солдат, так как милиционеры встали на сторону погромщиков¹.

Раздел 5. Бремя власти. Вероятно, феномен революции проявляется, прежде всего, в необычайно стремительной смене государственных институтов. Революция повлекла за собой всплеск прежде сдерживаемой, рвущейся на волю активности масс. Миллионы людей внезапно оказались ввергнутыми в водоворот политических событий. Самодержавие свергнуто, а вместе с ним за борт истории выброшена прежняя политическая элита. Массы впервые диктовали условия властям. Кто они, лидеры провинциальных революционных структур? Практически всё, на чем стояла печать царизма, было отвергнуто обществом в первые дни марта 1917 г. Родились новые политические институты — Советы рабочих и солдатских депутатов, Комитеты народной власти, появились комиссары Временного правительства. Новые структуры стали трибуной, с которой, прежде не имевший голоса, народ требовал соблюдения своих интересов.

Документы иллюстрируют картину управления губернией. Например в докладе Симбирского губернского комиссара Временного Правительства Ф.А. Головинского от 17 апреля 1917 г. описывает ситуацию в уездной Сызрани²:

Бойкий, находящийся на скрещении Великого Сибирского пути и реки Волги, крупнейший уездный город Симбирской губернии Сызрань, население которого с расквартированными здесь воинскими чинами достигает теперь 100000 человек, вызывает основательные опасения за свое благополучие. Были уже случаи беспорядков, выразившихся главным образом в разгроме пивных складов и расхищении спирта и водки из складов ка-зённых; одно время пришлось даже приступить к уничтожению запасов казенных питей. В виду очевидной невозможности для Сызранского уездного комиссара принял на себя работу и по уезду по такому крупному городу, Сызранским Городским Комитетом [дата не указана] марта избран для заведывания городом Сызранью особый Городской Комиссар Член Округного Суда Е.А. Николаи.

¹ Великая Октябрьская революция и революционное движение в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1982, с. 68.

² Провинциал в Великой Российской революции..., с. 237.

В Симбирске Городской Комиссар избираем не был, а поддержание порядка возложено Симбирскою Городскою Думою на одного из гласных А.А. Шаумана, коему присвоено звание Начальника охраны города, в помощь же ему назначен Начальник городской милиции, отставной генерал-майор Н.П. Конаков, заменивший прежнего Полиций-мейстера.

Однако в одночасье стала очевидной неподготовленность российского общества к новой жизни, особенно в провинции. В первые недели после свержения самодержавия народ охватило состояние эйфории. Организованным политическим силам оно внушало надежду, что у них есть все шансы вписать новую страницу в историю России. «Сознание и души народных масс, как казалось потенциальным агитаторам, представляли собой чистый лист»¹. Желаящих заполнить этот «бланк политических взглядов» было предостаточно, тем более, что «общества стали расти, как грибы после дождя... национальные, политические, профессиональные и культурные»².

Подборка документов в этом разделе позволяет увидеть эти изменения, возникновение новых структур и позицию провинциального лидера на разных уровнях. Документы отражают не только представления, которые новые властные структуры транслировали обществу, но и способы их фиксации. Например, смешение римских и арабских цифр, когда в ряде случаев пункты повестки дня обозначаются римскими цифрами, но с припиской слога «му» после числительного: «I-му», «II-му», смешение понятий «масса», «толпа» и «народ», которые агитационные издания 1917 г. с лёгкостью взаимозаменяли³ передают колорит эпохи и позволяют рассматривать документы ещё и как пример эволюции культуры протокольных записей⁴, степени образованности формирующегося чиновничьего аппарата в новых органах власти.

Раздел 6. Очевидцы, участники, современники. Основу революционной культуры большевиков составляло радикальное отношение к потоку времени, а именно — к революции как исходной точке новой жизни и к мировой революции как к светлому спасительному завтра. Перед агитаторами всех уровней фактически стояла задача конструирования новой истории. Временное правительство, Петроградский Совет часто обвиняли старый режим в репрессиях, причинения страданий людям. Потому на местах создава-

¹ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М., 1925, с 125.

² Цит. по: Щелков А. Б. Местные органы власти и охрана общественного порядка в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 1999, с. 47.

³ Здесь неизбежно возникает ассоциация с теорией толпы (масс). В книге Гюстава Лебона «Психология толпы» (*Psychologie des foules*, 1895) XX век уже именовался «эрой масс». На русский язык книга была переведена в 1896 г. под названием «Психология народов и масс».

⁴ Подобное наблюдается и в протоколах Петербургского комитета. См. об этом Липатова Н.В. Документ - эпоха - исследователь. Рецензия на публикацию протоколов Петербургского комитета партии большевиков за 1917–1918 гг. // Историческая экспертиза, № 1, 2017, с. 195–206.

лись комитеты по организации помощи пострадавшим от старого режима. В качестве типичного примера с использованием приема противопоставления можно привести обращение такого комитета в Симбирске: «Старый порядок не знал милосердия. Бесконечно количество жертв старой власти. Предстоит возвращение к жизни сосланных и заточенных. На нас лежит обязанность своими заботами согреть этих обездоленных»¹. Отчасти это продолжало народническую традицию, идущую из осознания неоплатного долга перед народом, но уже в трансформированном варианте: «Будущее поколение будет нам благодарно за поддержку правительства (Временного правительства. — Н. Л.) и удержание свободы», — передавала газета мнение жителей Карсунского уезда Симбирской губернии весной 1917 г.²

С 1920 г. местом аккумуляции коллективной памяти о революции стал Истпарт и его отделения на местах. По замыслу создателей — В.И. Невского и М.С. Ольминского — центральным должно было стать событие, очевидцем, участником или современником которого был тот или иной человек. Специально разработанные вопросники должны были структурировать собираемую информацию, как правило, небольшого объёма, отличающуюся приблизительностью хронологии, хаотичностью и несвязностью изложенного материала, смещением его во времени и пространстве. Воспоминания, собранные в рамках проекта Истпарта, в данном сборнике публикуются полностью. Часть из них публикуются впервые, часть была опубликована в 1957 в 1967 гг. Однако стоит отметить, что предшествующие публикации были осуществлены с небольшими купюрами, о чём не всегда сообщалось публикаторами. Безусловно, некоторые фрагменты, и достаточно обширные, совпадают полностью, но одной из важных задач нашего издания — показать автора как человека, его отношение к другим, его сомнения и метания, его стиль и особенности изложения, даже в таком «парадно-мемуарном» формате.

Этот раздел представлен, прежде всего, воспоминаниями из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области. В государственном архиве новейшей истории Ульяновской области выявление документов проводилось в фондах «Истпартотдела Ульяновского губернского комитета РКП (б)» (ф. 57), «Архива Ульяновского обкома КПСС» (ф. 57а) и газетном фонде. Всего было выявлено 40 документов. В сборник были включены воспоминания очевидцев и участников революционной событий 1917 г. об установлении советской власти в Симбирской губернии и в ряде других регионов бывшей Российской империи. Это воспоминания И.Я. Сыромятникова, Ю.К. Милонова, В.И. Мельникова, И. Абросимова, П.А. Смирнова,

¹ Симбирянин, 1917, 17 марта.

² Симбирянин, 1917, 6 мая.

И.М. Михайлова, Г.Н. Меркулова, Д.Ф. Смолина. Все воспоминания публикуются полностью. Время написания воспоминаний варьируется от 1920–х до конца 1950–х гг., поэтому их идеологическая тенденциозность в разной степени сказывается на трактовке описываемых исторических событий¹.

Стоит отметить несколько характерных черт воспоминаний. Прежде всего, это чувство сопричастности к событиям, которое старался передать составитель мемуаров, и именно такое ощущение должно было возникнуть у читателя. Новые советские мемуары имели цель, во-первых, запечатлеть процесс, ускользающий и молниеносный, во-вторых, стать одной из популярных форм печатных изданий, в-третьих, стать для потомков истинной исторической ценностью: «Читатель найдёт ... ряд речей... делегатов отклонившихся от сути обсуждаемых вопросов и нередко встретит речи, лишённые литературного блеска, односложные предложения — все это допущено, дабы сохранить историческую ценность. Ведь только тогда он (текст) будет иметь ценность, когда наши дети, внуки и правнуки, заглянув в этот исторический документ, смогут ясно себе представить, что делали их отцы, деды и прадеды, как они реагировали на те или иные поставленные пред ними вопросы, как дорожили, как закрепляли или подрывали революционные завоевания»².

Агитпроповские штампы оказывали влияние на язык авторов, описывающих «героичку пламенных лет» и строительство новой «социалистической» жизни. В причудливом переплетении малограмотности, штампов газетных передовиц, корявой несуразницы таких же малограмотных агитаторов — наиболее бросающаяся в глаза черта своеобразия языка воспоминаний, когда деятельность непременно «кипела», «бурлила» или «бушевала», а «дело спорилось».

Другая характерная особенность этих мемуаров — *перенос акцента с личной жизни на ключевые события*. Такими центральными событиями являлись прежде всего факт участия в революционном движении и встречи со значимыми политическими руководителями. Тем не менее, изучение текстов мемуаров позволяет установить влияние политических условий на содержание воспоминаний. Так, в отдельные воспоминания, поступившие в испарты, были внесены исправления и пометы, являющиеся сами важными историческими источниками и самостоятельными объектами исследования.

Автор мемуаров мог быть одновременно участником, свидетелем и современником описываемых событий. Наиболее информационно насыщенными оказались воспоминания бывших партийных руководителей, командиров,

¹ Провинциал в Великой Российской революции... с. 24.

² Стенографический отчёт 7-го Сызранского Уездного съезда Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов 1–5 июля 1920 г. Сызрань, 1920, с. 2.

которые владели большой информацией, лучше ориентировались в военной и политической обстановке. С другой стороны, их воспоминания подвергались самоцензуре и «редактированию» исторических событий, а, значит, и конструированию исторической памяти о революции. Поэтому одним из приёмов, позволяющих автору дистанцироваться от собственного «творчества памяти», был способ построения рассказа от третьего лица, что объясняется не только особенностью жанра, но и важными глубинными изменениями XX века.

Государственное регулирование труда несовершеннолетних работников в России в конце девятнадцатого века

Константин Ефимов (Россия)¹

Условия рыночной экономики потребовали реформирования трудового законодательства Российской Федерации, в том числе и в отношении несовершеннолетних.

Вместе с тем не следует забывать, что проблемы применения труда детей имеют более чем столетнюю историю и уходят своими корнями в пореформенный период России второй половины XIX в. Наиболее острые вопросы труда несовершеннолетних² начали решаться в рабочем законодательстве царской России под нажимом возраставшего забастовочного движения в 1870-е – 1880-е гг. С приближением столетия Февральской и Октябрьской революций 1917 г. современная наука ставит целый комплекс вопросов о состоянии российского общества и государства в начале XX в. Среди прочих, продолжает притягивать внимание вопрос об экономическом и правовом положении фабрично-заводских рабочих в Российской империи. Среди различных мнений историков по-прежнему господствуют два: «рабочие жили хорошо» и «рабочие жили плохо».

Под фабричным (рабочим) законодательством Российской империи принято понимать совокупность нормативно-правовых актов, регулировавших общественные отношения по применению наёмного труда на предприятиях фабрично-заводской промышленности в конце XIX – начале XX вв. **Первые шаги царского правительства в решении рабочего вопроса были связаны с ограничениями применения труда детей и женщин в промышленности.** Внимание к труду несовершеннолетних имело объективные предпосылки. В пореформенную эпоху в производстве России интенсивно применялся дешёвый труд женщин, малолетних детей и подростков. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. в промышленности Петербурга и Москвы женщины составляли 15 – 17 % всей рабочей силы, при этом особенно широко их труд применялся на текстильных, пищевых, резиновых, спичечных, табачных фабриках.

¹ **Ефимов Константин Александрович**, кандидат исторических наук, доцент УлГПУ им. И.Н. Ульянова.

² В законодательстве указанного периода под несовершеннолетними работниками признавали лиц обоих полов в возрасте от 12 до 15 лет. В современном российском Трудовом кодексе к несовершеннолетним работникам относят подростков от 16 до 18 лет.

По данным обследования фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведённого в начале 80-х гг. XIX в., видно, что почти две трети всех рабочих поступило на фабрику в возрасте до 14 лет. Экономист и историк В. Ю. Гессен, специально изучавший применение детского труда на предприятиях фабрично-заводской промышленности XIX в. в России, пришёл к выводу, что «в начале [18]80-х гг. эксплуатация детского труда приняла огромные размеры»¹. Труд несовершеннолетних не был ограничен во времени и виде и применялся в объёме взрослого работника за пониженную плату. Зарплата подростков составляла от 30 % до 50 % заработка взрослых. Широкое использование детского труда приносило фабрикантам большую прибыль, в частности за счёт экономии заработной платы. На Московском заводе Гужона за одну и ту же работу дети и подростки получали в 3,3 раза меньше, чем взрослые мужчины, что составляло в год экономии свыше 20 000 руб.² Такая экономия на детском труде привлекает и современных российских предпринимателей.

О необходимости введения в России фабрично-заводского законодательства («как на Западе») высказывались публицисты XIX в. на страницах демократических и либеральных изданий: «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Русское богатство» и др. Данные вопросы неоднократно поднимал известный экономист второй половины XIX в., один из первых фабричных инспекторов Московского фабричного округа И. И. Янжул: «В какой бы угол России мы ни обратились и на какой бы отрасли промышленности ни остановились, – писал Янжул, – везде мы видим одно и то же – полное небрежение, за немногими исключениями, к условиям жизни рабочего населения и невнимание к удовлетворению самых первичных требований гигиены»³.

Мнение противников обновления фабрично-заводского законодательства выражалось охранительной прессой, которая взяла на вооружение отжившие идеи об особых чертах рабочих России, определявшихся якобы традициями патриархальности: «Рабочего вопроса у нас на Руси не существует, а есть фабрики да рабочие»⁴. Перед лицом острейших социально-экономических противоречий, тормозивших дальнейшее развитие страны и ввергнувших её в

¹ Смоленская О. А. Правовая регламентация детского труда в фабрично-заводской промышленности России в 80-е – 90-е гг. XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика», 2007, № 3 (34), с. 67.

² Баранов Ю. В. Разработка закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах» от 1 июня 1882 г. // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция», 2012, № 3, с. 8.

³ Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии: отчёт за 1882 – 1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа. – СПб., 1884, с. 127.

⁴ Куприянова Л. В. Рабочий вопрос в России во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm> (дата обращения: 12.06.2018).

общенациональный кризис, всеобщего общественного недовольства и стачечной активности рабочих правительство наряду с усилением репрессий вынуждено было приступить к разработке законов о фабрично-заводском труде.

В апреле 1878 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев, признав «недостаточность ныне действующих правил для ограждения рабочих от произвола фабрикантов и заводчиков» и необходимость более точного определения взаимоотношений между ними, предложил образовать специальную комиссию с конкретным планом деятельности.

Выдающийся учёный-экономист 60-х – 80-х гг. XIX в. (затем министр финансов с 1881 по 1886 гг.) Н. Х. Бунге в законодательном урегулировании отношений предпринимателей и рабочих видел одно из главных и необходимых условий для успешного развития промышленности. В программной записке 1880 г. в разделе «Улучшение положения промышленности, обрабатывающей и торговой» Бунге с сожалением констатировал: «Россия не имеет законов, регулирующих наёмный труд, т. е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий»¹.

В связи с началом интенсивной работы над законопроектом в Министерстве финансов активизировали обсуждение этих вопросов и предприниматели. В записках министру финансов (декабрь 1881 г., февраль – март 1882 г., март 1883 г.) фабриканты повторяли свои возражения против запрета ночных работ для несовершеннолетних, ограничения возраста подростков 17 годами (предлагали 16). Московское отделение Совета торговли и мануфактур выступило против министерского проекта, возлагавшего на предпринимателей обучение рабочих и их детей, утверждая, что эта мера должна осуществляться в рамках народного образования.

На заседании Государственного совета, где специально рассматривался рабочий вопрос, петербургский заводчик Ф. К. Сан-Галли отстаивал право применения труда детей 10 – 12 лет при 8-часовом рабочем дне, фабрикант Т. С. Морозов выступил против запрета ночного труда детей, а промышленник С. И. Четвериков доказывал, что эта мера вызовет разорение семей рабочих. Свои доводы они подкрепляли ссылками на западное и европейское (британское, в частности) законодательство, по которому не запрещался труд детей с 10 до 14 лет по 6 – 7 часов в сутки. Кроме того, промышленники настаивали на постепенном переходе к новым условиям организации фабрично-заводской работы².

¹ Цит. по: Погребинский А. П. Финансовая политика царизма в 70-х – 80-х годах XIX в. // Исторический архив, 1960, № 2, с. 136.

² Куприянова Л. В. Рабочий вопрос в России во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm> (дата обращения: 12.06.2018).

25 апреля 1881 г. была создана специальная комиссия для подготовки проекта об общих правилах для фабрик и заводов. Наконец, 1 июня 1882 г. впервые в России спустя 23 года с момента первых разработок о регулировании фабричного труда малолетних был издан закон, регламентировавший их труд.

По мнению выдающего исследователя рабочего класса Кирьянова И. Ю., «законодательство о труде в России конца XIX – начала XX вв. имело ряд особенностей. Оно формировалось как “лоскутное” законодательство, обычно имевшее отношение к определённым сферам народного хозяйства и группам производств. Достаточно сказать, что существовали законы для предприятий фабрично-заводского производства, для горных и горнозаводских предприятий, для ремесленных заведений, для служащих и рабочих железных дорог, для рабочих казённых предприятий, для нанимавшихся на сельскохозяйственные работы и др. Имелись также законы о труде различных категорий рабочей силы – женщин, подростков и малолетних»¹.

В целом фабрично-трудовое законодательство сформировалось в России в достаточно короткие сроки. В течение 21 года (1882 – 1903 гг.) было принято девять главных законов, составивших костяк будущего трудового права. Особое внимание было уделено регулированию труда несовершеннолетних и женщин.

Первым шагом государственного регулирования наёмного труда в промышленности России стало законодательство о применении детского труда. 1 июня 1882 г. был принят закон («Правила о работе малолетних на заводах, фабриках и мануфактурах»), который устанавливал запрет на работу детей до 12 лет, а для детей 12 – 15 лет ограничивал время работы 8 часами в день. Закон запрещал им ночную работу (с 9 часов вечера до 5 часов утра), «в воскресные и высокочоржественные дни», во вредных производствах. Владельцы предприятий должны были предоставлять возможность детям, не имевшим свидетельства об окончании по меньшей мере одноклассного народного училища или приравняваемого к нему учебного заведения, посещать школы не менее 3 часов в день или 18 часов неделю. В тех промышленных предприятиях, где была введена 18-часовая непрерывная дневная работа в две смены, малолетние в возрасте от 12 до 15 лет могли привлекаться к работе в течение

¹ Кирьянов Ю. И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835 – 1917 гг., с. 45. Цит. по: Баранов Ю. В. Разработка закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах» от 1 июня 1882 г. // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция», 2012, № 3, с. 9.

⁹ Богдан В. И. Становление и развитие фабричного законодательства Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: историко-юридическое исследование: а/р. дисс. к. ю. н. – М., 2002, с. 11.

9 часов в сутки, причём работа не должна была продолжаться более 4,5 часов подряд¹. Первоначально предполагалось распространить закон о работе детей на все промышленные заведения, но Государственный совет принял более осторожный вариант: на первое время ограничить сферу его действия только фабриками. Закон должен был вступить в силу с 1 мая 1883 г., но по просьбе московских фабрик введение его было отсрочено до 1 мая 1884 г., причём ещё два года по разрешению министра финансов допускалась, «в случае надобности», работа детей 10 – 12 лет и ночная работа (не более 4 часов) детей 12 – 15 лет. Одновременно с этим был основан институт фабричной инспекции для наблюдения за выполнением закона. 12 июня 1884 г. был принят закон о школьном обучении детей и сделано первое отступление в законе 1882 г., допускавшее 6-часовую непрерывную работу детей вместо 4-часовой.

При анализе закона от 1 июня 1882 г. необходимо учитывать, что норма о запрете работы малолетних в возрасте до 12 лет носила декларативный характер, так как этим же законом министру финансов (Н. Х. Бунге) было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел допускать к работам на фабриках, заводах и мануфактурах малолетних в возрасте до 10 лет. Подобная правовая конструкция позволяла министру финансов фактически отменять норму закона о минимальном возрасте детей, которых можно было привлекать к работе. Такой же по характеру декларативной была норма об особенностях работы малолетних от 12 до 15 лет. Так, министру финансов также было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел разрешать ночную работу малолетних на тех предприятиях, где это «по роду производства окажется необходимым и не будет причинять вреда их здоровью». Несмотря на отдельные недостатки и неоднозначность практики его применения, значение закона от 1 июня 1882 г. состояло в том, что благодаря ему удельный вес детского труда в производстве всё же снизился. До принятия закона малолетние среди фабрично-заводских рабочих в промышленности России составляли в среднем 5 %, тогда как в середине 1890-х гг. их процент упал до 2, а в европейской части России – даже до 1,8 %. Из общего числа 1 079 093 рабочих на долю малолетних в середине 1890-х гг. приходилось 20 170 человек².

² Богдан В. И. Становление и развитие фабричного законодательства Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: историко-юридическое исследование: а/р. дисс. к. ю. н. – М., 2002, с. 11.

Продолжением начатых реформ в области детского труда стал акт от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»¹, который вступил в силу через 4 месяца. Закон запрещал ночную работу (то есть с 21:00 до 5:00) женщин и подростков до 17 лет на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Министр финансов мог распространять действие закона и на другие отрасли, но это было сделано ещё только для вредных работ в фарфоровом и спичечном производствах. В 1897 г. закон был распространён также на всё текстильное производство, то есть дополнительно на предприятия льняной промышленности и по обработке смешанных тканей (хотя в административном порядке это было установлено уже с марта 1886 г.). Закон 1885 г. планировалось апробировать в течение трёх лет. В период реализации этого нормативно-правового акта (НПА) министр финансов разрешил губернским властям установить ночное время с 10 вечера до 4 утра на фабриках с двухсменной работой (смена по 9 часов).

Вопросы правового регулирования труда малолетних и женщин нашли своё дальнейшее развитие в постановлении Государственного совета от 24 апреля 1890 г., которое объединило в единый законодательный акт законы от 1 июня 1882 г. и от 3 июня 1885 г.

Закон от 24 апреля 1890 г. разрешил допускать к работам на фабриках, заводах и мануфактурах малолетних в возрасте от 12 до 15 лет, «когда по роду производства это оказывается необходимым» и при условии, чтобы общая продолжительность их непрерывной работы не превышала 6, а при перерывах через каждые 4,5 часа – 9 часов в сутки. НПА изменил правила о ночном труде подростков и женщин, ранее установленные законами от 1 июня 1882 г. и от 3 июня 1885 г. Он устанавливал, что ночным временем считался временной промежуток между 10 вечера и 4 утра. Рассматриваемая норма распространялась на предприятия хлопчатобумажных, полотняных, шерстяных, льнопрядильных, льнотрепальных и смешанных тканей. По согласованию с Министерством внутренних дел данная норма могла распространяться Министерством финансов и на другие отрасли промышленности, работавшие непрерывно двумя сменами по 18 часов в сутки.

По закону от 24 апреля 1890 г., подростки и женщины могли допускаться к ночному труду только «в особо уважительных случаях», т. е. после продолжительной вызванной несчастием приостановки работ, при усиленном поступлении заказов перед ярмарками и там, где означенные работы подростками и женщинами исполнялись «одновременно и совместно с главами их семейств». Апрельский закон 1890 г. фактически отменял всякую регла-

¹ ПСЗ-III, т. V, № 3013.

ментацию ночного труда подростков и женщин, поскольку она касалась как раз тех отраслей промышленности, где женский и детский труд занимал большое место – около 45 % труда всех рабочих. При столь неопределённой формулировке закона администрация фабрик и заводов всегда могла сослаться либо на несчастье, вызвавшее продолжительную остановку, либо на ярмарки, в которых не было недостатка на Руси, а труд подростков и женщин одновременно и совместно с главами их семейств имел место почти на всех фабриках России. В результате указанный НПА существенно ухудшил ранее закреплённые права несовершеннолетних работников и женщин.

Несмотря на принятие царским правительством нормативных актов с целью защиты труда детей, качественных изменений в сфере занятости несовершеннолетних не произошло. Дальнейшее развитие императорского законодательства в отношении подростков было приостановлено. На периферии империи, в отдалённых губерниях, в начале XX в. законодательство нарушалось со стороны самих государственных органов, призванных контролировать его соблюдение.

Так, в ноябре 1904 г. владельцы Карлинской и Екатериновской суконных фабрик Симбирской губернии просили местное по фабричным делам присутствие разрешить ночную работу женщин и подростков «в связи с увеличением заказов», на что получили положительный ответ. Эти работы были разрешены на 4 месяца с 1 декабря¹. По-прежнему сохранялась заниженная оплата труда подростков 12 – 16 лет. В 1903 г. в Саратовской губернии на предприятиях Царицына, Балашова, Аткарска, Камышина зарплата рабочих до 17 лет была в два раза ниже, чем у взрослых. Если чернорабочий в Царицыне за день получал до 80 копеек, то несовершеннолетний – 30 копеек. Причём женский труд оценивался ещё ниже – до 25 копеек². Нерешённые проблемы в сфере защиты детского труда перешли в наследство советскому государству.

Историк Ю. В. Баранов так оценил фабрично-заводское законодательство последней четверти XIX в. в отношении несовершеннолетних: «Можно отметить, что принятые законодательные акты имели недостатки: допускалось отступление от правовых норм, их нечёткость, незначительность санкций за неисполнение законов»³. Вместе с тем автор делает заключение о том, что «несмотря на упущения, эти законодательные акты имели прогрессивный характер, позволивший в конце XIX в. **создать в России законодательство об охране труда малолетних, которое в целом не уступало законодательству европейских стран**».

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 195. Оп. 1. Д. 372. Л. 3-4.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 177. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-8.

³ Баранова Ю. В. Указ. соч. С. 10.

Данное утверждение вполне уместно, если иметь в виду то, что царское правительство действительно продвинулось в развитии защиты детского труда. В то же время остаётся вопрос о качестве исполнения принятых законов на местах. И могли ли правительственные круги России сделать больше в условиях того времени?

С высоты современного трудового законодательства видно, что в нормотворчестве властей царской России не были затронуты (и не могли быть затронуты) такие аспекты условий труда несовершеннолетних, как заключение и расторжение трудового договора в письменной форме, медицинский осмотр и испытательный срок, перечень вредных и опасных работ, ответственность работодателей за нарушение принятых законов и т. д. Потребовался длительный период, прежде чем условия труда несовершеннолетних приобрели защитный характер от вредных последствий.

Медико-санитарное состояние 1-й армии Восточного фронта летом-осенью 1918 г.: военно-антропологический аспект

Евгений Наумов (Россия)¹

Одним из наиболее сложных испытаний для солдат и армейского командования в периоды крупномасштабных вооружённых столкновений являлась борьба с болезнями и эпидемиями, которые выступали непрерывным спутником походной и гарнизонной жизни военнослужащих. Успех мероприятий, направленных на профилактику и предотвращение наиболее опасных заболеваний, полностью зависел от стройной организации медико-санитарной службы, которая в условиях разрухи времён Гражданской войны испытывала целый ряд проблем, что ставило красноармейцев в достаточно затруднительное положение после прибытия на фронт.

Главной причиной, способствовавшей возникновению и распространению среди бойцов большинства болезней, являлась неспособность армейского руководства обеспечить войска удовлетворительными бытовыми условиями существования. В первую очередь это относилось к помещениям, острая нехватка которых привела к тому, что на фронте солдаты, пренебрегая соблюдением минимальных санитарных норм, вынуждены были квартироваться прямо в эшелонах, в которых они передвигались. Неприспособленность вагонов, предназначенных исключительно для транспортировки, но не для длительного проживания в них большого количества людей, делало железную дорогу антисанитарным местом.

Не следует также забывать и об отсутствии у солдат минимальных представлений о соблюдении чистоты в местах проживания, что в условиях высокой степени заболеваемости играло большую роль. Например, в приказе РВС Восточного фронта № 32 от 23 июля 1918 г. сообщалось, что красноармейцы «выбрасывают без всякой предосторожности мусор и нечистоты прямо из окон на полотно»². Даже сотрудники штаба 1-й армии длительное время, по словам политического комиссара О. Ю. Калнина, «помещались в одном вагоне, который представлял собою как жилище, так и канцелярию штаба»³.

¹ **Наумов Евгений Олегович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея им. И. Д. Воронина.

² Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 106, оп. 1, д. 3, л. 15.

³ Калнин О. Ю. Борьба на Восточном фронте. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг. Сборник воспоминаний. – Ульяновск, 1958, с. 36.

Вполне возможно, что несоблюдение солдатами чистоты и гигиены было вызвано отсутствием условий для этого. Врач Сенгилеевского сводного отряда Симбирской группы войск Д. Самарский вспоминал, что в подразделении практически не было мыла¹. Неспособность в полевых условиях обеспечить бойцов баней, а также частую смену белья приводили к возникновению и распространению педикулёза². Говорить о правильном и полноценном питании у солдат Красной армии в начальный период Гражданской войны также не приходится. Указанные факторы приводили к развитию всевозможных, преимущественно инфекционных, болезней³, связанных с желудочно-кишечным трактом⁴, в частности холеры⁵.

Помимо неудовлетворительных бытовых условий, высокий уровень заболеваемости среди штабных работников и представителей командного состава можно объяснить огромным количеством неотложных дел из-за нехватки людей, переутомлением, а также стрессом. Так, А. М. Уральцев, работавший в штабе Симбирской дивизии в августе 1918 г. в момент создания соединения и подготовки к наступлению на Симбирск, вспоминал: «От тревожных дней и бессонных ночей мы сильно уставали физически, похудели, но духом не падали»⁶.

В наибольшей степени данная особенность сказывалась на начальниках штаба. Уже 27 июня 1918 г., т. е. спустя четыре дня после начала работы в 1-й армии, начальник штаба Р. Шимунич телеграфировал командующему Восточным фронтом М. А. Муравьеву просьбу освободить его от должности «ввиду крайне плохого состояния... здоровья»⁷. Данное требование, вероятно из-за отсутствия претендентов на замену, так и не было выполнено, в результате чего Р. Шимунич продолжал исполнять обязанности начальника штаба вплоть до 9 июля 1918 г., когда его отправили в отпуск «для поправления здоровья». Приказом по армии № 15 от 11 июля 1918 г. вместо Р. Шимунича был назначен начальник оперативного отдела генштабист И. Н. Захаров⁸. Однако на указанной должности ему удалось пробыть чуть больше месяца. Приказом по армии № 44 от 15 августа 1918 г. И. Н. Захаров, заболевший ту-

¹ Самарский Д. Партизаны Волги. // Годовщина 1-й революционной армии. – М., 1920, с. 107.

² Малютин Ф. Как наш Козловский отряд воевал с чехами. // Годовщина 1-й революционной армии, с. 97.

³ РГВА, ф. 3, оп. 1, д. 23, л. 129.

⁴ Перкин Д. Борьба за Симбирск. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг., с. 267; Самарский Д., указ. соч., с. 116.

⁵ Малютин Ф. Указ. соч., с. 97; РГВА, ф. 106, оп. 1, д. 3, л. 15.

⁶ Уральцев А. М. В боях и в пороховом дыму рождённая. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг., с. 255.

⁷ РГВА, ф. 106, оп. 7, д. 25, л. 122.

⁸ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 14.

беркулёзом и малярией¹, был отправлен в двухмесячный отпуск. На пост начальника штаба вступил начальник административного отдела Н. И. Корицкий².

Особенно опасной являлась потеря командира во время ведения боевых действий, что могло привести к панике среди бойцов и дезорганизации фронта. По сведениям Д. Самарского, командующий Симбирской группой войск 1-й армии С. М. Пугачевский в момент напряжённых боёв на симбирском направлении 19 июля 1918 г., «ссылаясь на нездоровье, внезапно уехал в Тетюши, не оставив себе заместителя». Впоследствии он оправдывался тем, что «был нездоров, изнервничался и дошёл почти до сумасшествия»³. В похожей ситуации оказался командир бронепоезда «Свобода или смерть» А. В. Полупанов, действовавший в составе Симбирской группы войск, отправивший 21 июля 1918 г. в адрес командарма М. Н. Тухачевского телеграмму со следующим текстом: «Я лежу болен, командовать не могу, помощник контужен, сил больше нет»⁴. Поэтому армейское командование, часто сталкиваясь с заболеваниями среди воинских начальников, с целью недопущения подобных ситуаций предпринимало любопытные меры. Так, 23 августа 1918 г. начальник штаба армии Н. И. Корицкий отправил в земскую больницу при селе Троицком телеграмму с просьбой предоставить начальнику Симбирской дивизии Г. Д. Гаю одну комнату для отдыха⁵.

Следующий фактор, который способствовал возникновению и распространению целого ряда заболеваний, заключался в неспособности фронтового и армейского командования обеспечить вооружённые силы всем необходимым. Это и отсутствие системы учёта, распределения и доставки для создания санитарной службы, и отсутствие удовлетворительных бытовых условий для квалифицированного и ответственного врачебного персонала, а также нехватка медикаментов. 2 июля 1918 г. начальник штаба 1-й армии Р. Шимунич отправил в штаб Восточного фронта в Казани телеграмму с требованием присылки 40 врачей, 100 лекарей и 4 ветеринарных врачей⁶. Однако требуемый штат врачебного персонала удалось укомплектовать только зимой 1918 г. Согласно сведениям начальника санитарного отдела 1-й армии Алексева,

¹ Корицкий Н. И. Создание 1-й армии и освобождение Симбирска. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг., с. 53.

² РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 68.

³ Самарский Д. Указ. соч., с. 120-121.

⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ), ф. Р-37, оп. 1, д. 8а, л. 445.

⁵ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 130, л. 123.

⁶ РГВА, ф. 106, оп. 7, д. 28, л. 90.

к 1 декабря 1918 г. в армии числилось 40 врачей, 137 лекарских помощников, 6 фармацевтов и 48 сестёр милосердия¹.

Имевшиеся в войсках представители врачебного персонала на начальном этапе становления санитарного дела в Красной армии не могли в полной мере способствовать исправлению сложившегося в вооружённых силах неудовлетворительного медико-санитарного состояния. Условия, в которых приходилось работать врачам, вряд ли можно назвать благоприятными. Так, в Сенгилеевском сводном отряде, подразделения которого располагались преимущественно на правом берегу Волги, функции окологка [в данном случае базы – *Ред.*] выполнял «грязный и заплёванный» пароход «Отец». Впоследствии для указанных целей использовался прибывший из Симбирска купеческий пароход «Фортуна»². В августе 1918 г. некоторые санитарные отделы Симбирской дивизии находились либо на открытом воздухе, либо в палатках³. Не удивительно, что армейские врачи также не были застрахованы от болезней. Так, назначенный 10 июля 1918 г. заведующим санитарной частью 1-й армии лекарь Григорьев вскоре «почувствовал себя худо и через пару дней уехал обратно»⁴. Большую роль играл «недостаток санитарных и медицинских средств», о чём сообщал инспектировавший 1-ю армию правительственный комиссар при Латышской дивизии К. Х. Данишевский в докладе от 29 июня 1918 г.⁵

Часть врачей, как правило руководящего звена, несмотря на проявляемое рвение, испытывала острую нехватку опыта, знаний и помощников. Например, начальник санитарного отдела 1-й армии Алексеев впоследствии сетовал на своё внезапное назначение на указанную должность: «А мне хочешь не хочешь пришлось взяться за малознакомое мне дело – организацию санитарной части»⁶. Однако имелись и прямо противоположные случаи. В этой связи примечательно отношение к своим обязанностям сестёр милосердия, которые должны были осуществлять основной уход за больными и ранеными и проявляли при этом невероятную смелость, получая зачастую тяжёлые ранения. Например, сестра Лия Шерман, которой в 1918 г. было всего 17 лет, во время боя частей Сибирской дивизии под станцией Охотничья, несмотря на самовольный уход с передовых позиций санитаров и полковых окологков, про-

¹ Алексеев В. Год работы в санитарном управлении 1-й армии. // Годовщина 1-й революционной армии, с. 82.

² Самарский Д. Указ. соч., с. 117.

³ Уральцев А. М. В боях и в пороховом дыму рождённая. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг., с. 253.

⁴ Алексеев В. Указ. соч., с. 82; РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 13.

⁵ РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 138.

⁶ Алексеев В. Указ. соч., с. 82.

должала под огнём противника собирать раненых и оказывать им помощь, получив при этом контузию¹.

Из-за указанных факторов армейское командование вынуждено было принять целый ряд мер в отношении практически каждой категории лиц, от действий которых зависело улучшение медико-санитарного состояния в войсках. Так, по причине неспособности центрального и фронтового командования обеспечить вооружённые силы врачами и медикаментами решение данной задачи полностью переходило к штабным работникам армейских объединений, а также непосредственно к начальникам санитарных отделов. При этом руководство понимало, насколько важно и необходимо налаживание санитарного дела, о чём свидетельствует высокий оклад начальника санитарной части. Согласно приказу по 1-й армии № 13 от 8 июля 1918 г., тот должен был получать 1000 руб. в месяц, т. е. столько же, сколько командующий армией, начальник штаба или начальник инженерной части. Начальники оперативного, разведывательного отделов и отдела связи должны были получать по 900 руб. в месяц².

При поиске медицинских работников армейское командование вынуждено было обращаться в местные органы власти, но и это не всегда способствовало разрешению проблемы. Например, из-за нехватки кадров первым начальником санитарного отдела штаба армии приказом от 31 июня 1918 г. был назначен участковый врач Казанской железной дороги В. В. Заглухинский «с оставлением его на штатном месте»³. Так как он по указанным причинам не имел возможности уделять достаточное время выполнению этой обязанности, санитарным делом был вынужден руководить начальник отдела снабжения И. М. Штейнгауз «просто потому, что некому больше было ведать»⁴.

Поиск и закупка медикаментов осуществлялась по инициативе и силами местного командования и санитарных работников за счёт ресурсов, расположенных на территории дислокации воинского объединения. Приказом по санитарной части от 5 июля 1918 г. необходимо было «врачебные предметы, бельё и прочее частью закупить на местах, частью затребовать от начальника снабжения»⁵. Однако, прежде чем приобрести требуемые лекарства и инструменты, их ещё нужно было найти, что в условиях разрухи являлось сложнейшей задачей⁶. Только 28 июля 1918 г. в Рузаевку из Казани прибыла

¹ Д-н А. Красные сёстры героини. // Годовщина 1-й революционной армии, с. 134-135.

² РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 12.

³ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 6.

⁴ Алексеев В. Год работы в санитарном управлении 1-й армии. // Годовщина 1-й революционной армии, с. 82.

⁵ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 9-9 об.

⁶ Самарский Д. Партизаны Волги. // Годовщина 1-й революционной армии, с. 107, 116.

полевая аптека, которая, по словам Алексеева, была скудно обеспечена, однако «с этого момента дело снабжения армии медикаментами и перевязкой стало постепенно налаживаться»¹.

Следующая проблема, с которой столкнулись врачи 1-й армии, заключалась в массовой заболеваемости солдат в войсках и местах их скопления. Например, А. Клементьев вспоминал, что в Сенгилеевском сводном отряде «ежедневно принималось от 20 до 50 больных амбулаторно»². Согласно воспоминаниям комиссара 2-го Симбирского полка Симбирской дивизии Д. Перкина, после нескольких дней августовского наступления на Симбирск околодок части был полон³. В телеграмме М. Н. Тухачевскому от 18 сентября 1918 г. начальник Пензенской дивизии также жаловался, что «люди уходят по уважительным причинам, то есть по болезни, из строя»⁴. Поэтому количество больных неизменно превышало число бойцов, получивших увечья и ранения в сражениях. Например, согласно Алексееву, «к 1 октября (1918 г. – Е. Н.) в лечебных учреждениях армии состояло раненых 241, больных 630, из них заразных 54»⁵.

Основным способом разрешения данной проблемы являлась эвакуация тяжелораненых и больных солдат в тыловые госпитали и больницы, где они могли получить более квалифицированную медицинскую помощь, которую армейские врачи предоставить не могли. Однако наладить планомерный процесс отправки бойцов в тыл было достаточно сложно из-за целого ряда факторов. Во-первых, войска испытывали острую нехватку подвижного состава. Так, приказом по Инзенской дивизии от 14 августа 1918 г. командирам частей необходимо было «скоплять больных и раненых при полковых околодках»⁶. Начальник штаба армии Н. И. Корицкий также вспоминал, что первое наступление группировки на Симбирск в начале августа 1918 г. вскрыло многочисленные серьёзные недостатки в организации военных операций, в том числе «большие слабости... в эвакуации раненых»⁷. Поэтому во время подготовки и проведения очередного наступления на Симбирск данному вопросу уделялось большое внимание. В проекте приказа № 7 от 8 сентября 1918 г. по Симбирской дивизии начальнику санитарной части соединения предписывалось «установить планомерную быструю эвакуацию раненых и представить

¹ Алексей В. Год работы в санитарном управлении 1-й армии // Годовщина 1-й революционной армии, с. 82; ЦГА РМ, ф. Р-9, оп. 1, д. 1, л. 49.

² Клементьев А. От Сенгилея – Инзы до Оренбурга – Орска (очерки и воспоминания о борьбе Железной дивизии на чехословацком фронте). // Годовщина 1-й революционной армии, с. 87-88.

³ Перкин Д. Борьба за Симбирск. // Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг., с. 267.

⁴ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 911, л. 387.

⁵ Алексей В. Указ. соч., с. 82.

⁶ РГВА, ф. 1250, оп. 1, д. 611, л. 8.

⁷ Корицкий Н. И. В штабе армии. // Незабываемое. – М., 1961, с. 89.

схему расположения перевязочных пунктов и полевых госпиталей начштабму и в дивизии»¹.

Из-за большого количества больных и раненых, а также проблем с медикаментами и врачебным персоналом, перебоев в движении санитарных летучек условия транспортировки солдат в тыл были не самыми благоприятными. Например, по итогам инспектирования железнодорожных станций прифронтной полосы член Викжедора Литвинов 16 сентября 1918 г. с возмущением телеграфировал начальнику военных сообщений фронта о прибытии 12 сентября переполненного санитарного поезда: «Как такое количество раненых можно перевозить подвижной летучкой в составе 1 или 2 вагонов, прицепляя их к поезду?»²

Поэтому некоторые солдаты вынуждены были эвакуироваться из части самостоятельно. По словам начальника санитарного отдела 1-й армии Алексеева, «больные и раненые подбирались товарищами, помещались в эшелоны, привозились на станцию Инза, где часть из них поступала на санитарный поезд, часть ехала дальше»³. 7 сентября 1918 г. военно-революционный трибунал Пензенской дивизии рассматривал дело о красноармейцах 2-го Петроградского полка Иване и Алексее Семаниных, которые обвинялись в самовольной отлучке. Следствие выяснило, что причина их временного отсутствия в части была вызвана болезненным состоянием и невнимательным отношением начальства к заявлениям о необходимости лечения⁴.

Только после прибытия в ноябре 1918 г. в расположение армии головного эвакуационного пункта появилась возможность вести учёт свободных мест во всех санитарных учреждениях не только объединения, но и республики, что способствовало более быстрому и точному распределению солдат по больницам⁵.

Из-за недостатка лекарств и врачебного персонала большую роль играла профилактика заболеваний, направленная прежде всего на улучшение бытовых условий. В первую голову было приказано выселить солдат из антисанитарных воинских эшелонов. Так, 12 августа 1918 г. начальникам Инзенской и Пензенской дивизий предписывалось «немедленно освободить вагоны и паровозы»⁶. Согласно приказу по Пензенской дивизии № 35 от 17 августа 1918 г., старшему врачу соединения необходимо было в полках «производить воз-

¹ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 21, л. 13.

² РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 578, л. 57.

³ Алексеев В. Указ. соч., с. 82.

⁴ РГВА, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 82.

⁵ Алексеев В. Указ. соч., с. 82.

⁶ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 42, л. 202.

можно чаще и не менее 1 раза в месяц телесные осмотры людей рот и команд, особенно людей, стоящих в тылу и резервах»¹.

Таким образом, важную роль в ухудшении медико-санитарного состояния 1-й армии Восточного фронта летом-осенью 1918 г. сыграло сложное социально-экономическое положение в стране, что проявлялось в острой нехватке в войсках необходимого для организации санитарной службы – врачебного персонала, медикаментов, помещений. Это приводило к складыванию крайне неудовлетворительных бытовых условий существования солдат, основными признаками которых являлись грязь и перенаселённость. Сильно затрудняло работу армейских врачей отсутствие достаточного опыта. Следует также отметить влияние стресса и сильной загруженности, чем в значительной степени отличались штабные работники. Всё это способствовало возникновению большинства заболеваний. Исправить сложившееся положение удалось только благодаря совместной работе армейского командования и врачебного персонала, которые, ввиду отсутствия помощи из центра, вынуждены были по собственной инициативе использовать ресурсы (кадры, медикаменты) прифронтовой территории. Отметим также большое внимание, которое уделялось профилактике заболеваний, а также эвакуации больных и раненых в тыл.

¹ РГВА, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 44.

Женщины Симбирской губернии в 1917 г.

Надежда Чугунова (Россия)¹

Только за первый революционный год дважды сменилась государственная власть в России, произошёл переход от монархической формы правления к республике, усилился рост общественно-политической дезинтеграции российского социума и, в конце концов, произошёл распад некогда единого территориального пространства Российской империи. Оглядываясь в прошлое и оценивая глубину и степень революционного движения, мы, несомненно, признаём его масштабность и значимость, находим в нём корни развития современных процессов российской действительности. И всё же во всей этой череде неоднократно исследованных проблем государственно-политической истории остаётся немало аспектов и вопросов, нередко пройденных стороной, но определённо заслуживающих внимания исследователей. В их числе и тема женской эмансипации.

В замалчивании роли женщин в революционном процессе, а также результатов их активности просматривается несколько причин. Прежде всего, огромную роль в этом играет низкий уровень гражданской и политической культуры в российском обществе, которая подтверждается низкой явкой населения на выборы в 2016 – 2017 гг.² Неучастие граждан в избирательном процессе на деле нивелирует их электоральные права и свободы, а соответственно, устраняет необходимость искать их легитимность в прошлом.

Отсюда проистекает и следующая причина – слабость феминистского движения в России. Не удивительно, что гендерные исследования проводятся в основном самими женщинами. Такая взаимосвязь была предопределена историей возникновения гендерного направления в истории как продолжения феминистского дискурса. Разрозненность, малочисленность женских профессиональных организаций в современной России, укоренение в обществе традиционных патриархальных ценностей влияют и на количество исследований по истории женщин.

¹ Чугунова Надежда Анатольевна, научный сотрудник отдела фондов Ленинского мемориала.

² Наглядно, как упала явка на выборах в России, см.: Русская служба BBC. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-41202840> (дата обращения: 15.10.2018); Явкой на выборы озаботились все политические силы. // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/09/19/657671-pobedu-edinorossam> (дата обращения: 15.10.2018).

Также немаловажную роль играет сложившаяся историографическая традиция, когда на протяжении многих десятилетий история решения женского вопроса рассматривалась в рамках советской социальной политики. Предыдущий опыт женского движения аннулировался, а позитивные его результаты приписывались к достижениям советского общества¹. В связи с этим долгие годы не предпринималось попыток комплексного исследования истории женского движения в период Великой российской революции. В обобщающих трудах по истории революционного движения также обходят эту тему стороной². А сборники воспоминаний участниц революционного движения отличаются скучным однообразием и не выходят за рамки большевистского нарратива³. Что касается истории Симбирской губернии, то подобные издания вообще отсутствуют. Статьи с воспоминаниями об участии в революции симбирянок являют собой редкость. Тем не менее по своему содержанию они также не выделяются информационной новизной и разнообразием, а порой даже не соответствуют заявленной теме. Так, М. Н. Пискалова в статье под названием «Женщины Мелекесса в дни Октября»⁴ вместо воспоминаний о деятельности женщин в революционные годы приводит биографические сведения о своём супруге.

Между тем именно Великая российская революция сыграла важную роль в истории женского движения России. Во-первых, она усилила его организационную составляющую, придала массовость: появляется множество женских групп и обществ не только на губернском, но и уездном уровнях. Во-вторых, именно революционные процессы привели женское освободительное движение к новым формам и методам борьбы: если в 1905 – 1907 гг. основная политическая активность женщин проявлялась в виде издательской деятельности, а также подачи петиций с требованиями уравнивания их в правах с мужчинами⁵, то в 1917 г. женщины выходят на улицы, устраивая мирные шествия и демонстрации⁶. И в-третьих, революция перевела дискуссию о роли и месте женщины в обществе из области теоретической в область практическую:

¹ См. например: Любимова С. Т. Октябрьская революция и положение женщины в СССР. – М.: Знание, 1967, 32 с.

² См. например: Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010, 376 с.

³ Женщины в революции. – М., 1959, 470 с.

⁴ Пискалова М. Н. Женщины Мелекесса в дни Октября. // За власть советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Приволжское кн. изд., 1967, 315 с.

⁵ Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX в.: 1900 – 1907 гг.: дис. к. и. н. – Ульяновск, 2009, с. 35.

⁶ Здесь подразумеваются демонстрации с чисто женским составом, без участия мужчин.

женщинам были даны избирательные права, что в дальнейшем однозначно поставило их в ряд важных акторов социально-политического процесса. Отныне они могли баллотироваться на выборах, избирать кандидатов в соответствии со своими общественно-политическими взглядами и влиять тем самым на расстановку партийных сил в стране.

Проследим на примере Симбирской губернии, как Великая российская революция повлияла на женское освободительное движение в провинции. История женского движения в Симбирске берёт своё начало именно в 1917 г. В более раннее время здесь не существовало специальных женских организаций, хотя в период Первой русской революции была предпринята попытка создания отделения Всероссийского союза женского равноправия¹. Но, в отличие от соседних Самары и Казани, здесь союз так и не был сформирован. Участие женщин в освободительном движении проходило, как правило, в рядах революционных партийных организаций, представители которых, с одной стороны, воспринимали женщин как менее сознательных членов общества, но в то же время не признавали необходимость ведения специальной просветительской работы в женской среде и отстаивания отдельно женских интересов².

Иная ситуация складывалась в 1917 г. Характер революционных событий принял совершенно другой оборот: были не только подтверждены политические завоевания прошлых лет, но и произошло свержение самодержавия. В одночасье сменилась расстановка политических сил в стране. Главным вектором развития общества стала его демократизация, а вследствие этого – политизация населения.

И хотя, по воспоминаниям участников, Симбирск ещё долго сохранял провинциальную тишину, сведения о столичных событиях с опозданием, но доходили до симбирян. Горожане собирались на многочасовые манифестации, устраивали шествия по центральным улицам, безнаказанно выкрикивали лозунги в поддержку революции у здания городской управы³. В целом жизнь Симбирской губернии подчинялась общим для страны процессам. Под их влиянием оказались и женщины.

19 марта 1917 г. на улицах Петрограда состоялась массовая женская демонстрация, проходившая под лозунгами: «Место женщинам – в Учредительном собрании!», «Женщинам – все права!» и т. п. Шествующие собра-

¹ Петайкина М., Лялина А. Поволжские губернии: характеристика феминистского движения в период революции 1905 – 1907 гг. // Власть, 2011, № 4, с. 122.

² Рябиков В. Симбирские большевики. 1903 – 1906 гг. // 1905 год в Симбирске. – Партотдел Ульяновского губкома РКП(б), 1925, с. 36.

³ Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). – Самара: Самарское книжное издательство; Ульяновск: издательская группа «Артишок», 2006, с. 245.

лись у здания Таврического дворца, где заседали Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. В ходе долгих переговоров с представителями власти, которые подробно описаны в статье Юкиной И. И.¹, женщинам удалось добиться гарантий предоставления им равных политических прав. 26 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало сообщение «О выборах в Учредительное собрание на основах всеобщего, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования»². Известие об этом было перепечатано в местных газетах. О политическом равноправии мужчин и женщин объявили на общем митинге в Буинске³. Не оставались в стороне и другие уезды Симбирской губернии. Это способствовало росту самосознания симбирянок, подталкивало их ко включению в женское движение России.

Уже весной 1917 г. женщины Симбирской губернии смогли впервые воспользоваться приобретёнными правами. По инициативе местного Совета рабочих и солдатских депутатов здесь 23 апреля прошли перевыборы в Городскую думу⁴. Их важным итогом, помимо появления в рядах гласных значительного числа представителей левых партий, стало и присутствие в представительном органе женщин. Впоследствии «Симбирянин» написал об этом следующее: «Женщина впервые вступила в состав гласных Городской думы. Женщина никогда не забудет этого дня – праздника равноправия. В этот торжественный день она повела своих избранниц на путь общественной деятельности на равных правах с мужчиной»⁵. Примечательно, что в целом по стране воспользоваться избирательным правом равноправки смогли лишь в августе 1917 г.

Участие симбирянок в избирательных кампаниях в представительные органы власти продолжилось и дальше. Так, в ходе выборов в Курмышское уездное земское собрание свои кандидатуры представили Екатерина Спиридоновна Спиридонова, Евдокия Кирилловна Удякова, Елизавета Дмитриевна Степанова. Последняя из них была избрана как гласная⁶. 15 августа 1917 г. состоялись выборы в Симбирскую городскую думу, куда прошли Елизавета Николаевна Ласточкина, Екатерина Фёдоровна Разумова, Екатерина Дмитриевна Сахарова, а ещё две женщины – Аделаида Робертовна Гессе и Екатерина Александровна Новикова – выставили свои кандидатуры⁷.

¹ Юкина И. И. Как мы получили избирательные права. // Посиделки. Информационный листок. – СПб.: ПЦГИ, 1997, № 2 (14), с. 1-2.

² Синова И. В. В свободной России не должно быть прежней женщины-рабы, или О чём писали отечественные женские журналы в 1917 г. // Женщина в российском обществе, 2017, № 2 (83), с. 101.

³ Симбирянин, 1917, 13 апреля.

⁴ Кузнецов В. Н. Политические партии в Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях в 1917 г. (ч. I, март-июль). – Ульяновск: УлГПУ, 2014, с. 63.

⁵ Симбирянин, 1917, 4 мая.

⁶ Известия Симбирского совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 3 сентября.

⁷ Там же, 18 августа.

Впрочем, в политическую деятельность включались в основном лишь более просвещённые, образованные активистки. Они же проводили агитацию в пользу различных политических партий, ничем не уступая мужчинам. Так, уроженка Карсунского уезда эсерка А. Ф. Басова в июне 1917 г. организовала политический диспут с представителями других партий. Событие это нашло широкий отклик в симбирском обществе, и, как писал в воспоминаниях большевик Редькин П. В., «зал земских собраний оказался заполненным до отвала»¹.

Основная часть населения Симбирской губернии оставалась неграмотной. По данным подворной переписи 1910 – 1911 гг., уровень грамотности местного населения составлял 25,7 % среди мужчин и 3,3 % среди женщин². В связи с активностью различных политических организаций, программные положения которых были непонятны для большинства, в революционные годы потребность общества именно в просвещении, в образовании значительно повысилась. Вследствие этого по всей стране открывались различные учебные заведения смешанного типа, многочисленные занятия проводили партийные группы³. Женщины также вносили вклад в повышение уровня грамотности населения. В октябре 1917 г. в симбирской женской гимназии В. В. Кашкадамовой были открыты вечерние курсы для взрослых женщин⁴.

Ещё весной с целью культурно-просветительской деятельности был создан Союз женщин под председательством именитой дворянки, члена партии эсеров А. А. Знаменской⁵. 30 апреля состоялось его организационное собрание. Участницы, которых к тому моменту насчитывалось 50 человек, избрали правление, рассмотрели общую программу деятельности. Создаются женские организации и в уездах Симбирской губернии.

Объединение женщин в союзы и комитеты проходило на общем фоне демократизации общества, когда создаются различные общественные организации по профессиональным, политическим и иным интересам. Создание равноправными организаций с просветительскими целями было определено не только потребностью общества. Исторически сложилось так, что единственной сферой, в которой женщинам было дозволено проявить свою обще-

¹ Редькин П. В. 1917 год в Карсуне. // За власть советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Приволжское кн. изд., 1967, с. 215.

² Подворная перепись Симбирской губернии. 1910 – 11 гг.: в 9 вып. Симбирское губернское земство. – Симбирск, 1915, в. 9, с. 3.

³ Кулик В. Н. Тверитянки в 1917 г. // Женщина. История. Общество, в. 1. – Тверь: ТвГУ, 1999, с. 139.

⁴ Симбирское слово, 1917, 13 сентября.

⁵ Симбирянин, 1917, 3 мая.

ственную активность, была благотворительность¹. В начале XX в. благотворительные организации, деятельность в которых была доступна лишь состоятельным слоям населения, обычно становились центром, вокруг которого формировались будущие женские организации². Однако условия изменились под влиянием Первой мировой войны: на общем фоне ухудшения экономической ситуации в стране многие благотворительные общества в Симбирской губернии, будучи не в силах обеспечить поддержку инвалидов, беженцев, сирот, приостанавливали свою деятельность³.

Стоит также отметить, что в ответ на рост политической активности женщин в столице начало формироваться и другое крыло женского движения, возглавляемое большевиками. В Петрограде создавались женские комиссии, которые объединяли противниц Временного правительства⁴. В Симбирской губернии такое направление женского движения развития не получило. Причины этого следующие.

В результате мобилизации на фронты Первой мировой войны к 1 сентября 1917 г. было призвано 211,7 тыс. симбирян, проживавших в сельской местности⁵. Это лица, достигшие 21 года, люди рабочего возраста. Как следствие, в годы войны женщины разделили основное бремя трудовой деятельности с подростками и стариками. Причём за свой труд работницы получали меньше мужчин, работая так же, как и они, по 12 и более часов в день. Причём в губернии в целом численность рабочего класса вообще была невелика и, согласно некоторым данным, составляла всего 1,5 – 2 % от общего населения Симбирской губернии⁶. Отсутствие социальной базы для деятельности большевиков сказывалось и на их организационной структуре: укрепление партийных организаций в губернии произошло лишь к осени 1917 г. Партия большевиков в Симбирске была нацелена прежде всего на агитацию в молодёжной среде⁷, в то время как работа с женщинами велась социал-демократами лишь в рамках профсоюзных организаций.

¹ Жукова Ю. Первая женская организация России (Женское патриотическое общество в Петербурге 1812 – 1826 гг.). // Все люди сёстры. Бюллетень. – СПб.: ПЦГИ, 1996, № 5, с. 39.

² Пушкарёва И., Пушкарёва Н. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914 – 1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии). // Российская история, 2017, № 5, с. 77.

³ Ефимов Ю. Д. Указ. соч., с. 237.

⁴ Пушкарёва И., Пушкарёва Н. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914 – 1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии). // Российская история, 2017, № 5, с. 86.

⁵ Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. (в цифрах). – М., 1925, с. 49.

⁶ Гнутов М. А. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 – 1918 гг.). // Краеведческие записки., в. 1. – Ульяновск, 1953, с. 225.

⁷ Там же, с. 245.

Вопрос о войне поставил женское движение в сложное положение и в какой-то мере затормозил его политическое развитие. Хотя достижение политического равенства предполагалось столичными равноправками лишь в качестве начальной точки для последующих масштабных перемен в положении женщин¹, в целом под лозунгом «Война до победного конца!» они отошли от ранее намеченных планов, от защиты исключительно женских интересов.

Преобладание в Симбирской губернии оборонческих настроений определило создание здесь летом 1917 г. женского кружка при Всероссийской лиге равноправия женщин. Возглавила его уже ранее упомянутая А. А. Знаменская. Цель кружка была определена однозначно: «Бороться с гражданами, уклоняющимися защищать Родину от натиска врага»². Борьба эта шла не вооружённым и насильственным путём, а с помощью личного примера.

По всей стране создавались женские батальоны смерти с целью укрепления патриотического духа войск. «Симбирская народная газета» развернула активную пропаганду идей продолжения войны до победного конца. Были опубликованы неоднократно призывы в адрес женщин к участию в войне³. Активность равноправок поддерживалась Временным правительством в Петрограде. Не могли не встать на их сторону и местные представители власти.

В 20-х числах июня командующий гарнизоном и губкомиссар Временного правительства устроили торжественные проводы на фронт Симбирского женского батальона. На Соборной площади (ныне площадь Ленина) состоялся парад женщин, шедших под знамёнами: «Если наши мужья не идут – то мы пойдём на фронт!» А впоследствии «Симбирская народная газета», редактором которой была А. А. Знаменская, напишет: «Теперь женщина может с гордостью сказать: мы оказались храбрее многих мужчин, позорно прятавшихся за нашими спинами и занимавшимися пустыми разговорами, в то время когда нужно было делать дело»⁴.

Но общественность, вместо того чтобы поддержать участниц батальона, подвергла их насмешкам: «Когда на площади собрались эти женщины, чего только не говорилось в толпе по их адресу: солдаты презрительно бросали: “Туда же, словно что-то могут сделать”. Женщины, я слышал сам, смеялись над уходящими: “Посмотрим, с чем они с фронта приедут через 9 месяцев”»⁵.

Под нелестные выкрики окружающих ударницы погрузились в вагоны и отбыли. Но, согласно воспоминаниям современников, до Петрограда поезд

¹ Крадецкая С. В. «Свобода создана не только мужскими руками»: феминистское движение и начало революции в России. // Женщина в российском обществе, 2017, № 2 (83), с. 49.

² Симбирская народная газета, 1917, 18 июня.

³ Симбирянин, 1917, 4 мая.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

так и не добрался: женщины сошли с поезда у станции Инза и вернулись обратно¹. «Симбирская народная газета» освещала исход деятельности женского батальона иначе: «24 июня из Симбирска ушла первая горсть женщин-добровольцев. Теперь солдат дезертир может вздохнуть свободно: ему не надо беспокоиться, за него на фронте будет воевать баба, а он... он, вероятно, останется дома, будет рожать и кормить детей и исполнять прочие женские обязанности»².

В том, что произошло в действительности, ещё предстоит разобраться. Да и в общем деятельность женщин Симбирской губернии в 1917 г. требует дальнейшего изучения. В целом можно сделать вывод, что революция стала одним из факторов, вызвавших становление женского движения в провинции, но она же его и затормозила. Процесс этот шёл от центра к периферии: только после того, как женщины Петрограда добились от Временного правительства всеобщих избирательных прав без различия пола, можно было говорить о начале становления женских организаций в Симбирской губернии. А впоследствии, включившись во всеобщую политическую борьбу по вопросу продолжения войны и отвернувшись от защиты чисто женских интересов, феминистские организации России оттолкнули от себя основные женские массы. Это сыграло свою роль и в приходе к власти большевиков и в ликвидации непролетарских женских организаций в 1918 году.

¹ Самойлов Н. Г. Год революционной борьбы. // За власть советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Куйбышев: Приволжское кн. изд., 1967, с. 105.

² Симбирская народная газета, 1917, 28 июня.

Провинция накануне Великой российской революции (на примере Самарской и Саратовской губерний)

Юрий Каргин (Россия)¹

Согласно определению в современных словарях, философских и политологических исследованиях, мифы в переносном смысле – это ложные, некритические, оторванные от действительности состояния сознания, концепции, представления. При интерпретации того или иного исторического события они рождаются не только из-за недостатка сохранившихся в архивах документов, но и из-за недоступности их широким слоям населения. Этим в постсоветское время воспользовались ревизионисты, которые разрушили советское государство и вернули в Россию капитализм, причём в самом худшем его проявлении. Они заявили, что для Октябрьской революции не было предпосылок (поэтому назвали её переворотом) и что большевики удержались у власти лишь с помощью штыков. Но факты развенчивают эти утверждения.

Одной из главных причин революции стала Первая мировая война, которая показала неспособность самодержавной власти, власти Николая II, управлять страной. Уже через год после начала войны цены стремительно поползли вверх. К декабрю 1915 г. стоимость предметов первой необходимости выросла на 40 %.

«Как купцы, так и торговцы, все они являются спекулянтами, скупая предметы первой необходимости у одних и перепродавая другим, они наживают на них большие проценты прибыли, – сообщал в Самаре жандармский унтер-офицер о положении в г. Балаково [до 1928 г. входил в состав Самарской губернии – *Ред.*]. – Говорят, что некоторые средние торговцы в текущем году наживут до 50 тыс. рублей чистой прибыли, а крупные – и более того. Таксы на жизненные продукты в Балакове не существует, хотя она и была выработана городом ещё в августе и послана губернатору на утверждение, но до сего времени находится у последнего. **Поэтому не представляется возможным зарегистрировать отдельного случая злоупотребления купцом или торговцем по их специальностям, тем более что цены у них поставлены на один уровень.** На возрастающую непомерную дороговизну на предметы первой необходимости население ропщет больше, чем на войну»².

¹ Каргин Юрий Юрьевич, председатель Балаковского отделения Союза краеведов РФ, член правления Саратовского регионального отделения Союза журналистов РФ.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 1089, оп. 1, д. 656, с. 867.

Чтобы остановить необузданный рост цен и не допустить бунта, в уездном городе Николаевске (теперь Пугачёв) регулярно заседал специальный продовольственный комитет. Но его членами были в основном купцы, и понятно, они могли либо поставить на вид своим коллегам, либо надавить им на совесть, либо, в крайнем случае, пожаловаться губернатору, у которого полномочий было больше. Так, именно по распоряжению губернатора член комитета Г. Л. Носов был оштрафован на тысячу рублей за спекуляцию сахаром¹.

Пожаловались комитетчики и на товарищество Н. С. Менькова, которое в начале 1916 г. решило прекратить торговлю в Николаевске мануфактурой (ткани, текстиль) и вывезти её за пределы города (а может, и уезда) в районы с более высокой покупательской способностью населения². Это привело бы к очередному скачку цен не только на этот товар, но и на платье и на обувь.

То же самое было сделано и в отношении торгового дома «А. А. Шмидт и сын», который являлся монополистом на рынке железоскобяных изделий и тоже пригрозил их вывезти³. А ведь без этих изделий сельскохозяйственному Заволжью никак было не обойтись.

К весне 1916 г. царское правительство решило усилить борьбу со спекуляцией и распорядилось реквизировать излишки дефицитного товара. В Балакове это могло коснуться местного торговца Зайцева, который доставил в город 1200 пудов сахара. Однако собрание городских уполномоченных отказалось принимать столь жёсткие карательные меры. В качестве аргумента они сослались на то, что продукты в военное время добыть не так-то легко и прибыль купцы получают мизерную (выросли и отпускная цена, и дорожные расходы). Борьбаться со спекуляцией нужно не реквизицией, разумно считали балаковцы, а устройством конкуренции с помощью создания кооперативных организаций. Причём вступить в непримиримую борьбу выразило свою готовность Общество потребителей, но при условии, что городское самоуправление оказало бы ему полное содействие⁴.

Чтобы сдержать спекуляцию, в сентябре 1916 г. правительством были установлены твёрдые цены на хлеб. Однако это вызвало возмущение среди крестьян и землевладельцев. Они посчитали, что при дороговизне на другие товары первой необходимости это недопустимо, и стали придерживать продажу до лучших времён⁵. В результате это привело к его дефициту, и хлеб стали продавать небольшими партиями на чёрном рынке и по высоким ценам⁶.

¹ Саратовский листок, 1916, 8 мая, с. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Саратовский листок, 1916, 17 марта, с. 4.

⁵ Саратовский листок, 1916, 23 сентября, с. 4.

⁶ Саратовский листок, 1916, 12 октября, с. 4.

Ценовой беспредел держал население в постоянном напряжении. В сентябре 1915 г. в Самаре в магазинах на какое-то время прекратилась продажа сахара (его просто не успели доставить), и по городу поползли слухи, что торговцы придерживают товар, чтобы впоследствии взвинтить цены. 19 сентября на Воскресенской площади с 7 утра у магазина некоего Зарубалова стали собираться женщины, которые требовали продать им сахар. В 10 утра ставшая уже довольно внушительной толпа устала ждать, и из неё в магазин полетели камни. В результате было побито несколько мелких стёкол. Затем народ попытался ворваться в магазин, но полиция этого не допустила. Тогда разъярённые массы двинулись по площади к более крупным магазинам – Перлова и Пятова. Но и здесь их нападение было отбито полицейскими. Вернувшись на исходные позиции, толпа снова стала закидывать магазин Зарубалова камнями. При этом досталось приставу и его помощнику. Однако в решительное наступление народ не пошёл и с наступлением темноты растворился в городе.

Как сообщалось в полицейском донесении, быстро усмирить толпу не удавалось потому, что её настроение подогревалось санитарями Самарского центрального резерва, которые квартировали поблизости. Они не только поддерживали буянов одобрительными криками, но «даже отняли у городского и освободили женщину, задержанную за буйство». Тем не менее в ходе беспорядков полиция задержала наиболее дерзких бунтовщиков: двух мужчин, четырёх женщин и трёх подростков¹.

Подобные бунты регулярно возникали и в других населённых пунктах Самарской губернии. 24 июня 1916 г. в с. Красный Кут Новоузенского уезда Самарской губернии толпа солдаток, получив пайки, разгромила лавку Думлера, возмущившись слишком высокими ценами на товары первой необходимости². Спустя несколько дней по той же причине был учинён разгром нескольких торговых лавок ещё в нескольких сёлах того же уезда³. Эта волна возмущения, которая сопровождалась погромами, прокатилась по всей Самарской (и не только) губернии. При этом власть признавала, что для неё эти беспорядки явились полной неожиданностью⁴.

Ещё одна проблема, с которой органы управления не всегда могли справиться – беженцы. 1 ноября 1915 г. на станции Погрузной Самарского уезда Самарской губернии планировалось встретить более 300 беженцев из Минской губернии, чтобы расселить их по ближайшим сёлам. Однако беженцы не

¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО), ф. 468, оп. 1, д. 2047, с. 85-85а.

² ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 3727, с. 26.

³ ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 3727, с. 36.

⁴ ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 3727, с. 49об.

захотели выходить из вагонов, требуя доставить их до другой станции – Рузаевки, где, по их словам, для них были созданы более комфортные условия: приготовлены еда, тёплая одежда и обувь. Попытка применить силу вызвала жёсткое сопротивление: беженцы отбивались палками и поленьями¹.

Нарастало недовольство и среди солдат. Они готовы были взбунтоваться по любому поводу. В апреле 1916 г. в посёлке Владимирском в районе Сергиевского завода взрывчатых веществ (Самарская губерния) солдаты избили лавочника и разгромили его лавку за то, что он ударил одного из них, обвинив в краже кошелька².

Казалось бы, при свержении самодержавия должен был установиться революционный порядок. Однако Временное правительство уже не смогло остановить нараставший развал органов управления, в том числе и в армии. 18 августа 1917 г. на пристани в г. Балаково Самарской губернии солдаты 155-го полка, ехавшего из Царицына, едва не утопили милиционера. Им не понравилось, как тот разговаривал с поссорившимися между собой пассажирами. С большим трудом удалось отговорить их от самосуда³.

В ночь на 24 августа 1917 г. в г. Николаевск Самарской губернии (теперь Пугачёв) был разгромлен винный склад, который находился недалеко от вокзала, что привело к человеческим жертвам. Всё началось с того, что солдаты маршевых рот накануне отправки на фронт, после того как им отказали в выдаче водки, «овладели складом и начали в нём хозяйничать»:

«Конечно, многие тут же перепились и легли, что называется, костью, более же расчётливые вытаскивали вино и спирт, прятали его или продавали гражданам, – писал «Саратовский листок», – а эти последние смотрели-смотрели да и решили: зачем же это им тратить деньги, когда драгоценный напиток можно брать даром, стоит лишь присоединиться к солдатам. И они присоединились. Всю ночь продолжалась пьяная вакханалия, а наутро в ней приняли участие уже приехавшие на базар из соседних сёл крестьяне, которые тоже бросились таскать вино и увозить его к себе возами. Может быть, этим хищением дело бы только и кончилось, но, к несчастью, от какой-то точно не выясненной причины начался пожар в верхнем этаже склада. Но и он, однако, не остановил хищников, и они с удвоенной энергией продолжали свою работу в нижнем этаже, пока огонь не добрался до спиртных цистерн и не произошёл взрыв, от которого обрушился потолок и завалил собой всех, кто не успел убежать. В общем число опившихся и задавленных, как говорят, достигает до тысячи человек... Пожар удалось прекратить, но перепившихся и бушевавших солдат усмирить оказалось

¹ ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2065, с. 576-576об.

² ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2222, с. 51.

³ ГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 161, с. 10.

труднее, в конце концов для этого пришлось вызывать из Саратова карательный отряд»¹.

19 сентября 1917 г. в с. Дергачи Новоузенского уезда Самарской губернии во время выборов гласных волостного земства солдаты возмутились, что их не оказалось в списке избирателей и жестоко избili членов избирательной комиссии².

К осени 1917 г. к проблемам роста цен и недостатка товаров первой необходимости добавился дефицит средств в казне. За несколько дней до революции в Петрограде голова г. Балаково Самарской губернии Сучков отправил срочную тревожную телеграмму председателю правительства Керенскому, министру внутренних дел России и Самарскому губернскому комиссару:

«В Балакове, бывшем до сих пор спокойным, надвигаются беспорядки. Солдатки и солдаты грозят разгромом городского управления, если не будет выдан паёк за октябрь, установленный губернским присутствием в 11 р. 75 к. По сентябрьской норме 6 р. 50 к. получать отказываются. Умоляем спасти положение. Телеграфируйте ассигнованием. Собрание солдаток и солдат вынесло угрожающее решение»³.

Обстановка в стране накалялась. Во многих городах стремительно росло количество людей с асоциальным мышлением: беженцы, дезертиры, солдаты, пленные, пришлые наёмные рабочие.

«Дело дошло до того, – писал в сентябре 1917 г. «Саратовский листок» о всё том же Балакове, – что даже коренные старожилы его, когда-то с гордостью говорившие, что их тут всякая собака знает и они знают всех и вся, теперь, появляясь среди публики, только с изумлением пожимают плечами, видя больше “незнакомые всё лица” и чувствуют себя “будто в городе чужом”»⁴.

Этот нарыв должен был когда-нибудь вскрыться. И это произошло. Причём в первые дни после октябрьских событий повсеместно стали создаваться отряды Красной гвардии не только (и поначалу не столько) для того, чтобы отстоять революционные завоевания, но и для того, чтобы навести порядок. Кое-где они были созданы незадолго до революции. Например, в Балакове это произошло в сентябре 1917 г. по инициативе рабочих одного из заводов⁵. Именно красногвардейцы не допустили погромов во время беспорядков 29 – 30 ноября⁶.

¹ Саратовский листок, 1917, 19 сентября, с. 4.

² Саратовский листок, 1917, 5 октября, с. 4.

³ ГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 166.

⁴ Саратовский листок, 1917, 2 сентября, с. 4.

⁵ ГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 207.

⁶ ГАСО, ф. 813, оп. 1, д. 210.

Посад Мелекесс Ставропольского уезда Самарской губернии в революциях 1917 г.

Ирина Шамигулова (Россия)¹

Реформы российского императора Александра II (60-е – 70-е гг. XIX столетия), Царя-освободителя, историки сравнивали по содержанию и значению с буржуазными революциями XIX в. в Германии и Японии. Не случайно в Самаре в 1886 г. на главной Алексеевской площади в честь 300-летия основания Самары был открыт памятник Александру II работы известного русского архитектора В. О. Шервуда. В Самаре и посаде Мелекесс имя Александра II было особо почитаемо. В Мелекессе в 1894 г. был выстроен храм в память об императоре. Жители были признательны царю за подписание им 2 июля 1877 г. указа о переименовании селения Мелекесский завод в посад Мелекесс с введением городского самоуправления. Период с 1877 по 1913 гг. для посада Мелекесс стал золотым веком. Развитие промышленности, торговли, просвещения, здравоохранения и благотворительности вывели посад на второе место в губернии после Самары.

Первая мировая война (1914 – 1918 гг.), в которой Россия выступила на стороне Антанты, коренным образом изменила жизнь страны в целом и российской провинции в том числе. Война прервала процессы индустриального развития, разделила общество во взглядах на войну и в центре, и в провинции. Партия РСДРП(б) выдвинула опасный лозунг: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую».

Война ухудшила положение основных слоёв мелекесского общества. В условиях войны правительство узаконило сверхурочные работы. В Мелекессе, как и во всей стране, продолжительность рабочего дня составляла 12 часов, падала реальная заработная плата, так как цены на продукты питания увеличивались. К 1916 г. уровень заработной платы по сравнению с довоенным вырос на 10 – 15 %, а цены на продукты питания и многие товары увеличились на 100 – 300 %. Стихийные протесты против дороговизны в Самарской губернии состоялись уже в 1915 г.² В посаде Мелекесс выступления рабочих начались с первых месяцев войны.

¹ Шамигулова Ирина Андреевна, учёный секретарь МБУК Димитровградский краеведческий музей.

² Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времён до начала XX в.; в 2 кн.; под редакцией П. С. Кабытова, Л. В. Храмова. Кн. 2. Самарский край второй половины XIX – начала XX вв. – Самара: Самарский университет, 1993, с. 135-138.

Первая забастовка в посаде состоялась 30 августа 1914 г. на льнопрядильной ткацкой фабрике – самом крупном предприятии посада и Самарской губернии. Хронология последующих стачек выглядела следующим образом:

«30 августа 1914 г. 250 рабочих ткацкого отделения Мелекесской льнопрядильной ткацкой фабрики прекратили работу и предъявили владельцу ряд требований, в том числе об увольнении директора фабрики за грубое обращение его с рабочими и особенно с работницами. Все эти требования владелец согласился выполнить. Работы возобновились».

«2 апреля 1915 г. рабочие мельницы Бечина (60 человек) объявили забастовку, требуя увеличения заработной платы. По их примеру объявили забастовку рабочие мельницы Владимирцева. Двое рабочих зачинщиков с мельницы Бечина были арестованы – А. М. Сарбахтин и И. М. Кузин. Под давлением полиции остальные рабочие обеих мельниц возобновили работу».

«26 мая 1915 г. на льнопрядильной ткацкой фабрике 20 работниц швейного отделения (из 58) объявили забастовку, требуя повышения зарплаты. 27 мая 10 работниц из числа забастовавших встали на работу, а продолжавшие бастовать были уволены. Зарплата работницам швейного отделения незначительно повышена»¹.

В 1916 г. именно на этой фабрике была организована нелегальная ячейка РСДРП(б). Взгляды посадских социал-демократов поддерживала значительная часть ткачей уезда, мукомолов и даже поддерживавших эсеров крестьян.

Василий Васильевич Кисин в воспоминаниях описал развитие событий в Мелекессе в годы войны и своё участие в них. С девяти лет он работал на суконной фабрике купцов Бахтеевых в Мулловке. В 1912 г. поступил слесарем и электриком на Мулловский винокурный завод Марковых, работал там до закрытия завода в связи с введением сухого закона в начале войны. После непродолжительной работы на фабрике купцов Бахтеевых он устроился на мельницу купца Бечина в Мелекессе, а в 1916 г. – на Мелекесскую льнопрядильную ткацкую фабрику товарищества Таратина, Павлищева и Федосеева. Здесь он познакомился с И. Лариным и Я. Пискаловым, последний приехал из Самары, работал слесарем, создал кооперативное товарищество «Грудовая копейка», проводил революционную пропаганду среди рабочих. Он привлёк В. В. Кисина к революционной деятельности.

В марте 1917 г. партийная ячейка поручила В. В. Кисину съездить в Москву за революционной литературой. За двое суток ему собрали библиотечку, и

¹ Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии 1902 – 1917 гг. – Куйбышев, 1969, с. 374, 382, 384.

её В. Кисин передал И. Ларину как председателю фабричного комитета. В годы Гражданской войны В. В. Кисин защищал Мелекесс от белочехов¹.

Из-за притока беженцев в наш край ухудшались бытовые условия населения. Только в Ставропольском уезде их численность выросла почти в три раза. Уездная власть так распределяла беженцев по селениям уезда: в посад Мелекесс было направлено 6,5 тыс. человек, в Старую Майну – 1 тысяча, в Ставрополе оставлено 3,5 тыс.²

Война затягивалась, на смену патриотическому порыву приходило разочарование. Русские солдаты и офицеры на фронте проявляли стойкость, мужество, высокие боевые качества, но нехватка боевого обеспечения, бездарное командование обесценивали эти жертвы, делали их напрасными. В начале 1917 г. обстановка в стране стала взрывоопасной, падение авторитета монарха и монархии становилось неизбежным.

Налицо был кризис управления. Власть не знала, что ей делать. Царь менял министров и губернаторов, но положение не улучшалось. В оппозиции царю оказались не только левые партии и кадеты, но и октябристы – опора монархии. В Государственной думе сформировался оппозиционный Прогрессивный блок. К 1917 г. Россия потеряла 1,7 млн убитыми, миллионы ранеными. Страна захлебывалась кровью в тяжёлой и ставшей бесконечной войне³.

Революционные события февраля – октября 1917 г. в Самаре и Мелекесе. Последние дни февраля в Самаре было спокойно, но к вечеру 28 февраля пришло сообщение о роспуске Государственной думы. На заседании Городской думы был избран Особый временный городской комитет безопасности для выработки экстренных мер по поддержанию порядка и спокойствия в городе. Позднее в него вошли представители от 28 общественных организаций, а также представители партий кадетов, меньшевиков, эсеров.

Большевики на собрании своих представителей поставили вопрос о создании в Самаре Совета рабочих депутатов.

2 марта на общественном собрании был избран первый состав Совета рабочих депутатов. В него вошли семь большевиков, шесть меньшевиков и один эсер. Возглавил совет меньшевик И. И. Рамишвили⁴.

¹ Кисин В. В. Воспоминания. – Фонды Димитровградского краеведческого музея.

² История Ставрополя – Тольятти. Учебное пособие для учащихся 9-х классов школ г. Тольятти; под ред. Прокофьевой Е. Ю. – Тольятти: ТГУ, 2010, с. 107.

³ Фортунатов В. В. Отечественная история: экзаменационные ответы для студентов вузов. 2-е изд. – СПб., 2008, с. 130.

⁴ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времён до начала XX в.; в 2 кн.; под редакцией П. С. Кабытова, Л. В. Храмова. Кн. 2. Самарский край второй половины XIX – начала XX вв. – Самара: Самарский университет, 1993, с. 139-141.

Самарские большевики оказывали серьёзное влияние на характер проводимых советом мероприятий. Совет имел обширную социальную базу, революционно-демократические силы поверили в этот новый орган власти, так как он пытался решать актуальные вопросы.

Таким образом, общественно-политические силы в Самаре после Февраля влияли на расстановку сил в органах власти и местного самоуправления: резолюции митингов, собраний, указы сельских сходов, постановления комитетов, рабочих, солдатских и крестьянских советов, всесословных, губернских и уездных съездов отразили образцы революционного творчества масс, их представления о справедливом устройстве общества. Они свидетельствуют о чаяниях и иллюзиях народных масс, хотя борьба за власть в губернии шла между кадетами, эсерами и большевиками.

3 марта был создан Комитет народной власти, в котором были представлены все партии, а также представители воинских частей. Под давлением рабочих депутатов комитет принял ряд постановлений общедемократического характера: об освобождении политзаключённых, аресте представителей царской администрации, разоружении полиции и жандармерии, организации народной милиции. Состав комитета быстро вырос до 200 человек. Вскоре в его состав вошёл и Совет рабочих депутатов. Совет проводил и самостоятельную работу на предприятиях, добиваясь создания комиссий для разработки вопросов повышения зарплаты, введения восьмичасового рабочего дня.

4 марта в исполнительный комитет были избраны 7 кадетов, по 5 представителей от партий меньшевиков и большевиков, 3 представителя от партии эсеров. В президиум исполкома вошли 5 кадетов и 2 меньшевика. Председателем избран кадет П. П. Подбельский. В этот же день Комитет народной власти назначил кадета К. Н. Инькова (председатель губернской земской управы) губернским комиссаром.

Все буржуазно-демократические преобразования были поддержаны воинами Самарского гарнизона, поэтому сопротивления со стороны старых структур власти в городе не было. Солдаты гарнизона присоединялись к митингам, которые проходили в городе, создавали солдатские комитеты, под влиянием большевистской пропаганды требовали предоставления им отпусков на полевые работы в деревни, самовольно уходили домой, рассказывали крестьянам о событиях в городе, о борьбе рабочих за свои права, призывали к немедленной ликвидации помещичьего землевладения. Крестьяне выбирали солдат в волостные и сельские комитеты, посылали в комитеты народной власти ходатайства об отсрочке службы для солдат-депутатов.

С 10 по 19 марта 1917 г. в комитете приняли наказ о функциях Комитета народной власти, решение о реорганизации городского самоуправления на демократических принципах, переизбрали президиум Самарского комитета народной власти во главе с новым председателем – эсером К. Г. Глядковым.

В это же время Временное правительство приняло постановление об уничтожении института земских начальников, были преобразованы органы местного управления и суда, функции назначения новых лиц на должности уездных комиссаров переданы правительству по представлению губернского комиссара. В списке лиц, выдвинутых губернским комиссаром Иньковым на должность уездного комиссара Ставропольского уезда, значилась фамилия Н. В. Тресвятского¹.

По распоряжению из Самары 12 марта 1917 г. в Мелекесе были распущены посадские органы власти, голова посада К. Г. Марков отстранён от должности, сформирован Комитет народной власти. Активную деятельность среди рабочих Мелекесса развернул Самарский комитет РСДРП(б) по реализации задач, утверждённых на апрельской конференции в Петрограде.

В Мелекесе, промышленном и торговом центре Заволжья, нарастало политическое противостояние. В дневнике краеведа, директора Мелекесского краеведческого музея (1964 – 1978 гг.) Николая Ивановича Маркова, составленного на основе документов, хранящихся в музее, воспоминаний старых большевиков, информации, опубликованной в газетах того времени, зафиксированы основные события этого периода:

«В апреле 1917 г. члены РСДРП(б) вышли из состава мелкобуржуазного Комитета народной власти (Комуч) и создали Совет рабочих депутатов (Совдеп). В него вошли Я. Е. Пискалов, Е. Н. Аблов, В. А. Тараканов, Н. А. Земин, К. Ф. Бакаев, В. И. Матвеев, В. А. Шмидт, А. Г. Ганенков, Н. П. Прокофьев. При совете был создан штаб Красной гвардии, который возглавил В. А. Шмидт. Уже в конце апреля 1917 г. на предприятиях Мелекесса были созданы рабочие дружины Красной гвардии для защиты революционных завоеваний, назначены ответственные: на льнопрядильной ткацкой фабрике – В. А. Шмидт, на мельницах Маркова и Таратина – Н. Н. Лебедев, на мельнице купца Крылова – В. И. Матвеев. 29 апреля 1917 г. фабричный комитет льнопрядильной ткацкой фабрики постановил: с 1 мая ввести восьмичасовой рабочий день»². Празднование Первомая 1917 г. было последним мирным праздником в посаде.

Из воспоминаний ученика мужской гимназии А. Ф. Кухарского о праздновании Первомая в Мелекесе в 1917 г.: «На митинг учащих гимназий, трудящихся города пришли прихожане трёх церквей с хоругвями, иконами во главе со священнослужителями. Участников митинга приветствовал вновь

¹ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времён до начала XX в., кн. 2, с. 142-143.

² Марков Н. И. Дневники первого директора Димитровградского краеведческого музея. – Фонды Димитровградского краеведческого музея.

избранный городской голова Владимир Иванович Савинский, преподаватель гимназии. Он призвал к продолжению войны с Германией до победного конца. С праздником горожан поздравил священник П. В. Высоков. Он поддержал городского голову и призвал принять участие в сборе средств и денежной помощи для разгрома врага. Объединённый хор церковей пел многолетие. После них выступил Е. Н. Аблов. Он говорил о необходимости прекращения войны и заключения мира без контрибуций, поддержке новой нарождающейся советской власти, которая несёт мир и счастье народам»¹.

Из дневника гимназиста Ю. Букина: «18 апреля. Вторник. Сегодняшний день за границей празднуют Первомай. Но в нынешний 1917 г. (в честь государственного переворота) решили этот день отпраздновать и в России. В Мелекесе была устроена манифестация. Несколько организаций, как, например, рабочая, ученическая, учительская, со знамёнами в рядах ходили по улицам. До шествия с балкона Народного дома было сказано несколько речей. Кинематограф открыли бесплатно. Я снимал всё это шествие»². Романтический революционный подъём охватил мелекесское общество, лозунги Февральской буржуазной революции – свобода, равенство, братство – вселяли надежду на светлое будущее.

Из дневника первого директора Димитровградского краеведческого музея Н. И. Маркова: «4 мая 1917 г. в Мелекес из Самары прибыл член Самарского губернского комитета РСДРП(б) Ю. К. Милонов. Он встретился с мелекесскими большевиками. На встрече было принято решение о создании партийной организации и проведении в Народном доме собрания рабочих, служащих предприятий, а также жителей посада. Выступая на собрании 5 мая, Ю. К. Милонов ознакомил собравшихся с программой партии большевиков: прекращение войны, борьба за мир, фабрики и заводы под контроль рабочих, земля – крестьянским комитетам, власть – советам. После собрания 12 человек подали заявления о вступлении в партию большевиков (в том числе Ганенков А. Г., Марфин Д. А., Шмидт В. А., Кисин В. В. и др.). В посадский комитет РСДРП(б) были избраны шесть человек: Пискалов, Аблов, Земин, Тараканов, Прокофьев, Наумова».

В июне 1917 г. в Самаре на областном съезде советов от мелекесского Совета рабочих депутатов с приветствием выступил Е. Аблов. Он рассказал о положении в Мелекесе и в заключение сказал: «Настало время всю власть передать в руки рабочего класса, и тогда он поведёт за собой весь мир»³.

¹ Кухарский А. Ф. Воспоминания. – Фонды Димитровградского краеведческого музея.

² Дневники Ю. Букина. – Фонды Димитровградского краеведческого музея. Цит. по: Лосева В. И. Народная армия и чехословацкий корпус в Симбирске в 1918 г. // Краеведческие записки, 2012.

³ Марков Н. И. Указ. соч.

Представители разных социальных слоёв видели революцию по-своему. В июне 1917 г. в Мелекесе вышел первый номер газеты «Рабочий». Задача газеты – сплотить рабочих посада вокруг посадского комитета РСДРП(б). Всего было выпущено восемь номеров, но, к сожалению, ни один из них не сохранился. Редактором газеты был Е. Н. Аблов, печаталась газета в типографии его отца Н. Н. Аблова¹.

7 июля меньшевики и эсеры организовали митинг в Мелекесе по поводу наступления на фронте. На митинге, как пишет в дневнике Н. И. Марков, «В. А. Тараканову (представителю большевиков – *И. Ш.*) не дали говорить, Е. Н. Аблова хотели избить, члена Совета рабочих депутатов Н. И. Юсова арестовали. 8 июля рабочие льнопрядильной ткацкой фабрики остановили на три часа работу, организовали шествие по Мелекесу, потребовали освободить Юсова». Противостояние политических сил в посаде углублялось. 23 сентября 1917 г. в ЦК РСДРП(б) было выслано сообщение о создании партийной ячейки на льнопрядильной ткацкой фабрике в количестве 60 человек, выражена просьба её зарегистрировать.

11 октября 1917 г. по списку № 2 (РСДРП) кандидатом в Учредительное собрание от Самарской губернии в числе 18 человек за № 14 был зарегистрирован большевик Я. Е. Пискалов. 15 октября на митинге рабочих льнопрядильной ткацкой фабрики принято постановление:

1. Вся власть должна перейти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2. Вся земля должна быть передана крестьянским земельным комитетам.

3. Фабрики и заводы передать под контроль рабочих.

4. На всех фронтах должно быть немедленно заключено перемирие.

10 ноября 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов поручил Аблову и Пискалову распустить Комитет народной власти. Утром на Базарной площади и центральных улицах посада появились объявления, сообщавшие об упразднении в Мелекесе Комитета народной власти и о том, что вся власть в посаде принадлежит только Совету рабочих и солдатских депутатов².

В декабре 1917 г., учитывая волнения и несогласие части населения с политикой большевиков, Совет рабочих и солдатских депутатов решает вопрос о вооружении красногвардейцев в Мелекесе. Угроза здесь, по мнению В. В. Кисина, исходила от местной буржуазии в союзе с меньшевиками, эсерами и кадетами. Кисин и Тараканов были откомандированы в Москву за оружием, добились наряда на получение в Казани 500 карабинов, двух пулемётов «Кольт» и 350 тысяч патронов, привезли оружие в Мелекес и сложили на

¹ Шамигулова И. А. О печати в Мелекесе. – Фонды Димитровградского краеведческого музея.

² Марков Н. И. Указ. соч.

территории фабрики¹. Привезённое оружие вскоре было использовано по назначению. В январе 1918 г. отрядам красногвардейцев посадка пришлось вступить в вооружённое столкновение с отрядом из уездного города Ставрополя, шедшим в Мелекесс на восстановление распущенного Комитета народной власти. Отряд под командованием начальника уездной милиции эсера Буянова был рассеян под селом Кондаковка отрядами большевиков Матвеева и Шмидта, а Буянов скрылся в неизвестном направлении. В ночь на 20 февраля 1918 г. было совершено нападение на Мелекесский совдеп. Мятеж поднял И. Акимов, командир продовольственного отряда, недовольный завышенными нормами сбора хлеба с населения. Порядок был восстановлен прибывшим из Симбирска отрядом красногвардейцев. В боях участвовали красногвардейцы Мелекесса².

Свидетельство очевидца, гимназиста Ю. Букина: «8 февраля 1918 г. (по старому стилю – *И. Ш.*) (четверг). Что в настоящее время я переживаю? Большевики в Мелекессе захватили власть. Хотя солдаты отделились от большевиков и просят переизбрания Совета солдатско-крестьянского департамента; несмотря на это большевики стоят на своём. Они не хотят ни в коем случае уступить свою власть, применяя к противникам (отделившимся солдатам) оружие. Благодаря этому начинаются бои в самом Мелекессе. Так, например, позавчера здесь был бой солдат с рабочими-большевиками. На улицу вечером нельзя было выйти, слышалось трещание пулемёта и выстрелы винтовок. Сегодня у нас в классе было особенно враждебное настроение против большевиков, потому что они позавчера издали приказ, что Мелекесс находится в осадном положении и на улице разрешается ходить только до 7 часов. После этого дня большевики-красногвардейцы стали арестовывать жителей, в том числе и гимназистов, за то, что они ходят позже 7 часов; они стали совершать погромы и обыски и т. д. У нас в классе есть один ученик большевик и притом красногвардеец – Аблов, и мы ещё утром, до прихода Аблова, решили его не пускать в класс и не учиться с ним до тех пор, пока он не выйдет из Красной гвардии. Когда он пришёл в класс, то мы его хотели выгнать и применили в азарте насилие, но директор устроил нас. Тогда мы ушли из этого класса в другой, пустой, а он за нами. Мы не стали совсем заниматься. Тут же по этому поводу устроили собрание учителей, которые решили в час дня собрать педагогический совет и обсудить этот вопрос, а пока просили нас заниматься уроками нормально, но мы не стали совсем заниматься и разошлись по домам»³.

¹ Кисин В. В. Воспоминания. – Фонды Димитровградского краеведческого музея.

² Марков Н. И. Указ. соч.

³ Лосева В. И. Указ. соч.

С 5 по 9 марта 1918 г. в Мелекесе состоялся II съезд советов Ставропольского уезда. Председатель съезда – В. В. Банькин. Повестка дня: о власти на местах и в центре, о земле, о продовольствии. По первому вопросу: принято решение единственной властью на местах и в центре считать власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Немедленно создавать советы там, где их ещё не существует. Состав уездного исполкома определить в 40 человек: по одному от каждой волости и по два представителя от промышленных центров – Ставрополя и посада Мелекес – всего четыре представителя.

По второму вопросу: принято решение взять на учёт все имеющиеся в уезде земли – крестьянские, помещичьи, удельные, церковные, монастырские, отрубные участки вместе с живым и мёртвым инвентарём. Уездному совету принять меры по охране имущества частновладельческих хозяйств, в том числе и лесных участков.

По третьему вопросу принято решение: поручить волостным советам произвести точный учёт хлеба и организовать вывозку излишков на сыпные пункты. У спекулянтов хлебом и самогонщиков запасы хлеба полностью отобрать, принять самые решительные меры к обязательному и неуклонному проведению в жизнь закона о хлебной монополии.

17 – 20 марта 1918 г. в Мелекесе проходили заседания земельной секции Ставропольского совета с представителями всех волостей уезда. Обсуждался вопрос об учёте земель, о способах распределения земли, о принятии частновладельческих – церковных, помещичьих и прочих – земель и лесов в государственный фонд и о подготовке земли под яровой посев и пар 1918 г.

На заседании затронут вопрос о борьбе с самовольными порубками леса, лесными пожарами. По всем вопросам приняты решения в соответствии с директивами центральной и губернской советской власти.

Однако эта стабилизация нового режима была ещё неустойчивой. Об этом свидетельствовал майский эпизод: «10 мая 1918 г. в Мелекесе на почве недостатка продовольствия толпа, подстрекаемая контрреволюционными элементами, ворвалась в помещение комиссариата продовольствия, разогнала служащих, а комиссара избила»¹. И что важнее – триумфальное шествие армии Комуча по мелекесскому заволжью летом того же года. Эти события ясно говорят о запутанности политической ситуации, колебаниях обывателя, неоднозначности реакции на приход к власти большевиков и левых эсеров, а в целом – о неопределённости соотношения сил в Мелекесском уезде.

¹ Марков Н. И. Указ. соч.

„Вот и тянет меня к Вам в Петроград“. Повседневная жизнь городской провинциальной усадьбы (по мемуарным источникам 1918 – 1922 гг.)

Елена Ризаева (Россия)¹

В период революции и Гражданской войны в обществе на фоне военных событий и мероприятий, проводимых советской властью, радикально трансформировалась обыденная жизнь населения.

Большевики, пришедшие к власти, согласно их лозунгам, намеревались улучшить материальное положение трудящихся. Советское правительство и вся система государственного управления были призваны заботиться о хорошей жизни народа. Однако результат оказался далёк от задуманного. Война, неопытность представителей новой власти, развал экономики – всё это привело к страшному обнищанию народа.

«Русская интеллигенция пережила страшный кризис своих идеалов и верований», – констатировал на страницах «Евразийского временника» в 1923 г. один из эмигрировавших российских историков². Дальнейшие пути интеллигенции в те переломные годы оказались разными: одни покидали Россию, другие преодолевали испытания, выпавшие на долю их поколения, и добивались успеха, третьи мимикрировали.

Чрезвычайно интересно в связи с этим проследить отражение событий эпохи на примере одной семьи – сына известного писателя Н. Г. Чернышевского – Михаила Николаевича. Цель настоящего сообщения – проанализировав обстановку, сложившуюся в Саратове в сложный момент российской истории, увидеть частную жизнь семьи Чернышевских.

Источниками являются документы, хранящиеся в рукописно-документальном фонде музея: машинописный текст «Усадьба Чернышевских и Пыпиных в 1918 г.» и рукописные записи Нины Михайловны Чернышевской «Уголок из жизни провинциальной интеллигенции в Саратове. Воспоминания о первых годах революции. Семья Дроздовых», а также подробные сведения о суровой жизни Саратова, почерпнутые из дневника М. Н. Чернышевского за 1917 – 1924 гг. Михаил Николаевич начал вести дневник тогда,

¹ Ризаева Елена Николаевна, аспирант Института истории и международных отношений СГУ имени Н. Г. Чернышевского, научный сотрудник, хранитель изо- и фотофонда МУК Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского.

² Письмо В. А. Пыпиной к Н. М. Чернышевской от 12.10.1923. // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (МНГЧ), ОФ 7347/1577, с. 368.

когда жизнь в Петрограде стала невыносимой и возник вопрос: оставаться в столице или перебраться в Саратов¹. На протяжении долгого времени велась переписка Н. М. Чернышевской с В. А. Пыпиной, которая осталась в Петрограде – это другой важный источник. Временные рамки обусловлены переездом семьи М. Н. Чернышевского в Саратов (с 1918 по 1922 гг. включительно). Это период, когда завершаются основные события Гражданской войны, но ещё почти год страна живёт по инерции военного коммунизма. Политика нэпа начала давать положительный результат в 1922 г., а по большей части – в 1923 г.

Семья Чернышевских переехала из Петрограда в Саратов в августе 1918 г. Главы семьи – Михаил Николаевич – завершал дела в столице до апреля 1919 г. Трудности первых лет советской власти сыграли, вероятно, не последнюю роль в этом переезде. В дневнике он писал: «Оставаться в Петербурге на зиму, при постоянном риске остаться без топлива, света и воды и при всё возрастающей дороговизне – было прямо невозможно». В родном городе своих предков М. Н. Чернышевский при поддержке семьи и троюродной сестры, Веры Александровны Пыпиной, приступил к осуществлению мечты своей жизни – основанию музея памяти отца.

В пик революционных событий, когда семья жила в Петрограде, в дневнике М. Н. Чернышевского появляется эмоциональная запись: «Стоят мучительно-тревожные дни. Сердце обливается кровью за судьбу России»². Судя по переписке, тяготы революционного времени чувствовались во всём. В марте 1922 г. В. А. Пыпина пишет, что к своему ответу прилагает марки, «ибо дороговизна переписки будет стеснять меня»³, в одном из писем благодарит за присланные ей сухарики, говорит, что Нина «побаловала ими»⁴. Действительно, тогда в Петрограде самой тяжёлой проблемой для населения был продовольственный дефицит, который, в отличие от перебоев с топливом и освещением, о которых писал М. Н. Чернышевский, ощущался не только в зимнее, но и в летнее время.

Жизненные обстоятельства принимались с сознанием того, что в данный момент пока ничего не изменить – необходимо просто выжить в сложившихся условиях. Так, Нина Михайловна вскользь по случаю своего заболевания и высокой температуры, сообщает об обуви: «Галоши все в дырах, каблук

¹ Манова Е. Н. Мечта и задача моей жизни – устроить музей памяти моего отца (из дневниковых записей М. Н. Чернышевского 1917 – 1924 гг.). // Пропагандист великого наследия. – Саратов, 2002, с. 35.

² Манова Е. Н. Указ. соч., с. 36.

³ Письмо Н. М. Чернышевской к В. А. Пыпиной от 14.03.1919. – МНГЧ, ОФ 7347/1696, л. 1.

⁴ Письмо В. А. Пыпиной к Н. М. Чернышевской от 25.03.1920. – МНГЧ, ОФ 7347/1602, л. 1.

сапога проваливается в зияющее отверстие», так как, когда тает снег, улицы Саратова становятся сплошными морями¹.

Однажды речь зашла об обуви и в дневнике М. Н. Чернышевского. Он записал, что стал чинить туфли, прошил задки холстом². Реалии эпохи воспринимаются по-разному. Для сравнения, В. А. Пыпина, жившая в Петрограде, в письмах по большей части сетует на ограниченный круг культурной жизни и редкие выходы на культурные мероприятия. Например, о кинематографе замечает: «Ходить туда не приходится, не по средствам»³. Но всё же упоминания о событиях культурной жизни в её письмах прослеживаются. Вера Александровна пишет, что слушала музыку в передвижном театре, там же была на спектаклях, например смотрела пьесу Ибсена, была в Доме литераторов на вечере поэтов, и лишь иногда в письмах мимолётно упоминает о крайне низких температурах в комнате своей квартиры. Попытки в тех же условиях оживить свой быт предпринимались и в Саратове. Нина Михайловна вспоминала, как у квартирантов, живших в Пыпинском доме – Анатолия Николаевича Дроздова и его матери – устраивались литературно-музыкальные вечера в 1918 г. А. Н. Дроздов – пианист, педагог, музыкальный критик и композитор, уроженец Саратова – накануне революции преподавал в Петрограде, а в тяжёлые голодные 1918 – 1920 гг., подобно многим, вернулся в родной город. У Дроздовых проводились вечера, на которые собирались писатели, артисты, музыканты. На вечера приглашалась и Нина Михайловна Чернышевская. На одном из них, более других ей запомнившемся, побывал артист драматического театра Смирнов (вероятно, актёр Дмитрий Фёдорович Смирнов). Он читал произведения древнегреческого писателя. Нина Михайловна признаётся, что не помнит точно, Эсхил, Софокл или Еврипид – «Фемира Кифаред» в переводе И. Анненского. «Артист сел с книгой под лампу, и чтение началось», – пишет Нина Михайловна⁴. Эти прекрасные воспоминания соседствуют со строчками грустными. Время было трудным, угощения тогда собирали вскладчину: «Кто – селёдку, кто – булочку, кто – кусок пирога с тыквой»⁵. Но об эстетической стороне жизни не забывали, культурная жизнь продолжалась, и вероятно, для всех собиравшихся на такие вечера она была глотком свежего воздуха, а вместе с тем – частицей культурной жизни провинции. Нина Михайловна описывает, как после ужина все собирались в уг-

¹ Письмо В. А. Пыпиной к Н. М. Чернышевской от 18.03.1922. – МНГЧ, ОФ 7347/1584, л. 1.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 74-74об.

³ Письмо В. А. Пыпиной к Н. М. Чернышевской от 12.10.1923. – МНГЧ, ОФ 7347/1577, л. 4.

⁴ Токарева Е. А. Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и методологии. // Российская государственность: история и современность. – М., 2007, с. 3.

⁵ Токарева Е. А. Российская художественная интеллигенция и власть..., с. 3.

ловой комнате – там стоял рояль, зажигалась лампа под красным абажуром – в комнате воцарялся таинственный полумрак.

Проследить картину повседневной жизни в Саратове представляется возможным по дневниковым записям М. Н. Чернышевского. Этот источник отражает жизнь конкретного человека в переломную эпоху. С первых лет прихода к власти большевиков установился продовольственный кризис. Усилия в деле обеспечения народа продовольствием новая власть предпринимала, но результатов почти не было. Недоедание, а в отдельные периоды и просто голод стали приметой времени. Уже в конце мая 1917 г. в Саратове вспыхнули хлебные бунты: громились магазины, лавки, учинялись самосуды. С июня 1917 г. городские власти были вынуждены ввести карточки на хлеб и сахар¹.

Действительно, в дневнике М. Н. Чернышевского, написанном карандашом (мелким почерком из-за экономии бумаги) всё чаще мелькают слова «раздобыл», «получил». Каждая покупка давалась большим трудом. Михаил Николаевич замечает: «Пошёл в лавку за сахаром, простоял в очереди почти 7 часов»². Иногда приходилось ходить по всему городу, чтобы найти нужное продовольствие. «Ходил на Митрофаньевскую площадь (Кирова, ныне площадь братьев Никитиных – *Е. П.*), и там нет картошки»³. Можно предполагать, что отчаянное положение заставило Михаила Николаевича пойти на эту площадь, находившуюся далеко от дома Чернышевских и предназначенную для торговли сеном, дровами и фуражом. Цены на сами продукты были завышены. Так, Михаил Николаевич приводит цены на некоторые продукты весной 1919 г.: белый хлеб – 60 руб., 1 фунт масла сливочного – 75 руб., пшено – 6 руб. 50 к., а спустя несколько месяцев, в октябре, пшено уже по 20 руб. за фунт⁴. О мясе, купленном на базаре, не упоминается ни словом: о таких дорогих и труднодоступных товарах было уместно говорить «раздобыл». Так, «Самсон Иванович (Быстров, муж Н. М. Чернышевской – *Е. П.*) раздобыл нам мяса 14 ф. по 20 р.»⁵. В том же 1919 г. «на базаре случайно достал картофель 6 ф.», «достал топлёного молока по 25 р., сметаны – 1 ф. 50 р.», «достал молока по 40 р. бадейка»⁶. При этом бадейка топлёного молока стоит дороже – 45 руб. (но даже при высокой цене, сообщает Михаил Николаевич, едва-едва её достал). Судя по дневниковым записям, на базар Михаил Николаевич ходил постоянно, из покупаемых продуктов упоминает молоко (чаще указывает топлёное), масло, картофель. В один день, это было воскресенье 31

¹ История Саратовского края с древнейших времён до наших дней. – Саратов, 2008, с. 189.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. – МНГЧ, ОФ 529/3, л. 20.

³ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. – МНГЧ, ОФ 529/3, л. 22.

⁴ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. – МНГЧ, ОФ 529/3, л. 25-25об.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ Там же, л. 24.

августа 1919 г., пошёл на базар и «чуть не попал в облаву»¹. И только раз в дневнике встретилась запись о покупке 5 фунтов белуги по 50 руб., эту рыбу принёс Самсон Иванович. Пайковое снабжение, которое было введено к тому времени, не было налажено, да и качество продуктов было не лучшим: «Среди прочих продуктов дали солёную рыбу с червями». В октябре 1919 г. дело с продовольствием ухудшилось. Когда же было объявлено, что продажа на базаре должна идти по твёрдым ценам, тот опустел, и покупать продукты стало негде². «На базаре ничего нет, кроме арбузов», – сообщает М. Н. Чернышевский³. «Так можно и с голоду помереть», – с отчаянием пишет Михаил Николаевич⁴. Из продуктов, заготавливаемых на зиму, Михаил Николаевич упоминает картошку, капусту, лук – по его подсчётам, на их покупку уйдёт тысяч 15. Набрали только 4 тысячи. Тогда начали продавать разные вещи⁵. Далее он констатирует, что цены на базаре скачут. В его строках тревога: керосин уже 200 руб. за фунт, спички – 30 руб. В дневнике записано то, что он слышал в губернском отделе народного образования: один карандаш приходится на 100 человек, один учебник – на 250 человек⁶. 9 ноября 1919 г. значит: «Надо покупать муку, пшено, а денег нет»⁷. Отчаянная запись через несколько дней, 12 ноября 1919 г.: «Ужасное положение!» Вдобавок к отсутствию денег с наступлением холодов установилась пятиградусная температура в доме, водопровод замёрз, воды в доме не стало. В конце 1919 г. записи в дневнике становятся реже. По-прежнему всё те же нерешённые проблемы: «Мучаемся с водопроводом, страдаем от холода, сидим без керосину»⁸. В тот год топливный кризис вообще достиг чрезвычайной остроты. Для примера, нефти в 1919 г. Саратовская губерния получала всего 3 % от потребности⁹.

Среди записей о нуждах общечеловеческого бытия в дневнике отражаются и события эпохи. С 19 апреля 1919 г. Саратовская губерния объявлена на военном положении. Саратов и его окрестности получили статус укреплённого района. Вокруг города стали возводиться оборонительные сооружения¹⁰. Михаил Николаевич в дневнике приводит цитаты из газет того времени: «Газеты наполнены истерическими воплями об опасном положении Саратова – все к оружию! Все на баррикады!.. “Прелести осадного положения” выразились в том,

¹ Там же.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. ..., л. 25-25об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 26.

⁸ Там же, л. 26-26об.

⁹ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918 – 1921 гг.). – Саратов, 2000, с. 145.

¹⁰ История Саратовского края с древнейших времён до наших дней, с. 210.

что в три часа ночи приходили представители власти¹. На следующий день ситуация для Михаила Николаевича прояснилась: производились массовые обыски и аресты, брали на всякий случай заложников, взяли несколько сот человек. Велено мобилизовать 5 % служащих женщин². Ситуация оставалась крайне напряжённой: на южных рубежах губернии продолжались столкновения белых и красных³. На улицах, пишет Михаил Николаевич, расклеены объявления о московском взрыве, «обещают отомстить красным террором»⁴.

Однако на фоне этого случались и культурные события. Так, М. Н. Чернышевский записывает, что был в театре с Еленой Матвеевной Чернышевской (его супруга). Пьеса «Хорошо сшитый фрак» была разыграна с успехом⁵. В Городском театре имени Чернышевского предполагалось устроить особый спектакль. Михаила Николаевича попросили прочитать перед ним лекцию о последних днях жизни Н. Г. Чернышевского в день 30-летия со дня его смерти⁶. М. Н. Чернышевский сообщает, что для этого ходил в «контору театра и познакомился со Слоновым»⁷. (Вероятно, речь идёт об И. А. Слонове, российском и советском актёре, режиссёре, педагоге и общественном деятеле, народном артисте РСФСР.)

Экстремальные условия жизни меняли психологию людей, вызывали к жизни социальные девиации, такие как хищения, разбой, кражи. Михаил Николаевич пишет, что готовил место под рамы с балкона, нашёл несколько «маленьких тючков и коробочек», а также Нинины тёплые перчатки, ножницы, несколько коробок спичек, несколько кусков мыла, тесёмки, ленточки, кофточку и т. п.⁸ Эта мелочь, принадлежавшая семье, была украдена когда-то их помощницей по дому. Ещё один факт, описанный в дневнике за 1919 г.: было высказано недоверие (?) уже к квартирантке Антонине Власовой, которая снимала флигель: «Вечером вдруг околели две собаки – вероятно, отравили, наши перепуганы, боятся покушения на ограбление и просят заколотить калитку на Пыпинский двор»⁹. Случались и кражи: «Во время обеда во флигель забрался вор и утащил у Викт. Бор. (Виктор Борисович Гуревич – Е. Р.) часы и записную книжку со 130 руб. и коробку спичек»¹⁰.

¹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г., л. 22.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г..., л. 14-14об.

³ История Саратовского края с древнейших времён до наших дней, с. 210.

⁴ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г., л. 25.

⁵ Там же, л. 22.

⁶ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г., л. 25-25об.

⁷ Там же, л. 25.

⁸ Там же, л. 24.

⁹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г..., л. 24. .

¹⁰ Там же, л. 24об.

В течение нескольких лет решался вопрос о техническом оснащении строений в музейной усадьбе. В доме Чернышевского не было электричества. По этому поводу в октябре 1919 г. Михаил Николаевич обращался в Горисполком, где получил отказ: «Нефти мало, 24/т пуд. И надо продержаться до мая»¹. Зато в это время начали проводить в дом водопровод. К концу 1919 г. становится тяжелее. Как пишет Михаил Николаевич, «наступает холод и голод – всё время голоден»². В дневнике находят отражение и каждодневные проблемы с обустройством мемориального дома, проблемы со здоровьем и т. п. Утром Михаил Николаевич занят работами по домашнему хозяйству, а вечером, «за отсутствием электричества и наступлением темноты, работать просто нельзя»³. Единственные ноты радости слышны в дневнике, когда речь идёт о вечерах, посвящённых памяти отца – в Городском театре имени Чернышевского прошёл концерт, которым было отмечено 30-летие со дня смерти писателя. М. Н. Чернышевский готовился к нему. Там он прочёл реферат, причём в концертном отделении «участвовали лучшие силы, и в общем вечер очень удался»⁴.

Начиная с конца 1919 г. и всю зиму 1920 г. М. Н. Чернышевский ничего не записывал. Руки мёрзли, писать было трудно. Последний месяц весны 1920 г. был ознаменован важным событием: дочь Нина вышла замуж. 3 мая 1920 г. состоялась свадьба. Описанный Михаилом Николаевичем свадебный банкет вряд ли оценили бы сегодняшние молодожёны. Михаил Николаевич записывает, что на праздничном столе чай на 30 человек и домашние печёности, молоко, сливочное масло, творог⁵. Он подытожил: «Можно было забыть, что живёшь в голодное время»⁶. Жизнь в Саратове продолжает оставаться суровой. Многие знакомые хотели покинуть город из-за боязни остаться без отопления в предстоящую зиму. Так, родственники Чернышевских Буковские переехали в Балашов⁷. Следует отметить, что в 1920 г. Саратовская губерния утратила свой прифронтовой статус. С этого времени начинается процесс перевода саратовской промышленности на мирные рельсы, который, правда, вскоре был приостановлен по причине очередного введения 11 мая 1920 г. военного положения в губернии⁸. И по-прежнему бывали воровские набеги ночами: ломали заборы, отдирали доски от самого дома. Наступивший 1921

¹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. ..., л. 26.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Дневник М. Н. Чернышевского за 1920 г. – МНГЧ, ОФ 529/4, л. 34об.

⁶ Там же, л. 34-34об.

⁷ Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 35.

⁸ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918 – 1921 гг.). – Саратов, 2000, с. 144.

г., по словам Михаила Николаевича, характеризуется всё тем же: отсутствием дров, когда даже выданный паёк сварить не на чем¹ – «начинается упадок духа, не знаю – выдержу ли»². Крики о помощи усиливаются от записи к записи в дневнике за 1921 г. Недальновидная политика центральной власти прямо способствовала развитию продовольственного кризиса в Саратовской губернии, который всё отчётливее стал приобретать катастрофический характер, усиленный засухой 1921 г. Понятно, что подобная ситуация была уже непосильным испытанием для населения губернии, окончательно исчерпавшего последние резервы человеческого терпения³. Людей охватывал ужас в сложившейся ситуации. Михаил Николаевич описывает своё состояние: «Страшно волнуясь, не могу спать, страшное сердцебиение, силы падают»⁴. Сетует, что надо экономить дрова. На базаре нет возможности их купить, одно полено стоит 400 руб., а для русской печки их надо 10 – 12. «Без дров зимою всё равно что без хлеба»⁵. Его возмущает, что при такой дороговизне дамы не понимают ситуации и продолжают стирать бельё 2 – 3 раза в месяц. Уместно напомнить, что годом ранее, в 1920 г., Михаил Николаевич сообщал, что не стирали всю зиму⁶.

В июне 1921 г. о своём моральном состоянии М. Н. Чернышевский записал: «Тоскливо-подавленное, угнетённое состояние духа, так и тянет, тянет наложить на себя руки»⁷. К общей сложной ситуации добавляется неналаженность работы музея и невозможность пока решить все его проблемы. Основатель музея пишет: «Готов застрелиться, чувствуя безнадёжность всяких попыток довести дело до конца»⁸. С 1920 г. Михаила Николаевича назначили заведующим музея. Неоднократно сообщает, что зарплата задерживается. А в связи с тем, что денежных знаков не хватает, зарплата будет не раньше, как через три недели или месяц⁹. В целом финансовое положение страны в 1921 г. было катастрофически тяжёлым. Денежный счёт, в отличие от 1919 г., вёлся на миллионы. Если первые советские знаки 1919 г. имели номинал 1, 2 и 3 рубля, то в 1921 г. в обращение были выпущены «обязательства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» достоинством в 10 млн руб. Вышли расчётные знаки номиналами также в 25, 50 и 100 тыс. руб. Их появление было связано с гиперинфляцией: цены на товары в 1921 г. имели совершенно другую вели-

¹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 74.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1919 г. ..., л. 74.

³ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч., с. 150.

⁴ Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 74об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 78.

⁸ Там же.

⁹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1921г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 78.

чину, чем в 1919 г. (пуд ржаной муки в среднем стоил 140 тыс. руб., картошки – 20 600 руб.)¹.

Михаил Николаевич пишет о ценах на купленные им товары: масло – 12 тыс. руб. за фунт, сахар – 22 тыс. руб. Вышел новый декрет об отмене денежных знаков и о введении расчётных знаков нового образца. В связи с чем в июне 1921 г. М. Н. Чернышевский отмечал: «Этим, конечно, и объясняется, что жалование не платят уже три месяца – печатают новые знаки»². Прошло два года, а проблемы с обеспечением населения пайком не устранились. Так, 4 июля 1921 г. записано, что Коля (Николай Михайлович Чернышевский, сын М. Н. Чернышевского) принёс часть пайка: «Муки не дали, вместо неё дадут хлеб», за которым надо прийти на следующий день. Причём известно, что паёк в начале 1921 г. был ещё и сокращён до 1/4 фунта хлеба³. Но зато дали мыло «какое-то оригинальное – слоёное и лёгкое»⁴. Из записей М. Н. Чернышевского можно понять, что продукты в Саратове всё же были дешевле, чем в столице. Когда Михаил Николаевич собрался ехать в Москву, он заблаговременно закупил в Саратове на базаре мяса, яиц, хлеба, сахара на 75 тыс. руб., чтобы на несколько дней обеспечить себя в столице⁵. Видимо, это были сносные цены, т. к. известно, что в среднем по стране в 1921 г. пуд картошки стоил 20 600 руб., а ржаной муки – 140 тыс. руб.⁶

С точки зрения ценовой политики 1922 г. не стал исключением. Мы находим этому подтверждение: «Вчера чёрный хлеб стоил 50 тыс. руб. за фунт (февраль 1922 г.), а в марте 1922 г. – 90 тыс. руб. за фунт»⁷. Известна зарплата М. Н. Чернышевского в 1922 г.: «Разницу за январь и полностью за февраль» выплатили в размере 5 млн 283 тыс. 520 руб. в расчётных знаках⁸, жалование за июнь 1922 г. составило 9 млн руб., паёк за май и июнь 1922 г. выдали почти в таком же размере, как за один месяц, без муки, которую обещали выдать потом⁹. С большой радостью в июле 1922 г. Михаил Николаевич сообщает в дневнике, что видел постановление исполкома об оказании помощи Чернышевским. Предписано Губпродкому выделить четыре академических пайка, Губснабу – выдать обувь и бельё, Губтопу (Губернский комитет по топливу) – отпустить 2 1/2 куба дров, а Губкоммуналдел даёт 2 куба дров и

¹ Чернышевская Н. М. Уголок из жизни провинциальной интеллигенции в Саратове. Воспоминание о первых годах революции. Семья Дроздовых. Рукопись. – МНГЧ, ОФ 7347/2859, с. 12.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 81.

³ История Саратовского края с древнейших времён до наших дней, с. 215.

⁴ Дневник М. Н. Чернышевского за 1921 г. – МНГЧ, ОФ 529/5, л. 82.

⁵ Там же, л. 82об.

⁶ Чернышевская Н. М. Указ. соч., с. 12.

⁷ Дневник М. Н. Чернышевского за 1922 г. – МНГЧ, ОФ 529/6, л. 115об.-116об.

⁸ Там же, л. 117.

⁹ Дневник М. Н. Чернышевского за 1922 г. – МНГЧ, ОФ 529/6, л. 124.

принимает на себя текущий ремонт строений в усадьбе, в т. ч. забора¹. В 1922 г. сделана первая оптимистичная запись в дневнике: «Дело, по-видимому, налаживается»². За август 1922 г. Михаил Николаевич получил без задержки жалование, в том же месяце получил ботинки и мануфактуру, привезли дрова: «Теперь дровами мы обеспечены»³. Сетует, что в 1922 г. ему перестали выплачивать пенсию. «А то при 28 млн жалования не хватает даже на баню и мыло»⁴.

По-прежнему не прекращалась и культурная жизнь Саратова. В ТЭП (Театр эксцентрических представлений) прошёл этнографический вечер, устроенный профессором СГУ Б. М. Соколовым⁵. «Народу битком набито, сбор был около 1 миллиарда, а расходов 1 1/2»⁶. Заметной радостью стало получение в конце ноября 1922 г. пайка не натурой, как прежде, а деньгами. Первая выдача за два месяца составила больше миллиарда⁷. Удалось запасти на зиму картофель, капусту, тыкву, пшено, муку. «В первый раз за 4 года можем сказать, что теперь мы сыты, едим белый хлеб и пьём чай с сахаром».

На примере семьи М. Н. Чернышевского были рассмотрены проблемы быта, обеспечения продуктами, настроения людей того сложного периода. Можно сделать вывод, что более спокойной жизнь в провинции казалась только издали. Относительно долгое время Саратовская губерния находилась в глубоком кризисе. Он был обусловлен рядом факторов: крупными стратегическими и тактическими просчётами новой власти в сфере экономики, прифронтовым характером губернии, который сохранялся на протяжении почти всей Гражданской войны, когда Саратов являлся ближайшим фронтовым тылом для Восточного и южных фронтов. Однако большинство городского населения вполне смирилось со своим незавидным положением и находило варианты выживания и даже организации досуга и отдыха.

¹ Там же, л. 124об.

² Дневник М. Н. Чернышевского за 1922 г. – МНГЧ, л.124 об.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 125об.

⁵ Там же, л. 126.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 127.

Художественные промыслы в культуре повседневности

Елена Ежова (Россия)¹

Исследование повседневной культуры современного мира представляется чрезвычайно актуальным, поскольку в ней наиболее отчётливо отражаются социокультурные процессы, содержащие образцы, формы, ритмы, колорит и тональности разных культур. Анализ их действительности в жизненных реалиях имеет актуальное теоретико-методологическое и социокультурно-практическое значение. Динамичность форм, взаимное притяжение и отталкивание, синтез и вытеснение, трансформация традиций и перемалывание инноваций создают силовое поле интенсивных культурных изменений и соответствующих реакций человека на их вызовы.

Известный исследователь О. Н. Астафьева отмечает, что человечество в своей истории ещё не знало «такой плюрализации – сосуществования в едином пространстве/времени разнообразных норм и ценностей, артефактов, образцов отношений, стилей и образов жизни»². Создаётся представление, что это наиболее динамичная сфера жизни подавляющего большинства людей всех стран. Происходящие в культуре повседневности процессы коррелируются множеством факторов: прежде всего, интенсивным изменением бытия, что обусловлено внедрением достижений науки и техники, продвижением новых технологий и непростым процессом формирования толерантности в межлических и межкультурных отношениях.

Поликультурность современного мира наиболее убедительно проявляется именно в культуре повседневности, поскольку в бытовых условиях представители разных этносов постоянно и органично входят в контакты, заимствуют формы ведения хозяйства, культуру питания, обслуживания, строительства и оформления жилища, выращивания сельхозпродукции и т. д. Таким образом, культура повседневности – это многослойная структура взаимодействия обыденного, инновационного, традиционного и привнесённого представителями других культур.

Открытость мирового пространства всё более сужает действие традиций, происходит их вытеснение зачастую совершенно чуждыми элементами, в силу ряда обстоятельств, однако, приживающимися в нынешнем культурном пространстве. Изменение условий жизни, имеющее самое наглядное прояв-

¹ Ежова Елена Юрьевна, доктор культурологии, профессор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

² Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном. – Знание. Понимание. Умение, 2008, № 3, с. 51.

ление в культуре повседневности, входит в противоречие с устойчивыми традиционными структурами. Меняется отношение к культурным ценностям, к вопросам национальной идентичности, к культуре общества вообще и состоянию культурной среды, к сложившимся традициям и самобытности культуры.

В поисках ответов на многочисленные вопросы – где искать факторы, поддерживающие идеи идентичности, как сохранить свои культурные ценности и культурные установки, как относиться к традициям, от которых нас некоторые круги мирового сообщества пытаются полностью отлучить – мы обращаемся к рассмотрению специфики народных художественных промыслов как феномена отечественной культуры. Что дают народные промыслы культуре повседневности? Почему народные промыслы являются яркой формой выражения народного самосознания? Как народные промыслы отражают индивидуальные формы бытия и другие? В нашей работе обратимся к идеям известного исследователя Георга Карловича Вагнера. Учёный прежде всего отметил: «Онтологический аспект состоит в том, что народное искусство во все эпохи и было, и является в основном не идеологическим отражением внешнего мира, а самим бытием. Произведение народного искусства не подражает чему-то, не возвещает чего-то, оно, прежде всего, само по себе... И гносеологический аспект заключается в том, что традиционное народное творчество есть не воспроизведение действительности, а ежедневное, ежечасное её творение»¹.

Традиции вытесняются новыми культурными установками, но тем не менее живут. В чём же их жизненная сила? Порассуждаем опять вместе с Г. К. Вагнером, отмечавшим: «Источником энергии традиционного народного искусства является, прежде всего, функциональная его необходимость... Народное искусство является одним из мощных средств выражения этнической специфики. Суть явления состоит в самом факте собственного народного самутверждения в творчестве, поскольку традиционное искусство наравне с фольклором выступает и носителем народной философии и народного этоса»².

Однако посмотрим, что есть в жизненных реалиях. Происходящие в обществе изменения ценностных ориентаций приводят к разрушению одного из самых значимых оснований народных промыслов – принципа преемственности мастерства.

¹ Вагнер Г. К. О соотношении народного и самодеятельного искусства. // Проблемы народного искусства, под. ред. М. А. Некрасовой, К. А. Макарова. – М.: Изобразительное искусство, 1982, с. 49.

² Ежова Е. Ю. Развитие художественной культуры личности в дискурсе поликультурного пространства. – Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2010, 260 с.

Народный мастер всегда был своеобразным солнцем народного промысла и главным учителем, передававшим все тонкости технологических приёмов, свойственную только этому промыслу эстетическую выразительность изделий и, конечно же, особый язык знаков и значений. У народного мастера были ученики и последователи. Так не затухала преемственность мастерства. Но времена и ценности изменились, молодёжь не пошла в ученичество к народному мастеру. Некому стало передавать свой богатый опыт.

Из десяти достаточно ярко проявивших себя народных художественных промыслов, существовавших на рязанской земле в первой половине XX в., в настоящее время осталось, по данным Министерства культуры и туризма области, только четыре. Ушёл из жизни потомственный, получивший своё мастерство от отца и деда замечательный мастер сапожковской (александропрасковинской) глиняной игрушки Тимофей Андреевич Кондрашов, проживший около ста лет, и некому после него стало делать эту замечательную игрушку. В народе называли деревню Александро-Прасковинка Сапожковского района Глинками, поскольку практически все её жители на протяжении ряда веков лепили и обжигали поливную и чернолощёную посуду, горшки, свистульки-улюлютки, барынь, гармонистов, фигурки животных, чаще всего медведей. Формам игрушек придавали больше значения, чем цветовому решению. Особый минерал – каолинит, содержащийся в местных глинах – придавал этому материалу свойства повышенной вязкости и пластичности. Уникальные по своим пластическим решениям глиняные сапожковские формы представляют собой не только предметы повседневной культуры, но и являются украшением коллекций разных музеев: Государственного русского музея (Санкт-Петербург), Музея декоративно-прикладного искусства (Москва), Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, Рязанского государственного областного художественного музея имени И. П. Пожалостина, Томского художественного музея, Сапожковского краеведческого музея (Рязанская область) и других.

Столь же непростая судьба и у вырковской глиняной игрушки Касимовского района Рязанской области. Уникальность произведений вырковских мастеров поражала зрителей: люди изображались в точно передаваемых в лепке движениях: работавшие за гончарным кругом мастера, растягивающие гармонь гармонисты, пляшущие, борющиеся. А животные какие: стройные, вытягивающие шеи кони, бодающиеся барашки. В настоящее время только педагоги Касимовского педагогического колледжа, получившие некоторое количество уроков у последнего потомственного из рода Листовых мастера вырковской игрушки Ивана Леонтьевича Листова, пытаются возродить приёмы лепки и особенности пластических решений.

Ушли в небытие такие замечательные виды народного ремесла, как журвинское белое кружево (сёла Большая и Малая Журавинка, Рязский район). Во второй половине XVIII в. мастерицы кружевоплетения этого промыс-

ла прославились тем, что выполнили заказ Екатерины II, создав полностью сплетённое из тонких белых нитей на коклюшках платье. В 1887 г. в Журавинском промысле значилось 68 мастериц, бережно сохранявших оригинальность узоров, специфику кружевных композиций. В 1946 г. в Журавинском промысле работало около 600 мастериц. В середине 50-х гг. прошлого столетия Журавинская артель была закрыта.

Перестало существовать ряжское ткачество – узорное ткачество домашнего изготовления (районный город Ряжск Рязанской области). Мастерицы этого промысла выполняли изделия для украшения интерьера как городского дома, так и деревенской избы. Техника закладного ткачества на миниатюрном домашнем станке позволяла выполнять разнообразные узоры геометрического характера из ярких нитей.

Подобная судьба и у бранного ткачества г. Касимова Рязанской области. Уникальное по своим технологическим приёмам, это ткачество позволяло создавать изделия с фактурной поверхностью, декоративные предметы убранства интерьера. Также полностью ушло в прошлое создание двухслойных тканей, которые были использованы для такой важной части народного женского костюма Рязанского края, как понёва. Отметим, что сам костюм получил название понёвный комплекс.

Необходимо подчеркнуть значительную роль поддержки современным государством народных промыслов. Это, прежде всего, законодательная поддержка таких законов, как федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах»¹, где утверждается, что «сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов является важной государственной задачей». В этот закон на протяжении последних лет внесён ряд дополнений, активизирующих поддержку народных промыслов.

Законодательная база и творческая энергия позволили не только выжить в сложных условиях кризисного времени, но и подняться ввысь такому достаточно известному в стране промыслу, как скопинское гончарство. В 1902 и 1913 гг. скопинские изделия экспонировались на кустарных выставках и были неоднократно отмечены наградами. В 1900 г. они были представлены на выставке в Париже. В начале XX в. в городе насчитывалось около 50 мастерских. Некоторые впоследствии были объединены в артель керамик. На базе этой артели была создана Скопинская фабрика художественной керамики. Ныне это закрытое акционерное общество «Скопинская художественная керамика» с численностью персонала 160 человек. Здесь в основном и сосредоточено наследие древнего народного промысла.

¹ Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах». URL: <https://zrf.su/zakon/o-narodnyh-hudozhestvennyh-promyslah-7-fz> (дата обращения: 03.08.2019).

Большой талант, настоящая одержимость мастеров и виртуозное мастерство гончаров-художников помогли не только бережно сохранить до наших дней исконно русские традиции, неповторимый народный колорит уникальной скопинской керамики, но и продолжить её развитие, создавать новые варианты скульптурных и многоярусных сосудов, кувшинов, подсвечников.

О нынешнем творческом подъёме этого промысла свидетельствуют такие факты, как ставший международным, проводимый раз в два года фестиваль гончаров, открытие в районном городе Скопине в 2007 г. Всероссийского музея гончарного искусства и, конечно же, присутствие в коллекциях известных зарубежных и отечественных музеев работ скопинских мастеров: отца и сына Михаила Никифоровича и Михаила Михайловича Пелёнкиных, народных мастеров семьи А. А. и И. А. Якушкиных. По достоинству оценён труд скопинских мастеров: среди них заслуженные художники Татьяна Голованова и Татьяна Лощина, заслуженные работники культуры Н. Насонова и А. Рожко, десять художников являются членами Союза художников России. В 1991 г. восемь ведущих мастеров были удостоены звания лауреатов Государственной премии России в области литературы и искусства: М. Пелёнкин, Н. Насонова, А. Рожко, С. Поляков, М. Линёва, А. Курбатова, Т. Голованова, Т. Лощина. Оригинальные изделия скопинского художественного промысла являются своеобразной визитной карточкой Рязанской области. На предприятии действует Музей истории скопинской керамики, проводятся экскурсии по музею и на производстве.

Продолжает замечательные традиции народный промысел районного города Михайлова – цветное численное кружево, не имеющее аналогов ни в России, ни за рубежом и изготавливаемое уникальными техническими приёмами. Изделия михайловских кружевниц придают культуре повседневности особый окрас. Скатерти, шторы, полотенца, салфетки, выполненные с использованием техник коклюшечного кружева, наполняют культуру повседневности эстетическим звучанием, национальным колоритом, самобытностью узорочья. Этот промысел также был потомственным. В 1889 г. в городе Михайлове и в уезде работало 2070 мастериц кружевоплетения. Перед Первой мировой войной их насчитывалось десять тысяч. В 1882 г. на всероссийской выставке в Москве уникальность работ михайловских кружевниц получила высокую оценку царственных особ, а сами мастерицы – значительные денежные премии.

Созданная в 1927 г. артель кружевниц «Труженица», преобразованная в настоящее время в ЗАО «Труженица», действует и по настоящее время. Славу артели кружевоплетения принесли такие замечательные, известные в стране мастерицы, как Диана Алексеевна Смирнова – народный художник России, лауреат Государственной премии в области литературы и искусства, отметившая в 2017 г. своё 92-летие. Её именуют легендой русского кружева за верность традициям и мастерскую трансформацию их в современных изделиях.

Благодаря высокому уровню творческой деятельности Д. А. Смирновой, михайловскими мастерицами был благополучно преодолен сложный критический период 90-х годов прошлого столетия. Диана Алексеевна особым образом использует техники численного парного и сцепного кружева, по сей день разрабатывает сколки для создания новых изделий. В настоящее время творческий коллектив возглавляет заслуженный художник РФ Татьяна Николаевна Преснова – лауреат многих международных и региональных выставок народного творчества, награждена премией «Душа России» и почётным званием народный мастер. Под её руководством мастера создают современные формы костюмов с удивительным образом подобранной отделкой михайловским кружевом. Этот вид кружева отличает не только его фактурная выразительность, но и богатство полифонии цветов, создающих единую яркую мелодию.

Совершенно другие технологические приёмы используют мастерицы кружева ТОО «Кадомский вениз», которые также обогащают сферу повседневной культуры. Этот кружевной промысел был организован в конце XVIII в. стараниями местной помещицы М. А. Новосильцевой и её дочери М. Ю. Авиновой, организовавших в своём имении, расположенном вблизи города Кадома (Рязанской губернии) обучение крестьянок искусству вышивания кружева, как это делалось в далёкой Венеции, отсюда и название техники создания кружева – вениз. Новый вид вышитого кружева, которому обучилась и сама М. Ю. Авинова, имел успех у столичной великосветской публики. Кадомское игольчатое кружево было отмечено золотой медалью на II Всероссийской кустарной выставке 1913 г. По сей день бережно хранимые традиции и определённые секреты мастерства позволяют создавать из белых нитей тончайшей ручной работы скатерти, салфетки, шторы, предметы женского костюма – блузки, жилеты. В том же году в Кадоме на средства М. Ю. Авиновой открылась школа кружевниц для обучения городских и крестьянских девочек замечательному искусству вышитого кружева.

Ещё одним традиционным промыслом земли рязанской является лозоплетение, центром его стал рабочий посёлок и районный центр Шилово. Мастера этого промысла не отмечены столь значимыми наградами, но их изделия широко востребованы в современном социуме. Удобные детские саночки, экологичные предметы домашней мебели, корзинки и сумочки – вносят частицу родной природы в жилище человека и создают радостное настроение. Утилитарность и декоративность изделий лозоплетения украшают, совершенствуют мир повседневной культуры.

Рассмотренная сфера народных художественных промыслов Рязанского края позволяет выделить такую их актуальную сторону, как способность сохранять самобытность, идентичность и традиции в культуре повседневности, рассматривать их как некий баланс наступлению и внедрению в современную жизнь инновационного и космополитично-глобального.

Провинциальный город как хранитель памяти: семиотика скульптуры

Анна Старшова (Россия)¹

Рассмотрим визуальные антропоцентрические доминанты, характеризующие историческое ядро города Ярославля как центра административной, политической, торговой и культурной жизни, как организацию пространства, влияющую на формирование идентичности горожан, как репрезентант национальной и региональной культуры и политики с позиции интегративного подхода к одному из важнейших российских культурных феноменов – историческому провинциальному городу как хранителю памяти².

Анализируя существующие подходы к выделению и определению доминанты городской среды, кроме принципа антропоцентризма, выделяем в первую очередь визуальную значимость объекта. Коммуникативные возможности визуальной доминанты включают в себя три основных характеристики доминирования: визуально-психологическую, архитектурно-художественную и социально-функциональную. Им соответствуют следующие термины: ориентир, акцент и важный городской объект. Смысловыми связями между выявленными характеристиками выступают смысл, пространство и образ.

Было отобрано несколько примеров визуального ряда – скульптурного, в котором доминирует изображение человека и реализуется принцип антропоцентризма в визуальном ряде, формирующем историческую часть Ярославля – зону ЮНЕСКО. Все выбранные объекты – варианты постсоветской трансформации городского пространства, позволяющие диагностировать смыслы перемен.

Первый памятник, о котором пойдёт речь – скульптурная композиция «Троица Святая Живоначная» (скульптор Н. Мухин). Композиция установлена на Стрелке в 1995 г. Данный памятник ярко демонстрирует код скульптуры и как вида искусства, и как кода религиозного, социального, идеологического, политического.

Обозначим, но не будем анализировать такие аспекты этого культурного феномена, как история установки скульптурного памятника, обсуждения,

¹ Старшова Анна Петровна, кандидат искусствоведения, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

² Исторический город русской провинции как культурный универсум; науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010, 536 с.

связанные с разрушением религиозного многовекового канона принципиальной неизобразимости Бога в трёхмерном скульптурном пространстве и пр.

Но принципиально важно отметить, что «Троица» Н. Мухина – это своеобразный символ эпохи первой половины 1990-х гг., эпохи очередной великой трансформации страны. И если за 10 лет начала советской власти наша страна из глубоко религиозной превратилась в глубоко атеистическую, то в 90-х процесс пошёл в обратном направлении и с той же чудовищной скоростью. В политике, культуре стало модным демонстрировать знаки духовности, религиозности... Насколько далеко зашёл процесс, видно по тому, что в наше время, рискнём предположить, установку такого противоречивого памятника мы бы даже не заметили.

Троица Святая Живоначальная. Скульптор Н. Мухин

С одной стороны, при оценке прагматических отношений возникает ситуация, когда выбор среды мы можем связывать со стремлением к преодолению (иногда преодоление равно разрушению) канона как доказательства развития культуры, где объект становится символом хронотопа. Так, Андрей Рублёв в своей иконописной «Троице» выходит за рамки буквального прочтения и создаёт образ глубоко символический. Прагматическая задача Андрея Рублёва и Николая Мухина служит достижению одной цели – через созерцание образа Троицы перейти к формированию духовной жизни, преображению России, к духовному возрождению, единению, ибо время создания образа новозавет-

ной Троицы связано и с ситуацией преобразования самого хронотопа. Это и рубежное время начала XV в., и 90-х годов XX в. в России.

Интересным представляется тот факт, что **памятник, установленный на месте уничтоженного в 1931 г. Успенского собора, задумывался автором в 90-е гг. XX в. как молитва о возрождении утерянного храма**, как знак собора. Такая интерпретация допускает, особенно с учётом восстановленного относительно недавно на этом месте Успенского собора, понимание знаковой сущности объекта в контексте восприятия символики здания храма как престола. Тогда всё пространство вокруг храма приобретает священную коннотацию, куда органично вписывается пространственно-скульптурная композиция древнерусской иконы. Органично, если не задумываться, что скульптура находится на юго-западе от собора, а место престола, а следовательно алтарной части – как известно, на востоке.

С другой стороны, сегодня рядом с отстроеным собором такая иконописная цитата выглядит довольно нелепо. Ибо контекст восприятия скульптурной композиции связан с языком городской среды. И мы наблюдаем сбой в ситуации семиозиса, т. к. обозначаемое нами для большинства участников прагматических отношений недоступно или доступно в другой знаковой интерпретации (т. е. равно религиозной скульптуре в городской среде, что воспринимается как знак историко-культурной среды города). Это не мешает рассматривать скульптуру Н. Мухина в контексте языческих кодов (например, элементы жертвоприношений – ритуал бросания денег в жертвенную чашу), в контексте кодов массовой культуры (например, фотографии на фоне скульптуры и даже сидя в жертвенной чаше).

Второй памятник, выбранный для нашего анализа – памятник Ярославу Мудрому (скульптор О. Комов и архитекторы Н. И. Комова и А. Р. Бобович). Время установки – опять 90-е гг. XX в. Время, когда возможно всё, но важно – зачем. Памятник установлен на площади Богоявления, тогда площадь носила имя революционного деятеля Подбельского.

С памятником основателю города Ярославля в Ярославле вообще как-то не складывается. Напомню, что в начале XIX в. в Ярославле уже был установлен памятник Ярославу Мудрому: каменный, пирамидный, стоящий в овраге. Однако, по указанию императора Николая I, он был убран как не соответствующий своему значению. Позже, в начале XX в., вновь зашли разговоры о том, чтобы установить новый памятник, но в итоге деньги были потрачены на празднование юбилея Дома Романовых¹.

Вот тут бы ярославцам и обидеться, что опять московские государственные ценности оказались важнее провинциальных, но было принято решение

¹ Памятник Ярославу Мудрому. URL: http://www.101hotel-S.ru/main/cities/yaroslavl/points/monuments/yaroslavu_mudromu (дата обращения: 03.11.2018).

установить памятник именно на центральной площади – не на Стрелке, где был заложен первый камень в строительство города, не в Медведицком овраге, где по легенде состоялся поединок между Ярославом и медведицей. Сегодня скульптурный Ярослав Мудрый как будто встречает гостей города, прибывших со стороны нашей столицы, тем самым демонстрируя тесные связи Ярославля с ней.

*Памятник Ярославу Мудрому.
Скульптор О. Комов. Архитекторы Н. И. Комова и А. Р. Бобович*

Но это в 1990-х годах. В 2000-х правила игры между столицей и провинциальным Ярославлем несколько изменились.

Так, анализируя в 2012 г. персонотексты, предоставленные на конкурс материалов на бренд г. Ярославля, мы отмечаем **группу слоганов, связанную с образом города в контексте страны и с образом города на мировой арене**¹.

Вот примеры слоганов, в которых формируется образ взаимодействия на уровне Ярославль – Россия:

¹ Старшова А. П. Персонологический подход в исследовании бренда города (на материале конкурса на бренд г. Ярославля 2012 г.). // Вопросы культурологии. Научно-практический и методический журнал, 2013, № 7, с. 25-32.

- Ярославль – душа России
- Самый российский город – Ярославль
- Я Россию славлю!
- В центре России – в центре бизнеса
- Ярославль. Русская правда
- Для тех, кто слишком смел для Москвы
- Ярославль – город русского возрождения
- Ярославль – родина русской демократии
- Ярославль – настоящая столица Поволжья
- Ярославль – город государственных дел
- Ярославль – главный

Слоганы, в которых проявляется позиционирование Ярославля на мировой арене:

- Ярославль – Париж на Волге
- Ярославль – зеркало Европы
- Ярославль – зеркало мира
- Ярославль – лучший город на земле
- Ярославово подворище – древнейший город мира, столица Золотой Орды

В данных персонотекстах нет и намёка на уничижительный оттенок отсталости, а **удалённость от центров цивилизации воспринимается как достоинство. Формируется представление об определённом культурном пространстве, которое воспринимается как потенциал для развития государства, локальных культурных центров, бизнеса.** Да, здесь много субъективности, много местной мифологии, гипертрофированности. С одной стороны, интуитивная тяга к сохранению своего, родного, а с другой стороны, желание присвоить себе другие берега. Интересно, что, создавая в Ярославле образ своей Европы и даже своего мира в целом, ярославцы стремятся отгородиться от московского, столичного.

В связи с этим отмечаем повышение градуса ироничного отношения ярославцев к данному простоличному образу Ярослава Мудрого.

Когда в 2015 г. правлением Городского фонда содействия развитию Ярославля было принято решение о проведении конкурса дизайн-проектов по благоустройству площади Богоявления, первый этап выиграл проект Круглова, Киселёва, Тихонова, где скульптурное изображение красного коня является визуальной доминантой площади. Цитирую из пояснительной записки авторов проекта: «Конь символизирует интеллект, мудрость, свет, динамическую силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Конь – это символ верности и в то же время – неукротимой свободы, бесстрашия, воинской доблести и славы. Красный – как синоним красоты». А дальше забавно: «Конь

может стать завершающим звеном в истории об основании Ярославля. Медведь есть, Ярослав есть, а вот его верного коня нет». От себя добавим, что красный цвет связан с архетипом огня, а огонь символизирует бесконечную подвижность формы и непостоянство. Будучи силой, способной разрушить любые формы, но вместе с тем принести обновление, огонь становится символом преобразования и обновления (революционных перемен).

Ещё один памятник, выбранный в аспекте взаимодействия личности, культуры, политики и истории – это памятник Александру II в сквере в Мукомольном переулке. Кстати, памятник Александру II (скульптор А. М. Опекушин) в 1911 г. был установлен в Рыбинске (Ярославская область) в честь 50-летия отмены крепостного права. Но в советское время он был утоплен в Волге, а на этом месте поставлен памятник Ленину. В 1911 г. в селе Вятское был установлен бюст Александра II работы А. М. Опекушина. В 1918 г. бюст императора был снят, а на его месте позднее установлен бюст Карла Маркса. В мае 2008 г. скульптура Александра II, выполненная тутаявским скульптором Вс. Алаевым по сохранившимся фотографиям опекушинского оригинала, была восстановлена на прежнем месте.

Памятник Александру II. Скульптор В. Алаев

Визуальной доминантой Дмитриевского сквера является церковь Димитрия Солунского. В 2015 г. здесь был установлен памятник Александру II. Возникает вопрос: зачем ярославскому району нужны сейчас два памятника Александру? Один уже есть в селе Вятское. Ожидалось, что на этом месте появится скульптурное изображение купца. Парадоксально, но город, который позиционирует себя как купеческий, игнорирует купца и промышленника в своей визуальной антропоцентрической доминанте. По разработанному проекту, на этом месте мог находиться памятник

предпринимателям-меценатам и благотворителям Ярославской земли, однако в последний момент решение было пересмотрено

Настораживает ещё одна тенденция: скульптурные композиции появляются в последнее время спонтанно и по воле узкопрофессиональных сообществ. Установка памятника в данном месте не имеет никакой исторической, социальной или культурной связи ни с местом, ни с городом. Памятник императору Александру II установлен в честь ознаменования 150-летней годовщины со дня основания в бывшей империи созданного им государственного института судебных приставов по частной инициативе уже нынешних судебных приставов.

Памятник установили совершенно безграмотно и со скульптурной, и с коммуникативной (чтение текста города) точки зрения – спиной к зрителям. Случайные деньги, случайные желания и результат, вызывающий удивление на долгие времена. Необоснованная установка объектов монументального искусства в историческом центре может и уже сказывается негативно на культурно-исторической среде города.

По мысли Ю. М. Лотмана, человек, погружённый в культурное пространство, неизбежно создаёт вокруг себя организованную пространственно-временную среду, где пространство существует, наделяется жизненным ритмом в силу взаимной соотнесённости наполняющих его вещей. Человек, находясь в нём, сканирует окружающее пространство и читает его по вещным знакам¹.

И именно понимание-чтение этих смыслов и целей, воплощённых в определённой пространственности города с учётом прошлого и повседневности, будет определять будущее прочтение исторического города.

¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2. Символика Петербурга и проблемы семиотики. – Таллин: Александра, 1992, 480 с.

Провинциальная повседневность: перспективность научного направления

Анна Тихонова (Россия)¹

Провинциальная повседневность как междисциплинарная проблема имеет несколько аспектов исследования представителями разных областей знаний (философия, история, культурология, социология). Каждый исследователь раскрывает эту тему в зависимости от отрасли науки, в рамках которой реализуется работа, и от собственной научной позиции. В результате за границами рассмотрения остаются определённые направления, на которые важно обращать внимание с целью расширения сферы научных изысканий и использования опыта исследования для развития провинции. Обозначенные проблемы и являются предметом исследования в данной статье.

Следует сразу отметить, что в научной литературе используется несколько терминов, характеризующих анализируемое явление: «повседневность», «повседневная жизнь», «повседневное бытие человека», «культура повседневности», «духовная повседневность», «социокультурная повседневность», «жизненный мир повседневности», «история повседневности» и т. п.

Не ставя перед собой задачи выявления специфики каждой дефиниции, мы определяем их как близкие по содержанию, тем более что многие учёные используют некоторые из них как синонимы. Л. А. Савченко подчёркивает, что «в конвергенции различных направлений мы ищем не столько общее для выработки понятия повседневности, сколько общий базис, общую систему категорий и сам понятийный аппарат, который как теоретический объект, но и который мог бы дать практически значимые технологии работы в повседневных структурах»². Мы согласны с мнением И. П. Поляковой, что «повседневность является сферой социальной реальности, формой её существования... связана с хозяйственными, экономическими, политическими, правовыми условиями социального взаимодействия субъектов повседневности... Повсе-

¹ Тихонова Анна Юрьевна, доктор культурологии, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

² Савченко Л. А. Повседневность – методология исследования, современная социальная реальность и практика: социально-философский анализ: а/р. дисс. д. ф. н. – Ростов-на-Дону, 2001, с. 5.

дневная жизнь личности, с одной стороны, является лишь частью, единичным проявлением жизни общества, а с другой – выступает своеобразным отображением происходящих в обществе процессов»¹.

Методологические основы изучения повседневности осветили в своих трудах Ж. Февр, Ф. Бродель, А. Люттке, Х. Медик, Л. В. Беловинский, С. Н. Боголюбова, Б. Вальденфельс, А. В. Волочай, Т. С. Георгиева, В. Л. Лелеко, И. А. Манкевич, И. В. Полякова, Л. А. Савченко, А. В. Старцев и др. Учёные нацеливаются на рассмотрение повседневности в совокупности различных составляющих (быт, культура, политика, экономика и т. п.) при обязательном обращении к микроистории отдельных личностей и сообществ людей как носителей повседневных интересов.

История повседневности исследуется учёными для освещения хронологии событий и выявления определённых закономерностей (С. П. Александров, И. Б. Орлов, Ю. А. Поляков, Н. Л. Пушкарёва и др.). Н. Л. Пушкарёва определяет историю повседневности как «отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и профессиональных контекстах»². И. Б. Орлов подчёркивал взаимозависимость исторических и социологических аспектов повседневности. И. В. Утехин нацеливает исследователей на включение наблюдения при изучении повседневности. Л. Н. Троценко доказывает необходимость сравнения повседневной жизни столицы и провинции, особенно в периоды революционных преобразований.

Можно выделить следующие хронологические периоды, которые освещают авторы, исследуя историю повседневности: 1) до XVIII в. (Ю. Е. Арнаутова, О. Е. Кошелева, Е. И. Малето, Л. В. Щербакова и др.); 2) XVIII – XIX вв. (Е. В. Банникова, М. И. Козьякова, О. Е. Кошелева, Н. А. Миненко, Н. А. Огаркова и др.); 3) XIX – начало XX вв. (Н. Б. Акоева, М. А. Бравина, Д. В. Давыдов, А. Ю. Рожков, А. А. Семёнов, Д. Н. Троценко, В. С. Тяжельникова и др.); 4) 1930 – 1950 гг. (Г. В. Андреевский, М. В. Гонцова, Н. Н. Макарова, В. Н. Тарасенко, О. Н. Турянова и др.); 5) 1950 – 1980 гг. (Н. А. Белова, А. М. Доценко, О. В. Кузнецова, Л. Н. Курцев, Н. Б. Лебина, Г. П. Сидорова, Т. М. Смирнова и др.).

Работы по рубежу XX – XXI вв. только начинают появляться. Например, А. Д. Осмаев даёт характеристику общественно-политической и повседневной жизни данного периода на примере Чеченской республики.

¹ Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: а/р. дисс. д. ф. н. – М., 2011, с. 4.

² Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности». // Этнографическое обозрение, 2004, № 5, с. 3.

Следует отметить, что количественно преобладают работы по рубежу XIX – XX вв. и второй половины XX в. Это периоды наиболее сложные, противоречивые и одновременно наиболее освещённые в различных источниках. Необходимо учитывать, что каждый исследователь анализирует не только особенности развития повседневности в конкретный период, но и рассматривает её на примере конкретной территории и определённой социальной группы. Но, как верно отметил В. Б. Безгин, «повседневность любой исторической эпохи есть видимое проявление базовых ценностей общества»¹.

Территориальные рамки исследований также вариативны. Учёные анализируют повседневную жизнь значительных по размеру областей. Например, Ю. Е. Арнаутова изучает особенности повседневной жизни средневекового общества Западной Европы; Е. И. Малето, Е. В. Николаева, А. А. Семёнов – повседневные традиции населения России; Московской Руси – Л. В. Щербакова и т. п.

Исследований повседневности на примере конкретных республик и крупных регионов страны несколько больше: Е. В. Банникова (губернии Урала), Д. В. Давыдов (ТАССР), А. Д. Осмаев (Чеченская республика), О. Н. Турянинова (Башкирская АССР), Т. Г. Чебоксарова (Западная Сибирь) и пр.

Значительное число работ посвящено повседневной жизни конкретных губерний, областей и городов: например, Г. В. Андреевский (Москва), М. А. Бравина (Симбирск), Н. Н. Володина (Тюмень), А. М. Доценко (Самара), А. Г. Елизов (Красноярск), О. Е. Кошелева (Петербург), Н. Н. Макарова (Магнитогорск) и др. Действительно, каждый субъект страны имеет свои особенности, которые проявляются и во взаимодействии местных и государственных традиций повседневности, и в самобытности сохранения своей уникальности. Не случайно М. А. Бравина говорит о региональных особенностях повседневной жизни провинциального Симбирска, «проявлявшихся прежде всего в сложной этнонациональной ситуации, кратковременности военных действий на территории губернии и, наконец, своеобразии города как родины В. И. Ленина»².

Кризис в условиях революционного времени проявляется прежде всего в снабжении. Хлебные карточки, а также карточки на мясо, жиры и сахар теперь были уже повсеместно, даже в столице. Более того, в Петрограде уже 2 марта, до введения хлебной монополии, была установлена норма на ржаной хлеб. Для солдат она составляла 2 фунта (900 г), для лиц физического труда – 7/4 фунта (более 700 г), для остальных – 1 фунт с четвертью (500 г). Однако

¹ Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX вв.: на материалах губерний Центрального Черноземья: а/р. дисс. д. и. н. – М., 2006, с. 3.

² Бравина М. А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и Гражданской войны: 1917 – 1922 гг.: а/р. дисс. к. и. н. – Чебоксары, 2008, с. 4.

власти были не в состоянии обеспечить полное отоваривание карточек: в марте 1917 г. петроградцы в среднем могли получить по 4/5 фунта хлеба в день, а в июле – уже менее чем по 1/3 фунта. Не соблюдались и нормы выдачи масла, мяса, яиц. Люди часто вынуждены были выстаивать многочасовые очереди за продуктами.

Безусловно, необходимы подробные исследования повседневной культуры российских городов на протяжении всей истории их развития. Понять особенности разных региональных культурных процессов невозможно без анализа культурных явлений территории в динамике с учётом конкретных исторических ситуаций¹. Только подобные исследования дадут подробную картину не только общероссийской повседневности, но и помогут найти решение современных проблем в регионах. Одновременно эти изыскания могут служить фактологической основой для создания учебно-методического комплекса для образовательных учреждений². В то же время изучение истории повседневности значительных территорий даёт больше возможностей для анализа закономерностей и выявления общего и единичного в повседневной истории страны и её субъектов.

Начавшийся слом российской повседневности во многом связан с правовыми актами советского государства в области брачно-семейных отношений. Это произошло, несмотря на то что большевики, пришедшие к власти, вопреки ожиданиям, не уничтожили институт семьи. В первые годы после революции семья стала рассматриваться как пережиток буржуазного прошлого, способствующий эксплуатации женщин и сохранению патриархального чувства собственности у мужчин. Правила приличия, принятые до революции, осмеивались как мешанство и обывательщина, молодое поколение в особенности отличалось сексуальной свободой и неуважением к институту брака. Обычным явлением стали свободные, незарегистрированные браки. Данное положение было закреплено законодательно в Кодексе о браке и семье 1926 г., согласно которому любое постоянное совместное проживание, зарегистрированное или нет, считалось семьёй³.

Повседневность разных слоёв населения также выступает предметом исследования учёных. В данной научной области можно выделить несколько направлений. Например, детскую повседневность и её изменение в социокультурном пространстве образовательной организации анализируют

¹ Тихонова А. Ю. Уникальность региональной культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении: а/р. дисс. д. культур. – Ульяновск, 2007, с. 7.

² Тимошина И. Н., Тихонова А. Ю. История культуры региона как фактологическая основа создания учебно-методического комплекса для образовательных учреждений. // Мир образования – образование в мире, 2014, № 1, с. 60.

³ См., напр.: Максимова Т. На кой чёрт регистрировать брак, если можно и так. // Родина, 2004, № 11, с. 83-87.

А. С. Ляшок, А. Ю. Рожков. При этом А. А. Ляшок говорит о многовариантности подтипов и уровней детской повседневности, которые ещё нуждаются в дополнительном, в том числе культурно-антропологическом, изучении¹. Л. Е. Леухина проводит анализ гендерной повседневности. Н. Н. Володина, Т. Г. Чебоксарова обращаются к производственной повседневности рабочих, технической интеллигентности. В. А. Артёмов, Д. В. Давыдов, О. В. Новохацкая и др. проводят исследования повседневной жизни сельского населения разных регионов. Актуальность сравнительного анализа городской и сельской повседневности подтверждается ростом численности городского населения в нашей стране за счёт мигрантов и сельских жителей. Проследить изменение традиций повседневной жизни людей при смене места жительства, безусловно, важно для улучшения в том числе и социальной работы с населением.

Интересным, на наш взгляд, представляется изучение проявлений феномена повседневности в разных видах искусства и культуры. Так, Г. П. Сидорова занимается изучением проявлений повседневности в массовом искусстве; Ю. Е. Арнаутова, М. И. Козьякова, В. Д. Леленко – в европейской культуре; Г. Ф. Тажитдинова – в этнокультуре; О. В. Сергеева – в медиакультуре, Н. В. Чаус – в советском плакате; Н. А. Огаркова – в музыке; И. А. Манкевич, О. В. Пустовойтова – в литературе и т. д.

Разнообразие культурологических исследований подчёркивает значимость взаимодействия данных явлений и необходимость использования произведений различных видов искусства при изучении повседневности. Например, И. А. Манкевич раскрывает богатейший «культурологический потенциал классического наследия, русской литературной культуры как “хранителя” и “распространителя” моделей повседневного поведения и “жизнестроения”, остающегося на сегодняшний день недостаточно востребованным и мало исследованным»².

Пилотный анализ научных работ, посвящённых теме повседневности, позволяет констатировать, что данная тема привлекает учёных разных областей знаний, в каждой из которых есть обширное поле недостаточно изученных проблем. На наш взгляд, необходимо больше внимания уделять осмыслению культуры повседневности. Уникальность культуры отдельных территорий, конкретных групп населения, выдающихся личностей (и не только выдающихся) нуждаются в исследовании в проблемном поле повседневности. Именно изучение повседневности позволяет внимательнее относиться к деталям,

¹ Ляшок А. С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы: а/р. дисс. к. культур. – Краснодар, 2013, с. 8.

² Манкевич И. А. Репрезентация повседневности в текстах русской культуры: информационно-коммуникационный аспект: а/р. дисс. д. культур. – СПб., 2011, с. 9.

фактам, фрагментам, датам, событиям, людям и т. п., точнее воспроизвести их историю. Например, **за годы Гражданской войны изменились и сам характер труда, и характер материального вознаграждения за профессиональную деятельность.** В условиях хозяйственной разрухи и экономического кризиса полноценная трудовая деятельность стала практически невозможной, она носила эпизодический характер. Разрушались привычный трудовой ритм и прежняя система организации труда. Нормальную трудовую деятельность заменила система чрезвычайных мер. Чрезвычайность, авральность, штурмовщина стали обычными спутниками производственной деятельности. Сам труд в таких условиях утратил экономическую притягательность и превратился в некое подобие трудовой повинности, которую было необходимо выполнять под надзором государственных органов. Это обстоятельство вело к снижению качества производственного и крестьянского труда, его производительность и эффективность за годы Гражданской войны резко снизились¹.

Темы должны изучаться на конкретном региональном материале и стать составляющей такого направления, как культурная повседневность провинции. Среди актуальных тем для дальнейших исследований можно предложить следующие:

повседневность национальных культур во взаимосвязи/взаимозависимости/взаимовлиянии её отдельных компонентов (обряды, костюмы, фольклор, ремёсла и т. п.);

повседневные традиции конфессий и религий (проблемы сохранения/возрождения религиозных обрядов в современной социокультурной среде);

повседневная жизнь субъектов государства на протяжении истории их существования (постоянство традиций, местные условия успешности изменения/приспособления к политическим реалиям и социальным преобразованиям, взаимодействие повседневных традиций разных групп населения);

повседневное бытие личности (в жизни каждого человека отражаются события общества, государства, личностное восприятие, отражённое в высказываниях, дневниках, мемуарах, что помогает глубже понять и верно оценить происходящее в прошлом и в настоящем);

публичность повседневности (социальные сети, доступность интернета как условие и проблема расширения границ открытости жизненного мира повседневности);

изучение новых механизмов, методик и технологий анализа проявлений повседневности (например, Е. В. Николаева предлагает использовать фрактальные паттерны и архетипические конструкторы для изучения традиций в российской культуре повседневности²).

¹ Семёнов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны: 1917 – 1920 гг.: а/р. дисс. д. и. н. – М., 2005, с. 4.

² Николаева Е. В. Традиция в российской культуре повседневности: фрактальные паттерны и архетипические конструкторы. – М.: ГИТР, 2015, 205 с.

ГЛАВА 8. НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Революционное наследство – это не только кризис, это определённая модель поступков. Россия ориентировалась в политических шагах на опыт французской революции, а в экономическом развитии – на опыт Великобритании и Германии. Революционное мышление и искусства «догоняющего развития» сыграли с обществом злую шутку – появилось устойчивое убеждение в том, что если навалиться всем миром, если не откладывать в долгий ящик и учиться по ходу процесса, то всё получится. Сторонники революционного пути считали, что ради благой цели, светлого будущего, хороши все средства, включая и насилие (с неизбежными разрушениями и многочисленными жертвами). При этом всё, что стоит на пути прогресса, должно быть немедленно отброшено и уничтожено (короли и президенты, феодалы и буржуа, религия и традиции), а действовать ради воплощения идеалов нужно быстро и беспощадно. Революция понималась как дискретное во времени (обычно короткое) тотальное изменение всех сторон жизнедеятельности, необходимый и коренной перелом в характере социальных отношений. Эти интенции и постулаты стали составной частью не только политической системы, но и экономической. То, как революционный заряд влиял и влияет на развитие советской и даже постсоветской экономики, рассматривается в главе «Наследие революционной модели».

Ульяновский округ в Суднях великих строек.

Первый пятилетний план: международное и региональное измерение

Татьяна Качкина (Россия)¹

Синергетическая концептуальная составляющая в подходе к анализу общественных явлений предполагает учёт не только и не столько действия механизмов самоорганизации, сколько сознательной организующей деятельности человека. От осознания проблемы, понимания возможных способов её решения, знания механизмов и закономерностей развития общества, от конкретных действий ответственных личностей зависит в конечном счёте построение сбалансированных гармоничных отношений в социуме.

¹ Качкина Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Центра истории и культуры региона «ЦСИ Ульяновской области».

Механизмы самоорганизации находят реальное воплощение в моделях регулирования экономических и социальных отношений. В свою очередь, модель регулирования представляет собой систему взаимоотношений государства, гражданского общества, институтов и акторов частной собственности (если вести речь о рыночных формах). Одним из самых важных вопросов при выработке основ данной модели является вопрос о соотношении рынка, свободной конкуренции, интересов частных собственников с одной стороны и интересов общества и социальной политики государства – с другой.

Конец XX – начало XXI вв., да, собственно, и весь XX век прошёл под знаком вопроса: больше или меньше государства? Какую роль должно играть государство в качестве регулятора экономических и социальных отношений? Ограничивается ли она концептом «малого государства», «ночного сторожа»?

Самый краткий исторический обзор позволяет выделить в развитии взаимоотношений государства, частного сектора и общества в условиях рыночной экономики два этапа. Первый можно обозначить как стихийный. Он характерен для эпохи первоначального накопления капитала и для этапа классического капитализма, критически описанного К. Марксом. Здесь мы видим предельно ограниченную роль государства в регулировании экономики и социальной жизни (так называемое «малое государство»). Частное предпринимательство развивается по принципу «твёрдого индивидуализма» и претендует на исключительную защиту со стороны государства. Потребности общества отходят на второй план перед отдельными частными интересами. Собственно, в чистом виде полной свободы предпринимательства нет, но доминирует именно эта тенденция. Последствиями анархии производства становятся экономические кризисы, волны которых всё больше увеличивают амплитуду. Конфликтные взаимоотношения частного капитала и общества, отсутствие системного регулирования социальных отношений приводят к социальным взрывам. Под влиянием рабочих выступлений в ряде европейских стран начинает активно формироваться рабочее законодательство.

Что касается экономической стороны, то здесь можно отметить некоторое отставание. Государство пытается применять антимонопольные (антитрестовские в США) законы и усиливает своё присутствие в качестве регулятора экономики, особенно в период Первой мировой войны. Но после окончания войны наблюдается бегство государства из экономики. Скорее, даже можно говорить о выталкивании его частным бизнесом. Рычаги воздействия на экономику задействуют всё реже. Частный принцип «что хочу – то и ворочу» вновь становится ведущим.

Советское государство в силу специфики, прежде всего, политического развития и индоктринации почти с самого начала возникновения обратилось к экономической стороне вопроса. Приступив к строительству социали-

стического общества, большевистская партия тем самым провозгласила начало невиданного и крупнейшего в мировой истории социального эксперимента.

Социализм можно рассматривать в нескольких измерениях. Как вековая мечта человечества о справедливом мироустройстве без эксплуатации и неравенства социализм уже воплотился в разнообразных утопиях и даже практиках Средневековья и раннего Нового времени. К. Маркс попытался дать научное обоснование способам построения и форме существования нового общества. Однако, в отличие от объёмного «Капитала», содержащего глубокую критику *существовавшего* общества, проект *нового* общества воплощён в кратком и тезисном «Манифесте коммунистической партии», рисуящем весьма абстрактные контуры будущего.

В большевистской России пошли дальше умозрительных конструкторов. В 1917 г. начинается величайший в мировой истории социальный эксперимент. Это не высокие слова и не избитая фраза. Это реальная оценка первой в мировой практике попытки в масштабах государства создания общества на новых основах. Примеров не было, учиться было не у кого. Апробировали на себе, через страшные ошибки, потери, боль и страдания народа, но было и грандиозное социальное проектирование, и величайшие достижения. Наличие громких эпитетов здесь вполне уместно и созвучно масштабам преобразований.

Большевики по-своему ответили на вопрос «больше или меньше государства»: абсолютная, ничем не сдерживаемая, воздействующая на всё общество мощь государства-монстра, левиафана, действующего по формуле, выраженной своего рода парафразом В. В. Маяковского: «Мы сделаем вам красиво», не важно, хотите вы этого или нет.

Важнейшим способом инсталляции социализма в СССР стало планирование. Новая жёсткая плановая форма организации экономической жизни вытесняла нэповскую экспериментальную попытку сочетания элементов государственного регулирования и частной инициативы, основанную на многообразии форм собственности.

Переход к комплексному плановому развитию экономики оказал влияние на другие страны, заставил их во многом пересмотреть существующую модель развития. Мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг. побудил многих крайне внимательно изучать опыт советского планирования и кооперации.

Масштабные преобразования в такой стране, как СССР, не могли не оказать влияния на развитие международных отношений в целом и международных хозяйственных связей в частности. Вообще, сам факт реальности нового государства – Советского Союза – потребовал пересмотреть все основы существовавшей геополитической системы. Большевистское государство никуда не делось, сохранилось и укрепилось в огне Гражданской войны. Оно восстанавливало экономический потенциал и готовилось к индустриальному скачку. Перед ведущими государствами мира встало много вопросов:

- Куда движется СССР в политическом плане и как соотносятся понятия «социализм» и «диктатура пролетариата»?
- Реальны ли задания пятилетки и как использовать новые экономические возможности советского рынка в условиях планового развития?
- Может ли расширение экономического сотрудничества с СССР повлиять на внутривнутриполитическое развитие ведущих стран мира?
- Как сочетать развитие выгодных торговых отношений с активными попытками СССР вмешиваться в дела колоний и доминионов, в решение рабочего вопроса в метрополиях (так называемая рука Москвы)?
- Как использовать условия рынка и при нарастающей социальной напряжённости в период кризиса советский опыт экономического планирования?

Интересно рассмотреть эволюцию отношения к советскому плановому эксперименту на примере Великобритании. Именно с этой страной у СССР был бурный роман в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Разрыв дипломатических отношений в 1927 г., затем активная предвыборная борьба в 1929 г., где главным спорным вопросом, позиция по которому обеспечила лейбористской партии победу на парламентских выборах, стал вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР. Победа лейбористов, однако, не завершила период ожесточённых дебатов в парламенте, теперь уже вокруг проблемы подписания англо-советского торгового соглашения и выделения экспортных кредитов СССР. Затем последовали подписание и потом разрыв торгового соглашения. И всё это время на страницах английской печати и в парламенте не утихали споры о пятилетке, её значении для развития британской промышленности, об экспорте британской продукции в СССР, о поставках советского леса и пшеницы в Англию, о советском нефтяном демпинге на мировых рынках, о планировании и кооперации, об использовании принудительного труда и о преследовании верующих в СССР, об антибританской пропаганде в доминионах.

Казалось бы, провинциальный Ульяновск и Ульяновский округ¹ были далеки от этих важных международных событий, но жизнь большой страны в условиях большевистской диктатуры (и вертикали) включала и подчиняла всё. И ульяновцы оказывались встроеными в контекст общенациональных и глобальных событий.

Первый пятилетний план был принят в апреле 1929 г. на XVI конференции ВКП(б) и утверждён в оптимальном варианте в мае того же года на V съезде советов. Целью пятилетки было провозглашено обеспечение на основе роста социалистического сектора и увеличения производительности труда победы социалистических элементов над капиталистическими во всём народном хо-

¹ С 28.07.1930 – Ульяновский район, но дальше речь пойдёт об округе, т. к. в основном описываются события 1929 г. – первого года первой пятилетки.

зйстве, создание передовой индустрии и кооперированного сельского хозяйства. Было объявлено, что реализация плана уже началась, а он сам вступил в действие с 1 октября 1928 г.

Уже отмечалось значительное влияние на положение СССР в мире и место в системе межгосударственных связей его первых шагов по пути индустриализации. Что касается Великобритании, то она была особо заинтересована в сближении с СССР. Владычица морей уже утратила мировое промышленное первенство, начала терять статус самого мощного морского государства, ослабли её финансовые позиции в мире, национально-освободительным движением расшатывалась Британская колониальная империя. Островное государство испытывало значительные трудности с рынками сбыта своей продукции. Влиятельный и трезвомыслящий председатель Imperial Chemical Industries А. Монд (лорд Мелчетт) констатировал на завтраке Имперской ассоциации промышленности в декабре 1928 г.: «Мастерская мира. Так когда-то называли Англию. Британский лев теперь об этом не мечтает. Выдвинут новый лозунг – “Британия – мастерская всей империи”. Но и здесь не всё благополучно, доминионы и колонии по мере своего экономического роста проявляют тенденцию к самостоятельности»¹.

В силу особенностей экономического развития, а именно большой зависимости от внешнего рынка для экспорта товаров, Британия была заинтересована в расширении круга торговых партнёров. В этом плане рынок Советского Союза открывал значительные возможности для сбыта английской продукции, подготовка к чему активно развернулась после установления дипломатических отношений между двумя государствами в феврале 1924 г. и после подписания торгового договора в августе того же года. Однако договор не был ратифицирован, а дипломатические отношения были разорваны в мае 1927 г. Результаты эти шагов оказались крайне неблагоприятными для Англии, что отчётливо проявилось в конце 1928 – начале 1929 гг. Её экономика уже находилась в состоянии кризиса. Страницы английских газет заполнялись сообщениями о сокращении производства в хлопчатобумажной, угольной и металлургической промышленности. Начало ощущать торможение британское машиностроение. Наблюдался застой в судостроении (63 % всех доков в 1928 г. оставалась незанятыми)². Резко сократился объём внешней торговли Великобритании, который составил в январе 1929 г. только 34,88 % от уровня 1927 г.³

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 4459, оп. 2, № 196, с. 212.

² ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, № 196, с. 170.

³ Financial Times, 15.01.1929.

Неблагополучной была и социальная обстановка. Росло количество безработных (1 136 343 чел. в апреле 1928 г. и 1 153 800 – в апреле 1929 г., среди горняков безработица составила 12 % от занятых¹) и бастующих. Поиски выхода из складывавшейся ситуации заставили часть представителей английских деловых и политических кругов проанализировать последствия дипломатического разрыва с СССР. Минусы были очевидны: советское золото, депонированное ранее в банках Великобритании, было переведено в банки некоторых других стран. Сократился объём англо-советской торговли.

Таблица 1.

Объём торговли в 1923-1928 гг.

Год	Объём англо-советской торговли (ф. ст.)
1923	4 484 000
1924	11 072 579
1925	19 257 000
1928	4 801 000

Сост. по: Daily Telegraph, 05.12.1929; Daily Herald, 25.04.1929.

Одновременно значительно увеличился объём торговли между СССР и Германией (с 4 млн ф. ст. в 1923 г. до 19 млн ф. ст. в 1928 г.), СССР и США (с 1,165 млн ф. ст. в 1923 г. до 14,9 млн. ф. ст. в 1928 г.)².

Ещё в июле 1928 г. советское правительство, принимая во внимание экономические проблемы Великобритании и стремясь развивать взаимовыгодные связи, уведомило ряд влиятельных лиц в Англии, в частности редактора *English Review* Э. Ремнанта, о том, что приветствовало бы поездку делегации английских бизнесменов в СССР. Ему был передан подготовленный Госпланом список предприятий, необходимых для экономического развития нашей страны в течение пяти лет. С начала 1929 г. деловые круги Англии стали всё более настойчиво говорить о необходимости возобновления прежде всего деловых контактов с советской стороной. Об этом свидетельствуют выступления в парламенте (особенно в «час вопросов» в палате общин) и в печати. Например, на заседании палаты общин консерватор Дж. Холл спросил у министра торговли: «Разве не соответствует действительности то, что нация готова торговать с Россией, если она может получить плату за свои товары?»³ Через несколько дней, 31 января 1929 г., Р. Гамильтон обратил внимание

¹ *New Leader*, 03.05.1929.

² *Daily Telegraph*, 05.12.1929.

³ P. D. House of Commons, v. 224, № 38, January 28th, 1929, col. 587.

членов парламента на кризисное состояние в рыбной промышленности, заявив, что её продукцию невозможно разместить из-за отсутствия русского рынка, и выразил мнение промышленников Ярмута, что правительство должно предпринять шаги для возобновления торговли с СССР¹. Он же, как председатель Брандфордской палаты коммерции, выступая на её ежегодной встрече, сказал: «Пришло время, когда должен поощряться не бойкот, а ускорение коммерческого проникновения в Россию»². Daily Telegraph указывала на необходимость для России значительного экспорта сельскохозяйственной техники, которую с успехом могла бы поставлять Англия³.

Противниками сближения с СССР выступали круги, связанные торговыми операциями с доминионами, собственники национализированных советской властью промышленных предприятий, держатели займов царского правительства, представители финансового мира и промышленники, представлявшие отрасли, в которых Советский Союз мог составить конкуренцию (например, деревообрабатывающая, ориентированная на финские и шведские фирмы).

Первым шагом к активизации сотрудничества стало подписание в Лондоне 5 января 1929 г. соглашения о создании синдиката британских фирм Russian Softwoods Distributed Limited по закупке всего объёма советского экспорта строевого леса на 1929 г. с целью установления новых цен на лес на мировых рынках⁴. Обладая богатейшими лесными запасами, Россия всегда была крупным экспортёром, а Англия – одним из главных потребителей русского леса. Так, в 1913 г. Россия поставила на мировой рынок 7597 млн тонн строевого леса, 45 % которого было отправлено в Великобританию. После Первой мировой войны экспорт древесины английским потребителям сократился и составил в 1921 – 1922 гг. всего 1 % от довоенного уровня. В то же время были увеличены закупки у Швеции и Финляндии. Последние, используя почти монопольное положение поставщиков, взвинтили цены с 29,95 крон за куб. метр в 1913 г. до 110,32 крон в 1920 г., то есть на 268 %⁵. Английские потребители, как отмечала пресса, признавали отличное качество советской древесины⁶, но всё-таки настаивали на некотором снижении и без того умеренных цен, что и было достигнуто по договорённости с советским правительством. Орган британских деловых кругов Financial Times расценивал соглашение как «крупнейшую и наиболее важную сделку в анналах лес-

¹ P. D. House of Commons, v. 224, № 41, January 31st, 1929, col. 1272.

² Times, 05.02.1929.

³ Daily Telegraph, 05.02.1929.

⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, № 400, с. 352.

⁵ Coates W.P. and Z.K. A History of Anglo-Soviet Relations... P. 362.

⁶ Daily Telegraph, 10.01.1929.

ной торговли Соединённого Королевства» и указывал, что «благодаря широкой ратификации, различные члены синдиката представляют почти всю Британию»¹.

Большой резонанс вызвало подписание в Лондоне в феврале 1929 г. торгового соглашения между компанией Anglo-American, представлявшей крупные нефтяные фирмы, действовавшие в Англии, и советской организацией по продаже нефти в Англии (Russian Oil Production) на три года. Соглашение было подписано без каких-либо условий по удовлетворению прав бывших собственников нефтяных участков. То есть окончилась борьба против советской нефти, которую на протяжении многих лет вёл глава нефтяного треста Royal Dutch Shell Г. Детердинг. До Октябрьской революции он вложил 20 млн долларов в бакинские промыслы, владел большими нефтяными участками в Грозном и Майкопе². Кампания, которую с мая 1927 г. вела Daily Telegraph, под лозунгом «Нет продаже русской нефти в Англии!» оказалась малоэффективной. Газета призывала все фирмы, использующие нефть, дать обещание не покупать её в СССР, но закупки нефти у СССР продолжали расти³. Заключение соглашения вызвало самые разнообразные отклики в английской печати. Орган банковских кругов Financial News писал, что они «не в восторге от соглашения, так как оно ведёт к ослаблению кредиторов России»⁴. Либеральная Daily News зафиксировала как положительный момент окончание нефтяной войны⁵, а Daily Express заявила, что «английское правительство находится в сложном положении: оно всё ещё отказывается признать СССР, но в то же время очень интересуется сделкой и её последствиями»⁶.

6 февраля 1929 г. в Лондоне в отеле «Савой» состоялась встреча представителей более 20 английских промышленных фирм, на которой было принято решение послать делегацию в Советский Союз. С целью подготовки визита был образован «Англо-русский комитет» во главе с Э. Ремнантом. Всего решение об отправке делегации поддержали 150 фирм, среди которых лучше всех оказались представлены лесоторгующие, машиностроительные, станкостроительные, паровозо- и судостроительные компании. Консервативная печать стремилась приуменьшить значение события и доказывала отсутствие связи между торговлей и политикой. Times постоянно замечала, что торговля – это чисто деловой вопрос⁷. Либеральная и лейбористская печать, напротив,

¹ Financial Times, 09.01.1929.

² Людвиг Д. Америка завоёвывает Британию. – М., 1930, с. 284.

³ Financial Times, S. 26.08.1929.

⁴ Financial News, 05.02.1929.

⁵ Daily News, 05.03.1929.

⁶ Daily Express, 17.02.1929.

⁷ Times, 13.02.1929; 30.03.1929.

в основном приветствовала намечавшуюся поездку деловых кругов. Evening Standard, например, писала: «Это решение является важнейшим событием со времени разрыва отношений. Влияние фирм, которые были представлены на собрании (в отеле «Савой» – Т. К.), трудно переоценить»¹.

Официальная Англия негативно отнеслась к идее делегации деловых кругов. Секретарь по делам морской торговли английского правительства Хэкинг в ноябре 1928 г. высказывался за исключение СССР из числа стран, на которые распространялась система правительственного поощрения экспорта из Англии. Он также выдвинул утверждение, что советская внешняя торговля обнаруживает «неуклонное падение». Не случайно именно ему в палате общин был задан вопрос: «Не доказывает ли поездка делегации, что английские торгово-промышленные круги имеют больше здравого смысла, чем английское правительство?» Хэкинг не ответил на этот вопрос, зато заявил, что его министерство не несёт ответственности за оказание поддержки делегации и официальный представитель в её состав включён не будет². Министр торговли Ф. Кенлиф-Листер, сохраняя министерскую солидарность, постоянно повторял, что отсутствие дипломатических отношений не влияет на развитие торговли³.

Реальные цифры, однако, свидетельствовали, что советские заказы, размещаемые в Англии, неуклонно сокращались. Так, если в 1925/1926 хозяйственном году советские хозорганы закупили в Англии товаров на 20 205 405 ф. ст., то в 1927/1928 г. – лишь на 5 816 406 ф. ст. Доля Англии в импорте товаров в СССР уменьшилась с 18,6 % в 1925/1926 г. до 5,5 % в 1927/1928 г. За этот же период доля Германии увеличилась с 25,3 % до 29,5 %⁴.

В 1928 г. Советский Союз занимал среди крупных промышленных держав последнее место по импорту английской продукции в расчёте на душу населения. На заседании палаты общин 3 декабря 1928 г. в ответ на настойчивые запросы о состоянии англо-советской торговли министр торговли привёл следующую статистику (См. Таблицу 2.).

Именно эти факты оказали решающее воздействие на позицию английских промышленников. 25 марта 1929 г. британская делегация отбыла в Советский Союз. 85 делегатов, входивших в её состав, представляли 150 промышленных фирм с общим капиталом более 300 млн ф. ст.⁵ Финансовые круги воздержались от участия в поездке, однако одобрили её цель⁶.

¹ Evening Standard, 07.02.1929.

² P. D. House of Commons, v. 225, № 48, February 11th, 1929, col. 22.

³ P. D. House of Commons, v. 224, № 41, January 31st, 1929, col. 1273.

⁴ Daily Herald, 07.06.1929.

⁵ Manchester Guardian, 26.03.1929.

⁶ Daily Telegraph, 07.03.1929.

Объём британского экспорта в основные страны в стоимостном выражении на душу населения в 1927/1928 г.

Страна	Британский экспорт	На душу населения		
		ф. ст.	шилл.	даймы*
Германия	43 540 700	0	13	7
Италия	13 468 700	0	6	8
Россия	3 943 200	0	0	6
США	46 191 100	0	7	9
Франция	23 791 200	0	11	7

* Дайм равняется 10 центам.

Составлено по: *P. D. House of Commons, v. 223, № 20, December 3rd, 1928, col. 853.*

Делегацию интересовали главным образом максимально возможный вывоз в СССР английского промышленного и сельскохозяйственного оборудования и другие возможные формы участия английского капитала в индустриальном и аграрном строительстве в Советском Союзе. Она посетила текстильные тресты и предприятия Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, завод «Электросталь», акционерное общество «Сельхозимпорт», предприятия Ленинграда, Харькова и др.

Делегаты убедились в том, что существует реальная основа для роста товарооборота между Англией и СССР. Д. Гамильтон, представлявший шерстяную промышленность Йоркшира, в заявлении прессе сказал, что «осмелится выразить взгляды всей делегации, признав факт, что экономическая ситуация в СССР более стабильна, чем думают в Англии», и что «по возвращении в Англию делегаты будут добиваться включения банков в финансирование британской торговли с СССР»¹.

Делегатам сообщили, что их визит совпал с началом обсуждения Совнаркомом пятилетнего плана развития народного хозяйства; что программа капитального строительства на пятилетие была намечена в двух вариантах: минимальном и оптимальном, базировавшемся в том числе и на расширении связей с мировым хозяйством; что пятилетний план точно указывает источники покрытия всех необходимых расходов; что СССР без труда сможет разместить в Англии заказы на сумму 150 – 200 млн ф. ст. Однако советское правительство было готово заключить торговое соглашение и разместить заказы английской промышленности при соблюдении двух условий: восстановления дипломатических отношений и предоставления СССР долгосроч-

¹ Manchester Guardian, 08.04.1929.

ных экспортных кредитов. По возвращении в Англию участники делегации развернули агитацию за удовлетворение выдвинутых советским правительством условий.

На заседании Манчестерской ассоциации экспортёров и импортёров с предупреждением выступил член делегации Берлейн: «**Советский рынок представляет огромные возможности**, им интересуются другие конкуренты. Следовательно, нам надо торопиться»¹.

Представителей английской промышленности волновало, что в условиях ухудшавшейся экономической конъюнктуры на рынках Советского Союза преобладали германские и американские товары. Резонанс вызвали сообщения о строительстве Генри Фордом автомобильного гиганта в Нижнем Новгороде, об интенсификации операций американских фирм и о наплыве в СССР бизнесменов из США², о предоставлении германскими банками крупных долгосрочных кредитов для развития торговли с Советским Союзом³. Влияние на английских промышленников оказали и непосредственные практические результаты визита в СССР. Фирме Mather & Platt, например, уже в Москве удалось получить заказ на оборудование для текстильной промышленности на сумму 350 тыс. ф. ст.⁴ Столь явные и благоприятные перспективы заставили заявить о своей поддержке выдвинутых Советским Союзом условий и финансовые круги. Midland Bank согласился открыть кредит для англо-советской торговли на 5 млн ф. ст.⁵

Лорд Мелчетт подошёл к вопросу с другой стороны. По поручению английских монополистов он подписал доклад о состоянии безработицы в стране, в котором говорилось: «Вопрос торговли с Россией признан как вопрос первостепенной важности, и все согласны, что расширение торговли с ней будет иметь благоприятное воздействие на уменьшение безработицы в Англии»⁶. Таким образом, принятие первого пятилетнего плана в СССР непосредственно повлияло на признание деловыми кругами Англии важности развития торговых отношений с Советским Союзом и необходимости восстановления дипломатических отношений с ним.

В ходе парламентских выборов в мае 1929 г. именно вопрос англо-советских отношений стал главным альтернативным пунктом, выдвинутым в программах ведущих политических партий. Консервативная партия выступила противником восстановления дипломатических отношений и вообще како-

¹ Правда, 06.04.1929; 17.04.1929.

² См.: Daily Telegraph, 05.01.1929; Times, 19.01.1929.

³ Daily Herald, 19.02.1929.

⁴ Manchester Guardian, 01.04.1929.

⁵ Manchester Guardian, 01.04.1929.

⁶ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, № 499, с. 252.

го-либо сближения с СССР. Её лидеры в предвыборной агитации доказывали, что победа лейбористов приведёт Англию к большевизму. Их усилия были направлены на то, чтобы возложить на Советский Союз ответственность за волнения в колониях и уверить англичан в невыгодности и даже опасности экономического сотрудничества с СССР. Daily Telegraph, например, опубликовала статью консерватора Хикса, который, цитируя «Правду», заявил, что СССР и Коминтерн виновны в волнениях в Индии, что «советское вмешательство во внутренние дела других государств – единственная реальная угроза всеобщему миру»¹. Корреспондент консервативной Daily Mail сообщил из Басры, что туда прибыл пароход «Коммунист», который среди прочего груза везёт серебряные рупии на сумму более 48 тыс. ф. ст. Этот груз, по утверждению автора, был предназначен для того, чтобы возобновить волнения в нефтяных районах Ирака. В передовой статье этого же номера Daily Mail советовала читателям «чрезвычайно внимательно следить за оживлением революционного движения в Индии и Египте», так как «индийские революционеры, субсидируемые Москвой и поддерживаемые некоторыми английскими социалистами, делают всё, чтобы расшатать английскую власть в Индии». «Бойтесь прихода социалистов к власти! Террористическое движение в Индии стало возможным благодаря работе советских инструкторов и денежным пособиям из СССР», – утверждала газета². (Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности. Пароход «Коммунист» действительно был в тот период приписан к Черноморскому пароходству. Но о работе Коминтерна в Индии, Афганистане и Иране (Персии) рассказал чекист-перебежчик Г. С. Агабеков. В качестве резидента ОГПУ в Персии он получил задание «подготовить на случай конфликта с Англией возможность восстания на индийской границе. Подготовка должна заключаться в подкупе вождей племён, расположенных у индийской границы, и устройстве тайных складов оружия, которым можно было бы в нужный момент вооружить племена и двинуть на Индию»³.)

Премьер-министр С. Болдуин в речи в своём избирательном округе коснулся проблемы отношений с СССР, однако не называя его: «На мой взгляд, помещение английского капитала в английские предприятия, вероятно, окажется более плодотворным делом для страны, чем спекулятивные займы и гарантии кредитов, предоставляемые иностранному государству, которое растратило свои собственные средства в тщетной войне против капитализма и которое до сих пор не проявляло по отношению к нам ни дружеского рас-

¹ Daily Telegraph, 22.04.1929.

² Daily Mail, 20.05.1929.

³ См.: Агабеков Г. С. ГПУ: записки чекиста. – Берлин, 1930, с. 110.

положения, ни готовности признать прежние обязательства»¹. В прессе и в парламенте консерваторами была развёрнута кампания против «советской пропаганды». Вновь подняли вопрос о долгах царского правительства и компенсации за национализированную британскую собственность.

Лейбористская партия в период предвыборной кампании, напротив, активно выступала за нормализацию отношений с СССР, но её лидеры стремились обосновать это главным образом интересами английской торговли. Лидер партии Макдональд, выступая в Саутгемптоне, сказал: «Если бы я был человеком, склонным биться об заклад, то я при открытии предвыборной кампании был бы готов держать пари, что ещё до 30 мая консерваторы увидят, что для приобретения голосов тех избирателей, которые заинтересованы в английской торговле, они должны возобновить отношения с СССР»². Одновременно Макдональд заявлял: «Нам обоим (Daily Mail и Макдональду – Т. К.) противны методы коммунистов и революция»³.

На всеобщих парламентских выборах 30 мая 1929 г. победу одержала лейбористская партия, получив 288 мест в парламенте по сравнению со 162 в 1924 г. Консерваторы получили только 260 мест, потеряв 141 место по сравнению с предыдущими выборами. Либералы – 59 мест вместо 46 в 1924 г. Наибольшее количество голосов было завоёвано лейбористами в индустриальных районах⁴.

После выборов борьба по вопросу о возобновлении дипломатических отношений с СССР разгорелась в Англии с новой силой. Лишь 17 июня английское правительство отправило Советскому Союзу ноту о готовности приступить к переговорам. Новый министр иностранных дел А. Хендерсон в интервью сказал: «Политика рабочей партии в данном вопросе хорошо известна. Какое бы то ни было недовольство существующим в России политическим строем не должно влиять на наше решение обеспечить наиболее дружественные взаимоотношения»⁵. Но в ходе переговоров от имени английского правительства А. Хендерсон настойчиво добивался от Советского Союза принять два условия: положить конец субсидированию советским правительством враждебной пропаганды в Англии и признать царские долги. Сближение позиций лейбористов и консерваторов было зафиксировано в парламенте. О. Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что пока не прекратится враждебная пропаганда, дипломатические отношения не могут быть восстановлены. Ему вторил А. Хендерсон: «Мы не потерпим пропаганды, которая

¹ Daily Telegraph, 21.05.1929.

² Manchester Guardian, 13.05.1929.

³ Daily Mail, 13.05.1929.

⁴ Economist, 08.06.1929, p. 1276.

⁵ Daily Herald, 10.06.1929.

вмешивается во внутренние дела Англии и какой-либо части Британской империи». Но Чемберлен обвинял Хендерсона и лейбористскую партию в том, что «Ш Интернационал является органом советского правительства, с которым вы предлагаете начать переговоры», на что Хендерсон оправдывался: «Мы не находимся в связи с Ш Интернационалом, следовательно, нам не должно быть предъявлено что-либо из напечатанного в “Правде”». Консерватор Киндерсли твердил: «Мы должны сторговаться с ним (с СССР –Т. К.) по вопросу о пропаганде и долгах». Поправку к тронной речи насчёт долгов и пропаганды внесли лидеры правых консерваторов Лэмпсон и Хэнбери. Член парламента Велер выступил против использования принудительного труда в СССР и заявил, что с такой страной торговать нельзя¹.

К началу августа 1929 г. переговоры зашли в тупик. Всё это время английские деловые круги активно выступали за выполнение лейбористами предвыборных обещаний относительно Советского Союза. На встрече ведущих британских промышленников в июне 1929 г. были высказаны пожелания скорейшего восстановления торговых и дипломатических отношений². Тогда же был опубликован меморандум влиятельной группы бизнесменов. Они выступили за развитие торговых контактов с Россией, которые должны были принести, по их мнению, наряду с немалыми экономическими выгодами уменьшение безработицы³. В июле сто британских фирм направили премьер-министру требование, в котором говорилось о необходимости развития англо-советской торговли⁴. Важно, что ещё в период переговоров было заключено несколько крупных сделок. Например, Центросоюз разместил в Англии заказы на 100 тыс. ф. ст.⁵

В июле 1929 г. в Москву прибыла делегация представителей британской лесной промышленности для того, чтобы обсудить возможность расширения англо-русской торговли лесом. Было высказано мнение, что в ближайшем будущем Советский Союз сможет удовлетворить все потребности Британии в этом ценном сырье⁶. «В последнее время всё более широкие круги британского общественного мнения проникаются сознанием необходимости расширения экспорта», – отмечала *British Russian Gazette*⁷.

¹ P. D. House of Commons, v. 229, № 6, July 4th, 1929, col. 374-375; v. 229, № 7, July 5th, 1929, col. 389, 409, 420; v. 230, № 13, July 15th, 1929, col.17.

² Daily Herald, 04.06.1929.

³ Manchester Guardian, 15.06.1929.

⁴ Observer, 14.07.1929.

⁵ Manchester Guardian, 05.08.1929.

⁶ Manchester Guardian, 23.06.1929.

⁷ British Russian Gazette, v. V, № 9, 1929, p. 131.

Деловые круги настойчиво отстаивали мнение, что было бы непростительной глупостью отказываться от торговли с Россией из-за её политического строя¹, и начали проводить мысль, что запутывать вопрос о восстановлении дипломатических отношений условиями любого рода не стоит, ведь Россия может выдвинуть свои контрусловия, напомнив об английской интервенции на её территории².

3 октября 1929 г. наконец был подписан советско-английский протокол о восстановлении дипломатических отношений. 5 ноября 1928 г. в палате общин состоялось голосование по протоколу: 324 члена палаты (из них 3 консерватора) высказались за, 199 – против³. Влиятельные английские издания отмечали, что голосование так же широко отразило мнение в стране, как мнение в палате общин⁴. Однако невыполнение Советским Союзом плановых заданий на 1928/1929 хозяйственный год могло коренным образом изменить позицию английской общественности в вопросе взаимоотношений с СССР.

Интерес к происходящему в Советском Союзе в Англии был огромный, что объяснялось в немалой степени масштабностью решаемых в СССР задач. Любая информация впитывалась с жадностью, и очень трудно было отличить правду от лжи. В прессе и в парламенте активно продолжалась кампания о советской пропаганде в Англии, о «руке Москвы» – III Интернационале, который вмешивается во внутренние дела империи и её доминионов. Так, Daily Telegraph сообщала в июне 1929 г., что «волнения, которые подрывают интересы Британии в Индии, Китае и Египте, намеренно поощряются коммунистическими агитаторами, получающими поддержку из Москвы»⁵. Рижский корреспондент докладывал Times, что советские организации собирают деньги для бастующих английских шахтёров и что эти средства будут направлены на свержение законного правительства Англии⁶. Либеральная Manchester Guardian заявляла, что «русское правительство и III Интернационал – два звена одной цепи – русской коммунистической партии»⁷. Лейбористский Daily Herald констатировал: «В Англии всё ещё есть уверенность, что советское правительство строит заговоры против нашей страны, и постоянно чувствуется отношение к России как к английскому врагу»⁸. Консерватор Хикс опубликовал в прессе заявление, что «Россия способствует распространению

¹ P. D. House of Commons, v. 229, № 7, July 5th, 1929, col. 443.

² Manchester Guardian, 30.07.1929.

³ P. D. House of Commons, v. 231, November 5th, 1929, col. 994.

⁴ Economist, 09.11.1929, p. 860.

⁵ Daily Telegraph, 12.06.1929.

⁶ Times, 26.04.1929.

⁷ Manchester Guardian, 18.06.1929.

⁸ Daily Herald, 06.11.1929; 09.11.1929.

враждебности к Британии во всех частях света»¹. Цензурой была запрещена демонстрация фильмов «Конец Санкт-Петербурга», «Буря над Азией» Пудовкина и «Броненосец “Потёмкин”» Эйзенштейна. По поводу всё-таки показанного кинообществом «Конца Санкт-Петербурга» подняли вопрос в парламенте. Министру внутренних дел был задан вопрос, знает ли он, что эта советская картина «была показана с пропагандистскими целями и на экране появились слова “Вся власть советам!”»? «Злостная антибританская пропаганда» – такова оценка этого факта рядом выступавших². Фразы «советская пропаганда», «III интернационал – рука Москвы», «вмешательство СССР во внутренние дела империи и доминионов» можно было встретить в рассматриваемый период почти в каждом выпуске английских периодических изданий. В феврале 1930 г. А. Хендерсон констатировал в парламенте: «С 29 октября я уже ответил на 101 вопрос, касающийся Советского Союза, из них 42 относились к пропаганде»³.

Одновременно велись дискуссии относительно характера политического режима в СССР. В письмах в редакцию Times политик, писатель и общественный деятель А. Понсонби доказывал, что «советская система правления является не социализмом, а диктатурой пролетариата, при которой социалисты подвергаются гонениям»⁴. В ответах редакции утверждалось, что социализм и диктатура пролетариата – одно и то же, что социализму всегда присущи диктаторские методы правления. Нестабильность политического режима в СССР должны были подтвердить поступавшие в британскую прессу сведения об усилении классовой борьбы в советском обществе (как в городе, так и в деревне). Газеты консервативного направления писали о «появлении в СССР новых классовых различий, основанных не на экономическом, а на политическом принципе»⁵, о конфликтах в промышленности между рабочими и профсоюзами⁶, о недовольстве среди крестьян политикой коллективизации⁷. Кулаков называли процветающими (well-to-do) крестьянами и писали о сошедших по отношению к ним несправедливостях.

Значительное внимание в прессе в 1929 г. уделялось аспектам, связанным с пятилетним планом. Публиковалось много материалов об экономической несостоятельности СССР, неспособности его к интенсивному индустриальному развитию, о снижении жизненного уровня народа в первый год выполнения

¹ Daily Telegraph, 23.04.1929.

² P. D. House of Commons, v. 229, № 6, July 4th, 1929, col. 373-375.

³ P. D. House of Commons, v. 234, № 7, February 3rd, 1930, col. 1477.

⁴ Times, 19.01.1929.

⁵ Daily Telegraph, 25.01.1929.

⁶ Times, 14. 01.1929

⁷ Times, 14. 01.1929.

пятилетних заданий, об «экономическом коллапсе и безнадёжных политических неудачах СССР», о том, что «нынешние советские руководители загнали в тупик финансы и провалили план индустриализации», об «авантюрных начинаниях», «амбициозных планах и несоответствии их возможностям». Консервативная пресса акцентировал внимание на «ненаучности пятилетнего плана»¹. Рижский корреспондент Times сообщал об опасности инфляции в СССР, а ежегодное финансовое и коммерческое обозрение Times указывало на необычайно тяжёлое положение в сельском хозяйстве Советского Союза, «постоянное увеличение стоимости жизни, падение жизненного уровня советского народа, продуктовый кризис в СССР»². Подобного рода агитация оказывала влияние на деловые круги Англии, особенно на английских банкиров, так как сеяла сомнения в платёжеспособности советского государства, а это было прямо связано с вопросом кредитования советского экспорта.

Итоги 1928/1929 хозяйственного года в СССР были подведены на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. В резолюциях пленума зафиксировано, что план первого года пятилетки в основном выполнен с превышением заданий пятилетнего плана по ряду важнейших отраслей народного хозяйства. Английская же печать давала самые противоречивые сведения и концентрировала внимание на негативных сторонах советской действительности: снижении жизненного уровня, религиозных преследованиях, вмешательстве Москвы в дела Индии и попытках подрвать британское могущество там. Daily Mail сообщала, что «Москва готова начать новую пропагандистскую кампанию по разжиганию классово войн в Европе, в которой особое внимание будет уделено британским доминионам»³. Times писала о сложном положении на зерновом фронте в СССР и в снабжении продовольственными товарами⁴. Daily news иронизировала по поводу возможности выполнения пятилетнего плана за четыре года и особый акцент делала на речи Ворошилова об укреплении вооружённых сил по мере реализации заданий плана пяти лет, проводя мысль об усилении военной угрозы со стороны СССР. Далее она писала: «Амбициозной конечной целью нынешнего периода, так называемого пятилетнего плана, является отказ от импорта, кроме сырья и техники, которые нельзя добыть или произвести в Советской России»⁵. Это высказывание было прямо обращено к деловым кругам и являлось предупреждением против расширения торговых связей с СССР как бесперспективных. А орган деловых кругов Financial Times в ноябре 1929 г. напечатал статью под заголовком «Гибельное влияние государственного контроля. Реконструкция в теории. Промышлен-

¹ Daily Telegraph, 21.02.1929; 24.01.1929; 16.01.1929.

² Times, 02.04.1929; 05.02.1929; 21.02.1929; 27.02.1929.

³ Daily Mail, 17.10.1929.

⁴ Times, 10.10.1929.

⁵ Daily News, 02.10.1929; 17.10.1929.

ная реорганизация – гигантский блеф»¹. Тесно связанные с ним *Financial news* утверждали, что «все советские экономисты убеждены в невозможности выполнить план» и «такие попытки не только были бы пустой тратой времени, но окончились бы полным фиаско»². Весьма неопределённую позицию в оценке итогов первого года пятилетки занял рупор деловых кругов *Economist*, на страницах которого в конце 1929 – начале 1930 гг. появилась серия статей под общим названием «Реконструкция в России». *Economist* заострял внимание на проблемах, стоявших перед экономикой СССР (подготовка квалифицированных кадров, повышение производительности труда, улучшение качества продукции, повышение покупательной способности населения, финансовые проблемы, электрификация и механизация производства). Не отрицая реальных достижений, еженедельник тем не менее делал вывод, что «если говорить о том, чтобы догнать капиталистические страны, то результаты первого года пятилетки разочаровывающие»³.

Существовали и иные оценки экономических результатов 1928/1929 г. «Это похоже на программу на бумаге, однако пока что она выполняется с превышением», – констатировала *Daily Express*⁴. Влиятельный либеральный еженедельник *Observer* писал в августе 1929 г.: «Насколько можно судить в настоящее время, прогнозируемое увеличение выпуска промышленной продукции в течение нынешнего года – первого года пятилетки – будет реализовано» и называл 1929 год «годом великих перемен». «Советский Союз проходит сейчас через наиболее интересную и важную стадию своего развития. Компромиссы с капитализмом, которыми характеризовались первые годы нэпа, отброшены в сторону», – делал вывод *Observer*⁵. Лейбористская *Daily Herald* называла пятилетний план «евангелием сегодняшнего дня» в СССР и утверждала, что контрольные цифры на 1929/1930 г. вполне выполнимы и доказывают реальность лозунга «Пятилетку – в четыре года!» (первое упоминание этого лозунга в британской прессе)⁶. Видный экономист, лектор Кембриджского университета, автор многих книг по экономике России консерватор М. Добб ещё в мае 1929 г. на страницах *Manchester Guardian* доказывал, оперируя цифрами, что план вполне выполним даже в случае отсутствия иностранных кредитов⁷, а декабре 1929 г. в *British Russian Gazette* появилась его статья с аналогичным мнением. Находясь в это время в Москве, Добб писал

¹ *Financial Times*, 06.11.1929.

² *Financial News*, 09.09.1929.

³ *Economist*, 02.11.1929, № 4, p. 806-807.

⁴ *Daily Express*, 02.12.1929.

⁵ *Observer*, 10.08.1929; 29.12.1929.

⁶ *Daily Herald*, 20.09.1929; 23.10.1929.

⁷ *Manchester Guardian*, 31.05.1929.

оттуда: «Выполнение заданий первого года пятилетки в каждой отрасли промышленности удивительно близко к запланированному». Член английской делегации деловых кругов в СССР Дж. МанDEVИЛЛ (после возвращения делегатов он задержался в Советском Союзе ещё на восемь недель, подробно изучая условия развития советской экономики и перспективы расширения торговых связей для британской промышленности) задавал вопрос на страницах печати: «Не является ли марксизм фантастической мечтой?» – и отвечал на него: «Нет, если он поднял людей на такой великий социальный эксперимент, стоящий лишений и настолько важный, что люди готовы умереть за него»¹.

Интерес к результатам и перспективам выполнения плановых заданий породил у британских бизнесменов интерес к организации труда в СССР. *Economist* и *Observer* писали об эксперименте, способствующем повышению производительности труда, о социалистическом соревновании и движении ударных бригад, подчёркивая большой трудовой энтузиазм советских рабочих².

В ходе парламентских прений по вопросу о восстановлении дипломатических отношений с СССР в ноябре 1929 г. правый лейборист Н. Бейкер заявил, обращаясь к интересам британской торговли: **«Пока мы не присутствуем на русском рынке, Россия учится покупать германские и американские товары.** Есть другой чрезвычайно важный фактор в настоящее время, который склонны забывать, это так называемый пятилетний план. Я хотел бы сказать, что московское правительство фактически опережает свою программу выполнения этого плана и, если мы упустим возможность в настоящий момент, мы можем потерять также возможность принять участие в выполнении плана, вполне доступную при условии восстановления дипломатических отношений с СССР»³.

Отдельные фирмы после опубликования итогов выполнения плана первого года пятилетки послали своих представителей в СССР для скорейшего заключения контрактов. Так поступила брадфордская текстильная фирма *Smith & Balmer*⁴. О заказах стоимостью до 40 тыс. ф. ст. для строящегося завода по переработке сахарной свёклы на Украине договорилась через АРКОС (советская хозяйственная организация в Великобритании – *All Russian Cooperative Society Limited*) фирма *Methes Gibbons Bros*. Восемь специалистов с её предприятий были посланы оказать помощь в монтаже оборудования. Газеты сообщали, что фирма ожидает новых заказов⁵. Переговоры с английскими фирмами о поставках оборудования для текстильной промышленности, которые вёл в Москве Русский текстильный синдикат, закончились подписанием кон-

¹ *British Russian Gazette*, v. VI, № 3, December, 1929, p. 53, 55.

² *Economist*, 02.11.1929; *Observer*, 29.12.1929.

³ P. D. House of Commons, v. 231, № 28, November 5th, 1929, col. 921-922.

⁴ *Daily Express*, 16.09.1929.

⁵ *Daily Telegraph*, 05.11.1929.

тракта на 180 тыс. ф. ст. Советское правительство отправило в Англию комиссию вести переговоры о закупках оборудования ещё на 1 млн ф. ст.

«Когда цифры пятилетки, или пятилетнего плана, впервые появились и были саркастически упомянуты в прессе Запада, масштабы её казались такими изумительными, что сложилось общее мнение о них как об утопии, рождённой сумасшедшим, или о гигантском пропагандистском трюке... Но зимой 1930 г. стало ясно, что эти предварительные оценки пятилетнего плана нельзя считать разумными», – писал Морис Дobb¹.

Все перипетии англо-советских отношений на фоне реализации в СССР плановых заданий оказывали влияние и на Ульяновский округ, отражались в ульяновской печати. Воздействие на общественное мнение населения округа, конечно же, было лишено дискуссионности, свойственной английской печати. Но были и исключения. Так, в ячейке Госбанка при проработке пятилетнего плана «один беспартийный выступил с заявлением, что не следует увлекаться так сильно развитием тяжёлой индустрии, что пятилетний план проработан поверхностно, мотивируя это тем, что якобы Ульяновский окрплан не детально прорабатывал окружной план, а отсюда неточности и дальше». «Почему сейчас не хватает хлеба, а раньше хватало?» – спрашивал ульяновец на страницах окружной газеты. А некий «кандидат партии» заявил, что «нам живётся что при старом режиме, что при советской власти одинаково»². Но такие материалы были исключением. Да и вывод редакции был предсказуем: эти выступления – результат работы ульяновских оппозиционеров³.

Ульяновцев подробно информировали о международном положении, перепечатывая официальные выступления советских вождей, аналитические статьи и заметки местных авторов. С апреля 1929 г. в газете регулярно стали появляться материалы о пятилетнем плане и задачах жителей округа по выполнению его заданий.

При односторонней партийно-государственной трактовке тематически и содержательно публикуемые в ульяновской прессе материалы во многом совпадали с английской печатью. Это были темы, связанные с выполнением плановых заданий пятилетки, борьбой с кулачеством, политикой в отношении к верующим, вмешательством СССР во внутренние дела западных стран, их колоний и доминионов. «Пролетарский путь» – орган Ульяновского окружного комитета ВКП(б) – почти ежедневно печатал отчёты о ходе визита делегации деловых кругов Англии в 1929 г., о парламентских выборах в Англии, о дебатах в прессе и парламенте по вопросу восстановления дипотно-

¹ Dobb M. Soviet Russia and the World. – London, 1932, p. 10.

² Пролетарский путь, 02.02.1929; 14.02.1929.

³ Пролетарский путь, 08.06.1929.

шений. Много материалов было посвящено «разоблачению политики английского империализма в Индии, Китае, на Ближнем и Среднем Востоке». Сообщалось о действиях английских наймитов – басмаческих банд и белогвардейцев в Таджикистане. Содержались призывы к борьбе колоний и доминионов за независимость: «Революционная борьба бомбейских текстильщиков нашла живой отклик у трудящихся масс Мелекесса. По Мелекессу прокатилась волна митингов протеста. Их было более двух десятков с количеством участников около 2700 человек... Рабочие Мелекесса считают необходимым поголовно стать активными членами военных кружков и МОПРа (Международной организации помощи революции – Т. К.)»¹. Далее сообщалось об отчислениях из заработка (в разных пропорциях: полдневный, 1 % ежемесячно и т. д.) в поддержку борцов революции в Индии. Партийная организация завода № 3 (ныне АО Ульяновский патронный завод) также перечисляла деньги в поддержку национального движения в Индии.

Выполнение плановых заданий и решение одной из главных задач пятилетки – повышение производительности труда – при низкой технической оснащённости предприятий округа достигались за счёт массового вовлечения ульяновцев в социалистическое соревнование. Тагайский район вызывал на соревнование Поповский район и предлагал увеличить на 20 % посевные площади, занять 8 % (!) посевов сортовым зерном, организовать 20 колхозов, повысить урожайность на 6,6 %². Румянцевская суконная фабрика вызывала на соцсоревнование Игнатовскую, колхозы Тагаевского района соревновались с Языковской текстильной фабрикой им. Калинина и с Московским электrozаводом и т. п. Предприятия повышали производительность труда за счёт новых форм организации труда, например использования бригадного метода.

«Договор на хозяйственное соревнование крестьянства колхозов Тагаевского района с рабочими текстильной фабрики им. Калинина. Крестьянство и колхозы Тагаевского района дают торжественное обещание провести в жизнь следующие мероприятия по сельскому хозяйству: расширить посевную площадь на 5,8 %. Поднять урожайность текущего года на 6,5 %. Отсортировать семенной посевной материал на 100 %, то есть 126 тыс. пудов. Произвести протравление семенного материала в количестве 63 тыс. пудов. Засеять чистосортными семенами 4 тыс. гектар. Перейти на многополье на 11 тыс. га. Провести рядовые посеы на 6 тыс. га. Организовать 20 новых колхозов. Оказать практическую помощь бедноте тягловой силой на площади 2822 га... Организовать два укрупнённых колхоза площадью не менее 1000 га каждый! Мы, рабочие фабрики им. М. И. Калинина, ставим себе задачу... выполнить установленное снижение себестоимости на 7 % с превышением... Поднятие производительности труда до

¹ Пролетарский путь, 22.05.1919.

² Пролетарский путь, 26.03.1929; 28.03.1929.

17 %. Укрепить труддисциплину, окончательно ликвидировать самовольные прогулы, повести решительную борьбу с расхлябанностью в работе, с небрежностью в обращении с сырьевым материалом и оборудованием... В наших подшефных сёлах укрепить сельское хозяйство, организовать колхозы и своевременно выполнять хозяйственно-политические кампании»¹.

В сельскохозяйственном регионе на первое место вышла задача плановой сдачи хлеба государству. Повышение сбора зерна и выполнение плана хлебозаготовок достигалось разными способами.

Очень активно проводится кампания по плановым хлебозаготовкам. Обсуждают план хлебозаготовок и одобряют изъятие излишков у кулаков. Поднимался также вопрос о восстановлении довоенных посевных площадей. В 1928 г. площадь посевов составляла 87 % от довоенной.

В марте 1929 г. 40 % или 62 тыс. крестьянских хозяйств были безлошадными. На приобретение семян, техники, тяглового скота было выделено 405 тыс. руб. государственных кредитов. Из них колхозам досталось 300 тыс. руб., единоличникам – 105 тыс. руб. – сумма, достаточная для покупки всего 500 лошадей. Поэтому было решено создавать в колхозах и совхозах некое подобие МТС – конские отряды. Кулаки-единоличники, просто зажиточные хозяева должны были принудительно сдавать в эти отряды излишки тягловой силы². При обсуждении вопроса о сдаче хлеба государству всплывает предложение об изъятии излишков у кулаков как способ его решения. Примечательно, что хлебозаготовки в основном проводили бедняки-активисты. Хлеб был не просто средством питания, но становился и своеобразной валютой в экспортно-импортных операциях. По хлебозаготовкам также проводилось соцсоревнование, организовывались демонстрации сдавших излишки хлеба. На кулацкие и зажиточные хозяйства налагался повышенный сельхозналог, который взимался по прогрессивной шкале. За неуплату сельхозналога кулаков осуждали по 61-й статье УК (штрафы, лишение свободы, высылка по отбытию наказания из пределов области с конфискацией имущества). К кулакам приравнивались попы и торговцы. С осени 1929 г. к ним стали применять меры массового воздействия (репрессии). Бедняцкие и середняцкие хозяйства освобождались от налога на два года. Для повышения урожайности руководство поставило задачу оснащения сельского хозяйства техникой. В 1928 г. было завезено машин на 14 млн рублей, а в 1929 г. наметили закупить уже на 30 млн рублей³. Колхозы получали кредиты на закупку техники и семян. Следует подчеркнуть, что Англия была крупным, а с 1931 г. – самым крупным потребителем советского зерна.

¹ Пролетарский путь, 11.05.1929.

² Пролетарский путь, 26.03.1929.

³ Пролетарский путь, 03.02.1929.

Сколько-нибудь заметных строек пятилетки в округе не было. В основном ульяновцы принимали участие в индустриализации посредством хлебозаготовок и массовой подписки на заёмы. От выполнения плана по заёму зависело выделение госкредитов.

Местные газеты пестрели заголовками вроде этого: «Категорически предложить считать работу по реализации 3-го заёма индустриализации такой же боевой работой, как и хлебозаготовки».

Сборы с населения были значительными и составляли за год до 125 % месячного заработка рабочего. По размерам заёма тоже велось социалистическое соревнование. Соревновались по заёму даже инвалиды Ульяновска и Бугульмы. Контрольные цифры заёма развёрстывались и между крестьянами под лозунгом: «Ни одного крестьянского двора без облигации!» Кроме заёма рабочие организовали всесоюзный «сбор рабочих гривенников на пятилетку».

Формой борьбы с врагами пролетариев и крестьян стала антирелигиозная пропаганда и деятельность Союза воинствующих безбожников. На II областном съезде союза отмечался рост верующих в Средневолжской области с 36 123 чел. в 1927 г. до 36 805 чел. в 1928 г. Поэтому было принято решение издавать газету «Безбожник»¹, были открыты окружные антирелигиозный университет и музей. Повсеместно, особенно на селе, где позиции церкви были сильны, создавались ячейки Союза безбожников.

Обучение в них шло по «Крестьянскому антирелигиозному учебнику». В округе шёл массовый сбор средств с членов Союза безбожников на самолёты «Безбожник» (два самолёта Р-1 с таким наименованием были вручены ВВС в июне 1929 г.). У монастырских хозяйств отбирали земли и технику. В Англии же 19.12.1929 в Альберт-холле был организован митинг в защиту преследуемых в СССР братьев по вере².

Развернулась работа по вовлечению крестьян в колхозы. К октябрю 1929 г. в округе было уже 637 колхозов вместо 523 по плану. Создавались животноводческие товарищества. Из штрафов за невыполнение хлебозаготовок и из прибылей сельскохозяйственных организаций создавались фонды, из которых выделялись долгосрочные ссуды на поддержку колхозных хозяйств.

Со второй половины XIX в. Россия активно реализовывала опыт в основном английской потребительской, производственной, сельскохозяйственной, промысловой кооперации. В конце 1920-х гг. кооперация сохраняла своё хозяйственное значение, что было заметно в Ульяновском округе. Ульяновский окрисполком постоянно настаивал на расширении числа пайщиков и созда-

¹ Пролетарский путь, 01.10.1929.

² Daily Telegraph, 20.12.1929; Daily Herald, 20.12.1929.

нии новых кооперативных организаций, отмечал рост кооперации в городе и на селе.

В ходе дискуссии о кооперации в СССР в конце 1920-х гг. кооперативные работники указывали на вред тотального вмешательства государства в деятельность кооперации. Однако в реальной практике всё было наоборот. Общая динамика развития кооперации сводилась к полному огосударствлению кооперации, начало которому было дано в период первой пятилетки. Уже в первый год пятилетки центральная и местная печать особо подчёркивали соблюдение классового принципа кооперации как способа организации беднейших масс и призывали ко включению кооператоров в плановое строительство. «Советская кооперация служит классовым интересам трудящихся масс, строящих социализм, является одним из сильнейших орудий классовой борьбы с капиталистическими элементами», – писала в редакционной статье газета «Пролетарский путь»¹. Кооперация противопоставлялась частной торговле и частной промышленности. Отмечалось, что кооператоры должны включаться в социалистическое соревнование. Шёл сбор средств на самолёт «Кооперированный кустарь». В то же время в годы первой пятилетки расширялись внешние торговые связи советской кооперации. На первом месте по размерам оборотов была английская кооперация². Советские кооператоры закупали английские моторы, турбины, генераторы постоянного тока фирмы Metropolitan Vickers, нефтяные двигатели.

Применение новой техники требовало подготовленных кадров. В Ульяновском округе в 1929 г. были открыты рабфак, школы фабрично-заводского ученичества, в сельских районах организовывали крестьянские курсы. Вот довольно типичный пример.

Курсы рассчитаны на 4 месяца. Из 240 часов рабочего времени 64 отведено для общественно-воспитательной работы, 24 часа – кооперации, 88 часов – сельскому хозяйству и вопросам коллективизации и 69 часов – общеобразовательным дисциплинам.

Но уровень подготовки был низким, что постоянно отмечалось в местной прессе. Удручающий уровень компетентности специалистов отметил английский инженер, работавший в СССР: «Конечной целью пятилетнего плана было достижение разрушения капиталистического мира путём экономической войны. Это становилось понятным любому участнику реализации этого плана, но оказалось, что у этих коммунистов просто не хватает мозгов для выполнения той гигантской задачи, за которую они взялись»³.

¹ Пролетарский путь, 06.07.1929.

² Пролетарский путь, 06.07.1929.

³ Westgarth John R. Russian Engineer. – London, 1934.

Первая советская пятилетка на практике демонстрировала достоинства и недостатки планового регулирования в период мирового экономического кризиса. Жёсткими государственными усилиями она изменяла аграрный облик СССР. Это не могло не сказаться на общественном мнении и политике ведущих государств мира по отношению к Стране Советов. Ульяновский округ не был активно вовлечён в масштабные проекты. Он был глубокой провинцией со свойственным большинству населения провинциальным мышлением, мелкими хозяйственными заботами, малыми экономическими возможностями. Но малая частица большой страны втягивалась в общие процессы. Менялся образ жизни. Менялось сознание людей. Формировалось новое отношение ко внутренним и внешним процессам. Внедряемая модель социализма была очень логичной и монолитной: единая партия, единая идеология, обобществлённая собственность, твёрдые плановые задания, спланированное в своей бедности (на данном этапе) общество, вооружаемое мессианскими идеями распространения «лучшей в мире политической и экономической системы» на весь мир. На материалах СМИ видна инструментальная модификация строительства нового общества, в частности то, как на первое место выходила задача учёбы по плану, работы по плану, выполнения и перевыполнения плана. Планирование становилось квинтэссенцией советского социализма.

Невидимая революция в аграрной политике постсоветской России

Светлана Барсукова (Россия)¹

Пожалуй, никогда прежде за весь постсоветский период аграрная политика не привлекала столько внимания. Встав на путь импортозамещения, Россия взялась за решение сложной задачи – обеспечить население страны преимущественно отечественным продовольствием. Однако аграрный сектор – весьма инерционный сегмент экономики. И успехи в нём являются результатом долговременных поступательных усилий. Насколько последовательны эти усилия? Не получается ли так, что прежние усилия перечёркиваются последующими шагами?

Аграрная политика в советский период носила характер, который кажется абсурдным с экономической точки зрения: центр выделял ресурсы независимо от результатов деятельности, убытки совхозов и колхозов регулярно списывались, а централизованное изъятие сельскохозяйственной продукции лишало стимулов развития. В результате аграрный сектор демонстрировал низкую эффективность и рекордно малую производительность труда. Однако такая модель была единственно возможной в рамках социалистической экономической доктрины, суть которой состояла в готовности жертвовать экономической эффективностью во имя социального прогресса, понимаемого как равенство. Извращённая экономическая политика в аграрном секторе позволяла удерживать низкие цены на продовольствие и гарантировать рабочие места для сельского населения, что являлось предметом гордости и победным аргументом в годы холодной войны. То есть во главу угла аграрной политики была поставлена политическая целесообразность.

Смена политического курса, начавшаяся с перестройки М. Горбачёва и форсированная при Б. Ельцине, означала конец прежней аграрной политики. Либеральный проект начала 1990-х гг. требовал внедрения рыночных принципов в сельское хозяйство. Важнейшими элементами формирования рыночного сельского хозяйства стали приватизация сельскохозяйственных земель и создание фермерских хозяйств. И в этом проявлялась не только решимость, но и наивность реформаторов, их весьма схематичное представление о рынке.

¹ Барсукова Светлана Юрьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии департамента социологии факультета социальных наук ГУ ВШЭ, главный редактор журнала «Мир России. Социология. Этнология».

Приватизация земель мыслилась как необходимый элемент реформ, несмотря на то что зарубежный опыт свидетельствует о возможности развитого рыночного сельского хозяйства при отсутствии частной собственности на землю (пример Великобритании). В России приватизация земель, начавшаяся с принятого в 1990 г. закона РСФСР «О земельной реформе», привела к множеству проблем, не решённых по сей день. Первоначальный вариант приватизации предполагал создание *фонда перераспределения земель* (10 % земель колхозов и совхозов), из которого выделялись бы земли бывшим колхозникам, пожелавшим стать фермерами. Однако быстро выяснилось, что подавляющее большинство бывших колхозников не хотят или не способны стать фермерами. Тем самым сохранялась угроза возврата к социалистическим формам землевладения, что в принципе не рассматривалось либеральными реформаторами в качестве допустимого варианта.

Реагируя на эту угрозу, президент Б. Ельцин в конце 1991 г. подписывает указ № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», идея которого состояла в быстром, одномоментном разделе земли между новыми собственниками. Так был запущен сценарий авральной земельной приватизации. Межевание, постановка на учёт миллионов новых земельных участков были технически нереализуемы. Поэтому было принято решение о введении института *земельных долей*, оформляемых специальным свидетельством. Получение сертификата на землю, но не самой земли дало основание считать такой сценарий полуприватизацией¹. Забегая вперёд, скажем, что и по сей день около девяти миллионов земельных долей, занимающих примерно 90 млн га, не выделено в натуре и находится в общей долевой собственности², что приводит к массе проблем и путанице в землепользовании³.

Создание класса фермеров следует той же логике форсированной реализации наивных замыслов. Подавляющее большинство бывших колхозников не хотели быть фермерами, хозяйствовать на свой страх и риск, платить налоги. Они хотели оставаться наёмными работниками в сельскохозяйственном предприятии, работать по заданию и получать зарплату. Но при массовой пропаганде и насильственном упразднении колхозов и совхозов фермер-

¹ Виссер О., Мамонова Н., Споор М. Инвесторы, мегафермы и «пустующие» земли: крупные земельные сделки в России. // Земельная аккумуляция в начале XXI в.; под общ. ред. А. М. Никулина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012, с. 77.

² Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения РФ в 2014 г. URL: http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show/34347.133.htm (дата обращения: 04.08.2019).

³ Фадеева О. Земельный вопрос на селе: наступит ли момент истины? // Экономическая социология, т. 10, 2009, № 5, с. 50-71.

ство стало набирать обороты. Однако быстро выяснилось, что фермеры не способны сохранить объёмы товарного производства продовольствия, которые раньше обеспечивали колхозы и совхозы. Доля фермеров в продукции сельского хозяйства, стартовав в 1992 г. с 1,1 %, достигла к 2000 г. лишь 3,2 %¹.

Миф об эффективном собственнике, который появится автоматически при условии наделения землёй и рыночными свободами, апеллировал к опыту личных подсобных хозяйств (ЛПХ) советских сельских жителей. К моменту развала СССР, в 1990 г., четверть сельскохозяйственной продукции создавалась в ЛПХ. Идеологи перестройки превозносили успехи ЛПХ как свидетельством победы частной инициативы и свободного труда над собой. Принципиальная ошибка таких рассуждений состояла в непонимании *симбиотической природы* общественных и личных хозяйств в СССР. Ресурсы, централизованно выделяемые колхозам и совхозам, перетекали в ЛПХ и обеспечивали их развитие². Лишившись донора в лице общественных хозяйств, личные хозяйства граждан перестали быть примером экономического чуда. Фермеры массово разорялись или сводили деятельность к самообеспечению своей семьи. Товарность их хозяйств была существенно ниже, чем у сельскохозяйственных организаций. Началось катастрофическое падение аграрного производства: в 2000 г. объём продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах составил 62,8 % к уровню 1990 г. Численность крупного рогатого скота за 1990 – 2000 гг. сократилась с 57 до 27,5 млн голов (для сравнения: в 1942 г. было 18,8 млн голов КРС)³.

Регресс аграрного производства компенсировался импортом продовольствия, который был практически беспрошльным и бесквотным. В 1990-е гг. Россия стала первым экспортным рынком мяса для США. В 1997 г. импорт продовольствия в Россию достиг 13,3 млрд долларов, что более чем в восемь раз превышало продовольственный экспорт страны (1,6 млрд долларов). В общей структуре импорта РФ продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё составили 25,1 %, а в структуре экспорта – 1,9 %⁴.

Таким образом, аграрная реформа 1990-х гг., риторически связанная с экономической целесообразностью, являлась данью политическому замыслу реформаторов, пытавшихся любой ценой реализовать либеральный проект.

¹ Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2015, с. 393. URL: http://www.gk-s.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf (дата обращения: 04.08.2019).

² Никулин А. М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз. // Куда идёт Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика; под ред. Т. И. Заславской. – М.: Дело, 1998, с. 218-229.

³ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2015, с. 92. URL: http://www.gk-s.ru/free_doc/doc_2015/selhoz15.pdf (дата обращения: 04.08.2019).

⁴ Российский статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2003, с. 638, 639. URL: http://www.gk-s.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm (дата обращения: 04.08.2019).

Рывок в рынок стал трагедией для сельского хозяйства России¹. Не случайно в народе реформаторов называли большевиками наоборот, подчёркивая одержимость идеями в ущерб здравому смыслу. По иронии судьбы борьба с социализмом продолжила советскую логику принесения экономики в жертву политическому проекту.

Продукция сельского хозяйства России по категориям хозяйств
и по отдельным продуктам в 1990 – 2014 гг.

	1990	2000	2010	2014
Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств, в %				
Сельскохозяйственные организации	73,7	45,2	44,5	49,5
Личные подсобные хозяйства	26,3	51,6	48,3	40,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства	–	3,2	7,2	10
Производство основных аграрных продуктов				
Производство мяса скота и птицы (тыс. т)	10111,6	4445,8	7166,8	9070,3
Производство молока (тыс. т)	55715,3	32259	31847,3	30790,9
Валовый сбор зерна (млн т)	116,7	65,5	61	105,3

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015. Стат. сб. – Росстат – М., 2015. с.52, 80, 97.

Разочарование итогами самоорганизации рынка, растущая зависимость от импорта продовольствия и деградация сельского хозяйства вызвали усиление государственного регулирования в 2000-е гг. Политика В. Путина, поддерживаемая населением, уставшим от потрясений 1990-х, сводилась к постепенному усилению роли государства в экономике как способу навести порядок в стране.

Это вызвало корректировку аграрной политики, важнейшими элементами чего явились введение таможенных квот на импорт продовольствия и приоритетный национальный проект «Развитие АПК» (2006 – 2007 гг.).

Внимание государства к сельскому хозяйству в 2000-е гг. начинает расти по двум причинам. Первая: опека сельского хозяйства приносила власти политические дивиденды, демонстрируя её народный характер и стремление вернуться к истокам в духе национал-консервативных ценностей. Вторая причина: обрушение курса рубля в ходе дефолта 1998 г. Значимость этого события для сельского хозяйства трудно переоценить. В результате дефолта резко подорожало импортное продовольствие, что создало стимулы для инвестиций в отечественное сельское хозяйство. Соответственно, возросла активность аграрного

¹ Нефёдова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003; Абалкин Л. И. Аграрная трагедия России. // Вопросы экономики, 2009, № 9, с. 4-14.

лобби, ратующего за защиту продовольственного рынка от импорта. Но эффект дефолта постепенно сходил на нет, и нужно было изыскивать административные возможности для защиты своих инвестиций.

Однако власть продолжала по инерции фрагментарно реализовывать либеральный проект, в частности вела борьбу за членство в ВТО. (Напомню, что в 2006 г. удалось договориться по этому вопросу с США.) Сложилось противостояние двух сил: аграрного лобби, ратующего за протекционистские меры и поддерживаемого Минсельхозом, и либерально настроенного экономического блока правительства в лице Минэкономразвития и Минфина. Одни апеллировали к патриотизму и самообеспечению продовольствием, другие – к идее свободного рынка и международному разделению труда.

Победой аграрного лобби можно считать введение тарифных квот на импорт ряда продовольственных товаров. Так, впервые в новейшей истории России в 2003 г. вводятся тарифные квоты на импорт мяса из стран дальнего зарубежья в противовес прежней политике открытых дверей, на мясо птицы вводится абсолютное квотирование (ввоз сверх квоты запрещён). Однако, держа курс на ВТО, Россия взяла на себя обязательства в течение 2003 – 2008 гг. ежегодно увеличивать тарифные квоты на мясо и снижать сверхквотные тарифы, а на мясо птицы с 2006 г. перейти на тарифные квоты. Что и было сделано.

Импорт мяса был организован по страновому принципу, что означало жёсткую фиксацию объёмов квотированного импорта между странами-экспортёрами. Импортёры боролись за отмену страновой составляющей квот, чтобы покупать там, где дешевле, а не там, где положено. Отмена странового принципа могла бы снизить рыночные цены на продовольствие. Однако под грифом политической необходимости власти сохраняли страновую развёрстку квот, давая понять, что разделение квот между странами – это не только вопрос наполнения рынка и формирования цены, но и политических отношений с той или иной страной.

Тренд на увеличение тарифных квот на мясо был сломлен в 2009 г., что связано с реализацией национального проекта «Развитие АПК» (2006 – 2007 гг.), имевшего животноводческую направленность. Кроме собственно экономического смысла, проект имел явную политическую составляющую. Приблизившиеся выборы в Государственную думу и смена президента (готовилось возвращение В. Путина) диктовали тактику подтягивания тылов, т. е. относительного улучшения в самых неблагоприятных экономических сферах, непосредственно связанных со значительной частью электората. В этом ряду сельское хозяйство играло особую роль.

На национальный проект «Развитие АПК» из государственного бюджета первоначально выделялось 35 млрд руб., затем сумма поднялась до 47 млрд руб. плюс софинансирование со стороны региональных бюджетов. Проект носил рыночный характер: в его рамках не было предусмотрено каких-либо дотаций, безвозмездных траншей аграриям. Главным инструментом под-

держки сельского хозяйства объявлялось субсидированное кредитование. Это означало, что аграрии могут брать кредиты в любом коммерческом банке страны, а затем получать от государства частичное возмещение выплаченных банку процентов. То есть деньги, выделяемые по нацпроекту, уходили в значительной мере в финансовый сектор, а аграрии получали доступ к дешёвым кредитам. Кредит, взятый под 14 % годовых, обходился аграриям в 3 – 4 %. Фермеры и ЛПХ имели возможность воспользоваться субсидированными кредитами при любой продуктовой специализации, а сельхозорганизации получали такие кредиты только на строительство и модернизацию животноводческих комплексов. Последнее обстоятельство многое говорит о характере реформ. Экономическая целесообразность поддержки ЛПХ была крайне сомнительна. Это была мера более социального, нежели экономического характера. Либерально настроенные экономисты активно выступали против поддержки ЛПХ, считая, что надо сконцентрироваться на передовых формах хозяйствования, не размазывать помощь на всех. Однако внутренняя политика страны всё явственнее разворачивалась в сторону национал-консерватизма, патернализма в отношении к населению, фольклоризации идеологии. Бабушка с коровой стала объектом государственной поддержки, что визуализировалось в рекламном ролике молочного бренда «Домик в деревне».

Поддержка животноводства также была симптоматична. Альтернативной идеей выступала поддержка растениеводства, куда входили самые перспективные с точки зрения экспорта отрасли – производство зерна, сои, масличных культур. Россия вышла на мировой зерновой рынок в 2002 г. и год от года наращивала там своё присутствие. Экспортёры зерна надеялись стать фаворитами аграрной политики государства, предъявляя в качестве оснований свои безусловные достижения. Однако в рамках нацпроекта они не получили ничего. Безусловную победу одержало лобби животноводов, акцентировавших на угрозе зависимости страны от импорта.

И последний урок, преподанный нацпроектом, состоял в победе бюрократии, патронировавшей рынок, что укладывалось в общий вектор российских перемен. Крупные субсидированные кредиты выдавались только при поддержке региональной администрации, которая удостоверяла целесообразность проекта для развития экономики региона. При недостаточности залога региональные власти выступали гарантами перед банками за счёт созданных ими гарантийных фондов. Остальные заёмщики, не поддержанные региональной властью, могли получить кредит в банке на общих основаниях, т. е. без субсидирования процентной ставки. Близость к власти стала основным фактором экономических возможностей.

В это трудно поверить, но на сайте Минсельхоза еженедельно, как сводки с фронта, обновлялись рейтинги регионов по успешности реализации нацпроекта. Часто в лидерах оказывалась Якутия, где олени спасали статистику. Завершение проекта было обрамлено победными релициями: все кон-

трольно-целевые показатели оказались выполнены, а абсолютное большинство – перевыполнено. Перевыполненными были бумажные показатели типа числа созданных кооперативов, которые после завершения нацпроекта благополучно самораспустились. Но при всей гротесковой схожести с советскими отчётами нацпроект «Развитие АПК» имел реальное весомое значение: в животноводстве стартовали многочисленные инвестиционные проекты. Бизнес стал всерьёз задумываться о том, чтобы рассматривать сельское хозяйство как прибыльный бизнес. За период 2005 – 2010 гг. инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве возросли почти в три раза (с 79 до 202 млрд руб. в фактических ценах)¹. Как результат, за этот период производство скота и птицы в убойном весе выросло почти в полтора раза (с 5 до 7,2 млн т). Но глубина падения была такой, что уровня 1990 г. (10,1 млн т в убойном весе) не удалось достичь по сей день². Правда, не веря, что поддержка животноводства – это всерьёз и надолго, бизнес играл с государством только на коротком плече, предпочитая быстро окупаемые проекты. Инвесторы занялись исключительно скороспелым мясом – курятиной и свининой, где срок окупаемости позволял вписаться в политическую конъюнктуру, и крайне осторожно шли в производство говядины. В результате за 2005 – 2010 гг. доля импорта в товарных ресурсах российского рынка сократилась по мясу птицы с 47 % до 18 %³.

Успехи аграрной экономики и усиление крена в сторону национал-консервативного проекта подготовили почву для подписания президентом Д. Медведевым в 2010 г. доктрины продовольственной безопасности⁴.

Чтобы оценить значимость этого шага, нужно вспомнить историю вопроса. Ещё в 1990-е гг. коммунистическая оппозиция неоднократно выступала за принятие подобного федерального закона. Однако даже достаточно левая по составу Государственная дума не приняла предложение коммунистов в силу неоднозначности базового понятия. Либеральная трактовка, восходящая к резолюциям ФАО (Food Agricultural Organization) и международным традициям, ассоциировала безопасность с *доступностью продовольствия* для населения в количестве и качестве, необходимом для активного и здорового образа жизни. Такой подход акцентировал ценовую доступность импортного продовольствия и аргументировался заботой о потребителях, что соответствовало интересам импортёров и местных чиновников, напуганных перспек-

¹ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. – С. 38.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 117.

⁴ Указ президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 1 февраля 2010 г. URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752 (дата обращения: 04.08.2019).

тивной голодных бунтов. Эту позицию поддерживали эксперты международных организаций, консультировавшие российское правительство. Протекционистская политика, напротив, ассоциировала продовольственную безопасность с *самообеспечением*, с продовольственной *независимостью* страны. Это видение совпадало с интересами отечественных аграриев, призывавших увеличить государственную поддержку и защитить внутренний продовольственный рынок от импорта. Именно эту трактовку продвигали коммунисты. Государственная дума хорошо понимала, что даже если такой закон будет принят, на него наложит вето президент Б. Ельцин.

Приход В. Путина дал надежду политическим силам, именуя себя государственниками, провести закон о продовольственной безопасности. Однако эти попытки ничем не закончились: В. Путин в период первого хождения во власть склонялся к либеральному сценарию развития страны, хоть и с явным имперским уклоном, тогда как тема продовольственной безопасности была визитной карточкой коммунистической оппозиции. Но по мере улучшения ситуации в АПК и общего роста патриотизма населения привлечение внимания к продовольственному рынку стало приносить политические дивиденды правящей элите. Кроме того, готовясь уступить место В. Путину, Д. Медведев пытался расширить список важных дел, связанных с его правлением. Продовольственная безопасность обещала быть удачным слагаемым политического имиджа.

В итоге в январе 2010 г. указом президента Д. Медведева принимается доктрина продовольственной безопасности, имеющая не столько практическое, сколько символическое значение. Впервые на президентском уровне было артикулировано, что импорт основных продуктов питания угрожает национальной безопасности страны. Россия резко отклонилась от глобалистского дискурса, увязав продовольственную безопасность с независимостью от импорта, взяв курс на самообеспечение основными продуктами питания¹.

Согласно доктрине, к 2020 г. доля отечественного продовольствия в товарных ресурсах внутреннего рынка должна составлять: зерно – 95 %, сахар – 80 %, растительное масло – 80 %, мясо и мясопродукты – 85 %, молоко и молокопродукты – 90 %, рыбная продукция – 80 %, картофель – 95 %, соль пищевая – 85 %. Этим содержание доктрины не исчерпывалось, в ней говорилось о качестве продовольствия, о его физической и экономической доступности для населения. Но реальные следствия для аграрной политики имели именно контрольно-целевые показатели самообеспечения рынка.

Популяризация идей доктрины в общественном мнении была положена на простую схему: есть страны, которые экспортируют продовольствие, а есть страны-импортёры. Россия должна сойти с иглы импорта и в перспективе пе-

¹ Wegren S. Russia's Food Policies and Foreign Policy. // Demokratizatsiya: The Journal of Postsoviet Democratization, 2010, v. 18, № 3, p. 189-207.

рейти в разряд экспортёров. Подавляющее большинство россиян не знает, что мир не живёт по таким упрощённым схемам. Например, США, крупнейший экспортёр сельскохозяйственной продукции, является также крупнейшим импортёром продовольствия, причём по одним и тем же товарным позициям. Эксперты пытались объяснить необходимость измерения продовольственной независимости не как доли импорта в товарных ресурсах внутреннего рынка (что записано в доктрине), а как отношения объёмов производства к личному и производственному потреблению внутри страны, то есть с учётом экспортной составляющей. При таком подходе ситуация в России отнюдь не алармистская¹. Но эти рассуждения остались достоянием узкого круга специалистов. В общественном мнении прочно утвердилась простая схема: много импорта на полках магазинов – однозначно плохо.

Поскольку победить импорт продовольствия с помощью ценовой конкуренции было проблематично, тем более при сильном рубле, ограничение импорта достигалось непрозрачными мерами. Во-первых, развернулась пропаганда отечественных продуктов питания как экологически чистых, в отличие от грязных импортных, что накладывалось на общий рост патриотических настроений. Верить в то, что наше мясо лучше импортного, россиянам неизмеримо легче, чем верить в преимущества отечественных автомобилей или компьютеров. Во-вторых, заработал маховик защиты рынка на основе претензий к качеству импортных продуктов силами разнообразных ведомств – таможи, Роспотребнадзора, Россельхознадзора и др. Яркий пример подобной защиты рынка – запрет на импорт американской курятины с 1 января 2010 г. Формальный повод – запрет на обработку мяса хлором (что, кстати, практиковалось на советских птицефабриках). Пока в стране была нехватка отечественной курятины, с хлором мирились. Но в результате нацпроекта «Развитие АПК» резко выросли мощности российского птицепрома, и дешёвая американская курятина стала мешать. Восемь месяцев Россия держала оборону, пока американцы, исчерпав все меры давления, не поменяли технологию, отказавшись от хлора.

Старания оградить страну от некачественного импорта крепили при возникновении политической напряжённости со страной-экспортёром. Например, резкие высказывания польских политиков в адрес Российской Федерации повлекли за собой остановку импорта ряда продуктов из Польши по санитарно-эпидемиологическим основаниям. Разногласия с А. Лукашенко вылились в «молочные войны», когда сотни наименований молочных продуктов из Белоруссии запретили для ввоза в Россию. Связь между претензиями к качеству продуктов и политическим диалогом со страной-экспортёром официально отрицалась, но была столь очевидна, что даже обыватели понимали природу таких событий.

¹ Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки. // Вопросы экономики, 2015, № 5, с. 63-78.

На этом фоне и обывателям, и бизнесу казалось, что вопрос о вступлении России в ВТО снят с повестки дня. Эта уверенность окрепла, когда В. Путин оценил слабую интеграцию России в мировую экономику как спасение от мирового финансового кризиса 2008 – 2009 гг. В феврале 2009 г. на встрече с председателем Еврокомиссии Жозе Мануэлом Баррозу В. Путин сказал фразу, ставшую крылатой в России: «Мы со всей душой пытались вступить в ВТО, но, к счастью, вы нас туда не пустили». Аграрии, уверовавшие в долгосрочную протекционистскую защиту, перестали волноваться по этому поводу. Оказалось, что напрасно.

В 2012 г. маятник политических предпочтений Кремля вновь качнуло в либеральную сторону. Верховная власть форсирует переговоры по вступлению России в ВТО. И самыми активными противниками этого шага были представители аграрного сектора. (Пожалуй, только экспортёры зерна сохраняли спокойствие, поскольку их интересы не затрагивались членством в ВТО.) Аграрии доказывали, что обязательства, которые берёт на себя Россия, вступая в ВТО, несут угрозу продовольственной безопасности страны. Представители аграрного бизнеса формировали мнение об *альтернативности выбора*: либо ВТО, либо продовольственная безопасность России. И действительно, прежняя государственная программа развития сельского хозяйства на 2013 – 2020 гг., нацеленная на достижение контрольно-целевых показателей доктрины, была отправлена на доработку с учётом обязательств, которые принимала на себя Россия как член ВТО.

Спротивление, которое оказали аграрии, было серьёзным. Они видели угрозу в грядущем снижении импортных пошлин, в сокращении господдержки сельхозпроизводителей, в ограничении возможностей использовать отечественные фитосанитарные нормы для ограничения импорта продовольствия¹. Вступление в ВТО трактовалось как национальное предательство, которое приведёт к развалу отечественного аграрного бизнеса и ударит по здоровью нации. Публичный протест возглавили представители аграрного машиностроения, которые стали лидерами движения «Стоп-ВТО» (http://stop_vto.ru), создали аналитический центр «ВТО-Информ», отвечающий за *патриотическую экспертизу* последствий вступления в ВТО (http://wto_inform.ru), даже пытались вынести вопрос о присоединении к ВТО на всенародный референдум, в чём им было отказано ЦИКом. Эта группа брала на себя роль защитника экономических интересов страны, а не только своей отрасли.

Предельно упрощая ситуацию, можно утверждать: сторонники членства РФ в ВТО в своей аргументации не вспоминали про продовольственную безопасность, считая её досадным отклонением от либерального курса, а

¹ Барсукова С. Присоединение России к ВТО: неизбежные потери и возможные приобретения для агробизнеса. // Вопросы статистики, 2013, № 3, с. 76-81.

противники вступления в ВТО, наоборот, *акцентировали внимание на продовольственной безопасности*, которая ставилась под удар членством России в ВТО. И эта позиция находила отклик в народе: по данным ВЦИОМ, летом 2012 г. сторонников этого шага было немногим больше, чем противников – 30 % и 25 % соответственно. 10 лет назад, на пике либеральных настроений, больше половины населения (56 %) поддерживали присоединение к ВТО и только 17 % были против¹.

Впрочем, не все представители аграрного бизнеса примкнули к группе протестующих. Значительная часть аграрных бизнесменов выбрала стратегию кулуарных переговоров с властью по поводу конкретных условий, предусмотренных для той или иной отрасли. То есть многие аграрные бизнес-ассоциации предпочли отраслевой лоббизм, а не публичные атаки на членство в ВТО. Позиционируя себя как конструктивных критиков, они заняли позицию «протекционизм как принцип – плохо, но наш случай – исключение из правил». Однако власть жёстко и решительно пресекла отраслевой лоббизм аграриев, давая понять, что курс на международную интеграцию не подлежит обсуждению. Аграрии оказались в роли пешки, которой пожертвовали в сложной политической игре. Например, свиноводы, бывшие фавориты национального проекта «Развитие АПК», снискавшие лавры агродрайверов, были поставлены перед фактом: величина пошлины на импорт свиней в живом весе сократилась в 8 раз (с 40 % до 5 %), а импорт замороженной свинины в рамках квоты стал беспошлинным. Родилась шутка, что со свиноводами поступили по-свински. Это вызвало у аграриев вполне понятное ощущение, что их предали, поскольку экономическая политика последних лет явно благоволила к ним.

Резкий и неожиданный новый либеральный виток политики Кремля вызвал протест и у законодательной власти. Протокол о вступлении России в ВТО был ратифицирован только благодаря «Единой России», все остальные думские партии («Справедливая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации» и «Либерально-демократическая партия России») почти единогласно проголосовали против. В результате 18-летний марафон присоединения РФ к ВТО чуть было не закончился провалом: за – 238 голосов, против – 209.

Несмотря на протест аграрного лобби, в августе 2012 г. Россия вступает в ВТО. Тема и сам термин «продовольственная безопасность» становится символом оппозиции и полностью уходит из риторики официальных государственных лиц и провластных политических лидеров. Продовольственная без-

¹ Исследование ВЦИОМ: мнения россиян о Всемирной торговой организации (2012). // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916> (дата обращения: 04.08.2019).

опасность списывается в архив российской истории как очередной неудачный ляп политики Д. Медведева. Но ненадолго.

Импортозамещение как реинкарнация идеи продовольственной безопасности. События на Украине, присоединение Крыма к РФ обернулись экономическими и торговыми санкциями против России со стороны США и стран ЕС. В ответ российское правительство в августе 2014 г. ввело запрет на импорт ряда продовольственных товаров, провозгласив курс на *импортозамещение*. Продовольственная безопасность не просто вернулась в официальный дискурс, но стала центральным понятием внутренней политики России. Аграрии, интересы которых были попораны при вступлении в ВТО, получили шанс на моральную и материальную сатисфакцию. В очередной раз аграрная политика стала производной от политической ситуации.

Актуализация аграрной политики была связана с тремя обстоятельствами. Во-первых, значительное ослабление рубля стало финансовым барьером для импорта продовольствия, в том числе со стороны вполне дружественных для России стран. Во-вторых, сельское хозяйство относится к числу немногих отраслей, где у импортозамещения относительно неплохие шансы ввиду наличия ресурсов (пресная вода, плодородные земли и пр.) и малой эластичности спроса на продовольствие по доходам, то есть люди будут покупать продукты питания даже при снижении доходов в период наступающей рецессии. В-третьих, падение нефтяного рынка актуализировало поиск новой экспортной специализации России. Надежды возлагаются на аграрный сектор. И эти надежды не беспочвенны: экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья в структуре экспорта РФ вырос с 1,6 % в 2000 г. до 3,8 % в 2014 г., достигнув 19 млрд долларов, что превысило объём экспорта вооружения. Россия является нетто-экспортёром по пшенице, ячменю, кукурузе, маслу подсолнечному, рыбе и пр. За тот же период доля продовольствия и сельхозсырья в структуре импорта сократилась с 21,8 % до 13,9 %¹.

Импортозамещение на рынке продовольствия пользуется поддержкой значительной части населения. Около 70 % населения относится положительно к запрету на импорт продовольствия из США и стран ЕС². Это кажется парадоксальным, поскольку очевидными следствиями такой политики стали сокращение потребительского выбора, рост цен на продукты питания, снижение их качества. Падение качества обусловлено смещением производства вслед за спросом в нижний ценовой сегмент, а также попытками на прежней ресурсной базе произвести больше продуктов питания, чтобы компенсировать сокращение импортного продовольствия. Так, в результате нехватки молока около 70 % российских сыров содержат растительные жиры, что являет-

¹ Российский статистический ежегодник, 2015, с. 632, 633.

² Общественное мнение – 2015. – М.: Левада-центр, 2016, с. 241.

ся грубой фальсификацией. Роспотребнадзор регулярно выявляет подобные нарушения, однако реальные меры против этого не принимаются, поскольку власти понимают, что другого пути для импортозамещения в нынешней ситуации нет.

Поддержка населением курса на импортозамещение объясняется идеологическим климатом в стране. Провластные СМИ формируют образ единого сплочённого народа, готового на лишения во имя защиты национальных интересов, враждебное окружение имманентно является необходимым слагаемым такой картины мира. На вопрос, к чему стремятся страны Запада, вводя санкции против России, около 70 % россиян выбрало ответ «ослабить и унижить Россию»¹. Издержки, которые ложатся на потребителей, не обсуждаются, поскольку патриотизм подразумевает готовность к жертвам. Аграрное лобби удачно эксплуатирует патриотические настроения россиян, их протест против утери Россией роли великой державы. Это настроение можно назвать ностальгическим реваншизмом. Не случайно распространённым маркетинговым ходом для продвижения массовых продуктов питания в России стала их советизация – когда название, упаковка, реклама содержат отсылку к советскому прошлому.

Курс на форсированное импортозамещение в условиях жёстких бюджетных ограничений поставил государство перед выбором новых приоритетов аграрной политики. Не получив желаемых результатов от развития фермерства в 1990-е гг., российское государство сделало ставку на крупные и сверхкрупные компании, обещающие быстрый рост аграрного производства. Но аналогии с 1998 годом не работают. Тогда обрушение рубля случилось на фоне относительно высокой безработицы и низкой загруженности производственных мощностей, что вызвало позитивную реакцию бизнеса на дефолт. Сейчас в экономике ситуация иная. Нужны крупные инвестиции в сельское хозяйство для его форсированного роста.

Выбор был сделан в пользу гигантских агрохолдингов, которые воспроизводят модель совхозов, но в капиталистическом варианте российских латифундий, где гигантомания сочетается с корпоративной бюрократией и индустриальной дисциплиной. Возникнув на волне кризиса 1998 г., агрохолдинги очень быстро сконцентрировали огромные ресурсы: по данным сельскохозяйственной переписи 2006 г., 0,113 % сельскохозяйственных организаций контролировали 81,5 % посевных земель, владели 48 % крупного рогатого скота, 47 % свиней и 63 % птицы². Такая гигантомания объясняется спецификой институциональной среды. Слабая защита контрактного права породила стремление бизнеса быть максимально самодостаточным, что обуславливает колоссальные издержки управления, но дарит относительную независимость от недобросовест-

¹ Общественное мнение – 2015. – М.: Левада-центр, 2016, с. 241.

² Davydova I., Franks J. The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia's Agricultural Sector. // Mir Rossii, 2015, № 3, p. 133-159.

ных контрагентов и неэффективной арбитражной системы. Интеграция предприятий в горизонтальные и вертикальные структуры агробизнеса явилась компенсаторной реакцией на качество институциональной среды.

Чистая прибыль только трёх крупнейших агрохолдингов РФ за 2014 г. («Мираторг», «Черкизово», «Русагро») составила почти 50 млрд руб.¹ Государство нацелено на диалог с партнёрами такого масштаба, оказывая им существенную поддержку. Став фаворитами аграрной политики, агрохолдинги превратились в сильных и жёстких лоббистов, поскольку ситуация на продовольственных рынках крайне чувствительна к положению дел в этих структурах. Кроме того, бóльшая часть таких агрохолдингов сращена с муниципальными и региональными властями, что усиливает эффективность лоббизма. Государство стало заложником собственного выбора, взяв на себя роль локомотива, без которого поезд самостоятельно уже не едет. Не случайно агрохолдинги неформально называют олигархозами, что содержит отсылку и к олигархату, и к советским колхозам².

Если национальный проект «Развитие АПК» поддерживал фермеров, личные подсобные хозяйства и кооперативы, то сейчас об этом забыто. Фермеры вытеснены на периферию аграрной политики, несмотря на то что они дают 10 % валовой продукции сельского хозяйства. Власть утратила к ним интерес как к агентам экономического роста, сохраняя их как субъектов развития сельской местности, не допускающих опустынивания сельских территорий. Между тем в мире мы видим, что, несмотря на усиливающуюся специализацию производства и увеличение размера фермерского хозяйства, в структуре собственности в сельском хозяйстве США и стран ЕС сохраняется безоговорочное преобладание семейных фермерских хозяйств. В России же на 1 января 2016 г. осталось лишь 215 тысяч фермеров.

Наряду с фермерами забыты и личные подсобные хозяйства, дающие значительную долю аграрной продукции. Общим местом стала критика ЛПХ как архаичного явления, что статистически подтверждается их низкой продуктивностью. Однако по мере углубления экономического кризиса неизбежен рост такой активности как стратегии выживания. То есть государство и народ решают проблемы изолированно друг от друга. Массовая практика самообеспечения не имеет публичного языка и лоббистских структур, она скрывает свои масштабы, не ожидая ничего хорошего от внимания властей. Для того чтобы эта деятельность приобрела товарный характер, необходимы институциональные возможности для широкого участия населения в аграрном рынке

¹ Рассчитано по данным: http://milknew-S.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/krupneishie_agroholdingi_rossii.html?template=115

² Никулин А. Олигархоз как преемник постколхоза. // Экономическая социология, 2010, т. 11, № 1, с.17-34.

(кооперация, контрактация с крупным бизнесом и пр.). Однако многоукладную аграрную экономику возвращать долго и хлопотно. Государство идёт по пути не институционального строительства, а ручного управления процессами за счёт имеющихся бюджетных ресурсов.

Упущенное десятилетие, когда государство находилось в эйфории от высоких нефтяных цен, пытаются наверстать ударными стимулирующими мерами, ориентированными на крупный аграрный бизнес. Представители всех уровней власти хотят успеть отчитаться об успехах сельского хозяйства, страхуя себя от опасности снятия с должности. Потому в этой бюрократической логике их ставка на крупные инвестиционные проекты является единственно верной. Государство оттачивает умение договариваться с ограниченным кругом крупных игроков продовольственного рынка, вместо того чтобы создавать институты конкурентного пространства для массовых производителей.

Основная проблема аграрной политики в постсоветской России состояла в отсутствии единого долговременного плана развития. Изменение политического контекста, периодические колебания вектора реформ в континууме либерального и национал-консервативного проектов непосредственно отражались на аграрной политике, лишая её однонаправленной устойчивости.

Более того, прежние усилия перечёркивались последующими шагами. Так, массированная поддержка фермерства сменилась его игнорированием в пользу сверхкрупных агрохолдингов, а открытость продовольственного рынка сменилась протекционизмом, что обосновывается в терминах национальной безопасности страны. Изменения на международной арене, неустойчивость внутреннего политического курса, запросы электорального цикла отражались на аграрной политике, превращая её во флюгер на политическом ветряном пространстве страны.

Необходимо обеспечить устойчивость приоритетов и правил игры в аграрной сфере, вернуть аграрную политику в плоскость прагматизма, деполитизировать её. Важно решиться на долгое институциональное строительство многоукладной аграрной экономики, отказавшись от иллюзий быстрого роста на базе ограниченного числа гигантов, становящихся агрессивными лоббистами и бездонными реципиентами государственной помощи. Дальнейшее развитие агрохолдингов разумно ограничить теми отраслями, где возможно получение эффекта масштаба – в зерновом и масличном производстве, промышленном мясном скотоводстве, птицеводстве, свиноводстве, производстве сырья для биотоплива. Продукция агрохолдингов должна стать основой продовольственного экспорта страны, тогда как местные рынки в значительной степени могут заполняться продукцией фермеров и сельхозорганизаций малого и среднего размера. Поддержка фермеров должна иметь утилитарные основания в контексте разделения труда и относительных преимуществ в разных видах деятельности, что не отрицает фольклоризации этой темы, но не сводится к ней.

Необходимо укротить аграрных лоббистов, золотым веком для которых стала политика импортозамещения. Важно вспомнить уроки экономической истории: протекционизм бывает эффективным только в случае фокусирования на тех направлениях, где есть шансы на мировую конкурентоспособность при начальной протекционистской поддержке. Протекционизм не может быть всеобщим и вечным, а только избирательным и временным.

Вызванное кризисом сокращение реальных доходов населения должно стать поводом для реструктурирования государственной помощи аграриям. Нынешняя модель, когда львиная доля средств через механизм субсидированного кредитования достаётся финансовым структурам, нуждается в изменении.

Альтернативным и почти не используемым каналом помощи являются дотации потребителям на продукты питания как мера стимулирования спроса. При этом нужно скорректировать принципы социальной политики, перейдя от помощи в разрезе социальных групп (всем пенсионерам, всем многодетным семьям и пр.) к адресной, точечной помощи малоимущим семьям. Очевидно, что параллельно должна укрепляться налоговая дисциплина, без чего в малоимущие семьи попадут те, чьи доходы имеют теневую природу. Введение продовольственных карточек тормозится памятью о советских талонах нормированного обеспечения продовольствием. Необходимо через СМИ разрушить эту ассоциацию, популяризируя опыт развитых стран, успешно использующих разного рода инструменты дотирования бедных семей в приобретении продуктов питания.

Как член ВТО Россия приняла на себя довольно жёсткие ограничения на помощь аграриям. Соответственно, в перспективе в фокусе государственной помощи должны оказаться те меры, которые не относятся к искажающим рынок (меры «жёлтой корзины»).

Важно отказаться от дальнейшей эскалации патриотизма как ответа на «происки враждебных стран». Подобная картина мира основана на агрессивной политике СМН. Негативные последствия импортозамещения для потребителей пока не вызывают протеста в силу роста патриотических настроений. Но по мере углубления кризиса и падения реальных доходов исход «дуэли холодильника и телевизора» может измениться: реальные продукты окажутся важнее виртуальных. Эмоциональный перегрев может вызвать эффект маятника, когда прежняя поддержка власти сменится протестными настроениями, что чревато социальными катаклизмами. Уместно вспомнить, что большевики пришли к власти после исчерпания фазы патриотической экзальтации, связанной со вступлением страны в Первую мировую войну. За счёт эскалации патриотизма возможно совершить экономический манёвр, но нельзя использовать его как фундамент долговременной аграрной политики.

1917-1922 гг.:
РЕВОЛЮЦИЯ. КРИЗИС. ПРОВИНЦИЯ

Научное издание

отв. ред. Н. В. Липатова, С. А. Прокопенко

Союз краеведов Ульяновской области
АНО «ЦСИ Ульяновской области»
432000, Россия, г. Ульяновск, ул. Радищева, 116а.
Ответственный за выпуск – Липатова Н. В.
Корректорская правка – Кудряшов Ю. В.
Художественное оформление – Рогашова Е. А.
Отпечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 12.04.2019.
Тираж 500 экз. Заказ №